ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2006 Том 12

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 4

Главный редактор
Н.М. РАССАДИН

Редакционная коллегия:

О.П. Акаев, Н.Ф. Басов, П.Н. Белкин, А.М. Белов, С.К. Булдаков, Н.П. Гибало, И.А. Едошина, А.Г. Кирпичник (зам. главного редактора), **А.Н. Коврижных** (отв. секретарь), **В.П. Лебедев, Ю.В. Лебедев, В.Н. Маин, В.Л. Миловидов, М.И. Скаржинский, А.И. Субетто, А.И. Тимонин, Г.М. Травин, Н.П. Фетискин, В.В. Чекмарев, М.С. Шалумов**

Учредитель
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

4 **Пухов Н.М., Марков В.Н., Исаев П.П.**
Теоретические и экспериментальные основания релятивистской гравидинамики

11 **Дятлов В.В.**
Поливариантность структуры особей Quercus robur L. в условиях фитоценозов речных пойм некоторых районов Костромской области

15 **Сиротина М.В., Мурадова Л.В.**
Использование метода морфологических профилей при изучении популяции крупного рогатого скота костромской породы

17 **Смирнова Е.А.**
Биохимические показатели крови свиней крупной белой породы при введении в рацион гумата натрия

19 **Соколова Т.Л.**
Влияние антропогенного фактора на видовое разнообразие дождевых червей (Oligochaeta, Lumbricidae)

22 **Лаврова Н.В.**
Гаплоидная биотехнология в селекции озимой пшеницы

25 **Матвеева Г.С.**
Анализ среднесуточного прироста живой массы дочерей различных производителей и их кровности

27 **Трутнева Л.А., Акайзин Э.С.**
Содержание элементов в волосах у детей с гастродуоденальной патологией на фоне дисплазии соединительной ткани

29 **Певзнер А.А.**
Влияние внутренней динамики геологической среды населенных пунктов на строительные сооружения

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

32 **Чекмарева Л.М.**
Оптимизация объемов и распределения бюджетных средств в АПК региона

34 **Чекмарева Н.В.**
Методика подготовки и использования данных для анализа рисков инвестиционных проектов и применение ее при принятии инвестиционных решений

40 **Свиридов Н.Н., Мойсеенко Д.В.**
Корпоративное управление: сущность и модели развития

46 **Цукерман В.А., Березиков С.А.**
Технологическое развитие экономики регионов Севера в контексте перехода к устойчивому развитию (на примере Мурманской области)

51 **Цуриков А.В., Цуриков В.И.**
Человеческая лень как фактор экономии на трансакционных издержках

54 **Бройде Е.М.**
Инновационные процессы в российской экономике

56 **Колодий-Тяжов Л.А.**
Трудовой потенциал и организационные подходы к его управлению на промышленных предприятиях

58 **Летунов А.С., Травин Г.М.**
Влияние изменения климата на угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, опасных для технических систем

60 **Ковальский П.Г., Малышева О.В.**
Кластеры как организационная форма инновационного развития Костромского региона

65 **Родионова Е.А.**
Надежность персонала как составляющая надежности человеко-машинной системы

68 **Ситникова Е.А.**
Системный подход к формированию регионального овощного рынка

71 **Суравенкова Е.И.**
Факторы кредитоспособности

73 **Зыков А.А.**
Оценка состояния научно-технологического потенциала материальной базы строительства

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

77 **Аленин В.В., Базарова О.Л.**
К проблеме принуждения и ненасилия в образовательном процессе

80 **Ансимова Н.П.**
Изменение нормативного способа постановки учебной цели в зависимости от вида цели и ее места в классификации

84 **Афанасьев В.В.**
Общая методика диагностики и оценки качества обучения в вузе

89 **Бородатая М.Н., Кувалдина М.М.**
Развивающая образовательная среда как условие формирования познавательной мотивации

93 **Осипова И.И.**
Социальный аудит как средство повышения эффективности социального сопровождения несовершеннолетних групп риска

100 **Лебедева И.С.**
Становление гражданской позиции студента как педагогический феномен

ФИЛОЛОГИЯ

104 **Никулина Т.Е.**
Номинации со значением «воспитатель», «педагог» в истории русского языка: утраты и приобретения

107 **Ганцовская Н.С.**
Лексика материальной и духовной культуры в говорах Чухломского, Галичского и Солигаличского уездов Костромской губернии (по материалам «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева)

114 **Верба И.П.**
История создания «Материалов для словаря русского народного языка» А.Н. Островского

119 **Власов А.С.**
«…Но чудо есть чудо, и чудо есть Бог» (Об одном стихотворении Бориса Пастернака)

123 **Абдокова М.Б.**
Тема трагической женской судьбы в творческом наследии поэтов черкесского зарубежья

127 **Бабаян В.Н.**
Дискурс как сложный коммуникативный феномен

130 **Круглова Е.Н.**
Проблема образа автора в творчестве А.Ф. Писемского

ИСТОРИЯ

136 **Белянкина Н.А.**
Усадебное строительство Галичского уезда Костромской губернии кон. XVIII – пер. пол. XIX века

140 **Вакурова О.А.**
Общественно-организаторская деятельность интеллигенции по возрождению освобожденных районов в 1943–1945 гг.

142 **Каравашкин В.А.**
Каменное храмовое зодчество Нижегородской губернии XVIII века

146 **Шипилов А.Д.**
Основные направления деятельности Костромской губернской ученой архивной комиссии (1885–1917)

152 **Нугаева Г.А.**
Политика советских органов власти в модернизации стекольной промышленности

ФИЛОСОФИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

154 **Груздев В.В., Груздева М.Л.**
Явление и смысл вещей в онтологии и феноменологии

165 **Комаров С.В.**
Понятие явления у Канта: смысл и значение

175 **Стерледев Р.К.**
Концепция мироздания Д. Андреева

183 **Яковлев В.Ю.**
Мировоззренческие основания современного научного знания

187 **Веснин А.А.**
Хорошее плохое кино

190 **Николаева Д.С.**
Педагогическая мысль России XVIII века о воспитании гражданственности

195 **Щербакова Ю.П.**
Реклама как семиотическая система

200 **Каширина В.В.**
Своеобразие агиографических произведений Оптиной Пустыни

205 **Фалин В.В.**
Аксиологические аспекты оммуникационных процессов в современном обществе

209 **Костылев Е.Н.**
Человек между влечением и моралью

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

215 **Пластинина Е.А.**
История и перспективы развития института государственного заказа России

218 **Шайхутдинова Г.Р.**
Основные концепции гибкости в Европейском Союзе

226 **Асцатурова В.Е.**
Профессиональный долг в механизме взаимодействия морального и правового сознания сотрудников правоохранительных органов

229 **Горбунов Ю.С., Калганов А.М.**
Развитие законодательства как основа создания государственного механизма противодействия террористической угрозе

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА

235 **Дулин Ю.Н.**
Компетентность и содержание профессиональной подготовки менеджеров

244 **Суслова О.В.**
Формирование профессиональных коммуникативно-интерактивных умений у будущих переводчиков

247 **Секованов В.С.**
Формирование аналитико-синтетической деятельности студентов при обучении элементам фрактальной геометрии и теории хаоса

ЧТО. ГДЕ. КОГДА

255 **Ваулина Л.Н.**
Межкультурное взаимодействие: теория и практика

260 **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

«Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова» отражает основные результаты научной, педагогической, методической и воспитательной деятельности коллектива университета, а также публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Журнал включен в перечень периодических научных и научно-технических изданий, рекомендуемых ВАК РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Н.М. Пухов, В.Н. Марков, П.П. Исаев

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕЛЯТИВИСТСКОЙ ГРАВИДИНАМИКИ

Прембула. *Статья представляет обзор идей методологического и методического характера, касающихся начального этапа изучения основных теоретических и экспериментальных положений релятивистской гравидинамики. Содержание материала основывается на новейших открытиях современной астрофизики и космологии.*

В настоящее время становится необходимым изучать основы релятивистской гравидинамики на различных этапах образовательного процесса. При этом возникает множество педагогических затруднений, обусловленных особенностями изучаемого предмета. Настоящая статья представляет собой методический обзор идей, которые могли бы способствовать их разрешению. Предлагается в большой мере использовать физически содержательную методологию и эффективную эмпирическую верификацию определяющих положений современной релятивистской гравидинамики. В подкрепление своей позиции приведем мнение Стивена Вайнберга [1]. Он пишет: «В этой книге я основываю обсуждение общей теории относительности не на геометрии Римана, а на естественном физическом принципе, следующем из эксперимента, – принципе эквивалентности инерции и гравитации. Принцип эквивалентности является лучшим мостом, соединяющим релятивистскую теорию гравитации с современной теорией элементарных частиц. Если удовлетворительная квантовая теория гравитации будет развита в этом направлении, то это и будет наиболее убедительным подтверждением той точки зрения, что релятивистская гравидинамика может быть *понята* как ветвь современной квантово-релятивистской физики, а *не* как специальный раздел дифференциальной геометрии многообразий».

Каждая физическая концепция проходит ряд естественных этапов своего становления, развития и утверждения статуса как правильной физической теории. Для Эйнштейна и его теории гравитации период 1907–1915 годов был этапом больших неопределенностей, сложностей и трудных *эвристических* поисков правильного решения, который завершился построением теоретической модели релятивистской гравидинамики – общей теории относительности (ОТО). Уточняя эту модель, он попытался получить ряд следствий, которые бы могли представить эмпирические и теоретические ее подтверждения.

Прежде всего коснемся одного теоретического следствия, которое для общей теории относительности имеет принципиально важное значение. В данном случае речь идет о работах [2]. Статьи начинаются преамбулой: «В этой статье мы исследуем наиболее простой теоретический вопрос о том, в какой степени релятивистские уравнения гравитационного поля определяют законы движения весомых тел в заданном гравитационном поле». Нетривиальность этой задачи[1] заключается в том, что в принципе ниоткуда не следует, что эвристически сконструированные уравнения Эйнштейна релятивистской гравидинамики должны определять характер релятивистской динамики пробных частиц, взаимодействующих с заданным гравитационным полем. Эйнштейн и Инфельд в [2] показали, что правильные релятивистские динамические уравнения движения «весомых» тел имплицитно содержаться в уравнениях Эйнштейна релятивистской гравидинамики. Это сильная содержательно-методологической точка зрения. Следя за динамикой и кинематикой движения пробных частиц в заданном внешнем поле, можно получать информацию о структуре и свойствах самого гравитационного поля. Так поставленную задачу мы будем называть «обращенной задачей Эйнштейна».

Населим пространство-время (при наличии гравитационного поля) множеством пробных точечных частиц (с предельно малой массой). Эти частицы будут индикаторами гравитационного поля. Точки-события S_τ, связанные индикаторами гравитационного поля, объединим

© Н.М. Пухов, В.Н. Марков, П.П. Исаев, 2006

в особое (дифференцируемое 4-х мерное) многообразие $\{S_\tau\} \equiv \mathcal{M}_E$, которое называем многообразием Эйнштейна данной гравидинамической конфигурации. Многообразие $\mathcal{M}_E$ – это динамическое многообразие, оно изменяет свою структуру и геометрические формы с течением времени. Такая характеризация гравитационного поля делает естественным появление в ОТО геометродинамических факторов.

Мировые линии пробных точечных частиц в многообразиях (пространствах) Эйнштейна называют геодезическими, они отмечают «траектории» свободных падений этих частиц в гравитационном поле $\langle \vec{g} \rangle$. Семейство (множество) всех таких линий, соответствующих различным начальным условиям (для пробных индикаторов) почти что однозначно определяет кинематико-динамическую геометрию многообразий Эйнштейна $\mathcal{M}_E$.

Предположим, что для каждой точки-события $S_\tau \in \mathcal{M}_E$ нам известна структура «пучка» геодезических линий, проходящих через эту точку. Эта информация определяет геометрическую структуру многообразия $\mathcal{M}_E$ ($\langle \vec{g} \rangle$). Так возникает «обращенная задача Эйнштейна»: по знанию (заданности) геометрической структуры многообразия $\mathcal{M}_E$ восстановить структуру релятивистских уравнений гравитационного поля, соответствующего многообразию $\mathcal{M}_E$. Оказывается, что для каждой пары бесконечно близких и причинно связанных событий найдется единственная геодезическая, которая соединит эти события [3]. Система отсчета, которая свободно падает вдоль такой геодезической, называется локально-инерциальной системой отсчета (ЛИСО). Согласно принципа эквивалентности Эйнштейна в такой системе отсчета будут (локализовано) выполняться все положения специальной теории относительности. В такой ЛИСО можно определить ортонормированный лоренцевский базис и отнесенные к нему локально-лоренцевы (геодезические) координаты: $\xi = \langle \xi^0, \xi^1, \xi^2, \xi^3 \rangle$. В базисе интервал собственного времени пробной частицы, падающей вдоль геодезической $\gamma\,(S_\tau, S_{\tau+d\tau})$, определится релятивистски-инвариантной квадратичной формой:

$$(d\tau)^2 = \eta_{\alpha\beta} d\xi^\alpha d\xi^\beta, \qquad (1)$$

где использовано правило «немого индекса», а $\alpha, \beta = 0, 1, 2, 3$. В (1) $\hat{\eta} \equiv \| \eta_{\alpha\beta} \|$ – метрический тензор пространства Минковского

$$\hat{\eta} = diag\,[1, -1, -1, -1]. \qquad (1a)$$

Всю физическую ситуацию связанную с многообразием $\mathcal{M}_E$ можно описывать используя произвольную систему координат K^* и соответствующие (отнесенные к ней) координаты $\{x^\mu\}$. С учетом дифференцируемой структуры многообразия $\mathcal{M}_E$ для каждого события $S \in \mathcal{M}_E$ должно существовать взаимно однозначное и дифференцируемое соответствие

$$\{\xi^\alpha(S)\} \xleftrightarrow{\hat{H}} \{x^\mu(S)\}, \qquad (2)$$

причем такое, что существуют невырожденные матрицы частных производных

$$\hat{h}\,(S) \equiv \left\| \frac{\partial \xi^\alpha(S)}{\partial x^\mu(S)} \right\|, \quad \hat{h}^{-1}\,(S) \equiv \left\| \frac{\partial x^\mu(S)}{\partial \xi^\alpha(S)} \right\|. \qquad (2a)$$

Геометродинамические величины

$$\frac{\partial \xi^\alpha}{\partial x^\mu} \equiv h^\alpha_\mu \qquad (2б)$$

называют релятивистскими гравитационными тетрадами. Используя их можно естественным образом определить все геометродинамические величины ОТО и, в частности, метрический тензор $\hat{g} \equiv \| g_{\mu\nu} \|$ многообразий $\mathcal{M}_E$. Соответствие $\hat{h} \to \hat{g}$ вытекает из (2) и требования инвариантности величины $d\tau \equiv \sqrt{\eta_{\alpha\beta} d\xi^\alpha d\xi^\beta}$ (1).

Действительно, при преобразовании координат (2) имеем, что

$$d\xi^\alpha = \sum_{\mu=0}^{3} \frac{\partial \xi^\alpha}{\partial x^\mu} dx^\mu \equiv \frac{\partial \xi^\alpha}{\partial x^\mu} dx^\mu\,. \qquad (3)$$

Подставляя эти выражения для $d\xi^\alpha$ в (1), получаем

$$(d\tau)^2 = \eta_{\alpha\beta} d\xi^\alpha d\xi^\beta = g_{\mu\nu} dx^\mu dx^\nu\,, \qquad (3a)$$

где

$$g_{\mu\nu} \equiv \eta_{\alpha\beta} \frac{\partial \xi^\alpha}{\partial x^\mu} \frac{\partial \xi^\beta}{\partial x^\nu}\,. \qquad (3б)$$

Совокупность $\hat{g} \equiv \| g_{\mu\nu} \|$ величин $g_{\mu\nu}$ из (3*б*) образует тензорный объект по отношению к общекоординатным преобразованиям, обеспечивая ковариантность уравнений Эйнштейна по отношению к этим преобразованиям.

Требования локализованной *Lor*-инвариантности и общекоординатной ковариантности вкупе с локализованным действием релятивистского закона сохранения энергии-импульса (при некоторых других ограничивающих условиях) приводит к тому, что дифференциальные уравнения в частных производных (уравнения Эйн-

штейна), которым должны будут удовлетворять компоненты метрического тензора $\hat{g}$, определенные по отношению к произвольной системе отсчета K^* *должны* иметь следующий вид

$$G_{\mu\nu} = æ \cdot T_{\mu\nu}; \quad \mu, \nu = 0, 1, 2, 3, \qquad (4)$$

где $\hat{G} \equiv \| G_{\mu\nu} \|$ – тензор Эйнштейна гравитационного поля, а $\hat{T} \equiv \| T_{\mu\nu} \|$ – тензор энергии-импульса гравитирующей материи, которая является источником этого поля, $æ = \frac{8\pi\mathcal{G}}{c^4}$ – эйнштейновская гравитационная постоянная, $\mathcal{G}$ – гравитационная постоянная Ньютона.

Иногда в специальной литературе возникают дискуссии по поводу корректности вывода и точности уравнений (4). С педагогической точки зрения важно понимание физического смысла этих уравнений, а также того обстоятельства, насколько теория, представленная уравнениями (4), адекватна реальной физической действительности. В этом отношении теория Эйнштейна занимает ведущее положение среди множества других конкурирующих с ней теорий. На начальном этапе изучения релятивистской гравидинамики учащихся надо ознакомить с богатым и впечатляющим арсеналом наблюдаемых феноменов и эффектов гравидинамики. Эти эффекты не выдуманы были Эйнштейном, а они объективно существуют в физической реальности. Теория же Эйнштейна их *предсказывает, описывает* и *объясняет*.

Рассмотрим ряд экспериментальных фактов, которыми подтверждается (верифицируется) общая теория относительности. Релятивистская гравидинамика Эйнштейна является *работающей* теорией в такой же мере, в какой теория Максвелла функционирует в электродинамике. Важнейшим фундаментальным следствием релятивистской гравидинамики, представляемой уравнениями (4), является космологическая динамика нашей Вселенной. Достоверно установлено [4], что многообразие $\mathcal{M}_E$, рассматриваемое в масштабах космологической астрофизики, «дышит», геометрия Мира изменяется, приводя к космологическому эффекту разбегания галактик.

Другим глобальным космологическим следствием проявления и действия релятивистской гравидинамики является существование мирового низкотемпературного ($T_0 \cong 2{,}75K$) реликтового электромагнитного фонового излучения – своеобразного «эха» Большого Взрыва (нашей Вселенной). С открытием реликтового излучения пространственная изотропия Мира (во вселенских масштабах) получила сильное подтверждение. Потоки реликтовых фотонов к наблюдателю (в любом «месте» Вселенной) приходят

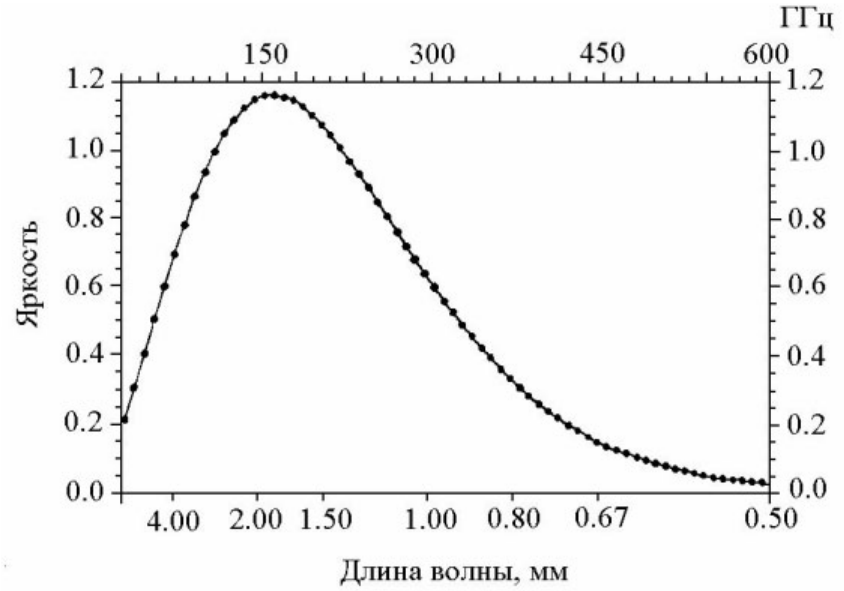

Рис. 1. Результаты измерений спектра космического микроволнового излучения (точки на рисунке), полученные при помощи спутника COBE, прекрасно совпадают с расчетной кривой (сплошная линия), полученной из теории Большого Взрыва

равномерно со всех сторон, подтверждено современной наблюдательной астрофизикой с точностью превышающей сотые доли процента. На рисунке 1 приведены результаты соответствующих экспериментальных наблюдений.

Реликтовое излучение, равномерно и изотропно наполняющее всею Вселенную служит особой – выделенной системой отсчета, своеобразным мировым фоном. Существование такой системы отсчета не нарушает справедливость принципа относительности механического движения. Изотропия фонового излучения с высокой степенью точности наблюдается только относительно системы центра масс Вселенной, которую мы обозначим символом K_μ. Если некоторый наблюдатель движется относительно K_μ с реляционной скоростью $\vec{V}_\mu$, то за счет эффекта Доплера возникает анизотропия наблюдаемого (регистрируемого) фона в системе отсчета наблюдателя. Пусть θ угол, образованный вектором скорости $\vec{V}_\mu$ и вектором $\vec{N}$, определяющим ориентацию оси радиотелескопа в пространстве. При условии, что $\left|\vec{V}_\mu\right| << c$ (где c – скорость света) и факта мировой изотропии реликтового излучения, в силу действия доплер-эффекта, эффективная температура спектра реликтового излучения, измеряемая для различных направлений, станет зависящей от угла θ и величины скорости $\vec{V}_\mu$ и определяется соотношением

$$T\,(V_\mu, \theta) = T_0\left[1-\left(\frac{V_\mu}{c}\right)Cos\theta\right], \qquad (5)$$

где $T_0 \cong 2{,}75\,K$ – истинная температура реликтового излучения.

Величина $T\,(V_\mu, \theta)$ определяется по смещению максимума спектрального распределения (рис. 1). Эффект движения относительно «мирового фона», описываемый формулой (5), в настоящее время удается промерить с точностью порядка 10%. Подобные измерения и наблюдения показывают, что Земля движется (относительно K_μ) в направлении созвездия Льва со скоростью порядка 400 км/с. Фоновая система отсчета K_μ позволяет оценить скорости движения и других объектов: нашей Галактики, местной группы ближайших галактик и т.д. В данном случае релятивистский гравидинамический эффект становится рабочим инструментом современной практической астрофизики.

В связи с обсуждаемой темой обратим внимание на еще одно экспериментальное открытие релятивистской гравидинамики. В 1998–1999 годах двум большим (международным) группам астрофизиков удалось обнаружить всемирное антитяготение и космический гравитационный вакуум. Эти исследования активно продолжаются и сейчас. Они опираются на изучение вспышек сверхновых, которые происходят в *очень* далеких от нас галактиках. Это обстоятельство позволяет экспериментальными средствами изучить расширение нашей Вселенной на ранних этапах ее развития. Главный смысл последнего открытия заключается в том, что в глобальной динамике Вселенной доминирующую роль играет гравитационный космический вакуум. Этот эффект в свое время предсказывался Эйнштейном. По плотности энергии (так называемая «темная энергия») космический вакуум превосходит все обычные формы материи вместе взятые. Четыре пятых всей энергии Вселенной составляет энергия космического вакуума! Космический вакуум создает антитяготение или антигравитацию [4], которая и управляет динамикой космологического расширения Вселенной в современную эпоху.

Рассмотрим ряд релятивистских гравидинамических эффектов, которые являются прямыми следствиями теории, описываемой и представляемой уравнениями (4), и которые следует рассматривать и обсуждать при первом знакомстве с релятивистской гравидинамикой. Одним из следствий теории Эйнштейна является эффект «красного» смещения – изменения частоты «света» прошедшего через точки с разностью гравитационного потенциала $\Delta\varphi$

$$z \equiv \frac{\nu_0 - \nu}{\nu_0} = \frac{\Delta\varphi}{c^2}, \qquad (6)$$

где $\Delta\nu = (\nu_0 - \nu)$ изменение частоты светового сигнала. Этот результат Эйнштейн получил в 1911 году, до того как он построил ОТО. Релятивистский гравидинамический эффект красного смещения впервые экспериментально был верифицирован Р. Паундом и Д. Ребкой в 1960 году. К настоящему времени выполнены более точные эксперименты, подтверждающие этот эффект.

В 1915 году, используя уравнение (4), Эйнштейн рассчитал релятивистские эффекты гравидинамики планет солнечной системы. Из них следовало, что в силу релятивистского нарушения условий теоремы Бертрана [5, с. 111], вектор Рунге-Ленца в релятивистской задаче Кеп-

лера должен будет поворачиваться (в плоскости орбиты) за один оборот на угол

$$\Delta\varphi = \frac{6\pi\mathcal{G}M}{c^2 a(1-e^2)}, \qquad (7)$$

где $\mathcal{G}$ – гравитационная постоянная Ньютона, M – масса Солнца, c – скорость света, a – большая полуось планеты, e – эксцентриситет ее орбиты. Этот эффект называют эффектом прецессии орбиты. Наблюдения за планетами и космическими кораблями подтверждают (7) с высокой степенью точности. Так измерения сдвига перигелия Меркурия, проведенные в 1975 году, дают величину прецессии $\Delta\varphi = 42''$ в столетие.

Релятивистская гравидинамика предсказывает существование еще одного необычного эффекта – искривление луча света в гравитационном поле. Если свет, идущий от далекой звезды, проходит очень близко около Солнца, то ее видимое положение не небесной сфере смещается на угол $\Delta\varphi$

$$\Delta\varphi = \frac{4\pi\mathcal{G}M}{c^2 b}, \qquad (8)$$

где M – масса Солнца, b – прицельный параметр луча света. Если в (8) параметр b равен радиусу Солнца, то в этом случае отклонение светового луча будет равно $\Delta\varphi_{\odot} \cong 1{,}75''$. К настоящему времени проведено наблюдение над более чем четырехстами звездами, находящимися за Солнцем в период его полного затмения. Формула (8) хорошо согласуется с данными наблюдений. Существуют и другие релятивистские гравидинамические эффекты, которые поддаются прямому наблюдению и измерению.

В период с 1973 по 1993 годы произошло резкое изменение статуса и «признанности» ОТО Эйнштейна. Это связано с астрофизическим открытием, которое было осуществлено Р. Халсом и Дж. Тейлором. За цикл соответствующих исследований им в 1994 году была присуждена Нобелевская премия [6]. Прежде чем рассматривать это открытие обсудим некоторые теоретические аспекты релятивистской гравидинамики, связанные с ним.

В релятивистской электродинамике имеется система уравнений

$$\Box\psi^{\mu} = 4\pi\frac{1}{c}j^{\mu}, \ \mu = 0, 1, 2, 3, \qquad (9)$$

которая описывает динамику изменения электромагнитного поля в зависимости от изменения распределения источников j^{μ} этого поля. В том случае, когда источники электромагнитного поля (т.е. электрические заряды) начинают двигаться с ускорением, появляются особые решения уравнений (9), которые имеют волновой характер – возникают электромагнитные волны.

Из теоретико-полевых соображений следует, что уравнения (4) также *должны* иметь решения в виде соответствующих гравитационных волн. К этому выводу можно прийти следующим образом. Рассмотрим слабые гравитационные поля, когда компоненты метрического тензора $\hat{g}$ имеют вид

$$g_{\mu\nu} \cong \eta_{\mu\nu} + \psi_{\mu\nu}, \qquad (10)$$

где $\eta_{\mu\nu}$ – компоненты метрического тензора пространства Минковского, а $\psi_{\mu\nu}$ – его гравитационные возмущения. Для слабых полей $|\psi_{\mu\nu}| << 1$, и уравнения (4) приводятся к виду

$$\Box\psi_{\mu\nu} = 4\pi\frac{1}{k}\tau_{\mu\nu}; \ \mu, \nu = 0, 1, 2, 3, \qquad (10a)$$

где $\Box$ – волновой оператор Даламбера в сигнатуре $\langle + - - - \rangle$, а $\hat{\tau} \equiv \| \tau_{\mu\nu} \|$ – модифицированный тензор энергии-импульса гравитирующей материи, определенный в приближении слабого гравитационного поля, $k \equiv \frac{c^4}{4\mathcal{G}}$ – релятивистская гравидинамическая постоянная.

Имеется полная формальная аналогия между уравнениями (9) и (10*a*) с одним существенным отличием. Энергия электромагнитного излучения определяется *дипольными* моментами в распределении электрических зарядов. В ОТО источники поля имеют тензорный характер (тензор $\| \tau_{\mu\nu} \|$), поэтому основной вклад в энергетику гравитационных волн вносят квадрупольные моменты распределения гравитирующей материи, которые определяются как

$$D_{\alpha\beta}(t) \equiv \int_{V'} \mu(x^1, x^2, x^3, t)\left[3x^{\alpha}x^{\beta} - \delta_{\alpha\beta}x^{\nu}x_{\nu}\right]dV', \qquad (11)$$

где $\mu(\vec{x}, t)$ – плотность распределения гравитирующей материи.

В общем случае вычислить величины $D_{\alpha\beta}$ из (11) и рассчитать всю энергетику гравитационного излучения весьма сложно. Однако существует простая модельная задача [7, с. 370], где эта проблема преодолевается и получается конкретный и вполне точный ответ. Такой является задача о гравидинамике двойной звездной системы, когда оба компаньона в ней обращаются по круговым орбитам вокруг их общего центра

масс. В этом случае величины $D_{\alpha\beta}$ явно и просто вычисляются. Вычисляется также скорость потери кинетической энергии вращающихся звезд. В описанном выше приближении и вследствие действия уравнений (10*a*) она будет изменяться по закону

$$\frac{dE}{dt} = -\frac{32\mathcal{G}}{5c^5} M^2 \omega^6 r^4, \qquad (12)$$

где $M = m_1 m_2 / (m_1 + m_2)$ – приведенная масса двойной системы, ω – угловая скорость орбитального вращения звезд, r – расстояние между центрами масс этих звезд. Энергию уносят гравитационные волны, которые генерируются описанной выше гравидинамической системой. В результате звезды приближаются друг к другу, увеличивая свою скорость орбитального вращения.

Из (12) и ньютоновской гравидинамики следует, что на сравнительно малом (по астрономическим масштабам) интервале времени в результате действия эффекта гравитационной радиации, вращение двойной системы будет происходить с постоянным угловым ускорением

$$\varepsilon \cong \beta \frac{\omega_0}{r_0^4} = Const, \qquad (13)$$

где ω_0 и r_0 – значения этих параметров, отнесенные к начальному моменту t_0 наблюдения за этой системой. В (13) константа β имеет следующее значение

$$\beta \equiv \frac{192\mathcal{G}^3 m_1 m_2 (m_1 + m_2)}{10c^5}, \qquad (13a)$$

где m_1 и m_2 – соответствующие массы компаньонов в рассматриваемой двойной звездной системе. Расчет этого равноускоренного вращения показывает, что не возмущенное вращение будет отставать по фазе от возмущенного гравитационной радиацией на величину равную

$$\Delta t\ (\tau) = -p \cdot \tau^2, \qquad (14)$$

где $\tau_t \equiv (t - t_0)$ – время наблюдения за системой, отсчитываемое от некоторого начального момента t_0, а p – параметр этой параболической зависимости, который в приближении круговых орбит оказывается равным

$$p = \frac{\beta}{r_0^4}. \qquad (14a)$$

Более точные вычисления с учетом эллиптичности звездных орбит и более высоких постньютоновских приближений релятивистской гравидинамики качественно дают тот же самый результат – в двойной звездной системе из-за диссипативного действия гравитационной радиации должен возникать накапливающийся эффект «фазового сдвига», описываемый уравнением (14). Следует подчеркнуть, что параболическая зависимость фазового сдвига из (14) от времени наблюдения за системой, излучающей гравитационные волны, является следствием квадрупольного механизма генерирования гравитационных волн, существование которого предсказывается *только* ОТО. Поэтому экспериментальное подтверждение закономерности (14) является *принципиальным тестом* на предмет выживания конкурирующих теорий.

В 1974 году в обсерватории Аресибо в Пуэрто-Рико Халсом и Дж. Тейлором зарегистрирован пульсар, который вел себя не стандартным (для пульсаров) образом, который из соображений удобства обозначим символом PX. Период пульсаций PX оказался очень коротким – всего $59 \cdot 10^{-3}$с, а все попытки измерить этот период с точностью порядка 1 мкс оказались безуспешными. Вскоре было выяснено, что период пульсаций изменяется с течением времени и изменяется вполне закономерно. Кроме того, эти изменения были периодическими с периодом $T_{орб} \cong 7{,}75$ часа. Из известных астрофизических законов отсюда следовало, что пульсар PX является «спектральной двойной с единственной спектральной линией». Обработка спектральной информации показала, что PX представляет собой связанную систему, состоящую из двух нейтронных звезд, одна из которых является короткопериодическим пульсаром. Эта система очень компактная. Ее размеры порядка радиуса Солнца.

Объект PX представляет собой идеальную природную лабораторию по наблюдению и верификации различных релятивистских гравитационных эффектов. Эти ожидания вскоре оправдались, поскольку было обнаружено, что орбита пульсара PX совершает прецессию с колоссальной скоростью $\Delta\varphi \cong 4{,}2\,\frac{град}{год}$. Вскоре после этого были разработаны релятивистские *тесты*, основанные на ОТО, которые позволили эффективно обработать наблюдательные данные, поступающие от системы PX и непротиворечивым образом определить характеристические параметры исследуемой системы.

Обратим внимание на то, что не наблюдательные данные применялись для обоснования ОТО, а наоборот, релятивистская гравидинамика при-

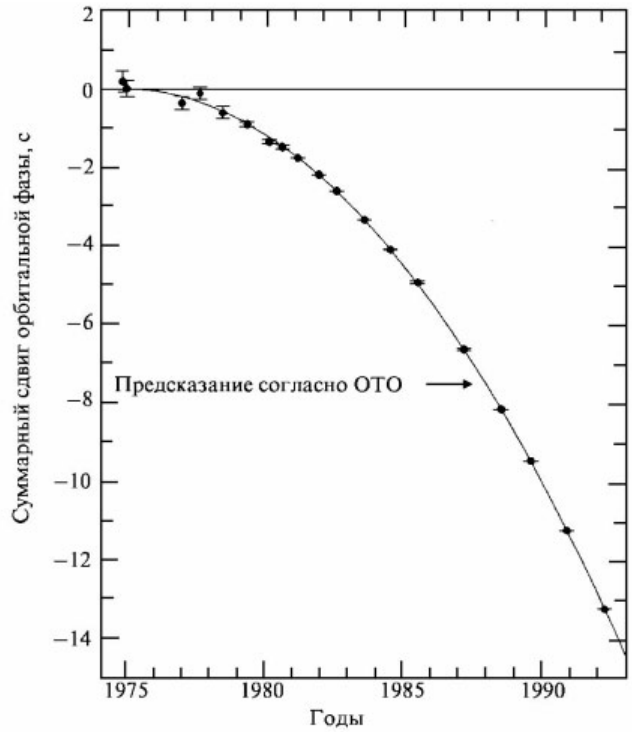

Рис. 2. Накопленные времена сдвига периастра в системе PX (PSR 1913+16), отнесенные к предполагаемой орбите с постоянным периодом. Пульсар проходит через периастр все раньше и раньше по мере уменьшения периода. Сплошная линия соответствует предсказанию общей теории относительности для измеренных значений масс компонент двойного пульсара. Точками нанесены данные наблюдений

менялась для точного расчета различных физических параметров исследуемой системы. Для обсуждаемой системы были обнаружены и проверены все основные релятивистские эффекты, которые должны наблюдаться в релятивистской гравидинамике. Однако система PX потенциально обладала и еще одним уникальным свойством. Гравидинамические параметры пульсара PX оказались такими, что они позволили зафиксировать потерю кинетической энергии вращательного движения, которую уносили с собой генерируемые этой системой гравитационные волны. Впервые в истории физической науки с высокой достоверностью и точностью был зафиксирован *факт существования* гравитационных волн. Торможение вращательного движения пульсара PX гравитационным излучением приводит к фазовому сдвигу состояния вращательного движения, определяемому законом (14). Наблюдая за пульсаром PX в течение 20-летнего тайминга, Р. Халс и Дж. Тейлор получили для фазового сдвига $\Delta t\,(\tau)$ результат, который представлен на рисунке 2.

Полученные экспериментальные данные подтверждают ОТО с точностью лучшей, чем 0,4%. Эксперимент по таймингу пульсара PX дает прямое доказательство, что гравитационные возмущения в физическом вакууме распространяются со скоростью света и тем самым создают механизм диссипации энергии орбитального движения двойной системы PX. Отсюда с необходимостью следует, что гравитационное излучение существует и имеет квадрупольный характер. Из анализа кривой, представленной на рисунке 2, получается, что параметр соответствующей «экспериментальной» параболы $p \cong 0{,}04\,\frac{c}{(год)^2}$. Этот экспериментальный результат находится в хорошем согласии с результатом решения модельной задачи, рассмотренной выше.

Высокая надежность регистрации излучаемых сигналов, а также большая длительность измерений, позволили довести точность расчетов параметров орбиты пульсара PX до 10^{-14}. Последнее обстоятельство делает ОТО *самой точной* и проверяемой областью современной физической науки.

Подведем итог обзору основных теоретических положений и эмпирических проявлений релятивистской гравидинамики (ОТО). Релятивистская физика «управляет Миром» во всем диапазоне физических явлений и процессов от вселенской космологии до явлений микромира. Это диктует настоятельную необходимость знакомить учащихся на различных этапах образовательного процесса с великими свершениями современной физики.

Примечание

[1] Ниже мы будем называть ее «прямой задачей Эйнштейна» релятивистской гравидинамики.

Библиографический список

1. *Вайнберг С.* Гравитация и космология. – Волгоград: Планета, 2000.

2. *Эйнштейн А., Инфельд Л.* Гравитационные уравнения и проблема движения. Ч. 1–2 // Собрание научных трудов. Т. 2. – М.: Наука, 1966. – С. 450–491, 532–542.

3. *Бим Дж., Эрлих П.* Глобальная лоренцева геометрия. – М.: Мир, 1985.

4. *Черпащук А.М., Чернин А.Д.* Вселенная, жизнь, черные дыры. – Фрязино: Век-2, 2004.

5. *Жирнов Н.И.* Классическая механика. – М.: Просвещение, 1980.

6. *Халс Р.А.* Открытие двойного пульсара: Нобелевская лекция; *Тэйлор Дж.Х.* Двойные пульсары и релятивистская гравитация: Нобелевская лекция // УФН. – 1994. – Т. 164. – №7. – С. 743–764.

7. *Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М.* Теория поля. – М.: ГИФМЛ, 1960.

В.В. Дятлов

ПОЛИВАРИАНТНОСТЬ СТРУКТУРЫ ОСОБЕЙ *QUERCUS ROBUR L.* В УСЛОВИЯХ ФИТОЦЕНОЗОВ РЕЧНЫХ ПОЙМ НЕКОТОРЫХ РАЙОНОВ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Согласно современным научным представлениям, выделение различных уровней организации особей позволяет выявить как наиболее специфичные для вида особенности развития, так и результаты взаимодействия данной особи с конкретными условиями среды. На сегодня при изучении проблем морфогенеза растений в ботанической науке все больше внимания уделяется различным аспектам структурной организации деревьев (Антонова, Азова, 1999; Антонова, Николаева, 2002; Савиных, 2002, 2003).

В ходе данной работы исследована поливариантность строения побеговых систем, лежащих в основании ствола, и крупных ветвей у особей дуба черешчатого (*Quercus robur L.)* в ценопопуляциях, произрастающих в пойменных фитоценозах Костромского и Шарьинского районов Костромской области, по территории которой проходит северная граница современного ареала данного вида. Исследованы кроны особей дуба различных онтогенетических состояний, уровней жизненности в естественных условиях произрастания с разнообразными эколого- и фитоценотическими условиями (табл.).

Единицей описания отдельных ветвей дуба служили крупные скелетные ветви, что позволило выделить закономерности строения всего дерева. В кронах дубов отмечены скелетные ветви разной длины: от 2–3 м в нижней части кроны до 5–7 м в средней части и на верхушке. Установлено, что размер и количество скелетных ветвей у особей дуба может служить показателем интенсивности роста всего дерева в целом: чем больше количество удлиненных скелетных ветвей, тем выше интенсивность роста.

Установлено, что густота ветвления находится в прямой зависимости от условий освещения. Так, максимальное значение показателей густоты ветвления отмечено для деревьев *Q. robur* открытых мест, где степень ветвление в два-три раза выше, чем у особей дуба, находящихся в составе древостоя, особенно смешанного – с примесью липы и клена, где особи дуба испытывают световой голод.

В процессе сопоставления значимых признаков структуры кроны у особей дуба, произрастающих в различных фитоценотических условиях, был выявлен ряд закономерностей, определяющих характер формирования кроны в целом. Так, наиболее чувствительными к условиям про-

© В.В. Дятлов, 2006

Таблица

Значимые признаки структуры кроны особей *Q. robur*

№ п/п	Признак		Варианты сравнения				
			I	II	III	IV	V
1.	Высота прикрепления кроны		+	–	+	–	+
2.	Диаметр проекции кроны		+	+	+	–	+
3.	Общее число скелетных ветвей		+	+	+	–	+
4.	Распределение скелетных ветвей по стволу	а) верхняя часть кроны (ярус Iа)	+	+	–	–	–
		б) средняя часть кроны (ярус Iб)	+	+	+	–	+
		в) нижняя часть кроны (ярус II)	+	+	–	–	–
5.	Угол отхождения скелетной ветви от ствола	а) верхняя часть кроны (ярус Iа)	–	–	–	–	–
		б) средняя часть кроны (ярус Iб)	+	–	–	–	–
		в) нижняя часть кроны (ярус II)	+	–	+	–	–
6.	Длина скелетной ветви	а) верхняя часть кроны (ярус Iа)	+	+	+	–	–
		б) средняя часть кроны (ярус Iб)	+	–	–	–	–
		в) нижняя часть кроны (ярус II)	+	–	–	–	–
7.	Форма скелетной ветви		–	–	–	–	–

Примечания:

1. Варианты сравнения: I – отдельно растущие особи дуба и особи дуба в составе лесного сообщества; II – господствующие и угнетенные особи дуба; III – особи дуба дубравы в сравнении с особями дуба липняка; IV – особи дуба дубняка в сравнении с особями дуба вязовника; V – особи дуба липняка в сравнении с особями дуба вязовника.

2. Результаты сравнения: «+» – выявление достоверных различий; «–» – отсутствие достоверных различий.

израстания оказались показатели густоты ветвления, такие как степень и характер загущения ствола, число удлиненных скелетных ветвей. Наиболее стабильными оказались показатели общей структуры ветвей и кроны: форма ветвей, угол их отхождения. Эти показатели существенно различаются внутри кроны, однако слабо реагируют на изменения фитоценотической обстановки. Показатели, характеризующие густоту кроны – характер и степень загущения ствола, густота ветвления – оказались наиболее чуткими к изменению фитоценотических условий.

Анализ строения крон деревьев дуба показал, что наиболее густые кроны (большее общее число скелетных ветвей в кроне и число скелетных ветвей, приходящихся на один метр ствола) характерны для деревьев открытых мест и из очень изреженных сообществ с плотностью особей дуба первого древесного яруса до 20 экз./га. Во всех вариантах данного исследования при рассмотрении кроны снизу вверх у особей дуба из различных местообитаний количество удлиненных ветвей на единицу длины ствола увеличивается. В итоге процентное соотношение удлиненных скелетных ветвей (>3,5 м) к общему количеству ветвей в кроне у особей *Q. robur* постепенно возрастает: у особей из очень сильно загущенных и высокополнотных древостоев с незначительным участием дуба – до 15% удлиненных ветвей в кроне, у особей из дубняка – до 20%, липняка – 25% и вязовнику – 30%. Однако максимальная интенсивность роста отмечена у особей дуба, произрастающих на открытых местах (до 45% удлиненных скелетных ветвей в кроне).

В пределах кроны особей дуба были выделены два яруса ветвей: верхнекроновый (ярус I) и нижнекроновый (ярус II). Ярус I включает деятельную часть кроны дуба, имеет вертикальную протяженность 14–17 м, в отдельных случаях до 21 м, что составляет в среднем две трети высоты дерева. В свою очередь, деятельная часть кроны верхнекронового яруса, была разбита на

два подъяруса. Первый подъярус (Iа) – верхушечный – достигает протяженности 12–15 м благодаря значительной его отдаленности в вертикальном направлении от верхушек крон других лиственных пород. В связи с удлиненной формой верхних скелетных ветвей деревьев дуба и значительной их удаленности друг от друга, вся листва этого подъяруса оказывается освещенной в течение всего светового дня. Вместе с тем, условия в этом подъярусе, отличаются резкими перепадами теплообеспеченности и увлажнения. Для этой области кроны характерны постоянные сильные перемещения воздушных масс.

Второй подъярус (Iб) – нижнекроновый – протяженностью 5–6 м, является зоной смыкания крон деревьев с высокоствольным подлеском и подростом. Здесь наиболее четко проявляются механические (охлестывание ветвей) и физиологические (конкуренция за свет) взаимодействия крон. Данный подъярус играет ключевую роль в формировании микроклимата фитоценоза. Он находится в условиях более равномерного режима теплообеспеченности, влажности воздуха, концентрации CO_2 и освещенности, достаточной для нормального роста и развития ветвей. Кроме того, нижнекроновый подъярус существенно ограничивает сильные перемещения воздушных масс и играет роль теплового и светового экрана.

Ярус II включает отмершую скелетную часть кроны дерева. Мощность данного яруса варьирует от 3 м до 6–7 м. Это связано с различием в конструкциях крон у дубов и других древесных растений. У дубов скелетная часть кроны в среднем имеет протяженность не более трех метров и составляет в среднем одну восьмую от общей протяженности кроны. Для яруса II характерно преобладание процесса отмирания частей растения над их новообразованием.

В итоге сомкнутость каждого яруса ветвей у особей *Q. robur* дает в горизонтальной проекции затенение, близкое к полному, однако в просветах между ярусами освещенность достаточная для существования крон деревьев нижних ярусов.

Как показали результаты исследования, в разных условиях произрастания характер формирования и строения кроны дуба различен. Разница условий произрастания заключаются в неоднородности структуры и состава фитоценозов, определяющие условия освещения, а также в разной роли дуба, участвующего в сложении древостоя. Отличия в строении кроны у особей *Q. robur* отмечаются уже на ранних стадиях их развития и выражаются в размерах, густоте и формы кроны. При этом степень различия в форме и строении кроны дубов на исследованных площадях не одинакова. Так, в высокополнотных (0,7–0,8) сообществах со значительной степенью сомкнутости нижних ярусов лесного ценоза, где условия освещенности не достаточны для оптимального роста и развития особей дуба, а древостой густой, кроны *Q. robur* высоко расположены от земли и имеют овалообразную, вертикально вытянутую, форму. В данных условиях ярус II кроны у особей дуба хорошо развит и имеет протяженность до 5–7 м.

В то же время, дубы из высокополнотных (0,8–0,9) древостоев с высокими показателями сомкнутости яруса Iа из-за соседних деревьев испытывают затенение; при этом в верхних частях их кроны сильнее выражен гелиотропный эффект. Наряду с этим, значительная степень сомкнутости нижних ярусов лесного полога приводит к сильному затенению яруса II. В результате этого кроны дубов, произрастающих в данных сообщества, также высоко расположены от земли, однако верхушечная часть кроны приобретает треугольную форму.

Обратный эффект выявлен у особей *Q. robur* из высокополнотных (0,7–0,8) фитоценозов с незначительной сомкнутостью верхнекронового яруса древесного полога. В данных условиях верхушечная часть кроны дуба вследствие достаточного для роста количества света разрастается в ширину. В то же время нижнекроновый подъярус, в отличие от верхушечного, менее развит, вследствие чего крона приобретает обратногрушевидную форму.

В очень изреженных сообществах с плотностью особей дуба I древесного яруса до 20 экз./га, как и на открытых местах, особи дуба формируют низкопосаженные, но различающие по форме, кроны. Так, на опушках полян и по периметру окон в пологе леса молодые (im-v) деревья дуба находятся в относительно благоприятных условиях освещения за счет бокового освещения, что приводит к формированию более низкопосаженной кроны. Вместе с тем деревья большего возраста (v-g1) имеют в этих условиях крону, близкую по форме к кронам изреженных территорий. Одиночно растущие особи дуба имеют более или менее равномерно развитые нижнекроновый и верхушечный подъярусы,

в результате чего формируют полушаровидную, прозрачную внутри и развивающуюся в основном по периферии крону.

В условиях открытых мест и изреженных ценозов со слаборазвитой ярусной организацией, где различия в световом режиме для нижней и верхней частей кроны незначительны, ветви распределены сравнительно равномерно на всей протяженности кроны дуба. У особей *Q. robur*, произрастающих в сильноизреженных сообществах преобладающая часть ветвей находятся в более или менее равных условиях освещения, и крона имеет цилиндрическую форму.

Иная картина наблюдалась у деревьев дуба из фитоценозов, в сложении которых существенную долю составляют старовозрастные особи вяза и липы (до 3 ед. и 7 ед. породного состава соответственно). В этих условиях отмечено значительное загущение нижней части кроны по сравнению с верхней и средней: в нижней части кроны на 1 м длины ствола приходится 1–2 скелетные ветви, а в верхней – 4–6 ветвей. Отмеченная закономерность характерна как для господствующих, так и для угнетенных деревьев, и, вероятно, связано с необходимостью выноса в густом древостое основной части ассимилирующей поверхности в условия лучшей освещенности.

Особи *Q. robur* в составе липняка по сравнению с деревьями дуба из дубравы и вязовника характеризуются большей густотой кроны (особенно в среднем и верхнем участках кроны) и другой формой. Данные различия проявляются в высоте прикрепления кроны, расположении самой широкой части кроны и размерах ее горизонтальной проекции. Особи дуба, произрастающие в сообществах с доминированием липы, отличается от деревьев *Q. robur* из дубняков со слаборазвитым подлеском не только большей длиной скелетных ветвей, но и меньшим общим количеством скелетных ветвей, которые отходят от ствола под более острым углом. В результате дынных особенностей у особей дуба формируется высоко расположенная от земли широкоцилиндрическая, часто неправильная форма кроны. В то же время наиболее близкие по своему строению кроны дубов в составе вязовника и дубравы. Различия между ними наблюдаются только по показателям густоты ветвления.

Особи дуба из смешанных по составу ценозов наиболее сходны по своему строению с отдельно растущими дубами; при сравнении с дубами липняка, дубравы и вязовника они характеризуются другой формой кроны, большей густотой ветвления и интенсивностью роста. Кроны дубов в смешанных сообществах по всем исследованным показателям близки деревьям открытых мест, но отличаются меньшей густотой, имеет округло-куполообразную форму.

Установлено, что кроны господствующих и угнетенных деревьев внутри одной растительной ассоциации различаются по густоте ветвления. Во всех исследованных вариантах господствующие деревья *Q. robur* по сравнению с угнетенными особями имеют более густые кроны. Однако по всем другим исследованным показателям строения кроны они близки, принципиальных различий в их строении не обнаружено.

В ценопопуляциях дуба Шарьинского района, произрастающих в слабонарушенных сообществах, отмечена высокая доля одноствольных особей. Частота встречаемости особей *Q. robur* с данным вариантом побеговой системы в разных парцеллах характеризуется высокими показателями и составляет от 65% до 100%. При этом моноподиальное нарастание главного побега в течение прегенеративного этапа приводит к формированию у дуба особей, сохраняющих свой габитус и при переходе к симподиальному способу нарастания.

Наряду с этим в ценопопуляциях *Q. robur* Костромского района, испытующих значительное негативные антропогенные воздействия, в экобиоморфологичеком составе преобладают многоствольные особи. Данная особенность связана с частой гибелью скелетной оси (верхушечных почек), вынуждающей расти дуб симподиально.

Таким образом, ярусный характер распределения ветвей формирует у особей *Q. robur* своеобразный тип кроны. При этом форма кроны у дуба может изменяться от широко раскидистой, с длинными скелетными ветвями у одиночно растущих деревьев *Q. robur* и у особей, произрастающих в очень изреженных сообществах, через более компактную цилиндрическую, расширяющуюся к верху и почти овальную, до многовершинной ажурной кроны у особей с высокой степенью загущения.

Проведенный сравнительно-морфологический анализ пластичности особей *Q. robur* показал, что среди факторов, влияющих на развитие и состояние побегов дуба, ведущую роль играет освещенность. При этом изменения, происходящие в побеговой системе дуба, осуществляются

по двум направлениям: как за счет модификации побега, так за счет изменения их количества. В то же время количественные характеристики побегов в разных краевых популяциях дуба меняются незначительно.

Вариации структуры побега и, соответственно, кроны проявляются в результате действия различных условий, в которых произрастают особи дуба. В оптимальных для развития условиях *Q. robur* нормального уровня жизненности представляют собой одноствольное дерево. При неблагоприятных эколого-ценотических условиях особи дуба – многоствольные деревья с неполным циклом развития, имеют длительный прегенеративный период, проявляя S-компоненту в жизненной стратегии.

На основе одной модели побегообразования у *Q. robur* возникают различные онтобиоморфы; в разнообразных эколого-ценотических условиях – различные экобиоморфы, что свидетельствует о диапазоне структурных приспособлений этих жизненных форм. Вследствие этого при рассмотрении устойчивости ценопопуляций необходимо учитывать наличие поливариантности конструкций особей, а также их количественное соотношение в популяции.

Библиографический список

1. *Антонова И.С., Азова О.В.* Архитектурные модели кроны древесных растений // Бот. журн. – 1999. – Т. 85. – №3.

2. *Антонова И.С., Николаева Н.В.* Особенности структуры кроны *Frangula alnus (Rhamnacea)* // Бот. журн. – 2002. – Т. 87. – № 10. – С. 90–101.

3. *Савиных Н.П.* Модули у растений // Тезисы докладов II международной конференции по анатомии и морфологии растений. – СПб., 2002. – С. 95–96.

4. *Савиных Н.П.* О соотношении понятий «архитектурная модель» и «модель побегообразования» у трав // Ботанические исследования в азиатской России. Материалы XI съезда РБО. – Барнаул: АзБука, 2003. – Т. 2. – С. 99–100.

М.В. Сиротина, Л.В. Мурадова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПРОФИЛЕЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПОПУЛЯЦИИ КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА КОСТРОМСКОЙ ПОРОДЫ

Преамбула. *В статье показана возможность применения методов популяционной биологии при изучении популяций сельскохозяйственных животных.*

Популяционная морфология как самостоятельное направление сформировалась в 60-е годы XX века [1]. Основная задача этой дисциплины – изучение структуры, состава, статики и динамики популяций с помощью морфологических признаков, то есть любых поддающихся сравнению структурных особенностей особей. Очевидно, что морфологический подход в изучении популяций частично перекрывается генетическим, экологическим, фенетическим, онтогенетическим – во всех этих случаях часто исследуются именно морфологические признаки фенотипа [2]. Важным методом популяционной морфологии является метод морфологических профилей. В случае его использования при сравнении разных групп особей по одним и тем же признакам сопоставляются не абсолютные значения признаков (которые могут сильно варьировать), а относительные значения среднего квадратического отклонения (σ), отнесенные к значениям какой-то одной группы (популяции, субпопуляции), принятой за эталон сравнения. Этот метод используется для наглядного графического определения фенотипического сходства разных групп особей. Методы анализа природных популяций во многом могут быть успешно применены при изучении популяций сельскохозяйственных животных.

Нами были проанализированы фенотипические признаки коров костромской породы ведущего племенного стада ГПЗ «Караваево». Животные были подразделены на 5 групп: 1) более 50% кровности по швицкой породе; 2) менее 50% кровности по швицкой породе; 3) разведение «в себе» животных различных долей кровности по швицкой породе; 4) полукровные (1/2

© М.В. Сиротина, Л.В. Мурадова, 2006

Таблица 1

Относительное значение среднеквадратического отклонения по основным промерам животных

Промеры	Высота в холке	Глубина груди	Ширина груди	Ширина в маклоках	Косая длина туловища	Объём груди за лопатками	Ширина пясти
1 Группа	0,94	0,78	0,57	0,95	0,89	0,76	0,95
2 Группа	1,14	1,21	1,29	1,07	0,94	1,03	0,99
3 Группа	1,11	1,37	1,25	1,06	0,99	0,95	1,05
4 Группа	1,15	1,39	1,13	1,0	0,92	1,16	1,05

Таблица 2

Относительное значение среднеквадратического отклонения по признакам нарастания живой массы животных

Живая масса	При рождении	6 месяцев	10 месяцев	12 месяцев	18 месяцев	При 1 осеменении
1 группа	1,08	1,51	0,95	0,9	0,86	1,67
2 группа	1,23	1,04	0,9	0,88	0,97	1,02
3 группа	1,35	1,22	1,05	0,9	0,84	0,99
4 группа	1,02	1,16	0,95	1,0	1,36	1,02

кровности по швицкой породе); 5) чистопородные костромские.

За эталон сравнения были взяты показатели чистопородных костромских коров. Проанализированы следующие весо-ростовые признаки: высота в холке, глубина груди, ширина груди, ширина в маклоках, косая длина туловища, объем груди за лопатками, ширина пясти, живая масса при рождении, в 6, 10, 12, 18 месяцев, живая масса при 1 осеменении. Результаты сведены в таблицу 1 и 2.

Исходя из полученных данных построены морфологические профили весо-ростовых признаков (рис. 1, 2).

Из рисунка 1 видно, что коровы 2, 3, 4 групп кровности близки друг к другу по признакам высота в холке, глубина и ширина груди, но сильно отличаются от чистопородных животных и коров 1 группы. Вообще, коровы с кровностью более 50% по швицкой породе наиболее удалены по многим промерам от чистопородных. Все группы животных близки по признакам: ширина в маклоках, косая длина туловища, ширина пясти. Анализ морфологического профиля по признакам нарастания живой массы (рис. 2) показывает, что несмотря на различия в живой массе в разные возрастные периоды, графики второй, третьей и

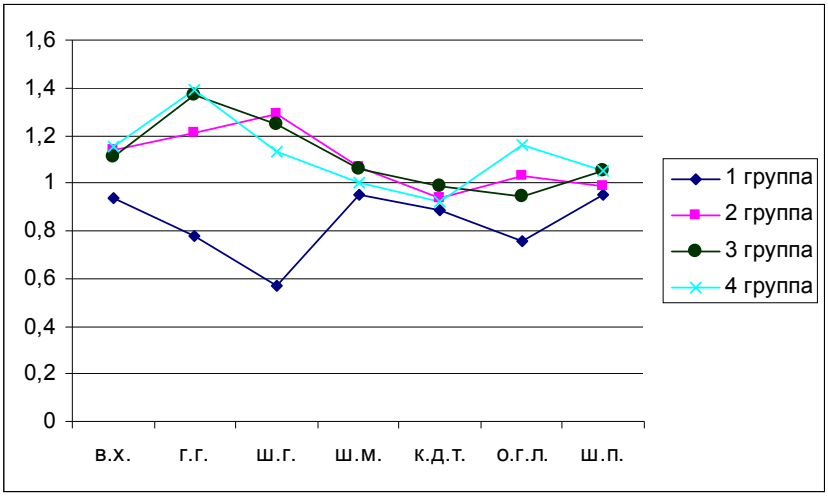

Рис. 1. Морфологический профиль по показателям промеров коров костромской породы

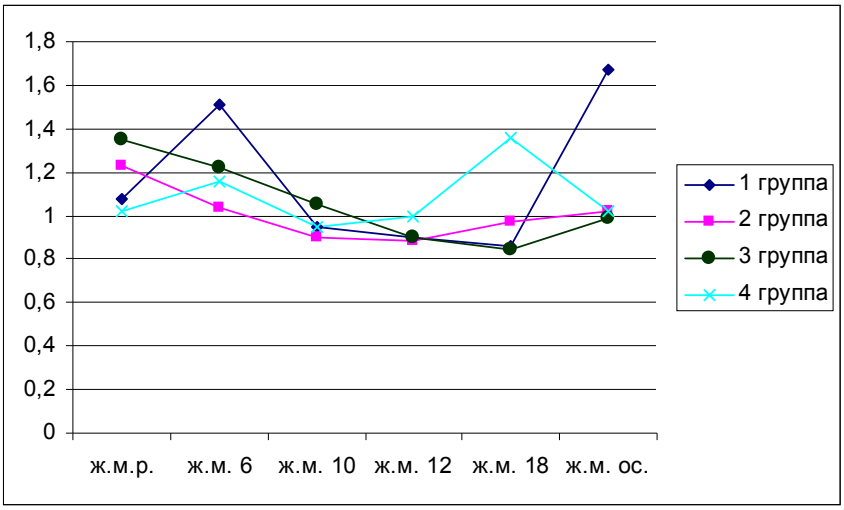

Рис. 2. Морфологический профиль по признакам нарастания живой массы у коров костромской породы

четвертой групп сходятся в точке, соответствующей живой массе в период 1 осеменения, что совпадает и с эталонной группой. Наиболее уклоняется в сторону увеличения значений в этот период показатель 1 группы (кровность более 50% по швицкой породе). Действительно, эти животные обладают наибольшей живой массой при 1 осеменении (437,14 кг). Таким образом, метод морфологических профилей можно успешно применять для анализа близости весо-ростовых признаков в различных группах (субпопуляциях, популяциях) сельскохозяйственных животных.

Библиографический список

1. *Яблоков А.В.* Изменчивость млекопитающих. – М., 1966.

2. *Яблоков А.В.* Популяционная биология. – М., 1987.

Е.А. Смирнова

БИОХИМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ КРОВИ СВИНЕЙ КРУПНОЙ БЕЛОЙ ПОРОДЫ ПРИ ВВЕДЕНИИ В РАЦИОН ГУМАТА НАТРИЯ

Преамбула. *Учитывая внутренние резервы отечественных источников и актуальность проблемы применения гумата натрия из сапропеля Галичского озера и торфа, в статье рассматриваются вопросы действия данного препарата на биохимические показатели крови свиней крупной белой породы. Исследования подтверждают положительное влияние данного препарата в дозе 300 и 500 мг/кг живой массы на биохимические показатели крови.*

Состояние здоровья животных в значительной мере определяется степенью обеспеченности организма энергией и целым рядом питательных веществ, в первую очередь незаменимых. Несбалансированное питание приводит к нарушению функций организма. Поэтому наиболее обоснованный путь решения обсуждаемой проблемы – применение в повседневной практике кормления животных незаменимых пищевых добавок. Это позволит быстро восполнить дефицит пищевых веществ, а также повысить неспецифическую резистентность организма.

Решить эту задачу можно за счет применения в кормлении свиней нетрадиционных кормовых добавок местного происхождения, которые содержат продукты микробного синтеза.

Комплекс гуминовых кислот способствует повышению сопротивляемости организма.

Значение крови велико, являясь жидкой средой, она связывает органы и системы организма в единое целое. Многообразие функций крови

© Е.А. Смирнова, 2006

Таблица

Биохимические показатели крови свиней по возрастным периодам (M±m, n=15)

Показатель	Группы		
	Контрольная	1 опытная	2 опытная
1,5-месячные			
Общий белок, г/л	72,5 ± 1,70	72,8 ± 0,80	75,3 ± 0.45
Аминный азот, г/л	0,09 ± 0,1	0,08 ± 0,01	0,08 ± 0,01
Мочевина, моль/л	4,68 ± 0,51	4,62 ± 0,24	4,59 ± 0,29
Общие липиды, г/л	2,26 ± 0,29	2,34 ± 0,06	2,13 ± 0,63
β-липопротеиды, мг/%	74,8 ± 6,55	72,1 ± 4,11	70,9 ± 2,16
3-месячные			
Общий белок, г/л	74,1 ± 1,6	78,9 ± 0,88	77,8 ± 2,14
Аминый азот, г/л	0,08 ± 0,01	0,09 ± 0,01	0,07 ± 0,03
Мочевина, моль/л	4,12 ± 0,06	4,0 ± 0,02	4,08 ± 0,04
Общие липиды, г/л	3,12 ± 0,54	3,74 ± 0,33	3,70 ± 0,61
β-липопротеиды, мг/%	63,9 ± 2,77	70,2 ± 2,95	52,1 ± 2,33
6-месячные			
Общий белок, г/л	70,7 ± 1,10	74,3 ± 21,0	73,9 ± 2,14
Аминный азот, г/л	0,11 ± 0,01	0,12 ± 0,02	0,11 ± 0,01
Мочевина, моль/л	3,15 ± 0.03	3,0 ± 0,05	3,12 ± 0,05
Общие липиды, г/л	2,57 ± 0,21	3,26 ± 0,16	2,44 ± 0,19
β-липопротеиды, мг/%	64,1 ± 3,34	79,8 ± 2,17	78,6 ± 5,70

(снабжает ткани питательными веществами, уносит отработанные продукты, приводит к клеткам кислород и отводит углекислоту, распределяет тепло в теле, выполняет защитную и механическую функции) заключается в главном – посредством ее осуществляется важнейшее свойство живого организма – обмен веществ.

В настоящее время представляет интерес выяснить влияние различных доз гумата натрия на некоторые биохимические показатели крови свиней крупной белой породы.

Действие разных уровней гумата натрия жидкого на основе сапропеля Галичского озера Костромской области, используемого в качестве кормовой добавки, на биохимические показатели крови свиней крупной белой породы с возраста одного месяца до 6-месячного возраста изучали в опытах, проведенных в ЧП «Коробов» Галичского района Костромской области.

Для опыта по принципу аналогов с учетом пола, возраста, живой массы сформировали три группы боровков по 15 голов в каждой. В течение всего опыта их содержали в одинаковых условиях. Температура, влажность и освещенность в помещении отвечали зоогигиеническим параметрам микроклимата для данного вида и возраста животных.

Рацион подсвинков опытных групп отличался от контрольных тем, что в него дополнительно вводили жидкий гумат натрия: I опытной группе – 300 мг/кг, II – 500 мг/кг живой массы.

Результаты количественного анализа гумата натрия:

Макроэлементы (С, мг/л): кальций – 688,0; фосфор$_4^{-3}$ – 67,2; натрий – 39,6; калий – 19,2; сера SO_4^{-2} – 0,55; железо – 280,0.

Микроэлементы (С, мг/л): медь– 0,0005; марганец – 1,6; кобальт – 0,16; йод – 1,8.

В связи с введением в рацион гумата натрия, исследования крови свиней в ходе проведения опытов, по нашему мнению, представляют определенный интерес, так как рассматриваемые показатели позволяют судить об изменениях физиологического состояния животных под влиянием применяемого препарата (табл.).

Установлено, что показатели крови, характеризующие белковый и липидный обмен в организме животных, во многом определяются количеством сырого протеина и сырого жира, содержащихся в рационе, их качественным составом и ферментативной активностью пищеварительных соков.

Микроэлементы, входящие в состав гумата натрия по всей вероятности, оказывают влияние на ферментативную активность пищеварительных соков, в результате чего усвояемость белков и липидов повышается.

Исследованиями установлено, что в подготовительный период, в возрасте 1,5 месяцев от-

дельные показатели белкового и липидного обмена у подопытных животных всех групп существенно не различались, а в 6-месячном возрасте с уверенностью можно сказать, что дозировка гумата натрия 300 мг/кг живой массы животных первой опытной группы обладает более выраженным действием на обменные процессы анаболического характера. В сыворотке крови животных данной группы, количество общего белка составило 78,9 г/л, что на 4,8 г/л больше чем у животных контрольной группы (P<0,05), содержание аминного азота увеличилось на 12,5%, а мочевины уменьшилось на 0,12 ммоль/л, или на 3% (P<0,05).

С увеличением дозы гумата натрия до 500 мг/кг живой массы в рационах свиней на откорме анаболический характер течения обменных процессов в организме снижается. В сыворотке крови животных 1 опытной группы, по сравнению с контрольной количество общего белка повысилось на 3,7 г/л или на 5%, общих липидов на 0,58 г/л или на 18,6%, в то же время наблюдается снижение аминного азота на 0,01 г/л, или на 12,5%, мочевины на 0,04 ммоль/л, β-липопротеидов на 11,8 мг/% или на 22,6% (P<0,05).

В конце опыта биохимические исследования сыворотки крови подопытных животных имеют аналогичную закономерность. Наблюдается повышение течения обменных процессов анаболического характера в организме животных первой опытной группы. Так, в сыворотке крови количество общего белка повысилось на 3,9 г/л, или на 5,5% при (P<0,01), аминного азота на 0,01 г/л, общих липидов на 0,69 г/л , или на 26,8% (P<0,05), β-липопротеидов на 15, мг/% или на 24,5% (P<0,05), а мочевина уменьшилась на 4,8%.

У животных второй опытной группы соответственно из всех анализируемых показателей, содержание общего белка в сыворотке крови увеличилось на 3,2 г/л, β-липопротеидов на 14,5 мг/% (P<0,01).

Таким образом, необходимо отметить, что оценка биохимического статуса организма животных, по отдельным показателям белкового и липидного обмена подтверждает целесообразность использования гумата натрия в дозе 300 мг/кг живой массы в рационах молодняка свиней на откорме.

Т.Л. Соколова

ВЛИЯНИЕ АНТРОПОГЕННОГО ФАКТОРА НА ВИДОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ДОЖДЕВЫХ ЧЕРВЕЙ (*OLIGOCHAETA, LUMBRICIDAE*)

Преамбула. *Приводятся данные оценки биоразнообразия и численности дождевых червей пригородных и городских биогеоценозов.*

В условиях возрастающих масштабов антропогенного действия на окружающую среду в период научно-технического прогресса сохранение среды обитания человека возможно только при рациональном природопользовании и охране окружающей среды. Выполнение этих задач невозможно без регулярной информации о состоянии окружающей среды.

Почва представляет неотъемлемую важнейшую составную часть биосферы, где протекает многочисленные процессы трансформации и миграции вещества, являющиеся важнейшими звеньями биогеохимических круговоротов, осуществляющие связь между разными структурными компонентами биогеоценозов и биосферы в целом и определяющие их устойчивость [3].

Беспозвоночные – обитатели почвенного и подстилочного ярусов – уже в силу специфики места их обитания является группой животных, в наибольшей мере испытывающей прямое и косвенное воздействие антропогенных нагрузок [4]. Наилучшим индикатором состояния окружающей среды в зооиндикации считается почвенная мезофауна (дождевые черви, многоножки, личинки насекомых), так как почва для них выступает как среда обитания в целом, они могут взаимодействовать со многими компонентами своей экосистемы [2].

В современных условиях усиливающегося влияния антропогенных нагрузок на природные экосистемы актуальным становится изучение и сравнение городских и естественных ландшафтов путем зоологического метода диагностики почв, предложенного М.С. Гиляровым [2].

Lumbricidae играют огромную роль в процессах почвообразования. Данных по вопросу видо-

© Т.Л. Соколова, 2006

Таблица

Видовой состав и численность дождевых червей семейства *Lumbricidae* в городских и пригородных биоценозах

Вид	Городские биоценозы (экз./м²)			Пригородные биоценозы (экз./м²)					
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. *Eisenia rosea*	1,4	+	0,5	1,08	1,2	+	0,8	0,58	+
2. *Eisenia foetida*	–	–	0,34	0,92	0,52	–	–	–	0,76
3. *Bimastus tenius*	1,28	0,5	0,64	+	0,62	–	+	+	0,76
4. *Lumbricus rubellus*	1,32	0,62	0,72	1,34	0,48	0,46	0,18	+	+
5. *Lumbricus castaneus*	0,52	0,44	+	1,3	0,26	0,86	0,22	+	0,42
6. *Lumbricus terrestris*	–	+	0,86	1,34	+	–	1	–	0,5
7. *Octolasium lacteum*	0,44	–	–	–	–	–	0,52	0,3	0,26
8. *Allolobophora caliginosa*	–	–	0,22	1,48	0,74	0,34	0,21	–	–
9. *Allolobophora longa*	+	–	0,24	–	+	0,44	–	–	–
10. *Dendrobaena octraedra*	–	–	–	–	0,36	–	0,32	0,52	–
Общее число особей (экз.)	248	92	176	373	209	105	170	70	120

Примечание: «+» – единичные экземпляры.

вого разнообразия и численности дождевых червей города Костромы недостаточно. Это и послужило обоснованием выбора объекта исследования.

При изучении биоразнообразия и структуры комплексов *Lumbricidae* применялись общепринятые в почвенно-зоологических исследованиях методы выборки и разборки почв вручную в полевых условиях. Раскопки проводились три раза в сезон – весной, летом и осенью, чтобы снивилировать сезонные колебания численности люмбрицид. Исследования проводились с 2004 по 2006 год.

Для определения видового состава *Lumbricidae* использовались определительные таблицы, предложенные О.В. Чекановской [6], Т.С. Перель [5], на основании которых выделены следующие виды дождевых червей (табл.). Численность дождевых червей учитывалась методом прямого учета – количество учитываемых объектов на единицу площади поверхности почвы (экз./м²). В работе представлены результаты исследований следующих биоценозов: березовая роща в окрестностях завода (1 – порядковый номер в таблице); смешанный лес в черте города Костромы (2); агроценоз в 10-ти км от города Костромы (4); агроценоз в черте города (3); березняк (5) и смешанный лес (6) в Красносельском районе; березняк (7), смешанный лес (8), агроценоз (9) в Антроповском районе Костромской области.

В результате исследования городских и пригородных биоценозов выявлено 10 видов дождевых червей, относящихся к 6 родам семейства *Lumbricidae*. Наиболее высокая численность дождевых червей зарегистрирована в пригородных биоценозах. Так, 33% от общей численности дождевых червей приходится на городские биоценозы, 43,9% – в Красносельском районе. Наибольшее видовое разнообразие в березняке и агроценозе обнаружено также в окрестностях города (березняк в окрестностях завода – 7 видов, березняк в Красносельском районе – 9 видов). Вид *Dendrobaena octaedra*, являющийся типично лесным, не зарегистрирован в смешанном лесу в черте города. Доминирующими видами люмбрицид являются следующие: *Eisenia rosea*, являющийся доминантным как в городских, так и пригородных биогеоценозах; *Lumbricus rubellus* – в черте города; *Lumbricus terrestris* – в пригородных биогеоценозах.

Выявленные виды *Lumbricidae* относятся к различным морфо-экологическим группам и принадлежат к двум морфо-экологическим типам (классификация жизненных форм дана по [5]). К одному из них отнесены дождевые черви, использующие в пищу опад, и слабо разложившиеся растительные остатки. Эта способность у люмбрицид коррелирует с наличием адаптаций, связанных со способностью к выходу на поверхность. Эти формы обычно более подвижны, что обеспечивается перистым типом расположения мышечных волокон в продольной мускулатуре стенки тела [5].

В городе Костроме и его окрестностях дождевые черви, относящиеся к этому типу, представлены всеми тремя морфо-экологическими группами:

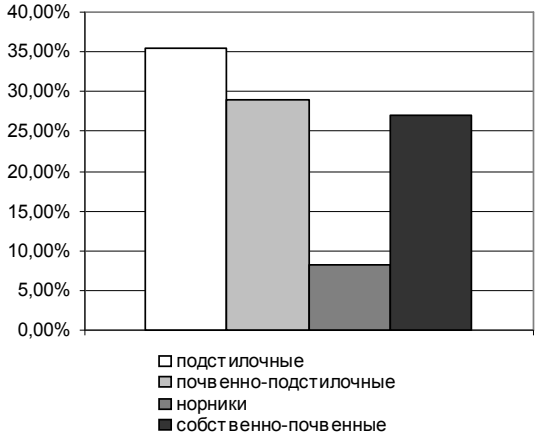

Диаграмма 1. Экологический состав комплексов дождевых червей городских биоценозов, % от общей численности

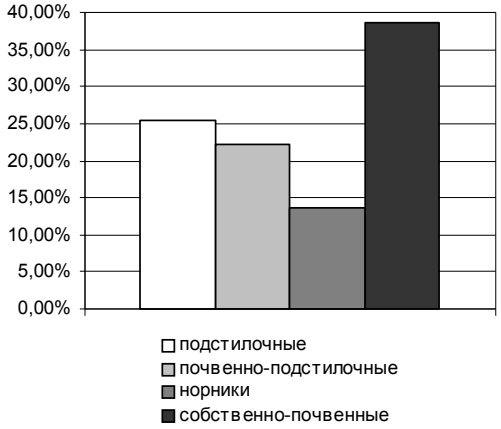

Диаграмма 2. Экологический состав комплексов дождевых червей пригородных биоценозов, % от общей численности

1. Подстилочные – *Lumbricus castaneus, Bimastus tenius, Dendrobaena octaedra*.

2. Почвенно-подстилочные – *Lumbricus rubellus, Eisenia foetida*.

3. Норники – *Lumbricus terrestris*.

Ко второму морфо-экологическому типу принадлежат люмбрициды, которые используют в пищу почвенный перегной. Они не пигментированы либо слабо пигментированы, головная лопасть эпилобическая либо про-эпилобическая [5]. Они менее подвижны, чем черви, питающиеся растительными остатками, и имеют нередко более примитивный пучковатый тип расположения мышечных волокон в продольной мускулатуре стенки тела [5]. В городе Костроме и его окрестностях собственно почвенные черви представлены преимущественно среднеярусными люмбрицидами (*Allolobophora calliginosa, Eisenia rosea*), способных при пересыхании почвы уходить вглубь и свертываться внутри земляных капсул, а также верхнеярусными видами (*Octolasium lacteum*). Соотношение морфо-экологических типов Lumbricidae наглядно показано в диаграммах 1 и 2.

В результате исследования выявлено, что доминирующими являются подстилочные и собственно-почвенные (верхне- и среднеярусные) виды.

В сезонной динамике численности дождевых червей наблюдалось два пика активности – в конце мая – начале июня и в конце августа.

Таким образом, изменения условий окружающей среды, прямым или косвенным образом сказываются на видовом составе и численности педобионтов, в частности на дождевых червей. Рекреационные нагрузки на пригородные и городские экосистемы существенно влияют на обилие и видовой состав *Lumbricidae*, реорганизуют их трофическую структуру. Об этом свидетельствуют максимальные показатели разнообразия и обилия этой группы животных.

Библиографический список

1. *Афанасьева Т.В., Василенко В.И., Шеремет Б.В., Терешина Т.В.* Почвы СССР. – М.: Мысль, 1979.

2. *Гиляров М.С.* Зоологический метод диагностики почв. – М.: Наука, 1965.

3. *Гришина Л.А., Копцик Г.Н., Моргун Л.В.* Организация и проведение исследований для экологического мониторинга. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1991.

4. *Криволуцкий Д.А.* Основные направления современной почвенной зоологии // Почвенная фауна Северной Европы. – М.: Наука, 1987. – С. 11–17.

5. *Перель Т.С.* Распространение и закономерности распределения дождевых червей фауны СССР. – М.: Наука, 1979.

6. *Чекановская О.В.* Дождевые черви и почвообразование. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960.

Н.В. Лаврова

ГАПЛОИДНАЯ БИОТЕХНОЛОГИЯ В СЕЛЕКЦИИ ОЗИМОЙ ПШЕНИЦЫ

Преамбула. *Указаны разработанные автором методические подходы получения гаплоидов озимой мягкой пшеницы в культуре in vitro. Приводятся составы синтетических питательных сред, индуцирующих получение новообразований в культуре изолированных пыльников и микроспор. Внимание уделяется перспективе использования гаплоидой биотехнологии в селекции озимых злаков.*

Введение

Для получения гаплоидов методами биотехнологии в культуре in vitro злаковых применяют несколько методов: метод селективной элиминации хромосом в гибридном зародыше с последующей эмбриокультурой [3], культивирование неоплодотворенных завязей и семяпочек [4], культивирование изолированных пыльников и микроспор [1; 2].

Методы культивирования изолированных пыльников и микроспор основаны на использовании явления андрогенеза (андроклинии) в системе in vitro. Это особая система размножения растений различных семейств, позволяющая ускоренно получать полностью гомозиготные растения-регенеранты при гомозиготизации гаплоидных растений, выращенных из микроспор гибридных форм в культуре изолированных пыльников. Нами разработана эффективная система получения гаплоидов при культивировании пыльников и микроспор различных генотипов мягкой пшеницы с озимым типом развития, защищенная двумя авторскими патентами (№2006134942, №2006134941) и предложена универсальная индукционная среда для последовательного отбора зеленых растений-регенерантов этой зерновой культуры.

Объекты и методы исследований

Растительный материал. Растения-доноры пяти сортов озимой пшеницы: Немчиновская 24, Галина, Инна, Московская 39 и Памяти Федина выращивали в поле на экспериментальных делянках НИИСХ ЦРНЗ (Московская обл.). Колосья с сортов-доноров отбирали в поле в фазу сильновакуолизированной микроспоры по морфологическим признакам: размеру и цвету пыльника, степени плотности чешуй колоса. Детально стадию развития микроспор пшеницы анализировали на кафедре сельскохозяйственной биотехнологии по методу З.П. Паушевой [5].

Холодовая предобработка. Из доступных нам литературных источников известно, что режимы холодовой предобработки пыльцы способствуют возникновению меристематических очагов в каллусах и определяют дальнейший ход органогенеза в них на средах для регенерации растений. Колосья стерилизовали (вместе с листовой оберткой) раствором гипохлорита Na, отмывали в нескольких объемах стерильной дистиллированной воды, после чего у них удаляли ости и раскрывали колосковые чешуи. Стерильные колосья помещали на агаризованные питательные среды по прописи MS, не содержащие регуляторов роста и выдерживали в условиях низких положительных температур в течение 4–17 суток. Выдерживание стерильных колосьев на питательной среде (а не в стерильной воде) продлевало жизнеспособность микроспор от 2-х недель до 3-х месяцев в зависимости от сорта.

Культура пыльников и микроспор. Пыльники извлекали из нижних цветков средней части одного колоса глазными хирургическими иглами и размещали равномерно по поверхности индукционной среды, содержащей различный состав углеводов. Штативы с пробирками и чашки Петри на 4–7 сут. помещали в темноту и культивировали при температуре 32–33°С до появления гаплоидных новообразований.

Образование эмбриоидов и регенерация растений. В каллусной ткани, имеющей сферическое строение, через 28–30 дней с момента инокуляции пыльников образовывались андроклинные структуры. Крупные эмбриоиды переносили на модифицированные нами по ауксинам среды Potato 11 и Блейдса для регенерации растений, содержащие половинную концентрацию макросолей, хелата железа и агара. Дальнейшее культивирование проводили при температуре 9–11°С, 16-часовом фотопериоде и освещенности 20 тыс. лкс. Развившиеся растения-регенеранты (n=21) укореняли на жидкой среде до образования хорошей корневой системы и яровизировали при температуре 2–4°С не менее 60 дней, затем колхицинировали (0,02% раствор). Высаженные в условия подогреваемой теплицы НИИСХ

 © Н.В. Лаврова, 2006

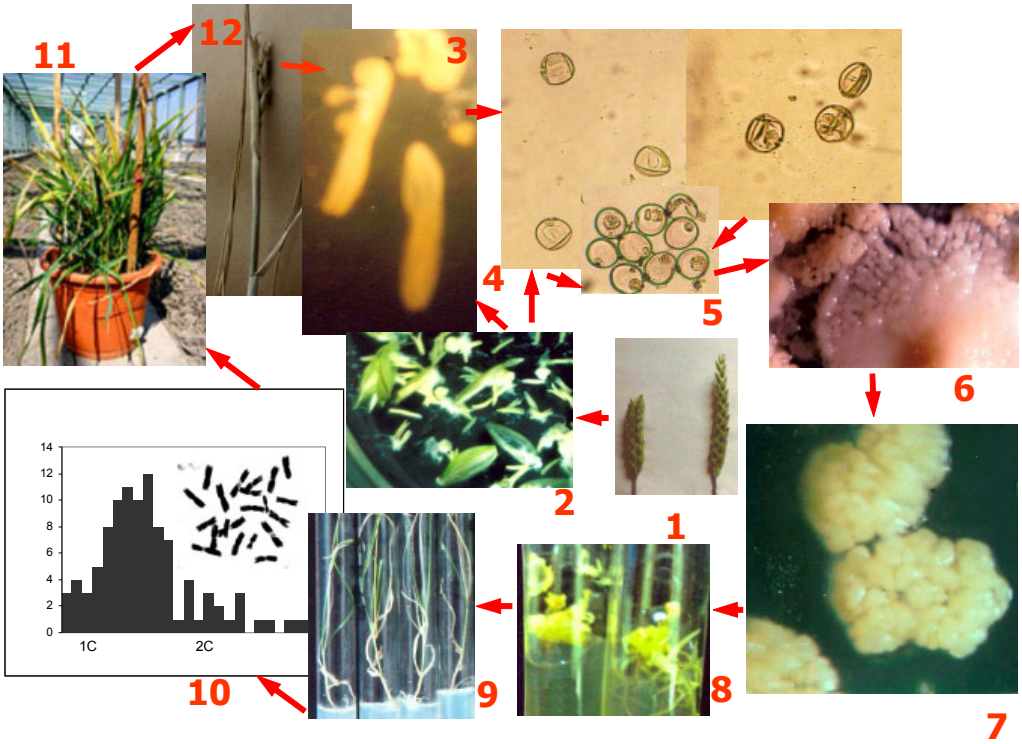

Рис. Гаплоидная биотехнология создания форм озимой мягкой пшеницы.

1 этап – полевой отбор колосьев остистых и безостых сортов-доноров озимой пшеницы по комплексу морфологических признаков в фазе сильновакуолизированной микроспоры (1); подготовка колосьев к стерилизации (обрезка остей и колосковых чешуй); стерилизация цветков и/или выделение пыльников (2);

2 этап – эксплантирование цветков, пыльников и семяпочек in vitro в жидкой индукционной среде: разрыв стенки пыльника и «самопроизвольный» выход микроспор в среду (3), осаждение микроспор центрифугированием и определение стадии развития микроспор под микроскопом (4);

3 этап – культивирование микроспор на средах для эмбриоидогенеза до образования многоклеточных комплексов (5) и пыльников до образования каллусирующих гаплоидных структур сферического типа (6), последовательный отбор плотных эмбриоидоподобных структур и пересадка их на среды для регенерации;

4 этап – органогенез в культуре андрогенной каллусной ткани и получение растений-регенерантов (8);

5 этап – укоренение регенерантов in vitro (9);

6 этап – цитологический и цитофотометрический контроль плоидности регенерантов (10) и яровизация андрогенных гаплоидов при температуре 2–4°С в течение 60 дней;

7 этап – диплоидизация регенерантов колхицином, пересадка в почву и доращивание (в зависимости от сезона) в поле или в условиях подогреваемой теплицы (11) до получения колосьев (R0); (12) – R1 и R2 поколений;

8 этап – размножение растений-регенерантов R1 и R2 поколений методами биотехнологии: андрогенез или эмбриокультура зародыша.

ЦРНЗ дигаплоиды образовывали озерненные колосья (рис.).

Результаты исследований

На примере культивирования изолированных пыльников и микроспор 5-ти сортов озимой пшеницы мы оценивали длительность воздействия низкими положительными температурами на колосья донорных растений и способ их стерилизации (подбор компонента стерилизации и его экспозиции). При этом учитывалось время, прошедшее от момента срезания колосьев до инокуляции пыльников на питательные среды (табл. 1). В результате проведенных исследований было отмечено, что холодовая предобработка колосьев у всех изучаемых сортов озимой пшеницы не оказывала существенного влияния на выход новообразований (каллусов и эмбриоидов), но сохраняла жизнеспособность микроспор в изолированной культуре от 2-х недель до

Таблица 1

Влияние продолжительности воздействия пониженной положительной температурой на частоту индукции андрогенеза in vitro у озимой мягкой пшеницы

Сорт	Продолжительность воздействия, сут.									
	0		4		9		15		17	
	П*, шт.	Н*, шт./%	П, шт.	Н, шт./%	П, шт.	Н, шт./%	П, шт.	Н, шт./%	П, шт.	Н, шт./%
Немчинов 24	500	60/12,0	500	59/11,8	500	58/11,6	500	55/11,0	500	42/8,4
Галина	500	35/7,0	500	29/5,8	500	27/5,4	500	21/4,2	500	18/3,6
Инна	500	75/15,0	500	60/12,0	500	53/10,6	500	47/9,4	500	40/8,0
Московская 39	500	115/23.0	500	102/20,4	500	100/20.0	500	82/16,4	500	82/16,4
Памяти Федина	500	50/10.0	500	49/9.8	500	50/10,0	500	37/7,4	500	29/5,8

Примечание: П* – пыльников высажено; Н* – новообразований получено.

3-х месяцев в зависимости от генотипа. Мы считаем, что холодовое воздействие на экспланты перед инокуляцией их на питательные среды является для микроспор стрессовым фактором. Результаты проведенных нами экспериментов свидетельствуют, что деление ядер микроспор происходит только в тех из них, которые отрываются от орбикул и «выпадают» в полость гнезда пыльника, а те микроспоры, которые остаются прикрепленными к орбикулам и через них – к стенке гнезда пыльника, и микроспоры, находящиеся на средней фазе микроспорогенеза и прикрепленные к тапетуму, к делению не приступают. Наши исследования убеждают в том, что холодовая предобработка колосьев растений-доноров озимой пшеницы напрямую не влияет на продуктивность эмбриоидогенеза in vitro, и ее назначение заключается только в том, чтобы направить развитие микроспоры по спорофитному пути развития. Это обусловлено новыми, подобранными нами условиями выдерживания стерильных колосьев-доноров на средах при низких положительных температурах, вызывающих низкотемпературный стрессовый шок для содержащихся внутри колосьев пыльников.

В экспериментах изучались также различные концентрации углеводов – глюкозы, сахарозы и мальтозы. Результаты исследований показали преимущество питательной среды, содержащей сахарозу или мальтозу в концентрации 0,26 М (табл. 2).

В научной литературе встречаются сообщения, что с помощью манипулирования концентрациями сахарозы можно получать растения пшенично-пырейных гибридов, у которых листья имеют вид «зебры», то есть идет чередование зеленых и белых полос. Такие растения получала В.Н. Чистякова [3].

Заключение

В результате проведенных исследований показано, что выдерживание стерильных колосьев озимой пшеницы в культуре in vitro на агаризованных питательных средах при низких положительных температурах (2–4°С) способствует сохранению жизнеспособности микроспор до 3-х и более месяцев. Частота формирования андроклинных структур в культуре in vitro зависит от комплекса взаимосвязанных факторов: условий стерилизации донорных растений, предобработки низкими положительными температурами и выдерживания на средах МС без регуляторов роста, а также от стадии развития микроспор и состава индукционной питательной среды, со-

Таблица 2

Влияние состава углеводов в индукционной среде на продуктивность эмбриоидогенеза озимой мягкой пшеницы in vitro, %

Сорта	Глюкоза (0,26 М)	Глюкоза (0,52М)	Сахароза (0,26М)	Мальтоза (0,26М)
Галина	1,7	0,5	20,3	19,7
Инна	1,3	0,3	18,3	26,2
Московская 29	1,7	0,4	29,5	23,3
Памяти Федина	1,2	0,05	5,9	7,8
Немчиновская 24	0,7	0,2	3,7	4,7

держащей в качестве углеводов сахарозу и мальтозу в концентрации не менее 0,26 М.

Библиографический список

1. *Анапияев Б.Б.* Экспериментальный морфогенез и биотехнология получения гаплоидов в культуре микроспор яровой пшеницы: Автореф. дис. … д-ра биол. наук. – М., 2001.

2. *Lavrova N.V.* The working out biotechnology receiving haploided plants of winter wheat (Triticum aestivum L.) // Third Moskow international Congress: «Biotechnology: state of the art and prospects of development», March, 14–18, 2005. – P. 264–265.

3. *Чистякова В.Н.* Гаплоиды неполных пшенично-пырейных амфидиплоидов, мягкой пшеницы и ячменя: получение и использование. – М.: МАКС-Пресс, 2000.

4. *Чистякова В.Н., Неттевич Э.Д., Гуляев Г.В.* Возможности генотипа в повышении эффективности метода Bulbosum. // Генетика. – 1994. – Т. 30.

5. *Паушева З.П.* Практикум по цитологии растений. – М.: Колос, 1988. – С. 66–102.

Г.С. Матвеева

АНАЛИЗ СРЕДНЕСУТОЧНОГО ПРИРОСТА ЖИВОЙ МАССЫ ДОЧЕРЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ И ИХ КРОВНОСТИ

Изучена динамика живой массы от рождения до 1-го осеменения при скрещивании черно-пестрой породы и голштинских быков-производителей разных генотипов.

Цель. Установить влияние генотипа быков-производителей на динамику роста живой массы дочерей за период от рождения до 1-го осеменения.

Актуальность. В анализ материалов по изучению динамики живой массы дочерей различных быков-производителей от рождения до их 1-го осеменения были включены потомки 7-и быков-производителей с общим числом – 161 дочь. Результаты анализа прироста живой массы дочерей различных быков-производителей за период выращивания до 1-го осеменения представлен в таблице 1. Анализ таблицы 1 показал, что живая масса дочерей различных быков-производителей составила при 1-ом осеменении от 396,8 до 415,7 кг при среднесуточном приросте от 610,7 до 648,2 г за этот период, при достижении живой массы в 19,5 мес. возрасте 406,9 кг.

Исследования полученных данных показали, что дочери быков-производителей Черри, Стингера и Дебюта имели среднесуточный прирост при 1-ом осеменении 610,7, 612,0, 618,0 г – соответственно. Эти результаты оказались несколько ниже по сравнению с показателями дочерей Босса, Нарзана и Клерка.

Так, дочери Босса, Нарзана и Клерка имели лучшие показатели по среднесуточному приросту (648, 642, 641 г), живой массе (409, 415, 405 кг) и они оказались более скороспелы: 19,3; 19,8; 19,3 мес. – соответственно.

В результате анализа полученных данных установлено, что за период выращивания до 1-го осеменения дочерей отдельных быков-производителей имели различия по среднесуточному

Таблица 1

Динамика роста живой массы дочерей различных производителей

Кличка производителя	Число дочерей	Живая масса (кг) в возрасте, мес.							
		при рождении	6	10	12	18	при 1-ом осеменении		
							возраст, мес.	живая масса, кг	среднесуточный прирост, г
Черри	26	34,0	151,4	221,4	261,2	357,1	19,8	396,8	610,7
Дебют	31	34,0	149,5	218,7	251,4	354,7	20,6	408,3	618,0
Босс	22	33,7	153,7	225,2	263,4	374,4	19,3	409,0	648,2
Хакас	22	34,4	155,4	224,8	260,2	365,1	19,8	405,4	624,6
Стингер	17	33,9	152,7	225,5	259,2	355,6	20,4	407,9	612,0
Нарзан	19	34,1	149,9	221,6	258,9	364,5	19,8	415,7	642,4
Клерк	24	34,2	158,2	238,6	275,8	379,3	19,3	405,8	641,8

© Г.С. Матвеева, 2006

Таблица 2

Динамика роста подопытного поголовья, кг

Возраст, мес.	Генотип									В среднем
	1/2	3/4	7/8	11/16	13/16	15/16	27/32	55/64	прочие генотипы	
Число дочерей	7	37	32	13	17	12	13	15	15	-
При рождении	34,0	34,2	34,0	34,4	34,5	33,4	34,1	33,9	33,7	34,0
6	158,1	157,2	149,5	157,6	155,6	150,4	155,8	156,8	151,6	154,7
10	221,7	229,3	225,0	223,1	227,3	232,0	231,0	222,6	224,5	226,3
12	256,6	261,7	260,7	260,2	263,9	266,8	262,2	260,1	269,6	262,4
18	362,5	368,3	355,1	355,0	363,7	369,1	367,6	373,8	370,9	365,1
При 1-ом осеменении	403,8	402,6	405,7	401,0	403,9	407,8	405,9	411,8	411,4	405,9

приросту, живой массы и возрасту при 1-ом осеменении или скороспелости.

Однако необходимо отметить, что выявленные различия по изучаемым показателям имели только закономерность, но не были статистически достоверными. Кроме того, была изучена динамика живой массы телок в период выращивания до 1-го осеменения в зависимости от их кровности (табл. 2).

Анализ полученных данных показал, что в зависимости от генотипа телок их живая масса при 1-ом осеменении находилась в пределах от 401,0 до 411,8 кг, при средней живой массе по подопытному поголовью 405,9 кг. Наивысшую живую массу при этом имели помесные животные с повышенной кровностью по голштинской породе 55/64, 15/16, 27/32: 411,8; 407,8 и 405,9 – соответственно. Незначительно меньшую живую массу при 1-ом осеменении имели телки с более низкой кровностью по голштинской породе 11/16, 3/4, 1/2, 13/16: 401,0; 402,6; 403,8 и 403,9 кг – соответственно. Подопытные животные с кровностью 7/8 и 27/32 по изучаемому показателю занимали промежуточное положение.

Выводы. 1. Исследованиями установлено, что в зависимости от кровности по голштинской породе наблюдается повышение живой массы от рождения до 10-го осеменения.

2. Установлено, что наблюдается улучшение генофонда живой массы при 1-ом осеменении, при разности в 11,8 кг, в сравнении с черно-пестрой породой по среднесуточному приросту, живой массе и скороспелости у помесных подопытных животных с повышением кровности по голштинской породе.

В библиотеке КГУ им. Н.А. Некрасова депонирована рукопись Натальи Борисовны Кудиновой

П.А. ФЛОРЕНСКИЙ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ «ДВУХ КУЛЬТУР»

В статье проанализирован опыт исследования проблемы «двух культур» – материальной и духовной, влияние научно-технического прогресса на все сферы человеческой деятельности в XX в. Рассмотрен взгляд русского религиозного философа П.А. Флоренского на понимание культуры, культурного символа, предмета и идеи.

Л.А. Трутнева, Э.С. Акайзин

СОДЕРЖАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ В ВОЛОСАХ У ДЕТЕЙ С ГАСТРОДУОДЕНАЛЬНОЙ ПАТОЛОГИЕЙ НА ФОНЕ ДИСПЛАЗИИ СОЕДИНИТЕЛЬНОЙ ТКАНИ

В вопросах донозологической диагностики гастродуоденальной патологии у детей наибольший интерес вызывают неинвазивные методы исследования, одним из которых является определение содержания биоэлементов в волосах. Находясь в незначительных концентрациях, биоэлементы участвуют во всех видах обмена веществ [1]. В связи с проблемой гастродуоденальной патологии, протекающей на морфологической основе дисплазии соединительной ткани (ДСТ), особое внимание следует уделить обмену Zn, Mg и Cu, поскольку названные элементы одновременно являются ключевым звеном метаболизма соединительной ткани [2] и защитного барьера слизистой оболочки желудочно-кишечного тракта [1; 6]. С целью выяснения общих звеньев патогенеза гастродуоденальной патологии и ДСТ и уточнения критериев раннего прогнозирования и диагностики было проведено исследование уровня микро- и макроэлементов в волосах пациентов с гастродуоденальной патологией методом атомно-абсорбционной спектрофотометрии, выявившее различия элементного статуса у больных с дисплазией соединительной ткани и без неё. Достоверность различий определялась по t-критерию Стьюдента.

У всех обследованных изменения носили полиэлементный характер. При этом у детей с ДСТ частота отклонений (табл. 1) и количество элементов, уровень которых отклонялся от нормы, были выше и нарастали по мере увеличения степени тяжести ДСТ. Отмечался преимущественно дефицитный характер изменений. В результате элементный статус детей с тяжелыми формами ДСТ наиболее часто характеризовался отрицательным балансом Ca, Cu, Mn и Zn. Следовательно, ДСТ-ассоциированная гастродуоденальная патология сопровождалась более выраженным полиэлементным дисбалансом.

Известно, что формирование элементного портрета начинается в эмбриональном периоде, когда под влиянием различных медико-биологических факторов возникают «ошибки эволюции элементного статуса» [3]. Очевидно, что большая частота отклонений элементного гомеостаза у детей с нарушением метаболизма соединительной ткани формировалась не только под влиянием диетических факторов и снижения абсорбции в кишечнике. Выявленные нами тесные

Таблица 1

Частота отклонений от нормального уровня концентрации элементов в волосах у детей с гастродуоденальной патологией

Элементы	Частота отклонений от нормы (%)			
	Группа больных без ДСТ, n=8	группа больных детей с ДСТ		
		ДСТ I степени, n=10	ДСТ II–III степени, n=22	Всего детей с ДСТ, n=32
Кальций	12,5%	20%	59,5%**[1]	46%*
Медь	12,5%	30%	55%**	47%*
Марганец	12,5%	80%	95,5%**	90%*
Цинк	62,5%	30%	77,5%[2]	62%
Калий	100%	100%	90,5%	94%
Железо	62,5%	40%	63,5%	56%

Примечания:

– дефицитный характер отклонений;
– накопительный характер отклонений

– достоверность различий с группой больных без ДСТ: * $p<0,05$; ** $p<0,01$;
– достоверность различий с подгруппой ДСТ I степени: [1]$p<0,05$; [2]$p<0,01$.

© Л.А. Трутнева, Э.С. Акайзин, 2006

Таблица 2

Концентрации микро- и макроэлементов в волосах детей с гастродуоденальной патологией

Элементы	Содержание элементов в волосах (мкг/г)		
	Границы нормы у здоровых детей [3; 4]	Группа больных без ДСТ n=8 (M±m)	Группа больных с ДСТ n=32 (M±m)
Магний	25–120	121,1±64,9	69,81±13,56*
Железо	5–25	59,6±28,5	109,3±64,15*
Цинк	124–320[3]; 342±118[4]	124,9±40,35	139,9±43,8
Медь	6,5–16	6,16±3,13	7,78±4,4

Примечание: *достоверность различий с группой больных без ДСТ $p<0,05$.

взаимосвязи между частотой изменений элементного статуса и тяжестью ДСТ в отношении Zn, Ca, Cu, Mn и Fe (r=0,77; 0,75; 0,86; 0,54 и 0,83 соответственно) указывали на определяющую роль аномального обмена соединительной ткани в нарушении элементного баланса. По-видимому, элементная формула болезни у детей с ДСТ имела генетическую обусловленность и мультифакториальное происхождение.

Количественный анализ, характеризующий глубину изменений, выявил у детей с гастродуоденальной патологией дисбаланс Zn, Cu, Mg и Fe (таблица 2).

С точки зрения протективного действия Zn, Cu и Mg на слизистую оболочку гастродуоденальной зоны вызывало наибольший интерес определение характера взаимосвязи между уровнем названных металлов с наличием и тяжестью ДСТ. Средний уровень Zn и Cu в волосах наблюдаемых детей обеих групп соответствовал нижней границе нормы или был снижен. Интересно, что у детей с гастродуоденальной патологией на фоне ДСТ данная тенденция сочеталась с достоверным снижением уровня Mg (p=0,026), выраженность которого нарастала по мере прогрессирования тяжести ДСТ (с 80,1±12,2 мкг/г при ДСТ I степени до 65,14±6,2 мкг/г при ДСТ II–III). Можно предположить, что подобные изменения были обусловлены мобилизацией указанных элементов из депо для синтеза ферментов антиоксидантной системы и осуществления механизмов резистентности слизистой оболочки желудочно-кишечного тракта. Более низкий уровень Mg в волосах детей с ДСТ, сопряженный с её степенью тяжести, объяснял полученные нами данные о высокой частоте деструктивных поражений у данной категории детей и указывал на срыв компенсаторных возможностей, поскольку отражал глубину морфофункциональных нарушений в слизистой оболочке гастродуоденальной зоны. Учитывая нормализующую роль важнейшего внутриклеточного электролита Mg в регуляции функций ЦНС, желудочно-кишечного тракта, энергетического обмена, метаболизма соединительной ткани и возможность существования в организме скрытого дефицита [5], можно было предполагать, что снижение его концентрации являлось одним из звеньев патогенеза реализации ДСТ в гастродуоденальную патологию. Таким образом, уровень содержания защитных элементов Mg, Zn и Cu у детей с ДСТ не обеспечивал барьерную функцию слизистой оболочки желудка и двенадцатиперстной кишки, создавая предпосылки к формированию воспалительно-деструктивных процессов. При этом степень тяжести ДСТ определяла клинический прогноз заболевания.

Сравнительный анализ содержания других металлов выявил повышение содержания Fe у детей с ДСТ, что отражало более глубокие метаболические нарушения, поскольку дефицит одних элементов неизбежно сопровождается накоплением других, способных оказывать повреждающее воздействие.

Полученные данные свидетельствовали о более глубоких изменениях процессов адаптации у детей с ДСТ, в результате которых развивалось истощение резервных возможностей организма и реализация предрасположенности в гастродуоденальную патологию.

Выводы. У детей с гастродуоденальной патологией на фоне ДСТ отмечается полиэлементный дисбаланс, преимущественно дефицитного характера, особенностью которого является одновременное снижение уровня Mg, Zn и Cu. Выраженность элементного дисбаланса зависит от степени тяжести ДСТ и в конечном итоге определяет клинический прогноз основного забо-

левания. Полученные данные по-иному раскрывают патогенез гастродуоденальной патологии на фоне ДСТ и обосновывают подходы к лечению. Определение уровня Mg в волосах может служить дополнительным методом доклинической диагностики гастродуоденальной патологии.

Библиографический список

1. *Авцин А.П., Жаворонков А.А, Риш М.А.* Микроэлементозы человека. – М.: Медицина, 1991.

2. *Byers P.M., Pyeritz R.E., Uitto J.* Research perspectives in heritable discords connective tissue // Matrix. – 1992. – V. 12. – № 4. – P. 333–342.

3. *Громова О.А.* Элементный статус и способы его коррекции у детей с различными последствиями перинатального поражения ЦНС: Афтореф. дис. … д-ра мед. наук / ИвГма. – Иваново, 2002.

4. *Жуковская Е.Д., Орлова Н.С., Скальный А.В.* Содержание некоторых микроэлементов в волосах и эритроцитах при детском церебральном параличе // Педиатрия – 1992. – №7. – С. 76–78.

5. *Коровина Н.А., Творогова Т.М., Гаврюшова Л.П.* Применение препаратов магния при сердечно-сосудистых заболеваниях у детей // Лечащий врач. – 2006. – № 3. – С. 10–13.

6. *Шапкина О.А.* Особенности нарушения содержания микро- и макроэлементов при язвенной болезни двенадцатиперстной кишки и их коррекция: Автореф. дис. … канд. мед. наук / НижГМА. – Н. Новгород, 1995.

А.А. Певзнер

ВЛИЯНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ДИНАМИКИ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ НА СТРОИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Освоение городских территорий без учета внутренней структуры и дина мики геосреды зачастую приводит к особенно негативным последствиям. Современное возведение строительных сооружений производится без существенного учета пространственно-временных изменений параметров грунтов подстилающей поверхности. Между тем существующий опыт позволяет полагать, что такие параметры как водонасыщенность, вязкость, реологические свойства грунта могут колебаться очень сильно по вертикали и по горизонтали, как по естественным, так и по техногенным причинам. Понимание динамики параметров грунтов может облегчить структурно-историческая модель геосреды, согласно которой комплекс водонасыщенных слоев представляет сложную систему русловых отложений чередующихся с водоупорными слоями, как по вертикали, так и по горизонтали. Погребенная русловая система обладает своим водным режимом и направлением стока, что определенно должно влиять на механику грунтов и учитываться при строительстве. Несмотря на солидный опыт строительства на территории Ярославля о погребенной русловой системе известно очень мало. Некоторая доля информации о расположении речек и ручьев, ныне исчезнувших содержится на старых картах города Ярославля. Если совместить старые карты территории Ярославля с современной картой города, то можно отметить, что здания, имеющие характерные повреждения располагаются в районе местоположения исчезнувших русел, что дает основание предполагать связь разрушений с погребенными руслами. Однако древние карты очень схематичны и не дают точной привязки местоположения погребенных русел.

Весьма показательными являются проблемы сохранения здания театра имени Ф.Г. Волкова, старейшего театра России.

История драматического театра им. Ф.Г. Волкова начинается с 1751 года. До этого времени выступление театральной группы организованной Ф.Г. Волковым, проходили в (амбарах, подвалах). А в 1751 Ф.Г. Волковым было построено деревянное здание театра, вмещающее около 1000 человек. Здание театра располагалось не там, где сейчас красуется театральный комплекс. Предположительно оно было построено на берегу реки Волги. О судьбе его ничего не известно.

На месте нынешнего театра в 1820 году по проекту архитектора И.П. Панькова строится новый театр. В 1838 году его покупает ярославский купец Алексеев, сносит и строит новое, каменное здание театра (И. Ивенская, ГП «Реставрация живописи и резьбы»; историческая справка, 1997 г.).

© А.А. Певзнер, 2006

При городском главе И.А. Вохрамееве город покупает здание театра и его тогдашнего владельца купца Чернова. Здание в значительной степени перестраивается и используется по назначению в течение 50 лет, вплоть до 1907 года. Нынешнее здание театра имени Ф.Г. Волкова, по сей день украшающее наш город, было построено с 9 сентября 1909 года по 15 сентября 1911 года под его же руководством и авторским надзором Н.А. Спирина.

В исторической справке И. Ивенской отмечается, что после постройки здания театра оно многократно ремонтировалось. В 1932 году производился капитальный ремонт. В 1965 году была проведена реконструкция здания по рабочим чертежам института «Облремстройпроект» и со стороны Первомайского бульвара к задней двухэтажной части здания театра была выполнена трехэтажная пристройка размером в плане 21,3х36,0 м. Задняя двухэтажная часть здания в 1966 году была надстроена третьим этажом до колосниковой части здания. В свою очередь колосниковая часть была расширена и надстроена на высоту до шести метров. На боковых фасадах здания со стороны улиц Первомайской и Ушинского были заделаны «карманы» на всю высоту здания [1].

Характерной особенностью является то, что здание театра построено на месте бывшего древнего оборонительного рва и земляного вала. Отмечается, что ров был с узкими ответвлениями. Известно, также о том, что где-то в этом районе располагалась река Нетеча. Опираясь на данные инженерно-геологических исследований и архивные материалы, можно предположить, что ров проходил примерно по линии улицы Ушинского, т.е. по наиболее пониженной русловой части реки. Земляной вал оконтуривал его, проходя по площади Волкова, через здание театра и далее по Первомайскому бульвару, по пойменной части реки.

Особенности древнего природного рельефа можно оценивать с известной долей вероятности. Ведь все сведения об участке расположения театра относятся ко времени после 1820 года. Как было расположено русло реки Нетечи, каков был ров с его ответвлениями и земляной вал, какие еще проводились земляные работы на этом месте в древности доподлинно не известно.

Исследование геосреды вблизи театра частично проводили с помощью исследовательских скважин и шурфов. Однако высокая стоимость этих работ, значительно возрастающая при повышении детальности исследования, существенный вред, наносимый окружающей среде и ограниченные возможности на застроенных территориях в пределах города, поставили задачу использования других методов исследования.

С точки зрения снижения затрат, повышения разрешающей способности и экологичности более предпочтительными являются геофизические методы. Такие как электроразведочные, радиолокационные, например «Геолокатор», и сейсмоакустические. К ним относятся метод отраженных волн (МОВ), метод преломленных волн (МПВ), вертикальное сейсмическое профилирование (ВСП).

Сейсмоакустические методы являются высокоинформативными, неразрушающими и сравнительно недорогими. Применение сейсмических станций с накоплением и маломощных невзрывных источников позволяет осуществлять проведение работ в условиях высоких помех без нанесения ущерба окружающей среде.

Суть сейсмоакустических методов заключается в возбуждении и регистрации сейсмоакустических волн с последующей аналитической обработкой сейсмограмм, построением сейсмогеологических разрезов определением скоростных свойств залегающих грунтов и как следствие их физико-механических характеристик.

Возбуждаемые искусственно, с помощью сейсмического источника колебания распространяются, как по поверхности грунта, так и внутри земной коры. Строение геологического разреза неоднородно по своей структуре, существуют границы между средами, имеющими различные физико-механические свойства, это обусловливает преломление и отражение колебаний от границ сред. Отраженные и преломленные волны выходят на поверхность и регистрируются специальными датчиками, так называемыми сейсмоприемниками. Так как скорости распространения колебаний зависят от свойств соответствующей среды то естественно, что время от момента возбуждения колебания до его регистрации сейсмоприемником зависит от расстояния между сейсмическим источником и сейсмоприемником, глубины расположения соответствующей отражающей границы и скоростных характеристик сред.

Длины годографов определялись сейсмогеологическими условиями изучаемых разрезов, мощ-

ностью источника и организационными возможностями. Шаг наблюдений выбирался от 0,5 до 1 м. Использовалось и профилирование на постоянных базах в комплексе с линейными зондированиями. При исследовании использовались невзрывные источники, что позволяло вести работы без ограничения с точки зрения техники безопасности и нанесения вреда окружающей среде.

Полученные сейсмическими методами результаты уточнялись с помощью контрольного бурения и результатов, ранее проведенных инженерно-геологических изысканий в данном районе.

Контрольная скважина также использовалась для уточнения скоростных характеристик залегающих пород. При этом использовался разработанный автором скважинный прибор.

Имеющаяся аппаратура позволила эффективно провести работы как внутри здания, так и вблизи него.

Были проведены исследования верхней части разрезов и глубины залегания фундамента здания областного театра им. Ф. Волкова. Сейсмогеологические исследования позволили определить структуру верхней части разреза вблизи театра глубину залегания фундамента и некоторые характеристики грунтов.

В результате исследования было установлено, что: под зданием театра расположено погребенное русло реки Нетеча; подтопление части основания здания театра обусловлено нарушением дренирующей способности погребенного русла оборудованной, во время реконструкции театра под землей, вентиляционной камерой.

Таким образом, следует отметить:

1. При строительстве и реконструкции строительных объектов в городской черте, для предупреждения вероятных ошибок, необходимо учитывать динамику геосреды и вероятное наличие погребенных русел.

2. Для повышения достоверности проводимых инженерно-геологических исследований, снижения или исключения вреда среде и снижения затрат необходимо использование комплексных методик исследования включая геофизические методы.

Библиографический список

1. *Малышев И.В., Певзнер А.А., Преснухин В.И.* Памятник должен жить вечно // Ярославль многоликий. – 2000. – №2. – С. 2–4.

2. *Певзнер А.А., Певзнер Л.А.* Поиск и разведка погребенных русел в городской черте Ярославля // Актуальные проблемы экологии Ярославской области: Материалы Третей научно-практической конференции. Вып. 3. Т. 1. – Ярославль: Изд. ВВО РЭА, 2005. – С. 111–114.

В библиотеке КГУ им. Н.А. Некрасова депонирована рукопись Надежды Владимировны Смирновой

ТВОРЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В статье проанализирована многогранная деятельность художников – живописцев, декораторов, графиков Верхнего Поволжья и дана оценка их вклада в художественную жизнь региона в годы насильственной ломки старого и рождения нового уклада жизни.

В библиотеке КГУ им. Н.А. Некрасова депонирована рукопись Надежды Владимировны Смирновой

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КАК КОМПОНЕНТ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье определяется важное место художественного краеведения в структуре исторического образования и даются методические рекомендации по изучению искусства местного края.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Л.М. Чекмарева

ОПТИМИЗАЦИЯ ОБЪЕМОВ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ В АПК РЕГИОНА

В настоящее время в Российской Федерации главным экономическим механизмом государственного регулирования территориального и регионального развития является бюджетная система. Как правило, она имеет три уровня: центральный, региональный, местный. Основные направления эволюции бюджетной системы России в переходном периоде определяются стремлением к достижению большей автономности, самообеспеченности, бездефицитное бюджетов разных уровней, относительному уменьшению межбюджетных потоков (особенно встречных). Преобладающей тенденцией является децентрализация бюджетной системы, т. е. увеличение роли региональных и местных бюджетов путем передачи с федерального уровня расходных полномочий и соответствующей доходной базы [1].

Совершенствование дотационного механизма в сельском хозяйстве должно происходить в направлении увеличения дотаций на сельхозпродукцию, с тем чтобы обеспечить паритет ценовых соотношений с продукцией на средства производства для села. При этом главную роль в решении этой проблемы следует отдавать федеральному бюджету [3]. Регионализация системы дотирования препятствует формированию единого рыночного пространства, искажает объективную конкурентную среду, приводит к неоправданной дифференциации в социальных условиях жизни на селе. Одна из отличительных особенностей сельскохозяйственного производства – его сезонный характер, поэтому без сезонных кредитов оно просто не может функционировать. Все последние десять лет задача поддержки кредитования осложняется отсутствием оборотных средств у сельхозпредприятий и убыточностью производства. В 1992–1993 годах еще действовала старая система льготного кредитования. Затем льготные кредиты были отменены, а под ставки в 200% хозяйства не могли брать деньги.

В связи с этим государство организовало товарное кредитование. Однако механизмы товарного кредита были сложны. В итоге цены, например, на нефтепродукты, обходились хозяйствам на 20–30% выше рыночных, а льготы по кредитам доставались поставщикам.

С 2000 года осуществляется переход на новую концепцию льготного кредитования на основе субсидирования процентной ставки. На 2001 год были выделены средства федерального бюджета в размере 1,3 млрд. руб. на субсидирование процентной ставки, что позволило предприятиям АПК получить около 18,4 млрд. руб. кредитных средств.

Одной из форм поддержки кредитования АПК явилось создание в 1994 году лизингового фонда. Для успешного проведения лизинга использованием бюджетных средств были установлены низкая арендная плата за лизинг, дифференцированная оплата первоначальных взносов, низкий уровень торгово-снабженческих расценок, льготная оплата железнодорожных тарифов и созданы другие благоприятные условия.

В настоящее время в обороте лизингового фонда находятся около 10 млрд. руб. Однако следует отметить, что в отношении организации поддержки лизинговой деятельности в АПК постоянно идет критика за нерыночные формы лизинга. Для решения данных проблем в 2001 году была создана Государственная лизинговая компания для АПК.

В западных странах центральное место в регулировании агропромышленного производства занимает государственная поддержка реализации продукции. В нашей стране для организации регулирования продовольственного рынка была организована Федеральная продовольственная корпорация. За время своего существования она не только не оказала поддержки сельскому хозяйству, но и нанесла ощутимый урон. Корпорация использовала не по назначению 2,5 млрд. руб. бюджетных ссуд и 2,7 млрд. руб. коммерческих кредитов, которые были погашены за счет бюджетных средств, предназначавшихся для финансирования АПК [2].

© Л.М. Чекмарева, 2006

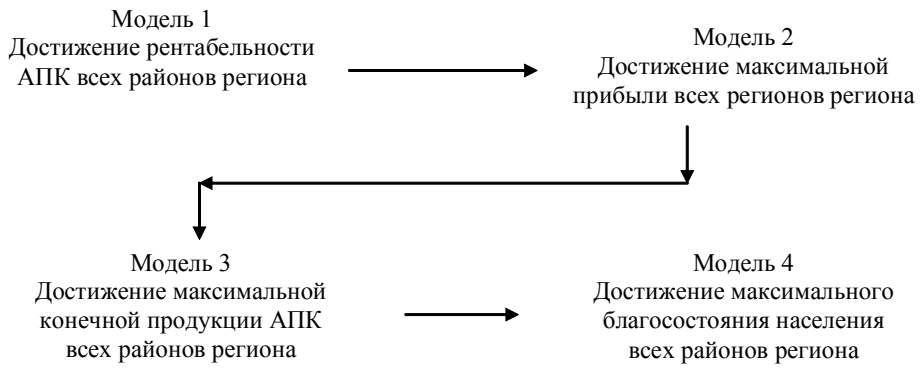

Рис. Система моделей оптимизации расходов государственного бюджета

Важнейшую роль в поддержке реализации сельхозпродукции призвано сыграть Федеральное агентство по регулированию продовольственного рынка, созданное при Минсельхозе России.

Важное место в системе господдержки сельского хозяйства всех развитых стран занимает страхование. Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2001 года создано при Минсельхозе России федеральное государственное учреждение по государственной поддержке страхования в сфере АПК. С 2001 года в федеральном бюджете предусматривается на поддержку страхования выделение значительных средств. Средства, выделенные из федерального бюджета на уплату части страхового взноса, составили в среднем 18% от начисленных страховых взносов.

Исследования целей развития АПК региона в разрезе входящих в него административно-территориальных образований (сельских районов, городов) позволяет выделить направления оптимизации распределения и использования расходов государственного бюджета путем последовательного решения задач по четырем критериям оценки деятельности АПК: достижение безубыточности АПК всех районов региона (Тюменской области) при минимуме общего объема бюджетной поддержки и не снижении объемов производства; достижения максимальной прибыли по АПК всех районов региона; достижения максимальной конечной продукции АПК всех районов области; достижения максимального благосостояния всего населения в сельских районах области (приближение потребления продуктов питания к рациональным нормам потребления) (рис.). Логика их связи обусловлена требованиями рынка и ограниченностью ресурсов бюджета.

Библиографический список

1. *Голованов А.* Финансово-аналитический аспект регулирования внутреннего рынка АПК // АПК: экономика, управление. – 2000. – №1.

2. *Киселев С., Ромашкин Р.* Тарифная защита и поддержка сельского хозяйства России в контексте присоединения к ВТО //АПК: экономика, управление. – 2001. – №9.

3. *Чекмарева Л. М.* Методы государственного регулирования межотраслевого комплекса региона (на примере агропромышленного комплекса Тюменской области): Дисс. … кан. экон. наук. – Новосибирск, 2003.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Скаржинский М.И., Чекмарев В.В. *ВЫБОР ТЕМЫ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕЕ ОБСУЖДЕНИЕ НА КАФЕДРЕ:* метод. рекомендации для аспирантов и соискателей экономических специальностей. – Кострома: КГУ, 2006. (Послевузовское образование).

Н.В. Чекмарева

МЕТОДИКА ПОДГОТОВКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДАННЫХ ДЛЯ АНАЛИЗА РИСКОВ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ И ПРИМЕНЕНИЕ ЕЕ ПРИ ПРИНЯТИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ

Преамбула. *Для преодоления кризиса в сельском хозяйстве России необходима активизация инвестиционной деятельности. В настоящее время инвестиционная привлекательность этой сферы производства невелика; в большой степени это обусловлено высокими рисками инвестиций в сельском хозяйстве и их неопределенностью. При оценке рисков инвестиций в сельском хозяйстве необходимо комплексно использовать известные инструменты (методы анализа инвестиционных проектов, финансового состояния предприятия, статистические методы) с учетом специфики отрасли.*

При использовании характеристик общей вариации динамического ряда значений того или иного фактора, влияющего на эффективность и реализуемость проекта, в качестве информации для анализа рисков, результаты анализа будут поверхностными. Действительно, понятие риска предполагает наличие неопределенности, случайных изменений значений фактора. Однако исходный вариационный ряд содержит не только случайные колебания признака, но и, вполне возможно, закономерные изменения его во времени. Пока нам неизвестны эти закономерности, вся вариация признака будет отнесена на долю случайных колебаний в силу своей неопределенности. При этом к рискам проекта, связанным с изменением значения исследуемого признака под воздействием объективно случайных факторов добавляются и риски, обусловленные невниманием к существующим закономерностям в изменении признака [2; 3].

Мы предлагаем воспользоваться приемом разложения динамического ряда на составляющие и, таким образом, разделить колебания признака на закономерные колебания и колебания под воздействием действительно случайных факторов и исследовать отдельно каждую составляющую. Это позволит учесть риски, связанные с закономерными изменениями признака и анализировать риски, связанные со случайными изменениями [5].

Выявленные закономерности в изменении признака (тренд, циклические или сезонные колебания) являются важной информацией для инвестиционного проекта, так как дают возможность обоснованно строить бизнес-план проекта. Несомненно, повышение качества планирования снижает риски проекта, связанные с использованием неточной информации.

Характеристики случайной составляющей вариационного ряда являются важной информацией для классического анализа рисков.

Таким образом, задачами предварительной подготовки данных, получаемых с помощью различных систем учета, являются:

– отбор признаков, которые могут быть существенными для данного инвестиционного проекта;

– обеспечение качественной однородности исследуемого ряда;

– выделение закономерной и случайной составляющих динамического ряда с целью разделения вариации по источникам согласно формуле разложения дисперсии [25, с. 136]:

$$\sigma^2_{общ} = \sigma_{трен} + \sigma^2_{сезон} + \sigma^2_{осту} \qquad (1)$$

– формализация закономерных изменений признака с целью применения при построении модели инвестиционного проекта;

– исследование случайной составляющей вариационного ряда данных с целью применения его характеристик при анализе рисков.

Для рассмотрения используем характерный для хозяйств Московской области пример – вариационный ряд цены реализации молока в одном из хозяйств южной зоны области за 1998–2000 гг.

На рисунке 1 представлен фрагмент ряда – фактические цены реализации, зафиксированные по конкретным сделкам в период с июня по декабрь 1999 г. Как мы видим из графика, цены варьируют значительно: на данном отрезке времени они колеблются в пределах от 1,36 до 5,98 руб./кг. Однако использовать подобные колебания в качестве характеристики колеблемости цены при анализе рисков было бы грубой ошибкой, так как важнейшим фактором, влияющим на эффективность и реализуемость проекта, является не цена какой-либо отдельно взятой сделки, а средняя величина за относительно су-

 © Н.В. Чекмарева, 2006

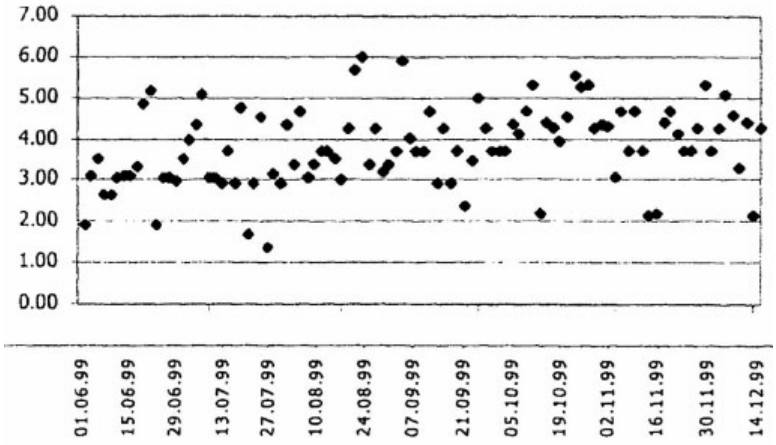

Рис. 1. Фактические цены реализации молока по отдельным сделкам, руб./кг (фрагмент динамического ряда)

щественный период, следовательно, и исследовать надо вариацию средних цен по периодам.

Поскольку влияние цен отдельных сделок на проект зависит от объема сделки, в качестве средней величины необходимо использовать средневзвешенную цену реализации.

Применим метод укрепления периодов, определив средневзвешенные цены в каждом месяце (рис. 2).

При анализе динамического ряда цены реализации молока за 1998–2000 гг. были обнаружены два качественно различных периода: до ноября–декабря 1998 г. и после декабря. Существенный скачок цены реализации молока в эти месяцы имеет объективные экономические причины: это проявлялись последствия экономического кризиса, приведшего к обвалу рубля в августе 1998 г. Обладая некоторой инертностью, имеющей и внутренние (например, запас кормов) и внешние (общая ситуация на рынке) причины, сельскохозяйственное производство, и, в частности, производство молока отреагировало на события августа 1998 г. с некоторой задержкой – в течение трех месяцев уровень цен вышел на качественно новый уровень – 3,55 руб./кг в декабре при 1,35 руб./кг в августе. Таким образом, следуя принципам качественной однородности ряда, выделим отрезок с декабря 1998 г. по декабрь 2000 г. и продолжим исследование цены реализации молока на этом отрезке динамического ряда [4].

Попробуем выделить следующие компоненты временного ряда: тренд, сезонные колебания

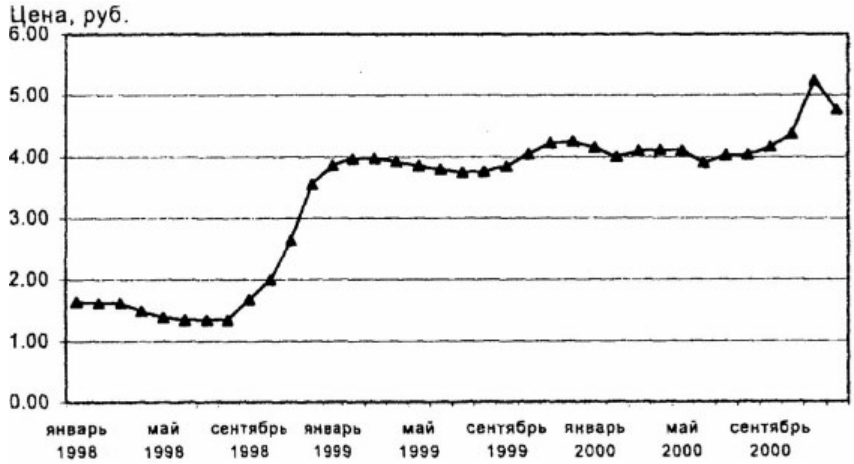

Рис. 2. Динамика среднемесячной цены реализации молока, руб./кг

Таблица 1

Характеристики выравнивания по различным формам трендов

Форма тренда	Уравнение	Остаточное средне-квадратическое отклонение	Коэффициент/ индекс корреляции
Линейная	$y=3,653+0,032^{*}t$	0,239	0,699
Параболическая	$y=3,888–0,020^{*}t+0,020^{*}t^2$	0,220	0,752
Логарифмическая	$y=3,503+0,246^{*}\ln(t)$	0,267	0,602
Гиперболическая	y=4,190+-0,756/t	0,297	0,457

и случайные колебания как отклонения от выделенных тенденций.

Выделение тренда. Тренд в данном случае должен отражать общую направленность изменения цены реализации молока. Для определения формы зависимости, наиболее точно отражающей общую тенденцию изменения цены во времени, проведем выравнивание ряда по различным функциям с помощью метода наименьших квадратов.

Важным вопросом в исследовании является выбор функции тренда. В качестве возможных функций были исследованы линейная, параболическая, степенная с основанием 10, логарифмическая, гиперболическая, некоторые другие функции; отобраны для дальнейшего исследования линейная, параболическая, логарифмическая и гиперболическая функции. При выборе руководствовались, во-первых, соответствием формы функциональной зависимости экономическим и биологическим процессам в сельском хозяйстве, и, во-вторых, «простотой» функции. Это обосновано тем, что «чем сложнее уравнение линии тренда, чем большее число параметров оно содержит, тем труднее дать надежную оценку этих параметров по ограниченному числу уровней ряда и тем больше ошибка этих параметров, ошибки прогнозируемых уровней» [1, с. 34].

Характеристики выравнивания по указанным формам зависимости приведены в таблице 1.

При выборе тренда руководствовались относительно меньшим значением остаточного среднеквадратического отклонения и большим коэффициентом корреляции, а также графиком сравнения различных форм зависимостей (рис. 3). По значениям среднеквадратического отклонения и коэффициента корреляции близкие значения имеют прямолинейная и параболическая функции; выбор был сделан в пользу более простой – линейной зависимости (среднеквадратическое отклонение – 0,239; коэффициент корреляции – 0,699).

Тренд, выравненный по этой форме зависимости, будет использован при дальнейшей обработке и анализе вариационного ряда.

Выделение сезонных колебаний. Необходимо отметить, что наличие и характер сезонных колебаний цены реализации сельскохозяйственной продукции зависит от характера, технологических и иных особенностей продукции. В частности, производство молока характеризуется ярко выраженной сезонностью – в зависимости от

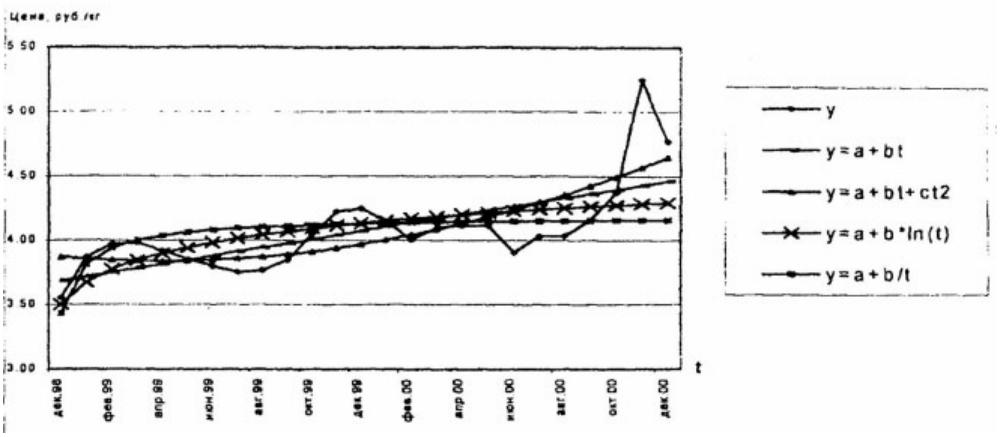

Рис. 3. Выравнивание динамического ряда цены реализации молока по различным формам трендов

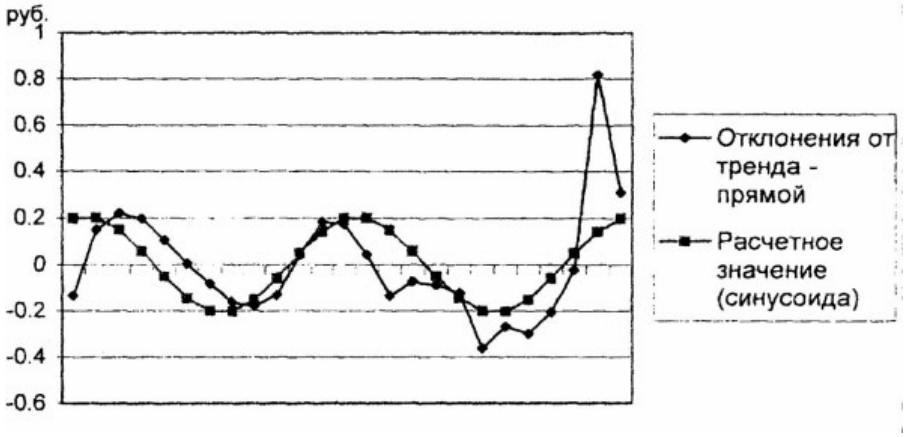

Рис. 4. Сезонные колебания цены реализации молока, руб./кг

времени года изменяются и объемы производства (летом больше, чем зимой), и цены реализации (зимой более высокие цены).

Исследование показало, что подобным сезонным колебаниям более всего соответствует синусоидальная форма зависимости. Если в конкретном случае не выявлено иное, рекомендуется воспользоваться синусоидой для выравнивания динамического ряда с целью выявления сезонных колебаний.

В качестве выравниваемого ряда будет выступать ряд отклонений значений фактического ряда от выравненного по уравнению прямой. Таким образом, мы исключаем выявленную общую тенденцию (тренд) и можем исследовать сезонность колебаний.

Для определения параметров уравнения регрессии воспользуемся методом наименьших квадратов. В качестве количества наблюдений в цикле (P) примем 12 – количество периодов наблюдений (при среднемесячных данных) в календарном году. Тогда уравнение синусоиды будет иметь вид:

$$Y = 0{,}000 + 0{,}058*\sin(T) + 0{,}199*\cos(T),$$

где $T = 2*\pi*(t-1)/P$

Выравненный ряд (синусоида) и ряд отклонений значений фактического ряда от выравненного по уравнению прямой представлены на рисунке 4.

Уравнение синусоиды достаточно хорошо описывает сезонные колебания цены реализации молока. Остаточное среднеквадратическое отклонение – 0,187 (до исключения сезонных колебаний – 0,239).

Случайные колебания. Выделив из временного ряда две существенные составляющие – тренд

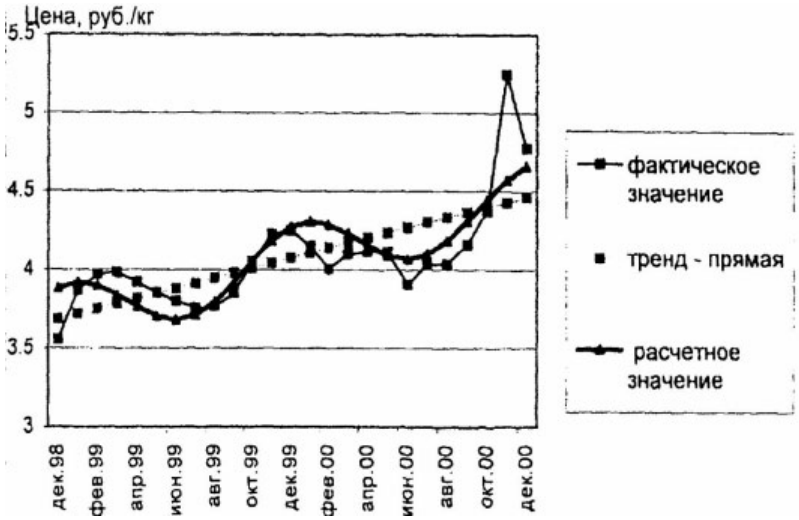

Рис. 5. Сравнение фактических и расчетных цен реализации молока, руб./кг

Таблица 2

Расчет случайной составляющей динамического ряда среднемесячной цены реализации молока, руб./кг

Номер периода	Фактическое значение	Расчетное значение			Отклонения (случайные колебания)
		тренд - прямая	сезонные колебания - синусоида	итого расчетное значение	
1	3,55	3,69	0,199	3,88	-0,330
2	3,87	3,72	0,201	3,92	-0,052
3	3,97	3,75	0,150	3,90	0,071
4	3,98	3,78	0,058	3,84	0,140
5	3,92	3,82	-0,049	3,77	0,154
6	3,85	3,85	-0,143	3,70	0,148
7	3,80	3,88	-0,199	3,68	0,118
8	3,75	3,91	-0,201	3,71	0,041
9	3,77	3,95	-0,150	3,80	-0,029
10	3,85	3,98	-0,058	3,92	-0,072
11	4,05	4,01	0,049	4,06	-0,007
12	4,23	4,04	0,143	4,19	0,040
13	4,25	4,07	0,199	4,27	-0,024
14	4,15	4,11	0,201	4,31	-0,158
15	4,00	4,14	0,150	4,29	-0,284
16	4,10	4,17	0,058	4,23	-0,130
17	4,12	4,20	-0,049	4,16	-0,038
18	4,11	4,24	-0,143	4,09	0,021
19	3,91	4,27	-0,199	4,07	-0,163
20	4,03	4,30	-0,201	4,10	-0,066
21	4,04	4,33	-0,150	4,18	-0,148
22	4,16	4,37	-0,058	4,31	-0,146
23	4,38	4,40	0,049	4,45	-0,072
24	5,25	4,43	0,143	4,57	0,674
25	4,77	4,46	0,199	4,66	0,112
Среднее значение	4,08	4,08	–	4,08	–
σ	0,335	0,234	0,149	–	0,187

и сезонные колебания, мы можем считать, что остальные колебания обусловлены влиянием случайных или неучтенных факторов. Определим случайные колебания как разность между фактическим значением цены в данной точке и расчетным значением, складывающимся из значений соответствующей точки тренда (прямой) и сезонного отклонения (синусоиды). Результаты расчетов приведены в таблице 2.

Получив ряд значений, отражающий действительно случайные колебания среднемесячной цены реализации молока, проанализируем показатели вариационного ряда по этапам снятия закономерных тенденций (рис. 5, табл. 3).

Из данных таблицы 3 мы видим, что значительная доля вариации признака обусловлена закономерными изменениями цены реализации молока во времени: 48,83% объема вариации обусловлено ростом цены реализации с декабря 1998 г. по декабрь 2000 г.; 19,87% объема вариации объясняется сезонными колебаниями цены в течение года; и лишь 31,30% приходится на долю вариации под действием случайных факторов. Среднеквадратическое отклонение исходного вариационного ряда – 0,335, после снятия закономерных тенденций – 0,187. Размах вариации – 1,69 и 1,00 соответственно.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что предлагаемая последовательность расчетов достаточно эффективно позволяет разделить общую вариацию цены реализации молока на вариацию, обусловленную закономерными изменениями и вариацию, которая определяется воздействием случайных факторов.

Таблица 3

Характеристики вариационного ряда цены реализации молока

Показатели	Исходная вариация	Остаточная вариация после исключения Тренда (прямая)	Остаточная вариация после исключения сезонных колебании (синусоида)
Количество значений	25	25	25
Среднее значение, руб.	4,08	4,08	4,08
Размах вариации, руб.	1,69	1,18	1,00
Среднеквадратическое отклонение, руб.	0,335	0,239	0,187
Коэффициент вариации, %	8,21	5,87	4,59
Объем вариации	2,797	1,431	0,875
Доля вариации, %	100,00	51,17	31,30

Цены на различную продукцию сельскохозяйственного производства варьируют по-разному, но, поскольку динамический ряд цены на любой вид сельскохозяйственной продукции, как всякий вариационный ряд, складывается из одних и тех же компонентов (тренда, циклических, сезонных и случайных колебаний), то к нему также могут быть применены описанные выше методы, с учетом особенностей конкретного вида продукции при принятии решения в узловых точках (например, выборе функции тренда, учету циклических и сезонных колебаний, форме сезонных колебаний и др.)

Библиографический список

1. *Афанасьев В.Н., Юзбашев М.М.* Анализ временных рядов и прогнозирование. – М.: Финансы и статистика, 2001.

2. *Алексанов Д.С., Чекмарева Н.В.* Об использовании данных о реализации сельскохозяйственной продукции для оценки рисков инвестиционной деятельности // Информационный бюллетень ИКС Московской области. – М.: Изд-во МСХА, 2001. – №2. – С. 11–13.

3. *Алексанов Д.С. Чекмарева Н.В.* Что можно рекомендовать разработчикам инвестиционных проектов в сельском хозяйстве // Информационный бюллетень ИКС Московской области. – М.: Изд-во МСХА, 2001. – №4. – С. 41–43.

4. *Алексанов Д.С. Чекмарева Н.В.* Информационное обеспечение анализа рисков инвестиций в АПК // Материалы научной конференции 4–7 декабря 2001 г.

5. *Чекмарева Н.В.* Анализ и оценка рисков для принятия инвестиционных решений в сельском хозяйстве: Дис. … кан. экон. наук. – М., 2002.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Свиридов Н.Н. *УПРАВЛЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫМИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ* / Н.Н. Свиридов, О.Н. Карпов, О.Н. Грабова / Под ред. Н.Н. Свиридова; рец. О.К. Платов, Н.П. Гибало. – Кострома: КГУ, 2006. – 140 с. – ISBN 5-7591-0719-4.

Скаржинский М.И., Чекмарев В.В. *ЭКЗАМЕН КАНДИДАТСКОГО МИНИМУМА ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ:* метод. рекомендации для аспирантов и соискателей экономических специальностей. – Кострома: КГУ, 2006. (Послевузовское образование).

***ЖИВОЕ КОСТРОМСКОЕ СЛОВО: КРАТКИЙ КОСТРОМ. ОБЛ. СЛОВАРЬ* / Сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – 347 с.**

Н.Н. Свиридов, Д.В. Мойсеенко

КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: СУЩНОСТЬ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

В современных условиях становится актуальными разработки моделей корпоративного управления на всех уровнях динамики развития. Экономика не только в России, но и в других странах требует совершенно нового подхода к корпоративному управлению. Актуальность этой проблемы обусловливается еще и тем, что авторы неоднозначно дают сущностное определение категории «корпорация». Сущность корпоративного управления состоит в реализации цикла корпоративного управления для достижения максимальной эффективности функционирования корпорации, которая является основным критерием корпоративного управления.

Экономические и управленческие категории «корпорация», «корпоративное управление» стали все чаще использоваться наукой и в литературе, постепенно формируя представление о системе управления, принятой корпорациями, как об одном из важнейших способов эффективного управления. Особую актуальность приобретает эта проблема для современных условий России. Опыт деятельности корпораций передовых зарубежных стран, и уже имеющийся опыт российского управления породили много вопросов по этой проблеме. В экономических системах корпоративное управление исследовали такие видные зарубежные авторы, как Ф. Тейлор, А. Файоль, П. Друкер, Ли Якока и ряд других авторов. Среди отечественных ученых эту проблему освещают А.В. Бандурин, Л.Ф. Зинатулин, А.Б. Егоршин, А.В. Коротков, С.В. Шекшня, А.Я. Кибанов, М.Н. Полторанин и др. Однако остаются неоднозначные толкования сущности корпоративного управления, а также недостаточно освещены проблемы институциональной структуры, принципы и тенденции развития корпоративного управления. В отечественных компаниях остро встала проблема разработки системы взаимоотношений между менеджерами компании и их владельцами, а также другими заинтересованными сторонами, которая направлена на обеспечение эффективности деятельности компании и учета интересов владельцев и других заинтересованных сторон. Такая система носит название системы корпоративного управления. Корпоративное управление – это система организационно-экономических, правовых и управленческих отношений между субъектами экономических отношений, интерес которых связан с деятельностью компании [9, с. 14]. Ряд авторов отмечают, что к основным факторам, оказывающим существенное влияние на эффективность деятельности компании и обуславливающих появление дополнительных конкурентных преимуществ, относятся механизмы принятия организационно-управленческих решений и проведения соответствующих мероприятий по их осуществлению. Корпоративное управление, как процесс принятия управленческих решений, организация их исполнения, контроль над исполнением и оценка достигнутых при этом результатов включает в себя определение основной цели, средств и методов ее достижения. Низкий уровень практики корпоративного управления оказывает негативное воздействие на эффективность инвестиций, а также способствует возникновению более крупных проблем системного характера на национальном и региональном уровне [2, с. 362]. Добросовестная практика корпоративного управления служит залогом того, что компании учитывают интересы широкого круга заинтересованных лиц и что их руководство подотчетно самой компании и ее акционерам. Это, в свою очередь, помогает поддерживать доверие со стороны инвесторов – как иностранных, так и отечественных – и привлекает более долгосрочные капиталы. Поэтому основной целью эффективного корпоративного управления является повышение доверия потенциальных инвесторов к механизмам привлечения инвестиций в компании и на этой основе повышение капитализации отечественных компаний, и соответственно российской экономики в целом. Основным условием достижения вышеуказанной цели, повышения эффективности и дальнейшего развития корпоративного управления в России является полный учет, анализ и обеспечение оптимального сочетания и удовлетворения интересов субъектов экономических отношений – компаний.

© Н.Н. Свиридов, Д.В. Мойсеенко, 2006

Система корпоративных отношений определяет не только размер текущих дивидендов, выплачиваемых акционерам, и текущий уровень котировки акций компании, но и перспективы ее долгосрочного развития, возможности привлечения дополнительных инвестиций, как из внутренних, так и из внешних источников, степень позитивного воздействия деятельности каждой конкретной компании на экономику страны в целом, общую эффективность использования привлеченных финансовых ресурсов. Таким образом, состояние корпоративного управления является очень важным интегральным показателем, характеризующим состояние инвестиционного процесса в стране. По мнению Б.М. Шпотова, уровень корпоративного управления в России является довольно низким и не соответствует мировым стандартам. Причинами этого могут быть как некоторые характерные признаки российского акционерного капитала, сложившиеся в процессе приватизации предприятий, так и наличие своеобразных «тесных» отношений между управленцами компаний и владельцами крупных пакетов акций [10, с. 27–29]. Все это определило возникновение ряда существенных проблем на пути становления и развития «цивилизованного» корпоративного управления в России. По нашему мнению, среди этих проблем можно выделить следующие: российские акционерные общества практически не восприняли современные тенденции развития корпоративного управления, основанные на построении качественно новых взаимоотношений субъектов управления; акционерные общества не смогли воспринять так называемую «социальную функцию» как необходимый элемент существования корпораций; акционерный капитал не стал основополагающим источником роста общероссийского организованного фондового рынка; современный уровень российского законодательства в сфере корпоративного управления не отвечает общепризнанным международным стандартам. В нем отсутствуют как нормы, устанавливающие ответственность управляющих акционерным обществом за действия, наносящие ущерб акционерному обществу, так и нормы закрепляющие ответственность за злоупотребление акционерами своими правами. Все эти обстоятельства в совокупности препятствуют осуществлению масштабных инвестиций в российские корпоративные ценные бумаги и снижают эффективность функционирования отечественных компаний. Однако некоторые российские компании достигли впечатляющих успехов на пути к становлению в них корпоративного управления высокого уровня, соответствующего мировым стандартам. Это относится, прежде всего, к компаниям телекоммуникационного сектора, а также к компаниям топливно-энергетического комплекса [7, с. 97–100]. Несмотря на то, что положения системы управления могут быть разными у различных акционерных обществ, многие факторы «де-факто» и «де-юре» оказывают на них практически одинаковое влияние. Поэтому, возможно сформулировать определение типовой «модели» развития управления акционерным обществом в различных странах. Исследования показывают, что в каждой стране структура управления акционерными обществами имеет определенные характеристики и составляющие институциональные элементы, которые отличают ее от структур других стран [5, с. 8–10]. Исследователи выделяют три основных модели управления акционерными обществами на развитых рынках капитала. Это англо-американская модель, японская модель и немецкая модель. Основные признаки или элементы каждой модели это: ключевые участники акционерного общества или корпорации; структура владения акциями в конкретной модели; состав совета директоров; законодательные рамки; требования к раскрытию информации для корпораций, включенных в листинг; корпоративные действия, требующие одобрения акционеров; механизм взаимодействия между ключевыми участниками. Англо-американская модель характеризуется наличием индивидуальных акционеров и постоянно растущим числом независимых, т.е. не связанных с корпорацией акционеров (они называются «внешние» акционеры или «аутсайдеры»), а также четко разработанной законодательной основой, определяющей права и обязанности трех ключевых участников: управляющих, директоров и акционеров и сравнительно простым механизмом взаимодействия между корпорацией и акционерами, и между акционерами как на ежегодных общих собраниях, так и в промежутках между ними. Более того, существует причинно-следственная связь между преобладанием акционерного финансирования, размерами рынка капитала и развитостью системы корпоративного управления. США являются крупнейшим

рынком капитала и одновременно местом наиболее развитой системы голосования по доверенности и небывалой активности независимых (институциональных) инвесторов. Последние также играют важную роль на рынке капитала и в корпоративном управлении Великобритании. Англо-американская модель, развивавшаяся в условиях свободного рынка, предполагает разделение владения и контроля в наиболее крупных корпорациях. Это юридическое разделение очень важно с деловой и социальной точек зрения, т.к. инвесторы, вкладывая свои средства и владея предприятием, не несут юридической ответственности за действия корпорации. Они передают функции по управлению менеджерам и платят им за выполнение этих функций как своим агентам по ведению дел. Плата за разделение владения и контроля и называется «агентскими услугами». Японская модель характеризуется высоким процентом банков и различных корпораций в составе акционеров; банковская система отличается прочными связями «банк ↔ корпорация»; законодательство, общественное мнение и промышленные структуры поддерживают «кейрецу», (т.е. группы корпораций, объединенных совместным владением заемными средствами и собственным капиталом); Советы директоров таких групп состоят преимущественно из «внутренних» членов; процент независимых членов чрезвычайно низок, что связано с существующими сложностями голосования. При безусловной важности акционерного финансирования в большинстве японских корпораций основными владельцами акций являются инсайдеры [1, с. 13–22]. Поэтому они играют важную роль в отдельных корпорациях и во всей системе. Интересы же внешних инвесторов практически не учитываются. Процент иностранных инвесторов в японских корпорациях минимален, хотя даже небольшое число акционеров из других стран могло бы сделать японскую систему более удобной для внешних акционеров.

Японская система корпоративного управления является многосторонней и базируется вокруг ключевого банка и финансово-промышленной сети или кейрецу. Основной банк и кейрецу – это два разных, но дополняющих друг друга элемента японской модели. Практически все японские корпорации имеют тесные отношения со своим основным банком. Банк предоставляет своим корпоративным клиентам кредиты и услуги по выпуску облигаций, акций, ведению расчетных счетов и консалтинговые услуги. Основной банк, как правило, является главным держателем акций корпорации. В США, например, антимонопольное законодательство, препятствует одному банку играть такое количество различных ролей. Эти функции, выполняются различными структурами: коммерческими банками – кредиты, ссуды; инвестиционными банками – выпуск акций; специализированными консалтинговыми корпорациями – голосование по доверенности и другие услуги [4, с. 73–87].

В немецкой модели, как и в японской, банки являются ключевыми акционерами и развивают прочные связи с корпорациями в силу того, что они оказывают множество различных услуг и их интересы перекрещиваются с интересами корпорации. В этом состоит основное отличие этих моделей от англо-американской, где такие отношения запрещены антитрестовским законодательством. Банки являются долгосрочными акционерами немецких корпораций и, подобно японской модели, представители банков выбираются в Советы директоров. Однако, в отличие от японской модели, где представители банков привлекаются в совет только в кризисных ситуациях, в немецких корпорациях представительство банков в совете постоянно. Существуют три основных тенденции и особенности развития немецкой модели. Во-первых, немецкая модель предусматривает двухпалатный Совет, состоящий из Правления (исполнительного совета) и наблюдательного совета (представители рабочих, служащих корпорации и акционеров). Эти две палаты абсолютно разделены: никто не может одновременно членом Правления и наблюдательного совета. Во-вторых, численность наблюдательного совета устанавливается законом и не может быть изменена акционерами. В-третьих, в Германии и других странах, использующих немецкую модель, узаконены ограничения прав акционеров в части голосования, т.е. ограничивается число голосов, которое акционер имеет на собрании и которое может не совпадать с числом акций, которыми этот акционер владеет. Большинство немецких корпораций предпочитает банковское финансирование акционерному, поэтому капитализация фондового рынка невелика по сравнению с мощью немецкой экономики. Поэтому неудивительно, что структура управления акционерным обществом

сдвинута в сторону контактов между ключевыми участниками, а именно, банками и корпорациями. Система в какой-то степени является противоречивой в отношении к мелким акционерам: с одной стороны, она позволяет им вносить предложения, с другой, позволяет корпорациям налагать ограничения на права голоса. Процент иностранных инвесторов достаточно велик. Этот фактор постепенно начинает оказывать влияние на немецкую модель, т.к. иностранные инвесторы из стран Европейского Сообщества и других стран начинают защищать свои интересы. Распространение рынка капитала заставляет немецкие корпорации пересматривать свою политику. Как и в японской модели, описанной ранее, банк играет несколько ролей: он выступает акционером и кредитором, эмитентом ценных бумаг и долговых обязательств, депозитарием и голосующим агентом на ежегодных общих собраниях акционеров. В Германии корпорации также являются акционерами и могут иметь долгосрочные вложения в других неаффилированных корпорациях, т.е. корпорациях, не принадлежащих к определенной группе связанных между собой корпораций. Включение представителей рабочих (служащих) в состав наблюдательного совета является дополнительным отличием немецкой модели от японской и англо-американской [1, с. 13–22]. В России, в соответствии с действующим законодательством, понятие «корпорация» трактуется как правовая форма бизнеса, наиболее распространенная форма акционерного предприятия, обязательно имеющая статус юридического лица. В этой связи управление корпорацией получило название корпоративного управления (corporate management). Одним из основополагающих принципов корпоративного управления является формирование организационной структуры корпорации. В целях повышения эффективности функционирования крупные зарубежные корпорации начинают перестраивать институциональную и организационную структуру. Суть перемен состоит в стремлении использовать преимущества организаций со «сквозным» менеджментом перед менеджментом «вверх « вниз» в вертикально-ориентированной иерархии. Такой подход наиболее перспективен, ибо в условиях переходной экономики невозможно полностью исключить человеческий фактор. Целесообразно управлять только необходимой работой, иначе вскоре может наступить кризис. Такие радикальные изменения в организационной структуре корпорации, как нам представляется, позволяют ожидать колоссальных выигрышей в производительности, что на сегодняшний день важно для любой отрасли российской экономики. Когда корпорация идет к горизонтально организованной и сфокусированной на потребителе структуре, появляется реальная возможность достижения большей эффективности за счет рационального распределения ресурсов и увеличения отдачи от вложенных средств, причем быстрее, чем ожидалось.

Как правило, российские предприятия несут значительные трансакционные издержки на внутреннюю деятельность, а также на управление взаимодействием между цехами или передачу информации снизу вверх и сверху вниз [3, с. 47–49]. Горизонтальная структура корпорации исключает большинство из этих действий, и все ресурсы предприятий-участников фокусируются на потребителях. Но существует опасность, что преобразование предприятий в корпорацию может превратиться в самоцель. Не существует единого решения для всех проблем предприятия. В действительности современные вертикальные организации могут подходить к специфике некоторых индустрий массового производства в большей степени, чем горизонтальные. Перед тем, как перекраивать организационную схему, руководство корпорации должно понять, какие потребители ее интересуют и провести анализ: что надо предпринять для удовлетворения их требований. И только после этого корпорация должна начать идентифицировать ключевые процессы. Так, по мнению В.О. Потанина, желание выйти на международный рынок, усиливающаяся мировая конкуренция и ускорившееся технологическое развитие заставляют руководство корпораций искать новые пути организации производственных процессов. Некоторые отечественные корпорации приняли новую форму корпоративной организации после того, как потерпели неудачу при попытке достичь нового уровня производительности путем простого объединения [6, с. 192–208]. Цель горизонтальной корпорации всегда состоит в изменении узкого мышления армий специалистов, которые делали свою карьеру, взбираясь в вертикальной иерархии к верхней части функции. Сегодняшняя ситуация в экономике диктует новые условия. Теперь каждый сотрудник корпорации от

работника конкретного предприятия до руководителя должен быть нацелен на производство как систему, в которой все функции неразрывны. Для этого, по нашему мнению, организационная структура корпорации, ориентированной на потребителя, должна соответствовать реалиям российской экономической ситуации, при этом учитывая накопленный зарубежный опыт организации корпоративной деятельности [8, с. 47–51].

Большинство организаций – гибриды. Горизонтальная корпорация является идеей, приносящей деньги и все больше требующей от людей более широкого мышления. Люди в такой модели стремятся менять ситуацию таким образом, чтобы управлять процессом, а не другими людьми. Модернизация управления в корпорации, как правило, начинается с подбора новой команды управляющих. Главная цель: «каждой задаче – имя, отчество и фамилию». Людей в команду подбирают с таким расчетом, чтобы не надо было объяснять, что конкретно делать, а можно было ставить задачи по-крупному. Опыт российских корпораций, проведших или проводящих реорганизацию управления, показывает, что не нужно бояться менять людей до тех пор, пока не будет найден подходящий для этой работы сотрудник. При этом наиболее перспективным из числа непрошедших конкурсный отбор нужно дать возможность обучаться для дальнейшего привлечения их к работе в новых условиях. Корпорация, оптимизируя круг руководителей, участвующих в выработке стратегических решений, выделяет то, что принято называть правлением. Правление состоит из нескольких директоров по направлениям плюс генеральный директор. В таком составе правление собирается, например, раз в неделю, а дальше каждый организует свою работу так, как считает нужным [12, с. 119–121].

В управлении, особенно в российских условиях, должно активно использоваться финансовое планирование. Для эффективного функционирования, для оценки возможностей и фиксации плановых результатов, по нашему мнению, необходимо составлять и контролировать бюджеты всех технологических цепочек. Причем роль бюджетного планирования должна постоянно возрастать: если сначала финансовый план использовали для того, чтобы получить контрольные цифры на будущий период, то в дальнейшем корпорация может превратить бюджеты в основной инструмент согласования интересов различных служб. Способ – многократное уточнение бюджета с тем, чтобы увязать с предполагаемыми поступлениями денег запросы различных служб. После этого можно использовать финансовый план для делегирования полномочий и распределения ответственности.

Правление должно предоставлять максимум самостоятельности подразделениям, но при этом должно их жестко контролировать. Это связано с тем, что на российских предприятиях в этом смысле занимаются имитацией управления, всячески подчеркивая самостоятельность подразделений, то есть перекладывают на них ответственность. Все это дает основание считать, что корпорация должна быть разделена на технологические цепочки, управляемые командами специалистов, в каждой из которых может быть собственный маркетинг, финансы, снабжение. Из всех крупных отделов выделяются специалисты в определенной области: разработчики конечных продуктов, маркетологи, производственники, технологи. В каждой технологической цепочке могут создаваться собственные финансово-экономические службы. Внутри корпорации, для того чтобы жестко контролировать деятельность подразделений, одновременно культивируя самостоятельность, может быть введена система бюджетов, которые технологические цепочки должны ежеквартально защищать на правлении. Тех, кто с такими обязательствами не справляется, можно «санировать», а неэффективные или бесперспективные направления должны быть безжалостно закрыты. Помимо чисто финансовых рычагов контроля над деятельностью подразделений можно использовать и другие. Например, стратегический маркетинг, который, по нашему мнению, должен проводиться на уровне руководства корпорации. Основные стратегические решения по привлечению или исключению предприятий из состава корпорации принимаются дирекцией в интересах производства и продвижения на рынок того или иного конкретного продукта. Руководство может контролировать все экспортные заказы, в частности поставку оборудования через государственные организации.

Проведенные различными научными организациями исследования показывают, что при организации работы по принципу горизонтальной корпорации могут достигаться следующие

преимущества в условиях переходной экономики: минимизация затрат, необходимых для функционирования всей корпорации; создание имиджа корпорации, как следствие, повышение курсовой стоимости акций предприятий-участников; повышение управляемости за счет снижения числа промежуточных звеньев в схеме управления. Таким образом, все это приводит к созданию условий для выхода предприятий-участников корпораций из кризиса и формирования предпосылок для успешного развития отрасли. Как уже отмечалось выше, создание эффективной структуры приводит к повышению общей стоимости корпорации, в этой связи, нам представляется в дальнейшем целесообразным уделить особое внимание вопросам оценки рыночной стоимости ее пакета акций. Есть и множество других нюансов, которые удерживают российских лидеров вдали от элиты мирового рынка. Далеко не все компании объявили о запрете на использование инсайдерской информации при покупке акций своими сотрудниками или аффилированными с ними лицами. Не везде действует правило, обычное для западных компаний, согласно которому компания не имеет права, передавать каким бы то ни было индивидуальным лицам или организациям неопубликованную информацию, имеющую существенное значение для компании. Иными словами, не соблюдается принцип равенства субъектов рынка перед эмитентом. При всей важности соответствия высоким стандартам корпоративного управления, рост рыночной капитализации российских компаний зависит от страновых рисков, состояния законодательно-нормативной базы и практики ее применения, состояния институциональной структуры деловой среды, общей экономической и политической ситуации в России.

Библиографический список

1. *Гибало Н.П.* Корпоративная модель собственности как институт // Проблемы новой политэкономии. – 2005. – №1. – С. 13–22.
2. Классики менеджмента / Под ред. М. Уорнер / Пер. с англ. Под ред. Ю.Н. Каптуревского. – СПб.: Питер, 2001. – С. 362, 395–397, 948–949.
3. *Коуз Р.* Экономика организации отрасли: программа исследований / Фирма рынок и право. – М., 1993. – С. 47–49.
4. *Кочетков Г.Б.* Национальные модели управления и использования зарубежного опыта // США – Канада. – 2000. – №12. – С. 73–87.
5. *Норт Д.* Пять тезисов об институциональных изменениях // Квартальный бюллетень клуба экономистов. – 2000. – Вып. 4. – С. 8–10.
6. *Потанин В.О.* Корпоративное управление: на пути к «российской модели» // Россия в глобальной экономике. – 2003. – №3. – Т. 1. – С. 192–208.
7. *Кондратьев В.* Корпоративное управление: особенности и тенденции развития // Проблемы теории и практики управления. – 2002. – №1.
8. *Ляпунов С.* О некоторых вопросах корпоративного управления в России // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – №6.
9. *Шихвердиев А.П., Гусятников Н.В., Беликов И.В.* Корпоративное управление. – М.: Акционер, 2001.
10. *Шпотов Б.М.* Корпоративное управление в XX веке: история и перспективы // Проблемы теории и практики управления. – 2000. – №1.
11. *Никонов В.* Соблазн особого пути. Россия–2013: незападный запад // Россия в глобальной экономике. – 2003. – №3. – Т. 1. – С. 194–197.
12. *Коротков А.В.* Стратегическое управление разработкой товара / Теория и практика хозяйственной деятельности: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. – Пенза, 2000. – С. 119–121.

В библиотеке КГУ им. Н.А. Некрасова депонирована рукопись В.С. Беловой

СТИХОТВОРЕНИЕ А.А. ФЕТА «ПРИШЛА, – И ТАЕТ ВСЕ ВОКРУГ...»

Автором статьи предпринята попытка целостного анализа стихотворения А.А. Фета «Пришла, – и тает все вокруг...» Стихотворение рассматривается как поэтический мир, выражающий духовно-нравственный опыт автора. Анализ стихотворения в данном аспекте наблюдения, выводы, которые содержатся в статье, помогут читателю уловить такие оттенки мысли, чувства поэта, которые ранее не замечались.

В.А. Цукерман, С.А. Березиков

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Экономическое развитие конца XX – начала XXI века характеризовалось возрастающей ролью знаний, воплощённых в товарах и услугах. Традиционный дисбаланс торговли между развитыми и развивающимися экономиками, возникающему из неэквивалентного обмена промышленных и сырьевых товаров, дополнился дисбалансом между высокотехнологичными и низкотехнологичными товарами промышленности вследствие неравного распределения знаний и технологий между странами и регионами мира. По мнению экспертов в новом международном разделении труда важнейшими источниками конкурентоспособности станут технологические возможности и технологическая инфраструктура, доступ к знанию и высококвалифицированный человеческий капитал [1].

Технологическая структура занимает особое место в экономической системе возникая в процессе разделения труда на основе разделения функций на основные и вспомогательные, и в дальнейшем приобретая более широкие масштабы – вплоть до возникновения транснациональных корпораций. Развитие технологической структуры зависит от региональной специфики и происходит в соответствии с изменениями в сфере материального производства. Проводимые в России экономические преобразования отразились на состоянии экономики северных регионов и обусловили необходимость изменений в их технологической структуре, обеспечивающих переход к постиндустриальной цивилизации с принципиально новым технологическим способом производства и новым типом экономического роста.

Технологическая структура экономики большинства регионов Севера, сформировалась при СССР и характеризуется сосредоточением производственного потенциала на начальных стадиях цикла: в добывающей и перерабатывающей промышленности. Экономические связи отдельных секторов и стадий единого технологического цикла, существовавшие прежде, в настоящее время нарушены, что осложняет нормальное функционирование ряда отраслей и предприятий. В результате разрушения прежней структуры управления главные конструкционные элементы экономики – подведомственные ранее различным министерствам предприятия – оказались предоставленными сами себе [2]. Исчезновение действовавших в плановой экономике институтов, обеспечивавших приемлемый уровень бюджетной, финансовой, производственной, социальной стабильности, отрицательно повлияло на экономику северных регионов, в которых промышленность изначально организовывалась в форме территориально-производственных комплексов, а не отдельных предприятий [3]. Существующая структура экономики не отвечает требованиям устойчивого развития.

Понятие «устойчивое развитие» («sustainable development») подразумевает способность развития человечества, таким образом, чтобы оно удовлетворяло нужды настоящего, не подвергая риску способность будущих поколений удовлетворять свои потребности [4]. Для перехода регионов Севера к устойчивому развитию требуется реформирование технологической структуры экономики с концентрацией основных производственных мощностей на срединных и завершающих стадиях технологического цикла: в перерабатывающей и обрабатывающей промышленности, сфере услуг, производстве конечной продукции, включая товары народного потребления. Подобные изменения в структуре экономики не только соответствуют требованиям устойчивого развития, но и обеспечивают наиболее прибыльную и эффективную систему организации экономики. Если продажа на мировом рынке 1 кг сырой нефти приносит 2–2,5 цента прибыли, то 1 кг бытовой техники дает 50 долларов, 1 кг авиационной техники – 1000 долларов, а 1 кг электроники и информационной техники – до 5000 долларов [5].

Анализ опыта стран-лидеров показывает, что в настоящее время научно-техническое лидерство государства определяется не только высоким уровнем развития новейших отраслей промышленности, но и способностью к быстрой и непрерывной перестройке всех сфер экономики для создания и распространения новых техно-

© В.А. Цукерман, С.А. Березиков, 2006

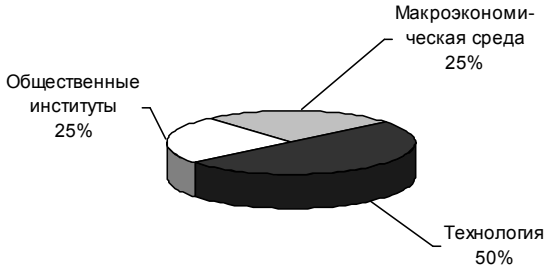

Рис. 1. Факторы, обеспечивающие экономический рост в инновационно-активных странах

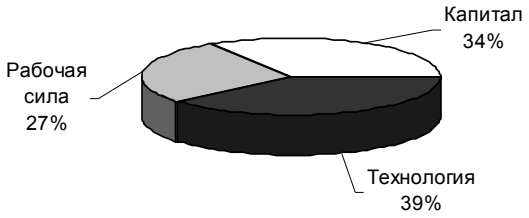

Рис. 2. Факторы, обеспечивающие экономический рост на микроуровне

логий. Именно опережающее технологическое развитие является залогом устойчивости экономического роста.

В настоящее время научно-техническое лидерство государства определяется не только высоким уровнем развития новейших отраслей промышленности, но и способностью к быстрой и непрерывной перестройке всех сфер экономики для создания и распространения новых технологий. Основные факторы экономического роста инновационно-активных стран, определенные экспертами Всемирного экономического форума, приведены на рисунке 1.

Анализ тенденций экономического развития показывает, что в условиях глобальной конкуренции способность к разработке и внедрению инноваций, а не капитальные ресурсы и материальные ценности являются объектом повышенного интереса. Ускоренная диффузия инноваций и масштабное развитие новых технологий приводит к тому, что во всем мире экономический рост в значительной мере определяется долей продукции и оборудования, которые содержат прогрессивные знания и современные решения (рис. 2).

Несмотря на различия в структуре факторов экономического роста на микро- и макроуровнях, технология в обоих случаях играет главенствующую роль. Именно опережающее технологическое развитие является залогом устойчивости экономического роста.

На примере Мурманской области показано, что в настоящее время промышленный потенциал регионов Севера сконцентрирован на начальных стадиях технологического цикла. Следует отметить, что эта ситуация характерна не только для Мурманской области, но и для всех северных регионов и России в целом. Анализ структуры основных фондов показывает, что доля промышленности в структуре основных фондов выше в Мурманской области, чем в среднем по России 34,9%

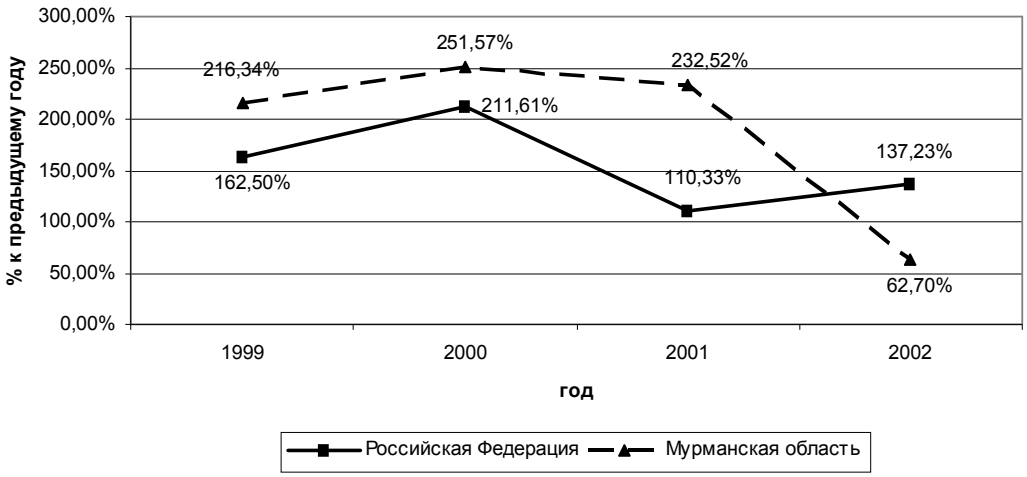

Рис. 3. Динамика затрат на технологические инновации

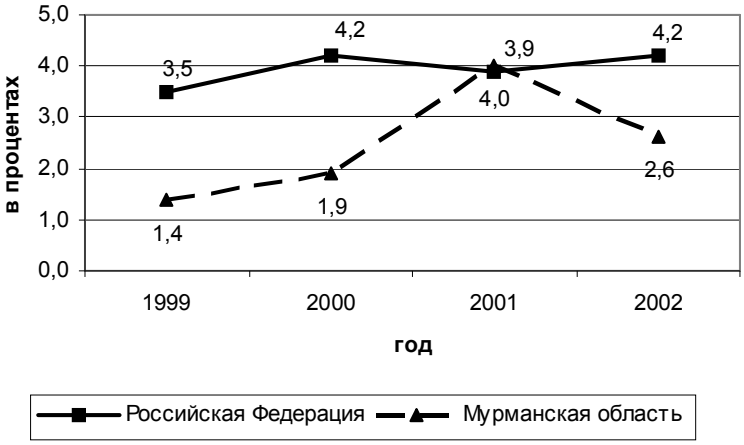

Рис. 4. Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженной продукции инновационно-активных предприятий

и 27,1% соответственно. При этом доля добывающих и перерабатывающих отраслей в общем объеме промышленного производства в Мурманской области значительно выше средне российских показателей – 60% и 55,6% соответственно.

Проведенный анализ динамики затрат на технологические инновации показал, что в Мурманской области в период с 1999 по 2002 гг. произошло значительное снижение данного показателя по сравнению с общероссийским (рис. 3).

Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженной продукции инновационно-активных предприятий области сократился в 2002 году практически вдвое по сравнению с предыдущим годом (рис. 4).

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что состояние технологического потенциала северных регионов пока не способствует переходу на модель устойчивого развития. Стратегия последнего применительно к регионам Севера означает:

– поддержание равновесия: «природа – производство – человек» в производстве, непроизводственном потреблении и накоплении;

– минимизацию использования невозобновляемых ресурсов;

– достижение максимальной эффективности, комплексности и глубины использования возобновляемых и невозобновляемых ресурсов;

– переход к возобновляемым источникам энергии, общее снижение энергопотребления;

– развитость информационных технологий, информированности и управляемости экосоциальных систем.

Для Мурманской области характерна деформация технологической структуры промышленности – наличие старых отраслей, соответствующих третьему технологическому укладу, и новых, порожденных пятым технологическим укладом. Этим определяются общая направленность, приоритеты и ориентиры структурных преобразований, соответствующих технико-экономической парадигме модели устойчивого развития. Приоритеты региональной технологической политики должны обеспечить минимизацию экологической нагрузки за счет снижения материалоемкости производства и трансформации технологической структуры экономики, то есть максимизацию суммарной полезности внешнеторгового обмена области при минимизации экологического ущерба. Реализации этой политики будет способствовать наличие значительного научного потенциала области.

Относительно низкий уровень инвестиционного потенциала привел к увеличению доли физически и морально изношенного оборудования. Спад инвестиционной активности в 1990-е гг. негативно повлиял на обновление производственного потенциала горнопромышленного комплекса (ГПК). Средний возраст основных производственных фондов составляет более 20 лет, и их технологический уровень отстает от развитых стран на несколько поколений. Степень износа основных фондов ГПК составляет в настоящее более 70% и продолжает расти. Возникшая из-за падения объемов производства незагруженная часть производственных мощностей чаще всего не может рассматриваться в

качестве резервной из-за несоответствия структуре спроса, и использования устаревших технологий. В результате сложилась ситуация, когда требуется масштабное и быстрое выбытие устаревшего производственного потенциала, оказавшегося невостребованным рынком. Основное направление по стабилизации работы предприятий связано с технологическим развитием их экономики и, прежде всего модернизацией предприятий с переходом на инновационные технологии.

Следует также отметить, что сложившиеся в России экономические условия сделали, за редким исключением, невыгодными долговременные вложения капитала в ГПК Севера. Получать кредиты на приемлемых условиях имеют возможность предприятия, связанные главным образом с производством продукции, востребованной на внешнем рынке (алмазы, платиноиды, никель, алюминий, металлопрокат и некоторые другие). В итоге большинство предприятий не обладают, по меркам внешнего рынка, достаточной конкурентоспособностью, так как выпускают продукцию пониженного качества при высокой ее себестоимости. Между тем российскими учеными разработаны высокие технологии, основанные на электронно-компьютерных, радиометрических, биолого-химических и других технических средствах. Это позволяет резко увеличить конкурентоспособность ГПК.

Совершенствование технологии добычи и переработки возможно лишь на базе использования современных технических средств контроля и управления производственными процессами, а также новых научных знаний и инженерных решений.

Проведенные исследования свидетельствуют о возможностях ускоренного технологического развития в рамках крупных интегрированных структур, особенно в том случае, когда речь идет о продуктовой интеграции. Способность этих структур к аккумуляции значительных финансовых ресурсов и их «переливу» от одного входящего в состав группы предприятия к другому, позволяет реализовывать единую технологическую политику в рамках структуры. Более развитые в технологическом плане предприятия становятся «примером для подражания», поскольку подстраивать технологическую политику структуры в целом под отстающее предприятие экономически невыгодно.

По мнению авторов, основу стратегии перехода к устойчивому развитию в регионах Севера должны составить следующие принципы:

1. Полное и комплексное использование добываемого минерального сырья. Наиболее целесообразной как с экономической, так и с экологической точки зрения, формой организации общественного производства являются не отдельные узкоспециализированные предприятия, а полиморфные структуры, объединяющие на различных принципах производства различной отраслевой принадлежности. Сосредоточение в низовом звене многоотраслевых структур будет способствовать комплексному и более глубокому освоению природных ресурсов, повысит эффективность их использования.

2. Вовлечение в хозяйственный оборот техногенных месторождений. На горнодобывающих и перерабатывающих минеральное сырье предприятиях ежегодно образуются сотни миллионов тонн промышленных отходов: пород вскрыши, пригодных к использованию, хвостов обогащения, шлаков и шламов черной металлургии. Увеличение масштабов переработки отходов позволит помимо облегчения решения проблем ресурсного обеспечения, снизить экологическую нагрузку на окружающую среду.

Реализация концепции устойчивого развития регионов Севера в обязательном порядке предполагает «экологизацию» природопользования: экологический фактор становится одним из определяющих факторов экономического развития.

Формирование стратегии технологического развития экономики Севера входит в систему организации управления и в современных условиях является необходимым элементом повышения эффективности экономической деятельности. Так как территориальные границы регионов обычно не совпадают с границами географических, климатических и биологических зон, то необходима разработка долгосрочной, межрегиональной стратегии рационального и безопасного освоения ресурсов недр.

Наибольшее внимание в процессе отраслевой реструктуризации должно уделяться государственной поддержке дальнейшего развития научно-технической инфраструктуры северных регионов. Осуществление территориального протекционизма процессов в цепочке «наука – производство» не представляется возможным без создания сети «полюсов» роста. О проблеме связи сферы науки,

в том числе академической и материальным производством оригинально заметил академик Н.А. Платэ: «Есть некая роковая российская особенность: имеется хорошая наука, довольно долго существовала неплохая промышленность, однако, наладить связь между ними не удается».

Стимулирование развития кооперации науки и производства должно стать одним из основных направлений региональной технологической политики. Ускорению развития высокотехнологичных отраслей будут способствовать региональные и муниципальные программы становления инфраструктуры, обслуживающей инновационный процесс.

Большое значение для устойчивого развития экономики регионов Севера имеет восполнение запасов минерального сырья. Процесс воспроизводства минерально-сырьевой базы на большинстве предприятий ГПК нарушен. В отличие от мировых тенденций, происходит сокращение разведанных запасов. Воспроизводство минерально-сырьевой базы за последние 15 лет серьезно ухудшилось. Даже сократившиеся за эти годы объемы добычи не компенсируются приростом запасов. Объемы геологоразведочных работ не возмещают отработки запасов действующими предприятиями. В перспективе это может создать угрозу энергетической и экономической безопасности России.

В процессе перехода к постиндустриальному технологическому развитию экономика северных регионов должна пройти три стадии:

– добыча и переработка полезных ископаемых;

– стадия инвестиций, когда экономический рост обеспечивается за счет внедрения высоких технологии к местным условиям производства;

– создание инновационной экономики, при которой экономический рост обеспечивается в основном за счет увеличения продаж инновационных продуктов на внутренних и мировых рынках и новых технологий.

Каждая стадия имеет свой уникальный набор проблем и требует разработки соответствующей экономической политики.

На первой стадии, когда экономический рост обусловлен традиционными факторами производства, основной проблемой является организация эффективного функционирования рынка рабочей силы, капитала, лицензирования и установления предпринимательского климата, который бы стимулировал накопление капитала. На второй стадии главной задачей экономической политики становится интеграция региональной (национальной) экономики в процессы глобального разделения труда. На третьей стадии региональная и государственная технологическая политика должна стимулировать эффективное развитие и коммерциализацию прогрессивных технологий.

Невозможность проведения единой технологической политики для всех сфер хозяйствования и отраслей народного хозяйства должна учитываться при выборе форм и методов управления технологическим развитием регионов. В настоящее время отсутствуют возможности жесткого государственного регулирования технологического развития экономики, поэтому необходимо использование рыночных механизмов для решения поставленных задач и достижения конечной цели – перехода к новому технологическому укладу.

Библиографический список

1. *Кастельс М.* Глобальный капитализм и Россия http://www.globalaffairs.ru/articles/0/2841.html.

2. *Бендиков М.А., Фролов И.Э.* Тенденции и роль интеграционных процессов в промышленности России // Менеджмент в России и за рубежом. – 2002. – №4. – С. 3–22.

3. *Цукерман В.А., Березиков С.А.* Формирование интегрированных структур и их роль в экономике регионов Севера // Север и рынок. – 2004. – №2. – С. 66–71.

4. Программа действий: Повестка дня на 21 век. – Женева: Центр «За наше общее будущее», 1993.

5. *Шишков Ю.В.* Глобализация и антиглобалисты // Наука и жизнь. – 2002. – №9. – С. 7.

А.В. Цуриков, В.И. Цуриков

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЛЕНЬ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИИ НА ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖКАХ

Преамбула. *В рамках предложенной экономико-математической модели анализируется влияние трансакционных издержек, обусловленных защитой агента своих интересов в суде, на выбор линии его поведения.*

В работе О. Красильникова, посвященной критике теоремы Коуза, роль одной из причин, препятствующих, по мнению автора, эффективной аллокации ресурсов, играет обыкновенная человеческая лень: «Тысячи голов скота ежедневно травят посевы, и фермеры не препятствуют этому, частично по доброте душевной, частично по причине обыкновенной лени. Естественно, ни о какой оптимизации ресурсов не может быть и речи даже при нулевых трансакционных издержках (затратах на подачу иска и ведение дела в суде)» [1, с. 140].

Интересно отметить, что подобные по содержанию возражения в свое время, по свидетельству Р. Коуза, приводил П. Самуэльсон, причем не только по отношению к теореме Коуза, но и относительно утверждения Эджуорта о том, что два индивида, вовлеченные в обмен благами закончат обмен на контрактной кривой. Суть возражений П. Самуэльсона сводилась к тому, что индивиды, по его мнению, могут не попасть на контрактную кривую в силу того, что один из них или оба не пожелают обсуждать возможность взаимовыгодного изменения из опасений нарушить сложившееся приемлемое положение [2, с. 144–145].

На наш взгляд, такого рода возражения несостоятельны в силу того, что они игнорируют условие *полного отсутствия трансакционных издержек*. Действительно, что означает отказ фермера от предъявления иска с требованием о возмещении ущерба «по причине обыкновенной лени»? По-видимому, только то, что ожидаемые выгоды не превышают предполагаемых трансакционных издержек, даже если денежные затраты на подачу иска и ведения дела в суде отсутствуют. Ведь помимо затрат в денежной форме, существуют затраты сил, времени, нервной энергии. Если издержки в форме психологических затрат слишком высоки, то фермеры и скотоводы могут отдать предпочтение неправовым формам отношения, «когда – по словам Б. Малышева – скотовод сознательно травит посевы, снижая свои издержки на корм, а фермер порет вилами коров, сокращая собственные издержки…» [3, с. 102].

Можно и иначе подойти к объяснению подобного феномена. Если интерпретировать трансакционные издержки обращения в суд как инвестиции в специфический актив, то опасения агента понести ущерб в результате утраты актива в силу его специфичности, может существенно снизить стимулы агента для осуществления этих инвестиций. И чем в большей степени агент является противником риска, тем заметнее снижение стимулов. Но в любом случае это означает, что трансакционные издержки недостаточно малы.

Для анализа влияния издержек, обусловленных обращением в суд, на поведение потерпевшего обратимся к формализованному описанию возможных ситуаций.

Пусть агент A наносит ущерб агенту B. Агент B может обратиться в суд с иском о возмещении ущерба. Подача иска и защита своих интересов в суде образуют трансакционные издержки, величину которых обозначим через β. Эти издержки обусловлены поиском доказательства вины ответчика – агента A и аргументов в пользу необходимости выплаты компенсации. Отметим, что часть этих издержек выражается в форме психологических и временных затрат истца – агента B и в значительной мере определяется спецификой судебных процедур и временем судопроизводства. Ответчик A, в свою очередь, для защиты собственных интересов вынужден будет нести издержки в размере α. Некоторая часть этих издержек обусловлена затратами и усилиями, направленными на отрицание вины, преуменьшение величины ущерба и, в конечном счете, на максимальное сокращение ожидаемого размера компенсации.

Предположим, что оба агента нейтральны к риску. Чистые выигрыши агентов можно записать в виде:

$$U_A = -S - \alpha,\ U_B = S - \beta, \qquad (1)$$

где S – размер выплаченной компенсации. Каждый из агентов стремится максимизировать свой

© А.В. Цуриков, В.И. Цуриков, 2006

выигрыш. Очевидно, что чем лучше подготовлен адвокат истца, тем дороже его услуги (а значит выше издержки β) и тем выше величина компенсации и/или вероятность ее получения. Поэтому естественно считать, что величина компенсации S и вероятность ее выплаты (при прочих равных условиях) возрастают с ростом β и уменьшаются с ростом α. Очевидно, что размер компенсации зависит не только от объемов инвестиций α и β, но и от огромного множества самых различных, в том числе случайных, факторов. Поэтому можно считать, что каждой паре конкретных значений издержек α и β соответствует свое распределение вероятности величины компенсации $S(\alpha, \beta)$. Математическое ожидание компенсации, которое мы обозначим буквой M, является функцией размеров издержек:

$$ES = M(\alpha, \beta).$$

Функция $M(\alpha, \beta)$ является возрастающей по β и убывающей по α. Следовательно, справедливы неравенства:

$$M'_\alpha < 0,\ M'_\beta > 0, \qquad (2)$$

$$M''_{\alpha\alpha} > 0,\ M''_{\beta\beta} < 0. \qquad (3)$$

Выражения для ожидаемых выигрышей примут вид:

$$EU_A = -M - \alpha,\ EU_B = M - \beta. \qquad (4)$$

Обозначим возможное наибольшее значение компенсации через S_m и для простоты будем считать, что и истцу, и ответчику это известно. Поэтому в общем случае размеры инвестиций α и β будут принадлежать отрезку $[0; S_m]$. Очевидно, что для каждого значения α существует такое значение β, при котором выигрыш истца U_B достигает наибольшего значения. И, наоборот, при любом значении величины издержек β, выбираемой потерпевшим агентом B, ответчик минимизирует свой проигрыш выбором соответствующего значения собственных издержек α. Таким образом, при α>0 получим уравнение

$$\frac{\partial}{\partial\alpha} EU_A = 0,$$

откуда с учетом (4) следует:

$$M'_\alpha = -1. \qquad (5)$$

Аналогично, агент B выберет величину β (при β>0) из условия

$$M'_\beta = 1. \qquad (6)$$

Если предположить, что оба уравнения (5) и (6) имеют решения в открытом квадрате $0<\alpha<S_m$, $0<\beta<S_m$, то каждое уравнение определяет на плоскости (α, β) множество точек, возможно, некую кривую. В общем случае следует рассмотреть две ситуации: 1) множества точек пересекаются и 2) множества не пересекаются.

Точка пересечения существует

Пусть точка $N(\alpha_0, \beta_0)$ является общим решением уравнений (5) и (6). Обозначим через S_0 соответствующее этой точке значение ожидаемой компенсации. Тогда ожидаемый выигрыш истца составит величину

$$V_B = S_0 - \beta_0,$$

а ожидаемый проигрыш ответчика, соответственно,

$$-V_A = S_0 + \alpha_0.$$

Покажем, что состояние в точке N является равновесным по Нэшу, но не эффективным по Парето. Для этого предположим, что ответчик понес издержки в размере α_0. Если издержки истца составляют $\beta<\beta_0$, то согласно (3) и (6), в соответствующей точке (α_0, β) производная $M'_\beta > 1$, и истцу выгодно повысить издержки до уровня β_0. Аналогичная картина наблюдается и в том случае, если истец – агент B первым понесет издержки в размере β_0. Ибо в этом случае агент A, минимизируя свои убытки, доведет издержки до уровня α_0.

Теперь покажем, что состояние в точке N не удовлетворяет критерию Парето. Пусть $\alpha=\alpha_0$, $\beta=\beta_0$, а Δα и Δβ достаточно малы. Тогда из (4) с учетом уравнений (5) и (6) получим

$$-\Delta EU_A \approx (M'_\alpha + 1)\Delta\alpha + M'_\beta \Delta\beta = \Delta\beta,$$

$$\Delta EU_B \approx (M'_\beta - 1)\Delta\beta + M'_\alpha \Delta\alpha = -\Delta\alpha.$$

Как видно, изменение убытков агента A в достаточно малой окрестности точки N определяется только изменением издержек агента B, а изменение выигрыша агента B определяется изменением издержек агента A. Поэтому при отрицательных значениях Δα и Δβ убытки ответчика уменьшатся, а выигрыш истца возрастет. Отсюда следует, что на «юго-западе» от точки N лежат точки, отвечающие Парето-предпочтительным состояниям: в этих точках чистые общественные потери (совокупные потери обоих агентов) ниже, чем в точке N.

Если бы агенты могли договориться между собой о возмещении ущерба без обращения в суд (или ограничились предварительным судебным разбирательством, если оно существует, или другим видом упрощенного судебного разбиратель-

ства), причем с меньшими издержками, то тем самым чистые общественные потери удалось бы сократить. Например, если бы такое согласие удалось достичь с издержками в размере $\alpha_S<\alpha_0$ и $\beta_S<\beta_0$, то агент *A* уплатил бы агенту *B* в качестве компенсации ту же сумму в размере $s = S_0$, что и по решению суда. При этом общественные потери удалось бы снизить до величины $\alpha_S+\beta_S<\alpha+\beta$. Выигрыш потерпевшего был бы выше, а убытки ответчика ниже, чем в случае обращения в суд.

Наиболее эффективное решение состояло бы в следующем. Агент *A* без заметных затрат сил и времени на согласование позиций выплачивает непосредственно агенту *B* в виде компенсации за причиненный им ущерб сумму *s*, удовлетворяющую условию: $S_0 - \beta_0 < s < S_0 + \alpha_0$. Общественные потери были бы равны нулю: $\alpha+\beta=0$. Такая компенсация выгодна обоим индивидам, но, повторяем, подобный поворот событий возможен только в том случае, если соответствующие издержки ниже издержек, обусловленных решением дела в суде.

Точка пересечения отсутствует

Точка пересечения кривых может отсутствовать только в силу одной из следующих двух причин: или кривые существуют, но не пересекаются в соответствующем квадрате, или кривые не существуют, то есть уравнения (5) и (6) не имеют решений (оба уравнения либо одно из них). Рассмотрим обе причины.

Предположим, что уравнение (5) решения не имеет. Это может означать только то, что убыток агента *A* принимает наименьшее значение не в области $0<\alpha<S_m$, а на ее границе, точнее, при $\alpha=0$. В этом случае даже наименьшие издержки, связанные с судебным разбирательством (или иным, но с привлечением третьих лиц) агент *A* расценивает не ниже верхней границы той компенсации, на которую претендует потерпевший. Поэтому агент *A* предпочтет сразу уплатить потерпевшему сумму в соответствующем размере S_m. Такая ситуация может сложиться в результате дорожно-транспортного происшествия, не повлекшего за собой жертв. Виновник, если он очень дорожит своим временем, либо не желает огласки, либо считает, что сумма S_m мала, может сразу же полностью компенсировать пострадавшему нанесенный ущерб.

Теперь предположим, что не имеет решения уравнение (6). В этом случае выигрыш потерпевшего достигает наибольшее значение при $\beta=0$. Иначе говоря, те минимальные издержки потерпевшего, которые обусловлены его участием в судебным разбирательстве, превышают, по его мнению, величину ущерба и, соответственно, размер ожидаемой компенсации. Поэтому он предпочтет отказаться от подачи иска в суд с требованием компенсировать причиненный ему ущерб. Таким образом, мы выявили одну из причин, в силу которых фермер из сюжета О. Красильникова может отказаться от подачи иска скотоводу. Теперь рассмотрим вторую.

Если кривые не пересекаются, то равновесное состояние не существует. В лучшем случае только один из агентов сможет максимизировать свой выигрыш. В общем случае результат непредсказуем и зависит от различных, конкретных обстоятельств, в частности, от того, кто первым и в каких объемах осуществит инвестиции в судебный процесс. Не имея возможности рассчитывать на максимизацию выигрыша, агент *B* может ориентироваться на возможность превышения ожидаемой компенсации над издержками, иначе говоря, агент *B* может руководствоваться условием

$$M - \beta > 0 . \qquad (7)$$

Невыполнение (или низкая вероятность реализации), по мнению агента *B*, этого условия является еще одной причиной, в силу которой он может отказаться от возбуждения дела в суде. В этом случае он может прибегнуть к неправовому решению проблемы, в частности, обратиться к криминалу.

Предположим например, что криминальная структура требует за свои услуги половину той суммы *S*, которую она намеривается получить с агента *A*, причем требует только в том случае, если она (это сумма) будет получена. Тогда ожидаемый выигрыш потерпевшего – агента *B* составляет величину

$$EU_B = p \cdot \left(S - \frac{S}{2} \right) + (1-p) \cdot 0 - \beta = \frac{pS}{2} - \beta , \qquad (8)$$

где *p* – вероятность получения компенсации, а β – моральные издержки. Из выражения (8) следует, что если агент *B* достаточно низко расценивает издержки обращения к криминалу, то ожидаемый выигрыш в этом случае может принимать только неотрицательные значения. Правовое же решение проблемы в современной России требует заметных издержек и в этом смысле более рискованное, ибо оно, наряду с положи-

тельным значением выигрыша, допускает и отрицательное, то есть убытки. Таким образом, высокие издержки обеспечения правосудия способствуют росту спроса на криминальные услуги или на услуги других сомнительных структур, специализирующихся на силовом предпринимательстве.

Если агент *B* отказывается обращаться за помощью, как к государству, так и к криминалу, полагая соответствующие издержки слишком высокими, то он может либо вообще ничего не предпринимать, либо наносить в качестве ответной меры ущерб своему обидчику – агенту *A*, стимулируя тем самым последнего к прекращению своей деятельности, причиняющей ему вред.

Библиографический список

1. *Красильников О.* Еще раз к критике теоремы Коуза // Вопросы экономики. – 2002. – №3. – С. 138–141.

2. *Коуз Р.* Фирма, рынок и право. – М.: Дело, 1993.

3. *Малышев Б.* Критика критики теоремы Коуза // Вопросы экономики. – 2002. – № 10. – С. 100–102.

Е.М. Бройде

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Инновационный характер развития современной экономики заставляет по-особому анализировать многие реалии общественной жизни и различные экономические явления. Объективно происходящие изменения производства под воздействием новых технологий радикально трансформируют всю систему экономических отношений, вынуждая экономистов теоретиков и практиков вырабатывать общие принципы осуществления тех или иных видов экономической деятельности, адекватные текущей ситуации.

Развитие российской экономики с недавнего времени во многом повторяет пройденный путь других стран. Подобное развитие, трансформации экономики, обладают признаками сразу нескольких экономических эпох, это и период первоначального накопления капитала и интенсификация промышленного производства и становление постиндустриальной экономики. Многие этапы такого развития совершаются параллельно, в отличие от последовательного развития, пройденного другими странами.

Перед нашей страной в настоящее время стоит актуальная задача перепрофилирования экономики с ее сырьевой ориентации на производство готовых видов продукции с преимущественным наполнением их информацией и знаниями. Одновременно эта задача усложняется условиями возрастающей открытости экономики страны и конкуренции со стороны иностранных производителей. В таких условиях только рецепты экстенсивного развития не смогут обеспечить решения поставленной задачи. Наша страна уже имеет неудачный опыт ограничения внешнеэкономической конкуренции. Очевиден выход во внедрении в процесс производства новых и передовых технологий и в разработке таких технологий. Только постоянное инновационное совершенствование производственного процесса, его факторов и особенно капитала, является условием существования и развития в современной конкурентной среде, как на уровне национальной экономики, так и в мировой экономике в целом.

Исследование инновационного процесса предполагает рассмотрение некоторых важнейших аспектов функционирования и эволюционирования капитала. В экономической литературе капитал неоднократно исследовался. Происходящие экономические изменения, в первую очередь это конечно же активизация инновационных процессов на всех уровнях экономики, вскрыли новые сущностные стороны капитала. Эти изменения анализировались в современных научных работах во всем многообразии проявлений капитала, его свойств, функциональных и инфраструктурных форм [1]. В условиях становления рыночной экономики в нашей стране, с усложнением экономической жизни возникают и развиваются новые явления хозяйственной жизни. По отношению к капиталу это выражается в появлении таких ранее мало знакомых в плановой экономике его форм как инновационный и инвестиционный капитал, человеческий, интеллектуальный, информационный и социальный капитал, а так же другие его формы.

 © Е.М. Бройде, 2006

Исследование капитала в аспекте инновационного развития в достаточной степени не было проведено в нашей стране. Печально то, что даже имеющиеся разработки отечественной экономической науки были слабо востребованы на практике. Дальнейшее игнорирование инновационных аспектов развития производства и функционирования капитала на уровне государственной экономической политики грозит вынести экономику нашей страны на периферию развитого мира. Отраслевая структура отечественной экономики уже и так отличается от экономик развитых стран не лучшим образом. Наблюдается перегиб в сторону сырьевых отраслей, одновременно в ущерб другим отраслям экономики. Инновационные отрасли и наука, инициирующие интенсивное развитие и нуждающиеся в поддержке извне, ее не получают.

Осознание сущности капитала, особенностей его функционирования в условиях современной экономики инновационного типа, становится необходимым фактором успешного развития, как всей отечественной экономики, так и отдельно взятых предприятий. Отсутствие подобных знаний на практике реализуется в стратегии «действий вслепую», что никак не может гарантировать достижения желаемых целей, а зачастую приводит к результатам отличным от намеченных.

Природа инновационного процесса также связана с анализом выделения из капитала производственного его особой функциональной формы, какой является капитал информационный. На общественном уровне он приобретает самостоятельное функционирование. Такой капитал обусловливает целенаправленный ход инновационного характера трансформационных процессов в экономике. В отдельных исследованиях [2] информационный капитал рассматривался в процессе его генезиса, накопления и взаимодействия с другими формами капитала.

В организационном аспекте капитал, функционирующий в инновационном процессе, выступает в форме венчурного капитала. Функцией венчурного капитала является сведение вместе разработчиков новаций и инвесторов с одной стороны и продвижение новаций в направлении воплощения их в готовом продукте, в рыночном товаре.

В условиях жесткой рыночной конкуренции, в условиях развитого рынка опасность разорения фирм заставляет их внедрять новые технологии, продукты, способы организации и управления производством. Спецификой российского инновационного процесса на макроэкономическом уровне является то, что в условиях не сформированного рыночного механизма, инновационная активность фирм оказалась выраженной неудовлетворительно, и вопреки рыночным представлениям, и экономической практике развитых стран, в инновационном процессе в российской экономике, возникает централизованный порядок, механизм венчурного финансирования. В связи с этим возникают значительные опасения, будет ли функционировать такой порядок эффективнее рыночного варианта. В данном случае государство вынуждено напрямую устранять отрицательные экстерналии текущей российской модели рыночной экономики. Выход из этой немного парадоксальной ситуации состоит в создании конкурентного рыночного механизма.

Таким образом, к числу важнейших задач, которые России предстоит решить в ближайшее время, относятся обеспечение устойчивого экономического роста, модернизация экономики и создание рыночного механизма основанного на конкуренции. Развитие и рост конкурентоспособной экономики, создание конкурентного рынка, напрямую зависят от капиталовложений, высоких технологий и других инноваций, повышающих производительность труда и эффективность производства. Кроме того, уровень экономического развития во многом зависят от состояния человеческого капитала. Гипотеза о значимости человеческого капитала и его тесной связи и взаимодействии с инновационной инвестиционной деятельностью неоднократно находила подтверждение в современном мире. Поэтому неслучайно, что одной из основных целей среднесрочной программы (на 2005–2008 гг.) является формирование новой экономики – экономики знаний и человека.

Библиографический список

1. *Михайлов В.В., Тяжов А.И., Харинов Е.В.* Капитал в трансформирующемся экономическом пространстве. – Кострома: КГТУ, 2006.

2. *Харинов Е.В.* Организационно-экономические особенности информационного производства и методологические основы его исследования на региональном уровне: Дис. … канд. экон. наук. – Кострома, 2004.

Л.А. Колодий-Тяжов

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО УПРАВЛЕНИЮ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Каждый общественный процесс, в том числе и экономический, имеет ключевую цель, из которой в определенной логической последовательности выстраиваются другие цели (подцели [3]), имеющие своих как коллективных, так и индивидуальных носителей. Однако цели не единственная черта процесса. Чтобы им управлять, тем более управлять эффективно, требуется не только многое знать о процессе, но и выстроить само управление как процесс. Некоторые авторы забывают о том, что процесс – это, прежде всего, «ход, развитие какого-нибудь явления, последовательная смена состояний в развитии чего-нибудь» [2], а не просто «поток работы, переходящей от одного звена к другому» [4], не только «деятельность, направленная на достижение установленной цели, которая имеет количественное выражение – результат» [1]. Безусловно, ни один общественный процесс без деятельности людей и без ее результатов не обходится. Но в понятии «процесс» фиксируется не сама по себе деятельность, а развитие, ход или последовательность протекания данного явления. Речь, по сути дела, идет о закономерностях, которыми сопровождается тот или иной процесс и которые чаще всего носят объективный характер. Итак, чтобы управлять процессом, надо знать как минимум три его составляющие: 1) что за явление, которое охватывается данным процессом; 2) на что нацелен процесс; 3) какие изменения в нем прослеживаются и имеют ли они свои закономерности.

Для более полной характеристики того или иного процесса требуется также определить: 1) в каких условиях возникает и существует само явление, есть ли в этих условиях дополнительные или сопутствующие моменты; 2) как связана цель с данным явлением и с данным процессом, возникает ли цель по ходу дела или является заданной (результирующей); 3) какими негативными и позитивными последствиями сопровождаются выявленные в процессе изменения закономерности и можно ли эти последствия усилить или ослабить. Только после детального изучения какого-нибудь процесса, только при ясном ответе на поставленные вопросы можно подойти к процессному управлению и к его адекватной организации.

Нельзя не заметить, что когда ставится вопрос о явлении, с которым непосредственным образом связан процесс, то по существу речь идет об объекте познания, тогда как сам процесс выступает в качестве его предмета. В данном случае таким объектом является трудовой потенциал работников промышленных предприятий, а предметом – закономерности его развития (изменений), которые даны в поэтапном (последовательном) протекании данного процесса. Основополагающей (ключевой) или результирующей экономической целью процесса развития трудового потенциала работников служат их высокие доходы и заработки. Но эта цель распадается на две основные подцели – на 1) выполнение сменных заданий, норм выработки (норм труда) и 2) непрерывный рост производственной квалификации работников в данном виде труда, что сопровождается их психологическим подъемом и повышением уровня удовлетворенности производственной деятельностью. Наличие этих подцелей обусловлено структурой потребностей человека в соответствии с пирамидой Маслоу при их разделении на первичные и вторичные потребности. Если первая подцель задана, хотя бы устройством человека на данное предприятие с надеждой на лучшие заработки, то вторая подцель возникает по ходу развития индивидуального трудового потенциала, и чем быстрее она возникает, тем больше работник увлечен процессом труда и выше его производительность. Значит, эти подцели не противостоят, а взаимодополняют друг друга, конечно при соблюдении определенных организационно-экономических условий.

Ключевая цель и подцели, согласно концепции (теории) «Y» Д. МакГрегора, входят в прерогативу управления производственным процессом, которое и придает ему организационную стройность, устойчивость и в тоже время гибкость. В этих условиях цель и обе подцели согласуются с интересами как предприятия в целом, так и каждого отдельно взятого работника. Ведь для него наиболее важным вознаграждением, как

© Л.А. Колодий-Тяжов, 2006

считает Д. МакГрегор, является удовлетворение потребностей в самовыражении и самоактуализации, а проявление физических и эмоциональных усилий на работе для человека так же естественно, как и во время игры или на отдыхе. Отдавая предпочтение теории «Y», Д. МакГрегор особо подчеркивает, что главной задачей менеджеров является создание условий, при которых рабочий, затрачивая усилия для достижения целей организации, одновременно наилучшим образом достигал бы своих личных целей [6].

Исходя из логики развития трудового потенциала работников, руководству предприятий, непосредственно занятому организацией производства, необходимо конкретизировать цель применительно к каждому производственному участку, трансформировать ее в подцели и подстраивать под них определенные функции, входящие в отдельные виды труда. Иными словами, цель, как и подцели, предприятия не должны быть оторваны от процесса видообразования производственной деятельности, на что в свое время обращал особое внимание П. Дракер. Так, в частности, он подчеркивал, что управление должно начинаться с выработки целей (подцелей) и потом переходить к формированию функций, системы взаимодействия и всего производственного процесса [5]. При этом подходе прослеживается, что достижение этих подцелей достаточно синхронизировано и предполагает реализацию ключевой, основополагающей цели, успех в достижении которой во многом зависит от того, как при организации производства руководством предприятия будут использованы закономерности нарастания (изменения, развития) трудового потенциала работников.

Эти закономерности в наиболее общем виде представлены циклическим характером этого процесса, его подъемами и спадами, в промежутках между которыми выделяются особые зоны или переходные этапы, возникающие в момент ускоренной трансформации одних индивидуальных качеств работников в другие. Назовем эти зоны, и эти этапы периодами. К их числу можно отнести следующие периоды. *Во-первых*, период адаптации (или врабатываемости) работников к производственным условиям, который начинается с момента начала их работы на новом рабочем месте. *Во-вторых*, период рутинизации процесса труда, когда индивидуальные качества работников доводятся до совершенства и обеспечивают выполнение данной производственной деятельности на уровне простого исполнительства. *В-третьих*, период приостановки квалификационного роста и ускоренного формирования профессионального консерватизма работников. *В-четвертых*, период трансформации профессионального консерватизма в квалификационный догматизм работников. Итак, весь процесс развития трудового потенциала предстает как последовательная смена периодов и этапов, в рамках которых у человека возникают различные новообразования, укрепляются, замещаются или исчезают индивидуальные качества личности; экономические и психологические подъемы сменяются спадами и опять подъемами с разными темпами и динамикой протекания этого процесса.

Библиографический список

1. Международный стандарт ИСО 9000: 2000. Системы менеджмента качества – основы и словарь / Пер. с англ. – М.: ВНИИ сертификации Госстандарта России, 2000.

2. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – С. 544.

3. *Подкопаева Н.Р.* Организационно-экономические аспекты диверсификации топливных ресурсов региона (на примере Костромской области): Дис. … канд. эконом. наук. – Кострома, 2005. – С. 30.

4. *Робсон М., Уллах Ф.* Практическое руководство по реинжинирингу бизнес-проектов / Пер. с англ. – М.: Аудит; Юнит, 1997.

5. *Druker P.F.* Management: Tasks. Responsibilities, Practices. – N.Y.: Harper and Row, 1973. – P. 66–69. (Пер. с англ. М.И. Матвеевой.)

6. *McGregor D.M.* The Human Side of Enterprise. – N.Y.: Harper and Brothers, 1947. – P. 84. (Пер. с англ. М.И. Матвеевой.)

А.С. Летунов, Г.М. Травин

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА НА УГРОЗЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ, ОПАСНЫХ ДЛЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Известно, что чрезвычайные ситуации вызываются техногенными, природными причинами, а так же могут быть связаны с человеческим фактором. Главным источником природных чрезвычайных ситуаций наряду с геофизическими и геологическими явлениями (землетрясениями, извержениями вулканов, оползнями и т. п.) выступают опасные гидрометеорологические явления (ОГМЯ). По данным Всероссийского научно-исследовательского института гидрометеорологической информации – Мирового центра данных (ГУ «ВНИИГМИ-МЦД») за 1991–2005 гг. наибольшее их количество приходится на 6 основных групп явлений: I – ураганы, шквалы, смерчи; II – метели, сильные снегопады, гололеды; III – ливни, грозы, грады; IV – морозы, заморозки, жара; V – половодья, наводнения; VI – чрезвычайные пожароопасности; VII – прочие. Их распределение по количеству отражено на диаграмме (рис. 1).

Из этих групп наибольшую опасность для функционирования технических систем представляют I, IV, V, VI, охватывающие в совокупности 62,5% всех ОГМЯ. Действительно, согласно классификации состояний технической системы при угрозах ее функционированию в ЧС, предложенной в [2] большинство состояний могут быть связаны с перечисленными группами ОГМЯ, а явления II и III групп могут привести только к угрозам нарушения энергообеспечения, обеспечения сырьем и системе товарной логистики. При этом под сложной технической системой предлагается понимать множество технических элементов, взаимодействующих на основе статических, кинематических, динамических, энергетических и информационных связей между ними и образующих определенную целостность. На основе результатов мониторинга ГУ «ВНИИГМИ-МЦД» просматривается четкая тенденция роста ОГМЯ (6,3% в год), увеличение материального ущерба от них, который в среднем по РФ составляет от 30 до 60 млрд. руб. в год. Необходимость учета влияния ОГМЯ как источника ЧС на функционирование сложных технических систем диктуется существующими объективными прогнозами изменения климата и возрастанием вариабельности его характеристик на всей территории РФ. Согласно стратегическому прогнозу Росгидромета до 2015 года [1] изменение климата приведет к увеличению неблагоприятно резких изменений погоды и существенному росту повторяемости ОГМЯ. Основные формы проявлений изменения климата, приводящих к ОГМЯ, представлены на рисунке 2.

Изменения климата в различных регионах РФ проявляются крайне не равномерно, т.е. воздействия изменения климата носят ярко выраженный региональный характер. Безусловно можно утверждать, что в рамках одного и того же региона эти изменения по разному влияют на развитие различных отраслей экономики и соответственно систем их технического осна-

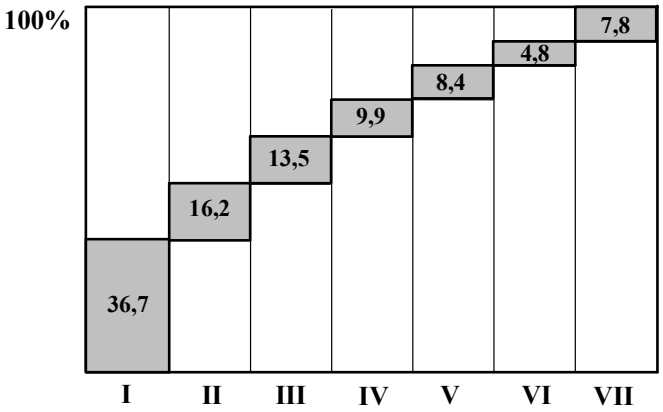

Рис. 1. Распределение ОГМЯ по группам явлений

 © А.С. Летунов, Г.М. Травин, 2006

Рис. 2. Формы проявления изменений климата

щения. Следует учитывать и то обстоятельство, что это влияние может быть как позитивным, так и негативным.

Рассмотрим последовательно прогнозируемые особенности изменения климата в регионах Европейской части РФ и, в первую очередь в Центральном федеральном округе и влияние этих изменений на отраслевую специализацию. В Волго-Вятском регионе, Ивановской области более 70% всех ОГМЯ приходится на теплый период, а темпы их прироста составят 9 явлений в год. Только за один год с 2004 по 2005 число ОГМЯ возросло по стране практически на 20%. На Европейской территории РФ потепление более заметно зимой и весной. По отношению к 2005 году зимнее потепление в 2015 году составит 1°С, а летнее 0,4°С. В связи с ростом количества осадков в холодный период на 4–6% увеличится частота наводнений и паводков, ущерб от которых составляет половину всего ущерба от ОГМЯ. Максимальная продолжительность затопления возрастает в 2 раза, с 12 до 24 суток. Увеличение зимнего стока рек в Центральном и Приволжском федеральных округах составит в 2015 году 60–90%, а летнего только 20–50% по сравнению с 2005 годом.

Положительный эффект от глобального изменения климата для технических систем любых субъектов хозяйствования, расположенных в Европейской части России, включая Центральный федеральный округ должен проявиться в следующем:

– улучшение теплового режима в зданиях, вследствие увеличения теплового сопротивления на 20% из-за снижения температуры наиболее холодных суток;

– сокращение отопительного периода в среднем на 3–4 дня к 2015 году;

– уменьшение ветровых нагрузок на высотные строения, высотную строительную технику, трубы, ЛЭП и др. При этом повторяемость возможных «запроектных» ветровых нагрузок уменьшится в 1,1 раза;

– сдвиг к северу зон дискомфортности проживания, в том числе на Северо-западе на 60 км;

– увеличение притока воды к водохранилищам Волго-Камского каскада гидроэнергетики на 10–20%. В целом увеличение возобновляемости водных ресурсов на 8–10% на большей части территории РФ.

Общие негативные для технических систем любой отрасли последствия изменений климата могут выразиться следующим образом:

– ухудшение условий эксплуатации зданий и сокращение их доремонтного периода в 2 раза вследствие увеличения повторяемости сочетаний оттепелей и заморозков;

– деформации и ослабления фундаментов вследствие повышения уровня грунтовых вод из-за увеличения стоков вод и сокращения периода промерзания почвогрунтов;

– увеличение продолжительности «волн тепла», (периодов с критическими значениями температур) в 1,1–1,5 раза, что приведет к увеличению энергетических затрат на кондиционирование для сохранения комфортных условий труда и поддержания некоторых технологий;

– угроза повреждений подводных переходов трубопроводов водоснабжения, очистных сооружений, нефте- и газопроводов вплоть до разрывов вследствие наводнений и подтоплений, что требует углубленной экспертизы проектов, мо-

ниторинга состояния трубопроводов, уменьшения расчетных сроков их эксплуатации;

– снижение водообеспечения, вследствие увеличения нагрузки на водные ресурсы из-за их неравномерного распределения и развития экономики, роста численности и благосостояния населения экономически активных регионов.

Особое дополнительное влияние оказывает изменение климата на функционирование технических систем ряды отраслей промышленности:

– отраслей, использующих большое количество водных ресурсов для реализации технологических процессов, например, текстильное производство, целлюлозно-бумажное и др. с учетом роста стоимости этих ресурсов;

– отраслей, требующих для поддержания технологических процессов фиксированного температурно-влажностного режима в производственных помещениях, например, прядильное и ткацкое производства текстильных предприятий;

– отраслей, требующих устойчивой морозной погоды для установления зимних дорог, например, для вывозки древесины в лесозаготовительном производстве лесной и деревообрабатывающей промышленности;

– отраслей, требующих высокой точности позиционирования элементов технологической системы, например, в станкостроении.

Таким образом, на основании изложенного можно утверждать, что необходимо: во-первых, оценить влияние изменений климата в приложении к конкретному региону; во-вторых, выявить отрасли, технические системы, которых наиболее подвержены влиянию изменений климата; в третьих, организационно совершенствовать системы мониторинга, в том числе и по ранним сигналам, и раннего оповещения об ОГМЯ, в четвертых, организовать защиту и управление функционированием технических систем в ЧС, связанных с ОГМЯ.

Библиографический список

1. Стратегический прогноз изменения климата Российской Федерации на период до 2010–2015 гг. и их влияние на отрасли экономики. – М.: Росгидромет, 2005.

2. *Летунов А.С., Травин Г.М.* Диагностические модели состояний технической системы при возникновении угрозы // Вестник КГТУ. – 2006. – №13. – С. 86–88.

П.Г. Ковальский, О.В. Малышева

КЛАСТЕРЫ КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ФОРМА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ КОСТРОМСКОГО РЕГИОНА

Значимую роль в развитии экономики России, учитывая ее масштабы, предопределено играть регионам, включая региональные администрации и местный бизнес. В современных условиях, когда на смену индустриальной модели развития экономики пришли постиндустриальная и инновационная модели, на смену устаревшим подходам должны прийти новые технологии управления региональным развитием, адаптированные под использование в обществе, основанном на знаниях и последних достижениях экономики и гуманитарных наук. Отраслевая логика управления экономическим развитием устарела. Новые подходы предполагают косвенное воздействие на промышленное развитие через создание благоприятных условий для бизнеса.

Сегодня наличие ресурсов, которыми обладает регион, является лишь предпосылкой для его успешного развития и обеспечения конкурентных преимуществ на рынке. В современных условиях, когда необходим переход регионов от стратегии выживания к стратегии развития, требуется применение адаптированных к российским условиям механизмов, позволяющих использовать специфические ресурсы территории для достижения социально-экономических целей и обеспечения конкурентоспособности региона. Существенным элементом повышения эффективности призван стать организационный фактор, связанный с региональным объединением предприятий.

Существует большое количество различных стратегий и теорий формирования и развития конкурентоспособности [1]. Как показывает практика развития преуспевающих экономических систем, наиболее эффективной формой организации инновационных процессов в регионах являются инвестиционные кластеры и теория

© П.Г. Ковальский, О.В. Малышева, 2006

кластерного механизма. Кластеры обусловливают новый взгляд на роль бизнеса, правительства и институтов в развитии экономики, новые модели взаимоотношений бизнеса, региональных администраций и правительства. Производственная структура кластера всегда более выгодна, чем отраслевая, так как здесь внутрифирменные связи более тесные. При группировке фирм в кластеры имеет место эффект охвата, при котором возникает возможность использования многофункционального фактора, ведущего к минимизации трансакционных издержек. За счет всеобщей стандартизации продукции все участники кластера получают дополнительные конкурентные преимущества под воздействием совокупного влияния эффектов масштаба, охвата и синергии. Инновационная структура кластера способствует снижению совокупных затрат на исследование и разработку новшеств за счет повышения эффекта производственной структуры [2].

Основоположником теории кластерного развития является М. Портер [3], который изучил конкурентные позиции более 100 отраслей различных стран. М. Портер обратил внимание на то, что наиболее конкурентоспособные фирмы одной отрасли обычно не бессистемно разбросаны, а имеют свойство концентрироваться в одном и том же регионе. Это, по его мнению, не случайно, так как одна или несколько фирм, достигая конкурентоспособности на мировом рынке, распространяет свое влияние на ближайшее окружение: поставщиков, потребителей и конкурентов. В свою очередь, успехи окружения оказывают положительное влияние на дальнейший рост конкурентоспособности данной компании. В итоге формируется «кластер» – сообщество фирм, тесно связанных отраслей, взаимно способствующих росту конкурентоспособности друг друга. Таким образом, он определяет кластер как «группу географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» [3, с. 207]. В его теории «кластеры представляют новый и дополнительный способ организации экономики, ее динамичного развития и принцип проведения государственной политики в регионах. Понимание состояния кластеров в регионе обеспечивает важное видение внутренних свойств производственного потенциала экономики кластеров и ограничений, существующих для их будущего развития» [3, с. 275].

В отличие от территориально-производственного комплекса, кластер, прежде всего, представляет полную цепочку отраслей промышленности, начиная от поставщиков, и заканчивая конечным продуктом, включая вспомогательные услуги и специализированные инфраструктуры. Предприятия в кластере географически сконцентрированы и связаны потоком товаров и услуг. Границы кластеров достаточно редко подчиняются стандартным системам отраслевой классификации, неспособным охватить многих важных участников конкурентной борьбы и связи между отраслями.

Итак, можно выделить ряд общих характеристик кластера, основными среди которых являются территориальная общность предприятий, их взаимосвязанность и специализированная направленность. Характерно, что объединению предприятий в кластер предшествует возникновение в регионе ряда предпосылок его формирования. С.И. Соколенко [4] выделяет следующие детерминанты формирования кластеров: близость к рынкам, обеспечение специализированной рабочей силой, доступность специфических природных ресурсов, экономия за счет масштаба производства, низкая стоимость операции, возможность полного доступа к информации, возможность привлекать к сотрудничеству фирмы, дисперсно распределенные на территории региона.

А.А. Мигранян также особо выделяет наличие специализированной рабочей силы, специализированных природных ресурсов и родственных и поддерживающих отраслей как наиболее значимые детерминанты формирования кластеров [2]. Согласно исследованиям международного опыта кластеризации отраслей [5], выделяются такие доминирующие показатели как: концентрация сходных фирм и предприятий, удельный вес специализированной рабочей силы в данном секторе экономики региона, доступность специализированных услуг, наличие информационной, коммуникационной, сервисной составляющей инфраструктуры.

На наш взгляд представляется справедливым отметить, что не все перечисленные факторы являются критериально значимыми для возникновения кластера. Так, критически важными показателями формирования кластера следует указать:

– концентрацию сходных фирм и предприятий;

– значительный удельный вес рабочей силы в данном секторе экономики региона и возможность ее воспроизводства;

– образование социально-экономических традиций в производственных и межличностных взаимоотношениях, специфичных конкретной отрасли;

– доступность специфических природных ресурсов;

– возможность привлекать к сотрудничеству фирмы, дисперсно распределенные на территории региона.

Международный опыт показывает, что лучшие и более быстрые результаты могут быть получены, если формирование кластера осуществляется не стихийно, а становится предметом целенаправленной деятельности. Г.В. Гутман предлагает схему формирования кластера, включающую следующие основные этапы [6]:

1. Привлечение в структурообразующую отрасль региона крупной фирмы.

2. Формирование вертикальных интеграционных связей.

3. Развитие производства побочных и сопутствующих товаров и услуг и усиление горизонтальных интеграционных связей.

4. Активное формирование обеспечивающей информационной, образовательной и финансовой инфраструктуры.

5. Появление специализированных по формируемому кластеру государственных административных структур.

В Костромской области традиционно ядром производственного потенциала выступают машиностроение и текстильная промышленность, лесопромышленный комплекс и производство электроэнергии. При этом энергетическая составляющая имеет значительный вес, на наш взгляд, в основном за счет одной крупной электростанции – Волгореченской ГРЭС, с мощностью 3600 МВт (при общей мощности Костромской энергосистемы 3800 МВт [7]). Машиностроение области, имея хороший производственный потенциал, не следует рассматривать как основу формирования потенциального кластера, поскольку горизонтальные интеграционные связи между данными предприятиями в Костромской области не просматриваются. В текстильной отрасли, несмотря на то, что в настоящее время она находится в кризисном состоянии, имеются предпосылки формирования льняного кластера. Это, в первую очередь, сосредоточение фирм и предприятий льняной промышленности: ООО «Нерехтская льняная мануфактура», ЗАО «Большая Костромская льняная мануфактура», ООО «Льнообъединение им. И.Д. Зворыкина», ООО «Костромское льняное объединение» и др. Предприятия области вырабатывают около 30% льняных тканей, производимых в стране [7]. Расположенные по всей области совхозы и льнозаводы могут обеспечить производство специализированными природными ресурсами. Помимо предприятий, обеспечивающих сырьем и производящих льняные ткани в Костроме имеются ОАО «СКБТМ» (специальное конструкторское бюро текстильного машиностроения), завод ОАО «Текстильмаш», Костромской научно-исследовательский институт льняной промышленности, Костромской научно-исследовательский институт лубяных культур. Костромской государственный технологический университет, Костромская государственная сельскохозяйственная академия, механико-технологический техникум обеспечивают предприятия высококвалифицированной специализированной рабочей силой.

Обращает на себя внимание активное географически концентрированное развитие ювелирных производств на территории Костромской области – прежде всего в с. Красное-на-Волге и Красносельском районе, а так же в г. Костроме. Крупнейшими предприятиями в этом секторе являются ОАО «Костромской ювелирный завод», ОАО «Красносельский ювелирпром», ООО «Топаз» и др. Подготовку кадров для этой отрасли обеспечивает Костромской государственный технологический университет, а так же Красносельское училище художественной обработки металлов. Вместе с тем, подавляющее большинство ювелирной продукции производится малыми предприятиями, зачастую кустарными технологиями, кроме того, регион не обладает потребными для ювелирного производства природными ресурсами, что позволяет, утверждать недостаточность факторов обусловливающих активное формирование промышленного кластера в данной сфере.

Наибольшим же потенциалом для процесса кластеризации, на наш взгляд, обладает лесопромышленный комплекс. Географическое расположение Костромского региона, его богатый сырьевой потенциал послужили сосредоточению лесозаготовительных и лесоперерабатывающих фирм и предприятий. Лесопромышленный ком-

плекс области включает в себя 694 предприятия, что составляет 43,3% от общего количества предприятий [8].

Ведущими заготовительными предприятиями в регионе являются: ЗАО «Буйлес», филиал ООО «Кологривское ЛПХ», ООО «Центррегионлес», ООО «Зебляковское ЛПП», ООО «Неятрейд», ООО ПЛО «Островский лес», ООО ЛПХ «Вохма», ООО ЛПХ «Павино», ООО «Фория ОБФ – Кострома». Деревообрабатывающая промышленность получила наибольшее развитие в городах Кострома, Шарья, Мантурово и представлена такими предприятиями, как ОАО «Фанплит», ОАО «Мантуровский фанерный комбинат», ООО «Кроностар», ООО «Шарьинский ДОК» и др. Эти предприятия производят фанеру, древесностружечные плиты, МДФ, ламинат, пиломатериалы, древесную муку. В регионе так же традиционно присутствует и активно развивается мебельное производство. Такие фирмы как ОАО «Костромамебель», ООО «Такос», ООО «Шарьямебельплит», ООО «Максим» и др. производят серийно и на заказ, корпусную, мягкую домашнюю и офисную мебель. Специалистов для отрасли готовят такие учреждения высшего и средне-специального образования как Костромской государственный технологический университет, Костромской лесомеханический колледж, Шарьинская лесотехническая школа и др.

Оживление лесопромышленного сектора экономики региона является следствием привлечения как российских, так и зарубежных инвестиций. Причем инвестиционные потоки направлены не только на реализацию лесозаготовительных и деревообрабатывающих проектов, а в большей степени на развитие интегрированных структур, т.е. единых комплексов заготовки и переработки сырья. В последние годы создание таких структур считается наиболее перспективным направлением в отрасли. Реализуется оно на нескольких областных предприятиях. В частности, ОАО «Фанплит» обеспечивается сырьем леспромхозами из нескольких районов области, соответственно, обеспечивая возможности их развития. В плане объединения заготовки и переработки сырья, деревоперерабатывающее предприятие ООО «Кроностар» планирует наряду с использованием сырья от внешних поставщиков развитие собственной инфраструктуры заготовки леса.

Оценим реальную приближенность интеграционных взаимосвязей промышленных предприятий Костромского региона с позиций «зрелости» их как кластеров. Известна классификация промышленных кластеров по характерным особенностям, обуславливающим уровень развития связей по 4 типам: латентный, потенциальный, устойчивый и сильный. Однако такая типология допускает лишь положительную динамику формирования интеграционных связей, упуская возможность их ослабления и разрушения, что обусловливает целесообразность введения еще одного уровня кластерных связей. На наш взгляд можно обоснованно дополнить существующую классификацию таким типом кластеров как «регрессивный». Таким образом, для сильного кластера характерна хорошая сбалансированность развития как основных, так и связанных производств и специализированного сервиса, высокая внутренняя конкуренция, научно-исследовательский и инновационный потенциал мирового уровня, интенсивное внутрикластерное взаимодействие в рамках совместных проектов и работы межотраслевых организаций. Устойчивыми принято считать кластеры, демонстрирующие позитивную динамику становления всех элементов кластера и внутрикластерного взаимодействия, однако пока еще не достигнувших необходимого уровня для получения уверенных выгод от интеграции. Потенциальные кластеры характеризуются неравномерным развитием структуры кластера и слабостью отдельных элементов, однако при этом существуют выраженные конкурентные преимущества и фундаментальные факторы, способствующие дальнейшему развитию. Латентные кластеры не обладают полноценной кластерной структурой, а процессы ее формирования и создания устойчивых коммуникативных взаимосвязей происходят достаточно медленно [6]. Исходя из этого классификация перечисленных выше возможных кластеров Костромского региона может быть дополнена и представлена в виде таблицы.

Итак, богатый сырьевой потенциал, сосредоточение лесозаготовительных и лесоперерабатывающих предприятий на территории региона, их интенсивное развитие в последние годы создает благоприятные предпосылки для формирования Костромского лесопромышленного кластера, центром которого способны на наш взгляд стать крупнейшие в области предприятия лесопромышленного комплекса ООО «Фория ОБФ – Кострома» и ООО «Кроностар». Кроме того, необходимо отметить, что наряду с богатым сырьевым потен-

Таблица

Типология промышленных кластеров Костромской области

Кластер	Краткая характеристика	Тип
Ювелирный	Существуют лишь отдельные кластерные структуры, коммуникативные взаимосвязи стихийны. Существенным недостатком является отсутствие в регионе специализированного сырья.	Латентный
Лесной	Структура кластера стабильна, но развивается неравномерно, отдельные элементы кластера еще достаточно слабы, ярко выражены фундаментальные факторы формирования и развития интеграционных структур: богатый сырьевой потенциал, обеспечение специализированной высококвалифицированной рабочей силой, высокая концентрация сходных предприятий и фирм.	Потенциальный
Льняной	Кластерные структуры отчасти сформированы, однако функционально ослаблены, сырьевое обеспечение нарушено, коммуникативные связи отсутствуют, кадровое обеспечение перепрофилируется	Регрессивный

циалом и сосредоточением в северо-восточном регионе Костромской области лесозаготовительных и лесоперерабатывающих фирм и предприятий, существуют так же и другие благоприятные факторы формирования лесопромышленного кластера. Это в первую очередь наличие хорошей транспортной инфраструктуры: близость Северной железной дороги, выход к Балтийскому, Каспийскому и Черному морям по р. Волге, а также автодороги федерального значения, обеспечивающие транспортную связь с Москвой, Санкт-Петербургом и Екатеринбургом.

Наличие специализированных образовательных учреждений в регионе обеспечивает предприятия лесной промышленности специалистами для всех этапов производства – от заготовки сырья до организации производственного процесса. Это такие учебные заведения, как Костромской государственный технологический университет, Костромской лесомеханический колледж, Шарьинская лесотехническая школа, Профессиональный лицей №4 г. Шарьи.

На фоне ряда благоприятных факторов формирования лесопромышленного кластера в Костромском регионе, проблемными выступают вопросы, связанные с наличием развитой инфраструктуры сервиса, консультационных услуг, поставщиков комплектующих и вспомогательных производств. Формирование кластера затрудняются несовершенством межбюджетных отношений, ветхим состоянием социальной сферы, низким уровнем жизни населения и др. Следует отметить, что в целом Костромской регион по социально-экономическому состоянию относят к депрессивным. Однако, как показывает опыт применения кластерного механизма в России и за рубежом, именно формирование кластера, становится фактором привлечения на территорию других участников рынка, лучших человеческих ресурсов, развития консалтинговых, образовательных и иных услуг, что способствует общему активному развитию экономики региона. Так, например, вследствие организации крупнейшего производства древесностружечных и ламинированных плит в г. Шарье (ООО «Кроностар») возникла необходимость усиления энергоснабжения, в результате чего здесь уже начато строительство электростанции.

В этих условиях, на ранних этапах формирования кластера, главная задача правительства и региональных администраций состоит в улучшении инфраструктуры и устранение неблагоприятных условий, затем его роль должна концентрироваться на устранении ограничений к развитию инноваций [6].

Одним из действенных механизмов решения поставленных задач может являться создание и функционирование особых экономических зон. Учитывая, что с 1 января 2006 года вступил в силу Федеральный закон от 22.07.2005 г. №116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», согласно которому предполагается введение на отдельных территориях режима благоприятствования и стимулирования предприниматель-

ской и инвестиционной деятельности. Действительно, как показывает мировая практика, особые экономические зоны используются не только как способ привлечения инвестиций, но и как инструмент региональной экономической политики. В зависимости от социально-экономического развития страны эти функции, как правило, разделяются: развивающиеся страны используют их для привлечения инвестиций, тогда как высокоразвитые – для стимулирования депрессивных регионов и решения проблем выравнивания уровня экономического развития. Применительно к состоянию российской экономики обе функции представляются исключительно важными.

Таким образом, на наш взгляд, географическое положение и состояние транспортной инфраструктуры в Костромской области, ее сырьевой, кадровый и производственный потенциал выступают достаточными предпосылками для формирования лесопромышленного кластера как эффективного механизма экономической модернизации региона.

Библиографический список

1. *Карпышев Ю.А.* Общие методологические принципы управления инновационным развитием депрессивных регионов // Проблемы новой политической экономии. – 2005. – №5.

2. *Мигранян А.А.* Теоретические аспекты формирования конкурентных кластеров в странах с переходной экономикой / http://subcontract.ru/Docum/ DocumShow_DocumID_171.html.

3. *Портер Майкл Э.* Конкуренция. – М.: Вильямс, 2003.

4. *Соколенко С.* Промышленная и территориальная кластеризация как средство реструктуризации // Безопасность Евразии. – 2002. – №1. – С. 435.

5. Кластеры конкурентоспособности / http://subcontract.ru/Docum/ DocumShow_DocumID_105.html.

6. *Гутман Г., Ласкина Е.* Промышленные кластеры: механизмы управления. – Владимир: Собор, 2005.

7. Костромская область и регионы Центральной России. Статистический сборник 2003 года Костромского областного комитета государственной статистики.

8. Справочник по лесопромышленному комплексу Костромской области. – Кострома: Департамент по лесопромышленному комплексу администрации Костромской области, 2005.

Е.А. Родионова

НАДЕЖНОСТЬ ПЕРСОНАЛА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАДЕЖНОСТИ ЧЕЛОВЕКО-МАШИННОЙ СИСТЕМЫ

Особая значимость основного и вспомогательного персонала в технологических системах швейного производства определяется его существенным влиянием на продолжительность процессов и надежность их реализации. В принятой в швейной промышленности терминологии оператором считается рабочий, выполняющий работы только на автоматическом или полуавтоматическом оборудовании.

В инженерной психологии, в литературе по теории надежности персонала [1; 3; 7] оператором принято именовать персонал, осуществляющий взаимодействие с предметом труда, оборудованием и внешней средой в человеко-машинных системах. Взаимодействие человека-оператора и машины происходит в диалоговом режиме посредством интерфейса. Под человеко-машинным интерфейсом следует понимать те средства, с помощью которых происходит это взаимодействие. В приложении к швейному оборудованию это органы управления и системы отображения информации, которые включают: органы управления и регулирования, указатели, индикаторы, информационное и программное обеспечение (см. рис.).

С помощью органов управления (педали, рычаги, кнопки и т.п.), например, осуществляется подъем лапки, изменение направления подачи ткани, изменение скоростного режима. К органам регулирования относятся, например, регуляторы натяжения нити, длины стежка, полноты намотки и др. Устройства автоматизации позволяют выполнять закрепки, настрачивать эмблемы, этикетки, обрабатывать шлицы, изготавливать петли, пришивать пуговицы, стачивать детали и удалять их из зоны обслуживания автоматически.

В инженерной психологии [7] выделяются несколько типов операторской деятельности,

© Е.А. Родионова, 2006

Рис. Взаимодействие человека и машины

классифицируемых в зависимости от основной функции, выполняемой человеком-оператором, и удельного веса образного, понятийного, сенсомоторного компонентов, включенных в операторскую деятельность: технолог, наблюдатель, манипулятор, исследователь, руководитель. Использование обобщенного понятия «оператор» позволяет обеспечить единообразие в подходе к надежности персонала, осуществляющего основную исполнительскую функцию в технологических человеко-машинных системах.

К проблеме надежности оператора исследователи обращаются с 1960-х гг. В основу известных определений Б.Ф. Ломова, Д. Мейстера, А. Суэна и Х. Гутмана и др. положено толкование надежности как способности достигать цель. В.Д. Небылицын [5] определяет надежность человека-оператора как способность к сохранению требуемых рабочих качеств в условиях возможного усложнения обстановки, или как «сохраняемость», устойчивость оптимальных рабочих параметров индивида. Фактически, в этом определении свойство надежности отождествляется с гомеостазом, т.е. нечувствительностью состояния системы к внешним возмущающим воздействиям. Это определение уточняется введением понятия «оперативной» надежности человека, базирующегося на основных свойствах нервной системы и выражающегося в способности индивида к устойчивому сохранению оптимальных рабочих параметров (работоспособности, помехоустойчивости и др.) в течение заданных промежутков времени и при возможных усложнениях обстановки. Свойство надежности человека как комплексное разделяется на базовую надежность и прагматическую. Если базовая надежность рассматривается в [5] как потенциальная способность организма человека к надежной работе, то в условиях реальной деятельности проявляется прагматическая надежность, которая выражается вероятностью выполнения оператором требуемого алгоритма действий, либо принятия оптимального (или хотя бы приемлемого) решения. А.И. Губинский [4], на наш взгляд, более точно сформулировал понятие прагматической надежности как способности в принципе (независимо от качества) достигать поставленной цели. В настоящее время все более распространенным является понимание надежности не как застывшего свойства, а как способности человека безотказно работать, т.е. процессуального свойства. В ГОСТе [2] под надежностью человека-оператора понимается свойство человека-оператора, характеризующее его способность безотказно осуществлять деятельность в течение определенного интервала времени при заданных условиях. В [5] дается сходное определение понятия надежности функционирования как способности сохранять устойчивость запланированного процесса функционирования, заключающуюся в отсутствии вынужденных прекращений процесса и неправильного его исполнения по отношению к запланированному (ошибочных действий).

Анализируя определения, можно явно выделить два подхода к интерпретации надежности оператора: процессуальный и результативный или прагматический. В процессуальном смысле надежность понимается как способность человека сохранять требуемые рабочие качества и устойчивость оптимальных рабочих параметров (работоспособности, помехоустойчивости), безотказно выполнять деятельность, сохранять устойчивость запланированного процесса функционирования, заключающуюся в отсутствии срывов и ошибочных действий. Под надежнос-

тью понимается некоторое свойство, проявляемое человеком в процессе деятельности, и не указывается, какой результат был в итоге достигнут. С прагматической точки зрения надежность рассматривается как способность человека достичь поставленную цель, успешно выполнить работу или поставленную задачу, выполнить в полном объеме возложенные функции и некоторые обусловленные системой действия, принять оптимальное (или хотя бы приемлемое) решение, не нанести ущерба системе. Т.е. надежность – это свойство человека достигать результат, независимо от того, как складывался процесс деятельности.

Очевидно, что при исследовании или оценке надежности производственной системы или ее части – технологически обособленного производства – надежность оператора как элемента человеко-машинной системы следует рассматривать только с позиций конечного результата, чему естественно отвечает прагматический подход.

В общем случае надежность персонала как комплексное свойство определяется следующими первичными составляющими свойствами: безошибочностью, готовностью, своевременностью, восстанавливаемостью.

Нарушение работоспособности любой системы, в том числе и эргатической, связано с отказами. Существует множество, порой, разноречивых определений человеческого отказа. Одно из первых определений отказа, близкое по смыслу к аналогичному понятию в технике, было сформулировано В.Д. Небылицыным [5]. В нем даны сразу две трактовки отказа – потеря человеком работоспособности и ухудшение работы системы по его вине. В первом случае отказ предлагается рассматривать как полную или частичную потерю работоспособности, в результате которой человек перестает удовлетворять хотя бы одному из требований, установленных для данного вида деятельности. Во втором под отказом понимается событие, вследствие которого оператор допустил выход системы из нормального режима в зону ненормальной работы.

А.И. Губинский [4] разделяет отказы эргатического элемента на структурный, связанный с потерей работоспособности и функциональный, вызванный неправильными действиями при сохранении работоспособности. Отказы первой группы разделяются на отказы дееспособности (временные) и отказы работоспособности (окончательные). Временные это психофизиологические отказы, проявляющиеся в утомлении, заболевании, травме; временные эргатические отказы вследствие внешних причин, не позволяющих выполнять рабочие действия, (выключение освещения); временные мотивационные отказы (страх, нежелание). Окончательные – это потеря трудоспособности, биологический отказ (смерть), мотивационный отказ. В [6] также разделяются отказы на временные, в результате усталости и заболевания и окончательные в результате ранения или смерти.

В приложении к субъекту как элементу производственной системы наиболее четко формулируется понятие отказа в ГОСТе 26387-84, согласно которому отказ человека-оператора это невыполнение им предписанных действий или снижение качества их выполнения за пределы, необходимые для достижения цели деятельности.

Несмотря на различия в определениях отказов общим в них является разделение на две группы: связанные с прекращением или снижением уровня деятельности и не обусловленные уровнем деятельности. Отказы вследствие внешних причин, не позволяющих выполнять рабочие действия, в технической литературе принято относить к организационным. С позиции надежности производственной системы окончательные отказы, связанные с прекращением деятельности (смерть, травма, заболевание) носят разовый характер и не оказывают систематического влияния на результаты функционирования производства. Наибольшее влияние на результаты функционирования производственной системы оказывают отказы, связанные со снижением уровня деятельности: психофизиологические и мотивационные (утомление, стресс, нежелание) и не связанные с прекращением или снижением уровня деятельности.

ГОСТ 26387-84 определяет отказ человека-оператора, не связанный с прекращением деятельности как ошибку. Ряд авторов также выделяет ошибку как особый вид отказа, не связанного с потерей работоспособности.

Для промышленного персонала все виды отказов с позиции их влияния на комплексную надежность швейного производства можно свести к 4 основным группам: невыход на работу, прекращение работы, снижение производительности, ошибки. Как видим, первые две группы – это отказы, связанные с прекращением деятель-

ности; третья – со снижением уровня деятельности; четвертая группа – отказы, не связанные как с прекращением, так и с уровнем деятельности.

Все отказы, имеющие место в деятельности персонала, возникают под воздействием множества факторов, которые можно объединить в следующие группы: психофизиологические факторы; личностные факторы; социальные факторы; социально-психологические факторы. Степень влияния перечисленных групп факторов на возникновение отказов, а, следовательно, и на надежность персонала, различна.

Библиографический список

1. *Анохин А.Н.* Анализ деятельности оператора: модели и методы. Учеб. пособие. – Обнинск: ИАТЭ, 1992.

2. ГОСТ 26387-84. Система «человек-машина».

3. *Губинский А.И.* Надежность и качество функционирования эргатических систем. – Л.: Наука, 1982.

4. *Губинский А.И.* Надежность и качество функционирования эргатических систем. – Л.: Наука, 1982.

5. *Небылицин В.Д.* Надежность работы оператора в сложной системе управления // Инженерная психология. – М.: Изд-во МГУ, 1964. – С. 358–367.

6. *Острейковский В.А.* Теория надежности. – М.: Высшая школа, 2003.

7. Справочник по инженерной психологии / Под ред. Б.Ф. Ломова. – М.: Машиностроение, 1982. – С. 9–10.

Е.А. Ситникова

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО ОВОЩНОГО РЫНКА

Ðåãèîíàëüíûé овощной рынок функционирует в системе агропромышленного комплекса, включающего сельское хозяйство, перерабатывающую промышленность, различные промышленные и транспортные предприятия, осуществляющие производство и поставку производственных ресурсов и обслуживание подотрасли АПК – овощеводство [2].

Рынок овощной продукции – разновидность товарного рынка, следовательно, оценка его функционирования выражается через результат взаимодействия спроса и предложения с учетом специфических факторов и условий, влияющих на них.

Предложение овощной продукции на рынке осуществляют товаропроизводители и торговые посредники различных типов и форм собственности:

– сельскохозяйственные предприятия;

– хозяйства населения;

– крестьянские фермерские хозяйства;

– личные подсобные хозяйства населения;

– фирмы-посредники регионального, межрегионального, международного уровней.

Спрос на плодоовощную продукцию определяется множеством факторов, основными среди которых являются:

– уровень цен;

– денежные доходы населения (увеличение доходов приводит к снижению потребления крахмалосодержащих продуктов (картофель, макароны) и увеличению потребления овощей);

– число покупателей на рынке;

– цены на замещающие и взаимодополняющие товары;

– качество;

– ожидания потребителей в отношении таких факторов, как инфляция, наличие товара и будущий доход;

– субъективные факторы покупателя (вкусовые предпочтения и др.).

Изучение многообразных факторов, оказывающих влияние на состояние рынка, их системный анализ являются исходным пунктом для принятия любого хозяйственного решения. От того, насколько тщательно изучены и определены уровень, характер и структура спроса, тенденции его развития зависит успех в конкурентной борьбе [1].

Для оценки потенциала и масштаба регионального овощного рынка мы провели изучение емкости овощного рынка Костромского региона (табл.). Как свидетельствуют расчеты, потен-

 © Е.А. Ситникова, 2006

Таблица

Фактическая и потенциальная емкость рынка овощной продукции

	2000	2001	2002	2003	2004
Потенциальная емкость рынка, тыс. т	132,1	141	151,8	155,7	160
Уровень товарности производства %, в т.ч.:					
сельскохозяйственные организации	71,6	74,1	72,4	75,7	71,5
хозяйства населения	1	0,1	0	0	0,5
Валовой сбор овощей, тыс.т. в т.ч.:	120,4	115,8	129,7	115,7	120
сельскохозяйственные организации	11,2	10,5	8,3	8,3	11,1
хозяйства населения	109,2	105,3	121,4	107,4	108,9
Фактическая емкость рынка, тыс. т	8	7,93	6	6,28	8,73
Фактическая емкость рынка с учетом движения продукции ЛПХ и садово-огородных участков, тыс. т	18,9	18,2	20,9	18,5	18,8
Фактическая емкость рынка с учетом потребления продукции ЛПХ и садово-огородных участков, тыс. т	26,9	26,1	26,9	24,8	27,5

циальная емкость овощного рынка региона на протяжении исследуемого периода поступательно росла, в результате чего прирост в 2004 г. составил 21,1% по сравнению с 2000 г. [3]. Таким образом, спрос на овощную продукцию в регионе динамично растет. Вместе с тем уровень товарной продукции овощных культур значительно ниже его потенциального значения. В 2004 г. фактический объем регионального овощного рынка составил 8,73 тыс. т или 5,4% потенциальной емкости, что является негативным показателем, поскольку большая часть (более 90%) овощной продукции поступает из личных хозяйств населения. При этом из анализа динамики фактической емкости рынка видно, что этот показатель характеризуется нестабильностью. В 2003 г. фактическая емкость по сравнению с 2000 г. упала на 21,5%, а в 2004 г. снова возросла на 39%. При этом уровень фактической емкости по прежнему остается достаточно низким по сравнению с потенциалом рынка.

Кроме того, одним из существенных недостатков, на наш взгляд, существующей методики расчета фактической емкости рынка, является тот факт, что в данном показателе не учитывается движение продукции личных подсобных хозяйств и садово-огородных участков. Согласно данным проведенного нами анкетирования населения Костромской области на предмет использования продукции, выращенной в ЛПХ, выявлено, что 52,03% респондентов используют выращенную продукцию для собственного потребления, 39,02% раздают излишки продукции родственникам, друзьям (в т.ч. 8,3% за наличный расчет) и только 8,95% респондентов продают свою овощную продукцию на рынке, сдают перекупщикам или в магазины. Для получения объективных данных нами был проведен опрос 200 человек в возрасте от 20 до 65 лет, принадлежащих к разным домохозяйствам. В связи с полученными данными нами предложен расчет фактической емкости рынка с учетом потребления продукции, выращенной и реализованной за наличный расчет в ЛПХ и садово-огородных участках (8,3% и 8,95% соответственно от общего объема производства овощной продукции хозяйств населения).

За последние восемь-десять лет уровень и структура потребления претерпели существенные изменения, удалось сформировать потребительский рынок, для которого характерна высокая насыщенность товарами, а структура потребительского спроса целиком определяется денежными ресурсами домохозяйств и уровнями цен на отдельные товары. Естественным образом возникает необходимость в прогнозировании потребительского спроса, в построении формализованных моделей, отражающих динамику и структуру потребительских расходов населения.

Для изучения причинно-следственной связи «денежные доходы населения – цена на овощную продукцию – потребление овощной продукции населением» нами предлагается рассмотреть соотношение вышеперечисленных величин в динамике, где за начальный уровень (100%) принимается величина показателя 1999 года. Как

показывают расчеты, рост денежных доходов пока не оказывает существенного влияния на уровень потребления овощей [5; 6]. Корреляционно-регрессионный анализ уровня доходов и потребления овощей также показал, что между исследуемыми величинами существует слабая связь, значение коэффициента корреляции равно 0,686.

Увеличение доходов населения повлекло изменение в структуре расходов населения области на приобретение товаров различных категорий. Согласно данным, представленным Костромским областным комитетом государственной статистики в сборнике «Внешняя и внутренняя торговля Костромской области» [3], в 2005 г. по сравнению с 2001 г. доля расходов на приобретение продуктов питания снизилась на 26,7%, в то время как доля расходов на покупку непродовольственных товаров увеличилась на 48,6%, а на оплату услуг – на 46%. Данный расчет представлен в таблице «Структура потребительских расходов домашних хозяйств» (по данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). Такое перераспределение расходов можно рассматривать как негативный фактор, показывающий, что рост доходов населения ниже уровня роста цен на товары первой необходимости. На основании вышеперечисленных данных можно сделать вывод. Во-первых, величина доходов по-прежнему является достаточно низкой, у более трети населения она ниже прожиточного минимума, что ограничивает платежеспособный спрос на овощную продукцию. Во-вторых, затяжной экономический кризис, выразившийся в резком сокращении доходов населения, способствовал сосредоточению производства овощей в частном секторе, на садово-огородных участках граждан.

В настоящее время хозяйства населения играют большую роль в производстве овощной продукции, а отказу от ее возделывания может способствовать в первую очередь увеличение доходов населения. При увеличении доходов населения следует применять пошаговый метод, то есть метод постепенного наращивания производства овощей в сельскохозяйственных организациях с одновременным сокращением их в хозяйствах населения.

Вместе с тем реализация отмеченных путей развития рынка невозможно без создания оптимальной системы товародвижения продукции от производителя к потребителю, что предполагает формирование рыночной инфраструктуры, отвечающей современным требованиям региональной и межрегиональной торговли. Создание и налаживание работы объектов рыночной инфраструктуры требует больших финансовых и временных затрат, поэтому программа подготовки и реализации должна начинаться уже сегодня [4].

Необходимо осуществлять процесс интеграции складского бизнеса в крупные логистические компании и товарораспределительные центры, позволяющие рационализировать процесс грузодвижения, обеспечить экономию на общесистемных затратах и получить максимальный экономический эффект в сфере производства, распределения и потребления товаров и услуг. В этой связи назрела необходимость обеспечения единой направленности нормативных актов, преодоления их противоречивости, пробелов, создания четкой логической схемы регулирования процессов и отношений региональных продовольственных рынков.

На федеральном уровне таким документом является Постановление Правительства РФ от 15.06.98 г. «О комплексном развитии инфраструктуры товарного рынка», согласно которому на территории России предполагается создание сети региональных и межрегиональных оптовых продовольственных рынков для обеспечения единого продовольственного рынка страны [7]. Следует отметить, что задачи строительства оптовых продовольственных рынков и распределительных центров возложена на органы власти субъектов Российской Федерации.

Для эффективного и повсеместного снабжения населения области овощной продукцией необходимо создать сеть региональных оптовых продовольственных рынков (ОПР) в различных городах области, начиная от небольших оптово-распределительных центров, заканчивая универсальным крупным в областном центре.

Библиографический список

1. *Агирбов Ю.И.* Рынок картофеля и плодоовощной продукции // АПК: экономика и управление. – 2000. – №12.

2. *Алтуков А.И.* Региональный продовольственный рынок: проблемы формирования и развития. – М.: Колос, 1997.

3. Внешняя и внутренняя торговля Костромской области // Статистический сборник. – Кос-

трома: Костромской областной комитет государственной статистики, 2005.

4. *Клюкач В.А.* Концепция создания межрайонных оптовых распределительных продовольственных центров: Сб. научных трудов. Организационно-экономические основы аграрного рынка – М.; Минск, 1997.

5. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах Костромской области (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) // Статистический сборник. – Кострома: Костромской областной комитет государственной статистики, 2005.

6. Потребление основных продуктов питания населением // Статистический сборник. – Кострома: Костромской областной комитет государственной статистики, 2005.

7. Постановление правительства РФ от 15 июня 1998 г. №593 «О комплексной программе развития инфраструктуры товарных рынков Российской Федерации на 1998–2005 годы» / http://www.npagov.garweb.ru

Е.И. Суравенкова

ФАКТОРЫ КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ

В экономической литературе существует множество определений кредитоспособности, однако наиболее верным на мой взгляд является следующее определение.

Кредитоспособность с точки зрения заемщика – это способность к совершению кредитной сделки, возможность своевременного возврата полученной ссуды, а с позиции банка – это правильное определение размера допустимого кредита.

Кредитоспособность зависит от многих факторов. И этот факт сам по себе означает трудности, поскольку каждый фактор (для банка – фактор риска) должен быть оценен и рассчитан. К этому следует добавить необходимость определения относительного «веса» каждого отдельного фактора для состояния кредитоспособности, что также крайне непросто.

Факторы, от которых зависит кредитоспособность, можно условно разделить на две большие группы:

– основные факторы кредитоспособности ;

– дополнительные факторы кредитоспособности.

Основные факторы кредитоспособности

Большинство известных методик оценки кредитоспособности содержат схожий между собой набор коэффициентов оценки финансового состояния заемщика. Они отличатся только тем, что оцениваемые показатели сгруппированы в разные группы и к ним применяются отличные весовые коэффициенты.

Как правило, методики содержат следующие группы финансовых коэффициентов:

1) анализ собственного капитала заемщика (к соотношению собственных и заемных средств);

2) анализ доходности заемщика (к рентабельности продаж, к рентабельности основной деятельности);

3) анализ платежеспособности заемщика (к покрытия, к мгновенной (абсолютной) ликвидности).

Каждый коэффициент соотносится с определенным нормативным значением, принятом в отдельно взятом банке, и в зависимости от данного отклонения набирает определенное количество баллов. Такая процедура проводится с каждым коэффициентом всех групп. Сумма баллов коэффициентов входящих в одну группу суммируется. Каждая группа имеет свой собственный вес среди других групп в зависимости от оказываемого влияния на финансовое состояние ссудополучателя. Набранное количество баллов по каждой группе умножается на все группы. Полученные значения суммируются, и в зависимости от данной величины предприятию присваивается определенный рейтинг, отражающий рискованность предоставления клиенту кредитного продукта.

Дополнительные факторы кредитоспособности

Исходя из указанного выше, методики оценки кредитоспособности односторонни и, в основном, сводятся к расчету финансовых коэффициентов, что является недостаточным для принятия решения о целесообразности кредитования того или иного предприятия. Нельзя не учитывать вторичные факторы кредитоспособности:

1) передаваемое в залог (заклад) обеспечение;

© Е.И. Суравенкова, 2006

2) региональные риски (риски вложения средств в регион нахождения предприятия);

3) кредитная история предприятия;

4) субъективные факторы кредитоспособности.

Первые два вторичных фактора дают дополнительную количественную, два последние – качественную оценку кредитоспособности. Принимаемое в залог обеспечение необходимо для погашения за счет него кредита и процентов по нему при невозможности погашения денежными средствами заемщика. Реализация имущества должна производиться оптом в короткие сроки и по выгодным для Банка ценам, чтобы вырученные средства полностью покрывали сумму основного долга и начисленных на него процентов. Для этого при заключении договора на предоставление кредита соответствующие специалисты Банка должны оценить рыночную стоимость передаваемого в залог имущества, его ликвидность и права заемщика на данное имущество. Однако организация банком такой службы в своем штате дорога, поэтому банкам было бы целесообразно заказывать у специалистов по оценке имущества периодические обзоры рынка основных товаров, принимаемых в залог и на основании этого делать вывод о целесообразности принятия в залог какого-либо имущества.

Региональные риски связаны с тем, что кредитование предприятий, находящихся вне зоны работы банка или его филиала, а так же находящегося в так называемых «регионах риска» (Чечня, Ингушетия, Северный Кавказ и ряд других) заведомо более рискованно, чем в благополучных регионах и в зоне работы Банка. Повышенному риску так же способствует политическая нестабильность в регионе, экстремальные погодные условия, перебои в снабжении электроэнергией, водоснабжении и водоотведении, разногласия федерального и местного законодательств, уровень безработицы, динамика задолженности по выплате заработной платы бюджетным организациям и всевозможных пособий. Привлекательности региону добавляет благоприятный инвестиционный климат, защита вложенных средств на уровне власти, отлаженная судебная система, наличие полезных ископаемых, высокая квалификация кадров. Указанные выше положительные и отрицательные стороны развития региона должны соответственно добавить или отнять некоторое количество баллов при оценке кредитоспособности ссудополучателя.

Финансовый анализ, оценка передаваемого в залог имущества, оценка региональных рисков оценивают потенциальную возможность предприятия оплатить полученный кредит и проценты по нему. Но наряду с оценкой возможностей заемщика, необходимо не выяснить еще один вопрос – желает ли он погасить кредит, то есть кредитоспособность необходимо рассматривать как возможность и желание заемщика погасить кредит. Оценить желание заемщика помогают два фактора – кредитная история и субъективные факторы кредитоспособности.

Кредитная история показывает, как ранее заемщик расплачивался по полученным кредитам и займам, были ли задержки в уплате основного долга и процентов. Очевидно, что если на протяжении всего существования предприятие исправно оплачивало все свои обязательства, то вероятность того, что при прочих равных условиях, в дальнейшем предприятие так же без задержек будет рассчитываться по имеющимся обязательствам. Если же кредитная история не безупречна, то необходимо выяснить, какими причинами была вызвана просрочка платежа. В случае объективных причин и небольшого срока просрочки (до 5 дней), то такой задержкой можно пренебречь. Однако если просрочка была более длительной и вызвана субъективными причинами, то данный факт должен насторожить кредитного эксперта, а при наличии непогашенных просроченных кредитов необходимо отказать заемщику в получении нового.

Другим источником качественной информации о потенциальном клиенте является информация, полученная в ходе беседы представителя заемщика с кредитным работником Банка. При проведении данной беседы целесообразно выяснить следующие моменты в деятельности заемщика:

– положение на рынке (конкуренция, возможное изменение спроса на продукцию, позиция клиента на основном рынке);

– зависимость от нерыночных факторов (судебные разбирательства, привилегированные отношения с властью, влияние госорганов);

– зависимость от рыночных факторов (ценовые риски, зависимость от поставщиков и от покупателей);

– управление компанией (качество высшего руководства фирмы, общее качество управления в компании);

– финансы, учет, контроль (налаженный контроль затрат и рисков, правила финансового регулирования, наличие качественной бухгалтерской системы отчетности);

– динамика финансовых показателей (динамика рентабельности, стабильность оборотов по счетам в банках, возможность стороннего финансирования) и др.

Результаты такого интервью позволят кредитному работнику Банка составить общее мнение о заемщике, что является немаловажным при принятии коллегиальным органом банка решения о предоставление кредита.

Проведя анализ заемщика по всем описанным направлениям, заемщик и сделка набирают определенное количество баллов и в зависимости от них относятся в определенную группу риска, от которой в свою очередь зависит размер обязательного резерва, отчисляемого банком в Банк России, и соответственно размер платы за предоставляемый кредит.

Исходя из сказанного выше, методика оценки кредитоспособности заемщика должна включать не только односторонний финансовый анализ, но и ряд других блоков, позволяющих всесторонне анализировать предприятия.

А.А. Зыков

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МАТЕРИАЛЬНОЙ БАЗЫ СТРОИТЕЛЬСТВА

Для наращивания инвестиционной активности с преобладанием в инвестициях инновационной составляющей в строительном комплексе необходимо укорить темпы роста и обновления научно-технического и трудового потенциала, увеличение масштаба производственного, жилищного и других видов строительства и промышленных отраслей комплекса. Стимулирование инвестиций в основной капитал должно осуществляться за счёт разработки экономического механизма вовлечения в хозяйственный оборот объектов незавершённого строительства, стимулирования вовлечения сбережений населения в инвестиционный процесс, загрузки простаивающих производственных мощностей, уменьшения числа посредников между инвесторами, производителями и потребителями строительной продукции; усиления инновационной направленности инвестиционной деятельности, совершенствования управления пакетами акций; повышения инвестиционной привлекательности предприятий передачей собственности на землю под зданиями и сооружениями, государственного регулирования амортизационной политики, вывода из хозяйственного оборота неиспользуемых основных фондов, использования корпоративных облигаций в качестве источника привлечения инвестиций, разработки и внедрения механизмов ипотечного жилищного кредитования.

Социально-экономическая политика государства опирается на оценку возможностей любой хозяйственной системы, которыми являются предприятия и строительные организации, организационно-производственные системы (ОПС), производить совокупность потребительских благ (объектов недвижимости различного назначения), что зависит от многих обстоятельств. В современных условиях экономическая наука выделяет среди них инновационные факторы (новые материалы, технологии, организация производства и труда, мотивация), наличие, а так же наиболее полное эффективное использование которых, позволяет хозяйственной системе получать максимальный совокупный результат.

Исследования показали, что данные факторы лучшим образом проявляют свои преобразующие возможности, когда они используются в хозяйственной системе любого уровня в определенном соотношении и их действия подкрепляются другими факторами (инвестиции, интеллектуальный, предпринимательский, и кадровый ресурс, инновационный менеджмент, нормативно-правовая база и т.д.). Эти факторы могут находиться в разном состоянии: в виде новых идей, технологий, опытно конструктивных разработок, ноу-хау, химических и математических формул, образцов, материальных запасов, и т.д., т.е. в разной степени готовности для использования в научно производственной деятельности для получения потребительских ценностей (объектов недвижимости).

© А.А. Зыков, 2006

Исходя из логики понимания потенциала как совокупности возможностей, средств, запасов, которые могут быть произведены в действие, использованы для достижения определенной цели, можно сделать вывод, что в основе научно-технологического потенциала той или иной строительной хозяйственной системы (ОПС) лежит совокупность научных знаний, инноваций, находящихся в различных стадиях научно воспроизводственного цикла, протекающего в ней, неиспользуемых резервов техники, технологии, кадровых ресурсов и организации в действующем производственном организме, а так же нефункционирующих запасов новых технико-технологических средств, резервов совершенствования корпоративного управления, творческих потенциалов коллективов.

Такое видение основы научно-технического потенциала применимо к разным уровням хозяйственных системных образований: предприятиям, корпорациям, федеральному и региональному строительным комплексам, материальной базе строительства (МБС), отраслям, подотраслям. Подготовка инноваций в воспроизводстве конкретных строительных материалов, изделий и строительных систем осуществляется в ходе научно-технических и инновационных процессов, длительность которых зависит от изначальной формы, в которой находится новшество, наличия всех необходимых условий, включая инвестиционные, кадровые и предпринимательские ресурсы, полноценности существующего инновационного менеджмента.

Фактор времени не только предопределяет длительность трансформации знаний, но и обуславливает разную оценку научно-технологического потенциала, в зависимости от различных тактических и стратегических целей. Это позволяет подразделить общий научно-технологический потенциал на тактический и стратегический блоки.

Тактический потенциал составляют инновации, которые в условиях хозяйственной системы можно использовать в течении 1–5 лет. Т.е. для реализации стратегии инновационного развития МБС до 2010г. необходимо использовать уже имеющиеся инновации.

Стратегический потенциал обусловлен преобразовательными возможностями подготавливаемых инноваций, использование которых в обновлении строительных материалов и строительных систем, их производство и строительство зданий и сооружений, возможно за пределами 2010 г. Общий научно-технологический потенциал представляет собой не просто сумму, а некое единство тактического и стратегического потенциалов, т.к. последний зависит от использования первого.

Совокупность научно-технологических новшеств хозяйственной системы МБС может быть пополнено достижениями НТП в других системах (из других отраслей, из мирового банка научных знаний), располагая для этого необходимым капиталом. В этих условиях научно-технологический потенциал хозяйственного образования, обогащенный внесистемными новшествами, будет богаче; в нем могут существенно измениться все блоки во времени и структуре. Поэтому целесообразно подразделять научно-технологический потенциал хозяйственного образования на внутрисистемную и внесистемную части.

Научно-технологический потенциал имеет структуру, ключом которой служит научно-воспроизводственный цикл создания и использования инноваций в преобразовании труда, строительной продукции и производственного аппарата хозяйственных систем. Воспроизводственный подход позволяет представить научно-технологический потенциал в виде взаимосвязанной совокупности блоков, каждый объединяет в себе новшества примерно одинаковой степени трансформации их в инновации-факторы, инновации-товары, являющиеся итогом специфического новаторского интеллектуального труда в каждой стадии научно-производственного цикла.

Обобщая приведённые выше методологические подходы, алгоритм анализа состояния научно-технологического потенциала хозяйственной системы можно представить в виде определённой последовательности действий (рис.) [1]. На основе анализа конкурентоспособности строительных материалов, товаров-объектов, технологии их производства и возведения, эффективности менеджмента, организации, структуры ОПС и мотивации труда через совокупность маркетинговых исследований, изучение преобразовательных возможностей существующих инноваций различного характера внутри и вне системы в отношении строительной продукции, технологии, организации труда и производства инновационного менеджмента, оцениваются качественные и количественные характеристики потенциала.

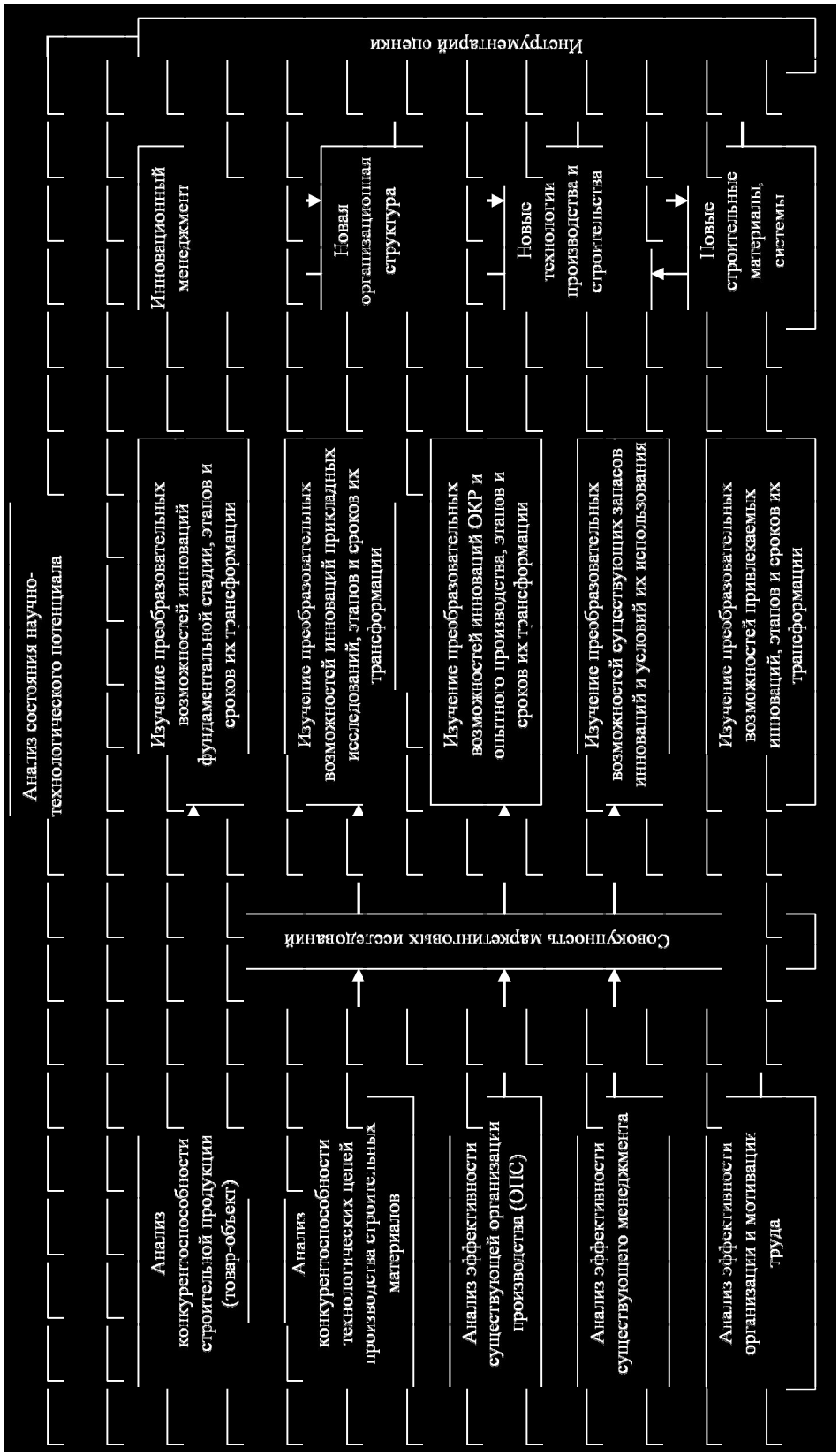

Рис. Алгоритм анализа состояния научно-технологического потенциала МБС

Для оценки научно-технологического потенциала хозяйственной системы необходимо определить три группы показателей: показатели качества строительного материала, изделия, строительной системы; показатели производственного аппарата предприятий и организаций, входящих в хозяйственную систему (ОПС); показатели результатов хозяйственной деятельности (социальные, экономические, экологические).

Эффективность использования потенциала обобщенно оценивается, как отношение достигнутых в настоящее время каждого из совокупности показателей, выбранных в качестве оценочных, к возможным при максимальном использовании научно-технологического потенциала

$$Эп = \sum_{i=1}^{n} ai/\,abi * 100/\,n\,,$$

где: *Эп* – итоговый обобщающий показатель эффективности использования научно-технологического потенциала хозяйственной системы; *ai* – конкретный *i*-й показатель, характеризующий достижение определенного эффекта; *abi* – возможный *i*-й показатель при наиболее полном использовании потенциала; *n* – число показателей.

При анализе использования научно-технологического потенциала ОПС в качестве показателя качества товара-объекта можно использовать достигнутый и возможный интегральные показатели качества. Показателями производственного аппарата могут служить достигнутые и возможные мощности предприятий и организаций, входящих в ОПС. Показателями результатов хозяйственной деятельности могут быть показатели производительности достигнутые и возможные. В качестве эффективного механизма реализации системы стратегического управления инновационным развитием предприятия может быть применена система сбалансированных показателей и стратегических карт, концептуальные основы которой базируются на описании предприятия не только финансовыми параметрами, а совокупностью показателей, отражающих такие сферы как потребители, внутренние бизнес-процессы и обучение персонала.

Наличие причинно-следственных связей между элементами стратегии ОПС, отражающее основные направления стратегического развития на основе системы сбалансированных показателей, позволяет для реализации использовать стратегические карты. Они представляют собой универсальный и последовательный способ описания стратегии, установления целей и показателей управления ими. В процессе формирования стратегических карт инновационного развития следует руководствоваться следующими принципами: увеличение стоимости акционерного капитала и, соответственно, стоимость акций создается за счет эффективности внутреннего бизнес-процесса посредством роста дохода; увеличение доли ОПС на рынке, расширение потребительской базы достигается удовлетворением потребительских запросов; стратегия основывается на дифференцированном по ценности предложении потребителю, что достигается построением потребительской стратегии; стратегия инновационного развития определяется стоимостью нематериальных активов.

С учетом изложенного, а также ранее сформированных положений, основной целью развития хозяйственной системы является «Рост стоимости ОПС (цены фирмы [2]) за счет постоянного инновационного развития». Подобная цель позволяет разрабатывать стратегические карты инновационного развития, проводя трансформации и систематически производить измерения и оценку эффективности стратегии инновационного развития, разрабатывать мероприятия и бизнес-планы в рамках принятых стратегий.

Библиографический список

1. *Зыков А.А.* Экономика и управление развитием материальной базы строительства на современном этапе. – Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2006.

2. *Генералов Б.В., Зыков А.А.* Принятие решений в инвестиционно-строительной сфере в условиях рыночной экономики / Под ред. Б.В. Генералова. – Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2001.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

В.В. Аленин, О.Л. Базарова

К ПРОБЛЕМЕ ПРИНУЖДЕНИЯ И НЕНАСИЛИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Педагогика ненасилия является сравнительно новым направлением в области образования. Нами эта проблема рассматривается в аспекте прав человека, прав ребенка, свободы личности, т.к. в условиях гуманизации и демократизации образования все более и более будет утверждаться ненасильственная педагогика.

Проблемы свободы, ответственности ненасилия обсуждались в истории отечественной и зарубежной гуманистической философии, психологии, в педагогике, в Священных книгах разных религии. Приведем некоторые высказывания, имеющие как общесоциалогическое, так и психологическое значение.

Против физического и духовного принуждения выступали Ж.Ж. Руссо, И. Песталоцци, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, Л.Н. Толстой, М. Ганди, К.Н. Вентцель, М. Монтессори, С. Френе, М. Грин, Дж. Холт, Дж. Неллер, А. Комбс, С. Гессен, Н. Бердяев, Э. Фромм, М.Л. Кинг, К. Еолжерс, Ж. Семлен, А. Маслоу, Н. Рерих, Р. Штейнер, В. Сухомлинский, Я. Корчак, В. Ситаров, Кабатченко, В. Маралов, Ш. Амонашвили, Я. Кракова и многие другие.

Так, например, Ж. Семлен справедливо отмечал, что «в мире, проникнутом насилием и определенной степени основанном на насилии, невозможно достичь абсолютного насилия. Речь идет не о состоянии насилия, а о движении к ненасилию» [11].

М. Ганди утверждал, что «полное ненасилие возможно лишь теоретически, как прямая Евклида» [8].

Важны мысли А.Н. Толстого о свободном воспитании. Обеспечение свободы детям в его педагогической системе было главным принципом. Под свободой Л.Н. Толстой понимает ненасильственное воздействие одного человека на другого с целью формирования у воспитуемого высоких нравственных качеств. Он считал, что детям изначально присущи доброта и гуманность, и они портятся лишь под влиянием окружающей среды и традиционной школы, где имеет место насилие. В своей Яснополянской школе он пытался устранить все формы принуждения и предоставить детям свободу для развития их способностей [15–17].

Одним из ярких последователей Л.Н. Толстого в России был К.Н. Вентцель. Опираясь на взгляды своего учителя, он ищет пути реализации толстовских идей. Вентцель создает воспитательно-образовательное учреждение – «Дом свободного ребенка», где на первый план выдвигается свободное воспитание [4].

Другим ярким представителем этой педагогики в Италии была Мария Монтессори. Она, в частности, писала: «Ребенок в силу его свойств как социальной особи, стеснен оковами, ограничивающими его активность. Воспитание должно приходить к нему на помощь разумным ослаблением социальных уз, ограничивающих эту активность. И по мере того, как ребенок подрастает в подобной атмосфере, его непосредственные проявления становятся более отчетливыми и с очевидностью истины раскрывают его натуру» [9].

Вопросу свободы посвящен специальный раздел книги М. Монтессори «Руководство к моему методу». Здесь выдающийся педагог говорит об идеале воспитателя, усиливая свою мысль ссылкой на священное писание: «Мы здесь для того, чтобы дать этой новой жизни, вступающей в мир, средства для ее развития. На этом кончается наша задача, и мы должны ждать этого развития со всем уважением, на которое мы способны. Пусть жизнь развивается на свободе, – будем лишь наблюдать этот внутренний процесс. (В этом вся сущность нашей миссии). Тот, кто был абсолютно Добром, сказал: «Пустите детей ко мне». Это значит: не мешайте им идти; если они останутся свободными и без помехи – они пройдут [6; 9]. Представляется важным освободить личность от иррациональных и импульсивных природных сил. Самодисциплина порождает не слабость, а силу, не самопотворство, а ответственность, уравновешенность. Дисциплинировать учащихся нужно не для безропотного послушания и пассивности, а для «деятельности, для труда, для добра» .

© В.В. Аленин, О.Л. Базарова, 2006

В советский период в педагогической теории и на практике начали разрабатываться идеи педагогики ненасилия и гуманизма. Достаточно вспомнить труды и многолетний опыт В.А. Сухомлинского, Ш.А. Амонашвили и др. [1; 12–14]. В 80-е годы в школах Ровно изучались вопросы обучения и воспитания детей в духе мира и гуманизма. [12; 13]. Здесь организаторами этой работы были профессор С.А. Демьянчук и кандидат педагогических наук Т.Е. Колупаева. В начале 1990- годов создается Ассоциация «Педагогика ненасилия», объединившая ученых и практиков прежде всего Санкт-Петербурга и Москвы. Ее президентом был избран доктор педагогических наук, профессор В.А. Ситаров. В учебном пособии «Педагогика ненасилия», авторами которого являются В.А. Ситаров и В.Г. Маралов, справедливо тиражируется мысль, что свобода и несвобода, насилие (принуждение), и ненасилие являются такими же вечными категориями, как добродетель и порок [7].

В педагогической литературе высказываются суждения о возможных вариантах соотношения принуждения и ненасилия. Присутствует мнение о «равновесии принуждения и ненасилия, есть утверждения о «неравновесии», т.к. первое неизбежно. Ряд ученых считают, что всякое принуждение должно уравновешиваться ненасилием, которое рассматривается как определенный противовес, как способ реагирования, а не как самостоятельная позитивная сила. Эти позиции недопустимы. Мы согласны с точкой зрения В.А. Ситарова и В.Г. Маралова, что надо искать не равновесия, а утверждать приоритет ненасилия по отношению к насилию. Этот гуманистический принцип должен стать одним из основных общепедагогических и дидактических принципов. Ненасильственное поведение педагога по отношению к детям проявляется тогда, когда он из возможных поведенческих альтернатив выбирает ту, которая оптимально (или близко к этому) учитывает особенности возникшей ситуации наряду с психическими состояниями школьников и содержит в себе меньший потенциал принуждения. В частности, нейтрализует неблагоприятные факторы, воздействующие на развитие школьников.

Может ли в условиях ненасильственной педагогики происходить доминирование учителя? Нам представляется, что да, может. В общении взрослого с детьми возможна стратегия доминирования, т.е. одностороннего отстаивания учителем собственной позиции и принятия полной ответственности на себя. Это необходимо только в чрезвычайных ситуациях. Например, в ситуациях угрозы психическому или физическому здоровью детей – педагогическая компетенция и жизненный опыт взрослого человека разрешает и требует единолично и своевременно принимать нужные решения и осуществлять соответствующие действия. В то же время следует иметь ввиду, что данная стратегия не должна быть подавляющей и длительной, ибо она может блокировать эмоционально-рассудочную деятельность детей, снижать (или сводить на нет) силу активного саморегулирования. Заметим, что саморегуляция – элемент самораскрытия личности, ее саморазвития. Последнее всегда покрыто дымкой тайны, потому что в этом процессе определенную роль играют и факторы, плохо поддающиеся контролю сознания: эмоции, настроения, интуиция.

Отрицательные эмоции – враги учебной познавательной деятельности. Вспомним закон депрессивного заслона, который гласит: все, что воспринимается во время отрицательных эмоций в памяти долго не задерживается. Вывод: если происходит безрадостное насильственное внедрение в сознание учебной информации, то последняя не будет должным образом усвоена.

С этим законом многие педагоги не считаются. Иным ничего не стоит нагнетать обстановку «повышенной требовательности», не соответствующей реальным возможностям школьников. Это является одним из истоков насильственной педагогики, рождающей состояния дезадаптации, страхи, стрессы. Последние – ступенька к неврогенным заболеваниям, если отрицательные эмоции переходят кризисную границу.

В природе человеческого организма четко разграничены химические основания двух противоположных эмоций: радости, с одной стороны, страха (тоски, страданий) – с другой. Экспериментально доказано, что эмоции радости сопровождаются появлением в крови холинергических веществ, а эмоции страха – адреналина. Не углубляясь в рассмотрение физиологических вопросов, подчеркнем еще раз, что отрицательные эмоции играют роковую роль в возникновении неврогенных заболеваний. Именно поэтому их нельзя допускать (по возможности сводить до минимума). Следует формировать комплексы, тормозящие отрицательные возбуждения. Тогда переживания школьников уже в момент своего

зарождения станут сигналом к компенсационной работе (к положительным реакциям) другого эмоционального комплекса, способного нейтрализовать неприятные переживания. Необходимо добиваться того, чтобы учебная деятельность была источником положительных эмоций, рождала состояние радости, основанной на успехе.

Необходимо учесть и такой аспект проблемы. В системе проводимой образовательной работы все более и более должна расширяться и углубляться воспитательная функция. Понимаем, последняя фраза банальна по своей форме, но что если развернуть ее содержание, скажем, словами финского ученого Хайнца Калау:

Добрым быть без науки – свойство детей.
Злым быть без науки – свойство детей.
Копить зло без мудрости – беда зрелости.
Копить доброту и мудрость – счастье зрелости...

Школа может и должна копить в душе каждого доброту, любовь, мудрость. Время Детства – ситуация первых встреч с добродетелями и пороками, время выбора социальных ценностей. Их много, но есть главные и непреходящие. Предназначение *учителей-воспитателей* помочь своим питомцам в том, чтобы в их сознании безупречно утвердились убеждения:

– *забота о природе, о земле*;
– *забота об отечестве*;
– *забота о человеке, об окружающих людях*;
– *забота о семье*;
– *забота о мире без войн*;
– *забота о приобретении знаний*;
– *забота о добросовестном труде*;
– *забота о личной и общественной собственности*;
– *забота о национальных культурах с их религиями*;
– *забота о времени, о его использовании*;
– *забота о самореализации всех своих способностей* – это ценность!

Этим ценностям нет альтернатив: *это ценности добра и счастья!*

Драма каждого *воспитателя* в постоянном выборе между подвижнической работой и формализмом, в выборе между милосердием и педагогическим чванством, что не может не отражаться на качествах формирующегося воспитанника. Педагогический выбор определяет *совесть воспитателя* и его *веру* в *высшую силу безбрежной гармонии,* что каждый из нас понимает по-своему.

Библиографический список

1. *Амонашвили Ш.А.* Гуманно-личностный подход к детям. – М.; Воронеж, 1998.
2. Антология ненасилия. – М.; Бостон, 1991.
3. *Блонский П.П.* Избранные психологические произведения. – М.: Просвещение, 1964.
4. *Вентцель К.Н.* Идеальная школа будущего и способы ее осуществления // Хрестоматия по истории школы и педагогики в России. – М., 1974.
5. *Выготский С.* Собр. соч. Т. 1–6. – М.: Педагогика, 1982.
6. *Кириллова Е.Ю.* О личностном подходе в обучении // Обучение, воспитание и развитие школьников. Сбор. науч. трудов. Ч. 1. – М: НИИ ОП АПН СССР, 1973.
7. *Ситаров В.А., Маралов В.Г.* Педагогика и психология ненасилия в образовательном процессе / Под ред. В.А. Сластенина. – М.: Изд. центр «Академия», 2000.
8. *Мартышин О.В.* Ненасильственное сопротивление Махатмы Ганди // Принципы ненасилия. – М., 1991.
9. *Монтессори М.* Метод научной педагогики, применяемый к детскому воспитанию в домах ребенка. – М., 1974.
10. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. – М.: Просвещение, 1969.
11. *Семлен Ж.* Выход из насилия // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Мир, 1990.
12. *Сухомлинский В.А.* Избр. пед. соч. В 3 т. – М.: Педагогика, 1980–1981.
13. Тезисы докладов 7-й Международной конференции по педагогике ненасилия «Воспитание свободной, независимой, ответственной личности». 24–27 апреля, Санкт-Петербург, 1994. Ч. 1. – СПб, 1994.
14. Тезисы докладов 7-й Международной конференции по педагогике ненасилия «Воспитание свободной, независимой, ответственной личности». 24–27 апреля, Санкт-Петербург, 1994. Ч. 2. – СПб, 1994.
15. *Толстой Л.Н.* О народном образовании // Собр. соч.: в 22 т. Т. 16. – М., 1983.
16. *Толстой Л.Н.* Письма. Собр. соч.: в 22 т. Т. 19–20. – М., 1984.
17. *Толстой Л.Н.* Дневники. Собр. соч.: в 22 т. Т. 22. – М., 1985.
18. *Френе С.* Педагогические инварианты // Изб. пед. соч. – М.: Педагогика, 1990.
19. *Щацкий С.Т.* Работа для будущего: Докум. повествование /Сост. В.И. Малинин, Ф.А. Фрадкин. – М.: Просвещение, 1989.

Н.П. Ансимова

ИЗМЕНЕНИЕ НОРМАТИВНОГО СПОСОБА ПОСТАНОВКИ УЧЕБНОЙ ЦЕЛИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВИДА ЦЕЛИ И ЕЕ МЕСТА В КЛАССИФИКАЦИИ

Эффективный способ постановки учебной цели является одним из основных условий успешности учебной деятельности. В зависимости от вида цели, отнесенного к той или иной группе классификации, будут происходить и определенные изменения в деятельности по постановке цели: будут изменяться параметры критериев достижения, программа достижения результата, критерии и способы контроля и оценки.

Характеристика направленности цели позволит определить, какой структурный компонент цели требует доопределения. Отнесение цели к одной из трех категорий по направленности является первым шагом анализа. Как показывает анализ, большинство нормативных и субъективных целей носит свернутый характер, что затрудняет процесс правильной их постановки.

В целях, направленных только на результат (адекватное отношение, знание предмета, система знаний, хорошие оценки и пр.) опущены характеристики способа его достижения. Способы достижения таких целей могут варьироваться. Поэтому прежде чем приступать к организации деятельности, педагог должен четко определить для себя, а впоследствии и для учеников, что нужно сделать, чтобы достичь запланированного результата. Например, адекватное отношение к чему-либо может быть *сформировано,* а, следовательно, должно быть устойчивым и проявляться во всех ситуациях, «провоцирующих» это отношение, а может быть *актуализировано,* т.е. вызвано конкретной ситуацией урока. И если в первом случае цель является долгосрочной и требует неоднократной постановки, то во втором – она краткосрочная и может быть реализована на одном уроке, однако не следует ожидать, что это качество будет устойчивым и в других случаях будет столь же явно проявляться. Не менее важно проанализировать с этой позиции и субъективные цели учащихся. Так, цель «хорошие оценки, пятерки», являющаяся одной из самых распространенных субъективных целей школьников различного возраста, может сопровождаться в сознании учащихся сочетанием с самыми различными способами ее достижения – от умелого списывания или эмоционального воздействия на педагога до эффективного освоения учебного материала, а может так и остаться недоформулированной и, тем самым, утратить свои управляющие функции по отношению к деятельности и, в конечном итоге, так и не привести к ее реализации. При этом причины недостижения результата будут оставаться скрытыми от ученика.

Направленность цели только на процесс (проанализировать, доказать, писать, учиться и пр.) предполагает варьирование возможных результатов деятельности. В том случае, если они нечетко определены, это затрудняет выбор критериев достижения и оценки результата, что также делает учебную деятельность неэффективной. При этом учебная деятельность может превратиться в своеобразный характер игровой, когда удовольствие, получаемое от процесса деятельности, становится самоцелью, а ее результат оказывается вторичным.

Эффективность цели, направленной только на результат или процесс деятельности, может быть обеспечена только в том случае, если предполагается формирование обобщенного результата или обобщенного способа, но тогда такая цель всегда носит долгосрочный характер, и ее реализация не может быть завершена, пока не будет сформирована закономерная связь между каждым конкретным результатом и каждым конкретным способом ее реализации.

Цель, направленная на процесс и результат одновременно (найти решение, научиться находить решение, понять способ, научиться понимать текст и пр.), может быть использована при подборе ее формулировки, но должна быть дополнена остальными компонентами функциональной структуры цели либо в процессе ее формулирования, либо в ходе дальнейшего осуществления деятельности по постановке цели на уроке.

Различение цели по характеру деятельности, направленной на ее реализацию, позволяет педагогу правильно организовать контроль за процессом целеобразования и обеспечить адекватную ее реализацию. При этом следует учитывать, что характер деятельности закономерно определяет ее результат.

© Н.П. Ансимова, 2006

Когнитивные цели (перцептивные, мнемические, аттенционные, имажинитивные, мыслительные, речевые и их сочетание при решении комплексных познавательных учебных задач – объяснения, доказательства, приведения примеров, составления задач, постановки вопросов, написания сочинения и пр.) предполагают включение в деятельность именно этих познавательных процессов, а, следовательно, именно их мотивационное и организационное обеспечение. Это в первую очередь влияет на выбор педагогом характера используемых в формулировке цели мотивировок и способов их обоснования, критериев достижения результатов деятельности, и, соответственно, параметров их контроля и оценки, компонентного состава умственных действий по достижению результата. Использование правильных мотивировок предполагает наличие у педагога достаточно точных представлений о специфике и целевой направленности каждой познавательной функции: что нужно сделать для того, чтобы не просто смотреть или слушать, но увидеть и услышать, не узнать, а запомнить, не просто думать, а понять, найти решение и пр. Это позволяет более или менее развернуто определить критерии достижения результата каждого из названных познавательных действий, в качестве которых могут выступать показатели продуктивности познавательных функций [2; 3]. Критериями достижения результата, а соответственно и параметрами контроля и оценки сложных, комплексных познавательных действий, должны выступать специальные показатели правильности их осуществления, указанные в специальной педагогической и методической литературе по конкретному учебному предмету а также знание основных характеристик отдельных задач познания. Не менее существенные изменения происходят и в информационной основе деятельности, которую необходимо учитывать при демонстрации способа достижения результата и объяснении необходимых требований к его осуществлению. Так, когнитивные цели предполагают, прежде всего, анализ специфики содержания изучаемого материала, а информационной основой для их эффективной реализации является образная и вербальная информация, как предлагаемая педагогом, так и хранящаяся в памяти учеников. При работе с практическими (сенсомоторными и психомоторными) целями к образным и вербальным эталонам добавляются признаки, основанные на проприоцептивных и осязательных ощущениях (например, сила нажимая, амплитуда и направление движений, двигательный образ). Критерием правильности выбранного способа будет в данном случае выступать закономерная связь между проприоцептивной и сенсорно-перцептивной информацией, а также образной и вербальной информацией, хранящейся в памяти в виде сформированных в той или иной степени эталонов выполнения движений и действий.

Рефлексивно-оценочные цели предполагают опору на феномены сознания ученика: представления о правильных и неправильных действиях, суждениях, точных и ошибочных образах (предметно-рефлексивные); представления о своих способностях и других индивидуально-психологических качествах, помогающих или мешающих реализации цели, мотивационных причинах успешного выполнения деятельности и причинах ошибок и возникающих трудностей (личностно-рефлексивные); морально-этические эталоны поведения и отдельных поведенческих актов, характер эмоций, возникающих при восприятии или осмыслении учебного материала (субъектно-оценочные); критерии правильности выполнения задания, эстетические эталоны деятельности (объектно-оценочные).

Последние две группы целей представляют, с нашей точки зрения, наибольшую трудность при организации деятельности по их постановке, поскольку предполагают обязательную и достаточно точную обратную связь о тех информационных признаках, которыми пользуется каждый ученик при восприятии и понимании поставленной цели. Получение такой обратной связи педагогом затруднено, поскольку в сознании самих учеников она может быть представлена в более или менее развернутой, осознанной или трудно вербализуемой форме. Поэтому судить о ней учителю часто приходится по косвенным признакам: результатам деятельности, характеру суждений и поведения школьников не только на уроке, но и в свободное время.

Наконец, три выделенные категории целей предполагают хорошее знание педагогом индивидуальных возможностей школьников, уровня сформированности у них соответствующих интеллектуальных, двигательных и рефлексивных умений, что предопределяет и степень подробности объяснения и демонстрации образца характера деятельности при постановке цели. Так,

если недостаточно сформированы перцептивные умения, то при постановке перцептивных целей педагог должен еще раз объяснить, что означает рассмотреть или услышать; мнемических – что такое запомнить, выучить наизусть; мыслительных – что такое проанализировать, обобщить, выделить главное; практических – точно воспроизвести, списать, нарисовать, начертить; рефлексивных – сравнить что могу и что делаю, что получилось и что было нужно и т.д. Это определяет и степень самостоятельности в осуществлении школьниками действий контроля и оценивания процесса и результата деятельности.

Особую категорию составляют цели, составной частью которых является необходимость *научиться,* а не просто получить правильный результат деятельности. В данном случае при постановке цели обязательно объяснение критериев научения: сочетание знания того, как делать, с умением это выполнять; умение выполнять действие не один раз, а постоянно в различных условиях; умение описать и объяснить, как надо делать и как делаю сам; умению показать, как делать правильно и неправильно и т.д.

По характеру результата цели можно подразделить на четыре группы: знания; способы деятельности, навыки; способности и качества личности; отношения. Каждая из них предполагает выбор различных критериев и способов их достижения, изменение информационной основы деятельности, изменение параметров и способов контроля и оценивания достигнутого результата, а, следовательно, существенно изменяет характер осуществления действия показа и объяснения результата деятельности, а также действий контроля и оценки.

В том случае, если результатом являются *знания,* то критериями его достижения могут выступать: правильность и полнота формулировок и ответов на вопросы, скорость и легкость актуализации информации, прочность усвоения, дифференцированность и обобщенность сведений, информации, наличие связей между различными «порциями» информации, обозначение места конкретного знания в общей системе, иерархия усвоенных понятий, различение существенных и второстепенных признаков понятия, явления, характер отношений между компонентами знания, сочетание полноты и возможности осуществления в речевой форме, характер использования, применения информации при формулировании вопросов, выполнении заданий, объяснении, обосновании и др. У учащихся, в свою очередь, должно быть сформировано представление о том, что знать, это не просто назвать или показать, но и точно сформулировать, объяснить, применить. В каждом конкретном случае, в зависимости от содержания учебного материала, полнота состава критериев достижения может изменяться, но в конечном итоге все они должны быть сформированы. В любом случае, достижение этого результата предполагает не только наличие знания, но умение это продемонстрировать, доказать. При направленности цели на знания необходимо учитывать, что форма контроля результата существенное изменяет и состав критериев его достижения, и те информационные признаки, на которые опирается ученик при отборе информации, необходимой для демонстрации результата. Так, при устной форме контроля возможна дополнительная опора на невербальные признаки поведения педагога и учащихся в процессе опроса и оперативное внесение корректив в изложение, что может выступать не столько показателем наличия знаний, сколько умением ориентироваться в ситуации, а при письменной, например, – существенное влияние самоотношения и уверенности в себе на полноту изложения. Поэтому контроль знания не может осуществляться только в одной форме. В связи с этим действие показа образца результата, который выступает в форме знания должен сопровождаться не только описанием структуры этого знания, но и выделением наиболее существенных показателей, по которым можно судить о его наличии, описанием условий, в которых оно будет контролироваться, и параметров оценки его полноты, точности и правильности, а также тех способов, которые необходимо применить для его достижения.

В том случае, если результатом деятельности является сформированный способ действия или деятельности, то должны быть использованы несколько иные критерии достижения, а соответственно и опора на информацию иного характера. В данном случае используются как минимум две группы критериев: знание состава действия или деятельности и умение реализовать их на практике. Частными критериями могут выступать порядок осуществления действия (деятельности), признаки правильности, скорости и точности каждого действия, надежность (правильность и точность независимо от изменившихся

условий) действий, правила изменения действий в случае кардинального изменения условий деятельности, степень автоматизированности действий, умение описать или показать порядок действий. В информационную основу деятельности обязательно должны включаться все возможные варианты действий, которые приводят к одному и тому же результату, но могут варьироваться по составу, последовательности и структуре.

Критериями достижения для способностей и других свойств личности могут выступать показатели их продуктивности (производительность, качество, надежность), а также поведенческие проявления [1–3].

Для выбора критериев в области формирования отношений необходимо учитывать все стороны проявления отношений – когнитивную, мотивационную, эмоциональную и поведенческую. Ребенок должен знать, как нужно относиться к тому или иному явлению и уметь вербализовать это отношение (см. критерии достижения знаний), должен понимать, почему он так относится к чему-либо (см. критерии понимания), уметь объяснить причину своего отношения, должен адекватно эмоционально реагировать на определенные ситуации и события, реакция должна быть спонтанной, а не отставленной, основанной на актуализации знания о должных способах реагирования, должен устойчиво проявлять способы поведения, соответствующие отношению.

В том случае, если цель представлена в форме образа, то критериями его правильности могут служить необходимые и достаточные признаки его идентификации, которые подбираются каждый раз на основе общих и специфических требований материала того или иного учебного предмета, определяющие общую категориальную отнесенность образа к определенной группе, подобных ему, и специфические признаки его идентичности. В этом случае полезен анализ грубых и допустимых ошибок, допускаемых школьниками, а также анализ доступных ребенку вариантов существующих образцов. Важнейшим условием адекватного восприятия и понимания такой цели является не только точный и своевременный показ образца, но и его подробное описание. Если при использовании цели-образа показ образца является определяющей операцией, а комментарии – дополнительным условием, то цель, представленная в форме задания, предполагает высокие требования в первую очередь к ее точной формулировке. Основными критериями контроля в первом случае будут правильность и точность восприятия, а во втором – правильность и точность понимания отдельных терминов и их закономерного сочетания в суждении.

Таким образом, отнесенность цели к той или иной классификационной группе, не меняя компонентного состава деятельности по постановке цели, предъявляет различные требования к содержательному наполнению каждого действия, что в конечном итоге и определяет способ осуществления каждого действия педагогом.

Библиографический список

1. *Ансимова Н.П.* Методические рекомендации к лабораторному практикуму по общей психологии. – Ярославль, 1987.

2. *Шадриков В.Д., Ансимова Н.П.* Проблемы диагностики профессиональных способностей // Проблемы индустриальной психологии. – Ярославль, 1983. – С. 99–109.

3. *Шадриков В.Д.* Деятельность и способности. – М., 1994.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Миронова Т.И. *ИНТЕГРАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И ЛЕЧЕБНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА «РАДУГА ИНТЕРЕСНЫХ КОЛЛЕКТИВНО-ТВОРЧЕСКИХ ДЕЛ» (РИКТД) В ЦВЕТОВОМ ПОДКРЕПЛЕНИИ* / Рец. Н.П. Фетискин. – М.; Кострома: КГУ, 2006.

Басов Н.Ф. *СОЦИАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГ. ВВЕДЕНИЕ В ПРОФЕССИЮ:* учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.Ф. Басов, В.М. Басова, А.Н. Кравченко. – М.: Академия, 2006. – 256 с. (Рекомендовано УМО).

В.В. Афанасьев

ОБЩАЯ МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ И ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

В организованной системе обучения диагностика и оценка качества образовательной деятельности идёт посредством контроля сформированности каждого конкретного уровня познавательных действий обучающихся или их (действий) сочетания. В этом процессе главную роль играет субстанциональное наполнение способов деятельности определёнными знаниями, понятиями – единицами знания. Действительно, без теоретических знаний, структурированных в должной системе, не достигается свёрнутость, обобщённых мыслительных действий обучающихся; отсутствие методологических знаний негативно влияет на осознанность усвоения материала. Следовательно, диагностика качества познавательной деятельности студентов складывается посредством анализа основных характеристик (осознанности, полноты, глубины, системности, гибкости, конкретности и т.п.) и уровней их познавательных действий. В контексте сказанного предусматривается соотнесение уровня познавательных действий (распознавание, запоминание, перенос) с видами знаний (методологические, прикладные, оценочные) и элементами содержания образования.

Такое соотнесение необходимо, так как каждый уровень познавательных действий непосредственно связан с видом учебно-познавательной деятельности (потенциально, со способом применения знаний на практике). Он может быть соответствующим образом включён в творческий процесс и приобретать, в этом смысле, то или иное значение.

В дополнение к сказанному отметим, что многочисленные зарубежные и российские исследования в области дидактики, диагностики качества обучения, индивидуальных различий обучающихся доказали, что субъекты воспринимают и преобразовывают (обрабатывают) информацию различными способами. В тоже время констатация данных фактов ещё не означает их адекватного учёта в образовательной практике. Иначе говоря, технологическая цепочка должна быть замкнутой: от постановки эксперимента и достижения результата (прикладного или научного) до его интерпретации, обоснования полезности полученных данных и «внедрения» в педагогическую действительность.

В этом контексте проблема решения сформулированных задач диагностики должна быть, в конечном итоге, увязана с конкретной типологией и моделью индивидуальных различий субъектов образовательных взаимодействий, в соответствии с которыми и будут в дальнейшем разрабатываться технологии обучения и управления учебно-познавательными процессами.

Одной из основ проводимых ныне исследований является известное положение о зависимости успешности обучения и поведения обучающегося от степени взаимодействия его опыта с информационными потоками, действующими в организованной педагогической системе.

Рядом зарубежных учёных (Дж. Флавелл [1], Д. Борковски, М. Райд [2]) с достаточной достоверностью установлено, что субъекты существенно отличаются не только по тому, как они преобразовывают (воспринимают, запоминают, обобщают и т.д.) информацию, но и по тому какие механизмы в их мыслительной деятельности выступают в роли регуляторов интеллектуальных процессов.

В трудах отечественных психологов подобные представления оформлены в виде концепций о приоритетной роли интегральных психических процессов (организации, планирования, принятия решений, рефлексии и т.д.) структурирующих познавательную деятельность индивида (В.В. Давыдов [3], В.В. Столин [4], В.Д. Шадриков [5] и др.).

Некоторые авторы (М.А. Холодная [6]) в структуре саморегуляции интеллектуальной деятельности выделяют, так называемой, базовый уровень – непроизвольный интеллектуальный контроль, который проявляется в индивидуальных когнитивных предпочтениях при переработке информации. Подобные предпочтения получили в литературе названия «когнитивные стили» (H. Witkin [7]). Большинство специалистов сходятся во мнении, что когнитивные стили характеризуют своеобразие способов преобразования (восприятия, воспроизведения, оценивания, обработки) и интерпретации действительности (информации), присущие отдельной личности. Здесь понятие стиля выполняет роль обобщённой схемы для типологизации субъектов. При этом всё чаще

© В.В. Афанасьев, 2006

звучит мнение, что при разработке типологий необходимо учитывать способ кодирования информации (вербальный, образный) и особенности переработки информации (аналитический, целостный (системный)). Так в исследованиях Р. Ридинга, И. Калвея [8] предложены две шкалы измерений. Первая шкала определяет способы кодирования информации и характеризует индивидуума либо как «вербалайзера», либо как «образника». Вербалайзеры предпочитают иметь дело с информацией, представленной в виде слов, символов, «образники» – в виде образов. Вторая шкала измерений вычленяет способ переработки информации и содержит два полюса. На одном из её полюсов – аналитичность (конкретизация, детализация), на другом – системность (целостность, обобщённость). В зависимости от того, к какому полюсу тяготеет тот или иной субъект, его можно условно назвать «системщиком» или «аналитиком». Системщики стремятся к созданию полной, целостной картины имеющейся информации. Аналитиков интересуют детали, отдельные стороны, черты, признаки и т.п. Авторы [8] продемонстрировали ортогональность указанных шкал в том смысле, что любой субъект может занимать определённый уровень на шкале «вербальность – образность» независимо от того, какое место он занимает на шкале «аналитичность – системность». Таким образом, когнитивный стиль индивида включает два независимых измерения и, следовательно, имеет четыре возможных сочетания: системность – вербальность; системность – образность; аналитичность – вербальность и аналитичность – образность. На основе такой классификации Х. Пиллей [9] разработал диагностику когнитивных стилей студентов. Было сформировано четыре экспериментальные группы, которые обучались по специально созданным для каждой группы методикам. Полученные Х. Пиллеем данные показали, что наиболее значимых результатов (с точки зрения успешности) в обучении достигли студенты с системно-вербальным стилем. Близкой к ним оказалась группа обучающихся с аналитико-образным стилем.

Выполненные нами экспериментальные исследования, также позволяют оценить качество усвоения знаний студентами, обладающими различными когнитивными стилями, характерологическими чертами и т.д.

В пилотажных экспериментах приняли участие 640 студентов различных (семи) специальностей. Испытуемые были распределены по группам, в соответствии с результатами выполненных ими диагностических тестов М.П. Карпенко, Чмыховой [10], Д. Векслера [11] и Д. Кагана [12], позволяющих соответственно определить темп усвоения знаний, уровни образного и вербального интеллекта и вычислить степень импульсивности – рефлексивности у студентов. Процентные соотношения численности этих групп обучающихся с разным сочетанием стилевых качеств в представленной выборке оказались следующими. Наиболее многочисленной является группа с сочетанием вербально-аналитическим стилем (43% испытуемых), затем по численности идёт группа с аналитико-образным стилем (27% испытуемых); в группе с системно-образным стилем оказалось 23% испытуемых; 7% испытуемых относятся к группе с вербально-системным стилем. На полюсах шкалы «импульсивность – рефлексивность» находятся 27% и 73% испытуемых соответственно. Численные показатели темпа усвоения знаний получены по модифицированной нами методике М.П. Карпенко, Е.В. Чмыхова. Мы, как и названные авторы, в качестве единицы знания приняли понятие или термин, но связь между двумя категориями прослеживали не с помощью «линков» (как делали М.П. Карпенко, Е.В. Чмыхова), а посредством «переходов». Такой подход основан на том, что обучающийся должен уметь строить «замкнутые» модели изучаемого явления (процесса), т.е. уметь пройти полный (замкнутый) цикл объяснения исходного понятия данного явления, посредством привлечения ключевых понятий на первый взгляд не связанных с исходными, но на поверку, раскрывающих все его существенные грани. Иными словами, любая формально-логическая операция предполагает использование связей – «переходов» между «новыми и старыми» (для обучающегося) терминами. Новое выражается через то, чем мы уже владеем, знаем[1].

Анализ показал, что наиболее высокий темп усвоения знаний продемонстрировали испытуемые, относящиеся к группе «системники-образники» (среднее значение 23 «перехода» за один академический час – 45 минут). Далее идёт группа «аналитики-вербалайзеры» (среднее примерно 18 «переходов» за академический час). Недалеко отстала группа «системники-вербалайзеры» (среднее около 14 «переходов» за час). Нижнее значение «темпа» наблюдалось у группы «аналитики-образники» (примерно 8 «переходов» за час).

Полученные данные дали основание представить распределение испытуемых в трёхмерном пространстве, образованном тремя векторами: вербальность – образность, рефлексивность – импульсивность, темп усвоения знаний. В результате образуется поверхность, имеющая экстремальные точки («впадины», «вершины»). Эту поверхность можно рассматривать как топологическую модель, определяющую зависимость усвоения знаний от когнитивных стилей студентов. Кроме того, практика показывает, что целесообразно структурировать не усреднённые, а дифференцированные модели, позволяющие оценивать количественно-качественные показатели учебно-познавательной деятельности обучающихся. В качестве критерия такой дифференциации использована многоуровневая классификация познавательных действий обучаемых, осуществлённая по методике профессора Пидкасистого П.И. Основанием для такого выбора послужили результаты наших исследований, которые подтвердили значимость фактора развитости (уровня) познавательных действий субъекта для темпа и последующей оценки качества усвоения знаний. Так фактор «уровень учебно-познавательных действий» сильно влияет на изменения показателя усвояемости знаний (коэффициент корреляции R=0,61, со статистической значимостью $p<0,05$). Второй по значимости фактор – когнитивный стиль испытуемого, также имеет достаточное влияние на темп усвоения ($R\approx0,43$, при $p<0,05$). Именно поэтому дифференциация моделей проводилась по уровню развития у испытуемых познавательных действий. В представленной выборке выявлены (методом экспертных оценок) следующие процентные соотношения уровней познавательных действий: «очень высокого уровня» – 17%, «высокого уровня» – 42%, «среднего уровня» – 35%, «ниже среднего» – 6%. Закономерно, что в других выборках процентное соотношение уровней может изменяться довольно заметно.

Таким образом, существование в обследованной группе обучающихся различных уровней учебно-познавательных действий обуславливает наличие компонентного состава структурируемой модели. Каждый её элемент отражает зависимость темпа усвоения знаний от выявленных когнитивных стилей при данном (достигнутом к настояще-

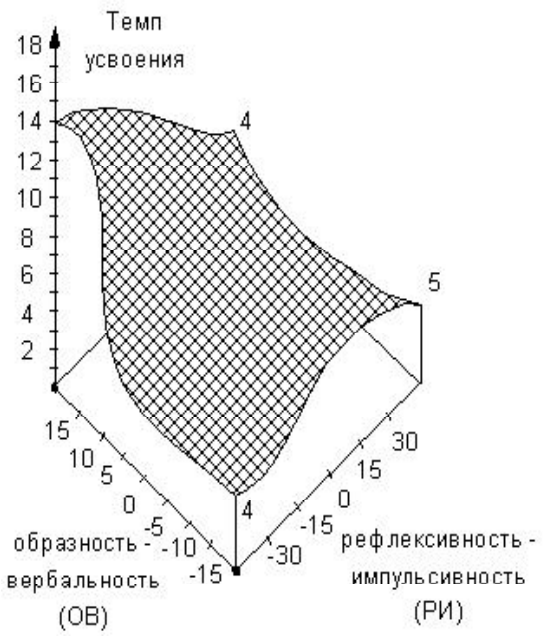

Рис. 1. Трехмерная модель темпа усвоения знаний от когнитивных стилей студентов со «средним» уровнем познавательных действий

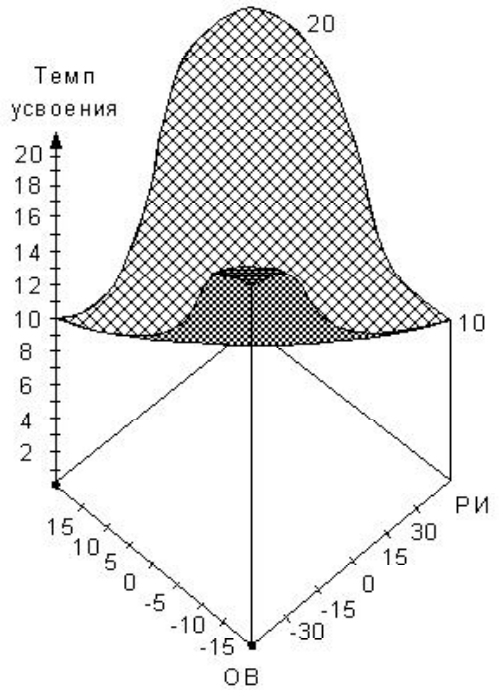

Рис. 2. Трехмерная модель темпа усвоения знаний от когнитивных стилей студентов с «высоким» уровнем познавательных действий

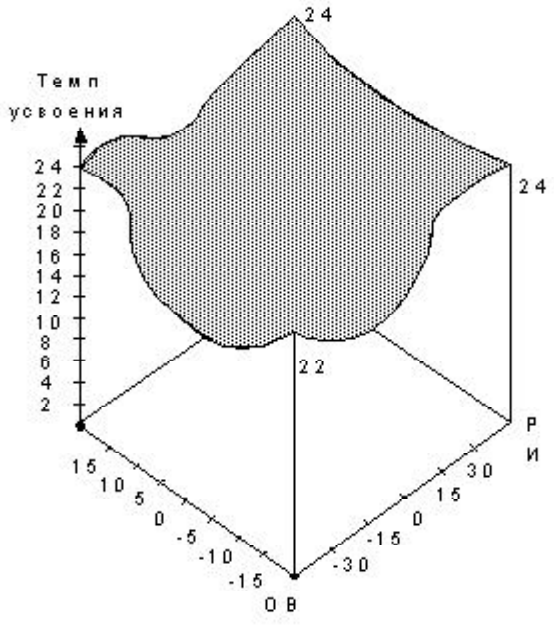

Рис. 3. Трехмерная модель темпа усвоения знаний от когнитивных стилей студентов с «очень высоким» уровнем познавательных действий

му времени) уровне развития познавательных действий каждой подгруппы обучающихся.

Используя всю совокупность имеющихся данных, были построены трёхмерные модели зависимости темпа усвоения знаний от когнитивных стилей обучающихся (рис. 1–3)[2].

Представленные результаты позволяют сделать ряд важных для педагогической практики выводов:

– в качестве наиболее значимых факторов повышения качества обучения можно рассматривать когнитивные особенности обучающихся с учётом уровня их познавательных действий; с этой точки зрения оптимизация процесса управления учебно-познавательной деятельностью обучающихся может быть основана на «мягком» влиянии на эти факторы с привлечением данных о познавательной деятельности и коррелированных с ней потребностей обучающихся, об их психофизиологических ресурсах;

– при диагностике когнитивных предпочтений той или иной группы обучающихся должны учитываться три степени свободы информационно-мыслительных механизмов преобразования информации: способы её кодирования, переработки (декодирования), саморегуляции (импульсивность – рефлексивность);

– построенные на основе эмпирических данных трёхмерные модели (их можно отнести к классу феноменологических моделей) позволяют наглядно видеть и, следовательно, научно обоснованно учитывать особенности обучающихся при составлении учебных планов и программ по конкретным специальностям и дисциплинам, при выборе дидактических средств необходимых для повышения качества обучения и управления им; более того, это позволит высвободить когнитивные ресурсы обучающихся и направить их на структурирование (организацию) оптимального (логически связанного, согласованного с каждым последующим действием) режима осуществления учебно-познавательной деятельности обучающихся.

Изложенная выше процедура диагностики и оценки качества познавательной деятельности обучающихся лежит в рамках, так называемого, «модельного подхода». Несмотря на все его видимые достоинства следует признать его определённую ограниченность в плане того, что вопросы о значении факторов готовности обучающихся к выполнению социального заказа, их удовлетворённость выбранной профессией, особенности влияния мотивационного пространства личности на процессы её профессионального становления, некоторые, принципиальные для эффективного управления, особенности важнейших этапов (фаз) преобразования учебно-познавательной информации (в частности, восприятие,

обобщение, качество преобразования и воспроизведения и т.д.) вынесены как бы за его «скобки». В связи с этим мы посчитали возможным развить схему диагностики качества учебно-познавательной деятельности студентов в основе конструкции которой лежит мысль о том, что эффективно решать задачи диагностики можно только в той сфере, в которой интересующие нас факторы будут проявляться. Действительно, познавательная деятельность студентов, так или иначе, заключается в решении различного рода учебно-познавательных задач. Задача есть универсальное средство организации учебной деятельности, поэтому именно процесс решения задач даёт возможность понять, в чем заключается своеобразие мыслительной деятельности обучающихся, находящихся на различных уровнях интеллектуального развития, выявить их индивидуальные особенности и тем самым подойти к оптимизации диагностики и оценки качества обучения в вузе.

Примечание

[1] Организация эксперимента по замеру темпа усвоения знаний была выполнена по программе М.П. Карпенко, Е.В. Чмыхова . Каждому испытуемому выдавалась карточка с набором определённых слов; они отмечали знакомые слова, после чего заучивали 20 пар отмеченных слов, читая их вслух. Далее каждому выдавался бланк, содержащий написанные в одну колонку в случайном порядке, выученные и «незнакомые» слова. Задача тестируемого состояла в том, чтобы напротив каждого знакомого слова вписать как можно больше ключевых понятий, объясняющих этот термин (слово). Фиксировалось время выполнения задания (включая и чтение в слух) и количество правильно выполненных «переходов». По этим данным вычислялся темп усвоения знаний.

[2] Здесь по оси РИ отложена величина «рефлексивности – импульсивности» обучающихся, измеренная в баллах. Эта переменная получена путём нормирования по максимальному значению результатов теста Д. Кагана. «импульсивность» с последующим сдвигом шкалы значений таким образом, чтобы нулевое значение приходилось на точку равновесия импульсивных и рефлексивных значений. По оси ОВ расположена переменная, отражающая когнитивные предпочтения обучающихся (образность – вербальность, измеряемая также в баллах). Она представляет собой разность невербальной и вербальной составляющих интеллекта измеренных по тесту Д. Векслера

Библиографический список

1. *Flavell J.* Metacognition and cognitive monitoring: a new area of cognitive – development inquiry. Amer. Psychologist, V.34, – P. 906 – 911.

2. *Borkowski J., Peck V., Reid M.* Impulsivity and strategy transfer: Metamemory as mediator. Child Development. V. 54(2), – P. 459 – 473.

3. *Давыдов В.В.* Проблемы развивающего обучения: опыт теоретического и экспериментального исследования. – М., 1986.

4. *Столин В.В.* Самосознание личности. – М., 1983.

5. *Шадриков В.Д.* Деятельность и способности. – М., 1994.

6. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. – М.; Томск, 1997. – С. 47–52.

7. *Witkin H., Goodenouth D.* Cognitive style: Essence and origine. – N.Y., 1982. – P. 118–120.

8. *Riding R., Calvey I.* Human information – processing strategies and style // Behaviour and information technology. – 1985. – V. 4. – №1. – P. 19–29.

9. *Pelley H.* Intelligence, cognitive styles and brain lateralization // International Journal of Psychology. – 1985. – № 20. – P. 445–464.

10. *Карпенко М.П., Чмыхова Е.В.* Моделирование темпа усвоения знаний. Труды СГУ. Вып. 10. Сер. «Психология и социология образования». – М., 1998. – С. 3–15.

11. *Wechsler D.* The measurement and apraisal of adult intelligence. – Baltimore: Williams and Wilkins, 1958. – P. 216.

12. *Kagan J.* Reflection – impulsivity: the generality and dynamics of conceptual tempo // Journal of Abnormal Psychology. – 1966. – V. 77. – P. 17–24.

М.Н. Бородатая, М.М. Кувалдина

РАЗВИВАЮЩАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ

В современном обществе в деятельности человека значительно возрастает роль его активности, инициативности, способности самостоятельно принимать решения и организовывать усилия для их выполнения.

Повышение уровня активности человека непосредственно связано с проблемой повышения уровня его мотивации. Мотивация обеспечивает личности ее активную сущность, способность преобразовывать окружающий мир.

В контексте данной проблемы мы хотим подчеркнуть особую важность актуализации познавательных мотивов, так как они во многом определяют направленность учащихся на расширение кругозора, способствуют активному освоению знаний, их углублению и систематизации. Под познавательной мотивацией мы понимаем вид учебной мотивации, в основе которой лежит совокупность внутренних побудителей, направляющих личностную активность на содержание и способы деятельности с целью самосовершенствования и саморазвития.

Вопрос в том, как сделать так, чтобы ребенок проявлял свою активность в учебной деятельности и стремился к собственному самосовершенствованию не по принуждению, не по обязанности, не в связи с боязнью быть наказанным, а в связи с тем, что у него есть собственное непосредственное желание, потребность в познании окружающей действительности, стремление и интерес учиться и заниматься саморазвитием. Решением данного вопроса педагоги и психологи занимаются на протяжении многих и лет, и в настоящее время он остается актуальным. Мы полагаем, что важным условием формирования познавательной мотивации может стать развивающая образовательная среда. В данной статье мы рассмотрим ее влияние на познавательную мотивацию младших школьников в учреждениях дополнительного образования.

Несмотря на необычайно широкое употребление, понятие «среда» не имеет четкого и однозначного определения в мире науки. В самом общем смысле «среда» понимается как «окружение», «окружающее человека социальное пространство», зона «непосредственной активности индивида, его ближайшего развития и действия» [2]. Именно это ближайшее окружение и взаимодействие с ним может оказывать наиболее сильное влияние на становление и развитие человека. Основными параметрами среды являются отношения, ценности, символы, вещи, предметы.

Среда человека охватывает совокупность природных (физических, химических, биологических, пространственно-предметных) и социальных (образовательных, информационных, межличностных, архитектурных) факторов, которые могут влиять прямо или косвенно, мгновенно или долговременно на жизнь и деятельность людей.

В педагогике среда, как условие для совершенствования ребенка, как важнейший фактор развития личности рассматривалась в работах зарубежных (К.А. Гельвеций, Я.А. Коменский, Р. Оуэн, Ж.-Ж. Руссо) и русских (П.Ф. Каптерев, Л.Н. Толстой и др.) педагогов и общественных деятелей, которые полагали, что воспитание и возможности проявления наследственности во многом зависят от среды.

Понятие «образовательная среда», приемы и технологии ее проектирования в течение последних десятилетий разрабатывались учеными В.А. Петровским, Н.Б. Крыловой, М.М. Князевой, В.И. Слободчиковым.

Вопросы конструирования образовательной среды в применении к практике обучения и воспитания рассмотрены в ряде работ О.С. Газмана, М.В. Кларина, И.Д. Фрумина, В.А. Ясвина. Педагогами и психологами Е.В. Бондаревской, Л.П. Буевой, А.А. Веряевым, Т.В. Машаровой, Е.А. Ходыревой, А.К. Шалаевым, В.А. Ясвиным достаточно широко изучены проблемы создания и исследования образовательно-воспитательной среды в формировании личности. Идея развития образовательного учреждения как культурно-образовательной среды жизнедеятельности ребенка представлена в авторских моделях школ В.А. Сухомлинского, Ш.А. Амонашвили, В.А. Караковского, А.Н. Тубельского и др.

Образовательная среда – широкое, многогранное понятие. В современной научно-педагогической литературе можно найти такие его оп-

© М.Н. Бородатая, М.М. Кувалдина, 2006

ределения, раскрывающие сущность данного понятия с различных сторон:

– система ключевых факторов, определяющих образование и развитие человека: люди; общественно-политический строй страны; природная и социокультурная среда (включая культуру педагогической среды); средства массовой информации; случайные события [6];

– часть социокультурного пространства, зона взаимодействия образовательных систем, их элементов, образовательного материала и субъектов образовательных процессов [5];

– совокупность социальных, культурных, а также специально организованных в образовательном учреждении психолого-педагогических условий, в результате взаимодействия которых с индивидом происходит становление личности [6];

– многомерное социально-педагогическое явление, связанное в единое целое различными коммуникативными механизмами и оказывающее ситуационное влияние на развитие ценностных ориентаций личности, отношений и способов поведения, актуализирующихся в процессе освоения ею социокультурных ценностей [7];

– система влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для её развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении [11].

– ситуация, когда ребенок сам (самостоятельно) создает себе образ в условиях взаимодействия с другими (взрослыми, детьми), которые составляют окружение. Среда – это, когда ребенок создает средство, при котором он этот образ создает сам. Фактическая общность есть важнейшая характеристика среды» [8].

Структура образовательной среды включает в себя, как считает В.А. Ясвин три базовых компонента:

– пространственно-предметный, т. е. пространственно-предметные условия и возможности осуществления обучения, воспитания и социализации детей;

– социальный, т. е. пространство условий и возможностей, которое создается в межличностном взаимодействии между субъектами учебно-воспитательного процесса (учащимися, педагогами, администрацией, родителями, психологами и другими;

– психодидактический, т. е. комплекс образовательных технологий (содержания и методов обучения и воспитания), построенных на тех или иных психологических и дидактических основаниях.

Все компоненты взаимосвязаны, дополняют, обогащают друг друга и влияют на каждого субъекта образовательной среды.

В соответствии с этими компонентами строится проектирование и моделирование развивающей образовательной среды как необходимого условия для познавательного и личностного развития учащихся.

Образовательная среда, являясь подсистемой социальной среды, обладает большой степенью функциональности. Среди основных функций образовательной среды учеными выделяются следующие: адаптивная, самореализации и креативная [7].

Адаптивная функция предполагает учет многообразия интересов и потребностей, возможностей, способностей личности ученика и преподавателя в образовательном процессе. Функция самореализации направлена на создание условий для самоопределения и самореализации учащихся и преподавателей в соответствии с их возможностями и потребностями. При этом решаются следующие задачи: обеспечение комфортного и эффективного существования и развития субъектов образования в образовательной среде; персонализация среды, то есть фиксация части среды как своего «Я»; создание «среды для меня», то есть образовательной среды каждого индивида; обеспечение личностного и профессионального роста субъектов среды; воспитание гуманистической, компетентной личности условиями среды [7].

Креативная функция реализуется средой при соединении возможностей каждого на развитие и проявление своих способностей в среде с социальным равенством. А для личности она связана с процессом самоактуализации.

В современных педагогических исследованиях встречаются также понятия «информационно-образовательная среда», «развивающая», «вероятностная», «гуманитарная» образовательная среда.

В нашем исследовании мы используем термин «развивающая образовательная среда», под которой понимается среда, обеспечивающая открытость, динамичность и вариативность содержания, форм и методов творческой деятельности; дифференцированный индивидуальный творческий подход к личности [1].

Развивающая образовательная среда – образовательная среда, которая способна обеспечивать комплекс возможностей для саморазвития всех субъектов образовательного процесса. В.А. Ясвин считает, что образовательная среда может рассмат-

риваться как развивающая, если она обеспечивает возможности для удовлетворения и развития субъектом своих потребностей на всех иерархических уровнях и способствует усвоению личностью социальных ценностей и органичной трансформации их во внутренние ценности. Весь комплекс таких возможностей, обеспечиваемых конкретной образовательной средой, и составляет ее развивающий психолого-педагогический потенциал.

Мы рассматриваем развивающую образовательную среду как необходимое условие для формирования познавательной мотивации, так как она обеспечивает раскрытие и развитие творческого потенциала как учащихся, так и педагогов, их способности быть субъектом своего познавательного и личностного развития, а также формирования позитивной «Я-концепции».

Особенно важно, на наш взгляд, является создание развивающей образовательной среды в младшем школьном возрасте. Современный ребенок обладает огромными потенциальными возможностями. Для того, чтобы они превратились в реальные силы, личностные свойства, нужен целенаправленный, воспитывающий, обучающий, развивающий субъект-субъектный образовательный процесс, гуманистическая атмосфера, предполагающая доброжелательный характер отношений взрослых и сверстников.

Рассмотрим реализацию данного условия на занятиях по английскому языку с младшими школьниками в учреждениях дополнительного образования.

Мы полагаем, что базовым принципом формирования развивающей образовательной среды может стать принцип равноправных отношений всех субъектов образовательного процесса: детей, преподавателей и родителей. Реализовать этот принцип представляется возможным через использование более широкого спектра форм индивидуальной и совместной деятельности детей на занятиях и при подготовке домашнего задания, через предоставление свободы в выборе заданий и способов их выполнения.

Пространственно-предметный компонент. В классическом учебном пространстве изначально просматривается позиция противостояния детей и педагога, особенно в тех кабинетах, где учительский стол расположен напротив центрального ряда ученических парт. Противодействие также проявляется в позиции педагога-наблюдателя за своим столом во время ответа ученика у доски. На наших занятиях мы постарались максимально объединить участников образовательного процесса. Для этого мы располагаем ученические столы П-образно, и это дает преимущество в реализации общения «в глаза», а не «в затылок»; используем в качестве учительского стола стол меньших размеров и только для того, чтобы разложить на нем наглядные и дидактические материалы, тем самым не создаем искусственного «барьера» между учениками и преподавателем. Кроме этого, выход учащегося к доске происходит исключительно по желанию самих детей, и при этом преподаватель располагается либо рядом с отвечающим, либо рядом с остальными учениками. Данные позиции помогают создать атмосферу доверия и поддержки и позволяют ученикам ощутить себя равноправными партнерами образовательного процесса.

Социальный компонент. Изучив психолого-педагогическую литературу и проанализировав собственный опыт педагогической деятельности, мы пришли к выводу, что важным является совместная выработка общих принципов по организации среды со-деятельности на занятиях. Необходимо не просто объявить равенство позиций преподавателя и учеников, а реализовать этот принцип на практике. Для этого на занятиях использовались следующие приемы: «ловушка», «оценка деятельности учителя» и «секретные записки».

«Ловушка» – объявление о преднамеренной педагогической ошибке. В начале занятия преподаватель объявляет детям, что при повторении изученного материала он допустит ошибку и задача детей – заметить ее. Данный прием позволяет оперативно проверить желание и возможности ребят возражать взрослому. Используя такой прием, педагог, помимо реализации уже указанной задачи, получает дополнительный эффект – включенное внимание детей! То есть, в момент объявление игровой ситуации «*ловушка*», учащиеся намного дольше удерживают собственное произвольное внимание и восприятие, что позволяет достигать более высоких результатов и реализовывать более качественное повторение и закрепление содержания учебной дисциплины.

«Оценка деятельности учителя» – оценка эффективности и успешности педагога. В конце занятия каждый ребенок оценивает деятельность учителя и занятие в целом: раскрашивает треугольник полностью, если все понравилось и половину, если что-то не понравилось.

«Секретные записки» – преподаватель, дети (родители, если присутствовали на занятии) пишут «секретные записки» (сразу после занятия или дома), в которых дети и родители высказывают свое мнение о том, что понравилось на занятии и что хотели бы изменить. Преподаватель, в свою очередь, так же высказывает свои пожелания, дает качественную оценку работы в отношении каждого ребенка. Данный прием дает возможность создать доверительные отношения среди субъектов образовательного процесса и является важным компонентом формирования развивающей образовательной среды, превращая ее личностно значимую. Второй и третий приемы позволяют детям ощутить себя равноправными партнерами преподавателя, дают возможность выявить положительные и отрицательные моменты для дальнейшего устранения отрицательных и закрепления положительных.

Психодидактический компонент. Главная задача преподавателя – выбрать из множества современных методов обучения иностранному языку те, которые наилучшим образом соответствуют его темпераменту, внутренним потребностям, интеллекту и желаниям. При этом необходимо учитывать индивидуальные особенности каждого учащегося, его интересы, способности, увлечения в каждой конкретной группе. Мы используем игровой метод обучения, как наиболее эффективный в организации учебной деятельности младших школьников, формировании их познавательной мотивации. Данный метод способствует созданию благоприятной психологической атмосферы общения и помогает учащимся увидеть в иностранном языке реальное средство общения. Игровая деятельность на занятиях по иностранному языку не только организует процесс общения на этом языке, но и максимально приближает его к естественной коммуникации. Игра развивает умственную и волевую активность. Являясь сложным и одновременно увлекательным занятием, она требует огромной концентрации внимания, тренирует память, развивает речь. Игровые формы обучения позволяют использовать все уровни усвоения знаний: от воспроизводящей деятельности через преобразующую к главной цели – творческо-поисковой деятельности.

Свободный выбор форм видов деятельности на занятиях в учреждениях дополнительного образования позволяет педагогу использовать богатую палитру разновидностей игрового метода: языковые и речевые игры, сказку и драматизацию.

К языковым играм относятся орфографические, лексические, фонетические и грамматические, целью которых является формирование соответствующих навыков. К речевым – ситуационные, ролевые и деловые. В основе ситуационных игр лежит ситуация из жизни, для решения которой применяются знания реального учебного предмета. Данные игры наиболее приемлемые, на наш взгляд, для младших школьников. Ролевые предполагают выполнение определенных ролей индивидуально каждым участником игры или в группе. В деловых играх имеется дело, конкретная проблема, а роли и правила игры вырабатываются участниками в ходе самой игры.

Использование сказки особенно важно при изучении грамматических явлений, так как употребление образных эпитетов позволяет наглядно представить абстрактные языковые понятия учащимся, при этом обостряется восприятие, улучшается запоминание. И в таком случае используется не только непроизвольная моторная память, но и происходит эмоциональное стимулирование когнитивной сферы.

Драматизация способствует как формированию языковых и речевых навыков, так и более глубокому пониманию других предметных областей, в частности литературы и психологии. Драматизация заставляет учеников пропускать ситуацию через себя, придавая ей личностный характер. Личностная ориентация значительно повышает эффект усвоения иностранного языка, так как наряду с интеллектом подключаются эмоции. Личностно-значимой ситуацию делает роль, которую получает учащийся.

Все вышеперечисленные приемы трех компонентов дали возможность подвести ребят к тому, что на занятиях они перестали бояться отвечать, обнаруживать свои слабости, поскольку были уверены в поддержке участников образовательного процесса, так как начала «работать» развивающая среда равенства, свободы и ответственности.

Т.о. развивающая образовательная среда представляет собой совокупность возможностей для обучения учащегося, а также для проявления и развития его способностей, что, как показало наше экспериментальное исследование, благоприятно сказывается на формировании познавательной мотивации.

Библиографический список

1. *Гончарова Т.В.* Повышение интереса к творческой деятельности как необходимое условие развития гармоничной личности будущего [Электронный ресурс] // http://masu.ru/

2. *Дрофа В.М.* Образовательная среда как объект управления [Электронный ресурс] // http://ooipkro.nm.ru/Text/t10 72.htm

3. *Газман О.С.* Педагогика свободы: путь в гуманистическую цивилизацию XXI века // Новые ценности образования. – М., 1996. – Вып. 6.

4. *Кларин М.В.* Личностная ориентация в непрерывном образовании // Педагогика. – 1996. – №2.

5. *Крылова Н.Б.* Формирование культуры будущего специалиста. – М.: Высшая школа, 1990.

6. *Кулюткин Ю., Тарасов С.* Образовательная среда и развитие личности [Электронный ресурс] // http://www.znanie.org/gurnal/n1 01/obraz sreda.html

7. *Машарова Т.В.* Моделирование учебных ситуаций в личностно ориентированной образовательной среде (на примере учреждений среднего профессионального образования) / Т.В. Машарова, Е.А. Ходырева: Учебное пособие для преподавателей ССУЗ. – Екатеринбург, 2002.

8. *Рубцов В.В.* Основы социально-генетической психологии. – М.; Воронеж: НПО Модэк, 1996.

9. *Слободчиков В.И.* Образовательная среда: реализация целей образования в пространстве культуры // Новые ценности образования: культурные модели школ. – М., 1997. – Вып. № 7.

10. *Фрумин И.Д.* Образовательное пространство как пространство развития: школа взросления / И.Д. Фрумин, Б.Д. Эльконин // Вопросы психологии. – 1993. – №1.

11. *Ясвин В.А.* Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М.: Просвещение, 2000.

И.И. Осипова

СОЦИАЛЬНЫЙ АУДИТ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ГРУПП РИСКА

Преамбула. *В статье представлены результаты социологического исследования в сфере ресоциализацити детей групп риска. Представлена технология проведения мониторинга нескольких контрольных групп и использование анализа полученных результатов для повышения эффективности межведомственного сопровождения данной категории несовершеннолетних.*

На рубеже веков политико-экономические реформы ввергли Россию в глубочайший системный кризис, ударивший своим острием в первую очередь по семье и детям. Тотальный патернализм времен СССР сменился совсем иной парадигмой отношения государства к семье. Государство фактически самоустранилось от помощи семье, которая на многие годы осталась наедине со своими проблемами. Не удивительно, что к середине 90-х годов прошлого века уровень беспризорности в России достиг показателей 20 годов. Отсутствие координации усилий различных ведомств, единого информационного, нормативного, технологического, финансового обеспечения учреждений, организаций, структур, работающих в сфере семьи и детства, создали условия для неуправляемого роста социального сиротства и преступности несовершеннолетних.

М. Ошанин ещё в начале XX века писал: «На народные трудовые деньги мы создаем этому же народу новое бремя, новых преступников и новую искусственную тяготу. Но если такой ужасный результат получается несмотря на то, что масса людей вложила в это дело всю свою энергию, нередко талант и, несмотря на громадные денежные расходы и труды, то очевидно, что в неуспехе виноваты не отдельные люди, а неправильна сама система, при которой эти люди работают и при которой, очевидно, хороших результатов получить невозможно»[1].

За 2004 г. на территории России зарегистрировано свыше 354 тыс. несовершеннолетних правонарушителей[2]. Приведенные факты наглядно свидетельствуют о кризисе государственной системы защиты семьи, материнства и детства, а также о необходимости реформирования данной системы и, что наиболее важно, разработке системы оценки эффективности программ, направленных на стабилизацию ситуации с социальным сиротством, преступностью несовершеннолетних, деградацией института семьи.

© И.И. Осипова, 2006

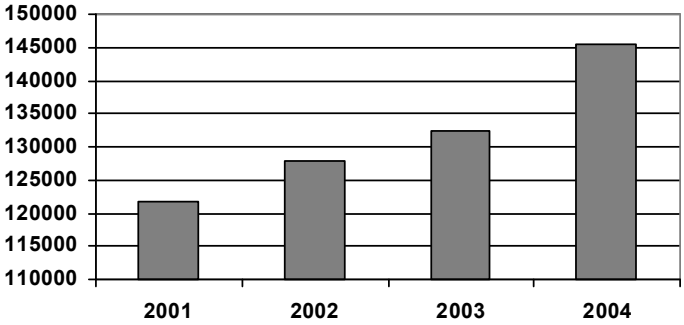

Рис. 1. Число детей, оставшихся без попечения родителей

Развитие демократического общества предполагает наличие эффективных социальных услуг, которые влияют на повышение качества жизни населения, защищают наиболее уязвимые её группы. Оценка качества предоставляемых услуг, критерии такой оценки стали сегодня одними из наиболее востребованных, в силу изменения государственного финансирования наиболее эффективных и востребованных населением социальных услуг, реформированием социальной сферы в регионах. Одним из эффективных механизмов разработки данных критериев, которые позволяют проанализировать состояние сферы услуг и дать им объективную оценку, является социальный аудит, одна из методик которого представлена в данной статье.

В рамках программы сотрудничества Европейского Союза и России был реализован проект «Развитие системы социальных служб для уязвимых групп населения – 2», результатами которого стали разработка и апробация инновационных технологий, механизмов межведомственного сопровождения сирот, жертв насилия и несовершеннолетних правонарушителей. Основными задачами сопровождения стали предотвращение рецидивов противоправного поведения несовершеннолетних с делинквентным поведением, предотвращение повторного насилия над детьми в семьях, а так же проблемы социализации выпускников государственных учреждений для детей-сирот и интеграция их в общество.

Для реализации поставленнных задач в каждом пилотном регионе (Костромская, Брянская, Кировская, Ленинградская области) в августе 2004 г. были определены группы клиентов, попадающие в поле зрения проекта Европейского Союза «Развитие системы социальных служб для уязвимых групп населения – 2», заказчиком которого явилось Министерство здравоохранения и социального развития РФ. Определены районы-участники проекта, заявившие о своем согласии реформировать свои управленческие и социальные системы, конкретные учреждения, в функционал которых войдет организация профессионального сопровождения целевых групп несовершеннолетних.

В каждом пилотном регионе был назначен Координационный совет, в котором были представлены все ведомства, структуры и службы региона. В августе 2005 г. была собрана информация о составе семьи несовершеннолетних, уровне образования, состоянии здоровья, пожеланиях и настрое клиентов в отношении социальных служб, которые будут осуществлять сопровождение. В соответствии с этими данными выборка респондентов каждой пилотной группы составляет: выпускники гос. учреждений – 63 человека; освобождающиеся из мест лишения свободы несовершеннолетние – 46; жертвы насилия – 31 человек. Общее количество респондентов 140 человек.

Мониторинг предполагает систематический опрос пилотной группы через каждые 3 месяца на протяжении полутора лет и фиксирует динамику параметров ресоциализации и факторов, непосредственно на неё влияющих. В результате проведенных исследований в 4 пилотных регионах было проведено анкетирование 1583 респондентов: клиенты-благополучатели услуг, специалисты учреждений различных ведомств, принимающих участие в межведомственном сопровождении, специалисты ведомств образования, здравоохранения, исполнения наказаний, правоохранительных органов, социальной защиты населения, служб занятости населения и мн. др.

1 уровень. Клиенты:

1) выпускники государственных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

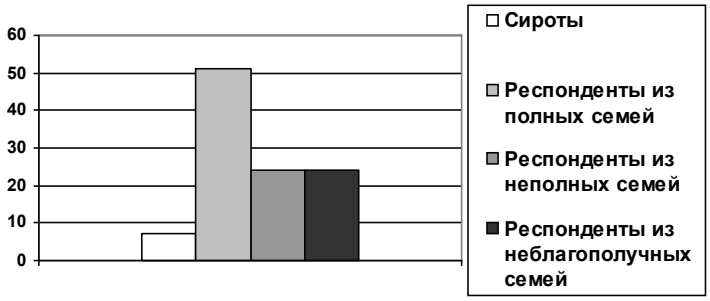

Рис. 2. Категория «Освобождающихся из мест лишения свободы»

2) освобождающиеся из мест лишения свободы несовершеннолетние;

3) жертвы насилия.

2 уровень. Учреждения, оказывающие услуги данным группам.

3 уровень. Ведомства системы профилактики.

Задачи первого этапа мониторинга:

1. Сформировать пилотные группы клиентов для социального сопровождения службами на протяжении 1 года до сентября 2005 г.

2. Выявить ресурсы клиентов, планы, отношения к социуму, ожидания, проблемы.

3. Сформировать группу учреждений-участников исследования.

4. Выявить их ресурсы, проблемы, планы.

5. Подготовить к аналитической деятельности ведомства – участников региональных моделей для оценки качества предоставляемых услуг, оценки эффективности разрабатываемых технологий, услуг для целевых групп проекта.

Продемонстрируем аналитический материал, собранный в результате мониторинга в Кировской области.

Анализ анкет клиентов 1 этапа мониторига в Кировской области сформировал следующую картину.

Среди пилотной *группы «освобождающихся из мест отбывания наказания»* сирот – 1; из полных семей – 8; неполных – 4; из семей алкоголизированных, имеющих, кроме подростка, ещё членов семьи, находящихся в местах лишения свободы – 4 человека. Имеют тяжелые хронические заболевания – 0; не имеют жилья – 4; не имеют документов (паспорта, прописки, свидетельства о рождении и др.) – 4 человека.

Пилотную группу составляют 2 человека в возрасте 15 лет; 1 – 16 лет; 6 – 17 лет; 3 – 18 лет; старше 18 лет – 1 человек. В тоже время имеют образование 9 кл. и ниже – 11, и только 2 человека закончили 10–11 классов. Налицо кризис института семьи, не справляющейся с воспитанием подростков в возрасте 13–14 лет, а также кризис системы образования, о чем свидетельствуют данные уровня образования клиентов. Все респонденты отмечают желание трудоустроиться и посещать спортивные кружки, клубы, секции, некоторые просят социальные службы помочь в лечении близких родственников от алкоголизма.

«Выпускники государственных учреждений для сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Для анкетирования взята категория в возрасте 16–19 лет в количестве 11 человек. Среди данной категории наиболее сложные вопросы возникают с отсутствием жилья – 6 чел. (55%), не имеют документов – 5 чел. (45%), что неизменно повлечет за собой целый ряд проблем, прежде всего с трудоустройством, жизнеустройством, в конечном счете, адаптацией в обществе. В то же время следует отметить высокий уровень образования у клиентов и наличие у них рабочих специальностей – 64%.

«Жертвы насилия». Взяты респонденты в возрасте от 13 лет и старше, пилотная группа – 7 человек. 3 человека из полных семей, 3 – из неполных семей, 1 – из семьи, состоящей в гражданском браке. 5 семей из 7 алкоголизированные, где

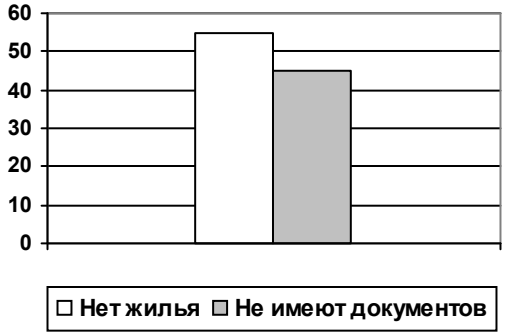

Рис. 3. Категория «Сироты»

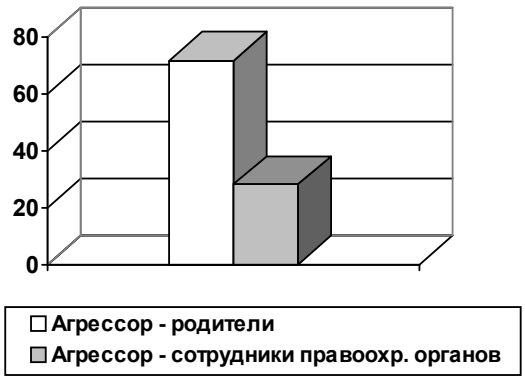

Рис. 4. Категория «Жертвы насилия»

агрессорами по отношению к подростку являются родители; в 2 случаях респонденты указали сотрудников правоохранительных органов; в 3 случаях у респондентов алкогольная зависимость; в 2 – кардионарушения; в 3 – психические нарушения, как последствия насилия. 6 человек мужского пола, 1 – женского. Во всех случаях планируется возврат подростков после реабилитации в кровные семьи.

Второй этап мониторинга предполагает реализацию следующих задач:

1. Анализ изменений в результате деятельности региональной модели на уровне ведомств-участников проекта.

2. Анализ изменений в деятельности учреждений-участников проекта при осуществлении межведомственного взаимодействия по защите целевых групп проекта.

3. Анализ изменений, произошедших в жизни клиентов, и влияния межведомственного взаимодействия учреждений, осуществляющих профессиональное сопровождение целевых групп проекта.

Категория «сироты» (проведены три опроса за 6 мес.). Характерной чертой в работе с респондентами-выпускниками является 100% наличие всех документов, пособий, алиментов, тесная взаимосвязь и взаимодействие с социозащитным учреждением, которая оказывает продуктовую и материальную помощь. Все ребята устроены в общежития, социальные гостиницы, охвачены общественно-полезной деятельностью, общаются с волонтерами, учатся или работают (Галя Ж. не работает, т.к. учится в институте и предложенный график работы несовместим с учебой; повторно трудоустроена Нина С.; Анна С. родила, воспитывает грудного ребенка, получает пособие в размере 3,5 тыс. руб. в службе занятости; Ольга Ш. не работает, готовится поступать в учебное заведение г. Челябинск). Социальные связи у большинства респондентов восстановлены, общаются с родственниками, братьями, матерями, не хочет общаться с близкими родственниками лишь Галина Ж. из-за их пьянства.

Налицо хорошо отлаженная межведомственная система постинтернатного сопровождения, выпускники адаптированы к самостоятельной жизни, находятся под постоянным сопровождением специалистов социальных служб.

Категория «жертвы насилия». Все респонденты (за исключением двоих, информация о которых отсутствует), находятся под сопровождением социальных служб. Ситуация в семьях, в настоящий момент, стабилизирована, родители лечились от алкоголизма, посещают занятия в центре, общаются со специалистами, оказана материальная помощь. Все дети на летний период были трудоустроены, заработанные деньги потратили на одежду, школьные принадлежности. Не разрешилась ситуация с угрозой насилия у Я. Т. В., имеющей 2 детей. Своего жилья нет, дети маленькие – работать не может, социальными службами оказывается материальная и продуктовая помощь, детей лечат в больнице. У Максима К. отец умер, мать закодировалась, ребенок хочет, чтобы матери помогли трудоустроиться, хочет подрабатывать, чтобы помогать семье, учится в 8 кл., социальная служба помогла восстановиться в школе, ситуация стабилизирована. Денис П.: отец умер, мать устроилась на работу, соц. защита помогает оформить пенсию по утере кормильца, живет с матерью в комнате, учится в ПУ.

Во всех случаях агрессоры – пьющие отцы, отчимы и матери. Основными условиями стабилизации ситуации стали: лечение родителей от алкоголизма, временное трудоустройство детей, помощь и контроль за ситуацией со стороны социальных служб.

Категория «освобождающиеся из мест лишения свободы» (проведены 3 опроса за 6 мес.). Отличительная черта данной категории – низкий образовательный уровень (Максим Л. в 17 лет имеет 2 кл. образования; Вадим Б., 17 лет – 5кл., Николай В., Алексей З. в 17 лет – 8 кл.).

Роман Б. освободился в ноябре 2004 г., учится в вечерней школе; Максим Л. живет с пьющими родителями, пока не работает, проблемы с регистрацией; несовершеннолетние Б. и В. просят социальные службы по месту жительства навес-

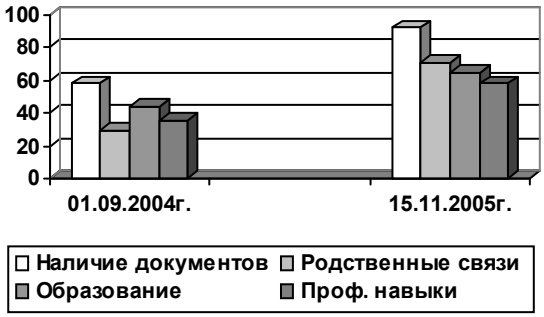

Рис. 5. Категория «Освобождающиеся из мест лишения свободы»

Рис. 6. Категория «Выпускники государственных учреждений – сироты»

тить родителей и попросить их писать им письма в Воспитательную колонию. Социальные службы посещают в ВК и подростков, и семьи по месту жительства, стараясь до выхода из колонии подготовить ситуацию в семье, восстановить социальные связи подростков. Респонденты отмечают, что на Новый год специалисты социальных служб по месту их жительства приезжали в ВК. Привозили подарки, посылки от родственников, письма, иногда родственников из отдаленных поселков.

Несовершеннолетний Б. при освобождении из ВК не получил аттестат об образовании, специалисты социальной защиты населения сделали запрос в колонию. 4 человека из пилотной группы освободились, находятся под сопровождением социальных служб; 3 переведены во взрослую колонию; 2 человека – несовершеннолетние, из Центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, учатся, работают летом. Лидия Г. живет в семье, учится в школе в 7 кл., Яна С. живет у бабушки с дедушкой, заканчивает 9 кл. коррекционной школы.

Система постпенитенциарного сопровождения позволяет предотвращать рецидивы противоправного поведения.

Третий и последующие этапы мониторинга имеют сходные задачи:

– анализ региональных изменений;

– анализ ситуации с индивидуальным сопровождением клиентов;

– формирование запросов от учреждений к ведомствам, от ведомств к исполнительной и законодательной региональной власти в интересах эффективного сопровождения подростков, семей «групп риска», предотвращения сиротства и противоправного поведения молодежи;

– выявление пробелов в сопровождении клиентов.

Итоговые справки по результатам мониторинга в областях констатируют динамику в семейной и жизненной ситуации каждого респондента. Наиболее тревожна ситуация с жертвами насилия, из-за несформированности системы выявления, реабилитации и защиты данной категории от повторного насилия. К сожалению, можно утверждать, что наиболее инфантильной и немотивированной на учебу и труд является кате-

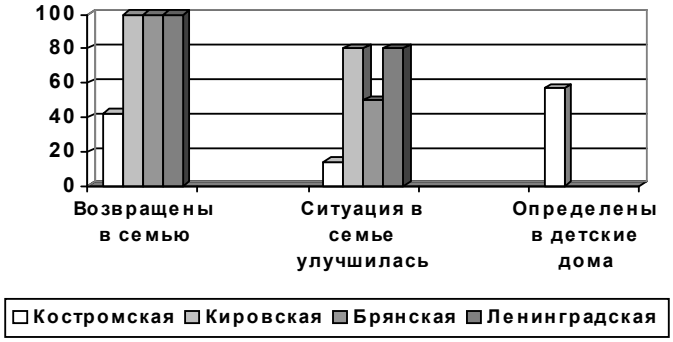

Рис. 7. Жизнеустройство детей-жертв насилия по регионам

гория «сироты». В анкетах данной пилотной группы основную ставку в дальнейшем жизнеустройстве подростки делают только на помощь сотрудников детских домов.

Предоставление справок по результатам этапов мониторинга в регионе позволяет не просто констатировать отсутствие или наличие деятельности по предотвращению негативных социальных проявлений несовершеннолетних, но, что наиболее важно, выстроить межведомственную систему обмена информацией, технологии сопровождения, обеспечения преемственности в работе учреждений различных ведомств, сформировать систему постинтернатного, постпенитенциарного сопровождения несовершеннолетних с привлечением ресурсов не только государственных структур и учреждений, но и ресурсов самого общества.

В рамках разработанных региональных моделей сопровождения детей групп риска открыты «социальная транзитная квартира» для временного проживания выпускников государственных учреждений для детей-сирот, детей-жертв насилия и освобождающихся из мест лишения свободы несовершеннолетних до разрешения вопросов с их постоянным жизнеустройством, трудоустройством в Дубровском районе Брянской области. В Кировской области разработана Карта социального сопровождения, в основу которой легли механизмы межведомственного взаимодействия, обмен информацией, объединение усилий государственных и общественных ресурсов для предотвращения негативных проявлений, интеграции подростков и молодежи в социально-значимую деятельность, привитие нормативного поведения, формирование самосознания, ответственности, самостоятельности.

Основными условиями ресоциализации несовершеннолетних групп риска являются их жизнеустройство, положительное социальное окружение, включение в образовательную, трудовую, досуговую деятельность, работа с семьей по стабилизации ситуации, восстановлению родственных связей и обеспечению поддержки оступившимся несовершеннолетним детям от родных и близких. Немаловажен и социальный контроль, профессиональное сопровождение, наставничество. Но наилучшие результаты дает включение в социально-активную и одобряемую деятельность и позитивное социальное окружение и поддержка.

За 6 месяцев до освобождения осужденные проходят «школу освобождения» – цикл лекций, бесед, тренингов с социальной службой колонии. В соответствии с приказом Министерства юстиции РФ № 75 от 22 марта 2004 г. «Об утверждении положения о группе социальной защиты и учета трудового стажа осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ» в воспитательных учреждениях созданы социальные службы, задача которых – разрешение социальных вопросов осужденных, восстановление родственных связей, помощь в получении необходимых документов, сопровождение освобожденных к месту проживания. Ярким примером сотрудничества социальных служб и общественности стало открытие в г. Санкт-Петербурге специализированного предприятия «Новое поколение» по изготовлению детских игрушек. Предприятие насчитывает 5 производственных площадок, одно из которых расположено на территории Колпинской воспитательной колонии. На предприятии работают 150 несовершеннолетних, заработная плата перечисляется воспитанникам на расчетные счета. Они имеют возможность погашать судебные иски, помогать родственникам, покупать себе предметы личной гигиены и продукты.

При освобождении, воспитанник переводится из площадки, расположенной в колонии, на городскую площадку, таким образом решаются вопросы трудоустройства освобождающихся несовершеннолетних, они получают все необходимые документы: трудовую книжку, ИНН, пенсионное страховое свидетельство. Вопросы трудоустройства – наиболее болезненные для данной категории. Как правило уровень заработной платы, которую устраивала бы молодежь, в службах занятости практически нет. На предприятия бывших воспитанников колонии берут неохотно, как результат – молодые люди в течение месяца–двух вновь возвращаются в учреждения уголовно-исполнительной системы за вновь совершенные преступления.

Не менее важным элементом в процессе ресоциализации несовершеннолетних является организация досуга подростков и молодежи групп риска. Так в Ленинградской области ежегодно организовываются лодочные походы, «школы выживания» для дезадаптированных подростков. В 2005 году молодые люди, участники походов, зарегистрировали общественную организацию «Мир молодежи», которая активно включилась в организацию молодежной жизни, интересного досуга, что также позволяет менять соци-

альное окружение молодежи, их жизненные установки и позиции.

Приведем результаты последнего анкетирования пилотных групп с целью определения результативности социального сопровождения этой группы в течение 2004–2005 гг.

Брянская область. 60% человек из пилотной группы освобождены; 50% из них трудоустроены, 33% продолжают обучение, 17% нигде не работают и не учатся. 50% вернулись в социально-благополучную среду. Рецидивов нет.

Костромская область. 67% человек из пилотной группы освободились из колонии, 7% совершили повторные преступления в течение 1 месяца после освобождения, 80% из освободившихся – трудоустроены или продолжают обучение. В 13% респонденты вернулись в неблагополучные семьи.

Ленинградская область. 44% респондентов освобождены условно-досрочно, есть перспективы трудоустройства у 30%, 56% обучаются в ПТУ, 67% воспитанников вернулись в социально-благополучную среду. Рецидивов нет.

Кировская область. 75% респондентов вернулись в социально-благополучную среду, трудоустроены или получают дальнейшее образование. Рецидивов нет.

В тоже время нельзя не отметить очень тревожный факт: появление криминальных «династий», в нашем исследовании наиболее ярко данная тенденция наметилась в Костромской и Кировской областях, где число подростков, у которых ранее судимые родственники-родители, достигает 30%.

Согласно результатам нашего исследования в Костромской области наибольшее количество подростков, совершивших повторное преступление после освобождения из мест лишения свободы, возвратились в семьи, имеющие криминальный опыт. Можно сделать вывод о том, что именно отрицательное качество социального окружения, негативная социализация ребенка в деструктивных условиях семьи, представляющих криминальную субкультуру, провоцирует его на рецидив. В данном случае социальное сопровождение таких подростков должно быть направлено на смену социального окружения, ослабление влияния криминальной субкультуры на подростка. Именно такая стратегия сопровождения была избрана в Кировской области в рамках проекта «Развитие системы социальных служб – 2», что позволило не допустить в исследуемый период рецидивов в поведении подростков и молодежи, вернувшихся из мест лишения свободы.

Социальный аудит позволяет координировать систему межведомственного взаимодействия, обеспечивает преемственность в деятельности, непрерывность, поэтапность, обмен информацией всех служб, работающих с семьей и детьми, формирует запрос от клиентов к специалистам, от специалистов к ведомствам, от ведомств к исполнительной и законодательной власти, что позволяет развивать систему предоставления социальных услуг, создавать новые формы и технологии, совершенствовать законодательство. Эффективность межведомственного взаимодействия обусловлена тем, что все службы работают на единый результат, объединяя ресурсы, опыт и привлекая ресурсы общества для решения насущных задач.

Примечания

[1] *Ошанин М.* О призрении покинутых детей. – Ярославль,1912. – С. 76, 77, 166.

[2] Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Сборник нормативных правовых актов. – М.: Колонтитул, 2005. – С. 144.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Захарова Ж.А. *ТРЕНИНГ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ (ДЛЯ ПРИЕМНЫХ РОДИТЕЛЕЙ)* / Под ред. В.М. Басовой. – Кострома: Авантитул, 2006.

Асвойнова-Травина Е.А., Травин И.В. *ОБЩИЙ ЦИКЛ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН:* учеб.-метод. пособие. Ч. 1 / Рец. Н.П. Фетискин. – Кострома: КГУ, 2006.

И.С. Лебедева

СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Построение демократического общества в России ставит проблему гражданского воспитания молодёжи в число наиболее актуальных. Формирование «гражданской ответственности и правового самосознания, духовности и культуры, инициативности и самостоятельности, толерантности», как отмечается в «Концепции модернизации образования на период до 2010 года», является важнейшей задачей современного образования и воспитания. В Постановлении правительства РФ №122 от 16.02.2001 года «О государственной программе патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2001–2005 гг.» подчеркивалось как основное направление в воспитательной работе – формирование гражданской позиции молодёжи, педагогическая помощь в адаптации её к социуму, что не потеряло своей актуальности и сегодня. Очевидно, что проблема гражданского воспитания приобретает не только педагогический, но и государственный, социальный смысл. Воспитание гражданственности одинаково необходимо, как и для государства, так и для общества, так и для личности, так как без этого невозможен прогресс, невозможна и достойная жизнь человека, не может быть ни действенной демократии, ни эффективной экономики, ни социального мира.

В настоящее время выделены признанные и одобренные обществом правовые нормы и нравственные ценности, которые являются приоритетными для гражданского воспитания. Однако процесс гражданского воспитания по-прежнему отодвинут на второй план, что обусловлено, в том числе и деформированием нравственных ориентиров, вестернизацией общественного сознания. В этой ситуации проблема становления гражданской позиции студента приобретает особую значимость в силу того, что именно время обучения в вузе, как утверждают психологи (Б.Г. Ананьев, И.С. Кон, В.Т. Лисовский и др.) выводит юношеский возраст на становление гражданского мировоззрения, как ядра гражданской позиции.

Для выявления особенностей становления гражданской позиции студентов есть необходимость определить сущность самого понятия «становление» и охарактеризовать студенчество как особую группу молодежи.

Обращение к справочной литературе позволило выявить основные характеристики понятия «становление».

Философский словарь предлагает рассматривать «становление» как всеобщую изменчивость явлений, смену содержания, времени, событий, «переход возможности в действительность в процессе развития» [1, с. 434].

В словаре Ожегова находим определение данной дефиниции как «возникновение, образование чего-либо в процессе развития».

Педагогический словарь трактует данный термин следующим образом: становление – это «приобретение новых признаков и форм в процессе развития, приближение к определённому состоянию».

А учебник педагогики под редакцией П.И. Пидкасистого данный феномен предлагает понимать как «условие достижения ребёнком такого уровня развития, когда он становится способным осознать свои отношения с миром и производить относительно устойчивый ценностный выбор» [2, с. 143].

Все названные источники рассматривают «становление» как результат процесса, связанного с такими действиями, как возникновение, изменение, приобретение, приближение (к идеалу, цели), достижение (уровня), переход потенциала в действительность, т.е. речь, идёт о движении личности к определённому уровню её развития, который позволяет ей сделать осознанный выбор. Таким образом, становление следует рассматривать как процесс развития личности, обеспечивающий осознание человеком своего места в мире, отношения с ним, готовность человека занять и отстаивать выбранную позицию.

Становление человека связано с его самоизменением, которое вызвано потребность изменить в себе что-либо для того, чтобы соответствовать ожиданиям и требованиям окружающих, социума; противостоять негативным влияниям или преодолевать опасности; достичь желаемого «Я».

Результатом самоизменения могут быть: изменение личностных свойств, интеллектуальной, волевой, духовной сфер личности, стиля жизни, отношения к себе, к миру, к другим людям, т.е.

© И.С. Лебедева, 2006

самоизменение, происходящее в процессе становления, может носить различный характер, но всегда связано с самостроительством, с самосовершенствованием.

Становление личности – процесс, осуществляемый как последовательное прохождение нескольких этапов, каждая ступень которого характеризуется осознанием человеком собственного «Я» в системе отношений с миром, с другими. Однако педагогическая наука не предлагает одного единственного толкования этих этапов. Так, например, рассматривая становление как социализацию личности, одни психологи называют приспособляемость к условиям, другие называют идентификацию и обособление личности (В.С. Мухина), адаптацию, индивидуализацию и интеграцию (А.В.Петровский). Обобщая имеющиеся данные с точки зрения, становление личностной позиции, можно назвать такие механизмы становления как подражание, отождествление, рефлексия, что позволяет выделить и этапы становления личности:

– адаптация-ориентация на окружающих, стремление «быть как все», чтобы присоединиться к «ним», к тем, кто рядом, что связано с желанием выглядеть хорошим в глазах других;

– интеграция-объединение с «ними», стремление быть с «ними»;

– индивидуализация (автономизация) – потребность человека иметь собственные взгляды, наличие таковых, потребность в самоопределении, самореализации, самоутверждении себя, своего «Я».

При прохождении каждого из названных этапов мы имеем определённые результаты в развитии личности, и если эти результаты положительные, то и динамика становления гражданской позиции будет положительна.

Рассматривая гражданскую позицию как готовность личности к выполнению конституционных обязанностей и долга перед государством обществом, собой, мы приходим к необходимому выводу о том, что её становление содержательно носит в себе с одной стороны, влияние социума, социально-политической жизни общества, с другой – потенциальные возможности личности. Это позволяет выделить взаимосвязанные компоненты, составляющие содержание гражданской позиции:

– коммуникативный компонент, предполагающий владение различными видами коммуникации (язык общения, язык компьютеров);

– гностический компонент-освоение знаний об окружающей действительности, усвоение профессиональных знаний;

– ценностный компонент – человек не только понимает, но и принимает ценности общества, делает их личностно значимыми;

– поведенческий компонент-совокупность разнообразных действий, направленных на соблюдение различных норм и правил, выработанных в обществе.

Следовательно, в процессе становления гражданской позиции человек не только должен усвоить истины, но и сделать их доминантами своей деятельности. Движущей силой становления выступает противоречие между двумя составляющими субъекта – потенциальным и актуальным, объективной системой требований, предъявляемых субъекту и его реальной жизнедеятельностью.

Проектируя программу исследовательской деятельности, мы исходили из положения о том, что каждый возрастной период развития личности характеризуется следующими доминирующими показателями: определённой социальной ситуацией развития человека в изучаемый период, ведущим видом деятельности, важнейшими психологическими новообразованиями.

Социальная ситуация развития будущего специалиста определяется прежде всего особенностями студенчества как особой категории молодёжи. Для студента как представителя специфической социально-профессиональной группы – это учебная ситуация.

Ведущий вид деятельности задаётся данной конкретной ситуацией – это профессионально-учебная деятельность при возрастании самостоятельности. Приобретаемые знания, умения и навыки выступают в качестве средств будущей профессиональной деятельности.

Данная социальная ситуация развития вступает в противоречие с достаточно регламентированной жизнедеятельностью вуза, что приводит к затруднениям в развитии профессионального самосознания, познавательных процессов, коммуникативной культуры, т.е. ведущих видов деятельности и психических новообразований, характерных для студенчества.

Студенческие годы для молодежи это период внутренних переживаний, связанных с трудностями вхождения в новые условия, с расхождением идеальных представлений о студенческой поре и реальным характером её протекания. В поведении

юношей и девушек появляется порой неуверенность в себе, что приводит, по мнению В.И. Слободчикова, иногда к внешней агрессивности, развязности, к мыслям о собственной неполноценности. Этот период специалисты рассматривают как период кризиса юности – становление авторства в собственной жизни. В кризисе юности молодые люди впервые сталкиваются с экзистенциальным кризисом – смысла жизни [3, с. 416].

Для студенчества актуальными становятся вопросы о смысле своей жизни, о собственном «Я», отсюда интерес к нравственно-этическим проблемам, к психологии самосознания и самовоспитания.

Важное место в индивидуальном развитии юношей и девушек занимают вопросы профессионального самосознания. В связи с доминированием в сознании студентов экзистенциальных вопросов, в избранной профессии в первую очередь вычленяются вопросы назначения, общественной, культурной и социальной ценности профессии. Идеалы становятся для молодого человека ориентиром в практической деятельности, учёбе по овладению профессией.

Юность рассматривается психологами (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев, И.С. Кон) как ступень индивидуализации, которая представляет этап в духовной жизни человека, связанный с выработкой собственного мировоззрения, с определением своей самобытности и уникальности.

Период обучения в вузе – один из самых ответственных в становлении личности профессионала. Это время, когда формируются основные ценностные установки, жизненная позиция, отношение к окружающей действительности в целом и к своей профессии, в частности. Поэтому важно, чтобы именно в этот период содержание образования было человекоцентристским, чтобы ценности и нормы культуры, нравственность, все достижения духовной жизни были обращены к человеческой личности, чтобы содержание обеспечивало ориентацию на развитие профессионально-смыслового потенциала личности будущего специалиста. Результатом должна стать полная подготовка студента к профессиональной деятельности на основе четкой гражданской позиции в соответствии с условиями изменившегося социального заказа и новых требований общества. Важно обеспечить становление студента так, чтобы он стал подлинным субъектом, воспринимающим профессиональную подготовку как «восхождение к субъективности» (М.С. Каган).

Основным образовательным ориентиром сегодня становится развитие личности, её потенциала, который обращён в будущее и, наряду с решением актуальных проблем профессионального бытия человека, ориентирован на его жизненную перспективу, определяет его способности к решению возникающих задач, поиску нетривиальных решений в нестандартных профессиональных ситуациях, непрерывной самореализации, саморазвитии. Своеобразным «ядром» личности будущего специалиста выступает профессионально-смысловой потенциал, который определяет гуманистическую направленность мировосприятия и миропонимания, действий и поступков самореализацию и саморазвитие.

Мировоззрение определяет содержательную сторону гражданской позиции, убеждения являются формой её существования, а мотивация поведения представляет основную функцию гражданской позиции.

Именно мировоззрение составляет ядро личности, именно мировоззрение состоит из ответов личности на вопросы: кто есть сам человек? какова его миссия на земле? кто я?

Гражданская позиция – это не всякое отношение и не всякий взгляд на любые вещи и явления, а те, что связаны с самим человеком и с его местом в обществе, в мире. Гражданская позиция – это не все усвоенные, и выработанные взгляды, а лишь те, которые регулируют поведение, определяют его (речь идёт об убеждениях). Это те убеждения, которые осознаются индивидом и могут быть предметом формирования и рефлексии.

Роль гражданской позиции нам видится в том, что она гармонизирует взгляды, чувств и поведение, регулирует действия человека, его поведение, влияет на выбор решений, выступает критерием самооценки и оценки поведения других людей.

Сформированность гражданской позиции делает студента субъектом деятельности, помогает ему сохранять в любых ситуациях человеческое достоинство.

Однако, гражданская позиция с нашей точки зрения, не может рассматриваться как завершённое монообразование в личности. Оно подвижно, меняется в зависимости от возраста, социального статуса и других факторов, и в тоже время обладает гибкостью. Это позволяет рассматривать гражданскую позицию как устойчивое образование и как механизм развития личности.

Характеризуя содержательную сторону гражданской позиции, следует отметить её многоаспек-

тность, значимость каждого аспекта очевидна, так как их сформированность позволяет судить о гражданской зрелости. К такой содержательно характеристике относим следующие аспекты:

– нравственный – стремление к справедливости, сострадание, сопереживание, сочувствие, милосердие. Это те качества, которые лежат в основе гражданственности и без которых невозможно человеку строить отношения с другими людьми;

– правовой – предполагает знание человеком законов государства, что и позволяет ему выстраивать свой образ жизни, своё поведение в соответствие с этими законами. Знание законов дисциплинирует человека и позволяет ему чувствовать себя свободной личностью, так как он исходит из правовых актов, что и позволяет ему избежать конфликтности и напряжённости в отношениях;

– политический – предполагает знание и умение человека оценивать политическую ситуацию в стране, сущность деятельности политических партий, движений, участие в политической жизни страны. Данный содержательный аспект гражданской позиции диктуется тем фатом, что в 18 лет молодые люди получают избирательное право, и должны быть подготовлены к его исполнению;

– культурологический аспект гражданской позиции – это знание истории своего народа, своего государства, своей культуры, что порождает чувство гордости. Обеспечивает связь поколений, предостерегает от ошибок, приобщает к достижениям в области науки, культуры, искусств. Способствует постижению истоков национального характера;

– мировоззренческий аспект представляет ядро гражданской позиции, определяет нормы поведения человека, является основным показателем гражданской зрелости человека.

Человек как существо социальное, как одарённый сознанием и свободной волей субъект, ежеминутно и ежечасно должен соотносить свои убеждения, идеалы, цели, устремления с наличными социальными условиями, далеко не однозначными. Как существо общественное человек вынужден сознательно отдавать предпочтение какому-то одному из многих вариантов поведения, избегая других как неэффективных, трудных, опасных, социально преследуемых, т.е. должен делать определённый выбор. В мировоззрении сфокусированы жизненно значимые ориентиры, весь многообразный опыт индивида по познавательному, практическому и эмоционально-оценочному освоению мира. Вне глубоко личной освоенности знания о месте человека в мире, смысле и возможностях его действий, нет, и не может быть мировоззрения и, следовательно, гражданского сознания, гражданской позиции.

Индивид, не имеющий мировоззрения, не способен стать личностью. Через индивидуальное мировоззрение социальная группа, общество осуществляет духовную интеграцию вступающего в общественную жизнь человека в определённую систему ценностей, поэтому формирование мировоззрения выступает важнейшим механизмом гражданского становления личности.

Итак, гражданская позиция, содержание которой составляют правовая, нравственная, политическая, мировоззренческая, культурологическая и другие стороны, проявляется, как способность личности правильно понять своё окружение, проблемы, дать оценку событиям политическим, экономическим, отстаивать свою точку зрения, проявлять ответственность и активность. Сущность гражданской позиции представляет, следовательно, совокупность определённых качеств личности, которые можно рассмотреть с точки зрения юридической, социально, этической, педагогической. С юридической – это правовая характеристика гражданской позиции: знание и выполнение конституционных прав и обязанностей, выполнение гражданского долга. Социальная характеристика гражданской позиции отражает взаимоотношения человека с обществом и государством. Не может гражданская позиция быть безнравственной: патриотизм, готовность служить Отечеству, толерантность – это те качества, без которых не мыслится гражданин, любящий свою Родину.

Библиографический список

1. *Розенталь М.М., Юдин П.Ф.* Философский словарь. – М., 1996.

2. *Пидкасистый П.И.* Педагогика: Учебное пособие для студентов пед. учебных заведений. – М.: Педагогическое общество России, 2002.

3. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Учебное пособие для вузов. – М.: Школьная пресса, 2000.

ФИЛОЛОГИЯ

Т.Е. Никулина

НОМИНАЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ВОСПИТАТЕЛЬ», «ПЕДАГОГ» В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: УТРАТЫ И ПРИОБРЕТЕНИЯ

Нам кажется недостаточным оставить тело и душу детей в таком состоянии, в каком они даны природой, – мы заботимся об их воспитании и обучении, чтобы хорошее стало много лучшим, а плохое изменилось и стало хорошим.

Лукиан

Слова со значением «воспитание, образование», привычно употребляемые нами в повседневной действительности, образуют своеобразный и удивительный мир, в котором есть свое место тайнам и загадкам, своя «линия жизни».

Попробуем внимательнее присмотреться к группе слов с общим значением «лицо, которое воспитывает, обучает чему-либо».

Обращение к словарям разного временного среза позволяет увидеть основные закономерности в развитии слов данной тематики, проследить пути утрат и приобретений отдельных лексем в языке, подойти к разработке вопросов, связанных с активно развиваемой в современной лингвистике теорией языковой картины мира.

Несомненный интерес представляет история существительных с общей семантикой «воспитатель», «педагог» уже в древнейший период развития языка, период XI–XIV вв., намечающий важные последующие преобразования в группе. Здесь по понятным причинам не обойтись без сопоставительного анализа лексики, зафиксированной в памятниках старославянской и древнерусской письменности: глубокие корни нашей культуры, образования тесно переплетались с корнями культуры старославянской с момента христианизации Руси, начала там книжного учения.

Заглянем в авторитетные лингвистические словари. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского «цепочку», объединяемую понятием «воспитатель», «педагог», составили лексемы **вѣдокъ, казатєль, кърмитєль, кърмичичъ, наказатєль, пѣстоунъ** [1]. В словаре старославянского языка зафиксированы слова **казатєль, наставьник, поучаливъ, пѣстоунъ, оучитєль, равви** [2].

Общий набор слов в древнем языке уже давал достаточно разработанное представление о человеке, который наставляет, поучает, обучает, поэтому «ведущие» лексемы (архилексемы) сохранились в основном словарном фонде нашего языка по сей день – **учитель, наставник, раввин** (в словаре старославянского языка слово отмечено в значении «учитель, наставник» и идет с пометой «др.-евр.»; ср. в современном толковом словаре: «В иудаизме: служитель культа, духовный наставник, руководитель религиозной общины» [3, с. 638]).

Вместе с тем при постоянстве основных лексем в истории нашего языка в анализируемой группе слов обозначаются два противоположных процесса: процесс утраты ряда лексем с одной стороны и процесс обогащения – с другой.

Какие же наименования и в силу каких причин оказались неактуальными для носителей русского языка с течением времени?

Открыть «список утрат» хотелось бы существительными **казатель, наказатель.** Появление данных слов в номинациях со значением «лицо, которое воспитывает, обучает чему-либо» связано с тем уровнем народного сознания, когда непременным «участником» воспитания и обучения была система наказаний. Воспитание толкового человека, как известно, не мыслилось без физического или морального (через словесное поучение) наказания, и в этом плане слова **казатель, наказатель** со значением «наставник, учитель» более чем выразительны, уточняли в том числе одну из социальных функций воспитателя, педагога в древнем обществе. Здесь уместно вспомнить, что само начало книжного обучения на Руси носило насильственный, принудительный характер, на что прямо указывает «Повесть

© Т.Е. Никулина, 2006

временных лет». После известия о крещении Руси в ней сообщается, что князь Владимир *«нача поимати ѹ нарочитыє чади дѣти* (очевидно, считают историки, это дети социальной элиты) *и даꙗти нача на оучєниє книжноє...»* [ПВЛ, I, с. 81, цит. по 4, с. 14]. В летописи подчеркивается, что *«матєри жє чадъ сихъ плакѹхася по нихъ, ащє бо нє бяхѹ ся оутвєрдили вѣрою,но акы по мєртвєци плакахся»* [там же].

С течением времени само обилие слов, выражающих одно понятие, неизбежно должно было сократиться, и линия **казатель – наказатель** в значении «наставник, учитель» исчезает из языка, хотя иные слова с корнем *-каз-* с прямым номинативным значением сохраняются (**наказание, наказать, казнь** и др.). Впрочем, народная мудрость весьма долго помнит смысл глагола **казнити**, связанный с воспитательной тематикой. Так, в известном Домострое XVI в. читаем: «Казни сына своего измлада…» (т.е., воспитывая с малолетства, поучай, наказывая).

Кратко обозначим судьбу слов с корневой морфемой *-вѣд-*, чередующейся с *-вод-* (ср. веду – водить). В древнерусских текстах встречается слово **вѣдокъ** в значении «наставник, воспитатель». Сейчас в русском языке этого слова нет, не фиксируется оно и словарями XIX в., но в них представлен ряд сложных образований с корнем *-вод-*, актуализирующих значение «наставник, учитель, воспитатель» и различающихся на словообразовательном уровне: **детовод, детоводец, -дица, детоводитель, -ница** [5, т. 1, с. 438]. Отмечаются также слова **детоводство** «воспитание детей», **детоводствовать** «воспитывать, образовывать детей» [там же].

Почему же данный ряд исчез в русском языке? «Виновником», очевидно, выступают слова с корнем *-педагог-*. Несмотря на то, что слово **педагог** греко-латинского происхождения, оно было заимствовано русским языком из западноевропейских лишь со второй половины XVIII в., в русские словари попало с 1776 г. Слово **педагогика** впервые фиксируется в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. [6, т. 2, с. 16]. Таким образом, «чужое» слово закрепилось в языке и постепенно устранило систему собственно славянских наименований с корнем *-въд- /-вод-*.

В наших рассуждениях оказалось наиболее важным проследить за семантическими трансформациями слов с и.-е. корнями *pit, *kъrmь (*-корм-*). Обе праформы на базе исходного значения «пища», «корм» путем метафорического переноса начинают активно формировать словообразовательные гнезда, объединяемые общим семантическим признаком «воспитание», «воспитывать».

Свою систему обозначений, связанную с воспитательной тематикой, формируют слова с базовой единицей *kъrmь. В старославянском языке зафиксирован глагол **въскръмити** в значении «воспитать» [2, с. 151], в древнерусском – глагол **кърмити** «воспитывать» и его производные существительные **кърмитєль, кърмичичь** со значением «воспитатель» [1, т. 1, 1406; 1407].

Параллельно словообразовательный ряд начал развиваться и на основе праформы *pit. В старославянском языке на базе первичного значения корня у глагола **питати – въспитѣти** благодаря метафорическому переосмыслению родилось значение «воспитывать, воспитать» [2, с. 256]. К названным словам примыкает и существительное **пѣстоѹнъ** в значении «воспитатель, наставник» [2, с. 561], которое, как указывается в «Этимологическом словаре» М. Фасмера, связано чередованием гласного с **питать, петаться** [8, т. 3, с. 251]. Сразу заметим, что слово **пестун** в значении «тот, кто пестует, воспитывает кого-нибудь» фиксируется и в современных толковых словарях, но уже с пометой «устаревшее» [3, с. 505]. В русских народных говорах до сих пор бытуют словообразовательные варианты **пестунья – пестуница – пестуха,** в какой-то мере поддерживающие жизнь литературного слова **пестун** [9].

Очевидно, что уже с момента своего возникновения два гнезда с базовыми компонентами *pit, *kъrmь вступили в конкуренцию между собой и постепенно по причине языковой экономии средств должны были распределить свои права и обязанности в русском языке. Победить мог любой вариант, но с течением времени слова с корнем *pit полностью семантически перекрыли слова с корнем *kъrmь в значении «воспитать». Случайно ли это? Думается, начальный этап разграничения наметился уже в древности. Старославянское по своему происхождению существительное **пища,** судя по сочетаниям его с другими словами (в Словаре старославянского языка указывается на переносное значение этой лексемы в сочетаниях типа *небесьская пища, райская пища* [2, с. 447]) первоначально уже ассоциировалось не только с физической жизнью человека (без пищи

существование нашего бренного тела невозможно), но и с жизнью духовной. В народном мировидении это высшая сущность жизни, важнейшая из всех жизненных ценностей.

Подобной линии развития не наблюдается у лексемы *kъrmь. Отсюда последовательно понижается стилистический ранг (планка) возникших в языке обозначений с корнем *-корм-*, объединенных понятием «воспитывать». Существительные **кърмитель, кърмичичь** в значении 'воспитатель' исчезают из нашего языка, вероятно, вследствие конкуренции более сильных синонимов с корнем *pit (о них мы поговорим ниже).

В то же время в «этимологической памяти» народа еще сохраняется когда-то сформировавшаяся тенденция соотносить с темой воспитания и производный ряд с базовым элементом *kъrmь. «Что вспоено, что вскормлено, то и выросло», – читаем русскую пословицу о воспитании у Даля [5, т. 1, с. 248]. В русских говорах зафиксированы слова **выкормыш, кормёнок** в значении 'неродной, приёмный ребенок' [9, вып. 5, с. 141], **кормленый, вскормленный** – о приёмном ребёнке [9, т. 1, с. 171].

Наконец, нельзя обойти вниманием и факт сохранения в языке церковных служителей глаголов с корнем *-корм-* в значении 'духовно подпитывать'. Подкрепление этому находим, например, в речи Московского патриарха Алексия II, в которой говорится о том, что после закрытия в 1946г. греко-католического прихода униаты «*духовно окормлялись* в храмах русской православной церкви» (Наука и религия. – 2005. – №10). Старославянская форма **вскормить** в значении «вырастить, воспитать» (со стилистической пометой «высокое») продолжает функционировать в современном русском языке [3, с. 101].

В целом, как указывалось, слова с корнем *pit победили в конкуренции слова с корнем *kъrmь с общим значением «воспитать» и развили со временем богатое словообразовательное гнездо, архилексемой которого выступает слово **воспитание.** Данное ключевое слово приобрело известное всем значение не сразу. В памятниках старославянской письменности **въспитание** обозначало… домашний скот [2, с. 153], несмотря на то, что у глагола **вспитѣти,** кроме первичного значения «вскормить» уже актуализировалось и значение «воспитать» [2, с. 153]. Показателен и тот факт, что древнейшему периоду развития языка, согласно словарям, было неизвестно существительное **воспитатель** (его появление шло в русском языке от глагола **воспитать** по аналогии со словами типа **учитель**, **детоводитель**). В истории языка слово уточняло свою семантику. Так, ещё в XIX в. оно означало «в *низшем значении* вскармливать, возращать (о растении), кормить и одевать до возраста; в *высшем значении* научать, наставлять; обучать всему, что для жизни нужно» [5, т. I, с. 249]. Ср. в современном русском языке **воспитатель:** 1) человек, который воспитывает; 2) специалист, занимающийся воспитательной работой [3, с. 98].

Проводя сравнительно-сопоставительный анализ номинаций со значением «воспитатель», «педагог» в истории русского языка, нельзя пройти мимо «капризов» в развитии исследуемой группы, связанных с XVIII–XIX вв. Выявленный материал этого времени свидетельствует о явной словарной избыточности, лексической пестроте, существующей как в группе «воспитание, образование» в целом, так и в лексико-семантической подгруппе с общим значением «воспитатель», «педагог» в частности. Вопреки схеме языковой экономии язык поступает подчас «наоборот», выражая одно и то же понятие несколькими словами или словообразовательными вариантами. К примеру, в словаре В.И. Даля отмечаются словообразовательные дериваты **учитель – выучитель – изобучитель – обучатель – обучитель,** а также **наставник – наставитель**, (все эти слова идут у автора без каких-либо областных помет; диалекты, без всякого сомнения, добавляют свое в копилку сведений по исследуемой теме: **учильщик, учильщица…**).

Внимательный к любым оттенкам в значениях слов, Даль не оставляет без комментария различия у синонимов **наставник** и **наставитель.** Показывая у данных существительных общее значение «учитель или воспитатель, руководитель», лексикограф указывает, что **наставитель** может быть таковым случайно, а **наставник** – «по прямой обязанности» [5, т. III, с. 474].

Напомним и тот факт, что русский язык послепетровской эпохи стал открыт западноевропейским влияниям, отсюда в изучаемую нами группу, кроме упомянутого выше слова **педагог,** приходит и существительное **ментор** (лат.) «руководитель, учитель, наставник, воспитатель, неотступный надзиратель чей-либо» [5, т. II, с. 318] (в современном русском языке в значе-

нии «наставник, воспитатель» слово ментор признается как устаревшее – см. [3, с. 350]).

Дальнейшее развитие в русском языке группы «воспитатель», «педагог» идет по пути отбора, устранения полиномии (т.е. множественности наименований), уточнения в семантике. Современным носителям языка для выражения рассмотренного понятия достаточно хорошо известных слов **воспитатель – учитель – педагог – наставник – преподаватель.**

Библиографический список

1. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. – М., 1958.

2. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Цейтлин. – М., 1994.

3. *Ожегов И.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 2005.

4. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVIII вв.). – М., 2002.

5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1989–1991.

6. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М., 1994.

7. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии наук: В 2 т. – СПб., 2001.

8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М., 1964–1973.

9. Словарь русских народных говоров. Вып. V–VI. – М.; Л., 1970.

Н.С. Ганцовская

ЛЕКСИКА МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОВОРАХ ЧУХЛОМСКОГО, ГАЛИЧСКОГО И СОЛИГАЛИЧСКОГО УЕЗДОВ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (по материалам «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева)

В первом томе впервые изданных в 2004 г. материалов «Этнографического бюро» кн. В.Н. Тенишева («Бюро» было создано в 1897 году) «Русские крестьяне. Жизнь, быт, нравы» содержатся сведения о социально-культурной жизни русского крестьянства Верхневолжского края, в том числе и Костромской губернии. Это «результаты личных наблюдений и личных расспросов крестьян внештатными сотрудниками (корреспондентами)» [6, с. 6], в том числе и крестьян семи костромских уездов, из которых в трёх, Чухломском, Галичском и Солигаличском, проживало акающее население. По мнению составителей «Бюро», описываемый «верхневолжский край представлял собой территорию компактного расселения русского народа, имел на протяжении нескольких веков стабильное население, сохранявшее достаточно долго традиционный образ жизни…» [6, с. 6].

Из материалов «Бюро» можно извлечь значительный корпус лингвистических материалов, содержащих сведения о лексическом составе костромских акающих говоров, об их семантико-структурных и функционально-стилистических особенностях, дополняющий уже известные сведения о местной лексике и дающий им более узкую географическую атрибуцию или же сообщающий что-то новое.

В «тенишевских» материалах представлена производственная лексика полеводства, животноводства, сельских ремёсел и промыслов, бытовая лексика и слова, относящиеся к области духовной культуры, слова, обозначающие природные явления, непредметная лексика и устойчивые обороты. Локально окрашенная лексика традиционной крестьянской культуры конца XIX– нач. XX веков материалов «Бюро» В.Н. Тенишева, впервые рассматриваемая нами, поможет установить типологию чухломских, солигаличских и галичских говоров, составляющих ядро Костромского акающего острова.

Лексика по теме «Дом, строительство, ремёсла, промыслы» частично описывалась в нашей статье «Лексика говоров Костромского акающего острова в материалах «Этнографического бюро» В.Н. Тенишева» [3]. Здесь мы анализируем те материалы «Бюро», которые не рассматривались нами ранее.

В материалах «Бюро» широко представлена лексика плотницкого мастерства. Эта професси-

© Н.С. Ганцовская, 2006

ональная лексика, используемая при строительстве северной избы, носит в большинстве случаев междиалектный характер. Вследствие этого ограничимся её перечислением с приведением цитат, более детально характеризуя лишь некоторые её составляющие: *скобель, струбы, струг, стулья (дуры, закомелистые сосны), <> пить закладочную, кантовать, кантованные брёвна, «отхлёстывать ниткой черты», «откалывать лишень», «причеркивать брёвна чертой», черта, паз, чашки (зарубы), барец, «рубить избу в мох и на паклю»*, *зауголки*, «*рубить в чашку», «рубить в лапу», лапа: «чтобы лапа не разъезжалась, рубят в лапу с курдюком, т.е. в одной лапе оставляют выступ – зуб, а в другой соответствующее гнездо, в которое и входит курдюк», «крышу кроют конём на два ската или колпаком (на четыре ската)», шипы, самцы, <> скамливать дерево, слеги, спичники, спицы, застрехи, «делать потолок «в шпрунт и паз», теплый пол, сплотить пол, фризы «доски, составляющие половую раму», ус, плинтуса, галтель, нарядить избу, нарядка избы, вершники, подоконники, дверные полотенца, рамы и др.* [6, с. 165–167]. Часть приведённых терминов и словосочетаний терминологизированного характера, устойчивых оборотов – заимствованная лексика (*фризы, шпрунт, плинтус, галтель, кантовать, барец*), но в большинстве случаев это общераспространённые слова с особым функциональным использованием в качестве названий, относящихся к плотницкому делу. Среди них есть лексика диалектного происхождения: *причеркивать, закомелистый, безымянники, прозор, лежня, стулья, дура.*

Слово *причеркивать* как термин становится в полной мере понятным по ближайшему значению и лексическим связям из нижеследующего контекста: «*чтобы один ряд пришёлся к другому плотно, брёвна причёркивают друг к другу чертой. Черта – особый железный инструмент, напоминающий два согнутых растопыренных ногтя. Причертив брёвна…»* [6, с. 166] *Черкать, чиркать* ‘боронить’, однокоренные к *причёркивать,* но из сферы полеводства, упоминаются, например, в лексических материалах Ф. Покровского, относящихся к Солигаличскому и Чухломскому уездам [5], в материалах «Лесных сборников» КНОИМК [4], в ЯОС ‘боронить землю перед или после посева’ [11, с. 57]. Есть они и в наших наблюдениях над солигаличскими говорами: «*Вон муж грядки чёркает»* (с. Жилино Солигаличского района, 2004 г.).

Слово *стул* некогда имело широкую сферу применения, но его исходное, как кажется, значение «отрубок бревна, чурбан, кряж, стоячая колода, для прочной подставы подо что либо» [8, т. IV, с. 348] сохранилось только в терминологии народного плотницкого дела. С ним по значению связано также народно-разговорное слово *дура*, которое также приобрело функционально-терминологический характер и в этом плане ограничило свою семантику: ‘стул – это та же дура, но в специализированном употреблении’: «*Избу ставят на стульях – обыкновенно по одному по углам, да по одному под серединой избы. Для стульев вырубают особые дуры – так называют толстые сучковатые смолёные сосны, которые очень закомелисты, потому они и дуры*» [6, с. 166].

Лексика по теме «Ремёсла, промыслы» представлена небольшим, но выразительным количеством хорошо иллюстрированных ключевых слов, характерных для производственной деятельности крестьян междуречья Костромы и Унжи. Это термины лесосплава, в основном по реке Костроме в период половодья: *кошмы («плоты дровяного леса»), кошемный лес, лес липовый и сухоподстойник, чёточный лес, двоеплот, прохватки* [6, с. 316], *сплавной лес, сгон («Весной становой приезжает для проверки сплавного леса и выдачи билетов на сгон»* [6, с. 312]. Лес вывозится в *полой («маленькая речка или ручей, впадающие в р. Кострому)* [6, с. 316]. Профессиональную лексику охотников представляют слова и устойчивые обороты: <> *жить в застое* ‘жить в лесу зимой’, *зимовка* ’избушка для жилья’ [6, с. 318, 341]. *Чухонское масло* издавна изготовляли в Солигаличе, который и до сих пор славится своим сыром и качественными молочными изделиями.

Большая часть мужского населения галичского, чухломского и солигаличского уездов почти целый год занималась производственной деятельностью в больших городах, главным образом в Санкт-Петербурге. Сложилась специальная лексика и фразеология, обозначающая «отходников», их труд, образ жизни: *питерщики*: *«питерщики в деревне законодатели мод, считаются первыми женихами <…> в летнее время вся молодёжь до выгребу в Питере», <> работать по Питеру* [6, с. 174], <> *липовая ма-*

шина ('этап'): *Ну, и пьёт тамоди (в Питере) всё лето, домой – ни копейки. На липовой машине не раз прибывал домой-то…* [6, с. 225]

Профессиональная лексика в узком онимическом пространстве деревни нередко получает функцию бытовой. Так, слово *обрата* 'узда' в следующем контексте употребляется не по своему прямому назначению: «Дедушка-то и начал жарить её обратою…Всю спёк [6, с. 119]. В свою очередь общераспространённая лексика в говорах как правило выступает в функции термина: *сбруя с набором* (солиг. [6, с. 312]), где *набор* 'медные бляхи, украшение сбруи'. Слова *помочь, помочи* в чухломских говорах употребляются в типичном для русских говоров значении 'общая работа в одном хозяйстве'. Подобная лексика многофункциональна, и её значение можно расчленить на несколько сем: 1) сема коллективной работы, формы производственной крестьянской деятельности, экономический аспект проблемы; 2) сема «помочи», поддержки, культурно-этический аспект проблемы; 3) сема бескорыстной формы труда, без оплаты, только за угощение, национально-культурный аспект значения. Также многофункциональны лексемы *выдел («когда отец отпускает сына»)* и *раздел («когда братья после родителей делят имение)* [6, с. 242]. Это и культурно-экономические термины, воплощающие формы сельскохозяйственной производственной деятельности (основной номинативный аспект значения слова) и семейного права, и прагматически окрашенная лексика оценочного характера. Также объёмно значение характеризующего наименования *бескобыльники,* где совмещены аспекты социально-экономического и экспрессивно-аксиологического характера [6, с. 243]. Слово *влазень «зять, примак, живущий в доме жены»* обозначает понятие социально-экономическое и важно для понимания не только родственных отношений, но и производственных, поскольку зять в доме жены – это не хозяин, а почти что батрак. Слово *влазень* до сих пор не было зафиксировано в костромских говорах. По данным СРНГ, оно известно в тверских, пензенских, ярославских, уральских говорах. Как говорит М.Е. Щербакова, в тверских говорах словообразовательный тип, обозначающий лицо по выполняемому им действию, «обладает довольно высокой продуктивностью», а слово *влазень* 'зять, принятый в дом тестя' имеет то же значение, что и в материалах «Бюро» Тенишева [7, с. 42].

Назовём отдельные лексемы из других сфер деревенской производственной лексики: *одержи («отбросы от трепания льна»)* [6, с. 343], *подпаривание («осенняя вспашка земли под яровое»)* [6, с. 345], *веренька, намёт, сак («крестьяне ловят рыбу вереньками и намётом – «саком»)* [6, с. 218], *барабанка («деревянная доска, в которую стучит пастух двумя палочками»), черёд («кормят пастуха по череду»), незажитые деньги* 'заплаченные вперёд, не отработанные' (чухл. [6, с. 383]), *рукомесло по шорной части* [6, с. 224].

В целом хорошо узнаваемая в качестве севернорусской лексика по теме «Лес» представлена в материалах Бюро достаточно объёмно и разнообразно, причём в текстах как правило даётся мотивировка названия, многие лексемы семантизируются более отчётливо, чем в известных до сих пор источниках. Таково, например, слово *каточижник* 'папоротник' [6, с. 169], с отражением, по-видимому, аканья и, вероятно, того же гнезда, что и слово *коточиг* 'кочедык'. В СРНГ слово *коточижник* описано так: «Растение Aspidium Filix mas Sw., сем. многоножковых; щитовник. Костром. 1878, Волог. Слову *курпаг* 'овраг': «*Только вдруг попадает в такие курпаги (овраги), что упаси господи!»* [6, с. 226] нет полного соответствия в словарях ни по форме, ни по значению. В ЯОС и СВГ его нет, а в СРНГ есть варианты *курпага,* волог. '1. глубокое место в реке и 2. яма с водой в поле, на лугу' и *курпажина,* влад. 'ямка в лесу, выбоина на дороге'. Сама лексика по теме «Лес» представлена системно как целое множество и подмножества лесных названий флоры и фауны с точки зрения хозяйственной пригодности для человека: охотника, лесоруба, собирателя грибов и ягод и т.д. Лес и его части, растения в лесу, грибы, виды почв: *смешанный дровеник («из ели, сосны и берёзы»), волок («сосновый бор»,* по-видимому, топоним – *Н.Г.*), *рамень («вековой, могучий, тёмный, безжизненный лес, тянущийся на десятки вёрст»), игольник («толстый слой веками накопленного игольника»), чёрный лес* 'хвойный лес' *(да и лесу-то чёрного тамади нету), мужжевельник* [6, с. 224], *куманка, куманица* 'красная смородина', *жёлтая морошка, поленика, маклаки: «…по маклаки бегают, коло озера-то в болоте их годом всего живёт» –* 'жёлтая морошка', по данным ЯОС с вариантами *мохлаки, махлаки*, с пометами галич. и чухл., *склизуны, маслята* 'грибы маслята', *сухари* 'грибы (ка-

кие?)', *хрящ: «почва вся тяжёлая и к обработке неудобная. Суглинок с хрящом», окошко: «идёт, под ноги не глядит, да вдруг как ухнет в окошко (ключ в болоте). Сидит в окошке и что-то ни есть хуже страмится матерным словом…»* [6, с. 217].

Состояние атмосферы отражено в слове *хилок* 'резкий зимний ветер' [6, с. 222], есть два слова из области народной астрономии: *Гусиная дорога – 'Млечный путь'* [6, с. 221], *Кичижница – 'этим именем зовут крестьяне созвездие Большой Медведицы'* [6, с. 242].

Птицы, животные солигаличских лесов, приспособления для охоты на них упомянуты, как уже говорилось, в связи с промысловой деятельностью. Однако здесь есть и другой аспект рассмотрения: табуированные имена, например, *Мишка Раменский, Михайло Потапыч Топтыгин*, которые показывают, что, несмотря на то, что «*медведей стреляют с лабаза* (помоста)», они воспринимаются как «хозяева» леса, мифологические персонажи, объекты духовной культуры. «*Звирь-медведь*» носит также имена *овсяник («сосёт овёс»), муравейник («разрывает муравьиные кучи»).* Мотивом для охоты является также то, что *«медведи заедают коров на пастбище»*. «*Стерва, или падера – приманка из коровьей туши для меведя»*. Из птиц упомянуты только *рябок* 'рябчик', *дупаки* (слова нет в словарях, видимо, название какой-то птицы-дуплянки, которая гнездится в дупле – *Н.Г.*) [6, с. 171, 218, 306]. В цитатах из фольклора встречаются названия фауны также в качестве объектов духовной культуры: *метелёк* 'мотылёк': *Всем сестрицам по платочку / С золотыми метелькам* [6, с. 254]. Ср. в кологривских поунженских говорах: *Метелёчки на травах, мухи всякие, стрекозы… Летали всякие пташки и мительки* (Е. Честняков).

Кроме названий избы, из объектов материальной культуры более или менее детально представлены названия, связанные с темой одежды, обуви, головных уборов: <> *чёртова кожа, пестрядина* [6, с. 246], *гасник, гайтан, козак («бастин»)* 'женская кофта' (в ЯОС слово *бастин* обозначено цифрой 11 (Галичский район) в значении 'длинная кофта', синонимичное ему слово козак гораздо продуктивнее в костромских и ярославских говорах, в том числе и говорах КАО). *Армяк, дипломат, сукман* 'кафтан, поддёвка из домашнего сукна овечьей шерсти', *шубняк, нагольный шубняк, боры* (у поддёвки), *подстава и ворот* 'части женской рубахи' – названия широкого русского распространения, актуальные и для говоров КАО [6, с. 339]. Надо заметить, что в костромских и ярославских говорах слово *шубник* более частотно, чем слово *шубняк* в том же значении 'полушубок из шкуры домашнего животного'. Из названий обуви встречаем только общее именование *обутка* [6, с. 348], *отопки* 'стоптанные негодные лапти': *Уж как бабья-то красота / На печи в углу валялася, / Да с отопками смешалася* [6, с. 215], *ступни («делается из лент бересты особым инструментом, называемом кадочиг. Ступни надеваются на босую ногу, идя на двор к скотине, летом – во время жнивья»)* [6, с. 247]. Общерусское слово *шлык* («*головной убор женщины (вроде чепца под платком)*» отмечено в солигаличских говорах. Относительно его ареальных связей Е.Г. Бурова и Л.Л. Касаткин пишут следующее: «В территорию костромского акання приблизительно вписывается изоглосса распространения слова *шлык* в качестве названия старинного женского головного убора (карта 2). В говорах северного наречия его не отмечают (единственный раз – в Горьковской обл.), зато оно встречается в говорах южного наречия: в районе Курска, Старого Оскола, Воронежа, Липецка, Борисоглебска, в нескольких районах Рязанской обл. Спорадически отмечено оно и в среднерусских говорах, в основном в акающих» [1, с. 82]. Однако в вышедшем в 1991 году последнем выпуске ЯОС содержатся сведения, расширяющие наши представления об ареальных связях слова *шлык*. Правда, в ЯОС нет прямого значения этого слова, а представлены модификации этого значения, метафоры в десяти районах Ярославской области: 1. Детский чепчик или капор. *Ребёнку надо сшить новый шлык…//* шапка из бересты…//капюшон. 2. Модная причёска. 3. Глиняная крышка для горшка // крышка с ручкой на чугунке [11, вып. 10, с. 78]. Безусловно, слово *шлык* уже в XX веке в своём прямом значении превратилось в архаизм, точнее историзм: давно не носят подобный наряд. Существующие производные значения слова в большом количестве ярославских севернорусских говоров говорят о его былом широком распространении не только на южнорусской территории, это же подтверждают и костромские материалы. Например, в известной статье Н.Н. Виноградова «Народная свадьба в Костромском уезде» [2] упоминается

слово *шлык* ‘головной убор замужней женщины’ как символ перехода девушки в иной социальный статус: «*Коли бабей шлык, так тому и быть* ‘Обряд, когда невеста после венчания, когда её «крутят», становится женщиной’.

Тема «Роды. Дети. Народная медицина» представлена традиционной для костромских говоров лексикой и фразеологией: <> *с чрева прибывать* [6, с. 227], *пригулыш* [6, с. 181], *повойка (бабка-повитуха),* <> *повить ребёнка, поводок: «родив ребёнка, она сама и повьёт его, т.е. откусит поводок (пуповину) и перевяжет ниткой* [6, с. 234], <> *робячья баба: «баба была робячья: дети, значит, у ей были* [6, с. 227], *божатка* ‘крёстная мать’, <> *крестовый крестник* ‘ребёнок’, <> *крестовый крёстный* ‘восприемник’. Солигаличские и галичские термины, обозначающие детскую подвесную кроватку, обычны для костромских говоров: *зыбка, колыбель, люлька,* как и слова *зыбельня* – ‘гибкая жердь, очеп, на который подвешивают зыбку, который просовывается в железное кольцо, ввёрнутое в потолочницу (матицу, балку)’ [6, с. 235, 252, 348]. Сама *зыбка* может быть *драчатой* (из дранки?) или *брудной* (знач.?) [6, с. 252]. Слово *печеница* ‘синяк ’ и глагол *спечь* ‘избить до синяков’ широко представлены в восточных костромских говорах, записаны они и в Галичском уезде: «*Дедушка-то и начал жарить её обратою…Всю спёк <…> Аккурат, как обратой-то он её хлестал, печеницы-то все обозначились*» [6, с. 169], также и слово *упокойник: «Там упокойнички-то прайские, с панафидой хоронены, отпеты, значит»* [6, с. 227]. В Солигаличском уезде *домовище* ‘гроб’ [6, с. 361]. Тематически соприкасаются с лексикой «медицинской, похоронной» тематики и названия ритуальной еды на поминках: *кутьи и овсяного киселя с сулоем,* обычными в костромских говорах.

Лексика духовной культуры. На страницах 255–258 материалов «Бюро» по Галичскому уезду приводятся названия детских игр: *хоронёчки, горелки, жировишки, чижик, шарик, лодыжки, клин-баба* и их описание. Названия игр традиционны, по-видимому, уходят в глубокую древность, как и сами игры, но достаточно легко этимологизируются. Некоторые повсеместно распространены и их названия известны и сейчас, иногда в изменённой форме или в виде синонима: *горелки, хоронёчки* (под Костромой *хоронячки, прятки*). *Жировишки* от *жировать* ‘шалить, играть, бороться (в шутку)’ (СРНГ), пожалуй, самое общее название для детских подвижных игр. В СРНГ зафиксировано слово *жировня* ‘игра, возня с хохотом’ с пометами пенз. 1852, тамб., курск., однако слова с этим древним корнем вполне могли сохраниться и в севернорусских говорах, может быть, они ещё не попали в поле зрения лексикографов. Слов *жировишки, лодыжки, клин-баба* нет в словарях, но есть в СРНГ однокоренные им *лодыга,* родственное слову *лодыжки*, ‘игра в бабки’ (Черепов,. Новг.), *клин* ‘игра чиж’ (Курск., Слов. Акад. 1910). В галичских говорах, по материалам Бюро, сложное слово *чиж-баба* показывает, что это также разновидность игры в *бабки, лодыги, лодыжки*, т.е. кости животных.

Свадебная лексика традиционна для севернорусских говоров, много в ней общерусских терминов,: *девья красота, дружка, молодой, пропой, сговор, отзовины* [6, с. 185, 206], *вывод, отвальная, сговорёнка и др.* (см., например, лексику данной тематики в упомянутой выше статье Н.Н. Виноградова «Народная свадьба в Костромском уезде» и др. подобные работы), но встречаются и местные названия: *однокоска* (‘незамужняя женщина’: «*Однокосок на пропоях невесты за стол не сажают. Их дело – составлять хор, петь застольные песни… Кормят их у невесты особо, на другой день»* [6, с. 196], *протяжка* (‘иголка без ушка’: «*…от порчи…в венчальное платье невесты втыкается несколько штук протяжек (иголок без ушка*)»), *подняться* (‘накопить денег на свадьбу, разбогатеть’: «*если у родителей денег нет…, то они отказывают жениху, говоря, что невеста молода, подождёт, да и подняться теперь не на что*»), *вывод, выводное* (‘выкуп за невесту со стороны родителей жениха’: «*Здесь такое заведенье: / Девиц даром не дают – / Все по выбору берут. / Невелики вывода – / Девяноста два рубля. / Если выводу не дашь, / Вам отвальную сейчас»* [6, с. 184], *покладка* (‘договорённость родителей жениха и невесты относительно приданого невесты и даров со стороны жениха’: «*потолковать о покладке на свадьбу»* [6, с. 185, 238], *покладываться («об этом покладываются словесно, по-домашнему, за чашкой чая»* [6, с. 185], *позыв* (приглашение: «*В среду молодой с женой едет в деревню с позывом на праздник»* [6, с. 239], *собина* (подарок, посылка от мужа из Питера своей молодой жене; чаще это «денежка»:

«Эта особая денежная посылочка называется «собиной». Бабы её очень любят» [6, с. 216].

В материалах «Бюро» есть сведения и о стряпне, связанной со свадебным обрядом: *папошник* (‘хлеб из белой муки’: «*папошник с песком, который подавался на отдельных блюдечках в качестве угощенья на пропоях невесты*», *закуски «маленькие пряники»*, *каравайцы «белые хлебцы»* [6, с. 187]. Это обычная, но лучшая крестьянская пища. Ср. с названиями повседневной еды костромского крестьянина, которому собственного хлеба хватало только до Рождества и который вёл полуголодный образ жизни: виды запеканок *картофельник, брюквенник, черевник, хлеб с отбоями* ‘мякиной’ («*ввиду экономии хлеб многие пекут с отбоями»* [6, с. 340–341], *каравай* ‘ржаной хлеб круглой формы’ («*починать целый каравай не полагалось»* [6, с. 350]. Есть в репертуаре солигаличских названий выпечных изделий и слово *пряженик* ‘пирожок, жаренный на сковороде’, характерное для восточных северновеликорусских говоров. Слово *сполина* в галичских говорах имеет значение ‘*шелуха от овсяной крупы, её прибавляют к солоду для варки пива* ’ [6, с. 175]. Название корма для коровы *меска* и по принципу номинации и по значению обычно для севернорусских говоров: «*солома ржаная… режется, обсыпается мукой и обливается горячей водой»* [6, с. 246].

В иллюстрациях к специализированной ритуальной лексике немало примеров лексики и фразеологии иного характера, иногда узко местной. Например, устойчивый оборот <> *ухо от лоханки*, включённый в следующий контекст: «*Стараются найти дружку, чтобы был деловой, чтобы он кой-что знал, а не* ***ухо от лоханки****»* [6, с. 197]. Есть и обратные примеры, когда в одном контексте сопряжены слово конкретной лексики – по теме «Природа» (*окошко* ’ключ, провал в болоте’), просторечное *страмится* – и мифологическое название в форме табу (*он* ‘леший’): «*сидит в окошке и что то ни есть хуже страмится матерным словом, да вдруг и помяни «его». – Это лешего, что ли?*» [6, с. 194]. Также в материалах имеются и другие табуированные названия чёрта: *чёрный, левый, нечистый, леший* [6, с. 223]. По-видимому, мифологического происхождения и обычный в костромских говорах апеллятив *чудная*: «*Знаю, чудная, что расход и по дому есть, да ведь и оброк платить надо!»* [6, с. 223]. Вообще для крестьян, образ жизни которых тесно связан с лесом, полном таинственных явлений, образы мифологических человекообразных лесных (и домашних) существ составляют немалую часть его культурного багажа. На эту тему в материалах Бюро есть развёрнутые иллюстрации. О домовом: *«Он всех оберегает и дом блюдёт, коли в дому ему всё помысля»* [6, с. 227]. О лешем: «*Наконец сполохнулся, что тут дело неспроста – «его» работа, «чёрного», то-исть… снял он парки и рубаху и спинжачишко да всё эфто и вывороти наничь. Да куды он вышел-то? Ну-ко, паря, под Подойково. Вона куды «он» увёл Гордеича-то. Тамотка и болота-то нету, эфто «он» беспременно казал ему болото»* [6, с. 224]. *«Кабы он не загнал (не забиячил), так, може, и «чёрный» бы ничего не стал ему поганить»* [6, с. 226].

Лексика по теме «Праздники, развлечения». Слова общего характера по этой теме широко распространены в русских говорах, однако наименования, где представлена детализация понятия «праздничное собрание» по разным признакам, в большинстве случаев носит местный характер. Таков гипероним *беседа* [6, с. 174] и гипонимы *обыкновенная ежедневная беседа, супрядки «помочь для пряжи льна»* [6, с. 175], *братчина, вечер* (перед Рождеством, когда *«поют* ***проголосные песни*** *до сбора кавалеров»* и *ходовые песни – для каждого кавалера (по имени-отчеству), который ходит и выбирает девушку и целует её»* [6, с. 175], *съездки («к числу масленичных развлечений относятся «съездки». На эти съездки съезжаются все молодые семьи из всех соседних сёл»* [6, с. 239], *беседки* и *поседки, свозки («свозки девиц и невест со всех деревень»*), *святки* (*«трёхдневная свозка на святках»*), *братчины («девицы варят пиво и приглашают парней»*). В свою очередь и тут есть устойчивые названия некоторых севернорусских обрядовых элементов празднеств: <> *играм играть,* <> *ходьбам ходить* – ‘петь и двигаться по кругу’ [6, с. 366], <> *встать в круг* (‘танцевать’), <> *по закругу* (‘зрители’) [6, с. 307].

К числу любимых развлечений молодёжи относятся *качели: круговые* («*как карусель»*), *маховые, хлюпки («на деревянном бревне»)* [6, с. 368].

В списке глагольной лексики *баять, займоваться, зачать, имать, казать, марызнуть* ‘ударить’, *опростывать, отдаться («А назад-то отдался, у меня гасник порвался»* [6, с. 200], *пущать, убраться*, *помушнеть* ‘побледнеть’,

приобыкнуть, приставать ‘проживать’, *сполохнуться* ‘догадаться’, *телькать («если коровы долго нет, каждая хозяйка отправляется её искать и при этом телькает, т.е. кричит: «тель-тель-тель»* [6, с. 171], *убраться* ‘убрать, навести порядок’, обычной и для окающих говоров, есть глаголы, унаследованные из древнерусского языка (*баять, займоваться, зачать, имать, казать* и др.), экспрессивы (*марызнуть, сполохнуться*) и образованные на основе звукоподражания (*телькать*).

Состав наречий, местоимений и служебных слов материалов Бюро обычен для говоров северновеликорусского наречия и включает в себя немалое количество слов, в настоящее время устаревших или редкого употребления: *беспременно, вона, втупору, завселды, знамо, ейный, индо, крайки, коли, куды, покелева, тамотка, эфто, эфтот.* Прилагательное *хрушкий* ‘крупный’ и поныне характерно для галичских говоров: («*У реки было у реченьки… / Много наносу нанесло: / Много хрушкого и мелкого*…[6, с. 194]), то же относится и к слову *прайский* ‘хороший, порядочный’ («*Там упокойнички-то прайские, с панафидой хоронены, отпеты, значит»* [6, с. 227].

Лексические материалы Бюро В.Н. Тенишева являются бесценным источником для характеристики говоров междуречья Костромы и Унжи значительную часть которых составляют акающие говоры. Они показывают, что локально окрашенная лексика последних не отличается от лексики окружающих окающих севернорусских говоров, по крайней мере, по наблюдениям корреспондентов «Бюро» – местных жителей.

Библиографический список

1. *Бурова Е.Г., Касаткин Л.Л.* Чухломское аканье // Диалектные исследования по русскому языку. – М., 1977.

2. *Виноградов Н.Н.* Народная свадьба в Костромском уезде (Отд. отт. из VIII Трудов Костромского научного общества по изучению местного края). – Кострома, 1917.

3. *Ганцовская Н.С.* Лексика говоров Костромского акающего острова в материалах «Этнографического бюро» В.Н. Тенишева // Актуальные проблемы русской диалектологии. – М., 2006.

4. *Дюбюк Е.* Леса, лесное хозяйство и лесная промышленность Костромской губернии // Тр. КНО. – Вып. X. – Кострома, 1918.

5. *Покровский Ф.И.* О народных говорах северо-западной части Костромской губернии // Живая старина. Год седьмой. Вып. III–IV. – СПб., 1897.

6. *Тенишев В.Н.* Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы этнографического бюро. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. – СПб., 2004.

7. *Щербакова М.Е.* Суффиксальное словообразование имён существительных со значением лица в западных среднерусских говорах Тверской области: Дис. … канд. филол. наук. – Тверь, 2006.

8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1981–1982.

9. Словарь вологодских говоров. Вып. 1 / Ред. Т.Г. Паникаровская. – Вологда, 1983.

10. Словарь русских народных говоров. Вып. 1 / Ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сорокалетов. – Л., 1965.

11. Ярославский областной словарь: в 10 вып. / Науч. ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль, 1981–1991.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Лебедева И.В. *СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК. СИНТАКСИС СЛОВОСОЧЕТАНИЯ И ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ:* метод. пособие для студ. филол. факультетов. – Кострома: КГУ, 2006.

Шибаева Н.П. *МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД ПРИ АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПРАКТИКЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА:* метод. пособие / Рец.: Т.А. Водопьянова, И.П. Тихомирова. – Кострома: КГУ, 2006. – ISBN 5-7591-0763-1.

И.П. Верба

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ «МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ СЛОВАРЯ РУССКОГО НАРОДНОГО ЯЗЫКА» А.Н. ОСТРОВСКОГО

Постоянные наблюдения А.Н. Островского над народным языком нашли отражение в его драматургическом творчестве, переписке, многочисленных записях и привели драматурга к собиранию материалов для словаря русского народного языка. Единственным опубликованным источником изучения лексикографической деятельности А.Н. Островского являются «Материалы для словаря русского народного языка». Впервые они напечатаны в 13-м томе Полного собрания сочинений А.Н. Островского в 16 томах 1949–1953 гг. издания [6]. «Материалы…» опубликованы по копии, хранящейся в Институте языкознания Академии наук СССР (ныне Институт лингвистических исследований Российской академии наук), дополненной и исправленной по автографам музея имени А.А. Бахрушина, и снабжены кратким комментарием Н.Т. Панченко. Также «Материалы…» вошли в 10-й том Полного собрания сочинений А.Н. Островского в 12 томах 1973–1980 гг. издания, комментарии Т.И. Орнатской [5]. «Материалы…» в 12-томном собрании сочинений печатаются «по тексту первой публикации с дополнениями и уточнениями по рукописям» [5, с. 659]. В качестве дополнений включены 35 словарных статей.

Нами была проведена сверка опубликованных в ПСС «Материалов…» с архивными источниками. Это позволило определить, что явилось основой создания данных «Материалов…». В нашем распоряжении находился ряд архивных материалов, хранящихся в Государственном центральном театральном музее имени А.А. Бахрушина (далее ГЦТМ), а именно: «Словарь на карточках» б/д, черн. 23 листа [ф. 200, оп. 2, л. 60, д. 3240]; «Листки к словарю» б/д, черн., 39 листов [ф. 200, оп. 2, л. 60, д. 3241]; «Черновые заметки к словарю Даля» б/д, каранд. 13 листов [ф. 200, оп. 2, л. 60, д. 3242] и черн. 48 листов [ф. 200, оп. 2, л. 60, д. 3243]; «Разрозненные листки (материалы к словарю). 21 лист разного формата» [ф. 200, оп. 2, л. 60, д. 3243а]; «Опыт волжского словаря. Собрание слов, употребляемых на Волге и её притоках – относительно дна, берегов, заливов и прочее. Относительно судоходства, судостроения и других речных и береговых промыслов» б/д, черн., 60 листов реставрированы в 1957 г. [ф. 200, оп. 2, л. 60, д. 3244]; «Материалы путешествия по Волге» б/д, 309 л. [ф. 200, оп. 2, л. 60, д. 3245–3294].

Как известно, А.Н. Островский был большим любителем народного слова. Архивные материалы, перечисленные выше, не датированы, однако вполне естественно предположить, что языковые наблюдения постоянно проводились А.Н. Островским, а «Материалы…» явились результатом работы драматурга в течение всей жизни, что в определённой степени подтверждается дневниками Островского и его перепиской. Живую народную речь Островский слышал вокруг себя постоянно: в Москве, где провёл детство и юность, в кругу семьи и родственников, в Костроме, где до 1835 г. жил его дед Фёдор Иванович, священник Благовещенской церкви, у которого Александр Николаевич «…повидимому, в детстве не раз гостил…» [2, с. 88]. Не прошли даром для будущего драматурга и годы службы в Московском совестном суде, а также в канцелярии Московского коммерческого суда [см. подробнее: 3]. Необычайно значимой для А.Н. Островского была жизнь в Щелыкове, и не только в плане творческой деятельности: усадьба предоставляла возможность тесного общения её владельца с крестьянами. Всё это, безусловно, нашло отражение в том, как Островский запечатлел колорит русской жизни в многообразии типов и судеб, бытовых и психологических оттенков, в смене общественных условий и приверженности национальному укладу, в самобытности народного характера и языка. Друг А.Н. Островского писатель, этнограф С.В. Максимов писал: «Родную речь он [Островский] любил до обожания, и ничем нельзя было больше порадовать его, как сообщением нового слова или неслыханного им такого выражения, в которых рисовался новый порядок живых образов или за которыми скрывался неизвестный цикл новых идей» [4, с. 144].

Большую роль в изучении народной жизни и народного языка сыграла для Островского этнографическая экспедиция, в которой он принял

 © И.П. Верба, 2006

участие весной – летом 1856 г., а также весной – летом 1857 г. Эта экспедиция была организована Морским министерством, возглавляемым в то время великим князем Константином Николаевичем. Великий князь решил реформировать набор матросов в русский флот так, чтобы они вербовались из местностей, исконным образом связанных с водой и судоходством, а для этого надо было лучше изучить быт, нравы и язык жителей Волги от её истоков до Астрахани. Материалы предполагалось печатать в журнале «Морской сборник».

Первоначально для этих поездок были «приисканы» (из «особого рескрипта» Константина Николаевича директору департамента князю Д.А. Оболенскому, август 1855 г.) литераторы А.С. Афанасьев-Чужбинский, Г.П. Данилевский, С.В. Максимов, М.Ил. Михайлов, А.Ф. Писемский, А.А. Потехин, Н.И. Филиппов. Обследование приволжских губерний поручалось Потехину. А.Н. Островский узнал об этом предприятии и через И.С. Тургенева обратился к директору канцелярии Морского министерства графу Д.А. Толстому с предложением командировать его на Дон. После, побывав у Д.А. Толстого, Островский обратился к Потехину «об уступке» ему Верхней Волги. С согласия А.А. Потехина Верхняя Волга вплоть до Нижнего Новгорода передавалась для обследования Островскому. Кандидатура драматурга была утверждена великим князем 17 марта 1856 г. [1, с. 161].

А.Н. Островский был извещён о своём участии в экспедиции письмом управляющего Морским министерством барона Ф.П. Врангеля от 21 марта 1856 г.: «Вследствие изъявленного Вами желания отправиться по поручению Морского министерства и разделить с известным Вам литератором Потехиным возложенный на него труд обозрения быта приволжских жителей, занимающихся рыболовством и судоходством, для доставления статей о том в “Морской сборник”, представляются Вашему изучению и описанию губернии, лежащие на верхней части Волги, от истоков её до соединения с р. Окою, а именно: Тверская, Ярославская, Костромская и часть Нижегородской (по сю сторону Нижнего Новгорода)…» [ГЦТМ, ф. 200, оп. 2, л. 49, д. 2679] Далее барон продолжает: «…прошу Вас [Островского] обратить особенное внимание: а) на их жилища; б) их промыслы с показанием обстоятельств, благоприятствующих или мешающих их развитию; в) суда и разные судоходные орудия и средства ими употребляемые, означая их названия и представляя, если возможно, их изображение на рисунке; г) физический их вид и состояние; д) преимущественно их нравы, обычаи, привычки и в особенности резко отделяющие их от прочих обитателей той же страны, как в нравственном, так и в промышленном отношении, а равно и в речи, поговорках, поверьях и т. п.» [ГЦТМ, ф. 200, оп. 2, л. 49, д. 2679].

В результате экспедиции, получившей название «литературной», Островским был собран огромный материал – заметки, выписки, наблюдения. Первоначально в «Морском сборнике» (1859. № 2) была напечатана только часть из них (4 главы «Путешествия по Волге от истоков до Нижнего Новгорода»: I. Тверь (Апрель 1856 года); II. Весенний караван; III. Село Городня (3 мая); IV. Дорога к истокам Волги от Твери до Осташкова (Май 1856 г.)). В ПСС эти главы впервые печатаются в серии «Всемирная библиотека. Собрание сочинений знаменитых русских и иностранных писателей» [7]. Остальной материал остался необработанным, так как Островский отказался от сотрудничества в «Морском сборнике» после того, как к работе приступил Морской Учёный комитет как официальный издатель и главный оценщик поступающих в печать литературных и учёных работ. С.В. Максимов вспоминал: «…из статей Островского исключаются те места, где автор делится личными впечатлениями с читателем под влиянием навеянных на художественную душу красотами природы или вызванных какими-либо резкими характерными чертами быта, представшими на глаза наблюдателя в неприкрашенном виде. <…> Браковка производилась по-военному, с изумительной самоуверенностью, без справок с желаниями авторов и властною рукой, не признававшею обычных прав сочинителей» [1, с. 163–164].

Результатом исследовательской работы писателя в ходе экспедиции явился также «Опыт волжского словаря. Собрание слов, употребляемых на Волге и её притоках – относительно дна, берегов, заливов и прочее. Относительно судоходства, судостроения и других речных и береговых промыслов». Лексический материал, содержащийся в «Опыте волжского словаря» и других архивных источниках, указанных выше, был сверен с 501 словарной статьёй, помещённой в «Материалах для словаря русского народного

языка». Источники 639 статей оказались неизвестными по причинам объективного характера: часть автографов не сохранилась, часть – пока не расшифрована.

Из 501 словарной статьи «Материалов…» 291 обнаружена в «Листках к словарю», представляющих собою длинные узкие полосы бумаги, исписанные драматургом с обеих сторон (алфавитный порядок записей не соблюдён). 164 словарные статьи обнаружены в «Опыте волжского словаря», представляющем собой тетрадь большого формата, на правой стороне которой, специально подрезанной, наклеены буквы в алфавитном порядке. Большая часть слов написана чернилами, но часто неразборчиво и со значительными сокращениями. Имеются приписки, сделанные карандашом, а также графические изображения различных судов и предметов, имеющих отношение к речным и береговым промыслам.

5 слов (*атама́н, недо́тка, отвару́шка, пристéнчик, цвети́лка*) обнаружены и в «Листках…», и в «Опыте…», причём в 2-х статьях в разных источниках имеются расхождения. Словарная статья «Недо́тка», обнаруженная в «Опыте…», без изменений вошла в «Материалы…», приобретя там, как и многие, помету «Волга». В «Листках…» лишь значится: «Недо́тка холщовая?». Словарная статья «Отвару́шка» в «Листках…» содержит лишь родо-видовое понятие «гриб белянка» и географическую помету «костр., кинеш.». В «Опыте…» мы обнаруживаем описательную дефиницию, включающую в себя не только определение родо-видового понятия, но и набор дифференциальных признаков, а также дополнительные сведения о географии наименований этого гриба: «Желтоватый гриб вроде белянки, только меньше, крепче и края круче загнуты внутрь. Костром., кинеш. В других местах свинка, подорешина». Один случай отмечен и в «Листках…», и в «Опыте…», и в «Словаре на карточках»: «*Мутни́к,* м. Малый невод (мелкоячейный) на Чудском озере, в 6 саж. длины и 3–4 саж. ширины; ловят руками». И в «Опыте…», и в «Словаре на карточках» встречаются 3 слова (*пыж, сажа́ть, турга́н*). Статья «Пыж» в «Словаре на карточках» имеет только родовое определение «лодка» и географическую помету «Пермь». Эта же статья в «Опыте…» (она вошла в «Материалы…» без изменений, приобрела лишь помету «Волга») содержит описательную дефиницию, определяющую родовое понятие и имеющую набор дифференциальных признаков: «Толстый обрубок дерева на носу и на корме барки и других судов. Он ставится стоймя на днище, большей частью с наклоном внутрь, от него по обе стороны идут борта». В статье «Сажа́ть» в «Словаре на карточках» заголовочное слово имеет денотативно-ограничительный компонент значения ‘сажать (парус)’, дефиниция является синонимической однословной ‘сбирать’, имеется географическая помета «В.» [Волга]. В «Опыте…», а затем и в «Материалах…» отражено подробное толкование этого действия: «Сажать, посаживать. Делать что-либо короче, сбирая сборками. Сажается и посаживается всегда одно на другом, например сеть на верёвке или частая сеть на редкой, так чтобы частая сеть в больших ячеях редкой образовала мешки». В толковании слова *турга́н* в «Материалах…» утрачена географическая помета «В.» [Волга]. В «Листках…» и в «Словаре на карточках» – 4 слова (*нога́, но́рка, о́рань, остро́вье*). Слово *нога́* имеет в «Листках…» лишь отсылочную дефиницию «см. Молотьба», причём в «Материалах…» нет статьи «Молотьба́», она заменена на «Поса́д». Слово *но́рка* толкуется в «Листках…» посредством описательной дефиниции ‘нос’ и имеет географическую помету «кстр.». В «Словаре на карточках» родовое понятие дополнено дифференциальными признаками ‘морда (у животных), нос (у человека)’, снабжено иллюстративным материалом «Я те норку разобью» и географической пометой «кинеш.». Словарные статьи «О́рань», «Остро́вье» в обоих случаях даны без изменений. Полностью вошли в «Материалы…» из «Словаря на карточках» 8 слов: *има́ть, ки́слая шерсть, круго́вник* (пометы «Волга» в «Словаре на карточках» не было), *кур, куст* (здесь изменено родовое понятие: вместо «небольшая роща» – «небольшой лесок»), *ови́нники, плав* (утрачена помета «В.»), *плéмя*. 7 из 23 слов «Словаря на карточках» (*лубника, лисохвост, линь, Лель?, починать, розыгрыш?, притачивать*) не вошли в «Материалы…» по понятным причинам: они не имели даже дефиниций (кроме слова *лубника*), для слова притачивать имеется только иллюстрация «Моё тело припотело (?), разгуляться захотело»). Из «Черновых заметок к словарю Даля» вошли в «Материалы…» всего 4 слова: *ба́ять, гожо́, голомя́, голумны́й* с пометой «твер.» (эти слова отмечены также в материалах Н. Нерехотского как кос-

тромские). Остальные 10 из тех, которые удалось прочитать, уже указаны в «Опыте…»: *берно́, база́нные, балага́н, бурунду́к, бичева́, волк, де́рево, гу́ба, гребе́нка, голе́ньковка*. Слово *пого́ст* с определением «старинная русская церковь, но непременно без крестьян, а с крестьянами – село», вошедшее в «Материалы…», обнаружено в «Разрозненных листках (материалах к словарю)» (лист 17).

Н.В. Успенский в статье, посвящённой работе А.Н. Островского над материалами для словаря русского языка [8], ссылается на записные книжки драматурга. Успенский описывает их так: «Значительная часть их заполнена заметками хозяйственного порядка. Однако в первой и третьей книжках записаны слова и выражения, привлекшие внимание драматурга. На первой сделана пометка – 1867 год Щелыково, а на третьей помечено – 1871 год. <…> Сами они [записи] неразборчивы, многие слова сокращены. <…> В основном здесь находим записи слов, связанных с сельским хозяйством» [8, с. 155]. В статье приведены 17 слов из записных книжек. Трёх слов из семнадцати нет в «Материалах…»: «*Дурница*. Головня»; «*Изгара*. Болезнь хлебов, преимущественно яровых. Колос имеет сначала тёмную, а потом вялую верхушку»; «*Плечка*. Баранья лопатка». Два слова уже отмечены в «Опыте…»: *мяки́нница, старо́ду́бы* (причём отсылочная дефиниция этого слова «см. Крючник» в записной книжке отсутствует). 12 слов из записных книжек включены в «Материалы…»: *ка́ты, медве́дь, передки́, во́тря, обжи́мки, копёжная, забира́ться, заломи́ть, ложкомо́й, подма́зка, по́ле, ку́рица, па́ддуш*. Толкование некоторых слов дано А.Н. Островским в упомянутом выше «Путешествии по Волге от истоков до Нижнего Новгорода». Из 27 слов, которым Островский даёт в «Путешествии…» определение, 17 отмечены и в «Опыте…», 2 – в «Листках…», 6 не вошли в «Материалы…», 2 (*плёсо* и *про́стенькая*) отмечены только в «Путешествии…».

В «Материалах путешествия по Волге», б/д, 309 л. [ГЦТМ, ф. 200, оп. 2, л. 60, д. 3245–3294] нами обнаружены также слова, не вошедшие в состав «Материалов…». Эти архивные материалы реставрированы в 1957 г. Слова имеют географические пометы и содержат синонимические дефиниции, например: *трохи* ‘мало’, *сподобить* ‘полюбить’, *досыть* ‘довольно’, *краше* ‘лучше’, *горше* ‘больше’, *поли́ца* ‘полка’ и некоторые другие (Тверская губ.); *судница* ‘кухня’ (Ржев); *выгодье* ‘диво’, *жишка* ‘поросёнок’ и др. (Осташков) [ф. 200, оп. 2, л. 60, д. 3265]. Также в «Материалах путешествия по Волге» находится лист, озаглавленный «У мокшана» [ф. 200, оп. 2, л. 60, д. 3276]. Здесь Островским отмечены такие слова, как *казе́нка, ко́пани*, вошедшие в «Материалы для словаря русского народного языка». Однако многие слова, описывающие устройство мокшана, не вошли в «Материалы…», так как не были до конца обработаны Островским, в отличие от барки. Сохранились рисунок мокшана и описание устройства мокшана [ф. 200, оп. 2, л. 60, д. 3275].

Безусловно, одной из причин собирания лексических материалов Островским явилось влияние «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля. В ГЦТМ хранятся «Черновые заметки к словарю Даля» [ф. 200, оп. 2, л. 60, д. 3242, 3243, 3243а], которые получили название «Разбор».

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что А.Н. Островским был задуман большой труд по составлению словаря народного языка, в основе которого лежали определённые лексикографические принципы. Об этой работе писатель поставил в известность академика Я.К. Грота, возглавлявшего в то время Отделение русского языка и словесности Академии наук, и выразил готовность представить в Отделение имевшиеся у него материалы. 16 октября 1880 г. состоялось заседание Отделения в составе филологов Я.К. Грота, Ф.И. Буслаева, А.Н. Веселовского, И.В. Ягича, историков А.Ф. Бычкова и М.И. Сухомлинова. Было решено «просить г. Островского о доставлении означенных материалов, которые, конечно, не могут не заслуживать внимания как труд такого талантливого знатока нашей родной речи» (протокол Отделения русского языка и словесности от 16 октября 1880 г., § 5) [6, с. 385].

Однако А.Н. Островскому не удалось опубликовать свой труд. По признанию самого писателя в письме академику Я.К. Гроту от 20 декабря 1880 г., эта работа не была доведена до конца по той причине, что «одного только мало, а иногда и совсем нет – это досуга, то есть возможности заниматься чем-нибудь другим, кроме иссушающего мозг драматического изобретения» [цит. по: 8, с. 158]. И только после смерти писателя, в 1891 г., материал, переданный во Второе отделение Академии наук его бра-

том М.Н. Островским, был принят в виде «расположенного в алфавитном порядке на карточках сборника слов» в качестве «дополнения к словарю Даля» [6, с. 385]. Полученный Отделением материал представлял большой интерес для составителей «Словаря русского языка» Второго отделения Академии наук. «Материалы…» частично вошли в «Словарь русского языка» под редакцией А.А. Шахматова (буквы Е, Ж, З, И, К) и были указаны в числе его источников под названием «Словарь народного языка, составленный А.Н. Островским». В настоящее время «Материалы…» используются в качестве одного из источников «Словаря русских народных говоров», а также при составлении Краткого костромского областного словаря «Живое костромское слово».

Знаток и ценитель живой народной речи А.Н. Островский в течение всей жизни работал над составлением «особого словаря с своеобразным толкованием» [4, с. 144]. «Материалы…» А.Н. Островского являются важным источником изучения русских народных говоров, прежде всего костромских. Они позволяют определить, дополнить семантическую структуру диалектного слова, а также выявить и уточнить их ареальные связи, словообразовательную дистрибуцию, функциональные особенности.

Библиографический список

1. А.Н. Островский в воспоминаниях современников / подгот. текста, вступит. статья и примеч. А.И. Ревякина. – М.: Худож. лит., 1966. – 631 с.

2. *Бочков В.* Старая Кострома. Рассказы об улицах, домах и людях. – Кострома: [б. и.], 1997. – 230 с.

3. *Лобанов М.П.* Александр Островский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мол. гвардия, 1989. – 400 с. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 7 (587)).

4. *Максимов С.В.* А.Н. Островский по моим воспоминаниям // Островский А.Н. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 1 / А.Н. Островский; под ред. М.И. Писарева. – СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1896. – С. 1–172.

5. *Островский А.Н.* Словарь // Островский А.Н. Полн. собр. соч. В 12 т. Т. 10. Статьи. Записки. Речи. Дневники. Словарь / А. Н. Островский; [подгот. текста и коммент. Т.И. Орнатской]. – М.: Искусство, 1978. – С. 463–522.

6. *Островский А.Н.* [Материалы для словаря русского народного языка] // Островский А.Н. Полн. собр. соч. и писем. В 16 т. Т. 13. Худ. произведения. Критика. Дневники. Словарь / А.Н. Островский. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1952. – С. 305–361.

7. *Островский А.Н.* Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода // Островский А.Н. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 7 / А.Н. Островский; под ред. М.И. Писарева. – СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1896. – С. 499–527.

8. *Успенский Н.В.* О работе А.Н. Островского над «Материалами для словаря русского народного языка» // Учёные записки Щербаковского педагогического института. – 1956. – Вып. 1, ч. 2. – С. 147–162.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Денисова Т.М. *СОВРЕМЕННАЯ КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ В ОБУЧЕНИИ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ:* тексты и задания по смысловой и стилистической интерпретации для изучающих нем. яз. / Рец.: В.М. Шохов, И.П. Тихомирова. – Кострома: КГУ, 2006. ISBN 5-7591-0762-3.

Новосельцева О.Н. *АКАДЕМИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ НА МЕЖКУЛЬТУРНОМ УРОВНЕ:* Курс немецкого языка для продолжающих обучение преподавателей вузов / Рец. В.М. Шохов, Л.Н. Ваулина. – Кострома: КГУ, 2006. – ISBN 5-7591-0730-5.

А.С. Власов

«…НО ЧУДО ЕСТЬ ЧУДО, И ЧУДО ЕСТЬ БОГ» (ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА)

Преамбула. *В статье разбирается стихотворение Б. Пастернака «Чудо» – в аспекте композиционно-концептуальной соотнесенности его с прозаическим текстом романа «Доктор Живаго», а также с другими стихотворениями, входящими в живаговский цикл.*

«Чудо» – 20-е стихотворение живаговского цикла и 2-е, если отсчитывать от «Рождественской звезды», стихотворение о Христе.

В основу «Чуда» положен известный евангельский сюжет – проклятие бесплодной смоковницы: «И увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней и, ничего не нашед на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла» (Мф., 21: 19). Этот «канонический» фабульный стержень имеет несколько контекстуально-сюжетных ответвлений и обогащается рядом вроде бы незначительных подробностей:

«Он шел из Вифании в Ерусалим, / Заранее грустью предчувствий томим. // Колючий кустарник на круче был выжжен, / Над хижиной ближней не двигался дым, / Был воздух горяч, и камыш неподвижен, / И Мертвого моря покой недвижим. // И в горечи, спорившей с горечью моря, / Он шел с небольшою толпой облаков / По пыльной дороге на чье-то подворье, / Шел в город на сборище учеников. // И так углубился он в мысли свои, / Что поле в уныньи запахло полынью. / Все стихло. Один он стоял посредине, / А местность лежала пластом в забытьи. / Все перемешалось: теплынь и пустыня, / И ящерицы, и ключи, и ручьи. // Смоковница высилась невдалеке, / Совсем без плодов, только ветки да листья. / И он ей сказал: “Для какой ты корысти? / Какая мне радость в твоем столбняке? // Я алчу и жажду, а ты – пустоцвет, / И встреча с тобой безотрадней гранита. / О, как ты обидна и недаровита! / Останься такой до скончания лет”. // По дереву дрожь осужденья прошла, / Как молнии искра по громоотводу. / Смоковницу испепелило дотла. // Найдись в это время минута свободы / У листьев, ветвей, и корней, и ствола, / Успели б вмешаться законы природы. / Но чудо есть чудо, и чудо есть Бог. / Когда мы в смятеньи, тогда средь разброда / Оно настигает мгновенно, врасплох» (IV, 541–542).

Д. Быков констатировал, что «Чудо» написано «тем же четырехстопным амфибрахием со множеством внутренних рифм, что и “Рождественская звезда”», и образует с ней «своеобразный диптих». В стихотворении достигает кульминации «конфликт истории и природы» [2, с. 93]. Действительно, сходство ритма (и – в гораздо меньшей степени – строфики) «Чуда» и «Рождественской звезды» очевидно. Так же, как очевидно и то, что это далеко не случайное сходство. «Чудо» входит в «пятерицу стихотворений», которые, «несут в себе *доктринальный смысл романа*» [8, с. 204] (здесь и далее в цитатах, кроме особо оговоренных случаев, курсив наш. – *А.В.*). Уточнить необходимо лишь тезис о «конфликте истории и природы». О какой *природе* и, главное, о какой *истории* идет речь? Попытаемся разобраться.

Архетипический сюжет в «Чуде» воспроизводится довольно точно (строфы 4-я – 7-я), однако не доводится до конца. Отсутствуют поясняющие слова Христа, обращенные к ученикам: «…истинно говорю вам: если будете иметь веру и не усомнитесь, не только сделаете то, что сделано со смоковницею, но, если и горе сей скажете: “поднимись и ввергнись в море”, – будет; и все, чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Мф., 21: 21–22). Мотив-концепт ‘каждому по вере его’, как мы увидим, в романе присутствует; но здесь Пастернак явно задействует другие, коннотативные смыслы (в том числе и отсутствующие в «подлиннике»). Обращают на себя внимание два момента:

1) несколько неожиданная грамматико-синтаксическая конструкция 1-го и 2-го стихов 4-й строфы, являющихся частями сложноподчиненного предложения. Раскрытая поэтом каузальная связь двух внешне не связанных друг с другом событий («И ***так*** <u>*углубился он в мысли свои*</u>, / ***Что*** <u>*поле в уныньи запахло полынью*</u>») есть предвестие чуда: природа уже находится в *прямой* зависимости от мыслей и настроения Христа;

2) метафорическое сравнение – «…Как молнии искра по громоотводу…» – в 7-й строфе. «Громоотвод» в данном контексте – анахронизм; но сама *внутренняя форма* этого слова и порож-

© А.С. Власов, 2006

даемая ей *идиоматическая семантика* заставляет задуматься о том, какую из нескольких потенциально возможных символических интерпретаций евангельского сюжета автор считает главной. Ведь осуждается явно не смоковница, об этом свидетельствует хотя бы характерная оговорка другого евангелиста – Марка: «…ибо еще не время было собирания смокв» (Мк., 11: 13). Толкователь Матфея, архиепископ константинопольский Иоанн (Златоуст), на вопрос: «для чего же смоковница проклята?» – отвечал с предельной ясностью: «Ради учеников, – именно, чтобы их ободрить. Так как Христос всегда благодетельствовал и никогда никого не наказывал, <…> надлежало Ему показать опыт Своего правосудия и отмщения» [7, с. 682]. Проклиная смоковницу, Христос «представляет этим доказательство Своей силы и власти» [7, с. 683].

Обратим внимание и на концептуальное противопоставление *бодрствования – сну* (в 3-м – 6-м стихах 4-й строфы): «Все стихло. Один он стоял посредине, / А местность лежала пластом в забытьи. / Все перемешалось: теплынь и пустыня, / И ящерицы, и ключи, и ручьи» (IV, 541). В. Альфонсов отметил, что ситуация здесь «приближена к ситуации “Гефсиманского сада” – тоскующий Христос и уснувшие ученики» [1, с. 303]. И с этим выводом нельзя не согласиться. Ср.: «Смягчив молитвой смертную истому, / Он вышел за ограду. На земле / Ученики, осиленные дремой, / Валялись в придорожном ковыле. // Он разбудил их: “Вас Господь сподобил / Жить в дни мои, вы ж разлеглись, как пласт. / Час Сына Человеческого пробил. / Он в руки грешников себя предаст”» (IV, 547–548). Имеются даже чисто лексические совпадения. В «Чуде» «лежала пластом в забытьи» *местность*, где Иисус нашел смоковницу, к которой обращен Его упрек; в «Гефсиманском саде» – «разлеглись, как пласт» «осиленные дремой» *ученики* Христа. Нетрудно заметить, что ключевым и в том, и в другом случае является слово «пласт» – оно придает этим метафорическим сравнениям особую экспрессивно-оценочную коннотацию; между двумя стихотворениями возникает символическая связь, обусловленная наличием образа-коррелята. Дрема учеников недвусмысленно уподобляется сну природы.

Финальная 8-я строфа («Найдись в это время минута свободы…») не имеет «аналога» в евангельском тексте и формально представляет собой образчик «чистой» философской лирики. В стихотворении вдруг начинает звучать голос *автора*, который, кстати сказать, до этого момента ничем почти себя не обнаруживал, словно бы растворившись в безлично-нарративном повествовании. Автор резюмирует сказанное афористическими размышлениями о чуде, противоречащем «законам природы», и тем самым переводит действие из символически-ноуменальной, вневременной сферы в сферу феноменальную, соотносящуюся с земным, индивидуально-личностным бытием каждого человека, в том числе, конечно же, и его самого (4-й – 6-й стих: «…Но чудо есть чудо, и *чудо есть Бог*. / *Когда мы в смятеньи, тогда средь разброда* / *Оно настигает мгновенно, врасплох*»; понятно, что авторское «мы» – это прежде всего «*я*»).

Стихотворение актуализирует как собственно *христианскую* символику (что, разумеется, само по себе очень значимо), так и символику *ситуативно-контекстуальную*, обусловленную конкретными реалиями художественной действительности. С христианской символикой все более или менее понятно; а вот для того, чтобы доказать наличие символики контекстуально-ситуативной, необходимо «вчитаться» в прозаический текст пастернаковского романа.

Интересно, что первая же (и единственная явная) прозаическая параллель, обнаруживаемая в главе 8-й части I («Пятичасовой скорый»), формально никак не связана с образом главного героя, поскольку являет собой эпизод, характеризующий тринадцатилетнего Нику Дудорова: «Он был странный мальчик. В состоянии возбуждения он громко разговаривал с собой. Он подражал матери в склонности к высоким материям и парадоксам.

“Как хорошо на свете!” – подумал он. – “<…> Бог, конечно, есть. Но если он есть, то он это я. Вот я велю ей”, – подумал он, взглянув на осину, всю снизу доверху охваченную трепетом (ее мокрые переливчатые листья казались нарезанными из жести), – “вот я прикажу ей” – и в безумном превышении своих сил он не шепнул, но всем существом своим, всей своей плотью и кровью пожелал и задумал: “Замри!” – и дерево тотчас же послушно застыло в неподвижности. Ника засмеялся от радости и со всех ног бросился купаться на реку» (IV, 20).

Сопоставить стихотворный и прозаический тексты позволяют два мотива-инварианта.

1. ***Покорность природы**, ее **зависимость от чувств и настроений человека***: осина, «вся снизу доверху охваченная *трепетом*», послушно «застывает» под взглядом Ники (ср.: «По дереву *дрожь* осужденья прошла…»). Конечно, осина повинуется Нике скорее в его воображении, чем в действительности. Для нас, однако, принципиально важна сама *возможность* такого сопоставления: *Христос*, всемогущий богочеловек, и обыкновенный *человек*, совершающий «чудо» ценой «безумного превышения своих сил». Ника искренне *верит* в то, что чудо возможно, – и природа на миг оказывается ему подвластна. У этого поступка есть и архетипический, так сказать, идеально-инобытийный план. Вспомним слова Христа, обличающего «неверие» учеников: «…истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф., 17: 20). Заметим, что практически все основные герои «Доктора Живаго» в детстве, острее ощущая «расколотость» и дисгармоничность мира, переживают и мгновения «всемогущества»: им кажется, что рубеж, разделяющий реальный мир от идеального, преодолеть не так уж и сложно. Так, одиннадцатилетний Миша Гордон впервые появляется на страницах романа именно в тот момент, когда, «делая исключение для отца и матери», он «преисполнился презрением к взрослым, заварившим кашу, которой они не в силах расхлебать», и «был уверен, что когда он вырастет, он все это распутает» (IV, 16). По мере взросления, однако, эта вера утрачивается; сохраняет ее лишь Юрий Живаго, обретший счастливую способность к истинному «творчеству и чудотворству» – воплощению и преображению мира в *поэтическом слове*.

2. ***Рассуждения о Боге***, не укладывающиеся в рамки обычной логики и превращающиеся в афористические формулы: «*Бог*, конечно, *есть*. Но *если он есть, то он это я*» (ср.: «Но *чудо* есть *чудо*, и чудо *есть Бог*…»). Формулы эти по сути своей диаметрально противоположны. Первое определение (*Бог = я*) вполне естественно для «бунтующего» подростка, склонного к парадоксам и стремящегося к осмыслению всего происходящего. Что до второго определения, данного автором «Чуда» (*чудо = чудо = Бог*), то оно более сложно. С одной стороны, «чудо есть *чудо*» – оно воспринимается человеческим разумом как нарушение причинно-следственных связей, изменение «нормального», естественного порядка вещей, т. е. воспринимается как нечто *сверхъестественное*; с другой – «чудо есть *Бог*», точнее *явление Бога*, и в этом смысле в нем проявляются *естественность и гармония совсем другого, высшего порядка*.

Нетрудно заметить, что прозаические и поэтические вариации соотносятся друг с другом не только по принципу семантической близости/противоположности («тезис → антитезис»), но и как крайние – условно говоря, начальный и конечный – фазисы в развитии идей *Бога* и *чуда*. В самом деле, в «бунтарском» афоризме «…если [Бог] есть, то он это я» потенциально заложен и другой – «…чудо есть чудо, и чудо есть Бог»; а «чудотворство» Ники, если рассматривать его в символически-инобытийном аспекте, как мы выяснили, ориентировано на евангельский прообраз-архетип.

Сюжетные мотивы и образы «Чуда» имеют еще несколько прозаических параллелей-инвариантов – по тематике их также можно разделить на две взаимосвязанные категории: «Природа» и «Бог».

Мир природы – каким он предстает в романе – дуалистичен, амбивалентен: это не только *свет*, *гармония*, но и *темнота*, *хаос, разрушение*. С *хаосом* ассоциируются некоторые природные стихии; в «Докторе Живаго» они соответствуют (а иногда и сопутствуют) историческим катаклизмам и душевным потрясениям. Не случайно известие об октябрьском перевороте в романе ознаменовывает «первый реденький снежок с сильным и все усиливающимся ветром, который на глазах у Юрия Андреевича превращался в снежную бурю. <…>

Что-то сходное творилось в нравственном мире и в физическом, вблизи и вдали, на земле и в воздухе. Где-то, островками, раздавались последние залпы сломленного сопротивления. Где-то на горизонте пузырями вскакивали и лопались слабые зарева залитых пожаров» (IV, 191).

Антропоморфический параллелизм? Да, конечно; но, вместе с тем, это и нечто большее. В своем творчестве Пастернак всегда a priori исходил из того, что окружающее являет собой *органически-всеединое целое*, что человек – и человечество – малая *часть* огромного, сложно организованного всеединого мира: часть, символически отражающая *целое,* но тем не менее

не тождественная ни этому целому, ни какой-либо другой его части. Сначала это было, так сказать, эстетическое, «стихийно-метафорическое» всеединство, выводимое из собственного художественного опыта, фиксирования и объективации интуитивно уловленных связей между самыми различными предметами и явлениями, духом и материей[1]. Как совершенно справедливо заметила Л. Гинзбург, метафора в ранних стихах и прозе Пастернака – не просто троп: «это *связь явлений между собой*, *взаимное истолкование вещей, раскрывающих друг перед другом свои смысловые возможности*» [4, с. 44]. Изображаемая вещь, сохраняя свое предметно-эмпирическое значение, приобретает одновременно некое «*сверхзначение*» [4, с. 45]. Впоследствии, когда поэт стал задумываться над теологическими проблемами, концепция всеединства получила и религиозно-философское обоснование.

О том, как раскрывается и осмысливается в романе взаимообусловленность бытийных уровней, диалектическая соотнесенность частей и целого, можно судить по пастернаковской историософии, являющейся одним из наиболее существенных элементов концептуальной системы произведения. Исторический процесс подчеркнуто естественен, ибо подчиняется тем же законам, что и жизнь природы: «Он (Живаго. – *А.В.*) снова думал, что историю, то, что называется ходом истории, он представляет себе совсем не так, как принято, и ему она рисуется наподобие жизни растительного царства. <…> Лес не передвигается <…>. Мы всегда застаем его в неподвижности. И в такой же неподвижности застигаем мы вечно растущую, вечно меняющуюся, неуследимую в своих превращениях жизнь общества, историю» (IV, 451–452). Это уже не параллелизм, не метафорическое уподобление, а *символ*: значение здесь, в полном соответствии с формулировкой А.Ф. Лосева, переносится с «одного предмета на другой» и «так глубоко и всесторонне сливается с этим вторым предметом, что их уже становится невозможно отделить один от другого» [5, с. 268]. Символ «есть полное взаимопроникновение идейной образности вещи с самой вещью. В символе мы обязательно находим *тождество*, *взаимопронизанность означаемой вещи и означающей ее идейной образности*» [5, с. 268] (курсив А.Ф. Лосева). Именно такое «взаимопроникновение идейной образности вещи с самой вещью» мы и наблюдаем в «Докторе Живаго»: история, ее движение, жизнь людей, различные социальные катаклизмы осмысливаются как бы сквозь призму их *естественности* и стихийной, органической *взаимообусловленности*, т. е. с точки зрения символического *соответствия природным процессам*.

Природа становится *символом истории* – но лишь в ее привычном, «земном» варианте. Семантическая сфера истории в романе намного шире, чем это может показаться на первый взгляд, ибо пастернаковская историософия базируется не столько на антропоморфизме, сколько на *христианской эсхатологии*. Философ Н. Веденяпин, один из наиболее близких автору персонажей, утверждает: «…человек живет не в природе, а в истории». История «основана Христом», «Евангелие есть ее обоснование. <…> Истории в этом смысле не было у древних. <…> Века и поколенья только после Христа вздохнули свободно. Только после него началась жизнь в потомстве, и человек умирает не на улице под забором, а у себя в истории, в разгаре работ, посвященных преодолению смерти» (IV, 12–13).

Говоря об *истории*, Веденяпин имеет в виду скорее *метаисторию*. Именно в метаисторию переносят нас стихотворения, завершающие живаговский цикл (и роман в целом).

Новозаветные темы и сюжеты проходят лейтмотивом через весь цикл. Но, рассматривая стихи, составляющие первую, бóльшую его часть, мы обнаруживаем, что в них еще нет Христа – как *действующего лица*, *вочеловечившегося Сына «Бога Живаго»*, хотя буквально во всем ощущается Его незримое присутствие. Лишь «Рождественская звезда» возвещает о пришествие в мир Спасителя. Жизнь Христа представлена одновременно в двух планах – бытовом, историческом, или *феноменальном*, и метаисторическом, *ноуменальном*. В «Рождественской звезде» намечается противостояние *прежней истории*, (т. е. истории в ее стихийном, дохристианском варианте), символически отождествляемой с темными, хаотическими, разрушительными силами природы, и *истории новой*, *истинной*: она воплощается в образах «звезды Рождества» и Младенца. В «Чуде» «законы природы» уступают высшей силе – не только сверх-природной, но и сверх-исторической.

В общем художественном контексте произведения символика «Чуда» обретает особый смысл, который нельзя свести лишь к *конфлик-*

ту природы и истории. Стихотворение повествует о внезапном *прорыве метаистории в историю*, на миг объединяющем разделенные в обыденном человеческом сознании миры – ноуменальный и феноменальный. Но это и рассказ о некоем *событии*, произошедшем в духовной жизни автора/героя. Подобная интерпретация «Чуда» становится тем более вероятной, что в других стихотворениях «пятерицы» также обнаруживается экзистенциальная подоплека. В «Рождественской звезде», например, сквозь евангельский сюжет начинают отчетливо проступать два других – всечеловеческий и личный, основанный на интертекстуальных ассоциациях и фактах биографии Юрия Живаго[2]. Взаимосвязь, взаимообусловленность экзистенциального и (мета)исторического планов бытия в «Чуде» переходит на более глубинный, концептуально-содержательный уровень.

Примечания

[1] Такое миропонимание, на наш взгляд, восходит к идее «положительного всеединства». «Положительное всеединство» – это «прежде всего *глубочайшее и теснейшее взаимодействие между внутренним или духовным и внешним или вещественным бытием*» (Вл. Соловьев) [9, 396].

[2] Подробнее см. [3].

Библиографический список

1. *Альфонсов В.Н.* Поэзия Бориса Пастернака. – Л.: Сов. писатель, 1990.

2. *Быков Д.Л.* Борис Пастернак. – М.: Мол. гвардия, 2005. – ЖЗЛ: Сер. биогр.; вып. 962.

3. *Власов А.С.* «Явление Рождества» (А. Блок в «Докторе Живаго» Б. Пастернака: тема и вариации) // Вопросы литературы. – 2006. – № 3.

4. *Гинзбург Л.Я.* О раннем Пастернаке // Мир Пастернака. – М.: Сов. художник, 1989.

5. *Лосев А.Ф.* Логика символа // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991.

6. *Пастернак Б.Л.* Полное собр. соч.: в 11 т. – М.: Слово/Slovo, 2004–2005. В тексте ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием тома (римская цифра) и страницы.

7. *Святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского*, толкование на святого Матфея Евангелиста. – Кн. 2. – Издательский отдел Московского Патриархата, 1993.

8. *Седакова О.А.* «Чудо» Бориса Пастернака в русской поэтической традиции // Пастернаковские чтения. – Вып. 2. – М.: Наследие, 1998.

9. *Соловьев В.С.* Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1990.

М.Б. Абдокова

ТЕМА ТРАГИЧЕСКОЙ ЖЕНСКОЙ СУДЬБЫ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ПОЭТОВ ЧЕРКЕССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Тема трагической женской судьбы, несостоявшейся любви – одна из основных в творческом наследии адыгов зарубежья. Плач Рахмы сложили западные адыги в Унарокохабле. В конце XIX в. Махаджиры, покинувшие Родину, увозили его с собой в Турцию. Песня-плач записана доктором философских наук Озбек (Едидж) Батыраем, проживающим в Германии. Записана она со слов его матери Бошахурей Ханчетовой. По ее словам, в селении не было девушки красивее Рахмы, но красота не принесла ей счастья. Девушку отдали замуж за старого казака из соседнего хутора, посватовавшегося к ней:

Когда здесь, на чужбине, воскресенье,
Церковный звон звенит на белом свете,
Но я мечтаю здесь, в уединении,
Услышать муэдзина плач с мечети.
Припев: Уей-на, уейна-рина, уей-рей,
Бедная Рахма проклята богом
Средь людей.

(Перевод с черкесского М. Абдоковой)

В русском селении раздается по воскресеньям церковный звон. Но бедная девушка мечтает услышать в уединении родной плач муэдзина с мечети. Тематика песни-плача определяет поэтику и стиль проклятия («Бедная Рахма проклята богом средь людей»). Исповедальность главной героини, эмоциональная насыщенность содержания в какой-то степени индивидуализируют форму песни-плача. Проблема человеческой несвободы – вот центральная тема всего творче-

© М.Б. Абдокова, 2006

ства песни-плача. Хотя вопрос о несвободе – вопрос философский, и каждая эпоха, в том числе и литературная, трактует его по-своему, опираясь на господствующие философские положения.

В песнях-плачах формируется новая концепция личности: главная героиня человек не просто реагирующий на окружающую жизнь, но и реализующий себя на фоне чужой жизни. Предметом изображения данной песни-плача является конфликт личности с окружающей ее средой. И здесь возникают своеобразные вопросы. Может ли, в праве ли женщина сохранить свою независимость в столкновении с жизненными обстоятельствами? Обладает ли она собственной волей в решении своей судьбы или она всего лишь песчинка, подхваченная ветром времени?

В песнях-плачах намечаются два возможных типа взаимоотношений личности и окружающих ее людей: контакт с ними и отчуждение от него. Эти полярные позиции, представленные в творчестве Озбека Батырая, как бы формируют поле огромного идеологического напряжения. Как отмечает профессор Р.С. Сакиева, «книги о прошлом черкесов объединили фольклорные, культурологические и историко-этнографические интересы Батырая. Вся его деятельность направлена на воссоздание культуры черкесов зарубежья. Вклад в наметившийся процесс возрождения черкесского народа и воссоздания его целостной культуры обусловлен его неутомимой работой над памятниками культуры, начиная с устных преданий и кончая письменными памятниками» [4, с. 115]. Героиня его песни-плача Рахма отчуждена от времени, враждебна ему. Таким образом, в песне-плаче налицо глубокое эстетическое противоречие между окружающей средой и частным временем героини.

С первой же строки в характерных для этого жанра приемах выстраивается ряд развернутых эпитетов и сравнений. Они характеризуют основные мотивы любовной лирики: разлуку, страдание, тоску, печаль, проклятия. Часто используемый символ несчастной любви олицетворяет образ красивой девушки, красоту и чистоту. Но, к сожалению, этот образ проклят богом и людьми:

Милые подруги, проклята я богом.
Мне Коран стамбульский словно
Жизнь с залогом.
Я его читаю иногда запоем,
Птицы дикой стаей служат мне едою.

(Перевод с черкесского М. Абдоковой)

Рахме тесно находиться в узких рамках чуждой ей среды. Из-за этого в сознании героини возникает неразрешимый внутренний конфликт: с одной стороны, она желает уклониться от прямого контакта с действительностью, с другой – ощущает невозможность сделать это. Нам доступно понять и очень точно охарактеризовать причины внутренней драмы, постигшей Рахму. Одна из особенностей художественного мира Озбека Батырая такова, что в его песнях-плачах всегда присутствует герой, занимающий композиционно центральное положение. Героиня Батырая Озбека живет напряженной духовной жизнью. Для нее более реальной и значимой является жизнь внутренняя, одним словом, эта героиня воплощает в себе традиционные взгляды и ценностные ориентации адыгов.

В каждом лиро-эпическом произведении художника стало явью изображение двух предметов: объективной действительности и сознания центрального героя, эту действительность воспринимающего. Взаимодействие этих двух предметов изображения формируют конфликт между реальностью и ее восприятием и, в конечном счете, проблематику произведения. Сознание и характер героини, подчас таинственные и противоречивые, становятся главным предметом изображения. Ради этой героини и написаны песни-плачи, и выявляются художественные средства, нужные ему для того, чтобы показать героиню во всей ее сложности и противоречивости, чтобы объяснить ее силу и слабость. Рахма уверенна, что вся ее жизнь была подчинена лишь одному – любви. Но этой любви не суждено сбыться. Там, на чужбине, она вынуждена жить по законам ненавистного ей общества.

Припев:

Я пощусь три месяца слезно и безвинно,
Разговляюсь с ненавистью грязною свининой.

Припев:

Заставляют чистить сапоги и шкеры,
А меня сосватал старый иноверец.

По мнению доктора филологических наук Л.А. Бекизовой: «Как уже неоднократно подчеркивалось, поэтика этих древних текстов обогатилась за счет включения элементов лиро-эпических жанров, обрядовой поэзии, пословиц и поговорок, народных изречений, имеющих широкое распространение в фольклоре» [4, с. 42]. Именно поэтому в песне-плаче особая нагрузка ложится на конфликт, острое столкновение меж-

ду героиней и чуждым ей обществом. Разумеется, любовный конфликт является и гранью социального конфликта. Он показывает, что античеловеческие условия «чуждого общества» калечат человека, и самые возвышенные чувства, даже любовь, ведут не к обогащению личности, а к смерти. В сущности, мы видим героиню, смирившуюся со своим трагическим положением жизни. Поэтому главное обвинение автор адресует именно ей, неспособной найти в себе силы противопоставить свою волю действительности.

Так Батыраю Озбеку удается вскрыть одну из характерных черт адыгского женского национального характера: неудовлетворенность реальностью, резко критическое к ней отношение и полную неготовность что бы то ни было предпринять для того, чтобы эту реальность изменить. По мысли Батырая Озбека, пассивная идеология может лишь примирить героиню с ее нынешним положением и не подвигнет ее к попытке его изменить. Нынешнее положение Рахмы на чужбине – акт отчаяния и неверия в собственные силы к возрождению. Рахма не противостоит реальности.

Песня-плач во многом построена на контрастах. Резко противопоставлены экспозиция и развязка; на контрастах строится система персонажей. Тема примирения слабого, беззащитного существа с более сильным звучит в песнях-плачах Батырая Озбека. С развитием лирики и, в особенности, индивидуальной, поиски новых необычных сравнений и эпитетов, типа: «грязная свинина», «старый иноверец» и т.д., ставится в центр внимания автора. Детализация одежды в песне-плаче обостряет психологизм выражения чувств. Живописная характеристика одежды и образа героини достигается наглядностью зарисовки:

Припев:

Вся в шелках рубашка на груди с узором,
А под сердцем плачет старца сын позорный.

Припев:

Здешние ребята на балконах стынут,
А невесток наших возят в паланкинах.

Припев:

Сапоги из кожи мне сжимают ноги,
В сердце боль и дрожь. От того, быть может,
Я сложила плач, смилуйся же боже…

(Перевод с черкесского М. Абдоковой)

Характерные поэтические формы, присущие песенному жанру, проистекают из осмысления судьбы. Как отмечает И.А. Халипаева, «Обзор форм фольклорных жанров со стороны их объема позволяет сделать общий вывод о начале развития устного творчества с малых форм, объемов, переход их на большие и снова возврат к малым формам, совершая один большой виток» [5, с. 81].

Проживающие в настоящее время в вилайете Анатолия абадзехские села относятся к тем, кто переселился в Турцию в самом конце XIX в. Они откололись от адыгов, которых во множестве переселили в окрестности города Конио. Эти селения некоторые называют Еламой. Там и произошли описываемые в плаче события. Сюжет песни плача таков: у прославленных семи братьев была красавица сестра, которую они возносили до небес и не знали куда поставить и посадить; сколько бы к ней не сватались, братьям никто не казался достойным, но сама Гошанаго тайно любила одного парня, звали его Лигатуко Кязим. Хотя он и был дворянского происхождения, но не имел ни имущества, ни поддержки, а потому братья девушки его к себе близко не подпускали. Как и бывает в подобных случаях, Кязим умыкнул девушку. А братья разве простили бы такое?! Они нашли место укрытия своей сестры и забрали ее. Кязим не смог им противостоять. Сам парень поселился недалеко от города – в адыгском селении Забиляр. А Гошенаго отдали состоятельному старику по имени Умар из рода Шалуж. Затем Гошенаго стала невесткой Едиджей. Но отправившемуся на службу мужу Гошенаго донесли, что она ослушалась, и заставили развестись. В конце концов, она вышла замуж за одного турка по имени Осман, и у них родилось два сына. Все семеро братьев девушки погибли в I Мировую войну.

У плача два варианта: вариант, который известен в Еламе, рассказал Косенко Кязим. В 1969 г. он записан Едидж Нихаем.

Серый конь Махмуда белоног,
Белоногий парень причинил мне горе.

Освещает солнце мне дорогу,
Только свет померк в моем раздолье.

(Перевод с черкесского М. Абдоковой)

В песне-плаче повествуется о том, что Гошенаго испытывает боль оттого, что «белоногий парень причинил» ей горе. Даже солнце не радует ее. В ее душе померк свет, и она не знает, как ей жить дальше.

В лирической песне-плаче Едиж Нехая есть своеобразный сюжет, но не событийный, а лирический, связанный с движением чувств и мыс-

лей, с разворачиванием устойчивой системы мотивов. Участники этого сюжета – «он» и «она». Многопланов облик героини. Это вполне реальная «земная» девушка, каждое свидание с которой открывает в ней лирическому герою какую-либо новую черту.

В своем повествовании автор широко использует прилагательные-эпитеты и красочные глаголы: «серый конь», «белоногий парень», «освещает солнце», «свет померк» и т.д. Вот что по этому поводу отмечает филолог С.М. Кажаров: «Анализ основных обычаев адыгского искусства слова, отмеченного красноречием, образностью, свидетельствует о том, что уже здесь складывались идейно-эстетические основы художественной традиции этноса, составившие впоследствии фундамент письменной литературы и других родов профессионального искусства слова» [2, с. 23]. Именно пристальный, заинтересованный взгляд автобиографии автора и выхватывает из встреч, дарованных ему судьбой, самые интересные и неоднозначные характеры. Они и определяются главным предметом изображения и исследования. В них автор видит проявление характера главной героини, пытается исследовать его слабые и сильные стороны.

Авторское отношение к ней – несогласие с ее позицией, способность увидеть противоречия в ее характере. Такое сложное отношение выражается в песнях-плачах не прямо, а косвенно, с помощью самых разных художественных средств. Во всем – в портрете Гошенаго, в авторских комментариях – мы видим иную точку зрения на героиню. Именно глазами автобиографического героя видит читатель Гошенаго. Бросая вызов окружающему обществу, героиня песни-плача «Еламо» болезненно остро осуждает свое одиночество в этом враждебном мире. И все чаще прорывается отчаяние:

«Почему все меркнет для меня,
Вы спросите все у Фатимат.
Строит дворянина из себя
Лагатуко Алхас сын богатый».

(Перевод с черкесского М. Абдоковой)

В понимании Гошенаго благополучное в житейском смысле разрешение конфликта любви и времени для нее невозможно. Трагизм Гошенаго углубляется постоянным мотивом непонимания неприятия, нерешительностью между ней и Кязимом. Глубина психологизма достигается с помощью единичных бытовых деталей, извлеченных из памяти. Узнаваемые, сопутствующие напряженной лирической ситуации, они становятся знаком глубокого обострения чувств. А соединение обыденной детали (в данном случае Фатимат и богатый дворянин Алхас Лигатуко) с глубиной чувств придает песне-плачу необычайную художественную и психологическую убедительность. В данном случае неизменные приметы «меркнущего белого света» остаются в памяти героини как знак разлуки, но потеря любви трактуется особо: Кязим не может вынести силы и превосходства Гошенаго, он не признает за ней превосходства в любви. Отсюда один из постоянных в песнях-плачах мотивов – убийство или попытка убийства любимым ее любовной песни из ревности.

Невыносимые муки любви – вот удел Гошенаго. Мужчина – возлюбленный Кязим – не выносит «терпкой печали» ее любящей души. Лирическая героиня любовной поэзии Едидж Нихая – это всегда героиня любви несбывшейся, безнадежной:

Как невестку знати и дворян,
Вновь увозят далеко меня.
Баца Хажимоко вся в шелках,
Не о счастье помышляю я.

(Перевод с черкесского М. Абдоковой)

Для достижения потрясающей психологической убедительности он пользуется очень емким и лаконичным художественным приемом – говорящей деталью, которая, западая в память участников кульминации личной драмы, становится «знаком беды». Такие знаки Едидж Нихай находит в неожиданном для традиционной поэзии обыденном мире. Это могут быть детали одежды («золотая шапочка на лбу», «золотой нагрудник у меня», «Что мне платье атласа теперь»), детали быта («Мертвое селение – Ханан», «На пороге вновь сидит Исхак»), запахи и звуки окружающего, узнаваемого мира. Глубина чувств и размышлений Гошенаго получает дополнительную художественную убедительность и почти зримую достоверность.

Многие лаконичные детали Едидж Нихая – художника не только сконцентрировали в себе целую гамму переживаний, а стали общепризнанными формулами, выражающими состояние души человека. Едидж Нихай воздает должное высокой общечеловеческой роли любви, ее способности определять любящих. Когда люди попадают под власть этого чувства, их радует мельчайшие повсед-

невные детали, увиденные влюбленными глазами: горы, леса, деревья, небо, солнце и пр. Меняют свою эмоциональную окраску даже такие постоянные в мировой культуре «знаки беды», как «Только свет померк в моем раздолье», «Как дожить мне до кончины дня?», «Вот приют несчастной моей молодости». Они тоже становятся в контексте Едидж Нихая контрастными знаками любви. Очень тонко характеризует писательскую манеру адыгской диаспоры профессор Н.С. Надъярных: «Диаспора буквально взрывчата вопросами-проблемами, начиная с проблемы летоисчисления национального художественного сознания и кончая определением доминанты писательской личности в национальном потенциале культуры» [3, с. 3].

И все же любовная поэзия Едидж Нихая, прежде всего, это лирика разрыва, завершения отношений или утраты чувства. Почти всегда его песни-плачи о любви – это рассказ о последней встрече или о прощальном объяснении. Даже в песнях-палачах Едидж Нихай предпочитает обращаться к ситуации развязки. Но и состояния расставания у него удивительно разнообразны и всеобъемлющи. Это и остывшее чувство (у него, у нее, у обоих), и непонимание, и соблазн, и ошибка, и трагическая любовь главной героини. Словом, все психологические грани разлуки нашли воплощение в песнях-плачах Едидж Нихая.

Любовную лирику песен-плачей Едидж Нихая отличает глубочайший психологизм. Ему, как никому в адыгской поэзии, удалось раскрыть самые заветные глубины женского внутреннего мира, переживаний, состояний и настроений.

Библиографический список

1. *Бекизова Л.А.* Фольклорно-эпические традиции как основа адыгской литературной общности. – Черкесск, 1991.

2. *Кажаров С.М.* Традиции искусства словесного творчества адыгов. – Нальчик, 2005.

3. *Надъярных Н.С.* Диаспора в потоке времени. – Черкесск, 1993.

4. *Сакиева Р.С.* Вклад Батырая Озбека (Германия) в черкесскую культуру. – Черкесск, 1991.

5. *Халипаева И.А.* Особенности бытования песен-сорынов, прожив. в Турции. – Черкесск, 1991.

В.Н. Бабаян

ДИСКУРС КАК СЛОЖНЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Преамбула. *Определение понятия «дискурс» представляет значительные сложности в силу того, что оно оказалось на стыке целого ряда научных дисциплин, таких как лингвистика, антропология, литературоведение, этнография, социология, социолингвистика, философия, психолингвистика, когнитивная психология и др. Тем не менее, можно говорить о том, что благодаря усилиям ученых различных областей теория дискурса оформляется в настоящее время как самостоятельная междисциплинарная область, отражающая общую тенденцию к интеграции в развитии современной науки. Цель настоящей работы – провести анализ различных подходов отечественных и зарубежных исследователей к определению понятия «дискурс» и дать своё рабочее определение этого сложного коммуникативного явления.*

Дискурс (*фр.* discours – речь) – в широком смысле представляет собой единство языковой практики и экстралингвистических факторов…, необходимых для понимания текста, то есть дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения [13, с. 222].

Ситуативное понимание дискурса раскрывается и в «Большом энциклопедическом словаре. Языкознание» (1998), где дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте. Это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах сознания (когнитивных процессах). Дискурс – речь, «погруженная в жизнь» [1, с. 136–137].

Такое понимание дискурса опирается на его представление как коммуникативного события в концепции Т.А. ван Дейка, согласно которой «…дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим

© В.Н. Бабаян, 2006

образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [5, с. 121–122]. Т.А. ван Дейк ввел понятие прагматического контекста, учёт условий которого помогает правильно интерпретировать дискурсную информацию. «Понятие прагматического контекста является теоретической и когнитивной абстракцией разнообразных физико-биологических и прочих ситуаций» [5, с. 19]. Схема такого прагматического понимания отражает так называемый «исходный контекст коммуникации, то есть положение дел, которое потом при совершении речевого акта, неизбежно меняется» [5, с. 21]. «К этому исходному тексту, – поясняет исследователь, – относятся не только события/действия, происшедшие непосредственно перед речевым актом, но, вероятно, и информация, аккумулированная в отношении более “ранних” состояний и событий» [5, с. 21].

Итак, по Т.А. ван Дейку, дискурс – сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие [5].

М.Л. Макаров понимает дискурс как диалог, конституируемый по правилам диалога и вероятностным зависимостям: «Дискурс – представляет собой социальную “материю”, где один речевой акт не может определить тип и свойства последующего акта: он скорее задаёт условия, в которых появление того или иного продолжающего диалог акта будет более или менее ожиданным, уместным, соответствующим нормам и правилам общения. Тип отношений в новой онтологии не допускает однозначного детерминизма, он в большей степени характеризуется размытыми вероятностными зависимостями, обусловленными стратегиями и нормами «речи-во-взаимодействии» [11, с. 19].

По определению В.Г. Борботько, дискурс есть текст, состоящий из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной смысловой связи, что делает его цельным образованием [3, с. 8].

Лингво-коммуникативный аспект дискурса прослеживается и в определении Г.А. Орлова. Дискурс рассматривается как категория (естественной) речи, материализуемой в виде устного или письменного речевого произведения, относительно завершенного в смысловом и структурном отношении, длина которого потенциально вариативна: от синтагматической цепи свыше отдельного высказывания (предложения) до содержательно-цельного произведения (рассказа, беседы, описания, инструкции, лекции и т.п.) [12, с. 14].

Ю.Н. Караулов и В.В. Петров дают следующее определение дискурса с позиций коммуникативно-ориентированного подхода к его изучению: «дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [7, с. 8].

И.Н. Горелов и К.Ф. Седов отмечают, что дискурс выступает отражением интеракции языковых личностей и определяют этот феномен как «речевое произведение, представляющее собой отрезок «живой речи» и как «речевое произведение в полноте его когнитивных и социокультурных характеристик» [4, с. 147, 165].

Содержательный аспект дискурса учитывается в определении В.А. Коха, согласно которому «любой текст (или части текста), который содержит проявления одного и того же конкретного мотива, будет считаться дискурсивным текстом» [9, с. 149–171], что другими исследователями и называется дискурсом (*англ.* discourse).

Ирена Беллерт считает дискурс связным текстом, однако дает «интуитивное» понимание этого термина. Дискурс, по И. Беллерт, – это «такая последовательность высказываний S_1..., S_n, в которой семантическая интерпретация каждого высказывания S_1 (при $2 < i < n$) зависит от интерпретации высказываний в последовательности S_1..., S_{i-1}» [2, с. 172].

Как видим, в данном определении особо подчеркивается, что адекватная интерпретация высказывания, выступающего в дискурсе, требует знания предшествующего контекста. Из этого определения термина «дискурс» можно заключить, что дискурс рассматривается в логико-семантическом аспекте.

При этом И. Беллерт утверждает, что семантическая интерпретация любого высказывания (единицы дискурса) представляет собой совокупность следствий, или выводов, которые можно сделать на основании данного высказывания. Иными словами, И. Беллерт говорит о том, что данная точка зрения является интуитивно убедительной, так как трудно не согласиться с тем, что «если некто понимает данное высказывание,

то он может сделать вытекающие из него выводы, и наоборот».

Дискурс по А.А. Кибрику – «коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов и создающийся в процессе общения текст». Это определение коррелирует с пониманием дискурса в современной психологии, которая определяет дискурс как социальную деятельность в условиях реального мира (D. Edwards, J. Potter, M. Wetherell), а также с трактовкой дискурса как подчеркнуто интерактивного способа речевого взаимодействия [8, с. 132]. В.В. Красных заключает, что «дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность *процесса* и *результата* и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [10, с. 200].

Здесь следует внести некоторые пояснения в том смысле, что при рассмотрении дискурса с точки зрения *результата* он предстает как совокупность текстов, порожденных в процессе коммуникации. При анализе дискурса как *процесса* дискурс представляет вербализуемую («здесь и сейчас») речемыслительную деятельность. В силу приведенного выше определения дискурса В.В. Красных использует форму *«вербализованная»* деятельность. Дискурс, по В.В. Красных, имеет два плана – собственно лингвистический и лингвокогнитивный. Первый связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порожденных текстов (дискурс как результат). Второй связан с языковым сознанием, обусловливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс).

В.И. Карасик с позиций социолингвистики считает дискурс общением людей, рассматриваемым с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации [6, с. 233–234]. При этом он применительно к современному социуму выделяет политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, спортивный, научный, сценический, массово-информационный и др. виды институционального дискурса.

На основе проведенного обзора работ по проблемам дискурса – довольно сложного коммуникативного явления, в определении которого у исследователей наблюдаются серьезные расхождения, сделаем попытку дать свое рабочее определение исследуемого феномена. Итак, **дискурс** – это: 1) связный текст, сопряженный речевой ситуацией; 2) целостная коммуникативная (речевая) единица; 3) устный или письменный вид текста (речевое произведение), обращенный к слушателю/читателю; 4) монолог – диалог; 5) адресованное сообщение; 6) семантически связанная последовательность предложений-высказываний (реплик).

Библиографический список

1. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 136–137.

2. *Беллерт И.* Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М., 1978. – С. 172–207.

3. *Борботько В.Г.* Элементы теории дискурса. – Грозный, 1981.

4. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. – М., 2001.

5. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.

6. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.

7. *Караулов Ю.Н., Петров В.В.* От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Т.А. Ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. Вступительная статья. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5–11.

8. *Кибрик А.А.* Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. – 1994. – №5. – С. 126–139.

9. *Кох В.А.* Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 149–171.

10. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001.

11. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. – М., 2003.

12. *Орлов Г.А.* Современная английская речь. – М., 1991.

13. Философский энциклопедический словарь. – М., 1998.

Е.Н. Круглова

ПРОБЛЕМА ОБРАЗА АВТОРА В ТВОРЧЕСТВЕ А.Ф. ПИСЕМСКОГО

Преамбула. *В статье исследуется особенность авторской позиции в прозе А.Ф. Писемского, который вводит в повествование двуединый образ повествователя (сложное переплетение образов автора и рассказчика).*

Своеобразие реализма А.Ф. Писемского принадлежит к числу недостаточно разработанных и актуальных проблем в отечественном литературоведении. Определяя это своеобразие в общих чертах, исследователи противопоставляют Писемского И.С. Тургеневу, утверждая, что реализм Тургенева имеет ярко выраженные романтические тенденции, а реализм Писемского – натуралистические. Однако эти общие утверждения, с которыми можно согласиться, никак не подтверждаются анализом поэтики Писемского, в частности, своеобразной формы повествования, типичной для его писательской манеры. Ключевая роль тут принадлежит образу автора. Рассмотрим сначала, как проблема автора раскрывается в современных теоретических исследованиях.

Слово «автор», как указывает В.Е. Хализев, имеет в сфере литературоведения несколько значений: «Это, во-первых, творец художественного произведения как реальное лицо с определённой судьбой, биографией, комплексом индивидуальных черт. Во-вторых, это образ автора, локализованный в художественном тексте, то есть изображение писателем, живописцем, скульптором, режиссёром самого себя. И, наконец, в-третьих, это художник-творец, присутствующий в его творении как целом, имманентный произведению»[1]. Автор в 3-м значении слова подаёт и освещает реальность, осмысливает и оценивает её. Он выступает в качестве субъекта художественной деятельности, то есть организует произведение как целостную систему.

А.Н. Соколов писал: «Понятие «образа автора» требует ещё дальнейшей разработки… Во всяком ли литературном произведении можно найти образ автора, или иногда приходится говорить только о выражении авторской личности в произведении?.. Образ автора – это, говоря шире и точнее, выражение личности художника в его творении <…> Личность придаёт стилю индивидуальное своеобразие»[2].

Вслед за А.Н. Соколовым исследованию образа автора придавал огромное значение В.В. Виноградов. Он наблюдал, из чего складывается образ автора. «Образ автора – это образ, складывающийся или созданный из основных черт творчества поэта. Он воплощает в себе <…> также и элементы художественно преобразованной его биографии <…> Лирическое я – это не только образ автора, это – вместе с тем представитель большого человеческого общества»[3].

Исследователь обращает внимание на то, что образ автора часто смешивается в литературоведении с образом рассказчика, поэтому он настаивает на разграничении образа «рассказчика», создающего сказ, и образа «автора», стоящего над рассказчиком и объединяющим иногда несколько рассказчиков. «Рассказчик – речевое порождение автора, и образ рассказчика в сказе – это форма литературного артистизма автора. Образ автора усматривается в нём как образ актёра в творимом им сценическом образе. Соотношение между образом рассказчика и образом автора динамично в пределах сказовой композиции, это величина переменная»[4].

Однако Виноградов допускает и сказ, который идёт от авторского «я». Сказ от лица автора возможен, когда автор заявляет себя читателю не пишущим, а говорящим своё произведение, но одновременно не скрывающимся под маской какого-то персонажа. Виноградов делает такое замечание, раскрывающее различие между сказом, ведущимся от чужого имени, и сказом от своего лица: «Писательское «я» – уже не образ-имя, а образ-местоимение. Следовательно, под ним можно скрывать противоречивые формы, диалектика его колебаний очень сложна»[5].

То есть писатель может на протяжении своего художественного произведения менять лики и маски. Таким образом, Виноградов разграничивает образ автора, являющегося хозяином текста, и рассказчика и придерживается первого определения образа автора (творец художественного произведения как реальное лицо с определённой судьбой, биографией, комплексом индивидуальных черт).

М.М. Бахтин в статье «Проблема содержания, материала и формы в художественном творчестве» рассматривает образ автора-творца как конститутивный момент художественной формы.

 © Е.Н. Круглова, 2006

Через форму автор передаёт своё отношение к содержанию: в форме он раскрывает, изображает своё мировидение, свои чувства.

«Осуществляется своеобразное единство органического – телесного и внутреннего – душевного и духовного – человека, но единство – изнутри переживаемое. Автор, как конститутивный момент формы, есть организованная, изнутри исходящая активность цельного человека»[6]. Бахтин указывает, что «эта изнутри организованная активность личности творца существенно отличается от извне организованной пассивной личности героя, человека – предмета художественного виденья, телесного и душевно определённого: его определённость есть видимая и слышимая, оформленная определённость <…> между тем как личность творца – и невидима и неслышима, а изнутри переживается и организуется – как видящая, слышащая, движущаяся, помнящая, как не воплощённая, а воплощающая активность и уже затем отражённая в оформленном предмете»[7].

Герой включает в себя творца, то есть в нём творец находит себя. Но всё равно между автором и героем наблюдается дистанция (даже в автобиографическом жанре), где писатель с некоторого временного расстояния осмысливает собственный жизненный опыт.

Таким образом, Бахтин поднимает проблему соотношения автора и героя, заявляет о чётком их разграничении. Для него герой – это посредник взаимодействия творца и содержания.

Ю.А. Смирнова в статье «Речевая структура образа героя-рассказчика в повестях и рассказах А.Ф. Писемского» указывает, что очень часто герой выступает в качестве рассказчика и сам рассказывает о себе (при помощи рассказа в рассказе, и в развёрнутых репликах героев, которые являются компонентами диалога). По мнению исследователя, это всегда только форма литературного актёрства писателя[8].

Таким образом, в выборе автором той или иной формы повествования выражается позиция писателя.

Бахтин также как и Виноградов разграничивает автора и рассказчика, которого он называет «говорящим человеком в романе» или «условным автором», но освещает эту проблему иначе. Сказ рассказчика строится на фоне нормального литературного языка, «обычного литературного кругозора. Каждый момент рассказа соотнесён с этим нормальным кругозором, противопоставлен ему, <…> притом противопоставлен диалогически: как точка зрения точке зрения…»[9] Эта соотнесённость и позволяет ощутить авторскую позицию. Причём автор не в языке рассказчика и не в нормальном литературном языке, с которым соотнесён сказ (хотя он может быть ближе к тому или другому языку), – но он пользуется и тем и другим языком, чтобы не отдать своих интенций до конца ни одному из них. Автор остаётся как бы нейтральным, третьим в споре двух (в отдельные моменты допускается полное слияние голосов).

Таким образом, Бахтин разграничивает рассказчика и автора. Но Виноградов рассматривает различия между автором и рассказчиком как игру автора, а Бахтин – как способ выражения авторской позиции.

Бахтин придерживается третьего определения образа автора (художник-творец, присутствующий в его творении как целом, имманентный произведению).

Бытует и ещё одна точка зрения на авторство – концепция смерти автора. Согласно ей художественная деятельность изолирована от духовно-биографического опыта создателя произведения. Р. Барт называет автора отцом текста. Утверждает, что личность автора лишена власти над произведением, с волей автора считаться не надо, её следует забыть. На смену автору пришёл скриптор (то есть пишущий), который «несёт в себе не страсти, настроения, чувства или впечатления, а только такой необъятный словарь, из которого он черпает своё письмо, не знающее остановки»[10]. То есть Барт считает, что автора нет ни до написания текста, ни после того, как текст завершён. Полноту власти над написанным имеет лишь читатель. Таким образом, Барт доводит концепцию до крайности. Он противопоставляет друг другу автора и читателя, как неспособных к общению.

Итак, мы рассмотрели разнообразные точки зрения на образ автора и склонны к третьему определению. А именно, автор – это художник-творец, присутствующий в его творении как целом, имманентный (внутренне присущий) произведению. Автор освещает реальность, но с некоторого временного расстояния, осмысливает и оценивает её.

Так же мы склонны разграничивать автора и рассказчика. Но в произведениях А.Ф. Писемского автор или рассказчик в чистом виде отсутствуют. Образ повествователя у него представляет собой сложное переплетение этих двух начал. Именно в этом переплетении и заключает-

ся своеобразие эстетической позиции Писемского (художественное постижение действительности, осложнённое чертами натурализма).

Произведём аналитическое сравнение форм выражения авторской позиции в произведениях Писемского и Тургенева.

Художественный метод этих двух писателей обнаруживал точки соприкосновения, но, как мы отмечали, имел при этом принципиальные различия: у Писемского реализм осложнён чертами натурализма, а у Тургенева – чертами романтизма. Как же эти различия проявлялись в авторской позиции?

В 1856 году вышла в свет книга Писемского «Очерки из крестьянского быта», которая включала в себя следующие произведения: «Питерщик», «Леший», «Плотничья артель». Книга была встречена сочувственными откликами критики.

Эстетическая критика (П.В. Анненков, А.В. Дружинин) решительно противопоставляла Писемского Тургеневу. Анненков в статье «Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году» писал: «Искусство здесь обман, как нередко случается в отношении народных повествований»[11]. Таким образом, Анненков считал, что Писемский уходил от реального изображения жизни крестьян при крепостном праве, решительно отступал от «гоголевского направления» в развитии русской литературы, от писателей «натуральной школы».

Дружинин тоже причислял Писемского к эстетическому направлению. В статье ««Очерки из крестьянского быта» А.Ф. Писемского» он писал: «Разгадка авторского присутствия в «Очерках» есть разгадка всей методы г. Писемского, как рассказчика сцен из простонародного быта. По идее автора «Плотничьей артели» русский писатель нашего времени, изображая подобные сцены, не может иметь к героям своим иного отношения как отношения наблюдательского. Переселиться в особу крестьянина он не сумеет, наперекор своему желанию жить его жизнью и выставлять его страсти во всей правдивости ему нельзя, по причине разности воспитания, быта, интересов, наконец, мельчайшей подробности обстановки. <…> Признавая за г. Тургеневым, Григоровичем, Потехиным и несомненную поэзию, и дар рассказа, и прочие достоинства, г. Писемский слишком хорошо видит, чем грешат эти таланты в тех местах, где они пытаются стать в чисто нераздельное отношение к простому человеку, мыслить его мыслью, говорить его простым словом, интересоваться всеми его интересами и так далее. Не желая оставлять верное для неверного, он довольствуется своей ролью наблюдателя и, заранее определив эту роль, идёт с нею гораздо далее, чем могут идти его сверстники по простонародным рассказам»[12]

Писемского не устраивала такая интерпретация его очерков. По поводу статьи Анненкова, в частности, он писал: «За его разбор моего “Питерщика” я бы мог его зарезать, потому что он совершенно не понял того, что писал я»[13].

Иную позицию в оценке Писемского занял Н.Г. Чернышевский. Вступая в полемику с Дружининым, он, выявляя своеобразие авторской позиции Писемского, показал, тем не менее, близость автора к гоголевскому направлению: «В своей критической статье о Гоголе г. Писемский выражал мнение, что талант Гоголя чужд лиризма. Про Гоголя, как нам кажется, этого сказать нельзя, но, кажется нам, в таланте самого г. Писемского отсутствие лиризма составляет самую резкую черту. Он редко говорит о чем-нибудь с жаром, над порывами чувства у него постоянно преобладает спокойный, так называемый эпический тон. Достоинство это или недостаток, вообще мы не беремся решить; но, конечно, г. Писемский не думал порицать Гоголя за отсутствие лиризма, и нам кажется, что у г. Писемского отсутствие лиризма скорее составляет достоинство, нежели недостаток; нам кажется, что хладнокровный рассказ его действует на читателя очень живо и сильно, и потому полагаем, что это спокойствие есть сдержанность силы, а не слабость. Правда, некоторые из наших критиков, обманываясь этим спокойствием, говорили, что г. Писемский равнодушен к своим лицам, не делает между ними никакой разницы, что в его произведениях нет любви и т. д. – но это совершенная ошибка. Любить умеет не только тот, кто любит кричать о своей любви: у иного чувство выражается и словом и делом, у иного только делом, и, быть может, тем сильнее, чем молчаливее. Довольно припомнить хотя бы «Очерки из крестьянского быта», чтобы убедиться в том, что у г. Писемского спокойствие не есть равнодушие. Он, очевидно, имеет сильное расположение к своему питерщику Клементию, который в самом деле стоит расположения; он, очевидно, очарован сильною и благородною личностью своего Петра и, если бы мог, стер бы с лица земли, как гнусную гадину, Пузича (в «Плотничьей артели») или Егора Пименова (в «Лешем») – какое тут равнодушие, помилуйте! – на чьей сто-

роне горячее сочувствие автора, вы ни разу не усомнитесь, перечитывая все произведения г. Писемского. Но чувство у него выражается не лирическими отступлениями, а смыслом целого произведения. Он излагает дело с видимым бесстрастием докладчика, – но равнодушный тон докладчика вовсе не доказывает, чтобы он не желал решения в пользу той или другой стороны, напротив, весь доклад так составлен, что решение должно склониться в пользу той стороны, которая кажется правою докладчику»[14].

Мы же склонны считать, что Писемский в своём творчестве совмещает лиризм с натуралистической манерой изображения жизни.

Исследователи творчества писателя (М.П. Ерёмин, С.М. Балуев) отмечают, что в тексте «Очерков» есть моменты, свидетельствующие о желании автора вступить в диалог с Тургеневым – автором «Записок охотника». Сопоставим ряд реминисценций в выражении авторской позиции писателей (см. табл.).

И у Тургенева, и у Писемского повествование ведёт автор-рассказчик, который является одним из действующих лиц. У Писемского в очерках повествует и действует чиновник (титулярный советник), Алексей Феофилактович, а у Тургенева – охотник, который скрепляет разные по содержанию рассказы. За счёт этого приёма знания писателей о героях приобретают некоторую ограниченность. Повествователь выступает не как всевидящий автор, а как лицо, которое может рассказать только о реально увиденном (позиция наблюдателя). На некоторые сцены Писемский набрасывает тайну, чтобы показать, что он не всеведущий автор, а лишь рассказчик. Однако незримое его присутствие ощущается в каждом слове. Читатель всегда субъективно ощущает, на чьей стороне автор.

Одной из особенностей «Очерков» Писемского является отсутствие монологов: как авторских, так и принадлежащих героям. Однако значительное место отводится диалогам, живой народной речи. Мы сразу же попадаем в русскую глубинку, видим крестьянина в труде, благодаря которому он обретает чувство собственного достоинства. Характер героя раскрывается в живом общении с односельчанами. Мы сталкиваемся с духовно богатыми людьми, одним из которых является Клементий из «Питерщика» (прообразом его можно считать Хоря из рассказа Тургенева «Хорь и Калиныч»). Духовная стойкость свойственна именно русскому человеку, только он способен, потеряв всё, начать строить свою жизнь с нуля и вновь добиться успеха. Включая в повествование диалог, детализируя речь рассказчика, Писемский резко индивидуализирует героев. Тургенев раскрывает народные характеры иначе. Он уходит от детализации жизни крестьян, рассматривает героев в лирическом единстве с природой и тем самым придаёт повествованию обобщённое звучание. Он индивидуализирует характеры героев лишь настолько, чтобы они не выпадали из создаваемого в книге романтически-целостного, группового образа народа.

Даже в описании обстановки в избах крестьян у писателей наблюдаются различия. У Тургенева отсутствует детализация, точность, тем самым крестьянский быт, а отсюда, отчасти, и характер русского народа получают лирически-суммарную окрашенность: чистота, смирение, терпимость. В этом проявляются черты романтизма Тургенева. У Писемского же комната представлена в натуралистической манере и перенасыщена деталями быта. Писатель максимально приближает своего героя к читателю, используя несвойственную Тургеневу аналитическую манеру рассказа. Гораздо чаще использует Писемский приём «рассказ в рассказе», когда повествование ведётся от лица героев очерков. Данная форма повествования выражает игру автора с читателем. Очень важно в чьи уста автор вкладывает сказ. Обычно Писемский доверяет повествование ярким личностям из народа.

Очерк Писемского «Леший» (1853) по сюжету перекликается с рассказом Тургенева «Пётр Петрович Каратаев» (1847). Во-первых, чувства и переживания героев в значительной мере определяются крепостническим произволом, накладывающим свою печать на их судьбы и характеры. Во-вторых, взаимоотношения героев покрыты тайной. Фантастический элемент в сюжете очерка Писемского придаёт повествованию романтическую окраску. В-третьих, оба героя лишаются личного счастья, так как преступили законы нравственности.

Но несмотря на переклички сюжетов, главные герои отличаются друг от друга, что ярко прослеживается уже в авторской характеристике персонажей. Хотя герой Тургенева ничем не выделяется из общей массы русских людей, писатель подмечает добрый и страстный взгляд Каратаева. И напротив, в характеристике управляющего Писемский отмечает сальное лицо, маленькие глаза, расшаркивание и лакейство. Если Каратаев беззаветно любит Матрёну, то Егор Пармёныч

Таблица

Формы и способы выражения авторской позиции

И. С. Тургенев «Записки охотника» («Хорь и Калиныч», «Пётр Петрович Каратаев», «Лес и степь»)	А. Ф. Писемский «Очерки из крестьянского быта» («Питерщик», «Леший», «Плотничья артель»)
1. Повествование ведёт автор-рассказчик, который является одним из действующих лиц (охотник).	1. Повествование ведёт автор-рассказчик, который является одним из действующих лиц (чиновник).
2. Поясняет необходимость тех или иных эпизодов. «Читателю, может быть, уже наскучили мои записки; спешу успокоить его обещанием ограничиться напечатанными отрывками; но, расставаясь с ним, не могу не сказать несколько слов об охоте»[15].	2. Поясняет необходимость тех или иных эпизодов. «Я сказал, что вы встретите женщину, на том основании, что летом вы уж, конечно, не увидите ни одного мужика, а если и протащится по перегородке какой-нибудь, в нитяной поневе, нечёсаный и в разбитых лаптях, то вы, вероятно, догадаетесь, что это работник…»[16].
3. Даёт прямые оценки героям, их поступкам, а так же событиям. «…г-н Полутыкин был, как уже сказано, отличный человек». «…я успел, со всем жадным любопытством скучающего человека, окинуть взором с ног до головы моего нового товарища. На вид ему было под тридцать. Оспа оставила неизгладимые следы на его лице, сухом и желтоватом…Такие фигуры встречаются на Руси не дюжинами, а сотнями; знакомство с ними… не доставляет никакого удовольствия; но, несмотря на предубеждение, с которым я глядел на приезжего, я не мог не заметить беспечно доброго и страстного выражения его лица».	3. Даёт прямые оценки героям, их поступкам, а так же событиям. «Клементий был мужик оборотливый и немного резонёр, потому что, как видно, как видно любил обо всём порассудить и потолковать». «Его душе (Клементий), как мы видели, были доступны нежные и почти тонкие ощущения. Даже в самом разуме его было что-то широкое, размашистое, а в этом мудром опознании своих поступков сколько высказалось у него здравого смысла, который не дал ему пасть окончательно…». «Порадовавшись успеху питерщика, я вместе с тем в лице его порадовался и вообще за русского человека». «Вошла хозяйка с самоваром – женщина ещё молодая, но очень неприятной наружности…». «Давыд очень хороший кучер и вообще малый трезвого поведения и доброго нрава…». «…с первого же взгляда давал в себе узнать располневшего лакея: лицо сальное, охваченное бакенбардами, глаза маленькие, чёрные и беспрестанно бегающие… Одет он был очень презентабельно…: в сером…пальто, в пике-жилете, при часах на золотой цепочке, с золотым перстнем на грязной руке и в соломенной шляпе, которую он, подойдя к нам, приподнял и расшаркался».
4. Постоянный диалог с читателем. «Читатель позволит мне не передавать его заикания». «Но, может быть, не все мои читатели знают, что такое тяга».	4. Постоянный диалог с читателем. «Положительно можно сказать, что в каждой из них (деревень) вам кинется в глаза большой дом, изукрашенный разными разностями…». «Для меня он приготовил ту, неведомо по чьему вкусу составленную закуску, на которую вероятно, попадал и читатель в купеческих домах…». «Зиму прошлого года я прожил в деревне, как говориться в стенах, в старом, мрачном доме, никого почти не видя, ничего не слыша, посреди усиленных кабинетных трудов, имея для своего развлечения одни только трехверстные поездки по непромятой дороге, и потому читатель может судить, с каким нетерпением встретил я весну».

желает просто овладеть девушкой. В отличие от Тургенева Писемский отчётливо видел «наступление капитализма на деревню»[17]. На смену помещикам (помещицам) приходят управляющие-тираны, которые живут безнаказанно. За судьбой Марфуши угадывается множество судеб крестьян. Своеобразная манера повествования Писемского предоставляет дополнительные возможнос-

Окончание таблицы

	5. Умолчание. «Пётр стал меня очень интересовать, и я хотел было о нем поподробнее расспросить Сергеича, но в это время подошёл Пузич и начал нести какую-то чушь о работе…». «Плохо же житьё питерцу, – подумал я, – понятно, что в семье у него не очень ладно <…> Отчего это он, по его выражению, прогорел и почему не в Питере?»
	6. Часто повествование ведётся от лица героев произведения. Рассказ питерщика, исправника.
	7. Внутренние размышления и переживания. «Однако что же это оральщики не шабашат? – думаю я сам с собой». «И – боже мой! Как хороша показалась мне оживающая природа и какую тонкую способность получил я наслаждаться ею…»
8. Описание обстановки. «Мы вошли в избу. Ни одна суздальская картина не залепляла чистых бревенчатых стен; в углу, перед тяжёлым образом в серебряном окладе, теплилась лампадка; липовый стол недавно был выскоблен и вымыт…» (изба Хоря).	8. Описание обстановки. «Я вошёл и, осмотревшись, тотчас же догадался, что я у питерщика. Комната вся была оклеена сборными обоями: несколько полосок французских атласных, несколько хороших русских и, наконец, несколько дешёвеньких; штукатурный потолок весь был расписан букетами, так что глазам было больно смотреть на него; в переднем углу стояла красного дерева киота с образами и стол, на котором были нарисованы тарелки, а на них разрезанные фрукты, а около – серебряные ножи и вилки; лавок не было их заменяли деревянные стулья, выкрашенные как будто бы под орех. В заднем углу стояла кровать с ситцевыми занавесками…».
9. Язык эмоционален, насыщен тропами и фигурами. «Я долго любовался его лицом, кротким и ясным, как вечернее небо».	9. Простой язык.

ти для выявления точки зрения писателя. Очень часто автор не разделяет чувств повествующего, занимая позицию стороннего наблюдателя.

Таким образом, сопоставительная характеристика Писемского и Тургенева даёт возможность более отчётливо выявить многообразие оттенков реалистической манеры повествования Писемского.

Примечания

[1] *Хализев В.Е.* Теория литературы. – М., 2002. – С. 68–69.

[2] *Соколов А.Н.* Теория стиля. – М., 1968. – С. 156.

[3] *Виноградов В.В.* Проблема авторства и теория стилей. – М., 1961. – С. 113.

[4] Там же. – С. 118.

[5] Там же. – С. 128.

[6] *Бахтин М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 70.

[7] Там же. – С. 71.

[8] См.: *Смирнова Ю.А.* Речевая структура образа героя-рассказчика в повестях и рассказах А.Ф. Писемского // Поэтика и стилистика, 1988–1990. – М., 1991.

[9] *Бахтин М.* Указ. соч. – С. 128.

[10] Цит. по: *Хализев В.Е.* Указ. соч. – С. 83.

[11] *Анненков П.В.* Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок. Отдел второй. – СПб., 1879. – С. 68.

[12] *Дружинин А.В.* Прекрасное и вечное. – М., 1988. – С. 253.

[13] *Писемский А.Ф.* Письма. – М.; Л., 1936. – С. 71.

[14] *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. – М., 1948. – Т. 4. – С. 570–571.

[15] *Тургенев И.С.* Записки охотника // Тургенев И.С. Собр. соч.: В 30 т. – М., 1979. – Т. 4. – С. 340. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте без указания страницы.

[16] *Писемский А.Ф.* Собр. соч.: В 5 т. – М., 1982. – Т. 1. – С. 436–437. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте без указания страницы.

[17] См. об этом: *Мартынов И.А.* А.Ф. Писемский // Писемский А.Ф. Избр. произведения. – М., 1940.

ИСТОРИЯ

Н.А. Белянкина

УСАДЕБНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ГАЛИЧСКОГО УЕЗДА КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ КОН. XVIII – ПЕР. ПОЛ. XIX ВЕКА

Исследование развития усадебного строительства невозможно без изучения основных статистических характеристик региона в целом. Костромская губерния в силу своего выгодного географического расположения (центральный округ России), наличия богатых природных ресурсов являлась прекрасным местом для приобретения родовых имений. Некоторая удаленность от центра способствовала становлению поместий опальных или престарелых государственных чинов. Наличие земельных владений у царствующей династии на территории Костромской губернии являлось одним из факторов, повлиявших на развитие усадебного строительства. Таким образом, создаются все предпосылки (природно-климатические, исторические, социальные) для развития усадебного строительства на территории губернии.

«Усадебное расселение» в Костромской губернии развивалось неоднородно, охватывая территории, повторяющие ареал заселения губернии. В начале XIX века в Костромской губернии в меридиональном направлении усадебное «расселение» формировалось параллельно Вологодскому тракту и в бассейнах судоходных рек: Унжи, Ветлуги, Костромы, в широтном направлении – в бассейне реки Волги. Дисперсными зонами «усадебного расселения» можно считать районы вокруг Галичского и Чухломских озер. К середине XIX века усадебное строительство охватывало наиболее выгодные по природно-климатическим и экономическим характеристикам территории (центральный, западный и южный районы) и развивалось в поперечном направлении губернии, т.е. с юга на север, не затрагивая северо-восточный округ губернии.

Рассматривая усадебное строительство необходимо отметить развитие усадеб на территории Галичского уезда. По основным статистическим характеристикам распределения населенных мест в Костромской губернии общее количество отдельностоящих усадеб составляло 352 планировочные единицы, из них – 135 располагались на территории Галичского уезда[1]. О большом количестве родовых поместий в данной местности также говорят отчеты специальной экспедиции КНОИМК (Костромское научное общество по изучению местного края) в двадцатые годы прошлого столетия с целью выявления и сохранения усадебных ценностей. Из отчета, составленного членом экспедиции В.Г. Магницким по Галичскому уезду: – Этот уезд назвали мне дворянским по преимуществу. По нему было выдано 600 уставных грамот, которыми, зарегистрировано 600 дворянских фамилий, не считая мелкопоместных. О том же значении Галичского уезда говорят два факта: отсутствие казенных и удельных крестьян в уезде и незначительное количество лесов, находящихся в распоряжении Галичского наместничества[2]. Таким образом, исследуя развитие усадебного строительства Костромской губернии, необходимо особым вниманием отметить усадьбы Галичского уезда.

Формирование и дальнейшее развитие усадебного комплекса складывается в зависимости от ряда факторов – социальных, экономических, природно-климатических, исторических и т. д. На территории Галичского уезда были созданы самые выгодные условия для развития усадебного строительства. Галичский уезд с одной стороны характеризовался как промышленный, с другой стороны – самой природой были созданы прекрасные условия для развития сельского хозяйства[3]. Особое место в системе расселения уезда занимает территория вокруг Галичского озера. Одно из крупных озер центрального региона России (богатое рыбой, сапропелем) формирует вокруг себя зону усадебного строительства.

Рассматривая формирование усадебных комплексов на территории приозерья, следует отметить становление среднепоместных и мелкопоместных хозяйств. Из отчета Магницкого: Вокруг озера по Вексе усадьбы идут непрерывным рядом, сходясь на расстоянии версты и менее и расходясь от соседних не более чем на 6–7 верст[4]. Плотность расселения на данной территории была достаточно высокой, поэтому усадьбы возводились, в основном на территории села. От-

© Н.А. Белянкина, 2006

дельностоящие усадьбы располагались недалеко от поселений. Нередко небогатая усадьба «поглощалась» застройкой в связи с расширением поселения (Сынково, Барское и т.д.). Таким образом, образование и развитие сельских поселений (деревни, села, усадьбы) вокруг озера представляют собой плотное кольцо застройки. Исходя из вышесказанного, анализируя усадебное строительство в данной местности, необходимо отметить узкую направленность в типологии формирования усадебных комплексов (жилищно-хозяйственного тип). В первой половине XIX века на территории приозерья отсутствовали усадьбы репрезентативного типа, сформированные по принципу архитектурно – паркового ансамбля. Усадьбы производственного типа, ориентированные только на промышленное производство, в это время так же не возводились.

Развитие дворянских усадеб вокруг крупного озера и на берегах вытекающих из него рек, использование естественного рельефа позволяют выявлять общие тенденции в формировании усадебной структуры. В большинстве случаев доминирующими объектами в крупных усадьбах становились храмовые комплексы и господские дома. Развитие территории комплекса происходило в соответствии с рельефом местности. В планировочной структуре усадеб, расположенных на территории села (Сипягиных, Чалеевых, Нелидовых и др.), доминирующим объектом является церковь. Возведение церковного комплекса в центре, на возвышенности формировало архитектурный облик села, обеспечивало его восприятие с дальних точек местности. Расположение доминанты на территории, прилегающей к усадьбе, в свою очередь выделяло ее в структуре села.

В композиции усадеб прослеживается четкое функциональное разделение территории. Становление усадебного комплекса происходило вдоль возвышенности, на ровной поверхности и склоне холма – что обеспечивало развитие усадебной структуры в дальнейшем. Исходя из рельефного окружения, формировались две основные зоны – равнинная и склоновая. На верхней террасе (равнинная часть) располагалась жилая и хозяйственная зона, на склоне и в низине – садово-парковая. В соответствии с общей схемой развития каждая усадьба получает индивидуальное решение в зависимости от конкретной местности.

В структуре крупных усадебных комплексов Костромской губернии и, в частности Галичского уезда, можно выделить четыре основные зоны, которые были взаимосвязаны и в тоже время представлены в виде отдельных блоков. Каждому участку в усадьбе соответствовали архитектурные сооружения.

К типичным постройкам парадной зоны следует отнести – господский дом, гостевой дом, флигели, служебные корпуса. В хозяйственную зону входили обслуживающие строения: погреба, ледники, амбары, баня, сараи, кухня, скотный двор, птичники. К хозяйственно-производственной зоне относится – конюшня, манеж, сарай с сушилом, кузница, маслобойня, сыродельня, винный завод, мельница. К общественной зоне можно отнести Храмовую церковь, кладбище, дом священника, богадельню. В садово-парковой зоне выстраивались оранжереи, теплицы, беседки, пчельники.

Центральным элементом в усадебной структуре являлся парадный двор, как правило, включающий господский дом, флигели, небольшой регулярный парк. Важным условием при размещении главного дома является выбор места под его строительство. Вид самого здания был также важен, как и восприятие окружающей местности из него. Господский дом обычно строился с расчетом на хорошую видимость с отдаленных точек зрения. Его строили чаще всего на склоне так, что, с одной стороны, он казался стоящим на ровном месте (здесь обычно устраивалась подъездная аллея), а с другой – на возвышенности, откуда обычно начиналась парковая зона, открывавшая вид на скат холма. Господские дома, как правило, главными фасадами были ориентированы на юг или юго-восток, парковая зона располагалась с севера или северо-западной стороны.

В большинстве усадеб возводились деревянные дома, кирпичные здания строили только в самых крупных усадьбах. В первой четверти XIX века на территории крупных комплексов деревянные здания перестраивались или возводились новые кирпичные дома. Во многих усадьбах главные дома возводили из камня и дерева. Как правило, первый этаж выстраивался из камня, второй – из дерева (Кабаново, Гришино и т.д.). В первой четверти XIX века в усадьбах был особенно популярен тип «дома с мезонином», который точнее всего соответствовал представлениям владельцев о скромном и уютном доме. Усадебный дом с мезонином выстраивался как в камне, так и в дереве. Подобные усадебные дома получили распространение во всех уездах Кост-

ромской губернии. Компактность, многофункциональное применение обеспечивало популярность данному типу здания. Дома с мезонином выстраивались не только в усадьбах, но и в селениях. Как правило, в небольших усадьбах, господские дома, с прилегающими к нему службами, занимали около одной десятины усадебной земли.

Рассмотрим организацию усадебной структуры на примере усадьбы Чалеевых, расположенную в селе Кабаново Галичского уезда. Усадебный комплекс складывался в течение длительного периода времени (на протяжении XIX – начала XX веков). Формирование начинается в середине XIX века – в это время организуется основная структура ансамбля. Растянутая архитектурно-планировочная композиция получает дальнейшее развитие в начале XX века. Усадьба располагается в центре села, на берегу р. Ихтемы. При подъезде к селу открывается широкая панорама высокого берега с вертикальным акцентом – культовым комплексом, включающим церкви Знамения и Покрова. Храм Покрова был возведен Чалеевыми после основных строительных работ в усадьбе на месте старой деревянной церкви. Позднее, в 1855 году к востоку от храма была построена новая теплая церковь Знамения с колокольней[4]. В результате планировочная структура села складывается таким образом, что на первое место при восприятии общей панорамы выступает церковный комплекс, а за ним открывается вид на усадьбу. Развитие доминирующих элементов в объемно-пространственной композиции происходит к центру села, выделяя, таким образом, главные планировочные составляющие села – усадьбу и церковный комплекс. Территория усадьбы разделена на парадную и хозяйственную зоны. На первой планировочной линии располагается господский дом, фланкированный боскетами и прудами, за ним – хозяйственные постройки. Жилой дом в усадьбе Кабаново – пример скромного усадебного здания в стиле классицизма. Стены первого этажа кирпичные оштукатуренные, второй рублен из бревен. Важным планировочным элементом становится хозяйственная зона (конный завод с деревянными конюшнями, манеж и кузница), расположенная по одной линии с главным зданием, но отделенная от центрального ядра усадьбы главной дорогой. Таким образом, усадьба сформирована в качестве фронтальной композиции, получившей линейное развитие вдоль высокого берега. В данном случае организация усадебной структуры подчинена рельефу местности, выгодно используя его особенности (рис.).

Рис. Церковный комплекс усадьбы Кабаново со стороны р. Ихтемы

В настоящее время усадьбы, расположенные в непосредственной близости к озеру, за редким исключением (Туровское, Сынково), практически не сохранились. Однако по частично сохранившейся планировке этих усадеб можно проследить зонирование усадебной территории. Усадьбы расположены относительно г. Галича на противоположном берегу. Рельеф местности диктует формирование планировочной структуры усадеб. Согласно рельефу, территория комплексов развивается вдоль береговой возвышенности, таким образом, чтобы комплекс воспринимался как со стороны села, так и со стороны озера. Основные составляющие усадьбы (центральная, хозяйственная части) расположены на равнинной местности, прилегающей к селу. Парковая зона, в данном случае, занимает южную и юго-восточную часть усадебной территории, прилегающей к озеру. Например, усадьба Чалеевых отличается развитой парковой зоной благодаря устройству обширных террас, спускающихся к озеру.

Усадьба Сынково размещалась недалеко от села и считалась отдельностоящей. Однако впоследствии усадебная территория вошла в состав села. Усадьба в начале XIX века принадлежала Голохвастовым, впоследствии она перешла к Шигориным, в конце XIX – начале XX века усадьбу купил владелец кожевенного завода в Шокше А.А. Каликин[5]. Краткое описание усадьбы встречается в трудах КНОИМК. Из отчета Магницкого: К первой категории усадеб типично дворянских, то есть с особняками – домами, окруженными садами и цветниками, или следами от них, с удаленными сельскохозяйственными строениями, с прудами и промышленными учреждениями, каковы ветряные и водяные мельницы, кузницы, кирпичные заводы, водопроводы и т.п. можно отнести Нагатино, Гущино, Сынготино, Сынково[6].

В настоящее время о местонахождении усадьбы свидетельствуют частично сохранившиеся парковые посадки, сильно перестроенный господский дом, фундаменты хозяйственных строений. Усадебный комплекс расположен на возвышенности, недалеко от церкви Рождества Богородицы. Господский дом деревянный, на кирпичном цоколе был перестроен, видимо в начале XX века. Первоначально выход в парк осуществлялся через террасу, которую в последствии перестроили, а со стороны паркового фасада был надстроен мезонин. Планировка здания со временем также была изменена. В настоящее время еще прослеживается парковая структура. Небольшой парк занимает южную и юго-восточную часть участка. Парковая зона развивалась по направлению к озеру, постепенно переходя в заливные луга. Со стороны террасы были высажены полукругом серебристые тополя. В северной части парка сохранились посадки орешника, липы, рябины, садовой земляники, здесь же располагались небольшие хозяйственные строения.

Примечание

[1] Статистический справочник. Вып.1. Население и землевладение России по губерниям, и сравнительные данные по некоторым Европейским государствам. – СПб.: Изд-во «Земля и воля»; Типография Н.П. Собко, Почтамтская, 15, 1906; Землевладение. Часть №2. Распределение земли по категориям владения, по угодьям, по размерам владений, движение земельной собственности, задолженность частного землевладения и т.п.

[2] Описание Костромской губернии в историческом и географическом отношениях. – СПб.: Издание журнала « Мирской вестник », 1871. – С. 470: ил.

[3] *Магницкий В.* Отчет В. Магницкого // Костромская старина. – №10–11.

[4] Памятники архитектуры Костромской области: каталог. Вып. 3: Город Галич, Галичский район / В.М. Рудченко, Г.К. Смирнов, П.Н. Шармин, Е.Г. Щеголева. – Кострома, 2001.– С. 399: ил.

[5] Там же.

[6] *Магницкий В.* Отчет В. Магницкого // Костромская старина. – №10–11.

О.А. Вакурова

ОБЩЕСТВЕННО-ОРГАНИЗАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ ОСВОБОЖДЕННЫХ РАЙОНОВ В 1943–1945 ГГ.

Первоочередной задачей общественно-организаторской работы интеллигенции по возрождению освобожденных районов в первые дни после изгнания немецко-фашистских оккупантов стало проведение широкомасштабной противоэпидемической работы. Чудовищными оказались последствия двухлетней гитлеровской оккупации в Калининской, Псковской, Новгородской и других западных областях Российской Федерации, в Донбассе, Криворожье и Приднепровье и других районах Украины. Прибывшие с первыми санитарно-противоэпидемическими отрядами врачи отметили в братской республике 111700 случаев заболеваний сыпного тифа и почти двадцать тысяч больных брюшным тифом[1]. Для населения Украины это была ситуация близкая к крупнейшей гуманитарной катастрофе.

Острота положения обусловила неординарность мер, принятых советским правительством по преодолению распространения инфекционных заболеваний. По его требованию Исполком Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца направил в первой половине 1944 г. в освобожденные районы Украины и Молдавии 19 из 30 санитарно-эпидемических отрядов. В соответствии со специальным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР в освобожденные районы республики направили своих выпускников крупнейшие медицинские вузы – 1-ый и 2-ой Московские медицинские, Ивановский, Куйбышевский, Свердловский мединституты и другие профильные медицинские учебные заведения[2].

Особое внимание было уделено развертыванию лечебно-профилактической работы в стратегических центрах РСФСР и УССР. В соответствии со специальным приказом Наркомата здравоохранения СССР непосредственно на восстанавливаемых предприятиях черной металлургии была развернута сеть лечебных учреждений. В соответствии со специальным приказом Наркомата здравоохранения РСФСР в городские больницы и поликлиники Севастополя были направлены 20 опытных врачей и 50 медицинских сестер. Под специальный медицинский контроль была взята реэвакуация гражданского населения[3].

Боль и страдания тысяч граждан, живших длительное время в условиях гитлеровской оккупации, вызывали чувства сострадания у миллионов советских людей. Десятки тысяч писем получили в 1943–1945 гг. общесоюзные и республиканские наркоматы РСФСР, Казахстана, Узбекистана, Грузии, Армении и других союзных республик с просьбами представителей интеллигенции послать их в возрождаемые районы. Государственный комитет по восстановлению народного хозяйства в первую очередь направлял туда специалистов имеющих опыт п роизводственно-организаторской работы. Ее особая востребованность была обусловлена в индустриальных районах страны тяжестью, вандализмом разрушений народно-хозяйственных комплексов в Советском Союзе. На Украине оккупантами было разрушено 164 доменных печи, 135 прокатных станов. Разграблению подверглись колхозы и совхозы, машинно-тракторные станции. Именно поэтому большую часть направляемых в освобожденные районы специалистов составили инженерно-технические работники, агрономы, землемеры и зоотехники. Наркомат земледелия СССР уже в феврале 1944 г. направил в освобожденные районы Украины 4621 опытного руководителя сельскохозяйственного производства, более половины из которых, были с агрономическим и зоотехническим образованием. Наркомат тяжелой промышленности послал на восстановление ведущих предприятий своей отрасли 1098 инженерно-технических работников[4].

В наше время стремительного забвения прошлого, порицания социально-политического опыта советского периода истории очень важно не забыть, что большую часть прибывших строить и преодолевать разруху специалистов составили коммунисты. В крупнейший научный и промышленный центр – г. Харьков в конце 1943 г. прибыло 444 специалиста с высшим образованием и 713 – со средним специальным. имеющих значительный партийный стаж. Они составили к этому времени более 60% всех коммунистов, направленных на возрождение индустриальных ресурсов края. В другой промышленный центр юга страны – г. Донецк были направлены 471 инженерно-технический работник коммунист и 38 ИТР

 © О.А. Вакурова, 2006

комсомольцев. Этот партийно-комсомольский отряд специалистов составил 3/5 всех инженеров и техников, прибывших восстанавливать всесоюзную кочегарку[5].

Решению проблемы кадров в освобожденных районах во многом способствовало шефство над ними краев и областей Российской Федерации. Профессорско-преподавательский корпус Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова выступил инициатором движения по оказанию помощи восстановлению вузов Белоруссии, Украины, Молдавии. Большая группа профессоров и доцентов МГУ выехала для научно-педагогической работы в Харьковский университет. Кафедры и лаборатории ведущего советского вуза поделились со своими коллегами экспериментальным оборудованием и научными приборами. Важное общественно-организаторское начинание Московского государственного университета поддержали все высшие учебные заведения Советского Союза[6].

Инженеры и конструкторы Челябинска взяли шефство над возрождавшимся Харьковским тракторным заводом. Сельские специалисты основных зерновых районов РСФСР и Казахстана пришли на помощь хозяйствам Черниговской, Винницкой, Сумской и ряда других областей Украины.

Наиболее опытные специалисты из восточных районов СССР, реэвакуированные инженеры, агрономы, педагоги, прибывшие на восстановительные работы, в кратчайшие сроки были выдвинуты на руководящие посты в народном хозяйстве возрождающейся республики. Приехавшие в освобожденные районы специалисты с угольных разрезов Урала, Западной Сибири и Казахстана составили здесь более половины назначенных руководителей, директоров и диспетчеров шахт, начальников цехов[7]. Крупнейшими предприятиями и трестами Донбасса было доверено руководить инженерам комбината «Карагандауголь»[8].

На ответственные участки партийно-политической, государственной работы в освобожденных районах были выдвинуты опытные руководители Центрального промышленного района. По рекомендации ЦК ВКП(б) секретарем Киевского горкома партии был избран второй секретарь Ярославского обкома ВКП(б) Б.А. Горбань. Наркомом здравоохранения республики стал ректор Ивановского медицинского института И.Ф. Кононенко.

Конкретные социально-политические задачи возрождения освобожденных районов были поставлены перед специалистами различных отраслей экономики и культуры на республиканских и областных съездах, собраниях интеллигенции. Харьковский горком партии провел активы учителей, медицинских, инженерно-технических работников уже через 3–4 месяца после освобождения города[9]. Во Львове специальное совещание с ними посвятили вопросам технической реконструкции промышленных предприятий[10]. Газета «Правда» в передовой статье «Восстановлению промышленности еще больший размах» от 16 октября 1944 г. по поводу сути общественно-организаторской работы интеллигенции на возрождаемых промышленных объектах писала: «Строители приходят на освобожденную территорию не как новички, а как люди, обогащенные большим хозяйственным, техническим и организаторским опытом».

Примечание

[1] *Кондакова Н.И., Маин В.Н.* Интеллигенция России. 1941–1945. – М.: Луч, 1995 – С. 176.

[2] Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. – М.: Медицина, 1977. – С. 515; *Митерев Г.А.* В дни мира и войны. – М.: Медицина, 1975. – С. 225.

[3] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 8009, оп. 1, д. 478, л. 53; Российский государственный архив (РГА), ф. 482, оп. 4, д. 1890, л. 102–103; д. 1891, л. 57.

[4] Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7486, оп. 1, д. 3336, л. 4; ф. 8243, оп. 4, д. 557, л. 9.

[5] *Маин В.Н.* Деятельность интеллигенции по оказанию помощи освобожденным районам Украины. 1943–1945 // Украина в годы Великой Отечественной войны. Сборник материалов научной конференции – Киев: Изд-во Киевского гос. архитектурно-строительного ун-та, 1995. – С. 69.

[6] Московский университет в Великой Отечественной войне. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – С. 67.

[7] *Маин В.Н.* Деятельность интеллигенции по оказанию помощи освобожденным районам Украины. 1943–1945 // Украина в годы Великой Отечественной войны. Сборник материалов научной конференции – Киев: Изд-во Киевского гос. архитектурно-строительного ун-та, 1995. – С. 71.

[8] Социалистическая Караганда. – 1944. – 25 июня.

[9] *Маин В.Н.* Деятельность интеллигенции по оказанию помощи освобожденным районам Украины. 1943–1945 // Украина в годы Великой Отечественной войны. Сборник материалов научной конференции – Киев: Изд-во Киевского гос. архитектурно-строительного ун-та, 1995. – С. 72.

[10] Известия. – 1945. – 8 апреля.

В.А. Каравашкин

КАМЕННОЕ ХРАМОВОЕ ЗОДЧЕСТВО НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ XVIII ВЕКА

В цепи общероссийского архитектурного наследия важным звеном является зодчество Нижегородской области, представляющее широкий спектр разнохарактерных сооружений, демонстрирующих широкую палитру различных объемно-пространственных, планировочных и стилистических направлений. Наиболее выразительной его частью является культовая архитектура, где одно из ключевых мест занимает храмовое зодчество XVIII века.

На протяжении XVIII века культовое зодчество Нижегородской губернии развивалось неравномерно и в динамике его развития выделяются три этапа: I этап протекал в период 1700–1749 гг., II этап охватывал период 1750–1775 гг., и III этап – 1776–1800 гг. Этапы развития характеризуются: географией храмов на территории губернии, масштабами строительства, стилистическими, объемно-пространственными и планировочными особенностями.

Специфика социально-экономического развития отдельных районов губернии оказывала влияние на масштабы строительства, что определяло неравномерную картину географии храмов анализ, которой автор положил в основу деления территории губернии на зоны: Приволжскую, Южную, Центральную и Северную.

Динамику развития культового зодчества, увеличение масштабов строительства и географию храмов иллюстрирует следующее:

I этап отмечался возведением тридцати двух храмов. В основном строительство велось в Приволжской зоне, где возводятся двадцать два храма. Центрами сосредоточения являлись г. Н. Новгород (12 храмов), г. Балахна (4 храма) и село Лысково (3 храма). Три храма строятся в селах Центральной зоны и семь в Южной зоне, где два возводятся в г. Арзамасе. На протяжении данного периода господствующее положение занимала архитектура, опирающаяся на приемы древнерусского зодчества середины и конца XVII века.

II этап развития культового зодчества проходил под знаком становления барокко. На протяжении данного периода возводятся двадцать восемь храмов. Восемь – в Приволжской зоне, три – в Центральной и семнадцать – в Южной зоне. Это показывает заметный рост масштабов культового строительства в Южной зоне и снижение в Приволжской. В Южной зоне особое положение занимает Арзамас (3 храма), в Приволжской зоне – торговые села Василева Слобода (2 храма) и Никоро-Погост (2 храма). Особенностью второго этапа являлось отсутствие культового строительства в Балахне и резкое снижение в Н. Новгороде (1 храм). На данном этапе наряду с дальнейшим развитием древнерусского зодчества происходило активное становление барокко.

III этап отмечается значительным размахом культового строительства. В губернии строятся семьдесят шесть храмов, что составило большую часть возведенных культовых сооружений XVIII века. Из них сорок девять – в Южной зоне, шестнадцать – в Приволжской зоне и одиннадцать – в Центральной зоне. Главными центрами сосредоточения храмов в Южной зоне стал Арзамас (14 храмов), в Приволжской зоне – Н. Новгород (2 храма) и Балахна (3 храма), в Центральной зоне – село Павлово (3 храма). Характерной особенностью данного периода являлась многостилевая ориентация архитектуры. Наряду, с барочной архитектурой, получившей широкое распространение, в 80–90-х гг. активно внедряется классицизм. Кроме того, продолжается строительство сооружений традиционных приемов XVII и первой половины XVIII вв.

Стилистические особенности культового зодчества XVIII века определялись планировочными и объемно-пространственными построениями, а так же декоративной отделкой фасадов. Основными характеристиками, обуславливающими тип сооружения, служили планировочные и объемно-пространственные построения.

Исходя, из особенностей планировки храмов выделено две основные группы: одноосные и двухосные. На протяжении столетия храмовое зодчество наиболее часто обращалось к одноосному плану с трехчастным построением, организованного главным объемом (храмовой частью с алтарем), трапезной и колокольней. Реже применялось двухчастное построение, составленное главным объемом и трапезной или главным объемом и колокольней. По характеру построе-

© В.А. Каравашкин, 2006

ния данные планировки имели симметричную и асимметричную структуру. Симметричные планы выстраивались в уравновешенную композицию относительно продольной оси и имели простую линейную или сложную динамичную структуру. Асимметричные планы организовывались постановкой теплого придела к южному или северному фасаду трапезной. В редких случаях асимметрия создавалась постановкой колокольни не по оси главного объема, а по центру трапезной, уширенной приделом.

Двухосные планировочные построения возникают в 70-х – 90-х гг. Под влиянием столичной барочной архитектуры появляются храмы с крестовым (четырехлепестковым) и линейно-крестовым планом. В конце XVIII века классицизм привносит в местное зодчество планировки центрической компоновки, где главный объем формирует ротонда. Эти построения выделяются в три группы: линейно-центрические, с тенденцией к двухосности и компактно-центрические.

На протяжении XVIII века в культовом зодчестве Нижегородской губернии применялись практически все известные на данном этапе объемно-пространственные построения. Широкое применение получили типы объемных построений храмов: свод на четверике, восьмерик на четверике и ярусные. Построение свод на четверике организовывалось четвериковым основанием, перекрытым четырехлотковым сомкнутым сводом. Конструктивные особенности данного типа позволяли создать открытое (бесстолпное) внутреннее пространство и организовывать одноглавое или пятиглавое завершение. Построение восьмерик на четверике формировалось квадратным или прямоугольным основанием, на которое опирался граненый объем, перекрытый восьмидольным сомкнутым сводом. Тип ярусного храма представлял построение организованное четвериковым основанием и двумя восьмериковыми ярусами. Данное построение представлено двумя группами: с разновеликими восьмериковыми ярусами и равновеликими восьмериками.

Во второй половине XVIII века в культовом зодчестве Нижегородской губернии под влиянием барокко и классицизма возникают новые объемные построения: по типу соборного храма, по типу базилики и по типу ротонды.

Культовая архитектура Нижегородской губернии, удаленная от бурных столичных преобразований, в период 1700–1740-е гг. придерживается традиционных направлений XVII века: продольно-осевых планов и объемных построений типа – свод на четверике, восьмерик на четверике и ярусных.

Первым примером построения типа свод на четверике с одноглавым завершением являлась церковь Михаила Архангела в Городце (1707). Церковь представляла одноосное трехчастное сооружение, организованное храмовой частью с трехапсидным алтарем, трапезной и шатровой колокольней. Храмовая часть формировалась двухсветным четвериком, перекрытым невысоким глухим сомкнутым сводом. Храмы с пятиглавым завершением отличались большими размерами четверикового основания. Одним из первых храмов являлась Знаменская церковь в с. Кемары (1701). Завершение главного объема представляло собранные в пучок пять глав диагональной постановки.

Одним из первых примеров построения типа восьмерик на четверике служит Казанская церковь в с. Григорово (1700), построенная московским боярином И.Ф. Волынским. Церковь представляла трехчастное одноосное сооружение. Характерной особенностью главного объема являлось вытянутое в поперечном направлении четвериковое основание и массивный восьмерик, неправильной формы, перекрытый низким глухим сводом.

Самую выразительную часть культового зодчества данного этапа составляли ярусные храмы. В композиционном построении с разновеликими восьмериковыми ярусами выделяются два направления: с открытым верхним восьмериком (внутреннее пространство моленного зала раскрывалось на всю высоту сооружения) и с декоративным верхним восьмериком (моленный зал перекрывался сводом на уровне нижнего восьмерика). Одним из ярких образцов построения с открытым верхним восьмериком служила Георгиевская церковь в Н. Новгороде, построенная нижегородским купцом И. Пушниковым. Церковь представляла трехчастное одноосное сооружение, где храмовая часть формировалась двухсветным четвериковым основанием и двумя разновеликими открытыми восьмериками. Сокращающиеся в поперечнике объемы ярусов создавали каскадный силуэт, организованный в стройную и уравновешенную композицию. Межярусные и венчающий своды с малым подъемом усиливали ступенчатость силуэта, но полностью скрывались ажурными белокаменными парапетами. При таком построении моленный зал представлял динамично сокращающееся по вертикали хорошо

освещенное пространство.

Примером построения храма с декоративным верхним восьмериком являлась Похвалинская церковь в Н. Новгороде (1742). Внутреннее пространство моленного зала разрезалось глухим сводом, и верхний восьмерик носил декоративный характер.

Особый интерес представляли ярусные храмы, с равновеликими восьмериковыми ярусами. Поставленные на одну вертикальную ось восьмериковые объемы, с незначительным расхождением поперечных размеров формировали столпообразную композицию. В нижегородском культовом зодчестве XVIII века храмы с таким построением выявлены автором только в Балахне. Первым примером такого построения являлась Печерская церковь (1742) и представляла одноосное двухчастное сооружение с редко встречающейся компоновкой: храм и колокольня в одном объеме разделенные глухим сводом. Моленный зал располагался в четверике, а колокольня – в восьмериковом объеме. Композиция Знаменской церкви в Балахне (1748) аналогична Печерской. Однако здесь моленный зал поднимался на всю высоту сооружения.

Основными мотивами декоративной отделки фасадов служили приемы середины и конца XVII века. Углы ярусов раскреповывались плоскими лопатками, поддерживающими широкие многодельные карнизы, организованные рядами поребрика, ширинок, ступенчатых пирамидок. Окна декорировались сложными колончатыми наличниками с килевидными, трехлепестковыми и радиусными кокошниками. Входы акцентировались перспективными порталами. В зодчестве данного периода встречаются и архаичные приемы.

Во II этапе развития нижегородское храмовое зодчество под влиянием Москвы и Петербурга постепенно вбирает отдельные разновременные барочные мотивы, которые обыгрываются в разнообразных вариациях в синтезе с приемами заимствованными из древнерусской архитектуры. Разнохарактерное, но в тоже время, органично увязанное соединение стилей, положило начало «провинциальному» барокко. Одним из первых храмов Нижегородской губернии, где проявились барочные мотивы, служит Преображенская церковь в селе Масловка, возведенная в 1750 году в имении помещика Зыбина. Сохраняя традиционную осевую трехчастную планировку и построение храма по типу восьмерик на четверике, в композиции церкви проявилось барочное стремление к легкости и стройности. Ярусы храма, своды и оконные проемы «вытягиваются» по вертикали, формируя изящную композицию. Здесь впервые появляется пятигранный алтарь и оконные проемы с лучковым верхом декорированные характерными «ушастыми» наличниками.

Стремление к более пластичной и мягкой трактовке форм прочитывается в построении Преображенской церкви в с. Николо-Погост (1753–1760). В объемном построении церкви, почти вертикально поднимающиеся межъярусные своды, усиливали стремительное развитие композиции по вертикали и формировали плавную силуэтную линию. Иная конструктивная схема лежала в построении Вознесенской церкви, в имении Ермоловой с. Бритово (1758). Здесь четвериковое основание перекрывалось восьмигранным сводом, который служил основанием ярусному навершию организованному разновеликими восьмериками. В данном храме впервые в Нижегородском зодчестве появляется прямоугольный алтарь и окна – люкарны, прорезающие межъярусный свод.

Наиболее выразительно барочные мотивы проявились в храмах по типу свод на четверике. Характерной особенностью нового стиля было акцентирование свода, который занял главенствующее положение в объемной композиции. Примером служит Знаменская церковь в с. Кетрось (1771). Октогональная композиция основания храма перекрывалась равным по высоте, сводом стрельчатого сечения, по сторонам света прорезанного окнами – люкарнами. Продольно-осевое планировочное построение дополнялось южным и северным притворами, формирующими поперечную ось.

В результате поисков нового самовыражения столичная архитектура в 40-е гг. обращается к традиционным приемам. Это проявилось в строительстве двухосных храмов (на основе тетраконха) и пятиглавых храмов соборного типа.

В нижегородском культовом зодчестве это проявилось в Предтеченской церкви в с. Хирино (1758) в имении дворянина А.А. Путятина. Характерной особенностью данного храма являлось гармоничное соединение приемов московского и западноевропейского барокко. Здесь на двухэтажный тетраконх опирался высокий световой восьмерик, перекрытый сводом стрельчатого сечения. Фасады здания декорированы плоскими пилястрами, поддерживающими широкие многодельные карнизы, и «ушастыми» оконными наличниками с лучковым и треугольным навершением.

К храмам соборного типа относится Благове-

щенская церковь в Арзамасе (1775–1784). Внушительный трехсветный четвериковый объем храма венчало основательное и вместе с тем грациозное пятиглавие с ярко выраженной барочной ярусностью, которое уравновешивало массивный объем четверика и создавало значительный и вместе с тем изящный силуэт храма. Декоративная отделка представлена высокими лопатками, узким межэтажным и развитым венчающим карнизами, «ушастыми» наличниками с треугольным завершением и широким криволинейным «фартуком».

Укоренившись в культовом зодчестве Нижегородской губернии в период 1750-х – 1770-х гг. барокко, получает дальнейшее развитие в III этапе, где занимает главенствующее положение.

Наиболее активно применяемыми типами храмов остаются свод на четверике и восьмерик на четверике. В данных построениях дальнейшее развитие барочных мотивов проявилось в развитии композиции по вертикали, где главной особенностью являлось значительное увеличение высоты свода и постановки ярусного завершения.

Образцами развитого барокко в нижегородском зодчестве являлась Казанская церковь в с. Дивеево (1779; ярусная) и Покровская церковь в с. Нарышкино (1780; восьмерик на четверике). Храмы отличаются четким и уравновешенным объемно-пространственным построением с пропорционально выверенным членением форм. В архитектуре этих храмов положено начало формированию ордерной системы, что выразилось в постановке плоских пилястр с четко прочерченными базами и капителями, строгом трехчастном членении карнизов, где фриз декорирован триглифами.

Главный центр культового строительства последнего III этапа складывается в Арзамасе. Своеобразие облику города придавали храмы с ярусными завершениями, формирующими живописную речную панораму города с колоритным силуэтом. Специфической чертой культового зодчества города являлось создание приходских ансамблей по типу парных храмов.

Кульминацией развития нижегородского храмового зодчества конца XVIII века стала архитектура классицизма. Характерные особенности проявления нового стиля в архитектуре храмов были выражены как фрагментарно в традиционных композициях, так и в совершенно новых объемно-пространственных построениях.

Большой интерес представляет Успенская церковь в с. Болдино (1791), построенная Л.А. Пушкиным (дедом великого поэта). В архитектуре церкви присутствовали традиционные черты, мотивы барокко и строгого классицизма. Объемно-планировочная композиция церкви формировалась храмовой частью с прямоугольным алтарем, трапезной и колокольней. Две равнозначные вертикальные оси (ярусное построение храмовой части и колокольни) уравновешивались продольной осью, имевшей значительную протяженность. Четко и пропорционально организованное построение отражалось в планировке церкви. Продольная ось, организованная равновеликими прямоугольными основаниями храмовой части и колокольни, пересекалась поперечной осью, образованной трапезной. Такая постановка формировала редко встречающуюся линейно-крестовую композицию. На фоне строгих прямоугольных форм планировочного построения выделяются круглые очертания моленного зала и внутреннего пространства колокольни. Однако цилиндрическая конфигурация в нижнем ярусе переходила в сложную форму на верхних ярусах, где радиусные диагональные грани чередовались с прямыми гранями по сторонам света. Одной из характерных черт церкви являлась декоративная отделка фасадов, представленная четырех и двух колонными портиками объемной компоновки с ясной классической трактовкой.

Иначе формировалось построение Никольской церкви в с. Ельня (1799), отличающаяся простотой форм и сдержанностью отделки. Здесь круглый моленный зал вписывался в объем восьмерикового очертания.

Наиболее выразительное проявление классицизма в нижегородском храмовом зодчестве определяли центричные храмы, организованные по типу ротонды. Первым храмом по типу ротонды является Успенская церковь в с. Чуфарово (1790). Храм представлял двухсветный цилиндрический объем в половину высоты окруженный галереей. Венчал композицию высокий купол. Фасады храма украшали ритмично поставленные пилястры, поддерживающие узкий карниз, плоские оконные обрамления и ряд квадратных надоконных ниш.

Венцом укоренения классицизма в нижегородском культовом зодчестве служит Сергиевская церковь (1795), построенная в имении Салтыковых селе Выездная Слобода. Круглый в плане моленный зал охватывала узкая галерея, к которой по сторонам света примыкали четырехколонные портики с треугольными фронтонами. Вен-

чал композицию невысокий купол, перекрывающий моленный зал. Таким образом, последний этап развития нижегородского храмового зодчества завершается противоборством между барокко и классицизмом.

Библиографический список

1. *Смежицкий А.* Календарь Межегородской епархии. А. Смежицкий. – Н. Новгород, 1888.

2. *Грабарь И.Э.* Русская архитектура первая половина XVIII века. – М.: Гос. изд-во лит-ры по архитектуре и строительству, 1954. – С. 413: ил.

3. *Виппер Б.Р.* Архитектура русского барокко. – М.: Наука, 1978. – С. 27.

4. *Гуляницкий Н.Ф.* XVIII век в русской архитектуре //Архитектурное наследство. – 1995. – Вып. № 38. – С. 61–83.

А.Д. Шипилов

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ (1885–1917)

Основными направлениями деятельности Костромской губернской ученой архивной комиссии (КГУАК) были: 1) архивное; 2) археологическое; 3) музейное.

Архивная деятельность. В «Положении» 13 апреля 1884 г. архивная деятельность ГУАК была сформулирована очень лаконично: им доставлялось право отбирать из дел, предназначенных местными учреждениями к уничтожению, тех, которые имеют научный интерес, и формировать из них свои исторические архивы. Однако не был определен ни порядок отбора этих дел, на круг учреждений, с которыми предстояло иметь дело, ни, наконец, взаимные права и обязанности комиссий и учреждений. В дальнейшем, на практике, архивная деятельность КГУАК складывалась под влиянием трех факторов: 1) последующего законодательства; 2) собственных взглядов комиссии на свои задачи в этой области; 3) из сложившихся взаимоотношений комиссии с местной администрацией. Как отмечала Н.В. Бржостовская, «отношения архивных комиссий к местным учреждениям различных ведомств было определенно специальными законодательными актами и циркулярными разъяснениями. Первым откликнулось на учреждение ведомство Министерства юстиции, учреждения которого были обременены материалами ликвидированных судебных учреждений. По представлению министра юстиции 31 октября 1884 г. последовало «высочайшее» разрешение на привлечение к разбору архивов окружных судов членов ГУАК и на передачу в их архивы дел упраздненных судебных мест. 12 апреля 1892 г. был разослан циркуляр Департамента Государственного казначейства казенным палатам такого же свойства. Указами Сената от 18 декабря 1898 г. и 5 мая 1900 г. предписывалось привлечь ГУАК к разбору дел уездных и городских полицейских управлений. И, наконец, циркуляром МВД губернаторам от 7 ноября 1903 г. о порядке уничтожения дел волостных правлений предлагалось описи дел, предназначенных к уничтожению, направлять на заключение в местный статистический комитет, архивную комиссию или местное ученое общество»[1]. Таким образом, законодательным путем было определено отношение КГУАК к следующим ведомственным архивам: губерного правления, казенной палаты, окружного суда, управления государственным имуществом, полицейских управлений.

Члены КГУАК работали с документами и описями этих и других учреждений губернии. Хронология данных работ представлена в нижеследующем списке.

1891 г. И.Д. Преображенский и В.Г. Пирогов просматривали описи дел окружного суда, казенной палаты и губернского правления[2].

1892 г. Н.И. Коробицын просматривал дела Костромской палаты уголовного суда, И.Д.Преображенский – дела Костромско-Ярославского управления государственным имуществом[3].

1894 г. И.В. Миловидов разбирал дела губернского управления и окружного суда, И.Д. Преображенский – казенной палаты, бывшего Кологривского земского суда[4].

1895 г. И.Д. Преображенский и Н.А. Альбицкий просматривали описи губернского правления, контрольной палаты, окружного суда и прокурорского надзора[5].

1902 г. И.Д. Преображенский разбирал дела контрольной палаты, управления государственными имуществами, Кадыйской городской думы и Галичского полицейского управления[6].

1904 г. П.А. Илинский, Н.Н. Виноградов, А.И. Черницын просматривали описи окружного суда, Судиславского городского общественно-

© А.Д. Шипилов, 2006

го управления, Чухломского земского суда и полицейского управления, Галичского мещанского старосты и полицейского управления, Кадыйской городской думы[7].

1906 г. П.А. Илинский, Н.Н. Виноградов просматривали описи окружного суда, уездных полицейских управлений, Чухломского земского суда, Варнавинского уездного казначейства[8].

Помимо архивов местных правительственных учреждений костромская комиссия обращалась и к другим категориям архивов, в частности, к монастырским. Интерес к данной категории архивов был понятен: губерния располагала немалым количеством старинных монастырей, время основания некоторых из них уходило в XIV–XV вв. Конечно, эти монастырские архивы уже не представляли собой таких богатых собраний исторических документов, как некогда. Последнее крупное изъятие монастырских документов произошло еще при Екатерине II в 1764 г. при секуляризации церковных земель. Отсутствие в костромских архивах ценных исторических источников общероссийского значения подтвердили результаты Археографической экспедиции П.М. Строева. Однако в них продолжал хранится значительный комплекс документов XVI–XVIII вв., имеющий местный исторический интерес. В основном, это были хозяйственные документы, отражающие старый быт монастырей и их вотчин: инвентарные и приходо-расходные книги, описания земельных владений, списки братии, дела о строительстве и ремонте зданий и др. Силами всего лишь трех членов КГУАК – И.К. Херсонского, И.В. Миловидова и И.Д. Преображенского – были разобраны и описаны архивы Ипатьевского, Макарьево-Унженского, Богоявленского, Богородицко-Игрицкого Тихонова монастырей.

Особенной энергией и результативностью отличалась КГУАК в деле собирания и изучения частных дворянских архивов. Идея сделать это направление в деятельности комиссии приоритетным принадлежала ее председателю Н.Н. Селифонтову. Благодаря частным поступлениям архив КГУАК пополнился довольно ценными документами. К 1902 г. число дел частного происхождения в архиве комиссии составило ок. 8 тыс. Наиболее ценными поступлениями были: Линевский архив – 712 рукописей, Шевлягинский – 575, Ерлыковский – 1183, Долматовский – 963, Колычевский – более 700, Корниловский – 910, Львовский – 600[9].

Одной из наиболее сложных задач в области архивного дела, с которой столкнулась и костромская и другие комиссии, была выработка принципов описания документальных материалов. Проблема усугублялась тем, что и в русском архивоведении того времени не было еще установившихся и общепризнанных норм описания документов. Поэтому примечателен тот факт, что в 1893 г. Петербургский Археологический институт рекомендовал ГУАК России, как пример, достойный подражания, опубликованные к тому времени описи Линевского архива, составленные Н.Н. Селифонтовым. Им же была разработана специальная программа для составления подробных описей. Ее основные положения заключались в следующем: «Более древним документам и в чем-то отступающим от общего типа делают дословную транскрипцию с удержанием орфографии; последующим же документам делают лишь описание. В описании означаются номер документа по порядку, когда написан документ, т.е. год от Рождества Христова и от сотворения мира, точное его оглавление, придерживаясь терминов, употребляемых в документе; за оглавлением следует изложение акта с указанием лиц и предметов, к которым он относится. За изложением документа указывается внешний признак акта: печати, следы печатей, прорези, проколы, гербовые знаки, явки, адреса, памяти и т.п. Акты описываемого архива размещаются в особых соответствующих разделах в строгом хронологическом порядке. К описанию прилагаются азбучные указатели лицам и предметам, упоминаемым в документах, а также географические указатели и частный список воевод, дьяков, губных старост и т.д.»[10]. Целесообразность создания подробных описей была признана КГУАК только для документов монастырских или вотчинных архивов числом от 200 до 1000 и более[11]. По такой схеме были составлены и опубликованы описи дел Линевского, Лосевского, Долматовского, Шаховского архивов и архива Большесольской посадской избы и ратуши. Эти подробные описи получили в комиссии название «систематически-хронологические или научные». Помимо них практиковалось составление и более простых «инвентарных или перечневых описей». Каким из них отдавалось предпочтение видно из ответа КГУАК на анкету Археографической комиссии Императорского Московского Археологического общества: «Описи должны быть настолько полны, подробны и систематичны, чтобы всякий исследователь мог извлекать из них нужные ему данные, не при-

бегая к подлинным делам или актам, кроме случаев сомнения для проверок»[12].

Результаты архивной деятельности КГУАК могли бы быть более весомыми, располагай она достаточными возможностями, в первую очередь, материальными. В одном из ее заседаний 1909 г. указывалось: «Если бы комиссия имела достаточно средств и удобное помещение для архива, она могла бы заняться просмотром не только документов упраздненных присутственных мест, но и архивов волостных правлений и переданных в некоторые из них документов бывших помещичьих вотчинных контор, и тем могла бы получить богатый материал для изучения народного юридического права и экономического положения народа как в прежнее, так и в настоящее время»[13].

Археологическая деятельность. Наибольших результатов в этом виде деятельности, как отмечалось в аналитических отчетах Археологического института, достигли и Рязанская, Таврическая, Ярославская и Калужская ГУАК. Костромская комиссия хоть и уступала им, но также находилась в «первой десятке» этого списка вместе и на одном уровне с Тамбовской, Тверской, Саратовской, Нижегородской и Смоленской комиссиями. Эти результаты во многом зависели от наличия на территории губерний археологических памятников и от присутствия в составе комиссий членов, обладавших хотя бы некоторыми специальными знаниями и опытом. Археологическая деятельность КГУАК заключалась в организации и проведении раскопов древних могильников и городищ, обследования древних памятников архитектуры, экспертизы монетных кладов и археологических находок на территории губернии, общего наблюдения за сохранностью памятников старины и составления губернских археологических карт.

Археологические раскопки курганов и городищ производились в Костромской губернии и до создания КГУАК. Однако эта работа носила бессистемный и эпизодический характер. После образования КГУАК деятельность в этом направлении стала плановой и более результативной. Археологическими изысканиями в комиссии занимался в разные годы довольно узкий круг лиц, это: Н.М. Бекаревич, И.Д. Преображенский, Н.Ф. Нефедов, реже К.И. Алякритский, П.И. Гаврилов, А.Н. Рождественский. Археологические раскопки производились под методическим руководством Археологической комиссии в Петербурге, от которой КГУАК по существующему законодательству обязана была получать открытые листы на право производства этих работ. Необходимость и важность археологических изысканий неоднократно подчеркивалась на заседаниях КГУАК. «Год от году многие интересные в археологическом отношении местности – отмечалось на одном из них – распахиваются, утрачивая… их первоначальный вид. Много древностей гибнет, благодаря незнанию их владельцев, продающим за бесценок редкие вещи случайным «любителям», сбывающим их в свою очередь с большой выгодой заграничным агентам»[14].

Перед проведением серии более или менее масштабных археологических исследований или для составления археологических карт губернии комиссия практиковала рассылку по уездам подробных «вопросных листов», ответы на которые затем тщательно изучались и использовались в дальнейшей работе[15].

Далее представлены по годам, с 1892 по 1903, наиболее значимые археологические экспедиции с указанием их руководителей и местностей, где производились работы.

1892 г. Н.М. Бекаревич, И.Д. Преображенский. Раскопки курганов в Ильинской, Пушкинской и Челпановской волостях Костромского уезда.[16] 1893 г. И.Д. Преображенский. Раскопки курганов в Пушкинской, Коряковской, Ильинской и Каримовской волостях Костромского уезда.[17] 1894 г. Н.М. Бекаревич, И.Д. Преображенский. Раскопки курганов в бассейне р. Покши в Гридинской, Пушкинской, Семеновской и Шишкинской волостях Костромского уезда. Раскопано 44 курганные группы[18]. 1895 г. Н.М. Бекаревич. Раскопано 20 курганных групп в Гридинской и Башутинской волостях Костромского уезда и Нерехтского уезда. Н.Ф. Нефедов. Раскопано более 500 курганов в Нерехтском, Кинешемском и Костромском уездах[19].

1897 г. Н.М. Бекаревич. Раскопано 68 курганов в Гридинской волости Костромского уезда и в Макарьевском уезде[20].

1900 г. Н.М. Бекаревич. Раскопки Богородского городища в Варнавинском уезде[21].

1902 г. Н.М. Бекаревич. Раскопки курганов в Варнавинском и Ветлужском уездах[22].

1903 г. Н.М. Бекаревич. Раскопки курганов в Костромском, Макарьевском, Кологривском и Ветлужском уездах[23].

Результаты археологической деятельности КГУАК были отражены в экспозициях музея.

Музейная деятельность. Устройство музеев являлось для ГУАК одним из приоритетных ви-

дов деятельности. Объяснялось это тем, что музейный материал был наиболее доходчивым и наглядным средством для пропаганды исторических взглядов в местном обществе. К 1914 г. крупнейшими музеями обладали Воронежская, Тверская и Ярославская комиссии (более 10 тыс. предметов в каждом). Менее значительными (до 10 тыс. предметов), но также ценными и оригинальными, считались музеи Тамбовской, Владимирской, Пензенской, Костромской и Черниговской комиссий[24].

По мнению Л.И. Сизинцевой, «музейная деятельность КГУАК опиралась на серьезное и последовательное изучение древностей Костромской земли, … историю династии Романовых, а история самого музея комиссии делится на три этапа: 1) 1891–1896 гг. Музей с закрытым хранением, предназначен, прежде всего, для специалистов в области археологии, археографии…; 2) 1896–1913 гг. Музей с открытым хранением, не получивший статуса «публичного»; 3) 1913–1917 гг. Публичный Романовский музей в особом специально для него предназначенном здании…»[25].

Первый период существования музея был потрачен, в основном, на организационные дела и комплектование первоначальных фондов. Основные поступления в музей – материалы археологических раскопок и так называемые церковные древности. В связи с этим на заседании Совета КГУАК 30 января 1894 г. было решено создать при музее специальный отдел церковных древностей и обратиться к местному духовенству с просьбой о помощи в их собрании[26]. В 1895 г. председатель КГУАК Н.М. Селифонтов выступил с инициативой по случаю предстоящего 12 июля 1896 г. 300-летия царя М.Ф. Романова и 24 февраля 1913 г. – 300-летия Дома Романовых «возбудить вопрос об открытии «Романовского отдела» при историческом архиве комиссии[27]. В мае – июне 1895 г. на общих собраниях комиссии активно обсуждались детали плана предстоящих работ. Главной задачей было признано комплексное и скрупулезное исследование рода Романовых. Причем, начать эту работу следовало с изучения родословной матери М.Ф. Романова – инокини Марфы (в миру Ксении Ивановны Шестовой), которая в начале XVII в. владела в Буйской осаде Костромского уезда Домнинской волостью в 50 селений. Н.Н. Селифонтов поставил в связи с этим следующую задачу: 1) произвести осмотр местностей бывшей Домнинской вотчины, в т.ч. церквей и монастырей; 2) собрать местные предания о Смутном времени и о владельцах вотчины; 3) попытаться разыскать родовой архив Шестовых; 4) ходатайствовать о допуске членов КГУАК в правительственные архивы; 5) собрать печатные материалы генеалогического характера; 6) составить исторический очерк рода костромских дворян Шестовых. Конечным результатом этой работы должно было явиться издание специального сборника материалов о предках царя М.Ф. Романова[28]. Данный план работ был доведен до сведения вице-президента Академии Наук и 1 ноября 1895 г. одобрен на совещании ее историко-филологического отделения[29].

4 февраля 1897 г. в Комитете Министров была заслушана записка министра внутренних дел об образовании при КГУАК особого «Романовского отдела». На заседание был приглашен председатель костромской комиссии Н.Н. Селифонтов, сообщивший присутствующим следующее: изучение истории и в частности генеалогии Царствующего Дома относится к задачам всех отечественных учреждении научно-исторического характера. «Но некоторые отдельные вопросы данной области исследования могут служить предметом изучения тех или иных местных исторических учреждений. Таким именно вопросом специального исследования является для КГУАК собрание сведений о предках родоначальника династии Романовых – царе Михаиле Федоровиче». Поэтому КГУАК ходатайствует об открытии при ней особого Романовского отдела. Комитет Министров постановил: 1) «испросить высочайшее разрешение» на открытие отдела; 2) предоставить возможность представителям КГУАК «для обозрения документов и снятия с них копий» доступа в архивы Государственного Совета, Комитета Министров, Собственный Его Императорского Величества канцелярии, Синода, министерств – Двора и уделов, Иностранных дел, Внутренних дел, Путей сообщения, Народного просвещения, Финансов, Земледелия и государственных имуществ, Юстиции, Государственного контроля. 15 февраля 1897 г. «высочайшее разрешение» было получено[30]. А 26 августа 1797 г. на специальном заседании КГУАК было объявлено об открытии «»Романовского отдела»[31].

В создании при КГУАК «Романовского отдела» Н.Н. Селифонтов проявил себя, выражаясь современным языком, как опытный «имиджмейкер». Крупный администратор, хороший знаток психологии высшей чиновничьей бюрократии он

прекрасно понимал, что играя верноподданнейшими чувствами, в будущем ставит свою комиссию в особое, привилегированное положение. В тот момент было не важно, какими будут реальные результаты конкретной деятельности. Важно было вовремя и громко заявить о себе, привлечь к деятельности комиссии самое высокое внимание и извлечь из этого максимальные выгоды. В самом деле, результаты первоначальной работы в рамках «Романовского отдела» в 1897–1900 гг. были весьма скромными: осмотрена Домнинская волость, Новосспаский монастырь в Москве (родовая усыпальница бояр Романовых), храм в с. Коробово (местопребывание потомков И. Сусанина); из синодиков разных монастырей были сделаны выборки о лицах из рода Романовых (Шестовых, Салтыковых, Морозовых); предпринята попытка (неудачная) определить место погребения И. Сусанина; просмотрены частично дела Министерств юстиции и внутренних дел[32]. Зато, пользуясь принципом – «куй железо, пока горячо» – КГУАК замахнулась на масштабное, по меркам провинции, мероприятие – построить собственное здание музея, присвоив ему в будущем наименование «Романовский». 17 декабря 1898 г. на заседании костромского губернского дворянского собрания было решено отвести под постройку музея землю рядом с домом дворянства на улице Павловской[33].

Таким образом, вплоть до 1913 г. в составе КГУАК одновременно и параллельно существовали музей и «Романовский отдел». В 1903 г. был принят устав музея комиссии. Музей получил наименование – «историко-естественный». Он имел целью «служить наглядным пособием к изучению Костромской губернии в ее прошлом и настоящем состоянии. Согласно сему, в музее полагаются два отделения: историко-археологическое и естественное». В первом «помещаются памятники местной старины, предметы, относящиеся к палеонтологии, этнографии, антропологии, исторические документы и рукописи, портреты и бюсты уроженцев Костромской губернии, прославившихся в различных сферах деятельности, и лиц, принесших особую пользу губернии, и вообще все предметы, могущие служить к наглядному ознакомлению с историей Костромской губернии и развитием в ней культуры во всех ее формах и проявлениях». Во втором «помещаются предметы, относящиеся к естественно-научному изучению края, а также диаграммы, картограммы и карты губернии и вообще все могущее послужить к ознакомлению с губернией и ее населением»[34].

О составе и содержании музейных фондов КГУАК позволяет судить «Каталог» музея, изданный в 1909 г. Музей состоял из четырех отделов. Первый – «церковные древности» – имел 18 подотделов и в нем были сконцентрированы: антиминсы, на престольные дарохранительницы, священно-служебные сосуды, дискосы, звездицы, проскомидийные блюдца, лжицы, ковши, дароносицы, покровцы, воздухи, священные облачения, напрестольные кресты, кресты тельные, медные образы и складни, различная церковная утварь и т.д. Во втором отделе – «Предметы, добытые при раскопках в Костромской губернии» – хранились и экспонировались археологические находки: кости животных, различные металлические предметы (кресты, браслеты, бусы, кольца, застежки и т.д.), фрагменты глиняной посуды и др. В третьем отделе – «этнографическом» – были собраны холодное и огнестрельное оружие, предметы домашнего быта, головные уборы, одежда и украшения[35]. В четвертом – нумизматическом – находилась коллекция (более 2 тыс. предметов) монет, медалей, жетонов и др.

К 1907 г. была расширена и более детализирована программа работ «Романовского отдела». Поняв, что одним только изучением родословной рода Романовых не объяснишь существование отдела и не создашь никаких музейных экспозиций, т.е. видимых результатов своей работы, КГУАК решила начать сбор материалов, относящихся в целом к династии Романовых: портретов, бюстов, реликвий и регалий, автографов, авторских сочинений, грамот, манифестов, указов, личных вещей и др. Продолжалась реализация амбициозного проекта строительства здания музея комиссии. Первоначальный проект и смету здания музея составил губернский инженер Л.А. Треберт. Планировались расходы в сумме 35 тыс. рублей. В феврале 1903 г. костромской губернатор И.М. Леонтьев через великого князя Сергея Александровича передал этот проект Николаю II, который одобрил его. В губернской типографии было отпечатано ок. 2 тыс. подписных листов для сбора денежных пожертвований. В 1908 г. МВД сообщило КГУАК, что Николай II разрешил присвоить проектируемому зданию музея наименования «Романовский».[36] 21 июня 1909 г. была торжественно совершена закладка здания Романовского музея. В этом же году губернатор А.П. Ве-

ретеников образовал специальный строительный комитет. Городской архитектор Н.И. Горлицын создает новый проект музея, предусматривающий строительство здания больших размеров, чем по проекту Л.А. Треберта[37]. В 1909 г. по подписным листам было собрано более 20 тыс. руб. На эти деньги был сделан фундамент и первый цокольный этаж. В 1910 г. в строительный комитет поступило более 30 тыс. руб. пожертвований: на эти средства были выведены стены двух остальных этажей, выточены украшения из белого камня, устроена крыша из оцинкованного железа, построено крыльцо по главному фасаду. В 1911 г. поступило более 14 тыс. руб. пожертвований: средства использовались для устройства железобетонных сводов, внутренней и внешней штукатурки, проведения водопровода, канализации, монтажа парового отопления и вентиляции. В 1912 г. частных пожертвований было получено на сумму 8481 руб.; Николай II выделил из личных средств 35 тыс. руб.: на эти деньги были закончены все остальные работы, в т.ч. по внутренней отделке[38]. 2 января 1913 г. общее собрание членов КГУАК состоялось уже в новом здании Романовского музея. Здание имело 3 этажа, 12 комнат и 2 небольшие квартиры для прислуги. Общая стоимость работ составила 110 тыс. руб. По подписным листам было собрано 102717 руб. Наиболее крупные пожертвования, кроме царского, поступили: от костромского дворянства – 3000 руб., от красноярского купца Г.В. Юдина (уроженца г. Чухломы) – 10000 руб., от Товарищества мануфактуры И.И. Скворцова – 3000 руб., от Товарищества мануфактуры Анны Красильщиковой – 5000 руб., от губернской земской управы – 3000 руб., от Костромской льняной мануфактуры – 2000 руб.[39]

Примечание

[1] *Бржостовская Н.В.* Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела (1884–1917): Дис. ... канд. истор. наук. – М., 1951. – С. 179–181.

[2] ГАКО, ф. 179, оп. 2, д. 27, л. 53.

[3] Там же, л. 77.

[4] Там же, л. 205.

[5] Там же, л. 234.

[6] Там же, д. 27б. Л. 652.

[7] Там же, д. 48. л. 43–44.

[8] Там же, л. 61.

[9] *Снежневский В.И.* ГУАК и архивное дело в них. – М., 1902. – С. 9–10.

[10] ЦГИА СПб., ф. 119, оп. 1, д. 91, л. 88–90.

[11] ГАКО, ф. 179, оп. 2, д. 13, л. 150.

[12] Там же, д. 67, л. 9.

[13] Там же, д. 13, л. 153.

[14] Там же, д. 27, л. 239.

[15] См.: ГАКО, ф. 179, оп. 2, д.36, л. 14–15.

[16] Там же, д. 27, л. 69.

[17] Там же, л. 122.

[18] Там же, л. 143–151.

[19] *Рождественский А.Н.* Краткие сведения о раскопках в Костромской губернии. – Кострома, 1909. – С. 6.

[20] ГАКО, ф. 179, оп. 2, д. 27а, л. 374.

[21] Там же, л. 446.

[22] Там же, д. 27б, л. 652.

[23] Там же, л. 657–658.

[24] *Бржостовская Н.В.* Указ. соч. – С. 162.

[25] *Сизинцева Л.И.* Музейная деятельность в костромском крае. Становление и развитие. XIX – первая третьXX в.: Автореф. дис. ... канд. культурологии. – М., 1998. – С. 14.

[26] ГАКО, ф. 179, оп. 2, д. 27, л. 114.

[27] Там же, д. 3, л. 7.

[28] Там же, д. 23, л. 11–20; д. 9, л. 82–84.

[29] Там же, д. 27а, л. 282–283.

[30] Там же, д. 27а, л. 279б, 279в.

[31] Там же, л. 288.

[32] Там же, д. 27а, л. 284–286.

[33] Там же, д. 22, л. 73.

[34] Там же, д. 27б, л. 656.

[35] См. каталог музея КГУАК. – Кострома, 1909.

[36] ГАКО, ф. 179, оп. 2, д. 22, л. 65.

[37] Там же, д. 20, л. 26.

[38] Там же, д. 25, л. 16.

[39] Там же, д. 20, л. 29–30.

Г.А. Нугаева

ПОЛИТИКА СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В МОДЕРНИЗАЦИИ СТЕКОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Стекольная промышленность Владимирской губернии в годы НЭПа возрождалась медленнее, чем в других отраслях производства. В 1921–1922 хозяйственном году из 24 стекольных заводов действовали 14, в 1922–1923 гг. – 8, в 1923–1924 гг. – 13, в 1924–1925 гг. –15, 1925–1926 гг. – 19[1]. Управление стекольными заводами в 1926 г. оставалось раздробленным: стеклотресту принадлежало 8 предприятий, Гусь-Комбинату – 5, уездным месткомам – 5, арендно-кооперативным – 1. Отсутствие централизованного управления заводами сдерживало развитие стекольной промышленности. Губернским совнархозом объединение стекольной промышленности в один трест рассматривалось как неотложная задача.

В стекольной промышленности Владимирской губернии в 1925–1926 хозяйственном году сохранилось первое место в стране: по количеству заводов – 13%, по численности рабочих – 16,6%, по объему производства – 16%; в Российской Федерации: по количеству предприятий – 16%, по объему производства – 20%. Уровень производства в стекольной отрасли по сравнению с 1913 г. (в процентах) составил в 1924–1925 хозяйственном году 61,2%, в 1925–1926 гг. – 80,2%, в 1926–1927 гг. – 96,3%, в 1927–1928 операционном году – 111,2%. Процесс восстановления стекольной промышленности завершился в 1928 г.

В первые годы индустриализации стекольщики губернии почти достигли довоенного уровня производства стеклопродукции. В 1925–1926 гг. стекольной промышленностью губернии произведено товарной продукции на 12 млн. 194 тыс. червонных рублей, в 1926–1927 хозяйственном году – на 14 млн. 354,1 тыс. червонных рублей[2]. В этом огромная заслуга всех рабочих стекольных предприятий.

Губернский совнархоз и стеклотрест в июне 1926 г. провели совещания директоров стекольных заводов, технорукoв и бухгалтеров[3]. На этих трёх совещаниях детально проанализированы недостатки в работе. К основным недостаткам отнесены:

1) внеплановые технологические простои из-за недостаточности технических сил, перебоев в доставке огнеупорной глины, её недоброкачественности, перебоев в снабжении щелочами;

2) массовые прогулы рабочих вследствие отсутствия надлежащей производственной, трудовой дисциплины;

3) оставались большой брак и бой стеклопродукции, ставшие следствием технического недостатка закальных печей, плохого качества работы, небрежного отношения к выработанной продукции со стороны рабочих и особенно молодёжи;

4) слабость работы производственных комиссий и совещаний, мало оказавших влияния на улучшение производства;

5) отсталость бухгалтерской отчётности на 5–6 месяцев, не дававшая возможности своевременного анализа результатов работы не только правлению треста, но и директорам заводов, чем затруднялось выявление результатов работы предприятий и принятие мер к устранению дефектов в производстве;

6) затоваривание на некоторых заводах материала, а также задержка в отгрузке продукции из-за не подачи вагонов железнодорожными чиновниками;

7) недостаток квалифицированных работников в аппарате треста;

8) затрата в первом полугодии до 70% оборотного капитала на строительные работы.

Главным направлением в деятельности стекло-треста, директоров и технорукoв на этих совещаниях определена модернизация стекольного производства на основе новейшей техники. В условиях индустриализации страны впервые на стекольных заводах проводилась механизация производственных процессов.

Первый в СССР механизированный завод по производству бутылок, оборудованный машинами Линча, был построен в 1927 г. в Уршеле, получивший наименование Уршельского стекольного завода «Х годовщины Октября».

В Гусь-Хрустальном в 1927 г. началось строительство стекольного завода имени Ф.Э. Дзержинского[4]. Первая его очередь пущена в эксплуатацию в сентябре 1929 г. Этот завод стал одним из крупнейших в Европе. Впервые вступило в действие высокомеханизированное производство с конвейерной системой, механизированными процессами шлифовки и полировки листового стекла. Листовое стекло производилось машина-

© Г.А. Нугаева, 2006

ми «Фурко». Аппараты, установленные около ванных печей, непрерывно вытягивали стеклянные ленты. Дзержинцы только в первый год действия завода произвели 3 млн. 583 тыс. кв. метров оконного стекла.

В мае 1929 г. началась реконструкция Курловского стекольного завода.

Модернизация Гусевского хрустального завода началась в конце 1920-х годов со строительства составного цеха и обработки, механической мастерской и газостанции, установки нового оборудования, машин и приспособлений. Автоматические приборы регулировали температуру печей, контролировали процесс подготовки стекломассы. На Гусевском хрустальном заводе с 1939 г. начали выпускать тонкостенные выдувные стаканы с использованием машины-автомата. На Анопинском и Уршельском стекольных заводах в 1932 г. были установлены агрегаты системы Шиллера, с помощью которых производились стаканы.

В новых цехах Гусевского стекольного завода имени Ф.Э. Дзержинского начали производить с 1936 г. очковое стекло, а с 1939 г. ещё и приборные стёкла, фотостёкла, с 1940 г. фацетированные стёкла. После реконструкции конвейера Гусевского завода имени Ф.Э. Дзержинского значительно увеличились производительные возможности. На этом заводе произведено стекла в 1937 г. – 6 млн. 211 тыс. кв. м; в 1938 г. – 6 млн. 215 тыс. кв. м; в 1939 г. – 6 млн. 150 тыс. кв. м; в 1940 г. – 5 млн. кв. м. Курловским заводом произведено оконного стекла в 1937 г. – 2 млн. 349 тыс. кв. м, в 1938 г. – 1 млн. 920 тыс. кв. м, 1939 г. – 927 тыс. кв. м, в 1940 г. – 2 млн. кв. м [5].

С открытия в 1930 г. Гусевского стекольного техникума началась государственная подготовка технических кадров для стекольных и хрустальных заводов. В первый год в него приняли 77 студентов, в следующем учебном году – 130. Кроме того, подготовку техников стекольного производства проводили в вечернем отделении[6].

В стекольной промышленности в 1935 г. стахановское движение поддерживали квалифицированные рабочие. На стеклозаводе имени Ф.Э. Дзержинского бригада Дубровина поставила всесоюзный рекорд по выработке оконного стекла, произвела 2147 кв. м стекла или 129% плана, бригада Янтарева – 2140 кв. метров или 128% плана. Бригада Никитина побила рекорд, поставленный Дубровиным, произвела 2194 кв. м стекла или 131,8% плана. На Гусевском хрустальном заводе бригада М.И. Шестакова выполнила план по первому сорту на 296%. Высоких показателей также достигли в соревновании бригады Гордеева, Котова, Чугунова.

В предвоенные годы наиболее высокие темпы роста стекольной промышленности Владимирской области были в последние годы первой пятилетки (1929–1933 гг.) и в первые годы второй пятилетки (1933–1937 гг.). Объем производства увеличился в 1933–1937 гг. в 2,1 раза. В 1940 г. объем производства стал в 3,5 раза больше по сравнению с 1928–1929 хозяйственным годом[7].

Примечания

[1] Наше хозяйство. – 1924. – №24. – С. 89; 1926. – №2–3. – С. 8, 10, 14, 15.

[2] Статистический справочник по Владимирской губернии. 1925–1927. – Владимир, 1928. – С. 49, 87, 89.

[3] Наше хозяйство. – 1926. – №8–9. – С. 129.

[4] ГАВО, ф. 176, оп. 1, д. 35, л. 112(об.); д. 37, л. 102; Районы Ивановской промышленной области. – М.; Иваново, 1933. – С. 55–56, 59; *Толмачёв И.* Имени Феликса (из истории Гусь-Хрустального ордена Трудового Красного Знамени стеклозавода имени Ф. Дзержинского). – Ярославль, 1969. – С. 15.

[5] Технико-экономические показатели работы стекольной промышленности Владимирского совнархоза. – М., 1959. – С. 45, 60.

[6] Земля Владимирская. Географический словарь. – Владимир, 1991.

[7] *Зенкович А., Егоров Н., Лапуста М., Магазин Р.* Прошлое и настоящее. О развитии промышленности Владимирской области. – Владимир, 1973. – С. 69.

ФИЛОСОФИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

В.В. Груздев, М.Л. Груздева

ЯВЛЕНИЕ И СМЫСЛ ВЕЩЕЙ В ОНТОЛОГИИ И ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Прежде чем обратиться к рассмотрению проблемы, выдвинутой Э. Гуссерлем, настаивавшем на «возвращении к самим вещам», необходимо определить, что означает концепция «самих вещей» и их роль и место в жизни конкретного человека. Несомненно, что вещь – это любой внешний предмет, который определяется в сознании человека, совершенно различными образами влияя на его взгляды, внутренние убеждения и установки. Далее, все окружающие нас вещи объединяются в понятие «окружающий мир», природа, внешняя среда и пр. По определению И. Канта, любое внешнее проявление, включая окружающих людей, может быть названо вещью, если рассматривать ее с целью использования, что конституируется правовыми отношениями: «Приобретение (использование) на основе такого закона бывает трояким: мужчина приобретает женщину, чета приобретает детей, а семья – прислугу. – Все эти предметы приобретения неотчуждаемы, а право их владельца есть самое личное право» [1, с. 304]. Следуя логике философа, вещь может быть отчуждаема (деньги) или неотчуждаема (любой предмет), но в любом случае, она является непроницаемым для сознания объектом, существование которого можно лишь констатировать или исследовать с точки зрения дальнейшего использования, но понять его определяющее для конкретного человека значение (смысл) невозможно. С тех пор проблематика определения человеческого сознания, сводимого И. Кантом к деятельности теоретического разума и его трансцендентальной способности, конституирующей наличие таких непознаваемых ноуменов, как Бог, добро и зло, любовь и совесть, остается оторванной от сознания самого конкретного человека.

Весь предметный и окружающий мир, включающий в себя и других людей, оказался миром практической принадлежности субъекта, узаконенным государственной моралью и правом, что раскрывает лишь одну из сторон существования человека – а именно его практически-рассудочную деятельность, и постулирует принципиальную невозможность понимания Иного, раскрытия его смыслов.

В принципе, о невозможности понимания другого (иного мира), говорил и Гуссерль, рассуждая, с позиций cogito, о взаимосвязи одного человеческого сознания (монады) с другим: «…Я могу познать, что каждая монада, обладающая значимостью как конкретная возможность, заранее очерчивает некий универсум совместимости, замкнутый мир монад, и что два мира монад одного итого же вида несовместимы друг с другом, как не совместимы две возможные модификации моего ego, а так же какого-либо мыслимого ego вообще» [2, с. 502].

Данная установка могла бы быть оправдана только в случае, если бы человек мыслил стереотипно предметному миру, т.е. предметный мир определял свои качества в сознании человека, вызывая в нем определенные эмоции всегда однозначно своей кажимости, т.е. если я вижу стол (пример Э. Гуссерля), то я вижу только стол и тот фантом, который создается у меня в сознании есть совокупный образ всех виденных мной столов, к которому я примеряю только что увиденный. Так я понимаю, что стол – это стол и не более того, т.е. образуется некий образ-смысл-слово, которым я в своей фантазии могу оперировать. Постольку, (следуя логике Э. Гуссерля) человек не всегда есть то, чем он кажется, понять его мир практически невозможно: у человека слишком много «кажимостей», поэтому интерсубъективность, направленная на человека, может привести только к определению своего места в обществе (социуме). Таким образом, как образно писал Э. Левинас: «Встречая человека, надо быть готовым к тому, что сталкиваешься с тайной» [3, с. 273]. Но возможно ли вообще раскрытие данной тайны, если сама интенция спотыкается о завесу неистинных образов, которые создает любое сущее? Где находится тот источник, та опора, которая, возможно, является главным условием обнаружения и понимания любого смысла, и без которого вообще невозможно было бы само стремление к познанию? Э. Гус-

© В.В. Груздев, М.Л. Груздева, 2006

серль ищет ответы на эти вопросы именно в том, что пытается создать онтологическую основу феноменологической интенции сущего, что, к сожалению, упускают из вида многочисленные интерпретаторы его философии, приводя ее к только лишь описательному методу. На самом деле, основа феноменологии, по мнению и самого Гуссерля, и его наиболее глубокого интерпретатора, Э. Левинаса, лежит именно в сфере бытия – экзистенции сущего, о чем писал французский философ [3, с. 255–256]. Поскольку, раскрытие любых смыслов – это определение их места в своей онтологической основе, где основная опора – принцип априорности, что является основной онтологической формулой Э. Гуссерля: «…Трансцендентальное эго было воспринято как эго, обладающее опытом мира в себе самом, указывающее на гармоничную согласованность мира. Сообразуясь с сущностью такой конституции и ее экологическими уровнями, мы выявили априорность нового вида, а именно, конститутивную априорность» [2, с. 496].

Таким образом, априорность, конституирующая бытие сущего, есть основной источник его интенции как поиска смыслов, иначе просто человек не испытывал бы потребности в своей собственной системе познания окружающего мира, ровно как он не испытывал бы потребности в его (мира, бытия) переживании. В данном тезисе, на наш взгляд, заключена наиболее глубинная мысль философа, ищущего не способ познания, а сущность всякой потенции к познанию и чувственному проникновению в иное, будь то вещь, человек, или Вселенная вообще. Если рассматривать феноменологию именно с данной позиции, то имеет смысл говорить об «онтологическом перевороте» в системе феноменологического рассмотрения мира и конкретного человека в нем, о чем писал и Э. Левинас: «Можно сказать, что феноменология настаивает на соблюдении неписанного правила: мир постигается конкретным человеком, проживающим свою жизнь» [3, с. 237]. Из данного постулата становится ясно, что недооценивать, или упускать онтологический фактор из феноменологического дискурса является следствием непонимания феноменологии как метода, способного приоткрыть тайну сознания. Поэтому, не согласимся с А. Черняковым, который пишет, что «переход к феноменологической установке предполагает воздержание от бытийного полагания» [4, с. 72]. Не согласимся, поскольку, основным условием всякого понимания вещи есть онтологическое переживание ее человеком в своем сознании.

Поскольку феномен понимания один и тот же, независимо от того, что понимается, вещь может быть понята через раскрытие ее смысла путем диалога с ней. Понять вещь – значит «схватить» весь ее совокупный смысл, а не отдельные признаки вещи или даже их сумму. Это в данном случае и будет обозначать – слиться с вещью и «увидеть ее судьбу ее собственными глазами». Как писал А.Ф. Лосев: «Вбирать в себя смысл вещи... ничего иного не значит, как-то, чтобы отождествить этот смысл с нами самими, а нас – с ним самим. Понять вещь – значит, взять ее смысл, перенести его на то или иное ее инобытие, например на меня (я и мое сознание в отношении данной вещи тоже ведь есть иное инобытие), и – отождествить с этим инобытием» [5, с. 124]. А.Н. Книгин справедливо отмечает: «Понимание вещи не достигается в рациональном познании ее свойств, оно – результат практического «общения» с ней. Вещь в положении «подручного», «средства» – вот действительный объект понимания. Вещь может быть понята именно в ее подручности. Вне этого она познается, а не понимается. «Озабоченное» отношение к вещи есть отношение с переживанием, а это – необходимое условие понимания. В результате «озабоченного» общения с вещью моя субъективность становится субъективностью этой вещи, сливается с ней, и мы полностью подчиняемся друг другу. Вещь стала послушна субъекту, а субъект – послушен вещи, т.е. происходит абсолютно то же самое, что и в диалоге между субъектами. Например, мастер-столяр понимает дерево, и оно послушно ему, но и он, мастер, послушен дереву, действует («разговаривает») с ним на его языке. Напротив, неопытный человек, даже если он и знает теоретически свойства дерева, не справляется с ним, так как, зная его, не понимает. То же самое можно сказать о понимании формулы математиком, прибора – физиком-экспериментатором, мяча – футбольным мастером и т.д. Во всех случаях понимание не знание вещи, а проникновение в ее «сущность» [6, с. 275].

Что же есть сущность вещи? Гуссерль пытается охарактеризовать ее следующим образом: «Индивидуальный предмет не является просто и вообще индивидуальным, неким «Dies da!»: ему недостаточно поднять индивидуальный предмет

со всеми его определениями, на уровень всеобщности, идеальности, чтобы превратить его в сущность» [7, с. 9]. Таким образом, если следовать логике Гуссерля, онтологическая сущность вещи не есть абстрактная идеальность, выраженная в смысло-образах, она, по меткому выражению Э. Левинаса, есть текучесть, улавливаемая интуицией [8, с. 108] и выраженная в свою очередь, в неком «просветлении», моменте «инсайт», что лишь создает почву для дальнейшего познания ее (вещи) в качестве объекта. Это означает лишь одно – сущность вещи может быть раскрыта только тогда, когда интуитивно определяется место ее бытия в бытии человека, т.е. когда понимается и имеет отклик в сознании определенная онтология вещи, ее сущностная ценность. Никакая абстрактная идеальность, выраженная в словах, знаках, математических символах, не может раскрыть сущность вещи, которая приобретает значение истинности только в момент интуитивно-онтологической близости человека к данной вещи. Рассуждая о значении данной феноменологической идеи, выдвинутой Гуссерлем и забытой его многочисленными интерпретаторами, Э. Левинас выдвигает следующее предположение: «Феноменология – это разрушение представления и теоретического объекта. Она выступает против созерцания объекта (которое, казалось бы, осуществляла) как абстракции, как частичного видения бытия, как забвения его истинности… Быть направленным на объект, представлять его себе, уже значит забыть бытие его истины» [3, с. 264].

Таким образом, становится понятным истинное значение феноменологии, которая заключается (или должна заключаться) не в рассудительной отстраненности субъекта-исследователя, а в мысленно-чувственном охвате ее, приводящем к интуитивному определению ее онтологической ценности и истинности. Как верно замечает Э. Левинас: «Доступ к объекту является частью бытия объекта» [3, с. 265]. Сама интуитивная вспышка, определяющая сущность вещи и есть эффект понимания. Но нельзя отождествлять понимание со знанием, поскольку знание – аналитическая, гносеологическая система, реализующая способность определения путей оперирования с объектами. Г. Шпет замечает: «Теория познания со своими постулатами общеобразовательного знания уже потому не заменяет феноменологию и не стоит в ее основании, что для феноменологии, как науки о самом бытии, нет вовсе вопроса об обязательности или необязательности, а весь ее вопрос о том, *что есть*?» [9, с. 119]. Согласимся с тем, что целью феноменологической интроспекции является, прежде всего, осмысление и переживание существующего мира в его предметных и сущностных явлениях, оставляющих след в собственном сознании не с целью познать и определить вещь с точки зрения ее использования, но с точки зрения открытия ее скрытого смысла, или, выражаясь словами М. Хайдеггера, сущность понимания – в раскрытии сокрытого, алатейи. Как далее пишет Г. Шпет: «…замыкая свое поле внимания, феноменология не должна ограничиваться изучением только поверхности его, а может взрыть его как угодно глубоко, проникая во всякий слой рассматриваемого бытия» [9, с. 119]. Возникает вполне уместный вопрос: возможно ли вообще восприятие любой вещи как явления инобытия, свойственно ли человеку вообще воспринимать вещь с точки зрения ее бытийственности, ее экзистенции?

Физикалисты (Д. Деннет[1], Х. Патнем[2] и др.), отрицая наличие квалиа в сознании людей, утверждают, что никакой онтологии в системе сознательного восприятия предметного и сущего мира нет, а есть только потребность в познании для того, чтобы использовать этот мир, природу, для наиболее успешной адаптации и выживания. Но мы должны понимать, что отрицая саму способность человеческого сознания к стремлению обнаруживать смыслы, заключенные за видимыми рамками предметов, мы лишаемся возможности что-либо понимать вообще, лишаемся способности к творчеству как осознанному воспроизведению раскрытых смыслов, лишаемся даже самой основы познания, находящейся в плоскости стремления к раскрытию потаенных смыслов тех или иных вещей. Утверждать, что человек не может коррелировать образы предметов в феноменальные ноэмы, означает лишить его способности к какому-либо теоретизированию и оперированию раскрытыми смыслами, что равносильно признанию в том, что человечество вообще не способно к науке, искусству, восприятию и переживанию всего эпифеноменального. Сама возможность переживания наличествующей вещи, предмета, сущего как необходимого условия моего собственного бытия, свидетельствует о способности к чувственно-мысленному проникновению человеческого сознания за видимые очертания

данной вещи, придавая ей бытийственные смыслы и открывая возможности для ее понимания.

По мнению А.Н. Книгина, понимание – не гносеологическая категория, а экзистенциальная. Понимание есть состояние души (сознания), в котором отождествляется мой жизненный мир с другим. Горизонт ожиданий другого субъекта (или вещи) – мой горизонт, когда они поняты. Поэтому понимание – мое бытие в другом и бытие другого во мне. Оно «расширяет», «обогащает» экзистенцию понимающего, в этом смысле понимание соборно. Оно – не отчужденное внешнее знание другого, а со-бытие с ним, имманентное единство с ним. Поэтому понимание – в отличие от знания – не рационально и не может быть, как таковое, высказано. Выказанное понимание приобретает форму интерпретации – рационального истолкования – субъекта, вещи и т.д., т.е. обретает форму знания и является моментом сознания. Будучи не одним и тем же, знание и понимание дополняют друг друга как формы духовного «овладения» вещью: соответственно рациональным и иррациональным» [6, с. 276]. Таким образом, понимание не есть результат логического «ощупывания» вещи, ее абстрактного исследования и манипулирования, это есть результат переживания ее, придания ей особой «душевности». Согласимся со Г. Шпетом, который, говоря о переживаниях вещи, пишет: «Эти… переживания входят как компоненты в некоторые другие более объемлющие конкретные переживания, которые как целое интенциональны, «и притом так, что над этими сенсуальными моментами лежит как бы «одушевляющий», (или, по существу, включающий в себя осмысление) слой, благодаря которому именно возникает… конкретное интенциональное переживание» [9, с. 123]. Но, рассуждая о том, как возможно вообще рождение *ноэтического момента*, Г. Шпет не обращает внимания на ту необходимую почву, которая является тем определяющим сознание феноменом, что и создает условие для придания вещи одухотворяющего смысла. А именно: определение собственного Я как источника духовного переживания, Я как экзистирующего существа, через призму восприятий и переживаний которого вообще возможно понимание бытия Иного. К сожалению и Э. Гуссерль обращает внимание на «яйность» самого человека через призму его чистого, трансцендирующего сознания, что дает почву для трактовок его феноменологии с точки зрения незамутненной, не психологической интенциональности, что неумолимо ведет к выводу о том, что цель феноменологического метода – формирование некоего идеального образа вещи, а не переживание ее смысла. Именно в этом, на наш взгляд, заключается ошибка, позволяющая совмещать два несовместимых подхода к феноменологии: с одной стороны – «чистая феноменологическая редукция», с другой – стремление путем интенциональности раскрыть онтологический смысл вещи. Возникает вопрос: где же истинный метод феноменологии, если речь идет о проявлении феноменов человеческого сознания? Получается, что, превращенный в чистый, трансцендентальный субъект, человек, несмотря на феноменологическое конституирование его чувственной бытийственности, все же лишается своей основы в качестве разумного существа, своего человеческого, духовного Я. Данный парадокс замечает и Э. Левинас подчеркивающий, что феноменология есть парадоксальное образование: это идеализм без разума. «Идеализм» – потому что человек не обретает здесь смысла, когда исходит из мира, из которого он, человек, исключен [3, с. 249].

Таким образом, понимание, раскрытие смыслов, есть лишь некая абстрактная идея, висящая в воздухе, если она не находит свое отражение в переживающем сознании конкретного человека, основанием которого является разумность (как совокупность онтологических чувств и мыслей), а не рассудочность, логичность. Поэтому следует сказать, что трансцендентальное *эго* Э. Гуссерля не способно к тем переживаниям бытия вещи, о которой он же и заявил, исходя из своего видения сенсуализма. К чему же приводит подобное представление о воспринимаемой вещи, если существующее, экзистирующее Я исключено из процесса феноменологической интенциональности? «Чистое» Я, воспринимая предмет, может лишь использовать его в идеальном плане, или, выражаясь словами Э. Фромма, осуществлять «символическое инкорпорирование», образно, идеально, символически «поглощать» предмет и верить, что он присутствует «где-то внутри». Но такое символическое инкорпорирование ничем не отличается от предметного использования, не оставляя в душе использователя ничего, кроме ощущения эмоционального удовлетворения от такого использования. В данной возможности нет даже намека на бытийственную

принадлежность вещи и ее определяющему влиянию на сознание человека, т.е. на то, что и дает возможность вещи «раскрыть» свой смысл для проникающего сознания индивида. Вещь, если возвратиться к приведенному нами тезису Г. Шпета, не может бытийствовать сама по себе, поскольку является лишь предметом, который используют или не используют, который, поэтому, имеет стоимость или не имеет ее, вещь раскрывает свой смысл, или бытийствует тогда, когда воспринимающий ее человек, наделяя ее смыслом, наделяет ее частицей своего бытия.

Так, художник, приступающий к написанию картины, в поставленном перед ним полотне видит не саму белую ткань, натянутую на деревянную основу, но видит сущность того, что он хочет раскрыть для себя и других людей посредством написания своего произведения. Режиссер, снимая кино, за словами сценария видит реальные переживания нереальных персонажей, и, если он талантлив, то способен переживать вместе с ними, наделяя их выдуманную жизнь собственными экзистенциальными восприятиями. Так, любительница цветов, сопереживает своему засыхающему растению, наделяя его особой чувствительностью, свойственной ей самой, что делает существование цветка почти бесценным. Возможно, именно таким образом рождается особая ценность тех произведений искусства, которые не являются сами по себе предметами необходимого использования, но, тем не менее, человечество дорожит ими в силу того, что видит в них те особые смыслы, которые удалось раскрыть тем, кто их сотворил.

О таком особом свойстве человеческого сознания к сопереживанию и одухотворению вещи говорил и известный французский философ Ж. Бодрийяр, рассуждая о тех смыслах, которые заложены в старинных вещах, которые, в силу своей нефункциональности, не должны бы цениться вообще, но, тем не менее, имеют для многих особое значение: «Итак, старинная вещь обладает особым статусом. Поскольку ее задача в рамках «среды» – заколдовывать время и переживаться как знак, то она не отличается от любого другого элемента и соотносится с ними всеми. Поскольку же, напротив, она обладает меньшей соотнесенностью с другими вещами и выступает как нечто целое, как некая наличная подлинность, то у нее появляется специальный психологический статус. Она переживается иначе. Именно в этом глубинная польза этой бесполезной вещи… Императив, которому отвечают старинные вещи, – это императив завершенного, законченного в себе существа. Время, в котором живет мифологический предмет, – перфект; это то, что имеет место в настоящем в качестве сбывшегося прежде и что в силу этого глубоко укоренено в себе самом, то есть «подлинно». Старинная вещь – это всегда в широком смысле слова «семейный портрет». В конкретно-вещественной форме она запечатлевает в себе некое достопамятное прошлое; на уровне воображаемого такой процесс соответствует устранению времени. Этого, разумеется, недостает функциональным вещам, которые существуют лишь ныне, в актуальном индикативе или практическом императиве, исчерпываясь своим применением и не обладая предшествующим бытием; более или менее заполняя собой пространство, они не обеспечивают наполненность времени. Функциональная вещь обладает эффективностью, мифологическая вещь – завершенностью. Знаменуемое ею состоявшееся событие – это событие рождения. Я – не тот, кто живет сегодня (в этом мой страх), я тот, кто уже был раньше, согласно логике обратного рождения, знаменуемого мне таким предметом, который из настоящего устремлен в глубь времени; это и есть регрессия. Таким образом, старинная вещь выступает как миф о первоначале».

Экзистирующее, переживающее Я имеет, поэтому, особое свойство, которое, в отличие от интенциональности, воспринимающей предметный, окружающий мир на уровне чувственно-мысленного ощупывания и оперирования идеальными образами, по сути, интрационально, т.е. направлено в своих переживаниях на себя, свой собственный мир. Поэтому, можно сказать, что интенциональность никогда не присутствует в сознании одна, в чистом виде, поскольку практически сразу переходит в интрациональность, перенося имеющую значение для данного человека смысловую нагрузку с предмета на себя, отождествляя определенным образом воспринимаемый мир со своим собственным миром. Переживания, в том числе и онтологические, возникающие в данный момент – есть мысленно-чувственный ответ миру на его присутствие «во мне» и «мое» присутствие «в нем». Иначе, если бы сознание человека, по определению Э. Гуссерля, являлось бы исключительно «чистым», интенциональным, оперирующим, человек в принци-

пе не мог бы наделять окружающее теми смыслами, которые он переносит от себя, от своего бытийствующего мира. Таким образом, не вещи сами по себе несут некие абстрактные, идеальные смыслы, воспринимаемые чувственно и мысленно посредством интенций, свойственных тренсцендирующему (чистому) сознанию, но они (вещи) могут быть наделены смыслами постольку, поскольку встречаются на пути бытийствующего Я, который волен наделять неодушевленные или одушевленные «вещи» частицей своего собственного бытия, имеющего смысл. О способности наделять вещи смыслами хорошо написал Ж. Бодрийяр: «Если я пользуюсь холодильником для охлаждения продуктов, то он служит практическим опосредованием – это не вещь, а холодильник. Именно поэтому я им не обладаю. Обладать можно не орудием, отсылающим нас к миру, но лишь вещью, *абстрагированной от своей функции и соотнесенной с субъектом*. На данном уровне все предметы обладания причастны одной и той же *абстракции* и отсылают друг к другу в той самой мере, в какой они отсылают лишь к субъекту. Тогда они организуются в систему, благодаря которой субъект пытается восстановить для себя мир как некую приватную целостность. У каждой вещи, стало быть, две функции: одна – быть используемой, другая – быть обладаемой. Первая функция связана с полем практической тотализации мира субъектом, вторая же – со стремлением к абстрактной самототализации субъекта вне мира. Эти две функции находятся в обратном соотношении» [10, с. 96]. Таким образом, *обладать* вещью, не означает использовать ее в силу ее практической функциональности, а означает именно способность человека абстрагировать ее от своих первоначальных функций, наделяя ее особым, непрактическим смыслом, соотносимым со своим собственным миром. Поэтому становится предельно ясно, что использовать вещь как некую практическую данность и обладать ею в качестве особо ценного для себя самого смысла – это совсем не одно и то же.

Но в данном тезисе Ж. Бодрийяра нам интересен еще один момент, связанный с определением соотношения бытийствующего сознания в момент ухода «в себя» (абстрактная самототализация субъекта вне мира) и вещи, которая в философии, и в том числе феноменологии всегда воспринималась как часть мира, безотносительная к внутреннему миру субъекта. Желание Э. Гуссерля наделить человека очищенными от всякой психологии (внутренних переживаний, обусловленных погруженностью в исключительно свои проблемы и реакции на них) интенциями, приводит к идеализации и однобокому рассмотрению деятельности человеческого сознания. На самом деле одним из свойств индивида является способность «уходить в свой духовный мир», абстрагируясь от созерцания или следования всего внешнего, о чем и писал Ж. Бодрийяр. Именно в данные моменты человек встречается с собственным самосознанием, переживающим существование «наедине с собой», когда окружающий предметный мир как бы отступает на задний план. Переживания, мысли и чувства, охватывающие человека в данный момент, являются основой определения его существования во времени и пространстве, в котором он отдает отчет сам себе. Именно такие чувства, мысли и переживания характеризуются как онтологические, раскрывающие само собственное бытие человека. Но, сам факт «ухода в себя» в данные моменты совсем не является безотносительным к окружающему миру, поскольку он лишь отодвигается на некоторое время, но затем возвращается на свое место, возможно, дополненный новыми смыслами, возникшими в результате такого онтологического переживания. Каждая вещь, которой коснулся аспект онтологического переживания или понимания реальности и текучести собственного бытия, воспринимается не как объект манипуляций разного рода, связанных с товарным обменом, а как некий особый, и в силу этого не имеющий цены символ, «сама вещь» по Ж. Бодрийяру, конституирует в своей явленности понимание собственного бытия человека.

Наделение онтологическим смыслом некоего предмета имеет значение опредмечивания своего понимания бытия в конкретном объекте. Так, для верующего человека имеет бесценное значения маленькая деревянная иконка, доставшаяся от бабушки, которая совсем неинтересна атеисту в силу своих убеждений. В жизни каждого человека имеется какая-нибудь подобная «безделица», которая важна только ему одному в силу только ей присущих смыслов и значений, наделяемых в результате собственных переживаний, воспоминаний, раздумий о своем Я. Таким образом, не каждая вещь, наличествующая в окружающем мире есть «внешний предмет, который по своей субстанции есть объект права собствен-

ности», т.е. исключительно правомочия распоряжения, владения и пользования им для собственного удовольствия, но среди данных вещей есть те вещи, которые имеют особую смысловую нагрузку и в силу этого считаются бесценными и не подлежащими манипуляции с точки зрения своих владельцев. Меняет ли что-либо данный тезис о представлении собственности или вещных правах человека, конституированных необходимостью согласовывать с другими людьми факты своего обладания теми или иными предметами? Конечно, нет, поскольку мы ведем речь о способности человеческого сознания к особому восприятию вещи, наделяемой смыслом, которая, тем не менее, внешне является объектом его права собственности. Понимание же собственности на вещи есть природное свойство человека, на протяжении всей своей жизни стремящегося к обладанию и сохранению своих прав на владение предметами пользования. Если вспомнить слова Гегеля, то именно и только через обладание и распоряжение собственностью он (человек) может воплотить свою волю во внешних предметах и трансцендировать свою субъективность за пределы себя. Продолжая мысль немецкого философа, можно сказать, что собственность – есть неотъемлемая возможность каждого человека на конституирование своей воли и желаний по отношению к окружающему миру, основанная на его природных потребностях к владению и манипулированию вещами. О том, что данная способность является врожденным свойством человека, стремящегося распространить свое *эго* на возможно большее количество предметов, движимого и недвижимого имущества, писал Р. Пайпс: «Как и у животных, у человека тяга к присвоению возникает в основном по причинам биологическим и экономическим ввиду потребностей в территории и предметах, необходимых для существования и продолжения рода» [11, с. 100].

Но, в отличие от животных, присваивающих силой или хитростью необходимые для жизнедеятельности вещи, человек приобретает очень часто те из них, которые не являются необходимым условием его выживания или размножения. Поэтому проблематика определения сущности собственности как таковой лежит в особом отношении человека к вещам, свойственном только людям. Особенность такого отношения, в отличие от отношения животных, определяемых понятиями «мое – твое», заключается в определении смысловой (сознательной) нагруженности вещи, что, по умолчанию, может влиять на ее ценность, а так же на общественный статус ее владельца. Предположим, старинная коллекционная вещь, не имеющая никакого значения для удовлетворения физических потребностей своего хозяина, тем не менее, в среде коллекционеров считается безусловно ценной. Редкая научная книга способна одарить огромной радостью приобретающего ее ученого, для которого ее ценность не будет определяться в напечатанных на ценнике цифрах, поскольку, в его сознании она намного их превосходит.

Таким образом, биологически обусловленная потребность в присвоении вещей, у человека развивается в неоднозначное отношение к ним, обусловленное теми смысловыми нагрузками, которые имеет та или иная вещь в сознании своего владельца. Наделяя вещи смыслами, человек может или обесценить тот предмет, который неизмеримо ценен для массы других людей, или сделать особо ценным тот, что считается безделушкой. Поэтому можно сказать, что вещь способна определенным образом играть значительную роль в сознании человека, являясь неким опредмеченным смыслом в его мировоззрении.

Возвращаясь к возможностям феноменологической редукции и интенций, можно сказать, выражаясь словами Э. Левинаса: «Феноменология Гуссерля ищет источник всякого смысла, распутывая нити интенциональной путаницы. Ее усилие состоит лишь в определении того, чего не знаешь, но предполагаешь известным» [3, с. 307].

Исходя из всего вышесказанного, можно определить, что обращение к сущности феноменологии исключительно как к «прожектору, который высвечивает в темноте все, что становится данностью» [12, с. 11], означает ждать от вещей того, чего они сделать не могут, а именно – самого раскрытия, находящего отклик в бытии человека. Этот недостаток феноменологии Гуссерля понимал другой выдающийся немецкий философ – М. Хайдеггер, придавая ей существенную роль в возможности раскрытия бытия сущего именно в связи с онтологическими переживаниями: «Феноменология есть способ подхода к тому и способ, показывающий определения того, что призвано стать темой онтологии. Онтология возможна только как феноменология. Феноменологическое понятие феномена имеет ввиду как кажущее себя бытие сущего, его смысл, его модификации и дериваты» [13, с. 53]. Чтобы «открыть

смысл» вещи, необходимо сбросить завесу потаенности, открыть тайну, завуалированную различными мнениями, «засоренностями» и искажениями [13, с. 54]. Но, чтобы раскрыть неизвестный смысл, необходимо открыться самому, сделать видимым свое собственное бытие себе самому, быть Dazein. Именно в данном дискурсе имеет смысл говорить о феноменологии, как о «науке о бытии сущего – онтологии» [13, с. 55].

В данном случае уже не ведется речь исключительно об интенциональном методе, который, как уже говорилось, не может раскрыть смысл вещей, будучи оторванным от бытия того, кто его применяет, но предлагается рассмотреть саму возможность определения феноменологии как особенного свойства человеческого сознания, раскрывающего само бытие и те смыслы, которые за ним следуют.

Согласимся с М. Хайдеггером, предметы, объекты, их совокупности, а так же существование других людей, могут, как иметь какое-либо значение, становясь доступными пониманию, но могут и не иметь такой доступности, оставаясь закрытыми и непонятыми. Интенции, имманентные сознанию, но существующие как бы в отрыве от самого бытийствующего человека, не способны раскрывать смыслы, если опосредованы только лишь редукционной установкой – помыслить предмет. Образы вещей, остающиеся в сознании человека, остаются при этом только лишь идеей вещи, создавая весьма смутное впечатление, конкретизируемое опытом, но, тем не менее, вещь так и остается «самой в себе», не способной к раскрытию. Поэтому, основное положительное значение философии М. Хайдеггера в том, что он изначально опровергает именно такой подход к феноменологии, ставя проблему раскрытия смыслов всего окружающего, в том числе, вещей, сущего, бытия. В данном аспекте мы приходим к выводу, что смыслы могут быть раскрыты только в том случае, если ставится «вопрос о смысле бытия вообще» [13; с. 55]. Но, тем не менее, философ не отвергает саму феноменологию, поскольку она есть неотъемлемый способ определения смыслов окружающего мира, но, и что важно – собственного бытия присутствующего в нем. Любой человек, ставящий вопрос и испытывающий потребность в понимании иного уже является феноменологом, поскольку в данном случае совершает прыжок в сторону иного – трансцендирует к объекту, к которому вопрошает. Этот мысленно-чувственный отрыв от себя, интенция, есть, несомненно, замечательное открытие Э. Гуссерля, поскольку ранее, еще со времен И. Канта считалось, что трансцендирование есть способность «восхождения» к Богу, трансцендентальному центру, относя ее, скорее к одному из доказательств существования сверхъестественного. Феноменология, «приземлив» трансцендентальную способность сознания, сводимую «к самим вещам», открыла путь к доступности понимания вообще, определив ее как неотъемлемую функцию человеческого сознания. Но на этом она и зашла в тупик, поскольку, как правильно заметил М. Хайдеггер: «Бытие есть трансценденция. Трансценденция бытия особенная, поскольку в ней лежит возможность и необходимость радикальнейшей индивидуализации. Всякое размыкание бытия есть трансцендентальное познание» [13, с. 56]. Таким образом, сама интенциональность возможна только при постановке вопроса о смысле бытия сущего, в моменты его онтологических переживаний, именно данное состояние делает возможным «размыкание бытия», т.е. понимание. Я понимаю тогда, когда ощущаю себя бытийствующим сущим, определяющим смысл своего существования, когда бытовой мир со всеми его заботами, толками, суетой и пр., отступает на второй план, открывая возможность к прояснению смысла того, к чему устремлен мой вопрос. В этом смысл радикальнейшей индивидуализации, о которой говорил М. Хайдеггер, когда человек видит и ощущает себя таким, каков он есть, переживая свое существование. Как писал Э. Левинас: «Понимание бытия 1– характерная черта и основополагающий факт человеческого существования» [3, с. 212]. Понимание бытия, это и есть наделение его смыслами, понятиями, определяющими существование именно как бытийствование. Поэтому бытийствование есть диалог с Иным на почве определения онтологических смыслов, которые, возможно, способны прояснить проблему смысла собственного существования. Постольку, поскольку человек является вовлеченным, заброшенным в мир, где осуществляется его экзистенция, сам мир и вещи, которые в него входят, сами образуют «онтологическую структуру» [13, с. 84]. В выявлении онтологических смыслов окружающего в тождественном соотношении с самим Dazein, М. Хайдеггер видит непреложное условие его бытийствования. В другом случае чело-

век не бытийствует, а лишь присутствует в мире, заполняя свое сознание ничего не значащим бегством от себя в суету, что мало чем отличает его от поведения животного.

Если возвратиться к «самим вещам», то нас в данном случае интересует роль в онтологическом определении неодушевленных, но одушевляемых предметов, которые порой для многих живущих имеют гораздо большее значение, нежели окружающие их люди. Несомненно, что вся окружающая онтологическая структура равнозначно влияет на определение бытийственных смыслов сущего, ставящего онтологический вопрос, но существование в мире предметов, обладающих особым значением, является неоспоримым доказательством возможности раскрытия особой роли предметов в мире людей. Предметность мира есть независящая от нас данность, сотворенная руками человечества, что дало многим основание утверждать, что именно предметы сделали из обезьяны человека, обладающего сознанием (Ф. Энгельс). Способность древнего человека манипулировать палками и каменными орудиями в своих практических целях дала начало человеческой цивилизации и вывела понимание предмета из сферы природной наличности в сферу, определяющую саму человечность, наделенную сознанием и разумом. Рожденная разумом культура – это возведение предмета, вещи, на особый, духовный уровень, т.е. на уровень, определяющий надпредметные смыслы. Поэтому именно человеку свойственно особое отношение к вещам, способным в силу своей инертности легко откликаться на его запросы, в том числе и духовные, онтологические. Интересно то, что сам предмет не есть высказанное понимание смысла, в то время как М. Хайдеггер утверждал, что «понимание есть истолкование» [13, с. 55]. Скорее, вещь есть выявленный смысл, который может быть создан в виде некоей формы, если речь ведется о произведениях искусства. Само искусство – это опредмеченная духовность человечества, или, говоря иными словами, совокупность выявленных и зафиксированных в предметах онтологических смыслов. Мы сейчас намеренно не беремся за анализ т.н. практических вещей – стульев, вилок, телевизоров и т.д., поскольку их влияние на существование человека, выявленное тем же М. Хайдеггером как «подручность» [13, с. 91], имеет значение в виде употребляемых предметов, необходимых в быту, но не влияющих на существование или бытийствование человека.

Несомненно, что отношение к вещи, ровно как и отношение к любому иному есть реализующая себя онтология сущего. Если человек задумывается о себе как бытийствующем, экзистирующем сущем, то он, тождественно своему пониманию себя понимает и иное. Но вещь понять легче, поскольку она поддается тем возлагаемым на нее ожиданиям, которые способна олицетворить. Так, дерево способно превратиться в статуэтку возлюбленной, но далекой сейчас женщины, холодный камень – в теплый, уютный камин, дарующий в промозглый день владельцу особое состояние покоя и комфорта. Можно отметить, что такое особое отношение человека к вещам есть особенность поиска недостающего или потерянного эмоционального и бытийственного отклика, ожидаемого от других людей. Мало того, именно от других людей, которые, по сути, являясь «такими же как Я» сущими, наделенными такими же способностями к эмоциональному отклику, любви и дружелюбию, пониманию добра (а именно этих качеств лишены неодушевленные предметы), способны заставить страдать куда сильнее, чем самые устрашающие природные явления. Х. Ортега-и-Гассет вообще писал об «угрозе Другого»: «Итак, Другой, т.е., человек незнакомый в силу того, что он таков, а так же потому, что я его не знаю, заставляет меня при сближении предполагать самое худшее, предвосхищать его возможную враждебную реакцию. Иначе говоря, Другой, формально, конститутивно опасен» [14, с. 598]. Но, продолжая мысль философа, можно сказать, что даже в случаях личного знакомства, мы не всегда можем быть уверены в положительных эмоциях, чувствах, откликах Другого по отношению к нам, поскольку, если мы можем отождествить наш внутренний мир, свое Я с неодушевленной вещью, которая всегда «откликнется» на наш призыв к ней и примет тот образ, который нам необходимо возложить на него в данный момент, другой человек, имеющий другой мир, способен подчас резко, а порой и враждебно пресечь наши попытки одарить его известными нам смыслами и прервать всякие отношения. Это, к сожалению, та реальность, которая не позволяет идеализировать роль Другого по отношению к лично моему самосознанию. М. Хайдеггер в отношении других людей высказывается в достаточной степени однозначно, разводя в разные стороны понимающего свое бытие Dazein и мир других людей (daz Man), кото-

рые «крадут мое бытие» [13, с. 126]: «Другие означает не то же что: весь остаток прочих мимо меня, из коих выделяется Я, другие это наоборот те, от которых человек себя большей частью не отличает, среди которых и он тоже. Это тоже-присутствие с ними не имеет онтологического характера «со»-наличия внутри мира» [13, с. 142]. В данном моменте следует понимать одно: другие люди не являются той основой, на которую следовало бы возлагать основную онтологическую нагрузку, определяющую возможность понимания смысла собственного бытия. Пока мы не ведем речь о том, что в философии, особенно М. Бахтина, да и вообще в русской философии, принято называть чувственным пониманием другого человека, сейчас нас интересует сама возможность определения смыслов, исходя из общего представления внешнего мира, включающего в себя массу вещей, природных явлений, других предметов и окружающих людей. Что из данной системы может быть наполнено смыслом, определяющем онтологическое понимание конкретного человека, а что уводит его от такого понимания в сторону рассудочной деятельности, потребления и проживания «не своей» жизни?

На наш взгляд, немецкий философ прав, говоря о том, что другие люди в своей массе, и даже в своей периодически встречающейся единичности дают основу вовсе не для понимания себя человеком, а для более удобной «не своей» жизни. Возможность «замыкаться в других», живя их проблемами, заботами и теми жизненными ситуациями, которые «щекочут нервы», полностью порабощает волю и способность Я к осознанию себя, т.е., если вторить М. Хайдеггеру, не ведет к индивидуализации. Индивидуализация, т.е. само вопрошание о смысле своего бытия, имеющее в основе собственное себя-понимание, вытекает из определения особенности Я по отношению к массе других, закрытых в самих себе, людей. Таким образом, Я – есть существующее сущее, понимающее временность своей жизни, понимающее, что Я есть то, чем не являются другие. В данном акте самосознания экзистирующего сущего наглядно проступает осознанное размежевание с другими, но не на рассудочной почве (я хочу иметь то, чего не имеют другие, или я хочу сделать карьеру, недоступную для других и пр.), здесь размежевание носит онтологический характер: мое бытие есть особенное, только мне принадлежащее бытие, в котором я осознаю себя как одинокую заброшенность, реализующую то свое понимание существования, которое мне уже открыто. В данном акте самосознания роль других людей – лишь сравнительная (по отношению к ним мое бытие есть только мое и больше ни чье), но именно данный акт постулирует открытость Я самому себе в момент онтологического переживания.

Следующим моментом, характеризующим акт самосознания, возникает ощущение понятого или проясненного смысла в отношении своего существования, когда осознается вся трагичность такого аутентичного состояния (Я один, я заброшен, в мире нет никого, кто понял бы меня), является появляющаяся возможность или потребность реализовать проясненный смысл в неких окружающих объектах, других людях, вещах и т.д.

Данная потенция есть сама возможность творчества в человеке, реализующего смысл. Но реализация этого смысла, необходимая для конституирования своего собственного отношения к Я через мир, редко реализуется посредством других людей, замкнутых в своей множественности. Как соотнести возникшее понимание бытия к другим людям, если они чужды мне и неподвластны моему на них эмоциональному влиянию? Они живут так же, как и жили, занимаясь своим бытом, озабоченные своими проблемами и ищут реализации совсем не в том, что стало понятным мне. Здесь на помощь мне могут прийти только вещи, которые могут быть сформированы таким образом, чтобы наиболее явленно откликнуться на определяемый и стремящийся быть реализованным смысл. Это может быть мольберт для художника, компьютер для писателя или ученого, камень или дерево для скульптора, ручка и бумага для поэта и т.д. Если же человек не является способным к такого рода творчеству, он может возлагать свое понимание себя и мира на любое доступное созерцанию явление или вещь, отвечающую ему особым теплом: фотография, камин, свеча в полумраке, старинная вещь, остановившая время в пространстве, книга и даже потрясающий воображение хороший художественный фильм. Согласимся с замечательным высказыванием Х. Ортеги-и-Гассета: «Бытие каждой вещи не состоит в том, чтобы быть самой по себе и в себе, вещи имеют лишь бытие для чего-то» [14, с. 532]. Или, уточним далее, для кого-то, т.е. вещь приобретает особый, очеловеченный смысл только в те моменты, когда начинает играть определенную роль в бытии человека.

Таким образом, вещь, вырванная из предметно-подручного кругооборота внешнего мира, приобретает иное смысловое состояние, отмеченное разумом того, кто ее «вырвал». Именно данная особенность человеческого сознания наделения смыслами, способна прояснить саму возможность понимания человеком окружающего мира во всем его многообразии, в то время как Э. Гуссерль считал, что вещи способны к самому раскрытию в сознании воспринимающего их человека. Если исключается онтологическая почва, на которой произрастает понимание (самосознание) самого человека, то мы имеем дело лишь с мышлением, имеющим рассудочную основу, конституирующую т.н. процесс познания, т.е. процесс опытного манипулирования, а не процесс раскрытия смысла.

Итак, вещи в мире людей имеют двоякое значение и вытекающее из данного значения способы их восприятия и определяемой ценности. С одной стороны вещь – это подручное средство, необходимое для жизнедеятельности индивидов, и включенное, соответствующим образом, в товарный оборот, регулируемый нормативно-правовыми актами. Но так же вещь может приобретать особое значение со-бытийствования с человеком, возлагающим на нее определенные смыслы, возникшие в процессе понимания им своей человеческой сущности. Это – вещи, принадлежащие миру искусств, религиозному миру, любые вещи, имеющие индивидуальные значения для владельца, что делает их особо ценными и, порой, не подлежащими товарно-денежному обороту.

Примечания

[1] *Деннет Д.* Виды психики: на пути к пониманию сознания. – М., 2004. – С. 81–83.

[2] *Патнэм Х.* Философия сознания. – М., 1999. – С. 88–102.

Библиографический список

1. *Кант И.* Метафизика нравов // Собрание сочинений. Т. 6. – М., 1994.

2. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. – Мн., М., 2000.

3. *Левинас Э.* Открывая существование с Гуссерлем и Хайдеггером // Избранное: трудная свобода. – М., 2004.

4. *Черняков А.* Феномен и его свидетель // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. – Мн., 2001.

5. *Лосев А.Ф.* Бытие. Имя. Космос. – М., 1993. – С. 124.

6. *Книгин А.Н.* Философские проблемы сознания. – Томск, 1999.

7. *Гуссерль Э.* Идеи. – М., 1993.

8. *Левинас Э.* Теория интуиции в феноменологии Гуссерля // Избранное. – М., 2000.

9. *Шпет Г.* Явление и смысл // Мысль и слово. Избранные труды. – М., 2005.

10. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. – М., 2001.

11. *Пайпс Р.* Собственность и свобода. – М., 2001.

12. *Михайлов А.А.* Принципы феноменологической философии // Dazein-анализ в философии и психологии. – Мн., 2001.

13. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – Харьков, 2003.

14. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. – М., 2000.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Субетто А.И. *НООСФЕРНЫЙ СОЦИАЛИЗМ КАК ФОРМА БЫТИЯ НООСФЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА: ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ НООСФЕРНОГО СОЦИАЛИЗМА.* – СПб.; КГУ: Астерион; КГУ, 2006. – ISBN 5-7591-0723-2.

Витель Е.Б. *РУССКОЕ НАРОДНОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО:* Учебное пособие для студентов музыкально-педагогических факультетов. Ч. 1: Необрядовый музыкальный фольклор / Рец. Е.А. Румянцева. – Кострома: КГУ, 2006. – 194 с.

С.В. Комаров

ПОНЯТИЕ ЯВЛЕНИЯ У КАНТА: СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ

Обычно кантовское явление рассматривают как феномен в противоположность вещи-в-себе как реально существующему объекту. Основание этого противопоставления лежит в самой кантовской гносеологической установке, хотя за пределами критики разума оно должно быть снято. Но, например, когда неокантианство устраняет вещь-в-себе как источник наших ощущений, то оно вообще отходит от кантовской мысли, ибо превращает явление в чистый эпифеномен. Между тем, для самого Канта явление (опыт) есть первая и единственная реальность, именно потому, что только в нем реальным и практическим образом удостоверяется и устанавливается то, что действительно *есть*.

В одном месте «Критики чистого разума» он пишет, что идеи разума «…направляют рассудок к определенной цели, в виду которой линии направления всех его правил сходятся в одной точке, и, хотя эта точка есть только идея (locus imaginarius), т.е. точка из которой рассудочные понятия в действительности не исходят, так как она целиком находится за пределами возможного опыта, тем не менее она служит для того, чтобы сообщить им наибольшее единство. … Отсюда, правда, возникает обманчивое представление, будто эти линии и направления исходят из самого предмета…однако эта иллюзия необходима, если кроме предметов, находящихся перед нашими глазами, мы хотим также видеть предметы, которые лежат далеко за нашей спиной…»[1]. Предметы, которые «лежат за нашей спиной» – это не только само явление как *выражение* самой нашей *субъективности* – нашего рассудка и разума, но, прежде всего, выражение самого *бытия*, присутствующего в явлении, того, что действительно *есть*. *Эмпирическое явление есть для Канта единственная реальность, констатирующая не только нашу субъективность, но и реальность самого предмета явления.*

1. Постулаты эмпирического мышления и презентация бытия. Как известно, Канта интересуют сами априорные условия возможного опыта. Однако аналитика основоположений рассудка завершается постулатами эмпирического мышления, которые имеют отношение уже не к возможностям, но к самому эмпирическому явлению. Эти постулаты констатируют возможность, действительность и необходимость *бытия* предмета, мыслимого в эмпирическом понятии. В здесь-бытии действительно нечто *существует*, то, что мыслится в явлении, действительно и необходимо *есть*. Нужно помнить, что действительность у Канта есть устойчивость реального в содержании явления, а необходимость есть то, что соответствует безусловным требованиям существования. Необходимое – это то, что на самом деле есть в явлении, а не просто априорное. Поскольку опыт есть проекция рассудка на чувственность, то реально необходимым является только то, что «опредмечивается», осуществляется в материале явления, а не априорное, которое с этой точки зрения оказывается только возможным[2]. Явление и есть практическое осуществление единства созерцания и мышления, практическая реализация рассудка. Система априорных понятий рассудка вне явления существует только возможным образом, реально она нам дана только в явлении, только в реальном синтезе чувственности. В противном случае это было бы не кантовское явление, но чистый категориальный синтез Спинозы, Лейбница или Гегеля. Опыт и есть *проекция* рассудка в явление, а потому явление есть *выражение* рассудочного (категориального) синтеза в эмпирическом мышлении. В явлении непосредственно присутствует то, что существует за его пределами, оно как бы *высвечивается*, *выражается* в явлении.

Таким образом, в постулатах эмпирического мышления речь идет не о самом явлении, но о том, что дано через явление, присутствует в нем. Аксиомы созерцания открывают нам форму явления, антиципации восприятий – форму его объективного содержания, аналогии опыта – форму наличного бытия этого содержания. Однако только постулаты эмпирического мышления констатируют в наличном опыте то, что относится к действительно сущему. Ибо именно они констатируют само эмпирическое явление как проекцию рассудка в явление[3]. В одном лишь понятии вещи нельзя найти признак ее существования. Иначе говоря, именно постулаты констатируют и представляют само *существование как таковое*: в здесь-бытии есть нечто, что на самом

© С.В. Комаров, 2006

деле соответствует трансцендентальным определениям мышления и созерцания. *«Быть», «существовать» для Канта – значит необходимым образом быть представленным в эмпирическом мышлении.* Таким образом, постулаты эмпирического мышления завершают саму идею синтеза явления: *явление* есть только *представление* или *выражение существующего*.

Что же тогда действительно представляется постулатами эмпирического мышления? Конечно, то, что действительно и необходимо *существует*. Во-первых, сам воспринимаемый предмет, во-вторых, мы сами как субъекты восприятия. Поскольку явление есть проекция рассудка на чувственность, то, стало быть, явление и есть выражение бытия *нас самих*, самой *нашей субъективности*. Все категории, схемы, постулаты модальности указывают не столько на наличное бытие, сколько на само сущее, которое в явлении есть. С этой точки зрения, в основоположениях рассудка зафиксирована последовательность *осуществления нас самих в мире*: аксиомы и антиципации констатируют осуществление субъективности как внешнего чувства, аналогии как внешнего опыта, а постулаты – как выхода к самому нашему бытию как таковому. *Мы есть в мире, осуществились в явлении; явление и есть выражение нашего присутствия в мире.*

Это предполагает экзистенциальное понимание кантовской аналитики. Необходимо понять, что кантовское явление есть *реальный выход* из внутреннего во внешнее чувство. Однако это означает радикальный поворот трактовки кантовской мысли. Если рассудок является априорным условием для всякого возможного опыта, то и действительный опыт является условием *смысла* самого рассудка и его категориальных форм. В явлении рассудок получает свое не виртуальное, а действительное выражение, а его категории обретают *смысл*. Рассудок есть трансцендентальное условие для опыта, но и сам опыт есть действительное проявление рассудка. Именно потому, что Кант имеет в виду реальный синтез живого интеллекта, т.е. явление как реальное осуществление субъективности, реальный выход в мир из виртуального состояния, реальное опремечивание рассудка в чувственности, он констатирует *осмысленность* положений рассудка. Внешний опыт вообще является условием возможности, ибо, как известно, само осуществление синтеза явления строиться как *пространственная развертка времени*: время осуществляется как пространство внешнего созерцания, внешнего опыта, бытия в явлении. Все категории получают свое значение, когда «переводятся» энергией продуктивного воображения из внутреннего регистра во внешний, из априорного существования – в апостериорное, из возможного существования – в необходимое, из потенциально мыслимого – в действительно внешнее (пространственное) выражение. Только в этом случае они получают *объективный смысл*, а вместе с ними – и сам рассудок, и воля, и разум. Понятие вообще обладает смыслом только тогда, когда оно воплотилось в чувственном явлении.

Однако в таком случае смысл кантовского явления в том, что *внешнее чувство* – и есть чувство нашего *реального присутствия (existiert).* Существовать – значит быть выраженным в явлении (в чувственности). Кантовская аналитика основоположений есть анатомия понимания явления как *выражения*, где выраженность – и означает развернутость для внешнего чувства. Именно на приоритете внешнего созерцания над внутренним и основано кантовское *опровержение идеализма*. И категории, и схемы, и даже основоположения сами по себе не даны, пока они не предстанут в явлении. С этой точки зрения они есть условия рациональности, но сами по себе – они не рациональны (формы мысли сами по себе пусты). Сама по себе структура рассудка *не мыслит*, а воля – *не желает*. Рассудок и воля рациональны только по своему проявлению и выражению, но по своему источнику они внелогичны. Явление и есть понимание, осуществленное мышление, но это понимание может происходить только во внешнем созерцании. Только развернувшись во внешнем чувстве, только осуществившись как явление, только выразившись, мы *доступны* самим себе. Внутреннее чувство открывается нам как смена впечатлений, однако – только на фоне априорной формы времени – а именно, аппрегендирующей синтез временной линии. Только если мы сумеем представить во внешнем созерцании непрерывность существования нас самих (а это требует волевых усилий), нам открывается сама воля. Вообще я сам себе открываюсь как некоторая проекция в явление, т.е. только во внешнем чувстве. И собственные наши мысли, и вещи, которые в них мыслятся, могут быть понятны, если они даны во внешнем созерцании. Пока мысли не опредмечены, не овнешнены, они не

могут быть зафиксированы[4]. Где же присутствуют все обрисованные нами выше временные структуры, вся анатомия рассудка? Внутренний регистр созерцания есть время, а потому там нет ничего устойчивого (кроме, конечно, самого созерцания, его спонтанности); поэтому внешнее созерцание и есть проекция времени во внешнее созерцание, в котором уже можно фиксировать нечто устойчивое. Только во внешнем явлении, т.е. не в чистом понятии и чистом созерцании, но в эмпирическом явлении. Но это значит, что только через внешнее созерцание возможно достижение *непрерывности* нашего самосознания. Получается так: только мысля в явлении то, что необходимо, т.е. само бытие, я тем самым длю непрерывность своего мышления, а, следовательно, и собственного существования. Волевое усилие мышления себя как сущего в явлении (а это возможно только внешним образом) оказывается не теоретическим, а практическим движением к бытию. Именно отсюда вытекает у Канта императив безостановочного мышления: безостановочность мышления становится условием императива присутствия в факте нашего опыта, а безостановочность воления становится долгом проявления нашей реального присутствия в мире. Более того, отсюда следует необходимость чистоты мышления как восхождения к прояснению собственного присутствия. Эмпирическое мышление сплошь разорванное, следовательно, *необходимо мыслить так, чтобы в каждом эмпирическом явлении прозревалось само бытие*[5].

Обычно современные исследователи «проходят» мимо этого экзистенциального смысла кантовской аналитики. Например, М. Мерло-Понти пытается дать экзистенциальное истолкование субъективности как живого движения. По его мнению, вся проблема заключается в том, чтобы именно «заглянуть за порог» сознания, понять, как сознание («в-себе-бытие») превращается в сознание самого себя («для-себя-бытие»), становится действительным мышлением сущих вещей, в том числе – самого себя. Он пишет: «Проблема в том, чтобы понять, каким образом я могу конституирующим началом моего мышления, без чего оно было бы ничьим мышлением, проходило бы незамеченным и, таким образом, не было бы вообще мышлением, никогда не являясь контитуирующим началом моих отдельных мыслей, поскольку я никогда не вижу с полной ясностью, как они возникают, и поскольку я узнаю о себе только через них. Речь идет о том, чтобы понять, как субъективность может быть сразу и зависимой, и неотвратимой»[6]. Такая постановка вопроса заставляет понять сознание как некий *экстаз жизни*, как неэксплицированное *бытие в мире*; его временность как время самой субъективности, а присущую ему свободу как волевую энергию самой жизни[7].

Между тем ясно, что и Кант, развертывая аналитику рассудка, показывает *становление* самой субъективности, самого мышления. Анализ восприятия М. Мерло-Понти вообще есть только *феноменология*, т.е. описание феноменов, в то время как у Канта есть *аналитика* условий восприятия (явления) (конечно, нужно при этом учитывать различие познавательных установок философов). Действительно, кантианская аналитика рассудка есть экспликация во внешнем чувстве внутреннего трансцендентального регистра сознания, бытийная воля выражает себя только внешним образом как сам синтез явления, само явление есть только здесь-бытие-в-мире. Все его категории, схемы и основоположения есть «скелет» реального явления, есть трансцендентальные, т.е. бытийные, но бессознательные структуры самого сознания. А потому временная аналитика рассудка оказывается настоящей анатомией того, как мысль осуществляется, как из не-мысли возникает мысль, как возможные только формы сознания становятся действительной субъективностью.

Иначе говоря, кантовское явление есть то же, что и экспликация субъективности у М. Мерло-Понти, а именно *про-явление бытия*. Феноменологическое вос-приятие и есть пред-ставление; Хайдеггер еще называет его предо-ставлением, т.е. даванием реального сущего. Оно есть живое движение, а потому есть реальный феномен самого мира. Кантовская аналитика вообще есть экспликация неэксплицируемого, т.е. реконструкция того, как возникает само сознание – в том числе и для себя. Ведь рассудок не есть действительный субъект мышления, но только посредник (medium). Мыслит не рассудок, а желает не воля; мыслю и желаю *я*. Но что есть «Я»? «Я» есть то, что существует в данном явлении как *сущее*. Сам для себя *я* дан, только уже эмпирически осуществившись как «Я», как здесь-присутствующее сущее.

Таким образом, *смысл* кантовского явления в том, что есть констатация *нас* в здесь-бытии как *действительно сущих*. Явление показывает не категории, но тот объект, который явлен в нем с помощью категорий (как инструментов реально-

го синтеза) (во всяком случае, без этого будет не понятно «Общее замечание к системе основоположений», которым Кант завершает свою аналитику). Что получает внешнее выражение в явлении? Наша субъективность как виртуальное внутреннее чувство. Что презентируется в здесь-бытии? Наше непосредственное присутствие. Что дано в явлении? Наше существование в реальном мире. Только в здесь-бытии нечто обретает смысл, ибо осуществляется. Смысл есть то, что дано вместе с явлением, т.е. само бытие (в том числе – *бытие нас самих*)[8]. Короче говоря, *идея существования и есть идея выражения бытия в явлении.*

2. Положительный и негативный смысл ноумена. В явлении нам непосредственно дан объект, само сущее. Реальность для Канта – это только само явление (феномен), а ноумен – это его смысловая структура. Феномены есть чувственно воспринимаемые объекты (Sinnenwesen), которые представляют нечто отличное от них самих (Verstandeswesen). Но это означает, что и всякое понятие лишь тогда имеет смысл, когда оно представлено чувственным образом, т.е. выражено в явлении. «Необходимо, – пишет Кант, – сделать чувственным (sinnlich) всякое абстрактное понятие, т.е. показать соответствующий ему объект в созерцании, так как без этого понятие… было бы бессмысленным (ohne Sinn), т.е. лишенным значения»[9]. Понятия рассудка идеально представлены в чувственной материи, которая, тем самым, репрезентирует их смысл. Собственно, поэтому, Канту приходится различать положительный и отрицательный смысл ноумена.

Действительно, сами по себе чистые понятия рассудка являются только пустыми формами возможного объекта; грубо говоря, они есть чистое представление смысла сущего (объекта как такового). Однако в этом случае они не имеют никакого отношения к реальному опыту, а потому – ни к какому конкретному объекту. Они есть только ideelle, только мыслимое сущее, чистое умопостигаемое понятие. Но именно в качестве таковых чистых смысловых структур они не имеют отношения к опыту. Поэтому Кант называет ноумен только проблематическим или демаркационным понятием: «…понятие ноумена есть только *демаркационное понятие*, служащее для ограничения притязаний чувственности и потому имеющее только негативное применение. Однако оно не вымышлено произвольно, а связано с ограничением чувственности, хотя и не может установить ничего положительного вне сферы ее»[10]. Понятие ноумена применимо только к явлениям как указание на презентируемый в чувственности смысл созерцаемого предмета. Оно не есть умопостигаемый предмет, ибо выражает не сущее само по себе, но сущее, данное в здесь-бытии. Вся проблематичность ноуменов в том, что они такая чистая структура, которая получает смысл только в явлении; в нем ноумены получают положительное значение, realle. Поэтому в качестве смысловой структуры данного в явлении предмета ноумен есть положительное понятие, ибо ограничен только сферой чувственности; но в качестве чистой структуры сущего самого по себе, он есть только негативное понятие. Ноумен есть только то, что существует в феномене, и дано через феномен[11].

Если бы в рассудке самом по себе, без привлечения чувственности, мыслился бы предмет сам по себе (ding an sich) это означало бы, что наше мышление было бы *интеллектуальным созерцанием*. Предмет бы непосредственно сам по себе присутствовал в нашем мышлении. Как уже указывалось, фактически это был бы чистый спекулятивный категориальный синтез Спинозы или интеллектуальная интуиция Лейбница. Но это означало бы также и то, что мы не были бы чувственными существами, а, следовательно, теми *конечными существами*, какие мы *есть*. Следовательно, деление на ноумены и феномены, на чувственно воспринимаемый (mundus sensibilis) и умопостигаемый мир (mundus intellegibilis) у Канта имеет не только гносеологическое значение; оно есть констатация присущего нам *способа существования*. Мы есть чувственные существа; в качестве таковых мы непосредственно явлены в своем бытии. Если бы мы были исключительно интеллектуальными существами, то время, а, следовательно, и пространство не имели бы отношения к нашим представлениям. Внешнее и внутреннее созерцания «схлопнулись» бы в чистую интеллектуальную интуицию; развертывание внутреннего чувства во внешнее, с помощью чего дается предмет созерцания, и есть выражение нашей чувственной природы. Строго говоря, лейбницианская интеллектуальная дедукция была бы также невозможной, ибо она также должна была бы «включать» в себя время. «Рассудок, – пишет философ, – которому принадлежал бы умопостигаемый предмет, сам

представляет собой проблему, состоящую в том, чтобы познавать свои предметы не дискурсивно посредством категорий, а интуитивно в нечувственном созерцании, о возможности же такого познания мы не в силах составить себе ни малейшего представления»[12].

Поэтому, строго говоря, приоритетом у Канта обладает только феномен; ноумен есть только смысловая структура бытия, представляемого в чувственном явлении. В этом смысле ноумены могут мыслиться только как абстракции предметов. Из самого смысла понятия «явление» следует, что должно быть нечто, что является, но само не есть явление. Феномен и есть указание, отсылка, презентация-представление того, что за пределами явления. Но и ноумен (вещь-в-себе, сущность) может нами мыслиться только по отношению к феномену, к его здесь-бытию. Ноумен действительно представляет предмет – «*как он есть*», но только по отношению к «непрерывной связи явлений в качестве предметов опыта». Вся суть кантовского открытия заключается в том, что феномен и есть здесь-бытие, презентирующее ноуменальное бытие. Наше чувственное здесь-бытие представляет наше ноуменальное бытие. *Существовать – это значит быть в здесь-бытии; быть – значит представляться в явлении и через явление.*

3. Смысл трансцендентальной рефлексии (reflexio). Это четкое отнесение предмета мысли к явлению требует трансцендентальной рефлексии. Дело в том, что ноуменальная реальность бытия Кантом не *декларируется*, а *устанавливается* по ходу критического анализа явления: различение феномена и ноумена вводится только после анализа механизма связанности рассудка и чувственности. Трансцендентальная рефлексия (reflection) и есть фактическое *действие*, посредством которого осуществляется различение познавательных сил. Ибо это всегда действие «задним числом», когда первоначальный синтез явления уже осуществился. Рефлексия по сути дела есть само кантовское трансцендентальное, т.е. критическое, рассуждение (Uberlegung), обращение силы суждения на самое ее действие. Поэтому она относится к субъективной дедукции. Трансцендентальная рефлексия не имеет дела с предметами созерцания или мышления, но только с самими *субъективными способностями*. В качестве таковой она отличается от логической рефлексии, ибо различает понятия в некоторой трансцендентальной топике. Трансцендентальная топика есть представление самого сознания как пространства соотношения познавательных способностей. Поскольку речь идет о представлении, то ясно, что различение, осуществляемое трансцендентальным рассуждением, уже относится и осуществляется исключительно внутри явления. Это воображаемое пространство сознания и есть medium, в котором содержаться и категории, и созерцания, но которые мы теперь должны разделить.

Амфиболии рассудочных понятий как раз и возникают именно из-за того, что чистые понятия рассудка, имеющие применение только к чувственности, относятся к вещам самим по себе. Но что значит кантовское требование разведения чувственности и рассудка? Ведь в явлении (в синтезе) они уже связаны, а наше трансцендентальное рассуждение уже осуществляется как анализ итога-результата этого синтеза? Лейбниц интеллектуализировал явление, Локк сенсифицировал все рассудочные понятия. Для Канта явление есть реальный выход в мир: понятия имеют смысл только опредметившись в чувственности, сама по себе система рассудка является грандиозным сооружением, имеющим только виртуальное существование. Как актуальное действие явление есть реальное внесение рассудочного смысла в материю чувственности.

Дело в том, что Кант осуществляет трансцендентальную рефлексию как средство исправления сбоя работы познающей воли, продуктивного воображения. Если продуктивное воображение проектирует категории рассудка в чувственность и в полученном явлении предвосхищает, провидит самое ноуменальное бытие, то сбой воображения и заключается в его слепости: стремясь за границы явления, воображение переносит рассудочные категории на сам объект. Воображение вносит в явление единство, но одновременно относит это единство к самому бытию, данному в явлении. Трансцендентальная рефлексия Канта призвана приостановить слепой бег, порыв продуктивного воображения за пределы явления: *мы должны оставаться в здесь-бытии.* А это значит, что все категории рассудка имеют отношение только к единству чувственности. Поэтому оппозиции «тождества-различия», «согласия-противоречия», «внутреннего-внешнего», «материи-формы» имеют прямое отношение к трансцендентальному отнесению категорий и представлений о вещах. А именно: эти оппози-

ции разворачиваются в самой трансцендентальной топике рефлексивного рассуждения при отнесении категорий последовательно к явлению или к вещи, к феномену или ноумену. Это как бы такая динамическая система настройки категорий: мы пропускаем категории «задним числом» через фильтр трансцендентального рассуждения, удерживая разделение феноменов и ноуменов как предметов категориального единства[13]. Иначе говоря, трансцендентальная рефлексия корректирует первоначальный бег продуктивного воображения, она как бы возвращает категории рассудка к его прямым функциям единства явления. Поэтому, строго говоря, трансцендентальное рассуждение не различает, а наоборот – сводит оппозиционные понятия, ибо самим действием вводит категории только в «здесь-бытие», в явление. В этом смысле, трансцендентальная рефлексия осуществляет возврат эмпирического сознания к его исходной структурной чистоте. Мы начинаем прозревать в эмпирическом чувственном явлении чистую категориальную структуру рассудка, в синтезе явления последовательный (обратный) выход в мир, выход в явление, выход в созерцание, чистую временную схему явления и т.д. Короче, мы начинаем прозревать в эмпирическом сознании нашу ноуменальную сущность.

Именно в этом возврате к первоначальной смысловой чистоте явления и заключается сущность трансцендентальной рефлексии. Но в этом есть и еще один смысл. Дело не только в исправлении сбоя познающей воли. Дело в том, что трансцендентальная рефлексия (трансцендентальное рассуждение, т.е. фактически самое мышление) оказывается способом удержания себя в границах здесь-бытия, наличного явления субъективности. Только выявляя в эмпирическом явлении, его бытийную структуру, только возвращаясь в наличном мышлении к мышлению самого бытия, мы сами действительно есть. Ибо, как мы видели выше, существовать (*existiert*) – это быть находимым в наличном явлении. Нам суждено быть замкнутым в круге наличного чувственного существования, по сю границу нашего феноменального существования. Наша душа дана через чувственное созерцание, присущее внутреннему чувству. Но трансцендентальное мышение через чистую смысловую структуру созерцания позволяет констатировать наше действительное *присутствие* в здесь-бытии: мы не просто созерцаемы в явлении, но действительно *есть*. Кант говорит, что трансцендентальная рефлексия есть наша *обязанность*, ибо она есть отчет о нашем действительном существовании[14].

Подведем итог всему сказанному. Итак, развернутое явление и есть сама наша субъективность. В явлении мы явлены как действительно существующие; мы – субъекты существования. Явление есть феноменальная граница существования, на одной стороне (во внешнем чувстве) которой мы явлены миру, а мир нам, на другой стороне (во внутреннем созерцании) которой мы явлены самим себе. Точнее так: проявление вовне и есть явление нам самих по себе. Поэтому трансцендентальный объект является только формой явления трансцендентального субъекта: перцепция есть одновременно и апперцепция.

4. Бытие-в-наличной ситуации. «По ту сторону явления». Антитетика разума Канта есть фактически непосредственное признание реального бытия субъекта в мире: феноменальность явления есть выражение ноуменального сущего. Практическое обращение разума есть не просто констатация возможного выбора (дескать, ограничения разума порождают необходимость веры). Естественная диалектика разума является именно следствием изначально-присущей субъекту свободы. Поэтому практическое обращение разума есть реальный выход по ту сторону явления в мир. Но что значит «по ту сторону явления»?

Нужно помнить, что рациональные структуры суть только условия (посредники) всякого опыта. А потому, являясь условием, они находятся за пределами того, что они обуславливают. Строго говоря, у нас не может быть *опыта* о них, они обуславливают опыт и, потому, в нем только проявляются. И рассудок, и разум только *мыслятся* нами. Иначе говоря, антиномии сознания и порождаются раздвоением сознания на опыт и сумму его рациональных условий: изначально они даны нам порознь – либо в противопоставлении нашего «Я» и опытных данных (как в эмпиризме), либо в отождествлении нашего «Я» с чистым спекулятивным разумом. Весь смысл кантовского эксперимента в том, чтобы восстановить изначальное единство чувственности и рассудка в самом опыте в качестве *живого* явления. Но это означает превращение рационального аппарата интеллекта в нечто, лежащее по ту сторону феноменальной реальности. Это означает, что все статические элементы опыта теперь

необходимо рассматривать не как элементы интеллекта, но как элементы *наличной ситуации-в-мире*. Теперь опыт – это не просто внесение в чувственность формальных структур рассудка и феноменальное высвечивание объекта внешнего опыта; теперь опыт превращается в бесконечную открытость самого бытия. По ту сторону явления все статические элементы опыта теперь не посредники, но есть структура самой ситуации *присутствия-в-бытии*.

Присутствие-в-мире теперь мыслится как непосредственное практическое воплощение разума. В классической гносеологии XVII–XVIII вв. разум рассматривался как структура самого бытия, а потому мыслился как некоторая метафизическая реальность, данная нам в мышлении. Теперь же разум есть ничто иное, как непосредственная открытость самого бытия в здесь-ситуации. Поэтому разум теперь теряет статус спекулятивного мышления; загадочная метафизическая перспектива теперь становится не только горизонтом мышления и теряет флер загадочности, но приобретает непосредственность чувственно-предметной реальности. Не метафизическая перспектива задает теперь горизонт бытия, но некоторая открытая перспектива, как возможность самого бытия, открыта в точке здесь-пребывания. Действительно, в прямом смысле нам в явлении открывается некая целевая перспектива тяготения от «здесь-бытия» к «там-бытию», к границам мира. Опыт оказывается *волевым* устремлением из здесь-бытия к границам мира. *Разум* как бы прочерчивает силовые линии и траектории этой перспективы, начинающейся в точке здесь-бытия и убегающей *к* границам опыта. И вся данная нам чувственная реальность заключена теперь в рамки этой перспективы и организована ею: именно перспектива разума организует мое пребывание в точке здесь-бытия.

Конечно, это также *мышление* разума, однако это мышление на основании критики (рефлексии), т.е. на основании выявленной *изначальной антиномичности* разума. Конечно, мы никуда не выходим за феноменальные границы здесь-присутствия, но они оказываются открытыми тому, что за их пределами. Поэтому, строго говоря, выражение «по ту сторону явления» не совсем точно, ибо оно улавливает открытость бытия и описывает феноменальный горизонт в точке здесь-пребывания, но не улавливает того, что здесь-бытие оказывается границей всякой открытости. Перспектива целевых тяготений задает горизонт нашего здесь-бытия, но волевое устремление к границам мира, обусловленное этой перспективой, только утверждает нас на самой границе мира. Строго говоря, *мышление* разума прочерчивает перспективу от здесь-бытия *за* границы опыта. И воля, мотивированная открытостью бытия в здесь-бытии, стремится по ту сторону явления, но она только пробрасывает нас всякий раз к новой границе явления, на которой открывается новая бытийная перспектива. Поэтому открытая Кантом антиномичность мышления оказывается неизбывной, поскольку неизбывной является сама ситуация нашего граничного (конечного) существования и смысловой конечности мира.

(Здесь нужно только отметить, что открытость бытия в явлении Канта принципиально отличается от открытости бытия Хайдеггера: в первом случае это есть рациональный выбор основанный на мышлении своего здесь-бытия (путем критического эволюции интеллекта), во втором случае это возможность анонимного здесь-бытия. На вопрос «Wer?» Кант отвечает: сам разум, с которым я себя идентифицирую, т.е. я как сущий разум; Хайдеггер отвечает: анонимное здесь-бытие).

Теперь все структурные элементы разума получают *экзистенциальное истолкование*. В практически обращенном разуме воображение играет роль непосредственной живой интенции, т.е. выражения волевой устремленности. Оно теперь не элемент конечного рассудка, т.е. функция интеллекта, но чистая энергия бытия, сама воля. Воображение уже не вычерчивание границ в трансцендентальном пространстве, каковым оно было в синтезе опыта, но открытие смысловой перспективы «от»… «к». Воображение задает пространственную смысловую развертку движения от «здесь» – к «там», от экзистенциальной «близи» – к экзистенциальной «дали». Это вычерчивание пространства не для синтеза, но вычерчивание границы смысловой перспективы для морального действия. Поэтому оно есть энергия отодвигания границы явления в открывающейся смысловой перспективе; оно бежит впереди нас, вычерчивая перед нами перспективу открывающихся далей. Можно сказать и так: воображение есть *напряжение*, возникающее на границе здесь-бытия между «здесь» и провидимым «там». Если понять явление как круговой горизонт присутствия, то воображение становится энергией развертывания самих границ здесь-бытия. А по-

скольку само здесь-бытие изначально конечно, то воображение оказывается энергией движения из одной здесь-ситуации в другую. (Опять же нужно отметить здесь отличие от Хайдеггера: кантовское воображение в практическом обращении есть энергия самого бытия в акте самоидентификации, а не анонимная структура *Dasein*: это энергия *моего* живого интеллекта. Оно есть не вульгарно-эмпирическая фантазия, а онтологически истолкованная и понятая воля: оно теперь норма моего здесь-бытия).

Аналогичным образом и чувственность должна теперь мыслится как характеристика конечного здесь-бытия. Опыт бытия-в-мире есть практическое снятие антиномии внутреннего и внешнего опыта: есть только явление, и то, что явило себя в нем. Чувственность оказывается смысловой материей (поверхностью) явленных в здесь-бытии объектов (вещей). В круге здесь-бытия присутствуют вещи, которые теперь не есть феномены объектов, но нечто непосредственно присутствующее. Однако как таковые они даны как явленные-в-здесь. Чувственность оказывается смысловой поверхностью, поскольку она уже в себе организована рационально (посредством категорий). Категории теперь уже не могут выступать как априорные структуры рассудка, поскольку сам рассудок теперь получил внешнее существование, весь опредметился в явлении, в формах явленных вещей. Чувственность и рассудок теперь даны вместе как «объективированный» рассудок и «объективированная» чувственность – в форме лучащихся смыслами вещей.

Мы феномены, но можем и должны мыслить себя как ноумены. Очевидно, что мир конечен не в физическом, но *морально-практическом*, т.е. смысловом, плане. Открытая перспектива бытия теперь выступает как горизонт нашего бытия-здесь. Волящий разум, собственно говоря, и есть полагание границ феноменальной реальности, в силу чего она сразу же приобретает смысловую перспективу и вектор направленности. Практическое обращение разума основано на этом *категорическом решении* воли. Явление есть действие скрытой причины, ибо в синтезе явления воля, как мы видели, была лишь формальным механизмом. Даже само наше «Я», поэтому, было лишь «маской» (функцией) этого формального механизма. Теперь же здесь-бытие («Я») *осознается* как *живое присутствие* бытия. Поэтому, с одной стороны, оно «ничье», поскольку манифестировано как явление бытия (это, так сказать, само бытие, сама воля), с другой стороны, оно выступает как сознание здесь-бытия. В качестве такового оно не зависит теперь от внешнего воздействия, но целиком является автономной активностью. Разум обнаруживает свою бытийную основу, а потому свою способность быть причиной событий в мире. В самом деле, открывающаяся перспектива бытия есть перспектива «здесь-бытия», т.е. *моя*. Устремленность к границам явления целиком зависит от открывающегося в «здесь» горизонта. Иначе говоря, волевая интенция абсолютно свободна. Практический разум и есть самообнаружение бытия в явлении. Способность познания изначально антиномична, но способность желания изначально целостна. Иначе говоря, оказывается, что антиномичность (конечность) нашего бытия является условием его смыслового единства, т.е. основанием для практического действия (поступка).

Если рассудочный синтез эмпирического многообразия направлен на любой возможный объект, то практически обращенный интеллект имеет дело с ситуацией здесь-бытия. Синтетическому суждению в этом случае соответствует акт практического синтеза, результатом которого является конкретный поступок. В теоретическом разуме мы имеем дело с синтезом разрозненных элементов опыта, в практическом разуме с синтезом элементов здесь-бытия. В синтезе опыта единство рассудка выполняет целевую функцию, с синтезе практической ситуации такую функцию выполняет единство разума. Пока разум не превратился в открытую метафизическую перспективу, моральность поступка оказывается невозможной. Если бы наше бытие не было конечным, то оно не имело бы перспективы; если бы наше бытие не было бы конечным, то оно не имело бы смысловой целостности. Целостность и единство бытия есть предпосылка морального поступка. Иначе говоря, от воли зависит смысловое единство мира (и смысловое единство поступка). Поэтому практическое обращение разума есть не просто констатация его бытийной открытости; это акт самоидентификации. «Я» и есть *мое* здесь-бытие и его бытийная перспектива, т.е. волевой выбор, категорическое решение[15]. Познавательное отношение теперь понимается как акт экзистирования ноуменальной сущности. Я выбираю себя в бытии, и это выбор только изначально есть акт мышления; в действительности, это *живой посту-*

пок. Мышление своей ноуменальной сущности и есть мышление смыслового единства мира.

В этом случае «Я» есть уже не трансцендентальная проекция единства в явлении, т.е. трансцендентальной апперцепции *я мыслю*. Феноменальная структура опыта теперь это наличная ситуация, а значит единство апперцепции теперь выступает как единство самой данной, точнее – заданной перспективой разума, ситуации. «Я» теперь не вульгарно-эмпирическое «Я» (как в эмпиризме), ни априорное картезианское ego; «Я» теперь это сам круг бытийного здесь-присутствия. А точнее, субъективность оказывается непрерывно свершаемым событием нахождения себя в здесь-бытии. Идентификация себя с этим «Я» есть не просто онтологическое истолкование ego cogito; действительно, *я мыслю* превращается теперь в *я есть*, однако, не в чисто онтологическом плане, а в феноменальном. Граница феноменального *я* совпадает со смысловой границей самого опыта. Однако, кантовское *я мыслю* в своем практическом обращении отличается от хайдеггеровского *Dasein*, ибо эта идентификация субъективности с наличной ситуацией здесь-бытия выступает как категорический выбор мышления себя как ноуменального сущего. Поэтому наличное *я мыслю* отнюдь не тождественно dasein: оно есть выбор своей бытийной перспективы (открытости). Несомненно, серия наличных *я мыслю* есть серия всякий раз здесь-бытия, однако каждый раз это здесь бытие подразумевает волевую идентификацию себя в здесь с открывающейся бытийной перспективой. Поэтому мыслит и действует не анонимное dasein, не некие трансцендентальные структуры рассудка, но мыслит и действует в наличной ситуации некое целостное одушевленное поле, которое идентифицирует себя как «Я». Никакого другого «Я», кроме самого смыслового поля «Я есть», соотнесенного с предельной границей феноменального мира, нет и быть не может. Но это «Я» есть именно «Я», соотнесенное с его смысловой границей, которая выступает как совокупность смыслов нашего здесь-бытия, а эта иерархия смыслов, в первую очередь, определяется категорическим императивом. Поэтому здесь-бытие оказывается «Я», идентифицируемым с определенным смыслом «Я есть»: от анонимного dasein, явления телесного бытия в здесь (габитуалитета), идентификации себя с рассудочными структурами интеллекта и т.п., до идентификации с ноуменальной волей. В последнем случае, «Я» окажется ситуацией введения свободы в причинный ряд природы: я мыслю и воображаю себя в здесь-бытии из метафизической перспективы. Тогда точка здесь-бытия окажется, с одной стороны, точкой, к которой идут из-за феноменальной границы некие силовые причинные линии, задающие и определяющие меня в «здесь». С другой стороны, от этой точки берут начало и убегают за горизонт опыта линии перспективы, которые задают последовательность моих свободных действий (в будущем). Субъективно «Я» осознается первым шагом как «я есть» в данной пространственно-смысловой ситуации, вторым шагом оказывается волевой выбор «я мыслю» как выбор временной определенности ситуации[16].

Поэтому антиномии разума оказываются неизбывной онтологической структурой «Я есть». Чистое мышление и чистая воля оказываются одной и той же рациональной способностью, но первая примененная в отношении синтеза эмпирии *«я есть»*, вторая в отношении синтеза поступка *«я мыслю»*. Поэтому в кантовской метафизике нравственности причинное отношение и волевой акт в конечном итоге должны совпадать. Категорический акт воли не просто конституирует структуру феномена здесь-бытия[17], но есть выбор конкретного варианта нашего феноменального бытия. Но, строго говоря, это значит, что именно практическое обращение разума играет роль направляющей его познавательного применения. У Канта, поэтому, категорический императив не отвергает аффектированную чувственность, но полагает ей свое место; он имеет характер организующего начала чувственности, а не ее ликвидации. Ибо мыслит и действует не интеллект, но живой человек, наделенный чувственностью и рассудком. Поэтому выбор-в-бытии является основанием всякого иного выбора: если в классическом рационализме, метафизическая перспектива разума задавала направление нашему *мышлению*, то у Канта бытийная перспектива разума открывает направление для нашего *существования*.

Примечания

[1] *Кант И.* Критика чистого разума. – М., 1994. – С. 387.

[2] «…Только на том основании, что эти понятия выражают a priori отношения восприятий в каждом опыте, мы признаем их объективную реальность, т.е. их трансцендентальную истин-

ность, и притом, конечно, независимо от опыта, но вовсе не независимо от всякого отношения к форме опыта вообще и к синтетическому единству, лишь в котором предметы могут быть познаны эмпирически. … О таких вещах я не устаю утверждать, что возможность их никогда не вытекает из априорных понятий самих по себе, а что они всегда имеют место лишь как формальные и объективные условия опыта вообще». Там же. – С. 172–173.

[3] «…Не предпосылая самого опыта, мы можем только познать и характеризовать возможность вещей только в отношении к формальным условиям, при которых в опыте вообще нечто определяется как предмет; в таком случае мы познаем возможность вещей совершенно a priori, но лишь в отношении к опыту и внутри его границ». Там же. – С. 173.

[4] Всякий на собственном опыте знает, что только фиксация мыслей с помощью внешних образов позволяет их сделать своими, освоить, т.е. понять; собственно говоря, только в этом случае мысли *мои*, мною присвоены, соотнесены с *Я мыслю*, когда они даны во внешние созерцании. – См.: замечание Канта о синтезе представлений как моих представлений при анализе трансцендентальной апперцепции (Там же. – С. 101). Более того, на этом фиксации мыслей во внешних образах и должна строиться сама техника продуктивного мышления.

[5] «Все эти основоположения направлены к тому, чтобы не допускать в эмпирическом синтезе ничего, что могло бы нанести ущерб и вред рассудку и непрерывной связи всех явлений, т.е. единству понятий рассудка. …Только в рассудке становится возможным единство опыта, в котором все восприятия должны иметь свое место». Там же. – С. 179.

[6] *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб., 1999. – С. 508.

[7] «Я – это поле, это опыт. Однажды и навсегда нечто было пущено в ход, даже во сне это не может прекратить видеть или не видеть, чувствовать или не чувствовать, страдать или быть счастливым, мыслить или отдыхать… Я сам есть…– уникальное «сцепление» жизни, временность, которая прояснят себя с момента рождения и подтверждает себя в каждом настоящем мгновении». Там же. – С. 516–517.

[8] С-мысл – есть то, что дано вместе с мыслью, но мысль есть реальное осуществление понятия в чувственности, т.е. явление, здесь-бытие. Поэтому в мысли нам дано само бытие, то, что есть в явлении.

[9] *Кант И.* Критика чистого разума. – М., 1994. – С. 187.

[10] Там же. – С. 194.

[11] Кант пишет: «Если под чисто умопостигаемыми предметами мы будем разуметь вещи, мыслимые посредством одних лишь категорий, без всякой схемы чувственности, то такие вещи невозможны. В самом деле, способ нашего чувственного созерцания, каким нам даются предметы, есть условие объективного применения всех рассудочных понятий, и если мы отвлечемся от этого созерцания, то наши рассудочные понятия не имеют никакого отношения к какому-нибудь объекту. Даже если бы мы и допустили какой-нибудь иной способ созерцания, кроме чувственного, то все равно наши функции мышления не имели бы значения для него. Если же под умопостигаемыми предметами мы подразумеваем только предметы нечувственного созерцания, к которым наши категории, конечно, неприменимы и о которых мы поэтому никогда не можем иметь какое-либо знание (ни созерцание, ни понятие), то в этом чисто негативном значении ноумены, разумеется, должны быть допущены: в этом случае ноумен означает лишь, что наш способ созерцания направлен не на все вещи, а только на предметы наших чувств и поэтому сфера его объективной значимости ограниченна, так что остается еще место для какого-то иного способа созерцания и, следовательно, также для вещей как объектов этого способа созерцания. Но в таком случае понятие ноумена – проблематическое понятие: оно есть представление о вещи, о которой мы не можем сказать ни то, что она возможны, ни то, что она невозможна, так как мы не знаем иного способа созерцания, кроме чувственного созерцания, и не знаем иного вида понятий, кроме категорий…» Там же. – С. 210–211.

[12] Там же. – С. 194.

[13] См.: кантовский анализ категории «Ничто» как пустого понятия рассудка. – Там же. – С. 212–214.

[14] Только непрерывно мысля, мы действительно удостоверены в нашем существовании; так Кант разрешает проблему идентичности и тождества личности, поставленную в классической гносеологии Декартом, Локком и Лейбницем. Там же. – С. 198.

[15] См.: критику Кантом «ленивого» разума (ignava ratio) и «извращенного» разума (perversa). Там же. – С. 404–405.

[16] *Мерло-Понти М.* обнаруживает эту же феноменальную структуру «я есмь», однако в рам-

ках феноменологической установки у него нет необходимости совмещения феноменального и ноуменального бытия, свободы и природы и потому происходит простое гипостазирование персональной воли как чистого формального механизма бытия. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. – СПб, 1997. – С. 505–518; См.: *Daniel O.Dahlstrom*. Kant und gegenwartige Penomenologie. // Warum Kant heute? – Walter de Gruyter. Berlin. New York, 2004. – S.105 (Die sinnliche Subjektivitat diesseits der Synthese: “L*enseignement kantien”).

[17] Посредством категорий причинности вводятся и сами идеалы разума, без которых они не могут иметь смысла. См.: *Кант И.* Критика чистого разума.– М.. 1994. – С. 318–345.

Р.К. Стерледев

КОНЦЕПЦИЯ МИРОЗДАНИЯ Д. АНДРЕЕВА

Одной из специфических черт начавшегося XXI века является набирающий силу конфликт между естествознанием и эзотеризмом, сменивший конфликт между естествознанием и религией. Анализируя естественнонаучное и эзотерическое видение мира, необходимо отметить, что эти две традиции во многом несоизмеримы и понять их различия «изнутри» каждой из них очень сложно. Поэтому их необходимо сравнивать не только между собой, но и анализировать с точки зрения философии, с позиции «над», поскольку каждая из них имеет свой философский уровень, обобщающий «свой» собственный эмпирический материал по «своим» принципам, но при использовании в ряде случаев общефилософского инструментария. При рассмотрении данной проблемы, на наш взгляд, наиболее удачным представляется использование методологического подхода, базирующегося на двух основных идеях.

Первая идея связана с рассмотрением естествознания и эзотеризма как двух гносеологических традиций, имеющих свою историю, свой понятийный аппарат, свою методологию, выполняющих свои специфические роли в процессе познания мира. Вторая идея связана с использованием категорий «имманентное» и «трансцендентное», которые в XX веке приобрели свою специфику. Именно характер неизвестного, рассматриваемого в аспекте имманентного-трансцендентного, и составляет одно из измерений конфликтного поля между естествознанием и эзотеризмом. Понятия «имманентное» и «трансцендентное» имеют длительную историю. Впервые эти термины появились в средневековье. И. Кант перенес их в гносеологию. В дальнейшем эти понятия получали специфическую трактовку в зависимости от типа решаемой проблемы и соответствующего теоретического контекста. Применительно к проблеме конфликта естествознания и эзотеризма содержание понятий «имманентное» и «трансцендентное» также получает свою специфику. «Имманентное» в данном аспекте понимается как то, что дается человеку в его опыте. «Трансцендентное» понимается как некая гипотетическая реальность, находящаяся за пределами возможного на данный конкретно-исторический момент человеческого опыта. Некоторые исследователи уточняют свое понимание опыта применительно к этой ситуации. Так, например, Е.В. Золотухина-Аболина отмечает, что трансцендентное находится «за пределами повседневного эмпирического опыта с его определениями»[1].

И естествознание, и эзотеризм образуют свой тип картины мира, отличающийся друг от друга. Естественнонаучная картина мира основана на знании, апробированном на практике, сформулированном в виде различных систем понятий, конкретизируемых через систему принципов и законов. Естественнонаучная картина мира отражает, в большинстве своем, только имманентное, то есть то, что дано человеку в его опыте, то, что воспроизводимо, повторяемо, проверяется на практике и вписывается в систему естественнонаучного знания. Естественнонаучная картина мира включает в себя как известное, так и неизвестное, но и то и другое принадлежит сфере имманентного, то есть данного человеку в его опыте. Естественнонаучная картина мира включает в себя и трансцендентное в различных его вариантах. Особенно это проявляется в таких науках, как физика высоких энергий, математика и некоторых других. Термин «трансцендентное» в естествознании явно не произносится, но понимает-

© Р.К. Стерледев, 2006

ся как некая реальность, которая еще не может быть познана экспериментально в силу тех или иных затруднений, имеющих в основном технических характер. Математика же, как во многом умозрительная деятельность, базируется в ряде случаев на таких абстракциях, которые, выступая как трансцендентное (например, понятие «бесконечности»), проявляются опосредованно через математические модели и методы.

Эзотерическое знание о мире выступает в виде различного рода теоретико-спекулятивных концепций, построенных на аномальном эмпирическом базисе как эмпирической основе (аномальные явления в ближнем космосе и паранормальные явления человеческой психики) и различного рода теоретических допущениях, таких, например, как концепция реинкарнации, разноматериального видения мира, дополнительных пространственно-временных измерений и т.п.

Как мы отмечали выше, если современная форма естественнонаучного познания рассматривает в большинстве своем имманентное, то есть данное человеку в его опыте, то эзотеризм считает, что в опыте человеку помимо имманентного дано и трансцендентное, но трансцендентное дается в опыте не всем людям, а только людям, находящимся в особых состояниях сознания, называемых иногда как «измененные состояния сознания», «внетелесные переживания», «экстрасенсорные состояния сознания» и т.д. Показательно изменение отношения естествознания к подобным состояниям человеческого сознания в течение прошедшего XX века. Если в первой половине XX века психология строила свои теоретические схемы в рамках шкалы «норма-патология», то к концу XX века исследователи начинают выходить за границы этой шкалы. Эта шкала модернизируется следующим образом: «норма-измененные состояния сознания», причем патология рассматривается уже как в сфере нормы, так и в сфере измененных состояний сознания.

Философский уровень естественнонаучного и эзотерического типов картины мира строится в основе своей на использовании философских категорий, то есть предельно широких понятий. Философия и частноспециальные методы познания взаимосвязаны. Философия использует естественнонаучный и гуманитарный эмпирический и теоретический материал, с помощью которого уточняется содержание различных философских концепций, а в ряде случаев вводятся новые философские категории, на основе которых строятся новые философские концепции. В свою очередь философия дает различным видам эмпирического и теоретического познания свои теоретические конструкции, которые выступают в качестве методологических средств. Если естественные науки базируются только на материале, отражающем имманентное, то философия для построения своих концепций может использовать как имманентное, так и трансцендентное. Трансцендентное может пониматься в данном случае по-разному: первый тип такого понимания – как некая абстракция высокой степени, на основе которой разрабатывается различного рода теоретический инструментарий, второй тип – как некая реальность, находящаяся за пределами возможного в данный момент человеческого опыта.

Таким образом, возможны три варианта философского осмысления картины мира. Вариант первый – философский уровень картины мира строится на материале, отражающем только имманентное, полученное человеком, находящимся согласно психической шкале в состоянии нормы, трансцендентное же используется как математическая абстракция или элемент какой-то математической модели. Трансцендентное второго типа не используется совсем и, более того, отвергается как чисто спекулятивная конструкция. Современная естественнонаучная картина мира базируется именно на таком типе трактовки трансцендентного. Второй вариант – философская картина мира, базирующаяся как на имманентном, так и на трансцендентном, понимаемом при этом во втором значении, т.е. как реальность, которая находится за пределами человеческого опыта. В третьем варианте философская картина мира базируется только или в основном на трансцендентном второго типа понимания. К этому варианту относятся различные разновидности как религиозной, так и эзотерической философии (Я. Беме, Д. Андреев, К. Кастанеда и др.).

Как нам представляется, теоретически возможны три варианта соотношения имманентного и трансцендентного в картине мира как целого. Вариант первый. Область имманентного в этой картине мира больше по объему, чем область трансцендентного. Такой вариант картины мира был свойственен естествознанию практически до последней четверти XX века. Он и сейчас доминирует в сознании большинства естествоиспытателей. Одной из причин этого являет-

ся глубокое убеждение большей части естественнонаучного и, прежде всего, физического, сообщества в том, что практически вся область реального мира, доступного человеческому исследованию, сводится к известным видам материи: вещественно-полевому и вакууму. Вариант второй. Область имманентного и область трансцендентного по объему примерно одинаковы. Такой вариант картины мира существует, но имеет чисто гипотетический характер, поскольку существование иных возможных видов материи помимо уже известных остается пока только в области гипотез и проблема их обнаружения на серьезном практическом и теоретическом уровнях пока даже не ставится. Вариант третий. Область трансцендентного во много раз больше области имманентного. Более того, имманентное представляет собой малую часть мира, проявленную для человека, все же остальное является трансцендентным. Такой вариант их соотношения относится к религиозному и эзотерическому типам знания, которые берут его за основу своих теоретических построений[2].

Современная форма естественнонаучного познания рассматривает окружающий человека мир как космос, включающий в себя три уровня: макромир, микромир и мегамир. Космос на всех трех уровнях трактуется как имманентное, то есть данное человеку в его опыте. Специфика микро- и мегамиров проявляется в том, что получение информации об этих областях связано с использованием приборов, которые рассматриваются в данном случае как продолжение, расширение, углубление, усиление и т. п. органов чувств человека. Сами приборы построены из субстрата, принадлежащего имманентному, функционируют на основе имманентных законов (физических, химических и др.) и отражают имманентные свойства мира. Неизвестное в микромире может первоначально представляться теоретически, но экспериментальная проверка осуществляется средствами имманентного и на основе знаний, отражающих имманентное. И в этом смысле между познанным и непознанным имеется преемственность. Естественнонаучное знание выступает таким образом как единая стройная концептуальная система, на основе и в подтверждение которой существует мощная промышленность. Трансцендентное, то есть гипотетическая реальность, лежащая за пределами имманентного, большинство представителей естественнонаучного познания не интересует, так как оно не дано человеку ни в непосредственном опыте, ни в опыте на основе приборов, а следовательно, не может быть экспериментально познано. Трансцендентное используется естествоиспытателями, как мы указывали выше, только как математическая абстракция или как элементы определенных типов математической модели.

«Классики» эзотеризма XX века, такие как Д. Андреев, Е.И. Рерих, К. Кастанеда и др., берут за основу третий вариант соотношения имманентного и трансцендентного, согласно которому видимая человеком, воспринимаемая человеком часть мира, то есть имманентное, есть только очень маленький фрагмент реальной действительности. Большая же часть мироздания имеет трансцендентную природу, то есть лежит за пределами возможного на данный конкретно-исторический момент человеческого опыта. Они выделяют в составе мира как целого различные его области, имеющие свою качественную специфику. Эти области называются ими по-разному, например, «слой», «уровень», «сфера», «план» и т.д. В «Энциклопедии эзотеризма» дается такое определение «плана» – это «сферы пространства, различные ступени плотности материи (физический, астральный, ментальный и иные планы пространства)»[3]. Аналогичное понимание можно встретить также в «Эзотерическом словаре»[4]. Согласно классическому эзотеризму уровневое строение имеет не только окружающий нас мир, но и сам человек.

Наибольший интерес в этом аспекте представляет концепция мира Д. Андреева. В своем главном произведении «Роза мира» он излагает свое видение мира и человека, используя одновременно как традиционные средства выражения имманентного, так и свою собственную терминологию, отражающую содержание его личных трансцендентных переживаний[5]. В эзотерическом видении мира Д. Андреева мы можем выделить три важнейшие идеи: первая идея связана с утверждением наличия дополнительных видов реальности, выступающих как слои различной материальности; согласно второй идее у этих слоев существует больше трех пространственных координат; третья идея означает признание наличия у этих слоев различного числа временных измерений. Д. Андреев рассматривает вселенную на трех уровнях: микромир, макромир и мегамир. При этом Д. Андреев рассматривает два варианта понимания космоса: астрономический космос и планетарный космос. Он пишет: «Под планетар-

ным космосом понимается совокупность слоев различной материальности, различного числа пространственных и временных координат, но непременно связанных со сферою Земли как планеты. Планетарный космос – это земной шар во всей сложности материальных (а не физических только) слоев его бытия. Подобные могучие системы имеются у множества небесных тел. Они называются брамфатурами. Брамфатура Земли носит имя Шаданакар»[6].

Наиболее сложным в концепции Д. Андреева является понятие «слой», которое, с одной стороны, включает в себя понятие типа материальности, а с другой стороны, некое пространственно-геометрическое представление, которое также выступает в виде совокупности некоторых свойств. К числу этих свойств относятся, во-первых, количество пространственно-временных измерений и, во-вторых, еще некоторое неизвестное науке содержание.

Мы видим, что согласно Д. Андрееву большинство космических тел имеет уровневое строение, состоящее из «слоев различной материальности» (термин Д. Андреева). С этой точки зрения астрономический космос является одним из слоев некоего интегрального космоса, включающего в себя, с одной стороны, космос планетарный, а с другой стороны, космос астрономический, понимаемый как слой или уровень. Что конкретно представляют собой эти слои (уровни), из каких элементов они состоят, каким законам они подчиняются, Д. Андреев не сообщает. По данному вопросу в тексте «Розы мира» встречаются вставки, упоминания, большинство из которых имеет фрагментарный характер. Так, например, Д. Андреев пишет, что имеется в виду «лежащая пока вне поля зрения науки, вне ее интересов и ее методологии совокупность процессов, протекающих в тех слоях инобытия, которые, будучи погружены в другие потоки времени и в другие виды пространства, просвечивают иногда сквозь процесс, воспринимаемый нами как история. Эти потусторонние процессы теснейшим образом с историческим процессом связаны, его собою в значительной степени определяют…»[7].

В данном случае для нас важно понятие «слои инобытия», понимаемые как слои иного типа материальности. Д. Андреев также пишет, что «…физическая пустота Энрофа заполнена океаном частиц другой материальности»[8]. Это можно, на наш взгляд, понимать по-разному, в зависимости от физического «наполнения». Если данные слои существуют, то открыть подлинное содержание иных типов материальности должны конкретные науки, в частности, физика, но физика иного, нового типа, сориентированная на изучение иного возможного наличного типа материи. Современный тип физики, с одной стороны, изучает вещественно-полевой вид материи, наиболее полно проявляющийся в макромире, и вакуум. С другой стороны, созданная в конце XX века теория суперструн утверждает в качестве гипотезы, что могут существовать различные варианты типов материальной реальности. В таком случае вещественно-полевой тип реальности, данный человеку в его ощущении, представляет собой только один из всего этого множества.

В такой трактовке из текста Д. Андреева исчезает мистический ореол. Действительно, материя как многоуровневая, многоаспектная и имеющая различные виды и форму существования бесконечная реальность не может быть сведена только к известным наличным ее видам, понимаемым на уровне макромира как вещество, поле, вакуум. Всегда можно с позиций философии утверждать возможность открытия новых, до сих пор неизвестных видов материи. Понятие «скрытые, непроявленные в данный момент виды материи» в принципе не противоречит современной естественнонаучной картине мира.

Д. Андреев пишет по этому поводу: «Наш физический слой – понятие, равнозначное понятию астрономической Вселенной, – характеризуется, как известно, тем, что его Пространство обладает тремя координатами, а Время, в котором он существует, – одной. Этот физический слой в терминологии Розы Мира носит наименование Энроф»[9]. Таким образом, мы видим, что весь видимый нам космос является, по представлению Д. Андреева, только одним из слоев, принадлежащих, с одной стороны, брамфатуре, то есть структуре, Шаданакара, а с другой стороны, некоему интегральному Космосу. Данный слой функционирует и развивается на основе законов известного нам вещественно-полевого вида материи, выступающего для человечества как имманентное.

«Слои» в концепции Д. Андреева могут существовать в различных вариантах, как в системе себе подобных, так и относительно самостоятельно. Д. Андреев пишет по этому поводу: «Несколько таких слоев складываются в систему. Каждую такую систему слоев или ряд миров я привык

мысленно называть индийским термином сакуала. Впрочем, наряду с сакуалами встречаются и слои-одиночки, подобно Энрофу»[10]. Энроф – название слоя, где существует вид Homo sapiens. Существование «в одиночку» может означать, с точки зрения Д. Андреева, что связи с другими слоями ослаблены либо имеются непроницаемые границы между слоями. Это объясняет, почему проявление других слоев не наблюдается в космосе.

Далее, Д. Андреев рассматривает мир в аспекте пространства и времени. «Понятие многослойности Вселенной лежит в основе концепции Розы Мира. Под каждым слоем понимается при этом такой материальный мир, материальность которого отлична от других либо числом пространственных, либо числом временных координат. Рядом с нами сосуществуют, например, смежные слои, Пространство которых измеряется по тем же трем координатам, но Время которых имеет не одно, как у нас, а несколько измерений. Это значит, что в таких слоях Время течет несколькими параллельными потоками различных темпов»[11].

Сравнивая типы миров, Д. Андреев пишет: «За редкими исключениями, вроде Энрофа, число временных измерений превышает, и намного, число пространственных. Слоев, имеющих свыше шести пространственных измерений, в Шаданакаре, кажется, нет. Число же временных достигает в высших из этих слоев брамфатуры огромной цифры – двести тридцать шесть»[12]. Д. Андреев считает, что в некоторых из этих слоев имеются какие-то типы живых или мыслящих существ, функционирование и развитие которых имеет свою специфику, в корне отличную от типа жизнедеятельности вида Homo sapiens. Из рассуждений Д. Андреева можно сделать, на наш взгляд, логический вывод о том, что, если возникнет необходимость изучения этих гипотетических, принципиально иных по сравнению с известным нам миров, то это, скорее всего, потребует построения физики принципиально нового типа, чем та, которой мы располагаем в данный момент.

Д. Андреев утверждает, что слои отделены друг от друга границами различной природы. В частности, Энроф отделен от других слоев непроницаемой в целом границей. Хотя это скорее исключение, чем общее правило. Так, Д. Андреев пишет: «Встречаются, правда, преграды, ограничивающие один слой, и еще менее проницаемые, еще плотнее изолирующие его от остальных. Но таких мало. Гораздо больше таких групп слоев, внутри которых переход из слоя в слой требует от существа не смерти или труднейшей материальной трансформы, как у нас, но лишь особых внутренних состояний. Есть и такие, откуда переход в соседние обусловлен не большим количеством усилий, чем, скажем, переход из одного государства земного Энрофа в другое»[13].

Сейчас, в начале XXI века, вопрос о возможности существования различных типов времени, обладающих различными вариантами метрики и топологии, активно обсуждается в физической литературе. Как известно, современная теория суперструн – последнее слово в достижениях физической науки – исходит в своих предположениях из гипотезы о том, что наш слой физической реальности может иметь различные наборы измерений в зависимости от типа допущения – пять, одиннадцать и т.д.

Картина строения мироздания, построенная Д. Андреевым на основе его трансцендентных переживаний, рассматривается естествознанием как чисто спекулятивное теоретическое построение, так как, с одной стороны, противоречит устоявшейся в настоящий момент научной картине мира, а с другой стороны, не существует естественно-научных способов проверить его истинность. В данной ситуации мы сталкиваемся с проблемой фундаментальных основ эмпирического познания. Современный тип естествознания построен на основе имманентного, то есть данного человеку в его ощущениях. XXI век ставит проблему в ином ракурсе: можно ли строить варианты теоретических картин мира на основе трансцендентных переживаний, которые человек получает, находясь в измененном состоянии сознания. Данная проблема лежит на стыке психологии, физики и философии. Если физика на протяжении почти всего прошлого века отрицала существование иных возможных видов материи, то на границе XX и XXI веков с появлением, с одной стороны, проблем «темной материи» и «темной энергии», а с другой стороны, теории суперструн, стали появляться гипотетические теоретические модели, которые допускают существование иных видов материи, параллельных или сопряженных вещественно-полевому виду материи, выступающему для человечества как имманентное.

Д. Андреев рассматривает также иные характеристики слоев: «Слои и целые сакуалы разнствуют между собой также и характером протяженности своего пространства. Отнюдь не все

они обладают протяженностью космической, какой обладает Энроф. Как ни трудно это вообразить, но пространство многих из них гаснет на границах солнечной системы. Другие еще локальнее: они как бы заключены в пределах нашей планеты. Немало даже таких, которые связаны не с планетой в целом, а лишь с каким-нибудь из ее физических пластов или участков»[14]. Подобные структуры рассматриваются современными математиками как «мягкие» фрактальности или псевдофрактальности.

Феномен многослойности, описанный Д. Андреевым, предполагает, в его версии, взаимодействие между этими слоями, которое может иметь как естественный характер, определяемый природой этих слоев, так и спонтанный, флюктуативный. Проявляться же эти эффекты могут как в человеке, так и в окружающем его мире. На наш взгляд, данную идею Д. Андреева вполне допустимо использовать в качестве гипотезы для объяснения ряда феноменов аномального эмпирического базиса, связанных с эффектами пространства и времени, от объяснения которых современное естествознание отказывается.

Согласно Д. Андрееву, большинство космических тел имеет свою уровневую структуру: «Общее число слоев в некоторых из них ограничивается единицами, а других – насчитывает несколько сот. Кроме Шаданакара, общее число слоев которого ныне двести сорок два, в солнечной системе существуют теперь брамфатуры Солнца, Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна, Луны, а также некоторых спутников больших планет»[15]. Итак, согласно Д. Андрееву, Шаданакар имеет 242 слоя. Наш слой – Энроф – один из них. Свои брамфатуры имеют звезды и галактики. Д. Андреев называет их макробрамфатурами. Помимо брамфатур и макробрамфатур существуют микробрамфатуры, относящиеся к некоторым видам атомов и молекул. На наш взгляд, для теоретической физики может представлять определенный интерес сама идея: физические объекты как микромира, так и мегамира могут состоять из различных типов материальности, которые, в свою очередь, имеют уровневое строение.

Современной физике данная идея абсолютно чужда, однако она не противоречит научному видению мира при условии принятия гипотезы о возможном существовании различных видов материи, то есть тех самых «объектов иной материальности», о которых говорят эзотерики. Физики могут сослаться на то, что в опыте нам дан лишь один вид материального (вещественно-полевой вид материи), другого нам не дано. Эзотерики могут возразить, что пока человек находится в обычном состоянии сознания, то он воспринимает только один вид материи, но если «раздвинуть» границы восприятия, то есть войти в измененное состояние сознания, то можно предположить, что человек может ощутить и иные типы реальности.

Говоря об уровнях космоса, Д. Андреев указывает на их материальность: «Я все время говорю о, так или иначе, материальных слоях, ибо духовных слоев как слоев не существует. Различие между духом и материей скорее стадиальное, чем принципиальное»[16]. Здесь Д. Андреев проявляет себя как материалист, причем подчеркивает это. Свой метод познания Д. Андреев назвал трансфизическим. Трансфизический означает «расположенный за чем-либо, по ту сторону чего-либо», то есть лежащий «за физикой», «после физики», с одной стороны, но с другой стороны, не являющийся метафизическим, понимаемым как последний фундаментальный уровень реальности. Таким образом, трансфизический в понимании Д. Андреева означает «рядоположенный», относящийся к определенному «спектру реальности».

Согласно Д. Андрееву, существует целая «лестница» миров. Каждый тип мира на этой лестнице отличается от другого таким качеством как «тяжесть». «Тяжесть» понимается здесь как некое материально-вещественное свойство, коррелирующее с вещественными свойствами мира. Энроф берется в качестве эталона, за некий средний уровень. Вверх поднимаются более «легкие» миры, вниз в свою очередь опускается целая лестница миров, чья материальность имеет все более и более увеличивающуюся «тяжесть». Эта идея также не может быть понята буквально, скорее, это некая гносеологическая метафора.

В изложении Д. Андреева самый нижний из верхних миров называется Олирна. Этот слой напоминает земной уровень, то есть Энроф, но является более легким, воздушным, эфирным. Д. Андреев так описывает Олирну: «…Он был похож на природу в Энрофе, но мягче – без крайностей ее жестокости и великолепия…»[17]. Далее идут более легкие и высокоразвитые уровни: Файр, Нэртис, Готимна.

Еще выше начинается сакуала Затомисов, то есть совокупности наиболее развитых уровней Шаданакара. Д. Андреев их описывает так:

«Вершины метакультур, называемые затомисами, до некоторой степени совпадают с географическими контурами соответствующих культурных зон Энрофа. Пространство всех затомисов четырехмерно. Но каждый из них отличается свойственным только ему числом временных координат»[18]. Д. Андреев называет 19 затомисов. Вот названия некоторых из них: Олимп – затомис древней греко-римской метакультуры, Рай – условное наименование затомиса византийской метакультуры, Эдем – условное название затомиса романо-католической метакультуры, Небесная Россия – затомис России[19]. Эти слои, в свою очередь, переходят в еще более высокие уровни, так называемый, Синклит Мира.

Вниз от Энрофа, согласно Д. Андрееву, также идет «лестница» миров, чья материальная тяжесть с каждой ступенью все более увеличивается. Эти миры называются «мирами Возмездия». Помимо миров Возмездия имеется еще одна область нижних миров – Шрастры. Д. Андреев так описывает эту область: «Шрастры – различные области единого четырехмерного пространственного мира; каждый из них обладает, однако, своим неповторимым числом временных координат. Кольцо шрастров метагеологически связано с нижними слоями земной коры, с ее компенсационными выступами»[20].

Таким образом, мы видим, что система Шаданакара представляется Д. Андреевым как иерархическое целое, чья материальность проявляется, во-первых, в различных типах субстрата, один из которых является вещественно-полевым, другие же субстраты вещественно-подобны, поскольку имеют некий эквивалент массы и определенные размеры, а также некоторую устойчивость. Во-вторых, в количестве пространственных измерений. В-третьих, в количестве временных измерений. Помимо этого, очевидно, есть и иные признаки, но Д. Андреев о них ничего не сообщает.

Подобные идеи не являются чем-то принципиально новым. С одной стороны, нечто аналогичное имелось уже в трудах эзотериков древности как Востока, так и Запада, но с другой стороны, Д. Андреев, создавая картину мироздания на основе собственных трансцендентных переживаний, дает ее в контексте событий как мировой истории, так и истории России XX века.

В начале XXI века сложился уникальный междисциплинарный контекст. Если в XIX и XX веках наблюдалось сильное влияние естествознания и точных наук на формирование общенаучной методологии рациональности, то к началу XXI века мы все более наблюдаем обратное влияние: гуманитарное знание все более начинает влиять на общенаучное видение мира, человека и их взаимосвязь. Так, Л.А. Минасян, анализируя роль антропологического фактора в познании второй половины XX века, пишет о том, что «речь должна идти не об отдельных антропологических аспектах в современном естествознании, а об антропологической теме»[21]. Еще в XX веке А. Пуанкаре интуитивно чувствовал, что «наука ставит нас в постоянное соприкосновение с чем-то, что превышает нас… Она заставляет предполагать нечто более великое»[22]. Это можно трактовать как новую, более глубокую, ступень видения человека. В начале XXI в качестве одной из ведущих гипотез выступает синтетическая идея, лежащая на стыке физики, психологии и синергетики: «Центральным пунктом исследований Природы и Человека как двух неразрывных частей единой целостной системы Мира должно будет стать изучение сложноструктурированного объекта – самоорганизующегося физического вакуума»[23]. Таким образом, можно предположить, что гносеология XXI века находится на пороге принципиально нового этапа познания, связанного с новым ракурсом видения объектов, лежащих на стыке имманентного и трансцендентного, что потребует, с одной стороны, «сумасшедших идей» (по Н. Бору), а с другой стороны, учета всех возможностей человека как субъекта познания. И здесь может быть использовано все богатство многообразного общечеловеческого опыта, как естественнонаучного, так и эзотерического, рассматриваемого в настоящий момент как СЛЕНТ (строительные леса научной теории).

СЛЕНТ как совокупность гипотетических конструкций можно рассматривать в различных вариантах, имеющих различную структуру в зависимости от типа изучаемой реальности, специфики эмпирического базиса, количества и типа допущений и т.п. В истории человеческого познания XX века можно указать на существование различного типа СЛЕНТовых построений. Так, если рассматривать СЛЕНТовую совокупность теоретических построений в области атомной физики первой половины XX века, то можно выделить, с одной стороны, совокупность конкретно-физических моделей атома (например, модели Томпсона, Резерфорда, Бора и др.), а с другой стороны, соответствующие им философ-

ские эквиваленты пространства, времени, энергии, взаимодействия и т.п.

В случае построения СЛЕНТовых моделей в изучении человека начала XXI века в аспекте не только имманентного, но и трансцендентного, а также при использовании психологической шкалы «норма – патология – измененные состояния сознания», то в качестве первоочередных можно выделить следующие задачи. Во-первых, анализ всей совокупности наличного эзотерического материала и выявление в нем рациональных элементов, которые могут быть использованы в новых теоретических условиях. Во-вторых, «стыковка» данных рациональных элементов с имеющимися на настоящий момент конкретно-научными знаниями в общем проблемном антропологическом поле XXI века. В-третьих, дальнейшая разработка соответствующих философских эквивалентов, таких как «человек», «деятельность» и т.п.

Примечания

[1] *Золотухина-Аболина Е.В.* Повседневность: философские загадки. – К., 2005. – С. 41.

[2] См.: например: *Данте А.* Божественная комедия. – М., 1982; *Сведенборг Э.* О Небесах, о мире духов и об аде. – К., 1993; *Беме Я.* Аврора, или Утренняя заря в восхождении. – М., 1990. Показательно в этом смысле изложение концепции Я. Беме Л. Фейербахом и Г. Веером: *Фейербах Л.* История философии Нового времени от Бэкона Веруламского до Бенедикта Спинозы // Фейербах Л. История философии. В 3 т. – Т. 1. – М., 1967; *Вер Г.* Якоб Беме. – Челябинск, 1998; См.: также: *Вандерхилл Э.* Мистики XX века: Энциклопедия. – М., 1996.

[3] Эзотеризм: Энциклопедия. – Мн., 2002. – С. 680.

[4] Эзотерический словарь. В 2 т. – М., 1993. – Т. 2. – С. 267.

[5] См. об этом: *Штеренберг М.И.* «Роза мира» Даниила Андреева и современность. – М., 2000; *Андреева А.* Роза мира // Даниил Андреев в культуре XX века. – М., 2000.

[6] *Андреев Д.Л.* Роза мира. Метафилософия истории. – М., 1991. – С. 13.

[7] Там же. – С. 31.

[8] Там же. – С. 44.

[9] Там же. – С. 43–44.

[10] Там же. – С. 44.

[11] Там же. – С. 44.

[12] Там же. – С. 44.

[13] Там же. – С. 44.

[14] Там же. – С. 44.

[15] Там же. – С. 44.

[16] Там же. – С. 45.

[17] Там же. – С. 56.

[18] Там же. – С. 59.

[19] Там же. – С. 63.

[20] Там же. – С. 85.

[21] *Минасян Л.А.* Единая теория поля. – М., 2005. – С. 163.

[22] Цит. по: *Минасян Л.А.* Единая теория поля. – М., 2005. – С. 163.

[23] *Латыпов Н.Н., Бейлин В.А., Верешков Г.М.* Вакуум, элементарные частицы и Вселенная: В поисках физических и философских концепций XXI века. – М., 2001. – С. 4. Аналогичные идеи содержатся также в следующих работах: *Томпсон Р.Л.* Механистическая и немеханистическая наука. – М., 1998; *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М., 2005; *Хакен Г.* Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. – М.; Ижевск, 2003; *Ельчанинов М.С.* Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. – М., 2005; *Галавкин В.В.* Аристотель против Ньютона, или экономика глазами системотехника. – М., 2005.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Куфтяк Е.В. *МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСКОЙ РОЛЬЮ:* Методические рекомендации / Рец. Т.Л. Крюкова. – Кострома, 2006.

Баженов В.М. *ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УЧИТЕЛЯ* / Рец. А.А. Бишаева, О.В. Гримальский, Т.А. Ёлшина. – Кострома: КГУ, 2006. – 212 с.

В.Ю. Яковлев

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Преамбула. *В статье анализируются качественные отличия классического и современного постнеклассического типа научной рациональности.*

Вопрос о мировоззренческих предпосылках научного познания в чрезвычайно многогранен. Среди всего многообразия проблем актуальным представляется вопрос о том, как изменились гносеологические и ценностно-смысловые установки в современной науке по сравнению с ценностями и нормами классической научной рациональности.

Характерным принципом классической научности был *фундаментализм* – имплицитная уверенность, что истинное знание должно обязательно найти в перспективе абсолютно твёрдые неизменные основания знания. Переосмысление проблемы предпосылок знания подвело к пониманию, что абсолютно надёжных, фундаментальных оснований в науке не существует. Научные теории с изменением нормативно-ценностных установок научного мышления перестали претендовать на роль единственно возможных копий объекта, стали рассматриваться в качестве конструктивных средств отображения действительности. Однако процесс этот протекал далеко не безболезненно: реальные успехи науки сочетались с расцветом релятивизма и конвенционализма[1].

Классическая наука базировалась в основном на эмпирическом обобщении научных фактов. Теория интуитивно строилась как упорядочивание опыта, который выступал в роли своеобразного критерия научного статуса теоретических конструкций. Следствием этого было господство *сущностно-онтологической* схемы объяснения научных фактов, и всякий разрыв с такой схемой интуитивно рассматривается как отход от идеалов научности.

В противоположность такой парадигме в современном научном знании статус научности закрепляется не за эмпирическими обобщениями, а за теорией, которая становится структурной единицей научного знания. Научные факты не существуют в виде «чистых» данных опыта, они всегда включены в определенную теоретическую модель интерпретации, эмпирические явления осмысливаются лишь в контексте объяснения их теорией. Изменился и сам статус научной теории: специфической особенностью ее в структуре современного научного знания в отличие от норм классической науки является *проектно-конструктивный* ее характер[2].

Другой гносеологической особенностью организации знания в современной науке является признание органической связи субъекта и объекта во внутренней структуре познавательного процесса. Если классическая наука ориентировалась на исключение «субъектного» из представлений об объекте, то в настоящее время такая методологическая позиция становится объектом критики. С возникновением квантовой механики, релятивистской физики, кибернетики, системотехники, синергетики и многих других областей научного знания становится очевидным, что резкое разграничение субъекта и объекта, элиминация познавательной активности, культурно-исторических особенностей организации субъекта лишают возможности понять многие важные стороны закономерностей развития научного познания. Субъективная составляющая необходимо присуща любой научной деятельности, а потому требует явной экспликации.

Если в классической науке знания в идеале было столько, сколько в ней было математики, то современный гносеологический идеал предполагает развитое самосознание – метатеоретический уровень знания, где объектом рефлексии становится сам познавательный процесс[3].

Весьма показательно, что многие известные учёные стали вынуждены заниматься не только собственной научной проблематикой, но и выходить на широкий уровень философского обобщения. «В наше время, – писал, в частности, А. Эйнштейн, – физик вынужден заниматься философскими проблемами в гораздо большей степени, чем это приходилось делать физикам предшествующих поколений. К этому физиков вынуждают трудности их собственной науки»[4].

Характерной чертой современного образа научности является формирование целостной научной картины мира, сопровождаемое интег-

© В.Ю. Яковлев, 2006

рацией методов познания в естественнонаучных и гуманитарных отраслях знания.

Наряду с этим процессом претерпевают существенное изменение идеалы и нормы объяснения, доказательства и обоснования научного знания. Господствовавшие ранее аналитические, гомогенные, каузально-однозначные схемы объяснения замещаются вероятностными, многоуровневыми представлениями объектов научного исследования, ориентированными на системное, целостное объяснение эмпирических данных.

Новый тип научного мышления формируется исходя из положения о неустойчивости, нестационарности мира, для которого характерна модель динамического хаоса (*синергетизм*), порождающего образы реальности, которые могут функционировать с нелинейной зависимостью[5]. Интеграция знания, предполагает плюрализм методологий, сосуществование норм и идеалов научности на принципах дополнительности.

Новые свойства научной рациональности не случайны – они характеризуют симптомы качественного изменения в познании, в мировоззрении, в культуре XX века с резонансом идеалов, ценностей, методов деятельности из одной области духовного производства в другую. В новом социокультурном контексте требование традиционной научности, предполагающее «непредвзятое», *бес*предпосылочное научное познание свободное от ценностей, невыполнимо, антигуманно по существу, ибо практика реального междисциплинарного исследования не может не соотноситься с миром человека.

Социально-практические коллизии современной эпохи, необходимость решения острых глобально-экологических и гуманитарных проблем, настоятельно требуют такой мобильности мировоззренческих установок научного мышления, которые несовместимы с прежней онтологизацией и гносеологизацией научного знания.

В новых условиях значительно возрастает значение и роль этических и ценностных аспектов научной деятельности. Социальные оценки врываются в некогда величественные устои так называемого незаинтересованного знания, способствуя формированию таких образов реальности, в которых природные и социальные, объективные и ценностные аспекты знания теснейшим образом взаимосвязаны.

Переход науки к современной стадии развития создал предпосылки формирования целостной научной картины мира[6], в которой основные формы бытия – неорганическая, органическая природа и социальный мир человека предстают в едином образе мира на основе универсальных принципов эволюционизма, самоорганизации и системности, которым соответствуют все основные сферы бытия. Современная наука начала XXI века существенно отличается не только от классической, но и науки середины XX века: она вошла в новую фазу своего развития – постнеклассическую (определение В.С. Стёпина).

И это не столько хронологическое определение, сколько цивилизационный и культурно-мировоззренческий фактор её развития. Такой переход сопряжён с качественными изменениями структуры мировоззренческих оснований научного познания, осознанием ограниченности прежнего типа научной рациональности.

Классическая рациональность основывалась на убеждении о возможности беспристрастного созерцания мира, «вненаходимости» по отношению к нему исходя из тождества бытия и мышления. Такая установка дополнялась верой в неограниченный поступательный кумулятивный прогресс научного разума, которому доступны в перспективе фундаментальные основания истины.

В целом для классического типа научной рациональности были характерны:

– представления, что реальность, как объект познания не зависит ни от средств и методов познания, ни от субъективного фактора;

– установки, что познающий субъект находится *вне* познаваемого объекта, вследствие которой субъективная составляющая знания подлежит обязательной элиминации из результатов познания, идеал ценностно- нейтрального исследования;

– представления, что субъект «*зеркально*» отражает мир, научное знание беспредпосылочно по своей природе;

– преобладание тенденции дифференциации научной онтологии, частных картин мира; разобщение методологии между естественными и гуманитарными науками;

– идеалы вечных, универсальных законов природы, существование которых обеспечивает принципиальную возможность познания «вечных» истин;

– представления, что основной метод познания – эксперимент, а идеалом научности является физико-математическое знание;

Современное развитие науки подвело к осознанию ограниченности установок классичес-

кой научной рациональности, к более глубокому её пониманию.

Несмотря на многообразие парадигмальных концепций сегодня можно говорить о формировании качественно новой картины мира, создаваемой «постнеклассической» наукой. Процесс ее становления еще не завершен, однако основные контуры становятся очевидными. Основу этой картины мира составляют термодинамика неравновесных, нелинейных открытых систем, синергетика, принципы теории систем и универсального эволюционизма, экологическое сознание и новая научная аксиология.

Универсальными принципами нового типа научности являются: единство мира на всех уровнях его организации; системное понимание предмета познания; синтез детерминизма и случайности; отказ от парадигмы редукционизма. Эти представления базируются на признании, что случайное и необходимое, являются равноправными сторонами объективных процессов, сопровождающих вероятностную самоорганизацию неравновесных открытых систем;

Мировоззренческими основаниями новой типа научной рациональности являются:

– признание социально-практической природы познавательного процесса, конструктивно-деятельностной природы научного мышления, неявного воздействия познающего субъекта на изучаемый объект;

– отказ от упрощённого онтологизма научной картины мира, понимание её культурно-историчного характера; относительной истинности научных теорий;

– признание альтернативных теоретических описаний реальности (принцип дополнительности), определение и экспликация средств наблюдения, которые взаимодействуют с объектом познания (принцип наблюдаемости);

– преодоление противоположности между естественными и гуманитарными науками при решении комплексных глобально-экологических и гуманитарных проблем;

– выдвижение на передний план междисциплинарных и проблемно-ориентированных объектов исследовательской деятельности, затрагивающих сущность и существование человека;

– появление объектов знания, соотнесённых с проблемой человека, предполагает гуманистические ценности, включение мировоззренческих и аксиологических факторов в структуру научной теории;

– анализ нелинейных, динамических, неравновесных, самоорганизующихся систем, изменяющихся во времени;

– критико-рефлексивная установка по отношению к собственным мировоззренческим основаниям научного познания.

Неклассические принципы научности открывают путь к новому пониманию самой научной рациональности. В противоположность традиционным идеалам *монологичной* рациональности, она начинает осмысливаться как *диалоговая* коммуникация с другими формами познавательной традиции[7].

С теми же выводам согласуются фундаментальные представления синергетики об открытости самоорганизующихся динамических систем[8]. В синергетической парадигме субъект познания находится не «вне» природы, а «внутри» бытия, мир не только не противостоит субъекту познания, но и детерминирован им самим. «Описание природы – живой диалог» (И. Пригожин), который зависит не только от предметности природы, но и от тех вопросов, которые человек ей задаёт[9]. Новая наука, переосмысливающая природу и бытие человека в мире, принципиально не ориентирована на одну какую-либо отрасль знания, а диалогична по своей сути. Она не исходит из единственно верного понимания мира: онтологические образы времени, случайности и необратимости, хаоса и порядка, части и целого характерные для вненаучного мышления, восточной традиции, религиозно-философских концепций прошлого ассимилируются в ней с позиций диалога, в котором научная рациональность осмысливает собственные основания и размерность.

При этом не следует, что в таком «диалоге» научная рациональность растворяется и теряется во вненаучном сознании. Статус науки как относительно автономного типа познавательной деятельности, направленной на получение знаний о реальном мире не подвергается сомнению. Дело в том, что сама научная традиция и мировоззренческий статус науки в социально-культурной системе оказываются подвижными, исторически изменчивыми. В частности, классическая наука ориентировалась на элиминацию из корпуса науки всего, что так или иначе связано со средствами познавательной активности, с субъектом познания. В новом культурно-историческом контексте современная научная картина мира в диалоговом, коммуникативном соотнесении с вненаучными, социокультурными традициями

мышления осмысливает собственные границы, иерархию и архитектонику познавательных ценностей, идеалы и нормы научного мышления, свою роль и статус в системе культуры.

Наше понимание научности культурно-исторически обусловлено, оно изменялось в прошлом с момента возникновения классической науки и будет неизбежно изменяться в будущем. В современных условиях реформирования технократической модели цивилизации «западного типа» важным и плодотворным является взаимодействие научной традиции с другими познавательными традициями. Особенно актуальным и значимым такой диалог становится для той сферы научного познания, которая затрагивает природу человека.

Таким образом, осмысление мировоззренческих оснований современного научного знания объективно диктуется как внутренними методологическими запросами науки, так и сложными процессами ее взаимосвязи с духовными процессами современного общества, потребностью гуманизации научно-технического прогресса. В процессе превращения науки в производительную силу общества, тотально влияющую на все стороны его жизнедеятельности, остро ставится вопрос цены «производства» знания.

Классическая научная рациональность, строящаяся на субъект-объектном противопоставлении «научное знание – объективная реальность» трансформируется в XXI в. в постнеклассическое мироотношение «человеческий потенциал знания – онаучиваемая реальность в родовой человеческой перспективе». Натуралистические и онтологические идеалы знания классической научности уступают место аксиологическим. Основанием ценностей научного познания мира становится не эпистемологический фактор, в котором знание является *самодостаточной целью*, а мировоззренческий принцип, в котором знание выступает в качестве *гуманитарного средства* решения задач, обеспечивающих, родовое выживание человечества. В условиях экспансии научно-технического прогресса научно-познавательная активность обязана получить гуманитарное, человеческое содержание. Подобная постановка вопроса заостряет проблему взаимоотношения научного познания и ценностей культуры.

Новые ценности научной рациональности реализуется как общечеловеческие, планетарные по масштабу. Они не являются партикулярными или ангажированными по своему идейному содержанию. В них есть нечто, что в настоящий момент задевает интересы всех представителей человеческого рода: цивилизаций «севера» и «юга», богатых и бедных, верующих и атеистов. Это – эпистемологическая ответственность за выживание человечества, самосохранение жизни, создание предпосылок исторической перспективы человеческого сообщества. Научно-технический прогресс с технократическим, прагматическим и инструментальным типом отношения к природе и науке как средству познания её закономерностей ставит безальтернативную задачу всесторонней регуляции науки и технологии в соответствии с гуманистическими, общекультурными ценностями и идеалами.

Новая постнеклассическая рациональность играет роль мировоззренческого духовного основания, в которое интегрируются все подсистемы культуры, в том числе наука. Современный мир в XXI в. в своём стохастичеком развитии подходит к порогу, когда результаты научно-технического прогресса становятся сопоставимыми с действиями природных сил, а местами уже превосходят их: «искусственная», преобразованная человеком природа, начинает вытеснять «естественную». В новых антропогенных условиях бытия природы как «органического тела человека» противопоставление научной истины и социокультурных ценностей становится пагубным и абсурдным, ибо в научном познании ценным становится не объективная реальность «сама по себе» безотносительно к человеку, а проект бытия мира в его человеческой перспективе.

Вследствие этого классический вид научной рациональности как «объектный» тип мировоззренческой рефлексии знания разрушается: объективизм и натурализм научного познания мира, «независимого от человека и человечества», сдаёт позиции общечеловеческим аксиологическим мировоззренческим основаниям, в которых на передний план выдвигаются ценностно-смысловые аспекты рациональности, соответствующие базовым гуманистическим представлениям человечества.

Научное познание как «социальный конструкт», нацеленный на знание того, что «есть в мире», изначально координирующее познавательную деятельность на предметное, объективное знание мира рефлексивно соединяется с ценностным осмыслением знания, ответственным за гуманитарное его содержание. Основными оп-

ределениями новой постклассической научной рациональности в её внутренних и внешних ценностных ипостасях становятся гуманитарная направленность, экологическая ответственность, самокритичность и гражданская честность.

Примечания

[1] См.: *Дюгем П.* Физическая теория. – СПб., 1910. – С. 262; *Пуанкаре А.* Наука и гипотеза. – СПб., 1906. – С. 94.

[2] См.: *Лекторский В.А., Швырев В.С.* Диалектика практики и теории // Вопросы философии. – 1981. – №11. – С. 20.

[3] См.: *Халин С. М.* Познание и метапознание (Проблема типологического единства). – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1998.

[4] *Эйнштейн А.* Собрание научных трудов. – М., 1967. – Т. 4. – С. 248.

[5] Подробнее см.: Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве – М.: Прогресс-Традиция, 2002.

[6] См.: *Степин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М.: Институт философии РАН, 1994. – С. 193–223.

[7] См.: *Швырёв В.С.* Рациональность в спектре её возможностей // Исторические типы рациональности. – М.: ИФРАН, 1995. – Т. 1. – С. 97–120.

[8] См.: *Аршинов В.И.* Синергетика как феномен постнеклассической науки / РАН. Ин-т философии. – М., 1999.

[9] См.: *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – С. 56.

А.А. Веснин

ХОРОШЕЕ ПЛОХОЕ КИНО

Современный интеллектуализм это не только панель для мобильного телефона с портретом Че Гевары, осведомленность в психотропных веществах, чтение обоих Мураками и ведение «Живого журнала» в интернете. Важным элементом имиджа метросексуала (слово «денди» уже не отражает всю сложную природу феномена) до сих пор остается устремленность в потусторонние территории кинематографа – культ «артхауса», явления также известного как «другое кино». Декадентская флэш-анимация и японские аниме пока еще не достаточно харизматичны, чтобы серьезно поколебать твердые позиции кино в сфере эстетизации очевидного и реализации невозможного. А всеобщая DVD-зация отсрочила давно предсказываемую кончину кинематографа на неопределенный срок.

Есть мнение, что «другое кино» это когда вы смотрите фильм и думаете: «А что если этот фильм покажут по общенациональному каналу в прайм-тайм?! Ведь сразу же начнется революция!» Это одно из распространенных заблуждений, относительно «другого кино». К сожалению, люди все еще разделяются по давнему критерию Хосе Ортега-и-Гассета, относительно наличия или отсутствия «эстетствующего органа». В эпоху криминальных сериалов и реалити-шоу это разделение ощущается особенно драматично.

Но далеко не все помчатся в кинотеатры, едва заслышав рекламную кампанию новой части «Ночного дозора». Многие заскочат туда только чтобы быть «в курсе», а иные просто проигнорируют новый шедевр русского кинематографа и вновь обратятся к интернетным каталогам «кино не для всех», пестрящим именами Кима Ки-Дука, Вима Вендерса, Педро Альмодовара, Майка Фиггиса, Такэси Китано, Такаси Миике, Джима Джармуша, Эмира Кустурицы или Ларса фон Трира. Или заглянут в магазин, где можно многое из того же обнаружить на DVD в свободной продаже.

«Другое кино» это не только и не столько кино как искусство. Оно обязательно должно быть «другим»: азиатским, сумасшедшим, черно-белым, экстремальным, запрещенным, нерусским, наивным, скандальным, плохим, непонятным, жестоким, гиперреалистическим, демоническим, нескучным, пропагандистским, невысокобюджетным, циничным, смешным, но не как «Кавказская пленница», а по-другому. Нужно, чтобы фильм соответствовал хотя бы трем из вышеуказанных определений. Очень высокохудожественная картина итальянца Джанни Амелио «Похититель детей» разве что нерусская, а вот «Звонок» Хидео Наката в каком-то смысле даже пропагандистский фильм, поэтому Наката «другой», а Амелио «все тот же самый».

© А.А. Веснин, 2006

Почему в этом списке есть определение «плохой»? Ответ на этот вопрос – существенный ключ к пониманию феномена «другого кино». И не будет преувеличением сказать, что в этом определении кроется целая маленькая вселенная, и российские ценители пока довольствуются лишь вершиной этого безразмерного айсберга.

Американский критик Майкл Медвед дал таким фильмам определение «so bad it»s good» («настолько плохие, что хорошие»). От просто плохих фильмов эти фильмы отличаются тем, что вызывают вместо зевоты приступы интеллектуального хохота плюс некоторые другие странные чувства с трудом поддающиеся описанию.

В России культ «другого плохого кино» впервые четко обозначился после появления первых пиратских копий фильма Тима Бёртона «Эд Вуд» в середине 1990-х. Эта талантливая картина повествует о творческом пути Эдварда Вуда младшего – человека носящего неофициальный титул «худшего режиссера всех времен». В своей первой черно-белой картине Бёртон сумел точно передать всю пестроту и ущербное великолепие американского «мусорного» кино 1950-х.

В самой американской культуре титул семинального высказывания на данную тему принадлежит статье известной исследовательницы культуры Сюзен Сонтаг «Заметки о кэмпе» вышедшей в 1964 году. По сути дела, вся внушительная статья посвящена поискам определения довольно целостного, но в высшей степени невербального понятия «кэмп», очень тесно связанного с проблематикой «плохого» или «другого» кино.

Начать с того, что слово «кэмп», по-английски «camp» имеет очень туманную этимологию и едва ли как-то связано со сходным по написанию и произношению со словом обозначающим лагерь. В первых абзацах своей статьи Сонтаг дает такие определения: «любовь к неестественному: к искусственности и преувеличению», «один из способов видения мира в качестве эстетического феномена», «любовь к чему-то «сверх», к вещам-когда-они-не-есть-то-что-на-самом-деле («things-being-what-they-are-not») [1]. И в то же время добавляет, что у всех определений могут быть множественные исключения, ведь «кэмп» во многом эзотерическое и весьма персонализированное знание.

Явления «кэмпа» Сонтаг находит повсюду – в литературе (Жан Кокто, но не Андре Жид), в музыке (поп-музыка 1960-х, но не джаз; Рихард Штраус, но не Вагнер), в изобразительном искусстве (Обри Бердсли, но не Сальвадор Дали), в одежде, архитектуре, предметах быта, прическах и т.д. Замечая, что «кэмп» почти всегда аполитичен, Сонтаг все же усматривает «кэмпический» дух в Шарле де Голле.

Во всех перечисленных «но не» скрывается наиболее удачное объяснение феномена «кэмпа». Прежде всего, «кэмп» не может быть «серьезным», не может быть «трагедией». «Кэмп» может быть вульгарным и извращенным, но не может быть откровенно мизантропическим и циничным, как например поп-арт – ощущения «кэмпа» это, в целом, светлые ощущения. Также «кэмп» не может быть сверхизысканным, не может быть сверхпродуманным, не может быть художественным замыслом реализовавшимся в полной мере– чаще всего «кэмп» это плохое искусство. Но не плохое до уровня посредственности. «Кэмпический» автор всегда стремиться сделать что-то «сверх-фантастическое», но делает, это как правило, без особого напряжения. Легкость – еще один неотъемлемый атрибут «кэмпа».

Наиболее же яркое выражение «кэмп», по словам Сонтаг, находит именно в кинематографе, в голливудских «черных фильмах» 1940-х, таких как «Мальтийский сокол», в декадентских мелодрамах Джозефа фон Штернберга с Марлен Дитрих, таких как «Дьявол это женщина», в японских фильмах о монстрах, таких как «Годзилла», и даже в такой высокой киноклассике как немые фильмы Луи Фёйада, например «Вампиры».

Вместе с тем, Сонтаг замечает, что стандарты «кэмпа» могут со временем видоизменяться. Так и произошло в кинематографе, где феномен «кэмпа» смешался в 1960-х с родственными, но не синонимичными феноменами «трэша» и «эксплуатации». «Трэш» подразумевал ориентацию на низкий бюджет и вульгаризацию кинозрелища, «эксплуатация» имела в виду доведение самых отъявленных элементов кинозрелища (мужественность мужчин, сексуальность женщин) до возможных крайностей.

1960-е и 1970-е стали золотым веком кинематографического «кэмпа» или «плохого другого кино». В самом «кэмпическом» жанре фильма ужасов блистали американцы Уильям Касл, Роджер Корман и Хершел Гордон Льюис, итальянцы Марио Бава, Дарио Ардженто и Лючио Фульчи, британец Теренс Фишер, испанец Хесус Франко, француз Жан Роллен; эротическое кино поднялось на невиданные «кэмп» высоты стараниями Расса Мейера, Рэдли Метцгера, Дорис Уиш-

ман и Валериана Боровчика; на виду были азиатские фильмы о боевых искусствах Чанга Че и Кинга Ху, японские декадентские триллеры Сейдзюна Судзуки и «розовые фильмы» Кодзи Вакамацу; итальянские «спагетти-вестерны» и испанские «чизоро-вестерны»; исландские «норнстерны» и советские «истерны» («Белое солнце пустыни» это, конечно же, «кэмп»); фильмы о Джеймсе Бонде и Фантомасе; сверхстильная чернокожая «блэксплуатация» и необарочные итальянские триллеры «джалло»; «безумные биографии» Кена Расселла; авторские фильмы Жана-Люка Годара и Райнера Вернера Фассбиндера; фильмы о байкерах и общинах хиппи; и еще много всего.

Большинство из этих произведений с трудом выдерживали критику с позиций рационалистского и/или модернистского понимания искусства. Но эпоха постмодернизма с ее декларативным скепсисом по отношению к «серьезному» творчеству и «глубокому» авторскому высказыванию как раз нуждалась в подобных подтверждениях своих теорий о тексте-удовольствии или эпистемологической неуверенности. Все чаще в качестве объектов серьезных научных исследований стали выступать непритязательные «кэмпические» кинотворения.

Но затем пришли 1980-е и произошли процессы, подорвавшие основы «хорошего плохого кино». Вкупе с некоторыми экономическими обстоятельствами, большое значение имел приход в режиссуру вчерашних поклонников «плохого кино» с явным намерением делать все то же «плохое кино». Американская студия «Трома», немец Йорг Буттгерайт уже делали «осознанный кэмп», что по глубокому убеждению Сьюзен Сонтаг «кэмпом» изначально быть не может. «Плохое кино» 1980-х потеряло одну из главных ценностей «кэмпа» – наивность. Несмотря на однозначно «взрослую» тематику подобных произведений (секс, насилие, темная сторона бытия) именно наивность и даже определенная невинность играли роль спасительного противовеса, обеспечивавшего существование этого странного «кэмпического» эстетического модуля, описанного Сонтаг. В 1980-х вместе с наивностью и невинностью исчезла легкость. «Плохое кино» стало тяжелым и неповоротливым.

1990-е увидели дальнейшую деградацию идеи «кэмпа». Почти единственными критериями инакомыслия в западном кинематографе стали цинизм и эпатаж. Большинство фильмов «другого кино» Америки и Европы представляли набор шокирующих сцен и ситуаций поданный с переполняющим ощущением собственной значимости. Кинематографисты больше не хотели быть ни «наивными», ни «плохими».

Но к счастью выпавшее из рук западного «хорошего плохого кино» знамя в конце 1990-х подхватили энтузиасты Востока. Азиатское кино рубежа тысячелетия возродило идеалы «кэмпической» эстетики и в этом вероятно кроется одна из главных причин такой большой популярности дальневосточного кинематографа среди современных интеллектуалов. Такэси Китано, Такаси Миике, Ким Ки-Дук, Вонг Кар-Вай, Такаси Симидзу, Рюхей Китамура и другие не боятся показаться «наивными», «смешными», не достаточно претенциозными, а иногда и откровенно «плохими». Каждый их следующий боевик, фильм ужасов или авторский внежанровый фильм не претендует на звание «окончательного шедевра, который похоронит кино». В процессе просмотра, помимо получения эстетического наслаждения, вы можете по-доброму улыбнуться или незло захохотать – в этом и будет суть «кэмпического» понимания искусства.

Однако большая часть этого айсберга все еще скрыта от отечественных любителей «другого кино», знакомых с творчеством Луиса Бунюэля или Ингмара Бергмана, но имеющих очень смутное представление об Уильяме Касле или Марио Бава. «Хорошему плохому кино» еще только предстоит завоевать сердца российских киноценителей, как оно это сделало в многих концах планеты. Тем более, что примеры истинного «кэмпа» можно с легкостью обнаружить и в отечественной кинематографии: «Подвиг разведчика» Бориса Барнета; непревзойденный кино-лубок Михаила Чиаурели «Падение Берлина»; фантастические ленты Павла Клушанцева, снятые до освоения космоса; «Игла» Рашида Нугманова; «Бакенбарды» Юрия Мамина и конечно «Ворошиловский стрелок» Станислава Говорухина. Эти фильмы объединяет легкость, отсутствие чрезмерной претенциозности и все та же определенная наивность – все то, чего так катастрофически не хватает сегодняшнему российскому кино.

Библиографический список

1. *Susan Sontag*. Notes On Camp. http://pages.zoom.co.uk/leveridge/sontag.html.

Д.С. Николаева

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ XVIII ВЕКА О ВОСПИТАНИИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

В современных условиях вопросы граждданского воспитания находятся в стадии активной разработки, что актуализирует обращение к истокам этой проблемы, к тому историческому периоду, когда были заложены основы взаимодействия государства – общества – человека. Это XVIII век – эпоха великих преобразований, когда само время, по словам Д.С. Лихачёва, вызывало к жизни появление «нового человека», осознающего свою значимость « в строительстве государства».

Сущностные характеристики этого «нового человека» отражены в наследии отечественных просветителей. Анализ работ Ф. Прокоповича, И. Посошкова, Ф. Татищева, М. Ломоносова, А. Кантемира, Н. Новикова. И. Бецкого, Е. Дашковой, Н. Радищева и др. позволил выделить три этапа в становлении и развитии проблемы гражданского воспитания в России в XVIII веке.

Первый этап – это Петровская эпоха, когда задачи новой государственности требовали создания такой системы воспитания, которая способствовала бы осуществлению замыслов Петра I . Педагогическая мысль этого периода формировалась на основе светского взгляда на человека, на признании его самоценности. И пороки, и достоинства людские проистекают не от человеческой природы, а от воспитания. Отсюда – первоочередной задачей государственного строительства утверждается проблема воспитания «нового человека» – «достойного сына Отечества, гражданина.» Автором этой концепции был Ф. Прокопович (1681–1736) – государственный и церковный деятель, сподвижник Петра, глава «Учёной дружины».

В его работах (трактаты «Духовный регламент» и «Poetic de Art», публицистические «Речи» и художественные произведения) дается критика средневекового канона как залога нравственного совершенства и выдвигается идея воспитания «нового человека», которого Прокопович называет «совершенным человеком», востребованным эпохой. Этот человек «действует во Благо государству», обладает научными познаниями, смысл его жизни – активная гражданская деятельность, он не «внутренний человек» (человек для себя), а «внешний – человек для государства». «Совершенный человек», по мысли философа, – это гражданин [6, с. 75–79].

Позиция Прокоповича несколько позже дополняется идеей об европеизации воспитания и образования, чтобы страна «стала российской Европией» (Ф. Салтыков «Пропозиции» и «Изъявления прибыточные государству»); интересными мыслями об «устройстве совершенного государства» (И. Посошков «Книга о скудости и богатстве») и положениями о распространении наук и знаний (В. Татищев «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ»).

В первую треть XVIII века сделана попытка представить положительный идеал, в котором материализовались бы задачи воспитания гражданственности: молодые люди должны иметь профессию, которая «приносит деятельные пользы всем людям»; помнить об исполнении своего долга перед государством, овладеть научными познаниями. Акцент в этой модели воспитания делается на профессиональную ответственность «совершенного человека» пред государством.

Этот этап справедливо будет называть «периодом первоначального накопления», главное открытие его: «основа всякого благоустройства общества» – воспитание (Ф. Татищев). При этом определяются основные тенденции в области воспитания истинного гражданина своей страны, которые на протяжении нескольких десятилетий данного века разовьются, наполнятся конкретным содержанием, детерминированным историко-культурными процессами.

Второй этап – 40–60-е годы. Россия в эти годы в силу исторических условий, особенность которых – дальнейшее развитие государственности и становление дворянской культуры, ориентированной на европейские образцы, нуждалась в новом содержании воспитания. В этот период существовало две системы: домашнее воспитание и государственное образование.

Сторонником домашнего воспитания был А. Кантемир (1709–1744), в своей позиции он руководствовался собственным опытом: в условиях семьи он овладел многими научными знаниями, европейскими языками, выбрал путь гражданского служения.

© Д.С. Николаева, 2006

В его философских «Письмах о природе человека» провозглашаются безграничные возможности человеческого разума, воли: «Человеческий ум велик и пространен… бесконечны его действия, всесветны, вечны и непременны…» Этот теоретический посыл лёг в основу утверждения Кантемира о том, что умственное развитие и воспитанность чувств определяют сущностное содержание человека. Основным качеством человека, по мнению Кантемира, является одна добродетель, а все другие – её исходные. Добродетельный человек всегда нравственен, свои действия соотносит с пользой для отечества, проверяет их отношениями с людьми и семьёй. В его систему воспитания гражданственности включается кодекс чести дворянина, являющегося членом «первейшего сословия государства»: важно «не быть наследником предков благородных», а «благородным быть», готовить себя к военной службе, «презрев покой нести труды военны», а в гражданской службе «страсти позабыть», «хранить в чистоте и совесть и руки», а завершается кодекс пожеланиями «быть не гневным, беззлобным, добродетельным быть».

Доминантной особенностью гражданина, по Кантемиру, является нравственная воспитанность человека. Он писал: «Сколь человек ни искусен и ни украшен различными знаниями, больше ещё скажу, сколь он ни принёс пользы народу, но если он не сумел заслужить любовь добронравием, недолго будет стоять его слава, забудут его люди» [2, с. 172].

Смена мировоззренческих ориентиров и ценностей в этот период была связана с научной, литературной, педагогической деятельностью М.В. Ломоносова, который был пропагандистом государственного образования россиян всех сословий.

Если Кантемир акцентировал внимание на нравственном воспитании «совершенного человека», то Ломоносов – на умственном развитии. В формировании истинного сына отечества, считал он, первейшая роль принадлежит науке: «занятия наукой не самоцель, а средство воспитания гражданской добродетели». Связывая прогресс страны, её будущее с наукой, Ломоносов слагает своеобразный гимн наукам: «кто к добродетелям путь отверзает? – наука; кто отвращает от пороков? – наука; кто рассеянные народы в общество собрал ? – наука; кто построил грады и открыл страны отдалённые морями? – наука» [4, с. 184]…

Благодаря Ломоносову отечественная педагогическая мысль обогатилась новыми представлениями о формировании гражданственности. Истинный гражданин – просвещённая науками личность, соизмеряющая активность в познании и практической деятельности с идеей общественного Блага и величия России. Воспитание гражданственности – это формирование такой личности, которую просветитель связывал с умственным развитием и нравственным просвещением. Так в этом процессе сходятся две равнозначные составляющие – нравственное и умственное воспитание.

Рассуждения о «совершенном человеке» Ломоносов воплотил в образе Петра I, он прославлялся поэтом как неповторимая , творческая личность, русский характер, работник, патриот, что «Россию, варварством попранну, с собой возвысил до небес». Другой «совершенный человек» – лирический герой его од: это сын Отечества, восхищающийся тем, что уже сделано для страны и что можно ещё сделать для её дальнейшего процветания.

Во вторую треть XVIII века просветители , не отрицая важности воспитания «внешнего человека», подчёркивали необходимость формирования внутреннего мира человека, его творческих способностей, нравстве6нной позиции, гражданин – это добродетельная, просвещённая науками личность, соизмеряющая свою деятельность с пользой Отечеству, а поведение с общественными нормами. Во вторую треть закрепляются важнейшие педагогические открытия предшествующей поры и проектируются новые идеи, способствующие комплексному подходу к воспитанию «истинного сына отечества».

Третий этап – это эпоха «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, время интеллектуального подъёма и особой стадии социокультурного развития: растёт число учебно-воспитательных заведений, театров, библиотек, книгоиздательств, сделан прорыв в области теории эстетики и педагогики. Появляется небывалое количество трактатов, авторы которых исповедовали идею общественного договора, естественного равенства людей, внесословную ценность человека, ратовали за распространение образования и наук.

Россия смотрела на Европу как на школу воспитания, что способствовало возникновению огромного интереса к педагогическим идеям Д. Локка, Ж–Ж. Руссо, Г. Гельвеция.

Пришло время, когда отдельные идеи об образовании и воспитании стали оформляться в теорию, именно в этот период создаётся теория воспитания «истинного сына Отечества» – граж-

данина. В данном временном контексте наибольший интерес представляют работы просветителей И. Бецкого, Н. Новикова, А. Радищева.

Интенсивно осваивая достижения западной педагогики, с одной стороны, и опираясь на лучшие традиции отечественной школы воспитания, с другой – они включились в поиск рационального соотношения национальных и общечеловеческих начал при создании самобытной системы русского воспитания.

И.И. Бецкой (1704–1795), как идеолог образовательной политики государства, в своей деятельности ориентировался на «Наказ императрицы Екатерины II» («…правила воспитания суть первые основания, приуготовляющие нас быть гражданами») и манифест «О должностях человека и гражданина». Он является автором теории воспитания «новой породы людей», призванной нести государственную службу, исполняя свой долг перед государем и отечеством. Сущностные особенности « людей новой породы», по его теории, – благородство и честь, личное мужество и преданность монарху, олицетворяющему государство.

Дальше пошёл в теории воспитания гражданственности Н. Новиков (1744–1818). Ему принадлежат слова, не потерявшие своей актуальности и сегодня: «Благополучна та страна, где юношество к пользе государя, ко благосостоянию общества, ко преодолению господствующих в народе предрассуждений и к собственному своему благополучию воспитывается» [5, с. 121]. В этом рассуждении по сути сформулирована цель воспитания «подпоры государства». В его работах («Философ», «О воспитании и наставлении детей», «Об эстетическом способе обучения»…) появляется мысль о совершенном человеке. Следуя за ранними просветителями, Новиков в первый период своего творчества проповедовал необходимость наполнить своего воспитанника суммой знаний и моральными правилами, ибо «познание истины должно приводить к любви и исполнению добродетели». Во второй период его педагогическая мысль сложно преодолевала представление о человеке как пассивном объекте. Размышляя о человеке, он в статье «О достоинствах человека в отношении к богу и миру» «венцом природы», звеном в «бесконечной цепи действительно существующих веществ», человек, утверждает философ, одновременно «цель» и «средство», осуществляющее движение к совершенству, он «долженствует своему отечеству и каждому сочеловеку служить и быть полезен» [5, с. 84].

Каков же «совершенный человек» по Новикову?

Его отличают «устремленность к знаниям и нравственному совершенствованию собственной души», … «любовь к отечеству, любовь к благу общественному», … «готовность посвятить имения и жизнь к подкреплению государства и благополучию сограждан». При формировании этих характеристик воспитатель должен учитывать право ребёнка на свободное развитие его природных сил, способностей, мотивов учения («важно, чтобы дети заохочивались к дальнейшему учению для собственной своей и отечества своего пользы») [5, с. 146].

В его педагогической концепции утверждается впервые личная польза и польза государства едины, а «счастливые люди – полезные граждане», они служат совершенству государства. Сильная сторона педагогических идей Новикова – их практическая направленность: семья является естественной средой формирования будущего сына отечества, именно в семье он получает представления о национальных традициях, учится любить родной язык, отечественную культуру, осознаёт собственную принадлежность к своему народу, государству, а знакомство с «достойными историческими достопамятностями, служащими пользе», занятия науками, что «приносят обществу великие пользы», искусством, которое «воздействует на нравственность и внушает общественные идеалы», – всё это «образовывает разум и сердце». Жизненность подходов к воспитанию и обучению детей отражают новые ценностные ориентации: – гражданские права человека и его обязанности перед обществом [5, с. 274].

В последнюю треть XVIII века наблюдается сближение общефилософских, эстетических и педагогических теорий. Наиболее ярко это проявляется в наследии А. Радищева (1749–1802). Центральным звеном в философско-педагогической концепции этого мыслителя является учение о совершенном человеке – «истинном сыне отечества». По Радищеву, категория совершенства является основанием «для иерархии существующих форм бытия: недвижное, вневременное совершенство, совершенство движущегося космоса и земной природы, совершенство человека (физическое и духовно-нравственное) и, наконец, совершенство общества». Человек есть высшая мера совершенства «в земной вещественности». Его стремление к совершенству существует объективно в собственном нравственном мире и

созданном им социуме. Нравственное самосовершенствование является активным, преобразующим жизнь началом. А важнейшие качества совершенного человека – познавательная сила разума, величие души, свободная воля [7, с. 135–142].

Эти теоретические положения определили педагогические изыскания Радищева, который заговорил о воспитании как о творческом, многофункциональном процессе, цель которого – готовить воспитанника для деятельной жизни, формировать любовь к Отечеству, наукам и художествам, развивать творческие способности, нравственность, быть нетерпимым к злу, «стать философом». Такая объёмная целевая установка воспитания «совершенного человека» охватывает физическое воспитание, трудовое, умственное, эстетическое, нравственное. За воспитание несут ответственность семья, общество, государство.

По Радищеву, главный воспитатель – семья: она определяет смыслы жизнедеятельности своего ребёнка, которому надлежит начинать службу «со зрелыми нравами» и помнить, что «нет низкого состояния в служении отечеству».

Человек – существо общественное, поэтому воспитывать его следует в обществе и для общества, которое «вселяет в нас ряд своих мыслей», предъявляет свои требования: исполнение обычаев и нравов, выработанных стремлением человека к общежитию, совершенству; исполнение «гражданских и священных законов», небрежение которых «отлучает человека от добродетели, благодаря которой приобретаем общую доверенность и почтение».

Государство должно прилагать «особливое старание о воспитании», обеспечивая развитие сети образовательных учреждений. Глава государства должен «стремиться возвысить души своих подданных» собственной деятельностью, подвигнуть их «к гражданской службе во всех частях России».

Мысли об ответственности семьи, общества, государства за воспитание молодого поколения, за формирование гражданственности, которая понималась Радищевым как интегрированное качество, определяющее ценностные ориентиры, нравственные убеждения и потребность делать добро, не потеряли своей актуальности и сегодня.

В статье «Беседа, что есть сын отечества» писатель-философ перечисляет «качества истинного гражданина», что создаются «воспитанием и просвещением»: это трудолюбие и прилежание, «охота благотворить всем и умное сострадание», любовь к Отечеству и «также к наукам и художествам», причем подчеркивается, что любовь к Отечеству – действенна, а науки должны научать «человека его обязанностям».

Автор считает необходимым изменение «системы общественного воспитания» на правилах гражданственности – любви к Отечеству, – тогда «успехи воспитания, восходящие к предложенной цели исполинскими шагами, будут встречены просвещённой Европой с изумлением» [1, с. 381].

Интересным фактом в системе развития воспитания и образования в России были в этот период публикации двух статей Н. Карамзина: «Нечто о науках, искусствах и просвещении», «О любви к Отечеству и национальной гордости» и работы П. Плавильщикова «Нечто о врожденном свойстве душ российских».

Возникшая между авторами дискуссия по проблемам русского национального характера включила в орбиту споров вопросы воспитания россиян. И писатель, историк Карамзин, и драматург, педагог Плавильщиков считали просвещение гарантом развития нации, но на частные вопросы воспитания их взгляды разнились.

Определяя долг человека перед Отечеством, Карамзин писал: « Все могут и должны служить отечеству. Герой разит неприятелей или хранит порядок внутренний, судья спасает невинность, отец образует детей, учёный распространяет круг сведений, богатый сооружает монументы благотворения, господин печётся о своих поданных, владелец способствует успехам земледелия – все равно полезны государству.» Однако он утверждал: «Душа и просвещенный образ всего народа – просвещённое дворянство» [3, с. 91–92].

Просвещённый человек- патриот. Опорой патриотизма является любовь к отечеству, гордость его славой. Патриот «отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости,» радуется успехам нашей культуры, знает и любит свой язык («…язык нужен для патриота.»)…

Воспитание и распространение просвещения – способ совершенствования человеческой души, гармонизации отношения человека с миром, сила , преобразующая духовное и социальное бытие [3, с. 44–46].

Анализ статей Карамзина в педагогическом аспекте даёт основание сформулировать выдвигаемые им задачи, стоящие перед государством в области просвещения: воспитание патриота, человека долга, понимающего социальную значи-

мость образования и личного совершенствования как условия благоденствия страны.

Если Карамзин полагал: дворянству «слава и счастье отечества особенно драгоценны», то Плавильщиков считал, что стяжал « славу России под Полтавой, Берлином, Колунной и Чесмой русский человек», включая в это понятие все сословия. Он выступил с резкой критикой дворянского космополитизма, «язва модного воспитания», по его мнению, явилась результатом стремления правящих кругов отгородиться от простого народа, хранителя нравственных и национальных традиций.

Поднимая вопросы образования и воспитания, Плавильщиков твёрдо выступал против засилья иностранных учителей, приехавших в Россию в поисках лёгкого заработка. Эти учителя не знают истории страны, не могут понять её настоящего, не знают или плохо знают язык, родной для их воспитанников, которые, веря воспитателю – иностранцу, привыкают «презирать Россию и пленяться иностранным». Заключает свои размышления о домашнем дворянском воспитании Плавильщиков словами: «…язва модного воспитания, низкопоклонство пред иностранщиной, заразило большую часть дворянства, в которых науки и художества должны обретать своих покровителей, и до того довела некоторых именем знатности облечённых, что они об русском и слушать не хотят.» [1, с. 233].

Основываясь на особенностях национального характера (беглость ума, природное любопытство, интерес к неизведанному.), писатель-публицист, как истинный просветитель, ратует за русских учителей – наставников юношества и призывает их знать своё отечество «исторически, географически, философски», ибо ценность человека и его деятельности определяется связью с отечеством.

Внимание в процессе полемики к проблемам национального характера способствовало тому, что абстрактный идеал совершенного человека наполнился конкретно-историческим содержанием, и вывело дискуссию на воспитание патриотизма.

Понятие «патриот», как утверждают авторы названных статей, многозначно: его отличает «физическая, моральная и политическая любовь к отечеству», гордость принадлежностью к своей науке, к славе своей страны, её культуре, чувство собственного достоинства. Всё это достигается просвещением ума и сердца.

Анализ работ просветителей XVIII века в аспекте проблемы воспитания гражданина позволили проследить его эволюцию: совершенный человек – добродетельная просвещенная науками личность – истинный сын отечества – патриот.

Пройден путь от воспитания гражданина на основе абстрактных добродетелей к воспитанию патриота России с учётом конкретных особенностей русского национального характера.

При всех издержках домашнего воспитания и государственного образования в XVIII веке следует констатировать: последующие исторические события засвидетельствовали, что выдвинутые просветителями задачи воспитания гражданина-патриота выполнены и подтверждены подвигом русского человека в Отечественной войне 1812 года. Её герои, чьи портреты составляют «Военную галерею» в Эрмитаже, а это более трёхсот генералов, воспитывались в 80-е, 90-е годы XVIII столетия.

Библиографический список

1. Избранные произведения мыслителей второй половины XVIII века в 2-х томах – М., 1952.

2. *Кантемир А.Д.* Собрание сочинений: В 2 т. – Л., 1956.

3. *Карамзин Н.М.* Избранные статьи, письма – М., 1982.

4. *Ломоносов М.В.* Собрание сочинений – М.; Л., 1959.

5. *Новиков Н.И.* «Смеющейся Демокрит» – М., 1985.

6. *Прокопович Ф.* Избранные сочинения – М.; Л., 1961.

7. *Радищев А.Н.* Собрание сочинений: В 3 т. – М.; Л., 1952.

Ю.П. Щербакова

РЕКЛАМА КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Феномен рекламы в современном мире характеризуется, прежде всего, своей комплексностью и многоаспектностью. Реклама – это и прагматическое явление, основной целью которого является стимулирование сбыта товаров на рынке, и социокультурное явление, регулирующее социальные отношения, транслирующее и воспроизводящее ценности, нормы, формирующее мотивы и потребности человека в обществе. Совокупность данных целей и задач реализовывается в рекламе через рекламные информационные сообщения. С позиций семиотики любое сообщение, любой текст, любой элемент коммуникации – это знак, обладающий определенными характеристиками. В рамках семиотического подхода любой знак – система связей и взаимодействий составляющих его элементов. Он функционирует во внешней знаковой среде и является выразителем культурного наследия той или иной страны.

В рекламе знаком можно считать как рекламный материал в целом (макет, ролик, постер, билборд), так и составляющие его элементы: изображения (фон, герои, цвета), текст (слова, стиль, пунктуация, шрифты), звук (голос, музыка, звуковые эффекты. Рекламное сообщение представляет собой сложный знак, состоящий из составляющих его простых знаков, смысл и назначение которого сложились в ходе историко-культурного развития того или иного народа.

Рассматривая рекламу как знаково-символическую систему необходимо отметить, что становление рекламы как семиотической системы является одним из важных аспектов формирования современной рекламной деятельности. Понимание причин и механизмов развития рекламы возможно только в ходе анализа культурно-исторического процесса.

Зарождения рекламы произошло на самых ранних этапах развития человеческого общества и создаваемых в нем знаковых систем. Начальный этап развития рекламы называется протореклама (от греч. protos – первый). Протореклама представляла собой совокупность культурных предпосылок развития современной рекламы. Как любая знаковая система протореклама представляла собой набор аудио-визуальных средств воздействия на людей, которые позволяли человеку ориентироваться в окружающем мире. Набор таких знаков формировал сознание, мышление и мировоззрение первобытного человека.

Сознание человека в условиях общинного порядка было общинным, а не индивидуальным. В условиях страха перед необъяснимыми природными явлениями появляется образ общего прародителя. Первобытное сообщество верит, что дух прародителя помогает своим потомкам выжить в опасном природном мире, охраняет их. Символ первопредка становится первым знаком, в котором ярко проявились протореклама черты. Прежде всего, это сигнал другим людям, говорящий о принадлежности к тому или иному племени. Наличие символа первопредка враждебного племени говорило об опасности, привлекало и заостряло внимание на важных деталях. Родоплеменные символы представляли собой всевозможные маски, амулеты, обереги, тотемы. С развитием обществ количество таких символов увеличивалось. Некоторые из них полностью сохраняли свое сакральное значение, другие теряли его в той или иной степени.

Сигнальная функция знаков и символов в первобытном обществе развилась в демонстративную. Отличие между ними заключается в том, что демонстративное воздействие более продолжительно и может влиять на получателя сообщения в течение неопределенного количества времени. Наиболее полно эта функция протореклама проявляется в самопрезентации, когда человек объясняет свое отличие от остальных членов общины при помощи внешних индикаторов – раскраски, одежды, маски и т.п. Так, К. Леви-Строс рассматривал маски в первобытнообщинном строе не столько как объекты материальной культуры, сколько как символы, имеющие социальное и культурное значение и выполняющие социальные и религиозные функции [1].

Со временем количество используемых человеком символов все больше расширялось для того, чтобы подтверждать закономерность существовавшей картины мира. Знаковая система, которая использовалась в данный период постепенно закреплялась при помощи традиций, обрядов, в ней появлялись новые, дополнительные значе-

© Ю.П. Щербакова, 2006

ния. Все это помогало человеку выделить себя из ряда других членов сообщества, а также отделить «своих» от «чужих». Таким образом, такое использование знаковой системы стало началом процесса индивидуализации в обществе.

В этот же период развития общества появляется символизация обыденных предметов – то, что широко распространено в современной рекламе. М. Мосс, рассматривая процесс дарения в первобытных обществах, говорит о том, что во время дарения всевозможного «потлача» (маски, талисманы и т.п.) человек, прежде всего, дает (и получает в ответ) знаки внимания. При этом, чем красочнее он распишет достоинства подарка, тем более счастлив получающий его [2].

Дальнейшее усложнение знаковой системы (визуальные, звуковые символы) определило развитие речи и мышления, привело к появлению письменности и искусства как областей духовной культуры человека. Система социальных отношений, также усложняясь, приводит к выработке норм регулирования поведения людей. Первыми такими формами считаются табу, как морально-нравственные запреты на определенные действия. Таким образом, можно говорить об усложнении информационного обмена в обществе за счет развития вербальных средств коммуникации и четко структурированного и регламентированного (в мифах, обычаях, табу, носивших религиозный характер) поведения. Эта информация стала передаваться из поколения в поколение и собственно явилась основой для дальнейшего развития человеческой культуры.

С развитием и усложнением социально-экономических и духовных процессов (включая религиозные и проторекламные элементы) численность человеческих общин значительно возрастает. Люди начинают осваивать прилегающие к их поселениям территории, формируются города, население которых постепенно растет. Именно с развитием городов начинается формирование феномена массовой коммуникации и рекламы как ее вида.

Считается, что первыми, кто стал профессионально заниматься рекламным делом, стали глашатаи античных городов. Именно они, поначалу неосознанно, стали создавать устойчивые образцы рекламных текстов, а затем и классифицировать их согласно ситуации и товару. Ведущим и наиболее распространенным жанром рекламы в античности стали устные объявления, которые объединили в себе набор словесных, звуковых и изобразительных средств для максимально эффективного воздействия на аудиторию. Основной задачей таких объявлений стало влияние на человека путем привлечения его внимания и последующего способствования определенным действиям с его стороны.

Широко использовались и другие, отличные от вербальных, рекламные приемы, например, вывески с предметно-символическим содержанием, на которых изображался либо продаваемый товар, либо связанные с ним предметы. Так, перед торговым местом раскладывались овощи и фрукты, чтобы определить сферу деятельности торговца. В настоящее время правильное представление продаваемых продуктов является составляющей маркетинговых коммуникаций – мерчендайзингом. Во втором случае вывеска основывается на приеме символизации, т.е. через изображение одного предмета сообщается о другом. Такие приемы символизации использовались и в создании фирменных знаков, которые античные ремесленники ставили на свой товар. Они послужили прообразом современных логотипов и торговых марок.

Дальнейшее развитие рекламная деятельность получает в период средневековья, характеризующийся появлением новых социальных, экономических, политических условий. Доминантным признаком европейского средневековья стало масштабное распространение и абсолютный диктат христианской религии не только в сфере религиозных отношений, но и в повседневной жизни людей. Религиозные постулаты формировали массовое сознание людей так, чтобы оно соответствовало господствующим теологическим нормам. Достигалось это за счет выработки системы мер воздействия на социум через социальные, психологические, политические действия, влияющие на все социальные слои.

Одной из составляющих этого воздействия стала система демонстративных методов, направленных на укрепление христианской веры через ее эмоциональное постижение. Постепенно христианство увеличивало элементы демонстративности за счет роскошного убранства помещений, проведения массовых религиозных обрядов, зрелищ и представлений.

Рекламная и религиозная деятельность в средневековом обществе очень тесно взаимодействуют. Население городов информируется о предстоящих массовых религиозных шествиях, о ре-

лигиозных постановках-мистериях. Церковные сановники зачастую пользовались услугами глашатаев в средневековом городе или возлагали эти функции на одного из служителей храма.

Рекламная семиотическая система средневековья обогатилась и за счет развития геральдики. На гербах и в девизах знатных родов, городов, религиозных орденов и купеческих братств для создания определенного образа используются символы, характеризующие храбрость, силу, отвагу, а также религиозное смирение, служение богу и зависимость от него.

В средневековье начинает развиваться и массовая печатная реклама. В 1451 году И. Гуттенберг изобрел печатный станок и первой отпечатанной продукцией стала, учитывая культуру средневековья, Библия. Прошло 22 года и появилось первое печатное рекламное объявление. Его текст был помещен на двери одной из церквей в Лондоне и информировал о продаже прихожанам молитвенника. На протяжении второй половины XV века типографии распространяются по всей Европе [3].

Появление типографий стало одним из факторов дальнейшего развития рекламы: возможность массового производства и распространения печатной продукции привело к ускорению информационного обмена и появлению таких рекламных жанров как печатное объявление, каталог, отпечатанные летучие листки и афиши и т.д. Типографический способ производства печатных материалов способствовал быстрому развитию прессы, при этом многие газеты и журналы стали существовать за счет рекламных объявлений, в них размещаемых. Они были заинтересованы в привлечении рекламодателей, поэтому некоторые из них распространяли часть тиража бесплатно. Одной из первых подобную акцию осуществила газета «City Mercury», когда в 1673 году сообщила читателям, что один раз в неделю тысяча экземпляров будет распространяться бесплатно в наиболее людных местах английской столицы [4].

Современное понимание рекламы складывается к середине XIX века, когда социально-экономические и технические предпосылки позволили максимально эффективно использовать вербальные и визуальные рекламные средства. Так, в 1839 г. в газетах появились первые фотографии, что сразу же было использовано рекламистами того времени. Внедрение новых технологий, дальнейшее развитие массового производства, использование средств массовой информации для получения личной экономической выгоды, развитие торговых марок и фирменных знаков – все это влияло на становление американского и европейского общества и культуры.

Как мы видим, становление рекламы как семиотической системы проходило на протяжении всего процесса эволюции человеческого общества. Согласно Ч. Пирсу в подобной системе можно выделить три вида знаков – индексы, иконы и символы. Существование индекса находится в прямой зависимости от существования объекта индексации, в случае его исчезновения исчезает и сам индекс, его значение. В рекламе индексы часто используются в демонстративных частях рекламных сообщений для того, чтобы наглядно показать преимущества и принципы действия рекламируемого товара. Особенно эффективное использование таких знаков происходит в случае, если до потребителя необходимо довести информацию об определенных свойствах товара, но очень сложно продемонстрировать их напрямую (например, свежесть и чистота).

Иконический знак репрезентирует объект или его деталь и даже может совпадать с ними и замещать их. Он не только обозначает свой объект, но и отражает его, тем самым, становясь его «непосредственным образом». Это способствует увеличению информации, поскольку возникает более содержательная система, чем простой условный знак. В рекламе иконические знаки – это сами изображения рекламируемого товара, изображения людей, выступающих в роли рекламных героев. Очень часто таким знаком становятся известные личности, участвующие в рекламной кампании, которая строится во многом на использовании их имиджа и авторитета.

Символы находятся в очень условном положении относительно объектов, поэтому для их существования очень важны отношения интерпретации. Символ – «репрезент, который выполняет свою функцию независимо от какого-либо сходства или аналогии и равным образом независимо от фактических связей, но исключительно в силу того, что он интерпретируется как репрезентамен» [5]. Реализуясь через определенный знаковый механизм, символ является частью заданной кодово-символической системы. Сама структура данной системы и символа как ее составляющего направлена на то, чтобы показать общее через частное и рассчитана на активную внутреннюю работу воспринимающего. Смысл

символа таким образом нельзя свести к однозначному конкретному толкованию, а можно лишь пояснить через его соотнесение с другими понятиями. Потому смысл символа можно познать лишь в процессе коммуникации.

Наиболее ярким примером символа в рекламе являются логотипы, основанные на абстрактных визуальных образах. Логотип – оригинальное начертание, визуальное изображение полного или сокращенного наименования фирмы или товаров фирмы, которое ассоциируется у потребителей непосредственно с данной фирмой или товаром. Кроме того, символом в рекламе являются всевозможные бренд-персонажи (люди, звери, фантастические существа или предметы). В рекламе они выступают сквозным собирательным образом бренда во всех рекламных материалах.

Разные исследователи выделяют различные группы символов в рекламе, но пока не существует единых общепринятых принципов деления всего корпуса символов по группам. Однако большинство кладет в основу деления существующие области культуры и связанные с ними ценности, которые транслируются в процессе коммуникации для закрепления общественного опыта. Историки, философы и социологи, занимающиеся исследованием аксиологических аспектов культурно-коммуникационного процесса, выявили, что для каждой эпохи, для каждого народа свойственна собственная градация ценностей, отражающая общемировые тенденции и в то же время сохраняющая свои культурные особенности [6]. На сегодняшний день ряд российских исследователей выделяют следующие основные группы символов, напрямую связанные с различными областями и ценностями культуры: языковые, научные, экономические/финансовые, религиозные, морально-нравственные, эстетические, относящиеся к определенному виду искусства (литература, живопись, скульптура, музыка и так далее), правовые, политические, производственно-технические, спортивные.

А.Ф. Лосев выделяет девять типов символов: научные, философские, художественные, мифологические, религиозные, природно-общественные, человечески-выразительные, идеологические и побудительные, внешне-технические [7]. Основными особенностями религиозных символов являются их многозначность и гораздо более тесная, чем у профанных знаков, связь с обозначаемым. Носители мистического мышления убеждены, что каждый символ такого рода имеет ту же сущность, что и обозначаемый им объект. Поэтому для характеристики природы референции данного типа используется слово «причастность», или «символ», наделенный сверхъестественной силой, способствующий единению человека с потусторонним миром, сопричастный всему множеству своих магических значений.

В настоящее время к рекламе с участием религиозных символов обратились многие производители-рекламодатели. Так, широко известны рекламные кампании мировых брендов Coca-Cola, Benetton, TBN 1, а также российских «Святой источник», шоколадной фабрики «Россия», «Рамблер» и других. Все они были весьма эффективными, прежде всего за счет того, что «идеалы могут устареть, коллективные ценности вызвать чувство пресыщения; религиозное же чувство постоянно вновь и вновь порождает эту «имманентную трансцендентность», которая позволяет объяснить устойчивость обществ и необходимость их дальнейшего развития» [8].

Степень воздействия религиозного визуального символа на людей в рекламной коммуникации зависит от того, насколько хорошо человек понимает символ, знаком ли он со всеми пластами его значений, может ли он декодировать его. Для понимания и прочтения визуальных религиозных символов должен быть в «поле символа» т.е. хотя бы частично воспринимать его значения и быть готовым к их расшифровке. Сделать это можно лишь приняв или изучив культурные ценности, стереотипы, установки, существующие в обществе. Визуализация религиозных символов, на наш взгляд, значительно увеличивает масштабы их воздействия на сообщество. При этом влиянию подобных символов поддаются те люди, которые обладают знаниями о предмете, т.е. религиозной культуре. Учитывая современные тенденции к унификации экономических, политических, идеологических, культурных и т.п. процессов в мире, религиозные символы в рекламной коммуникации могут активно участвовать в процессе сохранения традиционной национальной культуры. Это становится возможным ввиду того, что подобные символы передают базисные мировоззренческие установки, иерархию ценностей и систему знаний о мире, присущих определенной культуре.

Религиозные символы становятся активными участниками процесса развития рекламных коммуникаций как творческого и самобытного

процесса, связанного с изучением и воспроизводством национальных ценностей в контексте социокультурного пространства России. За счет общей культурной традиции визуальные религиозные символы в рекламных сообщениях не отторгаются массовым потребителем. Однако огромное давление СМИ и психологические особенности восприятия рекламных сообщений приводят к тому, что подобные символы в процессе коммуникации теряют часть своего сакрального для аудитории значения. Ценности, заложенные в подобных символах, уже не рассматриваются как напрямую связанные с религиозной культурой. Они либо воспринимаются как общие символы определенной культуры, либо могут пониматься потребителем лишь в контексте одного из их значений. При этом остальные значения полностью отвергаются.

Социокультурное содержание символов в рекламных сообщениях во многом предопределяет понимание и восприятие рекламной информации. Несоответствие смысла символов основной идее рекламного сообщения может привести к формированию негативного отношения к рекламируемому товару и самой рекламе. Потому для проведения эффективных рекламных кампаний необходимо тщательное изучение механизмов восприятия символов в рекламе, а также потенциальных барьеров для их адекватного восприятия.

Примечания

1. *Леви-Строс К.* Путь масок. – М.: Республика, 2000.

2. *Мосс М.* Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества.Обмен.Личность. – М.: «Восточная литература» РАН, 1996.

3. *Люблинский В.С.* Книга в истории человеческого общества. – М., 1972. – С. 118.

4. *Sampson H.* History of Advertizing from the earliest time. – London, 1987. – С. 72.

5. *Портнов А.Н.* Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX веков. – Иваново, 1994. – С. 252.

6. *Клевцова Е.В.* Диалектика ценностей и потребностей в информационном обществе // Анализ гуманитарных проблем современного российского общества: Материалы всероссийской научной интернет-конференции с международным участием / Под ред. С.А. Ветрова и А.Е. Рослякова. – Омск: Из-во Омского гос. ун-та путей сообщения, 2005. – С. 72.

7. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1995. – С. 159–160.

8. *Маффесоли М.* Околдованность мира или божественное социальное // СОЦИО-ЛОГОС / Сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1991. – С. 33.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Белкин П.Н. *ТЕПЛОПРОВОДНОСТЬ:* сборник задач / Рец. А.И. Ласкин, Д.Е. Попов. – Кострома: КГУ, 2006.

***ЛАБОРАТОРНЫЕ РАБОТЫ ПО ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ* / Сост.: В.А. Галафеев, В.С. Розанова, В.Г. Артеменко, А.В. Свиридов. – Кострома: КГУ, 2006. – 91 с.**

***РАСТИТЕЛЬНОСТЬ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ:* учеб. пособие. Ч. 1 / Сост. Е.В. Шипова; рец. Г.А. Семенова. – Кострома: КГУ, 2006.**

Низов В.А., Тихонов С.С. *ПРАКТИКУМ ПО РЕШЕНИЮ ЗАДАЧ НА ЯЗЫКЕ ПРОГРАММИРОВАНИЯ PASCAL (ПРОСТЫЕ ТИПЫ ДАННЫХ):* метод. пособие. Ч. 1 / Рец. А.Б. Белихов, Т.В. Николаева. – Кострома: КГУ, 2006.

Свешников С.Ю. *ПОМОЩНИК КЛАССНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ:* метод. рекомендации в помощь студ. и руководителям пед. практики / Рец. А.Д. Шилик, А.Ф. Ушанов. – Кострома: КГУ, 2006.

В.В. Каширина

СВОЕОБРАЗИЕ АГИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Литературное наследие Оптиной Пустыни до сих пор плохо известно широкому кругу исследователей[1]. Основное внимание историки литературы обращали на влияние оптинского старчества на русскую литературу, однако об оригинальных произведениях, созданных в стенах знаменитой обители, о традициях русской духовной словесности, которые продолжали и развивали оптинские иноки, практически не было сказано.

История Оптиной Пустыни неразрывно связана с историей России, глубже – с историей ее духа. Именно эта небольшая обитель в XIX в. приковала к себе внимание всей России, многочисленных паломников, среди которых были люди выдающейся внутренней культуры и образованности. Глубоким и благотворным было духовное влияние Оптиной Пустыни на творчество Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, братьев Киреевских, К.Н. Леонтьева, С.А. Нилуса и многих других русских писателей, деятелей культуры и искусства. Приезжали в Оптину Пустынь П.И. Чайковский, П.А. Вяземский, А.И. Апухтин, неоднократно посещал Оптину Пустынь Л.Н. Толстой.

В своей литературной деятельности оптинские насельники развивали лучшие традиции древнерусской литературы. Через много лет, как и их знаменитые предшественники, они обратились к жанрам, пришедшим на Русь сразу после принятия христианства. Агиографическая литература получила свое распространение в первые века христианства, когда важно было сохранить для потомков имена и подвиги первых христианских мучеников. Первоначально это были краткие записи, которые постепенно складывались в обширные, яркие, литературно-обработанные повествования о жизни и подвигах святых. На Руси существовали не только переводные памятники, но уже в кон. XI – нач. XII вв. были написаны жития первых русских святых – Бориса и Глеба, Феодосия Печерского. Некоторые исследователи считают житие «жанром не только и не столько литературным, в современном понимании этого слова, сколько церковным»[2].

С течением времени в житиях усиливалось авторское начало, что существенно расширяло жанровые рамки произведения: «Жития, как церковно-служебные произведения, достаточно широко изучались историками церкви, немало работ посвящено житиям как историческим источникам. Но жития прежде всего – произведения древнерусской литературы… Наиболее же отчетливо литературная природа житий проявляется в тех чертах житийных текстов, которые идут вразрез с канонами агиографического жанра»[3]. Самые ранние образцы древнерусских житий изображают конкретного живого человека: «В статьях о чудесах угодников иногда в замечательно ярких очерках выступает частная жизнь наших предков, с их привычками, задушевными мыслями, с их бедами и страданиями»[4].

Изданные в нач. XVIII в. Четьи-Минеи Димитрия Ростовского стали источником для многих русских писателей (А.Н. Радищев, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой).

Литературное житие существенно отличается от жития церковно-исторического. В литературном произведении всегда более сильно выражено авторское начало, присутствует элемент вымысла и субъективности. Для автора же церковно-исторического жития главным является не собственное литературное творчество, а прославление святого, о котором он пишет. В этом смысле авторы церковных житий последовательно сохраняли традиции древнерусской литературы. В то же время житийная литература была постоянно развивающейся, живой формой, позволяющей использовать как традиционные, так и новые литературные приемы. В Оптиной Пустыни были составлены жизнеописания оптинских старцев, которые стали образцами агиографической литературы XIX–XX вв.

Наряду со «сказаниями о жизни и подвигах» и «очерком жизни», наиболее распространенной формой агиографии в Оптиной Пустыни было жизнеописание, позволяющее достоверно рассказать о жизни подвижника. Достоверность повествования подчеркивалась и тем, что жизнеописание составлялось близкими учениками старцев, а также содержало целые блоки воспоминаний современников, отрывки из писем. Во многих жизнеописаниях были указаны источники, кото-

© В.В. Каширина, 2006

рыми пользовался составитель, а также содержалась просьба к читателям присылать в обитель имеющиеся у них материалы. Вместе с тем, жизнеописания предоставляли значительную творческую свободу для авторов.

Среди оптинских агиографов можно выделить тех, которые оказали существенное влияние на развитие этого жанра русской литературы, и с другой стороны – достойно увенчали литературное творчество оптинских иноков. Прежде всего – это Порфирий (Григоров), архимандрит Леонид (Кавелин), иеромонах Климент (Зедергольм), архиепископ Ювеналий (Половцев), Агапит (Беловидов).

Иеромонах **Порфирий (Григоров)** (+15 марта 1851), происходил из дворян Орловской губернии. В 1830 г. он оставил военную службу и в 1832 г. удалился в Задонский Богородицкий монастырь, где поступил под руководство затворника Георгия (Машурина). В скит Оптиной Пустыни поступил 1 июня 1834 г. под руководство старца Льва. С 1837 г. принимал активное участие в книгоиздательстве Оптиной Пустыни. Им подготовлены следующие книги: «Письма в Бозе почившего затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия <Машурина>» (1839), то же – «с присовокуплением краткого известия о жизни его, составленные из записок живших при нем келейных» (1844); жизнеописания схимонаха Феодора (1839), настоятеля Санаксарской обители Феодора Ушакова, Паисия Углицкого монаха и пустынножителя Василиска, монаха Оптиной Пустыни Павла Трунова (1836) и др., работал над составлением жизнеописания преп. Льва (Наголкина).

Главную свою задачу как агиографа о. Порфирий видел в том, чтобы на примере современников показать образцы христианской жизни. В предисловии к жизнеописанию старца затворника Георгия, обращаясь к читателям, он писал: «Взирая на пример, близкий к нам, пусть они видят, что и в наше время еще не истребилась на земле сила живой веры, неотступной молитвы, крепкой борьбы с плотию, миром и диаволом и непрестанного хождения в присутствии Божием»[5].

У Н.В. Гоголя, вероятно, имелось три первых издания Писем затворника Георгия, которые он внимательно читал и использовал в своей работе. В «Выбранных местах из творений св. Отцов и учителей Церкви» имеются две выписки из писем затворника: первая – из издания 1839 г., вторая – из дополненного издания 1844 г.[6]

Кроме того, о третьем издании 1850 г. Н.В. Гоголь писал о. Порфирию 6 марта 1851 г.: «Много благодарю вас и за письмо и за книгу Затворника. Как она пришлась мне кстати в наступивший Великий пост! Много и много уже обязан я и вам и вашей обители и думаю теперь о том, как бы и чем мне показать вам мою признательность. Как мне не ценить братских молитв обо мне, когда без них я бы давно, может быть, погиб. Путь мой очень скользок, и только тогда я могу им пройти, когда будут со всех сторон поддерживать меня молитвами»[7].

По благословению преп. Льва о. Порфирий значительно переработал, дополнил и подготовил к печати жизнеописание схимонаха Феодора (Перехватова), ученика преп. Паисия (Величковского). Схимонах Феодор, вернувшись в Россию из Нямецкого монастыря, способствовал возрождению старчества в России и являлся наставником старца Льва. Работу над составлением жизнеописания о. Феодора под руководством старца Льва начал в Александро-Свирском монастыре молодой послушник Дмитрий Александрович Брянчанинов. Позже эта работа была завершена о. Порфирием.

После смерти старца Льва о. Порфирий стал собирать материалы о его жизни. В 1845 г. в журнале «Маяк» он опубликовал отрывок из рукописи «Жизнь и подвиги Оптиной Пустыни старца иеромонаха Леонида» (в схиме Льва)[8]. В статье содержались «Вопросы ученика и ответы старца», которые позднее вошли во все известные жизнеописания старца Льва.

Архимандрит Леонид, в миру Лев Александрович Кавелин (22 февраля 1822–22 октября 1891), происходил из семьи потомственных калужских дворян. Еще в детстве Лев Александрович вместе с родителями часто посещал Оптину Пустынь. По окончании Московского кадетского корпуса десять лет служил в Волынском полку. Уже в корпусе он проявил наклонность к научно-литературным занятиям, публиковал статьи, повести, рассказы, стихотворения как на светские, так и на религиозные темы.

В 1852 г. в возрасте тридцати лет поступил послушником в Оптину Пустынь. Этот монастырь посоветовал ему Игнатий (Брянчанинов), который был хорошо знаком с Львом Александровичем. В то время в Оптиной Пустыни старчествовали преп. Моисей, Антоний, Макарий. После кончины последнего (1860 г.) Лев Александрович занялся сбором материалов о своем наставнике.

В том же году в «Домашней беседе» была опубликована его заметка «Последние дни оптинского старца иеросхимонаха Макария»[9], которая затем вышла отдельным изданием[10]. А уже через год, в 1861 г. было опубликовано жизнеописание старца «Сказание о жизни и подвигах старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Макария» / Составленное оной же пустыни И<еромонахом> Л<еонидом>, исправления внесены митр. Филаретом. Второе издание книги вышло в 1881 г.

Отличительной чертой всего творчества о. Леонида (Кавелина) было широкое использование исторических источников и свидетельств. По прошествии многих лет, когда были утрачены архивные документы, именно его многочисленные церковно-исторические труды остались единственными историческими источниками. Так и для «Сказания о жизни старца Макария» характерен историзм, который в то же время сочетается с простотой и доступностью изложения. В «Сказании» содержатся многочисленные выписки из «Скитской летописи», сноски с биографическими справками об упоминаемых лицах, отдельный раздел посвящен переписке по поводу издания книг. До сих пор «Сказание» является драгоценным источником по истории оптинского старчества.

В 1863 г. отдельным изданием вышла небольшая монография о. Леонида «Последние дни жизни настоятеля Козельской Оптиной пустыни архим. Моисея», в 1864 – «День годовой памяти покойного архимандрита Оптиной Пустыни Моисея». Отец Леонид трудился над составлением жизнеописания основателя старчества в Оптиной Пустыни преп. Льва. Часть материалов была опубликована в «Историческом описании Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи» (СПб., 1847), а также в статье «Советование к сохранению заповедей: из писем оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва), скончавшегося в 1841» (Б.м., 1860). В рукописях осталось отдельное жизнеописание старца, а также два тома подготовленных к изданию писем преп. Льва (См.: НИОР РГБ. Ф. 214. Опт-370, 371).

Работа по составлению жизнеописания старца Льва была продолжена монахом Оптиной Пустыни **о. Климентом (Зедергольмом)** (1830 – 10 апреля 1878). Выпускник Московского университета, магистр греческой словесности, сын лютеранского пастора, Константин Карлович Зедергольм в 1854 г. был присоединен к православию в скиту Оптиной Пустыни, куда поступил позднее, в 1863 г. В 1870 г. вышло подготовленное им «Жизнеописание настоятеля Малояровславецкого Николаевского монастыря игумена Антония», а в 1876 г. «Жизнеописание старца Оптиной Пустыни иеромонаха Леонида (в схиме Льва).

Отец Климент был духовником и наставником знаменитого писателя и мыслителя К.Н. Леонтьева, который написал о нем прекрасную монографию[11], где, в частности отметил основные черты о. Климента как агиографа: «Жизнеописания отца Леонида и отца Антония составлены очень хорошо. Отец Климент сумел придать своему рассказу ту жизненность, которой, к сожалению, очень часто лишены подобного рода книги. Подвиги и подвиги, смирение, вера, прозорливость и т.д. – вот что мы обыкновенно находим в сочинениях преданных учеников и последователей, когда они решаются говорить о святой жизни духовных наставников, чтимых ими по личной ли близости или по свежему преданию. Редко можно найти в таких жизнеописаниях хотя бы намек на натуру человека, на те душевные и вообще личные особенности его, которыми он как человек, и как истинный деятель отличался от других лиц, сходных с ним по направлению мыслей и жизни»[12]. Отец Климент сумел заметить и показать индивидуальные черты подвижников. А литературный талант автора позволил сделать описание живым и ярким.

Отец Климент вместе с о. Порфирием (Севрюгиным) и Евфимием (Труновым) собирал материалы для составления жизнеописания и другого старца Оптиной Пустыни – преп. схиархимандрита Моисея (Путилова). Поскольку основание своей монашеской жизни преп. Моисей и Антоний положили в Рославльских лесах, то о. Климент заинтересовался этим периодом и работал над составлением «Свода всего напечатанного и по преданию известного о безмолвнолюбивых Рославльских отшельниках и прочих современных им и нам подвижниках», впоследствии эти материалы вошли отдельным приложением в жизнеописание старца Моисея[13], подготовленное **о. Ювеналием (Половцевым)** (21 октября 1826 – 12 апреля 1904).

Блестящий военный, отличавшийся искренним благочестием о. Ювеналий, поступил в скит Оптиной Пустыни в 1847 г. Принимал активное участие в книгоиздательской деятельности монастыря. В совершенстве владел английским, немец-

ким, французским языками, а приняв монашество, изучил греческий, латинский и сирийский языки. В предисловии к жизнеописанию преп. Моисея о. Ювеналий отметил основные черты, которые, по его мнению, должны характеризовать жизнеописание: «Полагаю, что задачу жизнеописателя добродетельного мужа составляет не обязанность только обрисовать в общих чертах прекрасную фигуру его нравственного величия, часто недостижимого для простых смертных, а изобразить для духовной пользы читающих его верность в малом (Лк. 16, 10), выражавшуюся в различных случаях жизни, и то как он при помощи Божией, чрез этот подвиг в малом достигал постепенно духовно-великого, – той победы над страстями души и тела, того очищения сердца, которые составляют цель внутренней жизни и деятельности христианина. Имея это в виду, я старался как можно менее пускаться в мои личные рассуждения, а сопоставлять только факты, приводить по возможности более устные или письменные слова самого о. Архимандрита, чтобы читатель сколь возможно яснее видел перед собой самого старца-подвижника и верного раба Христова»[14].

Эти традиции агиографии развивал в своем творчестве архимандрит **Агапит (Беловидов)**[15] (1842 – 23 февраля 1922) – ученик и письмоводитель старца Амвросия, автор многочисленных духовно-литературных трудов. «Жизнеописание в Бозе почившего Троекуровского затворника Илариона Мефодиевича Фокина, основателя Богорочного Иларионовского женского монастыря», составленное о. Агапитом, вышло в 1888 году и было признано лучшим и самым полным житием троекуровского старца. В 1897 г. в Калуге без указания составителя было опубликовано «Жизнеописание старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Илариона», которое приписывают о. Агапиту. В 1898 году в журнале «Душеполезное чтение» было опубликовано жизнеописание оптинского старца-настоятеля схиархимандрита Исаакия (Антимонова). В следующем, 1898 году, «Очерк жизни настоятеля Оптиной Пустыни архимандрита Исаакия» вышел в Москве отдельным изданием. В 1906 году вышло его переложение на современный русский язык «Жития и Писаний Молдавского старца Паисия Величковского» (М., 1847).

Отец Агапит по благословению скитоначальника о. Варсонофия трудился над собиранием жизнеописаний всех похороненных на скитском кладбище. По воспоминаниям современников, составителю удалось собрать «краткие, иногда только в несколько строк, жития всех схороненных на скитском кладбище Оптиной Пустыни братий, но в каждом житии были выражены несколькими словами главные черты подвижнической жизни и смерти этого инока»[16].

Среди агиографических работ о. Агапита особое место занимают составленные им жизнеописания трех столпов оптинского старчества – преподобных Льва, Макария и Амвросия. В начале 1900 г. о. архимандрит составил полное жизнеописание старца иеросхимонаха Амвросия[17]. В предисловии к этой книге он писал: «Первою и главною причиною к составлению предлагаемого жизнеописания оптинского старца, батюшки иеросхимонаха Амвросия, послужил священный долг Оптиной обители сохранить благодарную память о своем родном дорогом старце и великом благодетеле, изливавшем милости свои не только на сожительствовавших с ним отцев и братий, но и на других очень-очень многих лиц, вдали от него живших. Во-вторых, желалось составить жизнеописание старца возможно полное, собрав разные о нем сведения, появлявшиеся в печати в разное время и в разных духовных журналах, а также и в рукописях, и устные о нем рассказы близких к нему лиц. Наконец, в-третьих, хотелось представить сведения о жизни старца, тщательно проверенные, так как во всех, доселе вышедших жизнеописаниях его замечаются погрешности»[18].

В 1901 г. о. Агапит начал работать над составлением жизнеописания старца Макария, которое было издано только в 1997 г.[19]

Как и для его предшественников, о. Агапиту было важно собрать и обобщить все свидетельства о жизни старца, что обеспечивало достоверность и подлинность повествования, характерных для агиографических произведений. Привлечение в жизнеописание воспоминаний близких учеников и очевидцев придавало динамичный характер повествованию, а литературный талант о. Агапита ставил его творения в число литературных произведений нач. XX в. Кроме того, собственный духовный опыт позволял ему отобрать самое ценное и назидательное для читателей.

Архимандрит Агапит существенно переработал и дополнил «Жизнеописание оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва)», составленное о. Климентом (Зедергольмом). По сравнению с предыдущим жизнеописанием, новое

было значительно дополнено[20]. Жизнеописание старца было опубликовано накануне революции в 1917 г. в типографии Шамординского монастыря.

Оптинские агиографы заимствовали как характерные черты древнерусских житий, так и творчески осмыслили современные им литературные образцы.

Установка на подлинность и достоверность повествования, характерные для древнерусских житий, были отличительными чертами оптинской агиографии. Жизнеописания, как правило, были составлены вскоре после кончины старцев. В каждом жизнеописании подробно перечислялись все источники, среди которых одними из основных являлись воспоминания ближайших учеников и последователей старцев, выписки из Летописи Оптиной Пустыни, а также собственные письма старцев и другие исторические документы. Повествование традиционно начиналось с молодых лет и оканчивалось блаженной кончиной, после чего в ряде случаев приводились случаи чудесной помощи и исцелений по молитвам почившего старца.

В то же время, различные воспоминания, авторские отступления вносили в повествование живой и яркий элемент, делали жизнеописание не только назидательным, но и увлекательным чтением.

Примечания

[1] Можно указать несколько работ, посвященных анализу литературного наследия Оптинских старцев, написанных в кон. XIX – нач. XX в.: *Соколов Д.Д.* К литературной деятельности Оптиной Пустыни. Калуга, 1898; *Никодим (Кононов), архим.* Старцы: отец Паисий Величковский и отец Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность. – М.: Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 1909. Опубликовано также в кн.: Отечественные подвижники благочестия XVIII–XIX вв. – М., 1906–1912. (переиздано репр.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1996). Сентябрь. – С. 452–620.

[2] *Миняева С.В.* Жанровое своеобразие жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких: методологический аспект // Мир житий. – М., 2002. – С. 195.

[3] *Дмитриев Л.А.* Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. – Л.,1973. – С. 7.

[4] *Буслаев Ф.И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. – М., 1861. – Стлб. 736.

[5] Письма в Бозе почившего затворника Задонского Богородицкого монастыря, Георгия, с присовокуплением краткого известия о жизни его, составленные из записок живших при нем келейных, собранные Козельской Введенской Оптиной Пустыни монахом Порфирием (Григоровым): В трех частях. –СПб., 1894. – С. VII.

[6] *Гоголь Н.В.* Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви // Н.В. Гоголь Собрание сочинений: В 9 т. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 8. – С. 514–516, 558 (Комментарии: 844–845, 851).

[7] Там же. – С. 497.

[8] Маяк. – 1845. – Вып. XXII.

[9] *Леонид (Кавелин), иером.* Последние дни оптинского старца иеросхимонаха Макария // Домашняя беседа. – 1860. – Вып. 47–48.

[10] *Леонид (Кавелин), иером.* Последние дни оптинского старца иеросхимонаха Макария. – М., 1860.

[11] *Леонтьев К.Н.* Отец Климен Зедергольм иеромонах Оптиной Пустыни (с приложением его писем) // Русский вестник. – 1879. – Кн. XI–XII. Отдельным изданием вышло в Варшаве, 1880. 2-е изд.: М., 1882. 3-е изд.: Шамордино, 1908. 4-е изд.: Шамордино, 1915. Леонтьев К.Н. является автором небольшой статьи и о старце Амвросии: Оптинский старец Амвросий // Гражданин. – 1891. – Ноябрь.

[12] *Константин Леонтьев.* Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни. – М.: Талан, 1997. – С. 43–44.

[13] Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. – М., 1882.

[14] Житие преподобного схиархимандрита Моисея (Путилова). – Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1992. – С. 9.

[15] Жизнеописание архимандрита Агапита (Беловидова) см. в кн. «Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Макария». – М.: «Отчий дом», 1997. – С. 400–413.

[16] Цит. по: Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Макария. – М.: «Отчий дом», 1997. – С. 405. Воспоминания принадлежат духовной дочери оптинских старцев Анатолия (Потапова) и Никона (Беляева), которая ссылается на рукопись-автограф о. Агапита, которая попала к ней в 1928 г.

[17] *<Агапит (Беловидов), архим.>* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия, в двух частях. – М., 1900. Репринт: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. Переиздание:

Житие преподобного Амвросия старца оптинского. – Изд. Свято-Введенской Оптиной Пустыни, 1999.

[18] Жизнеописание в Бозе почившего старца иеросхимонаха Амвросия с его портретом и факсимиле: В 2 ч. / Сост. о. Агапит (Беловидов), схиарх. – Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1992 (репринт с изд. 1900). – С. 1.

[19] Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Макария. – М.: Отчий дом, 1997.

[20] Жизнеописание оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва) / <Сост. Агапит (Беловидов), архим.> – Шамордино, 1917.

В.В. Фалин

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Особенностью современного этапа развития как отдельных стран, так и мира в целом является повышение степени интенсивности информационного взаимодействия между различными социальными субъектами. Практически общепризнанным является факт значимости информации, связанный с особой ролью, которую она приобрела в конце двадцатого и в начале двадцать первого века. Активное становление и институционализация целого ряда социально-коммуникативных практик выдвигает в число наиболее актуальных в современном обществе вопрос о выборе коммуникационных стратегий, задающих направление процессу интеграции России в единое информационное пространство, и в то же время обеспечивающих социальную стабильность, учитывающих специфику российской культуры и менталитета, влияние стереотипов советского периода истории. В этом контексте приобретает особую значимость задача выявления связи этих стратегий с аксиологическими факторами, являющимися составной частью мировоззрения участников коммуникационного процесса.

Теория социальной коммуникации имеет интегративный, междисциплинарный характер, что обусловлено спецификой ее предметной области. Междисциплинарность проявляется в наличии большого числа подходов к определению содержания базовых понятий. Это относится, в том числе, и к самому концепту «социальная коммуникация». Вслед за А.В. Соколовым и рядом других исследователей мы определяем социальную коммуникацию как «движение смыслов в социальном времени и социальном пространстве» [4, с. 27]. Преимуществом этой дефиниции является достаточно большой объем используемых в ней логических понятий («движение», «смысл» и т.д.). Это позволяет избежать редукционизма, возникающего при опоре на понятия «информация», «канал», «коммуникатор», «коммуникант» и т.д.

Категория «смысл» включает в себя такие элементы, как ценности, идеалы и т.д. Кроме того, в нее входит также и информация, рассматриваемая как совокупность знаний о социальной реальности. При этом важно четко различать знания о ценностях, которые являются информацией (в соответствии с нашим определением), от самих ценностей. Поскольку понятие «смысл», включающее в себя ценности, предметы веры, убеждения, идеалы, оказывается богаче по своему содержанию, чем понятие «информация», анализ социальной коммуникации с использованием категории «смысл» позволяет лучше отразить реальные процессы в социуме. Отметим, что ценности и идеалы являются предметом изучения аксиологии как философской дисциплины.

Движение смыслов также может быть понято в широком философском контексте. Это не просто обмен информацией, как принято представлять коммуникацию в кибернетическом подходе. Движение смыслов может быть рассмотрено как передача ценностей, убеждений, предметов веры и т.д. от одного человека к другому. Термин «передача» здесь условен, т.к. изменение аттитюдов, ценностных ориентаций является следствием субъектной активности, не детерминированной полностью содержанием коммуникативного сообщения. Линейное, механическое представление этого процесса неоправданно сужает область рассматриваемых феноменов и искажает реальность.

Источник сообщения (коммуникатор) – это, как правило, активная сторона в процессе коммуникации, он инициирует передачу смысла (исключение составляют процессы подражания). Однако и получатель (реципиент), вообще говоря, также

© В.В. Фалин, 2006

является активной стороной, т.е. проявляет свою субъектность как специфически человеческое качество, означающее способность к совершению осмысленного выбора способа реагирования на коммуникативный стимул. Может иметь место и обратное, когда реципиент не является полноценным субъектом коммуникационного взаимодействия, тогда он может рассматриваться как объект воздействия. В этом случае вполне уместно считать, что движение смыслов состоялась не в полной мере, с меньшей эффективностью.

Передача ценностей и убеждений в данном случае также может иметь место, т.к. они могут быть усвоены субъектом (человеком или группой) не только сознательно. Ценности – это «культурные ориентиры, которые складываются у определенной группы людей в течение длительного периода жизни» [5, с. 131]. Кроме того, у людей имеются бессознательные установки, стереотипы и т.д. Однако считая, что ценности – это осознаваемые культурные ориентиры, мы придем к выводу, что изменение системы ценностей также должно происходить вполне осознанно.

Результатом этого изменения должна быть новая, трансформированная система, в которой исчезают некоторые элементы, появляются новые, формируются новые связи и отношения. Речь идет, в частности, об отношении новых ценностных ориентиров к прежними. Поскольку эти ориентиры являются вполне осознанными, возникающие между ними связи также могут быть построены только сознательно. С другой стороны, исчезновение некоторых ценностей означает разрушение прежних связей, что может отразиться на стабильности системы в целом. Этим отношениям должна быть найдена адекватная замена – тогда результатом процесса изменения будет не разрушение системы как таковой, а трансформация, замена ее новой. Сознательность этого процесса необходимо предполагает субъектный статус носителя ценностей и убеждений.

Так, идеалом западной гуманистической психологии является человек, обретающий себя как личность именно вследствие того, что сам строит свою социальную активность (самоактуализация). В традиционных религиозных культурах (в отличие от псевдорелигиозных экстремистских течений) также всегда уважалась свобода духовного самоопределения человека.

Трансляция ценностей и убеждений, осуществляемая без учета этой свободы, на субъектобъектном уровне (одним из крайних вариантов этого процесса является информационная война), часто не оставляет реципиенту возможности сохранить свою систему ценностных ориентаций даже в трансформированном виде. В результате может возникать, в частности, внутренний конфликт между сознательными и бессознательными установками [7, с. 159–160]. Это неизбежно уменьшает внутреннюю стабильность личности или социальной группы. Исследование процесса адаптации личности к новой для нее культурной среде (и, соответственно, новой системе культурных ценностей), позволяет говорить о возникающем состоянии внутреннего кризиса, называемого «культурным шоком» [3, с. 122–129]. Некоторые деструктивные последствия могут проявиться и в отдаленной перспективе – спустя десятилетия, в процессе смены поколений.

Поэтому наиболее эффективной в стратегическом плане (обеспечивающей условия для сохранения стабильности общества как социальной системы) можно считать такую передачу ценностей, которая осуществляется на сознательном уровне, когда оба участника коммуникационного процесса имеют субъектный статус, т.е. в процессе диалога. Именно этот случай важен для социально-коммуникативных практик, ориентированных на долгосрочный результат (прежде всего – это связи с общественностью).

Таким образом, эффективная в стратегическом плане передача (трансляция) ценностей не может происходить в том случае, когда реципиент является объектом воздействия. В этой связи является важным вопрос о том, от чего зависит способность реципиента к сознательному принятию тех или иных ценностей. Очевидно, что этот вопрос затрагивает сферу психологии коммуникаций и речь здесь должна идти о различных психологических состояниях реципиента. В его роли может выступать отдельный человек – в этом случае можно говорить о психическом здоровье, возрасте, уровне личностной и гражданской зрелости, как о факторах, определяющих готовность к полноценному коммуникационному процессу. Реципиентом может быть группа людей, и в этом случае, помимо вышеперечисленного, необходимо говорить о феномене массового сознания, эффекте толпы и т.д.

Важную роль в обеспечении эффективности коммуникационного процесса является характер взаимодействия между отправителем и получате-

лем сообщений. Коммуникатор формирует сообщение, адресованное получателю. Однако непосредственная передача некоторого внутреннего смыслового содержания от одного субъекта к другому невозможна – в этом едины практически все авторы. Данное обстоятельство имеет важное философское значение: в теории коммуникации источник и получатель мыслятся как изолированные друг от друга субъекты (личности или социальные группы). Они отчуждены друг от друга, причем эта отчужденность имеет онтологический характер.

В рамках обычного рассмотрения социальной коммуникации тезис об отчужденности коммуникатора и реципиента объясняет необходимость существования некоторых связующих звеньев между ними, делающих возможным понимание коммуникационного сообщения. Это, прежде всего, процессы кодирования и декодирования. Перевод внутреннего смысла, носителем которого является коммуникатор, в сообщение, и является кодированием. А.Д. Кривоносов так описывает этот процесс (применительно к PR-текстам): «…Кодирование предполагает выбор определенной речевой структуры текста, определяемой стилистико-языковой структурой конкретного жанра. Таким образом, мы говорим о генологическом (жанрообразующем) измерении кодирования в конкретном акте PR-коммуникации» [1, с. 31]. В результате возникает сообщение – «содержание (смысл) передаваемой информации» [1, с. 31]. Реципиент подвергает сообщение декодированию, которое есть «перевод его на язык получателя, который определяется восприятием получателя-адресата» [1, с. 32].

Смысл процессов кодирования и декодирования в действительности является более глубоким, чем принято представлять в рамках кибернетического и близких к нему подходах. А.В. Соколов вводит понятие коммуникационного познания как понимания смысла сообщения, отмечает его сложность: «Коммуникационное познание является творческим познавательным актом, потому что реципиент не только осознает поверхностный и глубинный смыслы сообщения, но и оценивает их с точки зрения этического долженствования и прагматической пользы» [4, с. 34]. Н.В. Шеляпин указывает, что усвоение информации происходит через «призму ценностных установок целевой аудитории» [5, с. 132].

Определение социальной коммуникации как движения смыслов позволяет рассматривать коммуникативный акт в широком мировоззренческом контексте. Такие понятия, как ценности, идеалы, убеждения, входящие в категорию «смысл», одновременно принадлежат к аксиологической подсистеме мировоззрения. Система ценностных ориентаций согласована с базовыми мировоззренческими позициями. В роли такой позиции может выступать, например, избранный субъектом определенный способ решения основного вопроса философии [6, с. 13], религиозные взгляды и др. К. Леви-Стросс считал, что бинарные знаковые системы, включающие в себя пары противоположных понятий, в том числе выражающие собой противоположные ценности – «добро» и «зло», «правда» и «ложь», «свет» и «тьма» и т.д., организуют человеческое поведение [2]. Таким образом, картина мира участвующих в коммуникации субъектов оказывается важным фактором, определяющим характер и содержание коммуникационного процесса.

Действие коммуникационного канала сводится к передаче некоторого сигнала во времени и пространстве. Однако этот объект приобретает определенное социальное значение и становится сообщением исключительно при его интерпретации сознанием (индивидуальным или групповым) субъекта, осуществляющего передачу или прием. Сущность процессов кодирования и декодирования сводится, по сути, к интерпретации смыслов одного субъекта в смысловом пространстве другого. Одно и то же сообщение (один и тот же текст – вербальный, невербальный и т. д.) будет иметь совершенно разное значение в контексте различных картин мира и задаваемых ими систем ценностей. Таким образом, способность к интерпретации коммуникационных сообщений в рамках систем ценностей различных мировоззрений (являющихся, в свою очередь, подсистемами различных культур) является, с одной стороны, одним из качеств эффективного коммуникатора, а с другой стороны – важным элементом подготовки реципиента.

Мировоззренческие представления лежат в основе отношения человека к миру и другим людям, которое проявляется в том числе и в его коммуникативной активности. В частности, позиция коммуникатора, выражающаяся в оценке целесообразности отношения к реципиенту как к субъекту, способному выражать собственные интересы, которые необходимо уважать, имеет характер некоторой мировоззренческой ценнос-

тной ориентации. Так, например, пропаганда базируется на пренебрежении интересами общественности, сведения ее к безликой социальной среде, объекту воздействия со стороны того, кто управляет пропагандистской машиной. Такая модель коммуникативной деятельности легко вписывается в тоталитарную идеологию, возникающую и оформляющуюся в рамках соответствующего мировоззрения.

Очевидно, что аксиологическая подсистема такого мировоззрения имеет мало общего с демократическими ценностями. В условиях демократии отношение субъекта, инициирующего коммуникацию (прежде всего, конечно, массовую) к реципиенту (общественности) строится в соответствии с принципами признания его субъектности. Эта субъектность проявляется в активности в публичной сфере – символическом пространстве, где происходит свободная дискуссия, обмен мнениями. Именно формирование публичной сферы является необходимым условием существования демократического режима. Однако это условие выполняется, только если участники коммуникативного процесса являются активными субъектами, имеющими свою сознательную позицию и умеющие ее выражать. По мнению А.Д. Кривоносова, «…публичная сфера есть прежде всего демократия в действии, что выявляется в противопоставлении взглядов, мнений, идеологий субъектов. Однако публичная сфера не возникает при наличии свободной прессы, самой свободы слова, – она возникает тогда, когда в обществе появляются более или менее самостоятельные индивиды, способные составить свое собственное мнение о чем-либо, и, что важно, способные определенным образом публично представлять это свое собственное суждение» [1, с. 13].

Можно считать продолжением тоталитарной традиции характерное для современной России и многих демократий Восточной Европы отношение практиков в области социально-коммуникативных технологий к общественности исключительно как к объекту манипуляций. Во всяком случае, мы можем констатировать близость мировоззренческих позиций, лежащих в основе манипулятивных технологий, применяемых в условиях демократии, и пропаганды в условиях авторитарного политического режима. Сходство между ними проявляется в занятой коммуникатором определенной социальной позиции, базирующейся на отказе от признания права (или способности) реципиента самостоятельно ориентироваться в потоке социальной информации и определять свое отношение к фактам и событиям в соответствии с собственной системой ценностей (индивидуальных или групповых).

Таким образом, можно констатировать, что мировоззрение участников социально-коммуникационного процесса (и прежде всего – его аксиологическая подсистема) как одна из важнейших подсистем культуры решает следующие задачи:

– определение статуса каждого участника (субъект или объект), и организация коммуникации в соответствии с этим статусом;

– опосредование информационного обмена и взаимодействия коммуникатора и реципиента, проявляющееся в процессах кодирования и декодирования как интерпретации смыслов.

Отметим, что картина мира не является единственным культурным фактором, определяющим характеристики коммуникативного процесса. Однако мировоззренческое ядро культуры, система наиболее общих представлений человека о мире и о его месте в нем, а также обусловленная конкретным мировоззрением система ценностей (аксиологическая компонента), занимают среди них центральное место.

Выводы

1. В рамках процесса социальной коммуникации наиболее эффективной в стратегическом плане является такая передача ценностей, которая осуществляется на сознательном уровне, когда оба участника коммуникационного процесса имеют субъектный статус, т.е. в процессе диалога. При этом создаются условия для минимизации негативного влияния на стабильность личности или социальной группы, которые являются получателями передаваемой информации (трансляции смыслов).

2. Одинаковое понимание смысла сообщений в процессе социальной коммуникации является условием предсказуемости ее результата. Способность к интерпретации сообщений в рамках систем ценностей различных мировоззрений (являющихся, в свою очередь, подсистемами различных культур) является, с одной стороны, одним из качеств эффективного коммуникатора, а с другой стороны – важным элементом подготовки реципиента.

3. В условиях демократического общества отношение субъекта, инициирующего коммуникацию (прежде всего массовую) к реципиенту (об-

щественности) должно строиться в соответствии с принципом признания его субъектности. Это требование соответствует аксиологическим ориентирам картины мира, в которой демократия рассматривается как самостоятельная ценность.

4. Отношение ряда практиков в области социально-коммуникативных технологий к общественности исключительно как к объекту манипуляций может рассматриваться как результат переноса в условия демократического политического режима ряда черт, присущих авторитарным и тоталитарным политическим системам. При этом коммуникатор занимает социальную позицию, базирующуюся на отказе от признания права (или способности) реципиента самостоятельно ориентироваться в потоке социальной информации и определять свое отношение к фактам и событиям в соответствии с собственной системой ценностей (индивидуальных или групповых). Данная позиция находит свое оправдание в рамках соответствующего мировоззрения, аксиологическая подсистема которого несовместима с демократическими ценностями.

5. Мировоззрение участников социально-коммуникационного процесса (и прежде всего – его аксиологическая подсистема) как одна из важнейших подсистем культуры решает следующие задачи:

– определение статуса каждого участника (субъект или объект), и организация коммуникации в соответствии с этим статусом;

– опосредование информационного обмена и взаимодействия коммуникатора и реципиента, проявляющееся в процессах кодирования и декодирования как интерпретации смыслов.

Библиографический список

1. *Кривоносов А.Д.* PR-текст в системе публичных коммуникаций. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – 254 с.

2. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. – М.: Наука, 1983. – 536 с.

3. *Садохин А.П.* Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. – М.: Альфа-М; Инфра-М, 2004. – 288 с.

4. *Соколов А.В.* Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 461 с.

5. *Шеляпин Н.В.* Психоаналитические компоненты работы с целевой аудиторией // Петербургская школа PR: от теории к практике. Вып. 2: Сб. статей / Отв. ред. А.Д. Кривоносов. – СПб.: Изд-во «Роза мира», 2004. – С. 126–142.

6. *Яковлев И.* Лестница в небо // PR-диалог. – 2004. – № 3. – С. 12–13.

7. *Weawer R.L.* Understanding Interpersonal Communication. – Harper Collins College Publishers, 1996.

Е.Н. Костылев

ЧЕЛОВЕК МЕЖДУ ВЛЕЧЕНИЕМ И МОРАЛЬЮ

Противоречивость природы человека в истории философии выражается в наличии противоположных (биологизаторский и социологизаторский) субстанциальных подходов к пониманию человека. Для современной философии характерно определенное преодоление «антикварного» в ее истории спора о ведущей роли природы (наследственности) или культуры и общества (воспитания) в формировании человека в пользу идеи взаимопроникновения социокультурных и биологических детерминант развития различных качеств человека. Биокультурный подход к рассмотрению природы человека, означающий его со-принадлежность миру природы и миру культуры, может быть реализован при рассмотрении различных аспектов его природы, в том числе сексуальности.

В широком смысле сексуальность определяют как совокупность психических реакций, переживаний, установок и поступков, связанных с проявлением и удовлетворением полового влечения. Приведенное определение, во-первых, указывает на онтологическую неопределенность сексуальности, которая, с одной стороны, есть биологическое, врожденное, обусловленное половым инстинктом влечение, а с другой, система представлений, оценок, поступков, имеющих социокультурный смысл; во-вторых, указывает на то, что проявление сексуальности связано у человека с его психикой и соответствующим поведением. Еще в советской философии были выявлены основные затруднения, возникающие при исследовании взаимосвязи социального и биологического в психике и поведении человека, в ко-

© Е.Н. Костылев, 2006

торых отражается противостояние двух видов детерминирующих факторов, как биологических (инстинктов), так и культурных (социально-исторического – норм морали, религии, права и т.д.).

Инстинкты являются основным биологическим механизмом регуляции индивидуального поведения высших животных (в частности полового), которые служат скрытой от индивидов программой служения роду (в данном случае воспроизводства потомства). В начале антропогенеза гоминиды мало чем отличались от животных по образу жизни, поэтому очевидно, что первоначально регуляция их сексуального поведения осуществлялась исключительно с помощью механизма инстинктов.

Современные науки о поведении свидетельствуют о существовании у современного человека основных базовых инстинктов, в том числе полового [1]. А. Шопенгауэр, не усматривающий различия между сексуальностью человека и половым инстинктом животных, считал, что половой инстинкт человека противоречит его культурной жизни, поскольку «оказывает вредное влияние на самые важные дела и события, ежечасно прерывает самые серьезные занятия, иногда ненадолго смущает самые великие умы, не стесняется непрошенной гостей проникать со своим хламом в совещания государственных мужей и в исследования ученых, …в министерские портфели и философские манускрипты, …поощряет на самые рискованные и дурные дела, разрушает самые дорогие и близкие отношения, разрывает самые прочные узы, требует себе в жертву то жизни и здоровья, то богатства, общественного положения и счастья…» [2, с. 374].

Однако, если бы психика человека была детерминирована только биологическим субстратом, а его поведение регулировалось исключительно инстинктами, то это можно было бы довольно легко выявить. Во-первых, инстинкты представляют эволюционно возникший, видовой, жесткий регулятор поведения, который является общим для всех представителей данного вида, поэтому инстинктивное поведение унифицировано, все особи в одинаковых условиях и ситуациях должны действовать сходным образом. Для человека такое поведение нехарактерно, несмотря на то, что, с точки зрения антропологии и генетики, человечество представляет единую таксономическую единицу [3]. Во-вторых, темпы развития культуры должны были бы совпадать с темпами биологической эволюции человека, что не зафиксировано в исследованиях по данной проблематике. То же самое можно сказать об однозначном определении психики и поведения человека со стороны культуры. Если бы оно существовало, то человек мог бы действовать только по заранее полученной тем или иным способом культурной «инструкции», будучи не в состоянии отвлечься от ее императивов.

Ни один из рассмотренных вариантов поведения для человека в «чистом» виде не характерен. Наоборот, поведению человека присущи неповторимость, уникальность, непредсказуемость и, следовательно, неопределенность. Действительно, один и тот же человек в сходной ситуации может поступать совершенно по-разному. С точки зрения психологии, вариативность поведения, его начало, направленность, активность можно объяснить различными факторами, так или иначе оказывающими воздействие на поведение человека. Эти факторы имеют двоякую природу. По отношению к человеку они могут быть внутренними (его потребности, цели, мотивы и т.д.) или внешними (разного рода стимулы, в том числе культурные). Находясь в ситуации сложного поведенческого выбора, человек руководствуется влечениями, эмоциями, витальными потребностями, чувствами, разумом, принимает решения, отдавая дань традициям или же поступает в соответствии с действующими ценностными абсолютами, нормами права и т.д. Даже этот весьма короткий перечень факторов, оказывающих влияние на мотивации человека и детерминирующих его поведение, показывает, что их природа может быть как биологической (инстинкты, влечения, эмоции), так и культурной (цели, ценности), а *основным свойством поведения человека является его биокультурная неопределенность* (в противоположность идеям об однозначном определении поведения человека врожденными инстинктами или социокультурными императивами).

Такой подход к объяснению сексуальности человека как метаксического (от греч. μεταξύ – между) феномена (между врожденными влечениями и культурой) подразумевает реализацию врожденного полового инстинкта человека под контролем культуры, а не генетических программ, регулирующих половое поведение животных. Наиболее важное значение для управления половым инстинктом имеет нормативная культура (особенно нормы морали и религии), которая

ограничивает поведение человека как сексуального существа социокультурным пространством между врожденным влечением и моралью.

Считается, что социокультурная детерминация сексуальности человека начинается с постановки под контроль полового инстинкта. Ф. Энгельс, вслед за авторитетным исследователем первобытной истории Л. Морганом признает существование состояния, «когда внутри племени господствовали неограниченные половые связи, так что каждая женщина принадлежала каждому мужчине и равным образом каждый мужчина – каждой женщине» [4, с. 37]. Современная наука отрицает существование в первобытном обществе абсолютно нерегулируемого промискуитета, и в ни одном из известных науке современных обществ не зафиксировано полное отсутствие какой-либо упорядоченности сексуальных контактов. Но в то же время многими этнографическими исследованиями подтверждается существование в первобытном обществе кровнородственного брака. Следовательно, ограничение сексуальности некими нормами, правилами не является изначально присущим репродуктивной биологии человека, она сформировалась по мере развития культуры и общества.

Считается, что человек в антропосоциогенезе освободился от «железной руки» инстинктов, которые управляли поведением его предка (Ю.М. Бородай, Ю.И. Семенов, Б.С. Шалютин) [5]. В отличие от животных человек приобрел способность вести себя «по мерке любого вида» (К. Маркс), в связи с чем возникновение его освобожденной от инстинктов психики благодаря жизни в социокультурном мире рассматривается как выход в царство свободы. По мнению Б.С. Шалютина, с возникновением культуры произошла замена инстинктов социокультурными программами поведения, в том числе и сексуального: «Социокультурный мир укореняется как новый тип бытия, как новый онтологический уровень, когда формируется система детерминации индивидуального поведения, **побеждающая** инстинктивную» [6, с. 56]. Ядро нормативной культуры составляет система запретов, посредством которых общество, используя различные социальные институты, стремится унифицировать поведение своих членов. В последнем случае, не смотря на существование полового инстинкта, сексуальное поведение человека становится по сути социокультурным, а «своеобразие эротического изъявления, каким бы желательным оно ни представлялось, есть лишь элемент социокультурного контекста» [7, с. 155].

Одним из первых достижений человеческого предка на пути становления биокультурной природы человека можно считать возникновение экзогамии, что, по мнению Ю.И. Семенова, является необходимым и обязательным признаком человеческого рода [8, с. 58]. Формирующаяся социокультурная сфера управления биологическим воспроизводством потомства включает в себя всевозможные предписания, имеющие в большей или меньшей степени выраженное демографическое значение. Практика управления сексуальностью и репродуктивной сферой жизни человека, уходящая в далекое прошлое, была связана со специальной системой запретов, обычаев, традиций, ритуалов, широко распространенных у разных народов, исключающих временно или в течение всей жизни из процесса размножения ту или иную группу людей (жрецов, охотников и рыболовов – на время промысла, женщин – в период грудного вскармливания и т.д.). Запрет половых отношений между членами одного и того же рода становится одним из первых универсальных запретов, налагаемым культурой на инстинктивную сферу человеческой психики. Уместно вспомнить в связи с этим идею З. Фрейда о том, что вся современная культура отсчитывает начало с категорического запрета на инцест, что стало одним из первых проявлений подчинения природного начала в человеке социокультурному в нем.

Установившаяся в определенный момент человеческой истории повсеместность распространения экзогамии выводит регулирующее воздействие культуры на сферу полового общения первобытного человека за пределы предпочтений отдельных индивидов на популяционный уровень. Нарастающее воздействие культуры, постепенно сужающее круг возможных половых партнеров, последовательно исключало из их числа вначале индивидов разных поколений (родителей и детей), затем братьев и сестер и, наконец, всех членов принадлежащих своему роду [4, с. 42–43]. Взамен сведенного до минимума полового общения внутри рода люди получили возможность полного удовлетворения полового инстинкта путем общения с индивидами соседнего племени (рода). Такая организация междуколлективного отношения полов получила название дуально-родовой [8, с. 561].

Тенденция культурного ограничения возможного круга половых партнеров сохранила свое значение и в последующей истории сексуальности. Так, в католической Европе запрет на браки между одноутробными братьями и сестрами распространился на двоюродных братьев и сестер, а также на лиц, связанных духовной степенью родства [9, с. 21]. Хотя последний запрет и не может иметь столь глубоких биологических последствий, как запрет инцессионных браков, однако в силу масштабности распространения этого явления, запрет сексуальных связей на основаниях, не связанных с родственными отношениями, следует рассматривать как один из видов изоляции, действующих у человека в дополнение к природным ограничениям свободного скрещивания.

Основной формой ограничения группового инцеста, возникшей у древнего человека являлись табу – религиозные или моральные запрещения, согласно Фрейду по своей сути тождественные клиническим случаям навязчивости или невроза – «болезни табу» [9, с. 48]. Всякое табу содержит запрещение непосредственного физического или даже мысленного прикосновения к запрещенному объекту. Так, мальчикам в Меланезии при наступлении определенного возраста запрещается общение с матерью и сестрами, и этот запрет сохраняется в течение всей жизни. Лучшей защитой зарождающихся социокультурных механизмов регуляции сексуальности от разрушающего воздействия инстинктов являются предусмотренные за их проявление наказания. В зависимости от «тяжести» проступка (от мысленного инцеста до его воплощения в действии) нарушитель табу получал наказание в виде временного лишения пищи или даже смертной казни. У народностей мордвы категорически запрещались сексуальные отношения между братом и сестрой, поскольку существовало поверье, что их связь может привести к рождению собаки.

Однако нарушение табу, даже самого жесткого, не обязательно влечет за собой внешнее наказание. Вместе с запретом возникают и специальные действия, названные в психоанализе навязчивыми, «которые вне всякого сомнения по природе своей представляют собой покаяние, искупление, меры защиты и очищения» [9, с. 51]. Установившаяся со времен древнего человека возможность специальными действиями искупить грехи прочно укоренилась в религиозной этике христианства. Обращаясь к своим ученикам перед входом в Иерусалим, И. Христос говорит о неминуемом «поругании и биении и распятии», выступающим здесь, прежде всего не как позорная казнь, а как великое искупительное самопожертвование. В. Купер, исследуя историю телесных наказаний в религиозной практике, приходит к выводу об их одновременном возникновении с грехом (или с момента формирования религии, с ее запретом на определенные действия) как способе расплаты за содеянный поступок. Известно, что с самого начала формирования христианства духовники присвоили себе право сечь кающихся грешников. Смысл чудовищных по своим масштабам физических расправ, охвативших всю средневековую Европу, заключался в умерщвлении плоти как источника сексуального вожделения [10, с. 318]. При этом очень часто глубоко верующий человек, ведущий праведный образ жизни, становился объектом аутоагресии.

Дальнейшее совершенствование и усложнение механизмов нормативной регуляции полового общения происходило в рамках института семьи, который претерпел на протяжении истории человечества значительные преобразования – от группового брака двух тотемических родов до моногамной семьи. Вне зависимости от природы движущей силы изменений семейно-брачных отношений, они подразумевают некоторые преобразования сферы сексуального общения ее участников. Эти преобразования связаны с изменением числа участников брака, целей, условий и правил вступления в брак, норм и правил взаимоотношений между супругами, условий расторжения брачных отношений и т.д. Функционирование этих правил, регулирующих взаимоотношения мужа и жены, позволяют рассматривать семью как явление культуры, в своей сущности заключающее некий перечень ограничений естественного для предка человека промискуитета. Поэтому представляется возможным проследить процесс социализации и аккультурации человеческого полового инстинкта в институте брака и семьи в аспекте меняющегося понимания адюльтера, поскольку половая связь вне брака есть не что иное, как нарушение выработанных против этого культурой запретов.

Во времена существования групповой семьи, когда брак заключался между группой мужчин и женщин, принадлежащих к разным родам, понятие адюльтер теряет привычный для нас смысл, суть которого заключается в моногамных обяза-

тельствах мужа и жены. При этом групповая семья уже несет известную долю ограничений сексуальности, хотя и в виде единственного правила, запрещающего половые отношения между индивидами, принадлежащими к одной тотемической группе. Любой другой мужчина или женщина рассматривается как потенциальный партнер для полового сношения. Более того, право на жену (мужа) мог заявить любой посторонний в племени человек, временно находящийся в группе, естественно при соблюдении всех правил, поддерживающих экзогамию. Эпоха существования группового типа семьи – это время, не знающее ревности, поскольку право на половые отношения с определенной группой женщин (мужчин) наследовалось вместе с тотемом. Это означает, что в групповой брак люди не вступали, они в нем состояли с самого рождения, естественно, с отсрочкой выполнения известных супружеских обязанностей до церемонии инициации.

Ситуация существенно изменяется по мере развития социальных функций семьи, что было тесно связано с расширением деятельности человека и разными социальными ролями, которые в ней отводились мужчине и женщине. Важное значение в становлении патриархата имело возникновение социального отцовства, которое не может существовать без правильного понимания биологической роли мужчины [11, с. 20]. Мужчина эпохи палеолита был готов взять на себя социальный долг отцовства для детей женщины, вызвавшей у него половое влечение. В суровых условиях жизни способность женщин к воспроизводству теряет смысл и ценность (иногда даже нежелательна) без способностей более выносливых мужчин обеспечить потомство пищей. Считается, что благодаря усилиям мужчин человеческий род пережил ледниковый период, что стало причиной укрепления его социального положения [11, с. 21]. Приручение домашних животных, стада которых перешли из собственности рода в частную собственность мужчин, создали неслыханные до того источники богатства, усиливающие влиятельное положение мужа в семье [4, с. 57].

Эти изменения коренным образом преобразуют отношение к адюльтеру. Смысл запрета на внебрачные половые связи женщин, возникшего вместе с патриархатом, заключался не столько в ограничении сексуальности женщины, сколько в гарантии отцовства супруга. С момента осознания своей биологической роли мужчине была очень важна уверенность в том, что его внимание, любовь, забота, а главное имущество, земли или титул станут достоянием родных детей. По словам Б. Рассела, «главным мотивом появления моральных норм в отношениях между полами в западной цивилизации еще до принятия христианства была необходимость обеспечить такую степень добродетельности женщины, без которой существование патриархальной семьи становится невозможным, так как становится невозможным определить, кто отец ребенка» [12, с. 37].

Установившееся господство в общественной жизни интересов мужчин, переносится в сферу семейно брачных отношений, что приводит к ее существенным изменениям. Патриархат впервые вносит в сексуальные отношения человека элемент неравноправия, в форме односторонней (для женщин) моногамии. Жены потеряли инициативу не только непосредственно в сексуальной сфере (это касается и сексуальной активности, и стиля поведения в сексуальных контактах), но и в выборе мужа как единственного законного сексуального партнера. В самых разных культурах Востока даже в настоящее время распространена практика организации брачных союзов по договоренности (часто в форме купли-продажи) мужчины и родителей будущей жены, без учета мнения невесты, часто заочно.

Логическим завершением формирования культурного ограничения полового инстинкта в рамках института семьи и брака можно считать распространение в современном западном мире семьи с участием одного мужчины и одной женщины. К ценностям моногамной семьи относится супружеская верность, означающая утрату права на поиск половых связей вне брака и для мужчин, что стало последним шагом по преодолению былого промискуитета. Существенна в этой связи идея Ю.М. Лотмана о том, что «культура возникает как система дополнительных запретов, накладываемых на физически возможные действия. Сочетание сложных систем брачных запретов и структурно-значимых их нарушений превращает адресата и адресанта брачной коммуникации в личности. Данное Природой: «мужчина и женщина» – сменяется данными Культурой: «только этот и только эта» [13, с. 560]. Однако в современных экономически развитых обществах Запада и в России в условиях демократии происходит либерализация в отношении сексуальных запретов, вследствие чего узаконены из-

менение пола, однополые браки, новые формы группового брака, свободные сексуальные отношения и т.д. Это приводит к ослаблению нормативно-культурной регуляции сексуальных отношений и усилению роли биологических механизмов регуляции полового поведения.

Таким образом, сексуальное поведение человека представляет собой сложную мозаику, в которой переплетаются и биологические, и социокультурные факторы регуляции. Биологическое половое влечение представляет собой энергетический источник полового поведения, выступает в качестве его причины, тогда как разнообразие культуры приводит к разнообразию форм проявления сексуальности и ее оценок, выстраивая тем самым конкретный рисунок сексуального поведения. В социокультурной жизни человека происходит не абсолютное преодоление полового инстинкта, а модификации способов его реализации в виде форм проявления сексуальности, приемлемых для той или иной культуры.

Библиографический список

1. *Палмер Дж., Палмер Л.* Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. – М.; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

2. *Шопенгауэр А.* Метафизика половой любви // А.Шопенгауэр. Избранные произведения. – М.: Просвещение, 1993.

3. *Алексеев В.П.* Человек: эволюция и таксономия. – М.: Наука, 1985.

4. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 21. – М.: Политиздат, 1961.

5. *Бородай Ю.М.* От природно-биологической к социальной и исторической детерминации поведения человека // Биология в познании человека. – М., 1989; *Семенов Ю.И.* Возникновение человеческого общества. – Красноярск, 1962.

6. *Шалютин Б.С.* Становление свободы: от природного к социокультурному бытию. – Курган: Изд-во «Зауралье», 2002.

7. *Голод С.И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. – СПб., Изд-во «Алетейа», 1996.

8. *Семенов Ю.И.* Возникновение человеческого общества. – Красноярск, 1962.

9. *Фрейд З.* Тотем и табу. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.

10. *Купер В.* История розги во всех странах, с древнейших времен и до наших дней. Флагелляции и флагеллаты. – Харьков: СП «Итербук», 1991.

11. *Тэннэхил Р.* Секс в истории / Пер. с англ. А.И. Блейз. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995.

12. *Рассел Б.* Брак и мораль. – М.: Изд-во «Крафт+», 2004.

13. *Лотман Ю.М.* Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума // Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб., 2000.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ ПЕНИЯ: **учеб.-практ. пособие: В 3 ч. Ч. 3: Романсы и песни русских и зарубежных композиторов / Сост.: Н.Ю. Погорелова, А.Э. Разживина, А.М. Яровой; рец. Е.А. Румянцева. – Кострома: КГУ, 2006. – 98 с. – ISBN 5-7591-0721-6.**

Петраков Г.А., Устинова Ю.Ю. ***ЛИЧНОСТЬ В ОРГАНИЗАЦИОННОМ ПОВЕДЕНИИ:*** **учеб. пособие / Рец.: Е.А. Цирульников, Е.М. Карпова. – Кострома, 2006. – 103 с.**

Бишаева А.А. ***ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ВАЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДВИГАТЕЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ К РАБОТЕ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ:*** **метод. рекомендации по дисциплине «Физическая культура» / А.А. Бишаева, В.Н. Зимин, А.А. Пигузов / Рец. Л.А. Назарова. – Кострома: КГУ, 2006.**

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Е.А. Пластинина

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА РОССИИ

Коренная реформа системы госзакупок, начало которой ознаменовалось вступлением силу нового Федерального закона от 21 июля 2005 г. №94-ФЗ. «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», была направлена, в первую очередь, на изменение ситуации в отношениях между представителями государства и коммерческими структурами в указанной сфере. В очередной раз забыв правило «золотой середины», законодатель попытался максимально расширить конкуренцию в данной области, позволив участвовать в процедурах размещения заказов любым заинтересованным лицам. Это породило новые вопросы и, конечно, желание оглянуться назад, у каждого, кто помнит, что все в экономике развивается по спирали.

Публичные торги были известны еще в Древнем Риме. Ими охватывался уже тогда весьма широкий круг отношений, притом иногда с элементами публичного характера: примером могли служить торги по сдаче в аренду городских земель. Для успешного достижения своей цели торги должны были непременно обладать двумя признаками: публичностью (подразумеваем под ней обращение к публике) и состязательностью, которая и давала возможность объявить победителя.

Самый ранний из известных документов о торгах в России датирован 7 июля 1654 года. От имени царя Алексея Михайловича был объявлен Указ о подрядной цене на доставку в Смоленск муки и сухарей. За перевоз различных по весу грузов назначалась разная цена и приглашались возницы, согласные везти груз за такую плату.

Первые законодательные акты, послужившие прообразом правил «публичных» торгов, относятся к эпохе петровских реформ. В контексте тех преобразований развивалось и взаимодействие государства с промышленниками.

Первые объявления о торгах вывешивались на всех городских воротах, что бы лица, входящие и покидающие город, могли с ними ознакомиться. В июне 1714 г. специальным сенатским решением оговаривалось публичное сообщение результатов не только важнейших, но и различных мелких торгов. Необходимо было указывать, кто на что подрядился, по каким ценам и кто поручители. Эти же сведения подавались и в Канцелярию Сената. На воротах же вывешивались и судебные решения, которые зачастую касались итогов несправедливых торгов.

Вопросами поставок и продаж в то время занималась Канцелярия подрядных дел, подчиненная Камер-коллегии. Членам этой коллегии постоянно приходилось помнить об изощренных умах, искавших возможность под видом соблюдения государственного интереса соблюсти и свой собственный.

На городские ворота в июне 1721 г. был вывешен Сенатский Указ о борьбе с подложными ценами и коррупцией в деле поставок и подрядов. При выявлении лиц, получивших за свои подряды слишком высокие цены, нанесших значительные убытки казне, если их вина была доказана, требовалось получить с них «передаточные деньги» (т.н. переплаченные) и известный штраф.

Среди потока реформирующих Указов принимается Регламент Адмиралтейства и Верфи. В его основе лежали изученные и переработанные флотские Регламенты других стран. Вопросы снабжения Адмиралтейства считались одними из важнейших, и инструкции по их решению находились в первой главе документа. Например, п. 15. назывался «Каким образом подрядчиков сыскивать и с ними договариваться». Этот документ можно считать первым правительственным актом, регламентировавшим способ поиска подрядчиков и работы с ними.

В 1732 году был принят новый регламент Камер-коллегии при Анне Иоановне. Он объединил как уже зарекомендовавшие себя поправки и добавления, так и некоторые новые пункты. Наиболее важным введением является рекомендация

© Е.А. Пластинина, 2006

передавать при одинаковых предложениях, подряд жителю того города или губернии, где проводится торг. И в это же время выходят специальные инструкции с требованиями к качеству различных наименований закупок (провиант, сукно, амуниция и т.п.)

Следующий крупный документ – Регул провиантского правления – был утвержден при Елизавете Петровне в 1758 г. Касался он поставок продовольствия, в основном, хлеба. Мелкопоместным дворянам и крестьянам здесь предоставлялось преимущество при получении заказа на поставку. Этим преследовалась цель – убрать купца-посредника. В отношении купцов ужесточались бюрократические требования: обязательно предоставление сведений о доходах и капитале, причем было запрещено набирать заказы на сумму, превышающую стоимость всего своего имущества.

В 1775–1776 гг. была проведена одна из самых радикальных реформ государственного управления в России. Акт, по которому происходило это реформирование, получил название «Учреждение о губерниях» (ст. 118 «О контрактах по подряду, поставках и откупах»).

Первый документ XIX века, представляющий интерес в контексте нашего исследования, появился в сентябре 1800 года. Он определял разницу между подрядами и поставками. Это должно было помочь организаторам торгов готовить необходимые документы и устранять возникающие разночтения. Пересмотр существовавшего законодательства, начавшийся при Александре I, коснулся и регламентирующих документов по «публичным продажам казенных поставок и подрядов».

За первую четверть XIX века было издано 107 правительственных актов, регламентирующих или корректирующих проведение торгов.

В 1802 г. был подписан «Устав о провианте для продовольствия войск», где были новые правила для заключения подрядов. Особое внимание уделялось справочным ценам, для выведения которых собирались справки по ценам во всех уездах губернии (наибольшая, наименьшая и средняя). При проведении торгов стартовой цена была меньшая, при отсутствии желающих – торговались от средней.

В период правления Николая I был принят еще один документ регламентирующий проведение государственных закупок. Он стал известен как «Положение 1830 года» .

В это время одним из вопросов, связанным с поставками и подрядами была – проблема предпочтения предметов европейского или американского производства отечественным. Давала знать о себе политика протекционизма. В 1860 г. публикуется Высочайший Указ – о закупке продукции за рубежом только в случае, если это получить от русских фабрикантов было невозможно.

В то время на практике применялось три способа совершения заготовок и работ для нужд государства. Нормальным считался подряд с торгов, а коммерческое и комиссионное заготовление допускалось только в некоторых отдельных случаях. Сами торги делились на торги с неограниченной конкуренцией и торги с ограниченной конкуренцией – с 1871 г. в военных и морских ведомствах к ним приглашались только известные своей благонадежностью и опытностью промышленники, заводчики, фабриканты и мастеровые.

Таким образом, не смотря на действовавшее Положение 1830 г. большинство государственных учреждений, те у кого была в том необходимость, производили торги по своим правилам, а высшие органы власти были озабочены выработкой и введением общего закона.

В 1890 г. было выработано новое «Положение о подрядах и поставках», которое действовало до Октябрьского переворота 1917 года.

В соответствии с указанным документом торги назначались трех видов: изустные торги – прообраз современного аукциона, проведение торгов через запечатанные объявления – предок конкурсных торгов и смешанные торги – сочетали в себе предварительное предоставление предложений в запечатанных пакетах и дальнейший торг.

Революционные события октября 1917 г. и последовавшие за ними гражданская война ликвидировали саму необходимость публичных торгов на государственные поставки и подряды.

В 1921 г. В.И. Ленин объявляет переход к некоторой реанимации капитализма в новых условиях. Первое советское Положение о поставках и подрядах, утвержденное 30 ноября 1921 г. разработала Рабоче-крестьянская инспекция.

В июле 1928 г. было в газете «Известия» было опубликовано 38 объявлений, а в декабре 1930 г. – ни одного объявления о торгах.

В то время согласно идеологии власти хозяйство становилось плановым, распределение – государственным, а частный элемент – враждебным[1].

В начале 1990-х годов начался процесс перехода России к рыночной экономике. Первым до-

кументом, который ознаменовал собой переход к свободному рынку в области госзакупок, был Указ Президента РФ от 15 октября 1991 года № 143 «О хозяйственных связях и поставках продукции и товаров в 1992 году», который отменил централизованную систему распределения и материально-технического снабжения. Новые принципы размещения заказов для государственных нужд были провозгласил Закон РФ «О поставках продукции и товаров для государственных нужд» от 28 мая 1992 года № 2859-1. Этот документ предписывал размещение государственного заказа проводить путем конкурса, на основании которого необходимо заключать государственный и муниципальный контракт. При этом закупки для обеспечения государственных нужд мог осуществлять любой бюджетополучатель.

Большое влияние на процесс формирования конкурентных отношений в сфере госзаказа оказало принятие в 1994 году части первой Гражданского кодекса РФ. Документ определял, что органы власти участвуют в рыночных отношениях на равных с остальными субъектами и определил особенности заключения договоров, путем проведения торгов.

В 1994 году был принят Федеральный закон от 13.12.1994 года № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд». Закон регулировал вопросы ответственности за нарушение условий государственных контрактов, а также качество поставляемой государству продукции. Указанный закон регулировал отношения только на федеральном уровне, поскольку в указанный период времени главенствовали идеи расширения прав субъектов РФ, а не укрепления вертикали власти. В это время начинает формироваться нормативно-правовая база в указанном направлении и на уровне субъектов РФ.

Между тем, среди предприятий и организаций не наблюдалось достаточно большого числа желающих получать государственные заказы. Государство считалось ненадежным партнером. Повсеместно присутствовали просрочка платежей по государственным контрактам, что приводило к обесцениванию получаемых поставщиками платежей в условиях высоких темпов инфляции. Наиболее конкурентной отраслью считалось строительство.

Переломным моментом в системе госзаказа стал выход Указа Президента Российской Федерации от 8 апреля 1997 г. №305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд», где впервые были очерчены основные процедуры и правила размещения заказов. С принятием данного Указа все старые хозяйственные связи практически утратили силу и появились основы для конкурентной борьбы, для развития честной и добросовестной конкуренции, поскольку открытый конкурс был назван преимущественным способом закупок.

В дальнейшем конкурсная система была закреплена в законодательном порядке Федеральным законом от 6 мая 1999 года №97-ФЗ «О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд». Указанный нормативный акт прописывал порядок проведения конкурсов на федеральном уровне. Многие вопросы в нем остались неурегулированными, поэтому на практике он применялся в совокупности с положениями вышеупомянутого указа Президента РФ. Система нормативных актов в области госзакупок на территории РФ выглядела следующим образом.

С 1 января 2006 года вступил в силу новый закон о государственных закупках – Федеральный Закон № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», принятый 21 июля 2005 г., призванный снять большинство из накопившихся проблем.

Закон является процедурным и охватывает исключительно этап размещения заказов.

Вступление в силу нового закона позволит достичь:

– единства экономического пространства на территории Российской Федерации при размеще-

Таблица

Уровень бюджета	Конкурсы	Внеконкурсные закупки
Федеральный бюджет	Закон 97-ФЗ	Указ Президента № 305
Областной бюджет	Свои законы или Указ 305	Свои законы или Указ 305
Муниципальный бюджет	Свои нормативные акты или Указ 305	Свои нормативные акты или Указ 305

нии заказов, поскольку предусматривает абсолютно одинаковые принципы и процедуры не зависимо от уровня бюджета на всей территории РФ;

– эффективного использования средств бюджетов и внебюджетных источников финансирования;

– расширения возможности участия физических и юридических лиц в размещении заказов и стимулирования такого участия;

– развития добросовестной конкуренции;

– совершенствования деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления такого в сфере размещения заказов;

– обеспечения гласности и прозрачности размещения заказов;

– предотвращение коррупции и других злоупотреблений в сфере размещения заказов.

Все расходы, включая закупку канцелярских товаров, мебели, оргтехники, оплата услуг по аренде помещений, услуг по автотранспорту, ремонтных работ и т.д., относятся к государственным или муниципальным нуждам, т.е. размещение указанных заказов должно осуществляться в соответствии с требованиями, установленными новым Законом. В законе появляется новый для государственных заказчиков способ закупок – аукцион.

Между тем, закон предусматривает возможность централизации закупочных процедур, как на уровне РФ, так и на уровне субъектов РФ и муниципальных образований путем создания специально уполномоченных на осуществление закупок органов. Неотъемлемой частью закупок в соответствии с новым законом является их планирование и жесткая регламентация, подробная отчетность и повсеместный контроль. И сам собой напрашивается вопрос – не пора ли оглянуться назад, дабы учесть ошибки, совершенные в недалеком прошлом, дабы предотвратить кризис системы госзаказа в настоящем.

Примечание

[1] Организация и проведение конкурсов на закупку продукции для федеральных государственных нужд. Учебно-методическое пособие для государственных служащих / Под ред. В.И.Смирнова. – М., 2001.

Г.Р. Шайхутдинова

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ГИБКОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Принцип гибкости является продуктом европейской интеграции, ее закономерным результатом и движущей силой. Одновременно с идеей европейской интеграции, Черчиллевской идеей создания «Соединенных Штатов Европы», рождается понимание того, что единство европейского многообразия может быть осуществлено только на основе свободы такого многообразия. Поэтому можно сказать, что идея гибкого подхода к объединению европейских государств, предполагающая предоставление свободы выбора государствам-участникам такого объединения, возникает одновременно с самой идеей интеграции европейских государств.

Согласно докладу премьер-министра Бельгии Лео Тиндерманса о Европейском Союзе, опубликованному 29 декабря 1975 года, принцип гибкости означал, что в рамках Европейского Сообщества определенное число государств-членов (не все!) могут проводить совместную политику в определенной сфере интеграции, которой только они сами следуют и подчиняются.

Разные исследователи различают неодинаковое число форм гибкости: от трех до шести и более. Так, Жюльен Шовэ разделяет парадигму гибкости на шесть концепций: авангарда, двух скоростей (различных скоростей, многоскоростную), модель «олимпийских колец», пирамидальную, концентрических кругов, различной геометрии, a la carte[1]. Аннемари Лансдал пишет о трех основных формах гибкости: многоскоростной, a la carte и различной геометрии[2]. В докладе Федерального Траста о гибкой интеграции в Европейском Союзе «Гибкость и будущее Европейского Союза», вышедшем в свет в октябре 2005 года, различается пять концепций гибкости: многоскоростной Европы, европейского авангарда, ядра Европы, различной геометрии, Европы a la carte[3]. Стабб рассматривает в качестве критерия разделения парадигмы гибкости на концепции идею о том, что все государства-члены ЕС в конечном счете со временем присоединяться к сфере углубленной интеграции. Он проводит различие между тремя формами

© Г.Р. Шайхутдинова, 2006

гибкости: промежуточная форма основывается на том, ожидается ли, что государства-члены, не присоединившиеся к определенной сфере политики, должны будут присоединиться в какой-то момент позднее, или наоборот, откажутся присоединиться вовсе. Элерманн придерживается такой же точки зрения. Однако, в настоящее время этот вопрос не столь неактуален, так как все законодательные положения о гибкости не ссылаются на время, а предусматривают как право присоединиться, так и право отказаться от присоединения.

Следует упомянуть и другие модели гибкости, например модель «большой» и «малой» Европы Жака Делора, проект Валери Жискар Д'Эстена о «Европе государств» и «Европе puissance», которые, однако, не пошли далее дискуссий в печати и не оформились в качестве политических концепций.

Теория разноскоростного движения (или двухскоростного, или нескольких скоростей, или многоскоростная) предполагает, что определенная группа государств-членов Европейского Союза, желающих и могущих это делать, следует по пути более углубленной интеграции, а остальные государства-члены, хотя и поддерживают цели углубленного сотрудничества, не могут по каким-либо причинам присоединиться к лидирующей группе. Однако, предполагается, что последние будут присоединяться к лидирующей группе по мере наступления благоприятной ситуации и, в конце концов, все государства-члены ЕС окажутся в лидирующей группе. Главный момент, характеризующий данную форму гибкости, заключается в том, что все государства-члены имеют единые общие цели и желают их достичь. Таким образом, в данном случае элемент гибкости касается лишь периода времени, в течение которого все государства-члены ЕС достигнут совместно утвержденных целей. Углубленная интеграция может происходить одновременно в различных областях сотрудничества, причем соответствующие «подгруппы сотрудничества» могут объединять различные государства-члены ЕС. Более того, в рамках указанных подгрупп отдельные государства-члены могут продвигаться еще быстрее в направлении совместных провозглашенных целей, чем другие государства-члены подгруппы. Как подчеркивается в докладе Федерального Траста о гибкой интеграции в Европейском Союзе «Гибкость и будущее Европейского Союза», «важнейшим в данной модели гибкой интеграции является то, что ни одно государство-член (Европейского Союза. – *Г.Ш.*) не будет исключено и само в дальнейшей перспективе не пожелает выйти из новых или формирующихся сфер сотрудничества»[4]. Более того, данная концепция предполагает для государства не только возможность присоединиться к соответствующей сфере сотрудничества, в которой осуществляется гибкая интеграция, но и то, что государства, по каким-либо причинам не вошедшие в «группу гибкого сотрудничества», приложат все усилия, чтобы присоединиться к ней. Таким образом, концепция разноскоростного движения стремится сохранить европейское единство и допускает лишь временное существование дифференцированной системы.

Основное отличие концепции «разноскоростной Европы» от концепции «различной геометрии» заключается в том, что согласно первой концепции исключения для некоторых государств предусматриваются только на определенный период и единые правила начинают автоматически действовать в их отношении после истечения указанного периода времени.

Так, единая европейская денежная система в момент своего возникновения была примером осуществления на практике многоскоростной концепции гибкости. Де ла Серр и Уаллас отмечали, что документы, учреждающие данную систему, впервые признали дифференциацию. Они назвали ее гибкость *par excellence*, или гибкость в полном смысле слова.

Как известно, к зоне евро не присоединились Великобритания, Дания и Швеция, то есть три из пятнадцати государств-членов Европейского Союза на момент принятия решения. Дания и Швеция провели референдумы по вопросу о присоединении к зоне евро. 28 сентября 2000 года в Дании был проведен референдум о присоединении к единой европейской валюте. «Да» ответили 46,8% датчан, «нет» ответили 53,2% датчан. 14 сентября 2003 года в Швеции также с отрицательным результатом прошел референдум об участии Швеции в европейском валютном союзе: 55,9% шведов ответили «нет» единой европейской валюте и 42% ответили «да».

Великобритания, не присоединившаяся к зоне евро, однако, оставила за собой право присоединиться позднее. В настоящее время очевидно, что Великобритания, если и присоединиться к зоне евро, то только в долгосрочной перспективе. Премьер-министр Тони Блэр заявил, что Великобритания будет готова обсуждать вопрос о присоединении к зоне евро не ранее 2008 года. Весьма вероятно, что десять новых государств-членов ЕС,

принятые 1 мая 2004 года, могут присоединиться к зоне евро ранее, чем это сделает Великобритания.

Таким образом, мы видим, что государства-члены Европейского Союза, не участвующие в настоящее время в единой денежной политике, намерены позднее сделать это. Сложившаяся ситуация наглядно демонстрирует концепцию разноскоростного движения в действии.

Примеры концепции разноскоростного движения могут быть найдены в статье 130Т Договора о ЕЭС об охране окружающей среды, которая прямо разрешает государствам-членам «сохранять или вводить более строгие защитные меры. Они должны быть совместимыми с положениями настоящего договора»[5]. Статья 100А(4) Договора о ЕЭС разъясняет данное положение и разрешает государству-члену, которое «сочтет необходимым сохранить национальные положения, основываясь на национальных приоритетах, как это предусмотрено в статье 30, либо исходя из потребностей окружающей среды или условий труда»[6], сохранить соответствующие национальные положения.

Примеры концепции «разноскоростной Европы» могут быть найдены в так называемых адаптационных положениях договоров о присоединении новых государств-членов к Европейскому Союзу. Так, пункт первый статьи 3 Акта об условиях присоединения Чешской республики, Республики Эстонии, Республики Кипр, Республики Латвии, Республики Литвы, Республики Венгрии, Республики Мальты, Республики Польши, Республики Словении и Словацкой Республики и поправках к учредительным договорам Европейского Союза предусматривает, что положения Шенгенского acquis и акты, принятые на его основе и иным образом связанные с ним, а также какие-либо последующие акты, которые могут быть приняты до даты вступления новых государств-членов в ЕС, будут считаться юридически обязательными и применяться в этих новых государствах-членах с даты их вступления в ЕС. Однако, второй пункт данной статьи содержит положение, указывающее на то, что применение указанных положений в новых государствах-членах ставится под определенные условия и фактически откладывается на некоторое время, а именно до наступления соответствующих условий. Пункт 2 статьи 3 Акта предусматривает, что правовые положения о Шенгенском acquis, указанные в пункте первом статьи 3, хотя и будут считаться юридическими обязательными для новых государств-членов с даты их вступления в ЕС, будут применяться в новых государствах-членах только после принятия Советом решения, подтверждающего, что в соответствии с Шенгенскими процедурами оценки необходимые условия для применения всех частей Шенгенского acquis выполнены в данном государстве-члене, и после консультаций с Европейским Парламентом. Тем самым, Европейский Союз демонстрирует гибкий подход к интеграции новых десяти членов Союза. На некоторое время они остаются во втором эшелоне организации, движутся по пути интеграции меньшими темпами по сравнению с государствами, составлявшими Европейский Союз на 1 мая 2004 года.

С правовой точки зрения имеет место временной разрыв между моментом наступления юридических обязательств для нового государства-члена Европейского Союза и фактическим началом действия положений об этих обязательствах.

Этой же теории созвучна модель «большой» и «малой» Европы, предложенная Жаком Делором, занимавшим высокий пост председателя Европейской Комиссии. Однако, она осталась лишь политической декларацией и не нашла впоследствии юридического закрепления. Проект президента Франции Валери Жискар Д'Эстена проводит различие между «Европой государств» и «Европой власти» и распространяется на более широкий круг государств. Оба проекта не нашли поддержки и интереса ни в Европе в целом, ни даже во Франции.

Концепция *европейского авангарда* зачастую рассматривается в качестве одной из разновидностей модели «разноскоростной Европы». Авангард в данном случае представляет собой группу передовых, наиболее развитых государств-членов Европейского Союза, сгруппировавшихся в целях дальнейшего ускоренного продвижения к совместно намеченным целям интеграции в различных областях. Причем, эта группа стран будет более устойчивой по сравнению с передовой группой стран, движущихся с наибольшей скоростью согласно концепции разноскоростной Европы. Различие между двумя указанными группами стран будет заключаться, во-первых, в том, что авангард представляет собой группу государств-членов ЕС, интегрирующуюся в нескольких или многих сферах сотрудничества; во-вторых, такая интеграция является устойчивой, а группа устоявшейся; в-третьих, такая интеграция продолжается длительное время; в-четвертых, концепция европейского авангарда предполага-

ет, что все государства-члены ЕС рано или поздно присоединяться к авангарду. Авангард – не случайный союз, а фундаментальная долгосрочная политика, сознательно проводимая государствами-участниками. Круг государств-членов, могущих и желающих войти в авангард, ограничивается необходимостью осознания высокой степени стратегического и тактического интереса[7].

Авангард призван формировать и проводить в жизнь стратегическую линию развития Европейского Союза в целом. Можно предположить, что существование авангарда еще более обострит контраст между наиболее развитыми и наименее развитыми государствами-членами ЕС, но его роль будет заключаться в проведении линии, направленной на ускоренную реализацию целей европейской интеграции.

По мнению ряда исследователей европейской интеграции[8] философия авангарда в некоторой степени отражена в положениях Амстердамского договора о «тесном сотрудничестве» и эту же линию продолжает Ниццкий договор в части признания системы «продвинутого сотрудничества». Однако, нам представляется, что и Амстердамский, и Ниццкий договоры скорее отражают концепцию разноскоростного движения, нежели концепцию авангарда.

Так, статья К15 Амстердамского договора предусматривает, что государства-члены Европейского Союза, намеревающиеся осуществлять между собой тесное сотрудничество, должны составлять по крайней мере большинство от общего числа государств-членов ЕС. Не оговаривается возможность существования и функционирования более узкой группы сотрудничающих государств-членов ЕС. Статья 43 Ниццкого договора предусматривает, что продвинутое сотрудничество государств-членов Европейского Союза «включает минимум восемь государств-членов» и «открыто для всех государств-членов». Договор не упоминает о более узкой группе внутри так называемой «группы восьми», которая бы намеревалась углублять сотрудничество в определенной области быстрее, чем остальные государства-члены.

Высказывались различные мнения относительно того, какие государства-члены Европейского Союза способны сформировать европейский авангард. Так, Поль-Генри Спаак с 1957 года рассматривал в качестве авангарда государства-основателей Европейских Сообществ – Германию, Францию, Италию, Бельгию, Нидерланды и Люксембург.

Было немало политических заявлений относительно понятия авангарда, но декларация немецких парламентариев Ламерса и Шаубля от 1 сентября 1994 года «Размышления о европейской политике» заслуживает особого внимания. Исходя из посылок Тиндерманса, парламентарии углубляют идею, предполагая, что «ядро», состоящее из государств-членов, должно взять в руки руководство всем Союзом. Под «ядром» в документе подразумеваются государства-члены ЕС, которые присоединяться к европейскому валютному союзу, их список точно указан. В декларации также подчеркивается, что эти государства будут оказывать центростремительное влияние на другие государства-члены с целью вовлечения их в орбиту интеграции и что это придаст развитию Евросоюза федералистское направление. Во многом декларация несла политический подтекст и была направлена против Великобритании.

За немецкой декларацией последовала французская декларация, оформленная в двух письмах. Первое письмо, подписанное канцлером Гельмутом Колем и президентом Жаком Шираком 6 декабря 1995 года, содержало понимание термина «продвинутое сотрудничество» (cooperation renforcee), которое предполагало сохранение единого общего acquis и географии Союза, то есть пятнадцати государств-членов. Второе письмо от 17 октября 1996 года, авторами которого были министры иностранных дел Херве де Шаретт и Клаус Кинкель, допускало возможность поступательной дифференциации, тем самым признавая, что в рамках Европейского Союза существуют различия во взглядах.

Декларации открыли поле для дальнейших дискуссий, а институты Европейского Союза позаимствовали их основные идеи. Совет Европейского Союза подчеркнул необходимость оставаться в рамках существующих институтов и механизмов Союза, а Европейская Комиссия добавила, что «Европейский Союз не должен быть связан необходимостью двигаться со скоростью самых медленных своих членов». Европейский парламент согласился с данными положениями, но выразил надежду, что они будут носить временный характер[9]. Европейский парламент таким образом выразил озабоченность сохранением целостности Европейского Союза и выразил надежду на то, что ему будет предоставлено законодательное право в реализации положений о гибкости. Результат оказался весьма скромным: статья К17 (статья 45 Договора о Европейском Союзе) обя-

зывает Европейскую Комиссию и Совет лишь информировать Европейский парламент о развитии тесного сотрудничества. Среди государств-членов ЕС возобладал полный консенсус относительно данного положения о гибкости за исключением Португалии и Греции, так как они боялись, что не смогут войти в авангард из-за плохого состояния своей экономики. Поэтому Португалия и Греция противятся любым формам гибкости.

Есть еще один вариант концепции авангарда, идея которого заключается в том, что в рамках авангарда определенное число государств хотели бы идти еще дальше по пути европейской интеграции и проводят соответствующую политику в рамках тесного сотрудничества[10]. Амстердамский Договор не запрещает этого.

Этот вариант концепции авангарда именуется концепцией «*ядра Европы*» или «*европейского ядра*», который вот уже пятнадцать лет находится в центре внимания дискуссии о европейской интеграции. Термин «ядро» появился в партийном заявлении Христианского Демократического Союза и Христианского Социального Союза (CDU/CSU) в сентябре 1994 года, согласно которому определенные государства-члены ЕС, приняв в качестве основы для интеграции acquis communautaire, могут интегрироваться быстрее и увлекать за собой другие государства-члены.

Данный вариант концепции авангарда представляет собой одну из крайностей европейского авангарда, членство в котором весьма ограничено. По мнению ряда ученых членство в так называемом «ядре» Европы может быть навсегда закрыто для некоторых членов Европейского Союза[11]. Европейское ядро могло бы принять окончательное решение о проведении в его рамках далеко идущей политики интеграции в рамках существующих структур Европейского Союза, а при необходимости и за их пределами. Государства-члены «ядра» будут надеяться, что другие государства-члены ЕС присоединяться к ним позднее. Они будут представлять собой высоко скоординированную группу, которая проводит в жизнь собственную интеграцию и интеграцию Союза в целом. В основе концепции «ядра Европы» лежит идея о том, что члены «ядра» не могут позволить себе быть стесненными неуверенностью других. Они – авангард, за которым могут последовать другие государства-члены ЕС, однако, необязательно все.

Традиционно в качестве лидеров потенциального «ядра» рассматриваются Франция и Германия. Это дает повод некоторым критикам считать данную концепцию только лишь проявлением франко-германских попыток построить Европу по своему образцу. Более широкое «ядро» может включать шесть первоначальных членов Европейских Сообществ, которые традиционно считаются приверженными основополагающим целям европейской политической и экономической интеграции. Испания и Австрия могли бы пожелать присоединиться к указанной группе, если бы она действительно сложилась.

Следует отметить, что вплоть до 2005 года Германия и Франция рассматривались как «мотор», или «локомотив», объединенной Европы. Ситуация коренным образом изменилась, когда одно из государств-членов, являющихся движущей силой всего Союза, а именно Франция, отвергла Европейскую Конституцию на референдуме 29 мая 2005 года. 54,68% участвовавших в референдуме французов сказали «нет» Европейской конституции. Концепция «ядра Европы» сильно пошатнулась, а по мнению ряда экспертов и вовсе разрушилась, под действием неблагоприятного исхода референдумов по Конституции Европы во Франции и Нидерландах[12].

Великобритания выступает против понятия авангарда. Она предложила свое толкование гибкости, разрушая понятия авангарда и acquis. Джон Мейджор в речи в Лейдене в октябре 1994 года озвучил следующие общие положения британского подхода.

Принимая во внимание свободу объединения государств-членов, необходимо предоставить возможность любому государству разрабатывать и проводить свою политику, и что особенно важно, признать право вето в отношении гибкого решения со стороны (то есть право вето государства, не примыкающего к авангарду) по причинам социального характера. Значение базовых принципов и правил (acquis) для единого рынка уменьшается. В этой связи возможности обращения к гибкости станут шире, и политика, проводимая под ее эгидой, будет более многочисленна. Это приведет к принятию в рамках Европейского Союза безнадежно запутанных законов, противоречащих друг другу, разным образом применяемых к различным государствам, что в конце концов приведет к размыванию общей структуры.

Теория различной геометрии основывается на факторе пространства и предполагает деление Европейского Союза на географические части, одна из которых является более развитой, а вторая менее развитой. Основополагающий момент

данной концепции заключается в признании наличия существенных различий между способностью и желанием к интеграции среди двадцати пяти государств-членов Европейского Союза. Мало вероятно, что таковые когда-либо полностью совпадут. Согласно концепции различной геометрии в Европейском Союзе могут существовать области интеграции, членство в которых будет различным (кроме единого европейского рынка). Ни одно государство-член ЕС не исключается ни из какой области интеграции, но в то же время некоторые государства-члены могут никогда не поступиться частью своего суверенитета[13]. Концепция различной геометрии предоставляет им такую возможность, не ущемляя прав тех, кто придерживается иной точки зрения.

Концепция различной геометрии может проявиться в нескольких формах. Так возможна ситуация, при которой большинство государств-членов участвуют во всех сферах европейской интеграции и только несколько выходят из какой-либо сферы интеграции по национальным, историческим или культурным причинам. Эта ситуация находится в русле положений Римского договора о Европейском Экономическом Сообществе, которые олицетворяют первоначальную идею европейской интеграции, и отражает существующее пост-Маастрихтское положение вещей. Противоположная ситуация может заключаться в том, что практически ни одно государство-член не участвует во всех сферах интеграции, а многие государства-члены выходят из широкого круга сфер интеграции. Это очень напоминает теорию a la carte.

Термин «различная геометрия» в противоположность термину *a la carte* ограничивается системой политического союза. Он должен пониматься и оцениваться на основе общих целей и принципов и общей институциональной системы Маастрихтского договора. Хотя элементы системы различной геометрии являются частью общего правопорядка, им дается определенная степень свободы действия внутри системы. Различная геометрия как концепция означает, что в правовой системе, характеризующейся равными правами и обязанностями ее участников и единым правовым режимом, существует возможность для специальных соглашений и договоренностей между ее участниками, предоставляемая им при определенных обстоятельствах.

Можно привести ряд примеров «различной геометрии» в современном Европейском Союзе. Это, например, Европейская Социальная Хартия и отношение к ней Великобритании, экономический и валютный союз в части участия Великобритании и Дании в его третьей стадии, исключительные положения Договора о Европейском Союзе, различные проекты реформ второй и третьей «колонн» Маастрихтского Договора, представленные на межправительственную конференцию, созванную с целью внесения изменений и дополнений в Договор о создании Союза.

Концепция *a la carte*, известная под названием «*предпочти и выбери*», подчеркивает абсолютную свободу государств в выборе сфер интеграции. Согласно концепции a la carte, государство-член ЕС может выбирать, как из меню, те направления интеграции, в которых оно желало бы и могло участвовать. Такая гибкость, встроенная в целом единую систему, предусматривает исключения или свободу выбора в интересах определенных государств, которые могут либо участвовать полностью или частично или исключаться полностью или частично из-под действия определенных правил или институтов. Когда по каким-либо причинам государству предоставляется право не участвовать в определенной сфере интеграции и оно может сделать это, не помешав другим государствам, в отношении которых определенные договоренности или соглашение вступили в силу, то говорят, что оно «не принимает участия», «устраняется» (от английского *to opt out. – Г.Ш.*).

Эта теория еще известна как теория «полицентрической структуры» европейской организации. Она означает весьма свободную организацию различных институтов и правовых режимов. Все составляющие элементы Европы a la carte самостоятельно независимо существуют и имеют отдельную организационную структуру. Они не направлены в сторону общей всеобъемлющей цели и не связаны в общую институциональную систему. Государства в зависимости от политических целей, приоритетов и интересов могут участвовать в одной, нескольких или всех таких институтах или соглашениях. Когда институт a la carte образуется таким образом, что само государство решает будет ли оно участвовать в нем, то говорят, что оно имеет право «принимать участие».

Великобритания традиционно следует модели a la carte и «выбирает» направления, по которым она готова интегрироваться с другими государствами-членами ЕС, а также те направления, по которым интегрироваться не желает. Типичные примеры «выбора» Великобритании, – это сфера социального сотрудничества и неучастие в воп-

росах гражданства, денежной системы и обороны. Некоторыми британскими экспертами концепция a la carte рассматривается как отрицание будущего европейской интеграции, нежели как модель дальнейшего углубления сотрудничества[14].

Некоторые исследователи европейской интеграции считают, что в широком смысле Европейский Союз, НАТО, ЗЕС, Совет Европы, ОБСЕ и другие организации и соглашения могут рассматриваться в качестве единиц или центров Европы a la carte. В более узком смысле Шенгенское соглашение представляется моделью «полицентрической Европы» или Европы a la carte[15].

Европа a la carte характеризуется политической свободой государств участвовать в организации или соглашении; отсутствием общей цели или институциональной структуры; а также тем, что в результате применения данной концепции общее право, объединяющее государства, является низшим общим детерминатором, о котором государства договорились в соглашениях между собой[16].

Можно рассматривать соглашения об участии или неучастии, которые Союз разрешает, как примеры интеграции a la carte. Например, Великобритания и Ирландия сохраняют свое неучастие в сфере убежища и иммиграции. Практически они участвуют во всех программах, касающихся убежища и нелегальной миграции, но не участвуют во всех предложениях, касающихся легальной миграции, виз и границ.

Еще один пример – это ЕСПРИТ (ESPRIT), программа, созданная за пределами институтов ЕС и предусматривающая для государств, подписавших Маастрихтский Договор, программу сотрудничества в сфере научных исследований. Эта программа не имеет никакого отношения к acquis.

Так как концепция Европы a la carte создает определенные технические трудности и политически непривлекательна для многих государств-членов Европейского Союза, то существует лишь малая вероятность того, что она станет центральной моделью европейской интеграции.

Эта концепция направлена на то, чтобы подчеркнуть абсолютную свободу государств-членов. Она напоминает концепцию «олимпийских колец», причем в определенном случае в данной схеме нет даже авангарда.

Так называемая расширенная форма гибкости нашла отражение в *концепции концентрических кругов* премьер-министра Франции Эдуарда Балладура. Согласно этой теории, самый большой круг включает Европейский Союз и другие европейские страны, которые либо не желают вступать в Евросоюз, либо еще не могут по объективным причинам стать его членами, но связаны международными торгово-экономическими, военными и иными соглашениями. Очевидно, что этот круг включает будущих новых членов Европейского Союза. Второй круг поменьше представляет собой Европейский Союз, сконцентрированный вокруг широкого acquis. Третий круг образуется внутри Европейского Союза и представляет собой комбинацию нескольких авангардов, образованных по принципу «выбора» на определенное время, если это необходимо, например экономический и денежный союз.

Закономерен вопрос о соотношении рассмотренных концепций гибкости, ибо в рамках одной концепции мы находим разновидность другой и наоборот. На наш взгляд, имеют место три основные концепции принципа гибкости в Европейском Союзе: разноскоростной Европы, различной геометрии и a la carte. Сущность концепции разноскоростной Европы может быть отражена фразой «все, но не сразу». Здесь решающим является фактор времени. Сущность концепции различной геометрии заключается в действии фактора пространства и может быть выражена фразой «не все и не всегда». Концепция a la carte – это концепция исключений.

Рядом ученых высказывается мнение о том, что концепции «ядра Европы» и «концентрических кругов» находятся в рамках концепции Европы a la carte, а не Европы «различной геометрии» или «различных скоростей», хотя концепция Европы a la carte основывается на полицентрической, а не монолитической философии[17]. Жак Ширак предложил похожую модель 16 марта 1995 года вскоре после письма Ширака-Коля, которое ввело новый термин «продвинутого сотрудничества» (solidarites renforcees).

Позволим себе усомниться в таких суждениях.

Нам представляется, что концепция европейского авангарда есть разновидность концепции разноскоростной Европы. Авангард проводит общую политику Европейского Союза, служит примером для подражания, ведомой силой для государств-членов ЕС. Не примкнувшие к авангарду государства-члены ЕС по прошествии времени и с наступлением необходимых условий должны присоединиться к авангарду.

Ядро Европы, по нашему мнению, есть центр авангарда, еще более узкая группа государств-

членов Европейского Союза. Ядро Европы соответственно должно также рассматриваться в рамках концепции разноскоростной Европы.

Концепция авангарда может рассматриваться также в рамках концепции концентрических кругов.

Анализ эволюции принципа гибкости и его различных концепций в Европейском Союзе позволяет сделать некоторые выводы:

1. Принцип гибкости первоначально формируется как политический, позднее получает правовое закрепление. Первым основополагающим договором Евросоюза, закрепившим принцип гибкости, явился Амстердамский договор.

2. Основными причинами появления и правового закрепления принципа гибкости в документах Евросоюза являются:

а) различие интересов государств-членов Европейского Союза;

б) нерешенность вопроса о правовой природе Европейского Союза;

в) расширение Европейского Союза 1 мая 2004 года за счет государств, относительно слабых в экономическом и социальном плане, по крайней мере по сравнению с пятнадцатью государствами, являвшимися членами Европейского Союза до указанной даты.

3. Различаются следующие основные концепции политической концепции гибкости: разноскоростная, различной геометрии и a la carte.

4. Существующие теоретические и практические концепции гибкости отражают различия во взглядах государств-членов на будущее Европейского Союза.

5. Концепция гибкости имела практическую реализацию, примером может служить Шенгенское соглашение и др.

Примечания

[1] См.: *Julian P. A. Chauvet.* – С. 3–11.

[2] См.: *Flexibility in Constitutions; Forms of Closer Cooperation in Federal and Non-Federal Settings.* Ed. Dr. Annette Schrauwen, University of Amsterdam, 2002. – С. 49–50.

[3] «Flexibility and the Future of the European Union». A Federal Trust Report on flexible integration in the European Union. October 2005. – С. 7–9.

[4] «Flexibility and the Future of the European Union». A Federal Trust Report on flexible integration in the European Union. October 2005. – С. 8 / www.fedtrust.co.uk/admin

[5] См.: Европейское право. Учебник для вузов / Под ред. Л.М. Энтина. – М.: НОРМА, 2000. – С. 644.

[6] Там же. – С. 595.

[7] «Flexibility and the Future of the European Union». – С. 8.

[8] См. мнение членов Рабочей группы Федерального Траста Стивена Уолла, Брендана Донелли, проф. Джо Шо, проф. Вернона Богданора, Дэвида Кларка, проф. Мариз Кремона, Эндрю Дафф Меп, проф. Кристофера Лорда, Питера Нормана, Джона Пиндера, проф. Джима Ролло, доктора Джулии Смит. доктора Карен Смит, лорда Уолласа и др. в докладе «Flexibility and the Future of the European Union». – С. 8.

[9] Report on the implementation of the Treaty of Amsterdam: implications of closer cooperation.

[10] Предлагается C. E. L. S. occasional papers. – С. 19.

[11] «Flexibility and the Future of the European Union». – С. 8.

[12] Не референдуме 1 июня 2005 года в Нидерландах 61,7% голландцев сказали «нет» Европейской конституции.

[13] «Flexibility and the Future of the European Union». – С. 9.

[14] «Flexibility and the Future of the European Union». – С. 9.

[15] *Daniel Thurer.* A Variable Geometry for Europe. – P. 4.

[16] Там же.

[17] *Daniel Thurer.* A Variable Geometry for Europe. – С. 6.

Библиографический список

1. *Chauvet Julian P.* Flexibility in the Treaty of Amsterdam: towards a legal understanding of a political concept. – University of Leeds, 1998. – С. 14–15.

2. De la *Serre Francoise et Wallace Helen*. Les cooperations reinforcees: une fausse bonne idee? / flexibility and enhanced cooperation in the EU. – Paris: Groupement d'etudes et de recherches Notre Europe. – С. 16–27.

3. *Duff Andrew (ed*). The Treaty of Amsterdam. Text and Commentary. – London: Federal Trust, 1997. – С. 195.

4. Европейское право. Учебник для вузов / Под ред. Л.М. Энтина. – М.: Норма, 2004. – С. 547.

5. *Кашкин С*. Конституция для Европы: принципиально новый этап развития конституционализма // Вестник Европы. – 2004. – № 12.

6. Report on the implementation of the Treaty of Amsterdam: implications of closer cooperation. http://www.europarl.eu.int/ dg7/report/tn/cc.htm.

7. *Shaw Jo*. The Law of the European Union. – London; Macmillan, 1996. – С. 72.

В.Е. Асцатурова

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ В МЕХАНИЗМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОРАЛЬНОГО И ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Как известно, деятельность правоохранительных органов[1] в основном осуществляется в форме правоприменения. Данный вид социальной деятельности предполагает наличие у его исполнителей не только государственно-властных полномочий, но и масштабности мышления, высокого уровня нравственности, способности глубокого морального осмысления правовой реальности, позитивного отношения к праву и правовым институтам, умений и навыков применения права, твердых правовых установок, глубоких юридических знаний, то есть вполне зрелого морально-правового сознания.

Эффективность профессиональной деятельности в правовой сфере определяется сегодня целым рядом факторов, условий разного характера. Здесь и комплекс экономических, политических и социальных причин, несовершенство самого законодательства и нормативной базы, мера обеспеченности правоохранительных органов материально-техническими средствами и т.п. Но не меньшее, если не большее, значение имеют в современных условиях так называемые личностные характеристики правоохранителей, которые своим источником имеют зрелость сознания, уровень внутренней правовой и нравственной культуры, качество усвоенной профессиональной этики.

Решение сотрудниками правоохранительных органов своих служебных задач, выполнение профессионального долга осуществляется при регулирующем действии правового и морального сознания, которые функционируют в единстве, находятся в непрерывной связи, оказывают влияние друг на друга, то есть взаимодействуют. Причем, взаимодействие предполагает не только взаимные связи, позитивное воздействие рассматриваемых форм сознания друг на друга, но и любое активное отношение между ними, в том числе противостояние, разграничение, конфликт.

Сам механизм взаимодействия морального и правового сознания в деятельности правоохранителей представляет собой, на наш взгляд, совокупность элементов сознания, находящихся между собой в определенной связи и взаимодействии для успешного решения задач, поставленных государством перед правоохранительными органами. В качестве основных элементов данного взаимодействия выступают мотивы, ценностные ориентации, социально-правовые установки, профессиональный долг. В своей совокупности перечисленные элементы выступают специфическими регуляторами поведения сотрудников правоохранительных органов, обнаруживая в себе единство правовой и нравственной сторон.

Категория профессионального долга является производной от одной из фундаментальных категорий этики, которая воплощает императивность морали, ее деонтологический характер – категории *долга*.

В новой философской энциклопедии мы находим, что категория *долга* обозначает нравственно аргументированное принуждение к поступкам, нравственную необходимость, фиксированную в качестве субъективного принципа поведения[2]. В словаре философских терминов под научной редакцией профессора В.Г. Кузнецова категория *долга* трактуется как специфическая, обязывающая форма предъявления нравственного требования (должное); как личное представление человека о своих моральных обязанностях[3]. По мнению О.Г. Дробницкого, именно в категории *долга* фиксируется превращение общезначимого морального требования в веление, имеющее смысл применительно к конкретному лицу и тем особым условиям, в каких оно находится; именно через категорию *долга* общественные нормативы принимаются и осознаются самим деятельным субъектом, становятся его собственными максимами, внутренними установками и самооценками[4].

В сфере деятельности правоохранительных органов категория *долга* приобретает особое значение и звучание. Выполнение и соблюдение возложенных на сотрудников правоохранительной системы обязанностей и прав предполагает верное служение своему *профессиональному* долгу – защищать права и свободы граждан, обеспечивать безопасность общества и государства, охранять и укреплять в стране правопорядок. В данном случае профессиональный долг выступает составной частью общественного, морально ценного для

© В.Е. Асцатурова, 2006

общества долга, и выступает как своего рода регулятор поведения, действенная сила в деятельности сотрудников правоохранительных органов.

При этом важным, на наш взгляд, является тот факт, что каждый правоохранитель выступает одновременно:

– и как *субъект целенаправленной профессиональной деятельности*, в рамках которой он выполняет определенную социальную роль государственного служащего, стоящего на страже закона и правопорядка;

– и как исполнитель *долженствования,* которое зафиксировано в ряде официальных документов (в самой Конституции Российской Федерации, в законах и правовых актах РФ, нормативных актах МВД и Министерства юстиции, в Положении о службе в органах внутренних дел РФ, тексте Присяги, и, безусловно, Кодексе чести);

– и как *субъект*, *самостоятельно мотивирующий* свои действия и поведение, *субъективно* подчиняющий себя нравственному и правовому долженствованию.

Таким образом, следование сотрудника правоохранительных органов своему профессиональному долгу можно назвать действующим сознанием, в рамках которого профессиональные требования принимают вид внутренней установки, особой задачи, поставленной в конкретных обстоятельствах перед каждым сотрудником, то есть становятся его личным долгом.

Диалектика объективной и субъективной сторон профессионального долга здесь такова, что профессионально значимые требования, предъявляемые к сотрудникам правоохранительных органов как к государственным служащим, облеченным государственной властью, осознаются каждым сотрудником применительно к себе как к исполнителю своей социальной роли; осознаются их необходимость, справедливость и важность, возникает внутренняя готовность и даже потребность их выполнить, тем самым предъявляя к самому себе высокие нравственные требования. Выполнение профессионального долга, таким образом, становится основным смыслообразующим мотивом, обуславливающим поведение правоохранителей и свидетельствующим о высоком чувстве ответственности перед обществом, каждым человеком, самим собой. Безусловно, одно лишь знание своих профессиональных обязанностей перед обществом и государством – недостаточное условие для выполнения служебного долга. Необходима внутренняя убежденность в разумности этих обязанностей, в необходимости и возможности их исполнения[5]. Мы считаем, что такая внутренняя убежденность возможна только на определенном уровне развития *сознания* правоохранителей, в котором доминирующими являются прогрессивные для современного российского общества морально-правовые ценности и принципы – справедливость, гуманизм, патриотизм, законность, а определяющими мотивами становятся совесть, нравственный долг, ответственность, благо других людей и т.д.

Специфика организации и деятельности правоохранительных органов обусловливает особый характер профессионального долга правоохранителей. Основными его характеристиками являются следующие:

1. Служебный долг сотрудников правоохранительной системы имеет *конкретно сформулированный* круг *обязанностей* и определяется нормами *права*. Характерно, что все требования, предъявляемые к сотрудникам правоохранительных органов, выражающие объективно необходимое поведение, имеют соответствующую законодательную и иную нормативно-правовую основу. Прежде всего, это правовые нормы, содержащиеся в самой Конституции РФ, в Законе «О милиции», в Законе «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», в Положении о службе в органах внутренних дел и т. д. Профессиональный долг, таким образом, становится по сути требованием государства и общества, требующим безоговорочного исполнения. Каждый сотрудник правоохранительных органов несет юридическую ответственность перед государством за выполнение возложенных на него обязанностей, соблюдение запретов и ограничений, указанных в законах и иных нормативно-правовых документах. Одновременно в той же юридической форме определены формы и меры его профессиональной свободы.

Исполнение сотрудником правоохранительных органов правовых норм, глубина осознания предъявляемых к нему требований, степень понимания своей особой социальной роли и необходимости следовать правовым предписаниям, наличие устойчиво позитивного отношения к праву и правовым институтам в своей совокупности составляют определенный уровень правового сознания правоохранителей, которое выполняет важнейшие функции в процессе примене-

ния правовых норм. Сотрудник правоохранительных органов *обязан* понять, уяснить, разобраться в смысле права и каждой правовой нормы, ее требований и дозволений. Без развитого правосознания сделать это невозможно. От уровня зрелости правосознания правоохранителей, его специфики во многом зависит сила права, эффективность правоприменения в профессиональной деятельности, а соответственно, в определенной степени и качество выполнения своего профессионального долга. Чем выше уровень правосознания, тем в большей мере оно способствует приведению поведения в соответствие с целями и задачами, поставленными перед данной государственной структурой, то есть выполнению юристами своего профессионального долга.

Однако, действующее профессиональное правосознание постоянно осмысливает и оценивает действующее право (нормы права), конкретные служебные ситуации и обстоятельства, свое поведение, поведение коллег и правонарушителей с разных точек зрения, в том числе с позиций моральных принципов, категорий и норм, таким образом вступая во взаимодействие с моральным сознанием. Фактические обстоятельства многих дел оцениваются с привлечением как юридических, так и нравственных критериев, без которых невозможно правильно определить признаки и особенности таких, например, деяний, как хулиганство, клевета, оскорбление, унижение чести и достоинства и т.д. Уровень развития соответствующих этических воззрений и убеждений правоохранителей, безусловно, будет оказывать влияние на процесс правоприменения, выполнение ими юридических норм.

2. Профессиональный долг сотрудников правоохранительных органов наполнен глубоко *нравственным* содержанием, имеет большую *моральную ценность* для всего общества и каждого человека.

Объективная сторона нравственного содержания профессионального долга обусловлена потребностью обеспечивать безопасность государства и общества, права и свободы граждан, защищать жизнь каждого человека. Данная потребность, в свою очередь, порождает вполне конкретную нравственную задачу правоохранительной деятельности – всеми приемлемыми в правовом и моральном смысле средствами обеспечивать юридическую справедливость и защитить нравственную ценность граждан, их честь и достоинство.

Закономерно в этой связи, что общество предъявляет к правоприменителям повышенные моральные требования и критерии оценок их профессиональной деятельности. Особенно это становится актуальным сегодня, в обстановке крайне сложных процессов в экономической, политической и правовой сферах российского общества. От сотрудников правоохранительной системы современное общество ожидает более высокой степени бескорыстия, ответственности, честности, развитой способности к моральному самоконтролю.

На субъективном уровне мы вправе говорить о долге сотрудника как сознании нравственной необходимости выполнять свои служебные обязанности, в сознании моральной необходимости следовать идее долга. Нравственный долг правоохранителей, на наш взгляд, является неотъемлемой частью профессионального долга, важным условием качественности и эффективности всей правоохранительной деятельности.

Личностное усвоение каждым сотрудником своих обязанностей не может осуществляться вне моральной основы, так как все нравственные отношения существуют только в личностной форме, являющейся тем фоном, на котором происходит интериоризация правовых норм на базе нравственных оценок и суждений. Именно нравственная оценка тех или иных служебных обязанностей, ситуаций, обстоятельств, регулируемых правом, разрешение возможных правовых коллизий и конфликтов в рамках своей профессиональной деятельности с позиций добра, чести, справедливости, общего блага является, на наш взгляд, важнейшим условием повышения правового сознания и профессиональной культуры сотрудников правоохранительных органов.

Правовое и моральное сознание в данном случае должны плодотворно «сотрудничать», «поддерживать» друг друга. Их взаимодействие должно быть как бы взаимоподдерживающим. В реальности данное взаимодействие действительно выражается в различных формах: и при разрешении конкретных дел, и при анализе различных служебных ситуаций, противоправных действий, личности правонарушителя.

Несмотря на то, что сама деятельность сотрудников правоохранительных органов протекает в рамках закона, подавляющее количество норм, правил, требований в правоохранительной сфере имеет непосредственное моральное значение и интерпретацию. По справедливому замечанию

Д.И. Грядового, В.П. Малахова и С.С. Пылева, в правоохранительной сфере, по сути, нет моментов, которые были бы морально нейтральны. Поэтому любая проблема реализации правовых норм и требований есть одновременно и неизбежно моральная проблема[6]. Учитывая к тому же сложность и противоречивость самой правоохранительной деятельности, бесконечное разнообразие возникающих в ней ситуаций, а также то обстоятельство, что сами правовые и нравственные требования не всегда согласуются, а нередко и прямо противостоят друг другу, между моральным и правовым сознанием правоохранителей нередко возникают коллизии, расхождения, противоречия. Вследствие этого, проблема согласования профессиональных и моральных требований, правового и морального сознания приобретает чрезвычайно важное значение для совершенствования деятельности правоохранительных органов в современных условиях, становится необходимым условием выполнения сотрудниками правоохранительных органов своего профессионального долга.

Примечания

[1] Под правоохранительными органами в данном случае мы подразумеваем государственные учреждения и организации, уполномоченные вести правоохранительную деятельность по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина, в первую очередь органы внутренних дел и уголовно-исполнительную систему. Соответственно, сотрудниками правоохранительных органов мы будем называть граждан, осуществляющих профессиональную служебную деятельность на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, а именно, в органах внутренних дел и уголовно-исполнительной системе. Данные категории лиц мы объединили понятием *правоохранители.*

[2] Новая философская энциклопедия / Сост. А.А. Гусейнов. В 4 т. – М., 2002. – Т. 1. – С. 686. Ст. «Долг».

[3] Словарь философских терминов / Под. ред. В.Г. Кузнецова. – М., 2005. – С. 146.

[4] См.: *Дробницкий О.Г.* Структура морального сознания // Вопросы философии. – 1972. – №6. – С. 55.

[5] См.: *Гершунский Б.С.* Гражданское общество в России: Проблемы становления и развития. – М., 2001. – С. 437.

[6] *Грядовой Д.И., Малахов В.П., Пылев С.С.* Профессиональная мораль сотрудников органов внутренних дел: специфика, проблемы, решения. – М.: МЮИ МВД РФ, 1996. – С. 6.

Ю.С. Горбунов, А.М. Калганов

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЕ

Преамбула. *В статье авторы описывают изменения, произошедшие в законодательстве российской Федерации в сфере регулирования деятельности государственных органов по борьбе с терроризмом. Показаны основные элементы системы противодействия терроризму, сформированной в настоящее время в Российской Федерации.*

Угроза терроризма, которую переживала Россия в конце XIX – начале XX века, не сравнима с той глобальной угрозой, перед лицом которой наша страна оказалась в настоящее время. От идеологической основы того «адресно-избирательного» терроризма, когда террористические акты совершались в отношении отдельных представителей государства, считавшихся повинными в угнетении народа, не осталось и следа. Сегодня от преступлений террористов страдают все, и прежде всего, наиболее беззащитные: старики, женщины и дети. Страшное зло, которое олицетворяет собой этот наиболее опасный вид преступности, требует адекватного ответа со стороны государства. Соответственно, создание достаточной правовой основы, позволяющей органам государства бороться с террористической деятельностью, можно назвать приоритетной задачей правотворчества.

Трагические события в России, США, Великобритании, Испании и других странах продемонстрировали всему миру, что борьба с терроризм-

© Ю.С. Горбунов, А.М. Калганов, 2006

мом не является только внутренней проблемой, террористически атакам может подвергнуться любое государство. Вызов, брошенный мировому сообществу со стороны международных террористических организаций, поставил вопрос о выработке долгосрочной международной стратегии борьбы с терроризмом и подкреплении ее необходимыми нормами права. В резолюции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций от 28 сентября 2001 г. №1373 подчеркивается, что терроризм представляет угрозу для мира и безопасности, и говорится о необходимости приятия мер по недопущению финансирования террористической деятельности и предоставления убежища террористам.

К сожалению, несмотря на то, что угроза терроризма из потенциальной превратилась в фактическую, последствия чего почувствовали на себе и страны, состояние защищенности которых от террористических актов представлялось ранее как вполне удовлетворительное, руководство ряда ведущих мировых держав продолжает проводить политику «двойных стандартов» в отношении России, предоставляя убежище на своей территории активным участникам незаконных вооруженных формирований, действовавших на территории Российской Федерации.

Наша страна как никакая другая заинтересована в справедливом международном сотрудничестве в сфере антитеррористической деятельности. Сегодня в рамках работы по совершенствованию правового регулирования вопросов борьбы с терроризмом ведется постоянная работа по приведению национального законодательства в соответствие с нормами международных правовых актов. Россия одна из первых ратифицировала Международную конвенцию о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г., Конвенцию Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г.

В то же время террористические организации в своем стремлении оказать психологическое давление на мировое сообщество используют в своей деятельности современные технологии из арсенала информационной войны. При активной поддержке антироссийских кругов в парламентах и правительствах ряда стран-участниц антитеррористической коалиции на международном уровне проводятся пропагандистские акции по дискредитации действий федеральных сил в зоне проведения контртеррористической операции, в зарубежных средствах массовой информации муссируются зачастую вымышленные эпизоды «военных преступлений» России на Северном Кавказе. Чего добиваются авторы подобных информационных кампаний? Дестабилизации обстановки в стране посредством срыва процесса возвращения Чеченской Республики к мирной жизни в составе Российской Федерации, как это определил чеченский народ на референдуме по принятию своей Конституции.

Необходимо отметить, что террористические организации постоянно эволюционируют, стараются использовать новые методы вооруженной борьбы, активно работают над привлечением в свои ряды молодых людей. Поэтому эволюция терроризма требует адекватного и своевременного реагирования на новые виды террористических угроз, для чего необходимо постоянное совершенствование сферы правового регулирования деятельности государственных органов по противодействию террористической деятельности.

Начало созданию в Российской Федерации «профильной» правовой базы, регулирующей вопросы борьбы с террористической деятельностью, было положено в 1998 году изданием Федерального закона от 25 июля 1998 г. №130-ФЗ «О борьбе с терроризмом», который определил правовые и организационные основы борьбы с терроризмом в Российской Федерации, порядок координации деятельности осуществляющих борьбу с терроризмом федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, общественных объединений и организаций независимо от форм собственности, должностных лиц и отдельных граждан, а также права, обязанности и гарантии граждан в связи с осуществлением борьбы с терроризмом.

В развитие закона был принят ряд нормативных правовых актов Российской Федерации в сфере регулирования деятельности государственных органов по борьбе с терроризмом, касающихся, в том числе, проведения контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона.

Однако развитие терроризма требовало адекватного законодательного реагирования на происходящие с ним изменения, да и практика показала ряд слабых сторон данного закона.

В связи с этим в первой половине 2006 года российская нормативная правовая база противо-

действия терроризму претерпела существенные изменения, которые нашли отражение в федеральных законах от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ «О противодействии терроризму» и от 27 июля 2006 г. №153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму», а также в постановлении Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 7 июля 2006 г. №219-СФ «Об использовании формирований Вооруженных Сил Российской Федерации и подразделений специального назначения за пределами территории Российской Федерации в целях пресечения международной террористической деятельности».

О непростой судьбе принятия двух названных федеральных законов свидетельствует тот факт, что Президент Российской Федерации дважды направлял в Государственную Думу свои заключения на проект федерального закона о противодействии терроризму. Впервые в отечественной законопроектной деятельности сначала был принят подзаконный акт – Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. №116 «О мерах по противодействию терроризму» (далее – Указ №116), определивший систему взаимодействия и функционирования государственных органов, участвующих в противодействии терроризму, и только затем этот порядок был закреплен законодательно.

Федеральный закон «О противодействии терроризму», который содержит ряд важных новаций, учитывающих российский и международный опыт, накопленный в этой сфере за время, прошедшее с принятия Федерального закона «О борьбе с терроризмом» в 1998 году, существенно обогатил правовую основу борьбы государства с террористической деятельностью.

Во-первых, ряд положений Федерального закона «О противодействии терроризму» основывается на нормах международных правовых актов, касающихся борьбы с террористической деятельностью. В частности, приведенные в законе определения понятий «террористическая деятельность» и «террористический акт» отвечают принципам, заложенным в Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г. и ряде резолюций ООН. В соответствии с нормами Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, ратифицированной Российской Федерацией 20 апреля 2006 года, российский закон относит к террористической деятельности подстрекательство к совершению преступления террористического характера, а также распространение информации и материалов, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость ее осуществления. В соответствии с Резолюцией 1624 Совета Безопасности ООН (2005) о наращивании антитеррористических усилий на международном уровне в Федеральный закон «О противодействии терроризму» включена статья, посвященная международному сотрудничеству Российской Федерации в данной сфере.

Во-вторых, не случайно название нового закона и его преамбула отличаются от приведенных в редакции прежнего Федерального закона «О борьбе с терроризмом». Принципиальная разница заключается в том, что противодействие терроризму рассматривается как деятельность государства и общества по трем основным направлениям: профилактика терроризма, то есть выявление и устранение причин, порождающих терроризм и позволяющих совершать террористические акты; борьба с терроризмом, то есть специальные мероприятия по выявлению, пресечению и расследованию террористических актов; минимизация и ликвидация проявлений терроризма, что в совокупности составляет противодействие терроризму.

Новое здесь – комплексный подход и упор на профилактику терроризма, а также законодательное закрепление в качестве составной части противодействия терроризму минимализации и ликвидации его последствий.

Профилактика терроризма – одна из наиболее сложных и в то же время приоритетных задач, требующая целого комплекса мер, осуществляемых на постоянной основе. В соответствии с законом ею обязаны заниматься все государственные органы и органы местного самоуправления, вовлеченные в систему противодействия терроризму. Профилактика предполагает устранение во всех областях жизнедеятельности общества и государства условий, порождающих терроризм и позволяющих совершать террористические акты.

Минимализация и ликвидация последствий терроризма – также многоаспектная проблема,

решение которой имеет важное значение, поскольку одной из задач террористов является причинение как можно более тяжкого вреда в результате совершенных ими преступных деяний с целью запугивания населения и подрыва безопасности государства.

В-третьих, впервые законодательно терроризм определен как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанная с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий, т.е. как многостороннее явление общественной жизни, а не только как набор отдельно взятых терактов, что превалировало в законодательстве более раннего периода.

Представляется актуальным и своевременным включение в определение терроризма понятия «идеология насилия», противодействовать распространению которой должны будут государственные органы и органы местного самоуправления. Весь исторический опыт свидетельствует о том, что движущей силой, толкающей террористов, в том числе и самоубийц, на совершение террористических актов, является именно их предварительная идеологическая обработка, в результате которой у людей трансформируется шкала моральных ценностей, и совершение тяжкого преступления воспринимается ими как подвиг во имя торжества какой-либо идеи. Причем массированной идеологической обработке такого рода подвергают молодых людей, когда психика их не окрепла и легко поддается внушению. Именно заражение идеологией насилия позволяет ненависти к другим перевесить в сознании террориста общечеловеческие ценности. Идеология вовлекает массы молодых людей в вооруженную борьбу с государством в составе бандитских формирований, оправдывая совершение ее приверженцами любых кровавых преступлений, не взирая на количество жертв. Поэтому государство не имеет право игнорировать распространение идеологии насилия на территории страны, а ее проповедники справедливо приравниваются к террористам.

В-четвертых, закон решил давно назревшую проблему правовой регламентации участия Вооруженных Сил в проведении контртеррористических операций. Одновременно установлено право Вооруженных Сил применять в ходе этих операций оружие и боевую технику, без чего они не смогли бы выполнять функции, связанные с участием в борьбе с терроризмом. Кроме того, законодатель установил, в каких случаях при осуществлении борьбы с терроризмом применяются Вооруженные Силы Российской Федерации: для пресечения террористических актов в воздушном пространстве и водной среде, для участия в контртеррористической операции и для пресечения международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации.

В-пятых, изменилась и сама государственная система противодействия террористической деятельности. Если ранее в качестве основного субъекта руководства борьбой с терроризмом было законодательно закреплено Правительство Российской Федерации, то в соответствии с Федеральным законом «О противодействии терроризму» эту систему будет формировать Президент Российской Федерации (что отражено в Указе №116), который сможет ее оптимизировать, исходя из насущных задач и результатов практики. Ранее, в соответствии с законом, непосредственным осуществлением борьбы с терроризмом занимались пять федеральных органов исполнительной власти, в новую государственную систему противодействия терроризму вовлечены (в рамках их компетенции) практически все федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Федерации и органы местного самоуправления, при возложении на ФСБ России главенствующей роли в борьбе с терроризмом, что должно повысить ее эффективность.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму», внес ряд важных новаций в действующее российское законодательство, направленных на создание полноценной правовой основы для эффективной деятельности государственного механизма противодействия терроризму.

Так, ст. 15 указанного Федерального закона установила новую редакцию ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О противодействии терроризму», согласно п. 3 которой Президент Российской Федерации принимает решение об использовании за пределами Российской Федерации формирований российских Вооруженных Сил и подразделений специального назначения для борьбы с тер-

рористической деятельностью, осуществляемой против Российской Федерации либо российских граждан или лиц без гражданства, постоянно проживающих в Российской Федерации.

Помимо изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» данный законодательный акт содержит ряд важных новаций, внесенных в законы «О милиции», «О средствах массовой информации», «О федеральной службе безопасности», «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», «О статусе военнослужащих», «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», «О противодействии экстремистской деятельности», в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Налоговый кодексы, в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и другие законодательные акты.

Отметим наиболее значимые. Среди них – новая редакция ст. 12 Уголовного кодекса Российской Федерации, распространяющая юрисдикцию России на преступления, совершенные вне пределов Российской Федерации ее гражданами и постоянно проживающими на российской территории лицами без гражданства. Данные лица подлежат ответственности в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации, если в отношении их по данному преступлению не имеется решения суда иностранного государства. Речь идет о преступлениях не только против интересов Российской Федерации, но и против интересов российского гражданина или постоянно проживающего на территории России лица без гражданства.

Важными новациями дополнен и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Наиболее существенной среди них является возможность проведения судебного разбирательства по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях в отсутствие подсудимого, который находится за пределами Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд и конфискация имущества.

Закреплена норма о том, что подразделения специального назначения органов федеральной службы безопасности по решению Президента Российской Федерации могут использоваться против находящихся за пределами территории России террористов и (или) их баз для устранения угрозы ее безопасности.

Еще одна новация, которая закреплена в норме закона «О средствах массовой информации» касается защиты сведений о сотрудниках специальных подразделений, лицах, оказывающих содействие в проведении контртеррористической операции, выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии террористического акта, и о членах семей указанных лиц. Данная норма носит бланкетный характер, не устанавливая какого-либо нового порядка засекречивания информации, а отсылая к положениям действующих законодательных актов Российской Федерации о государственной тайне и персональных данных.

Указом №116 был образован Национальный антитеррористический комитет в качестве органа, обеспечивающего координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления по противодействию терроризму и антитеррористические комиссии в субъектах Российской Федерации. Председателем Комитета назначен директор Федеральной службы безопасности Российской Федерации, в состав Комитета входят также руководители ряда органов исполнительной власти, в частности, министр внутренних дел Российской Федерации, министр иностранных дел Российской Федерации, министр юстиции Российской Федерации, директор Службы внешней разведки Российской Федерации, директор Федеральной службы охраны Российской Федерации, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации – первый заместитель Министра обороны Российской Федерации и другие должностные лица.

Кроме того, для организации планирования применения сил и средств федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов по борьбе с терроризмом, а также для управления контртеррористическими операциями в составе Комитета образован Федеральный оперативный штаб. Образованы также оперативные штабы для управления контртеррористическими операциями в субъектах Российской Федерации.

Представляется, что с принятием пакета федеральных законов отечественное законодательство в области противодействия терроризму не только претерпело серьезное качественное изме-

нение, но и получило мощный положительный импульс для дальнейшего своего развития, что позволяет говорить о вступлении в новый этап правового регулирования противодействия терроризму.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – 25 января. – №237.

2. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. – 2006. – 10 марта. – №48.

3. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. №130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» // Российская газета. – 1998. – 4 сент. – №146.

4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Российская газета. – 2006. – 25 июля. – №165.

5. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. №40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (в редакции 27.07.2006 г.) // Российская газета. – 2006. – 25 июля. – №165.

6. Федеральный закон от 7 августа 2000 г. №121-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о пресечении терроризма от 27 января 1977 г.» // Российская газета. – 2000. – 10 сент. – №153–154.

7. Федеральный закон от 13 февраля 2001 г. №19-ФЗ «О ратификации Международной конвенция по борьбе с бомбовым терроризмом» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №8. – Ст. 702.

8. Федеральный закон от 20 апреля 2006 г. №56-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» // Российская газета. – 2006. – 25 апр. – №86.

9. Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. №116 «О противодействии терроризму» // Российская газета. – 2006. – 17 февр. – №34.

10. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 7 июля 2006 г. №219-СФ «Об использовании формирований Вооруженных Сил Российской Федерации и подразделений специального назначения за пределами территории Российской Федерации в целях пресечения международной террористической деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – №29. – Ст. 3144.

11. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 29 сентября 2006 г. №3498-4ГД «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших преступления в период проведения контртеррористических операций на территориях субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – №40. – Ст. 4150.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Петраков Г.А., Устинова Ю.Ю. *ЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ:* учеб. пособие / Рец.: Е.А. Цирульникова, Е.М. Карпова. – Кострома: Представительство Национального института им. Екатерины Великой в г. Костроме, 2006.

***ОСНОВЫ КОММУНИКАЦИЙ:* учеб. пособие для студ. фак-тов физ. культ / Л.М. Бочкова, Н.Ю. Матвеева, Н.В. Новожилов, С.М. Нуртдинов / Рец. М.А. Милованов, А.В. Горбань. – Кострома: КГУ, 2006.**

Колчанова Л.С., Матвеева Н.Ю. *ПРАВИЛА СОРЕВНОВАНИЙ, ТЕХНИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ПРЫЖКАМ В ДЛИНУ И ВЫСОТУ:* учеб.-метод. пособие для студ. фак. физ. культуры / Рец. Н.В. Новожилов, А.В. Горбань. – Кострома: КГУ, 2006.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА

Ю.Н. Дулин

КОМПЕТЕНТНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ МЕНЕДЖЕРОВ

В системе профессиональной подготовки специалиста содержание обучения занимает главенствующую роль. Содержание профессионального обучения определяют как совокупность знаний, умений и навыков, необходимых и достаточных будущему специалисту для выполнения его производственных задач. Осваивая содержание обучения в процессе профессиональной подготовки, обучаемый стремиться приобрести знания, навыки, умения необходимые ему для решения профессиональных задач и дополнительно, личные профессиональные черты. В совокупности, содержание обучения и организация самого обучения в методической системе профессионального образования, определяет качество профессиональной подготовки будущего специалиста.

Требования предъявляемые к профессиональному специалисту определяют содержание образования – чему учить. Конструирование и обоснование содержания образования является объектом постоянных педагогических исследований. В профессиональном образовании «многочисленные исследования разных моделей профессионального труда, так или иначе, базируются на положении С.Л. Рубинштейна о 2-х способах жизни и могут быть объединены в две группы:

1. Модель адаптивного поведения.
2. Модель профессионального развития.

1. Основная цель модели адаптивного поведения заключается в развитии умений человека «вписаться» в окружающую действительность.

2. В модели профессионального развития основной акцент переносится на формирование умения «выйти» за пределы непрерывного потока повседневной практики; видеть, осознавать и оценивать различные проблемы, конструктивно разрешать их в соответствии со своими ценностными ориентациями, рассматривать любую трудность как стимул дальнейшего развития.

Если адаптационная модель профессиональной подготовки ориентирована на сиюминутное реагирование на внешние изменения, то модель профессионального развития – на учет и прогнозирование будущих изменений»[1]. Модель профессионального развития предполагает, что обучаясь в системе профессионального образования будущий специалист стремиться овладеть своей профессией менеджера как законченной, со всеми необходимыми знаниями, умениями, ценностями, этикой поведения и другими профессиональными признаками опережающими общественное развитие.

Профессиональное образование обычно осуществляет обучение на искусственно созданной модели профессиональной деятельности, представляющей работу будущего специалиста. Такая модель профессиональной деятельности создаётся содержанием образовательной программы, формой обучения, обеспечением внешних и внутренних условий деятельности учебного учреждения. Осваивая содержание обучения соответствующими формами обучения будущий специалист обучается профессии в соответствии с целями обучающей программы. Отслеживая изменения рынка труда к профессии специалиста меняют и содержание образовательных программ профессиональной подготовки. Как отмечено в монографии «Однако на практике достаточно сложно обеспечить возможность прямого перевода данных из области профессиональной деятельности специалистов в область их обучения, воспитания и развития, на язык учебных планов и программ. Даже для перечней знаний, умений навыков которые легко выявляются из функциональной структуры деятельности специалиста, осуществить прямой перевод непосредственно на образовательный процесс крайне трудно. Такая работа не может быть осуществлена по фрагментарным данным моделирования деятельности специалиста, а требует комплексного анализа присущих целостному образовательному процессу»[2]. Главная проблема и противоречие профессионального образования состоит в том, что в учебных учреждениях по образовательным программам нужно подготовить

© Ю.Н. Дулин, 2006

специалиста, который в последующем мог бы работать профессионально в условиях реальной практики (обучаются в одних условиях работают в других). Данное противоречие постоянно действующее, поскольку постоянно меняются требования к специалисту, к его модели и образу. А.А. Вербицкий[3] развивает и конкретизирует противоречия встречающиеся у обучающих моделей профессионального образования и как показало наше исследование[4], содержание образовательных программ подготовки менеджеров имеет тот же характер противоречий. В частности,

1) наличие учебной мотивации и отсутствие профессиональной в овладении профессией менеджера;

2) абстрактный характер подготовки менеджера не привязанной к обучению работы на современных управленческих должностях и службах организации. Так специализации профессиональной подготовки в рамках специальности, например «Менеджмент организации» не решают противоречия абстрактной подготовки менеджера к работе на управленческой должности и содержанию работы на данной должности;

3) содержание обучения каким либо профессиональным компетентностям «рассыпано» по множеству учебных дисциплин внешне не связанных между собой тогда как в профессиональной работе компетентности используются системно. Как следствие многочисленное дублирование и повторение содержания обучения;

4) учебная деятельность обучаемого носит индивидуальный характер в то время как профессиональная деятельность менеджера предполагает умение управлять и организовывать труд коллектива людей, а также работать в команде;

5) в ходе обучения обучаемый занимает позицию исполнителя, в то время как профессиональная деятельность менеджера предполагает позицию инициативную предпринимательскую;

6) в ходе обучения у обучаемых востребован один тип поведения (восприятие, дисциплина, память и т.п.) в то время как менеджер должен демонстрировать определённое профессиональное поведение.

Содержание образовательной программы представляет модель подготовки будущего специалиста и какие бы хорошие модели для обучения будущих специалистов не разрабатывались в профессиональном образовании (образовательные программы, учебные планы и т.п.) как правило искусственны, являются носителями конкретных противоречий профессионального образования и они же в первую очередь подвергаются изменениям. Как отмечает А.А. Вербицкий «Переход от учения к труду представляет сложнейший процесс трансформации учебной деятельности в профессиональную, что связано с превращением знаний из предмета учебной деятельности в средство регуляции деятельности профессиональной, со сменой одного ведущего типа деятельности другим, с изменением социальной позиции человека»[5]. В работе В.А. Козырева, Н.Ф. Радионовой, А.П. Тряпицыной уточняется, что «Новые модели учебных планов применяют к пяти компонентам учебных курсов: целям обучения, содержанию, образовательным стратегиям и преподавательской деятельности, оценке достижений (продвижению) студентов и динамике происходящего в аудитории»[6].

В проводимых нами исследованиях создана модель конкурентоспособного и профессионального менеджера владеющего определённым набором профессиональных компетентностей опережающих общественное развитие, способного успешно адаптироваться в современную окружающую социальную среду[7]. Профессиональная подготовка такого менеджера обуславливает необходимость изменения не только содержания образования, содержания самих учебных дисциплин, но и последовательности их прохождения. Конструирование и формирование содержания профессиональной подготовки таких менеджеров основывалось на решении следующих образовательных задач:

– формирования педагогической модели перевода образовательной цели и результата в содержание профессиональной подготовки становления профессиональных компетентностей соответствующих сформированной модели конкурентоспособного менеджера;

– формирования педагогической модели освоения содержания профессиональной подготовки менеджеров становления профессиональных компетентностей;

– обеспечение вовлечения обучаемого в активную позицию при освоении содержания обучения профессиональным и социальным компетентностям;

– формирование профессиональной и конкурентоспособной личности.

Содержание профессионального образования носит двойственный характер, являясь с од-

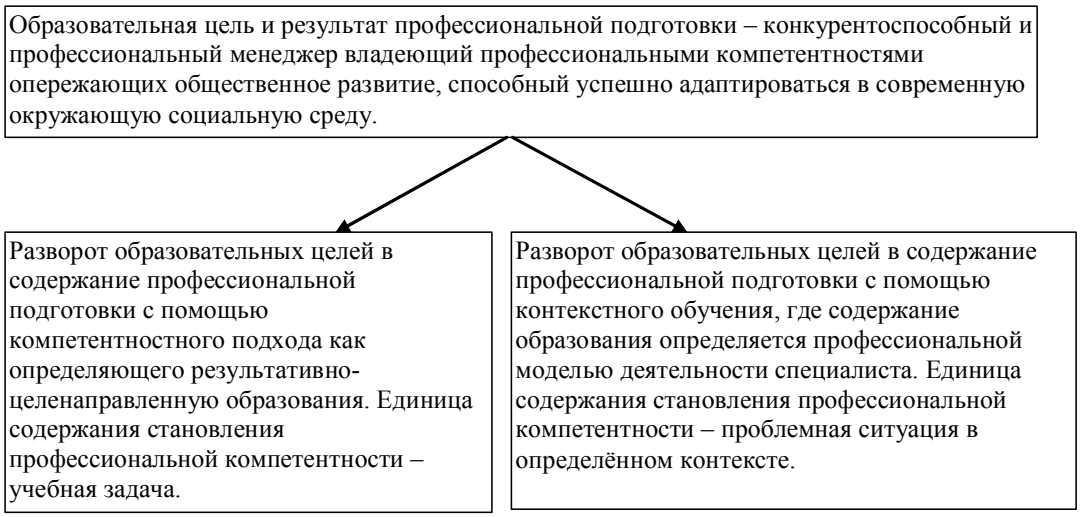

Рис. 1. Концептуальная педагогическая модель разворота образовательной цели становления профессиональных компетентностей в содержание профессиональной подготовки

ной стороны предметом усвоения и с другой стороны средством достижения педагогических целей. Для проектирования педагогической модели разворота образовательной цели в содержание профессиональной подготовки и достижения цели, использована модель профессионального развития, общая педагогическая теория усвоения социального опыта или деятельностная теория учения (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин и др.) и вытекающих из данной теории компетентностного подхода и контекстного обучения. Гипотеза исследования решения представленных сложных образовательных задач основана на методологии системного анализа и целевого подхода (рис. 1). В данной концептуальной педагогической модели цель и образовательный результат представлен разработанной моделью конкурентоспособного и профессионального менеджера владеющего определённым набором профессиональных компетентностей опережающих общественное развитие, способного успешно адаптироваться в современную окружающую социальную среду. Созданная модель задаётся как образовательная цель, «цель – идеал» переведённый в действие. Перевод образовательных целей в действия обеспечивающих достижение образовательного результата представляет сложную педагогическую неструктурированную задачу. Решение данной задачи в представленной педагогической модели предусматривает разворот образовательной цели – результата в содержание профессиональной подготовки с помощью двух подходов – представленных как две ветви декомпозиции цели. Одна ветвь предусматривает разворот образовательной цели и результата в содержание профессиональной подготовки с помощью компетентностного подхода. Другая ветвь предусматривает разворот образовательной цели и результата в содержание профессиональной подготовки с помощью контекстного обучения. Компетентностный подход «как определяющий результативно-целевую направленность образования, в котором есть личностные и деятельностные аспекты, прагматическая и гуманистическая направленность. Компетентностный подход усиливает практико-ориентированность образования, его предметно-профессиональный аспект»[8]. Контекстное обучение, поскольку в качестве источника формирования содержания образования, выступает «будущая профессиональная деятельность представленная в виде модели деятельности специалиста: описания системы его основных профессиональных функций, проблем и задач. Обучение, в котором динамически моделируются предметное и социальное содержание профессионального труда, тем самым обеспечиваются условия трансформации учебной деятельности студента в профессиональную деятельность специалиста»[9].

При формировании содержания профессиональной подготовки, в логике компетентностного подхода, единицей содержания является учебная профессиональная задача и в рамках данно-

го подхода «учебная задача – это то, что ученик должен освоить. Учебное действие – это изменения учебного материала, необходимые для его освоения учеником, это то, что ученик должен сделать, чтобы обнаружить свойства того предмета, который он изучает»[10]. Там же представлена схема построения содержания образования специалиста в русле компетентностного подхода на основе профессиональных задач. Согласно приведённой схемы развитие и оценка различных компетентностей происходит через решение обучающимися соответствующих задач. Сам термин «задача» трактуется достаточно широко и может означать и непосредственную постановку перед обучающимися учебных задач, проблем, ситуаций, сюжетов и т.п. «Примерная структура профессиональной задачи как единицы содержания подготовки:

1. Обобщенная формулировка задачи – описание имеющегося в практике противоречия, трудностей, постановка вопроса.

2. Ключевое задание, в котором обозначен «продукт» решения задачи (что требуется представить как результат решения).

3. Контекст решения задачи – имеющиеся условия (характеристика людей, ресурсов, конкретной ситуации и т.д.).

4. Задания, которые приведут к решению (к «продукту»). Они могут быть приведены в полном составе, неполном, не приведены вообще.

5. Критерии оценки.

Можно студентам (слушателям) предложить самим выявить контекст предложенной задачи в реальной жизни и решить задачу с учетом этого контекста[11].

Профессия менеджера относится к тем динамическим профессиям, которые резко реагируют на политическую, экономическую и социальную обстановку в обществе. Исследование профессиональной деятельности менеджеров выполненное с помощью профессиологии выявило большое количество компетентностей, которыми должен владеть конкурентоспособный и профессиональный менеджер и которые должны составлять содержание профессиональной подготовки. Образовательная цель, сформированная как профессиональная подготовка конкурентоспособного и профессионального менеджера предусматривающая становление не одной, а целого комплекса профессиональных компетентностей, представляет собой сложную интегральную характеристику. Для формирования педагогической модели проектирования и освоения содержания профессиональной подготовки менеджеров становления профессиональных компетентностей, когда образовательная цель представляет собой сложную интегральную характеристику используем модульную систему обучения. «Теория модульной системы обучения существует давно, применительно к высшему профессиональному образованию различают: мини-курс модульного обучения, учебный курс, «операционный модуль», модульную систему. Общепринятой дефиниции модуля не существует, каждый исследователь попытался выразить собственное толкование понятие. Все они принимают модуль не только как дидактический, но и как организационной единицы обучения. У всех исследователей модуль – это определённый объём материала, практически самостоятельный, занимающий ограниченное время. Каждый модуль имеет структуру, отражающую основные элементы: цель (общая или специальная), входной уровень, планируемые результаты обучения (знания, умения, элементы поведения), содержание (контекст, методы и формы обучения, процедуры оценки). Такая система предоставляет учащимися самостоятельный выбор индивидуального темпа продвижения по программе и саморегуляцию учебных достижений. Учебный процесс стоится как система завершённых модулей, соединяющихся в циклы»[14]. Примером попытки профессиональной подготовки менеджеров с помощью модульной программы (не модуля в рамках отдельной учебной дисциплины) может служить программа НФПК 2000 г. Данная модульная программа состоит из 17 отдельных модулей: «Организация и её деловая среда», «Общее управление организацией: принципы и процессы», «Стратегическое управление», «Управление производительностью и качеством», «Управление инновациями», «Лидерство и практические навыки менеджера», «Организация и управление внешнеэкономической деятельностью», «Антикризисное управление», «Управление маркетингом», «Управление финансами», «Управление человеческими ресурсами» и другие модули. «все 17 модулей дают развёрнутое современное представление о достаточно широком диапазоне менеджмента, его основных сферах развития. Модульная программа предназначена для использования в качестве инструмен-

та процесса, называемого развитием управления»[15]. Исходным моментом при создании данной модульной программы являлись цели учебных дисциплин. Соответствующим образом сформированы учебные цели и содержание модулей. Например «Материал модуля ориентирован на получение теоретических знаний и практических навыков в области управления маркетингом на предприятии. Обобщить практический опыт и научное знание о функциях и методах управления инновациями. Дать представление о закономерностях и конкретных причинах возникновения кризисных ситуациях на предприятиях, продемонстрировать последовательность мер антикризисного управления и т.д.»[16] В нашем исследовании учебный модуль, это самостоятельная организационная единица становления одной или нескольких обозначенных профессиональных компетентностей в профессиональной подготовке менеджера. Каждый учебный модуль имеет сложную структуру, где специальная цель – становление обозначенных профессиональных компетентностей, где содержание профессиональной подготовки менеджеров представляет специально спроектированное содержание учебных дисциплин в духе компетентностного подхода и сам специально отобранный перечень таких учебных дисциплин, где специально спроектирован контекст становления профессиональных компетентностей и процедура оценки профессиональных компетентностей. «При создании программ необходимо иначе, чем в настоящее время, расставить приоритеты: на первое место выносятся характеристики компетентностей как целей программы, затем предлагаются способы их формирования и становления, далее производится отбор информации, которая способствует решению конкретных задач и развитию компетентностей»[17].

Комплекс профессиональных компетентностей выявлен на основании исследования деятельности менеджера и эти компетентности структурируем в учебные модули профессиональной подготовки не по учебным дисциплинам, а по профессиональным полям деятельности менеджера. В результате, сформированы следующие учебные модули профессиональной подготовки становления тех обозначенных компетентностей менеджеров, которым нужно учить специально:

1. Профессия, квалификация менеджера.
2. Основные инструментальные компетентности менеджера.
3. Управленческие должности, карьера менеджера.
4. Роли менеджера.
5. Конкурентоспособность, профессионализация личности менеджера.

В учебном модуле 1, образовательная цель – понимания профессии, квалификации и специализации менеджера, экономической и культурной обстановки востребованности профессии менеджера. Знание возможностей различных профессиональных программ подготовки менеджеров, возможности продолжения образования и повышения квалификации, статуса выдаваемого диплома и различных удостоверений. Знание возможностей приобретения профессии и квалификации менеджера разными образовательными маршрутами.

В учебном модуле 2, образовательная цель – профессиональная компетентность при решении управленческих задач возникающих в ежедневной профессиональной практике менеджера – организации работы подчинённых, эффективное выполнение должностных обязанностей, определение и планирование работы, контроль выполнения работы подчинёнными и других управленческих задач.

В учебном модуле 3, образовательная цель – профессиональная компетентность в работе на конкретных различных управленческих должностях линейных менеджеров, менеджеров в различных службах коммерческих организаций в соответствии с функциональным разделением управленческого труда и организационно-правовой формы коммерческой организации. Понимание моделей карьеры менеджеров, планирования и путей реализации собственной профессиональной успешной карьеры.

В учебном модуле 4, образовательная цель – профессиональная компетентность исполнения ролей менеджерами в ходе своей профессиональной деятельности: лидера, администратора, регулировщика конфликтов, приёмника и распространителя профессиональной информации и других ролей. Понимание, что продолжительность работы на управленческой должности менеджера и успешность профессиональной карьеры во многом зависит от успешности исполнения данных ролей.

В учебном модуле 5, образовательная цель – профессиональная компетентность в использование этических принципов, норм профессионального поведения менеджера и форм личной власти обеспечивающей авторитет и возмож-

ность войти в социальную среду менеджеров. Приобретение личных качеств уверенности в собственных силах, готовность извлечения уроков из собственных ошибок, профессиональной агрессивности при решении профессиональных проблем в ситуациях соперничества и работы в конкурентоспособной среде.

Формирование учебных модулей и разворот учебных результатов (декомпозиция) в учебные модули проведено по принципам:

– адекватности содержания обучения поставленной главной цели подготовки – обучение менеджменту как профессии. Во главе каждого учебного модуля расположены компетентности сформированные в модели конкурентоспособного менеджера таким образом, что осваивая содержание компетентности каждого учебного модуля в сумме, обеспечивается достижение главного результата профессиональной подготовки;

– профессиональные компетентности сформированы по учебным модулям таким образом, что они чётко различимы, значимы, не дублируются и не пересекаются между собой, осваивая их у обучаемого происходит формирование, развитие профессиональных компетентностей и профессионализация мышления;

– обеспечения единства профессиональной подготовки, профессионализации и конкурентоспособности личности менеджера.

Для последующего проектирования содержания профессиональной подготовки менеджеров в каждом учебном модуле используем уже применяемый нами целевой подход при декомпозиции заданной цели. Носителями содержания профессиональной подготовки являются учебные дисциплины и их дидактические единицы. Соответственно содержание учебных модулей подлежат развороту на содержание учебных дисциплин и специальному отбору таких учебных дисциплин, которые войдут в учебный модуль и обеспечат становление профессиональных компетентностей менеджера обозначенных в учебном модуле. В свою очередь, последовательно, содержание учебной дисциплины подлежит развороту на содержание дидактических каждой учебной дисциплины, которые обеспечат становление профессиональных компетентностей менеджера обозначенную учебной дисциплиной.

Поскольку содержание профессионального образования носит двойственный характер, являясь не только предметом усвоения но и средством достижения педагогических целей, то учебная задача формируется нами как освоение обучаемым содержания профессиональной подготовки, которое должно привести к достижению образовательного результата – становлению профессиональных компетентностей. На рисунке 2 представлена модель разворота образовательного результата в содержание профессиональной подготовки и становления компетентностей менеджера. Содержание профессиональной подготовки в соответствии с представленной моделью является многоуровневым и пошаговым и разворачивается сверху вниз, так образовательная цель и результат профессиональной подготовки менеджера в соответствии с разработанной моделью разворачивается на учебные модули. В свою очередь, во главе учебного модуля находится специальная цель – становление обозначенных профессиональных компетентностей и далее данная цель разворачивается на содержание учебных дисциплин и дидактических единиц. Учебная задача обучаемым решается последовательно снизу вверх, на уровне дидактических единиц по каждой учебной дисциплине, затем освоения содержания профессиональной подготовки становления профессиональных компетентностей учебных дисциплин всего учебного модуля. Осваивая содержание каждого модуля и в предложенной последовательности, обеспечивается становление установленных компетентностей и достижение образовательного результата. Приведём в качестве примера содержание учебного модуля «Профессия, квалификация менеджера», для профессиональной подготовки менеджеров по образовательной программе «Бакалавр менеджмента».

Учебный модуль «Профессия и квалификация менеджера». Входной уровень – абитуриенты успешно сдавшие вступительные испытания и зачисленные в вуз. Образовательная цель – компетентности, которые предстоит освоить обучаемому: понимание профессии менеджера и возможных образовательных маршрутов приобретения профессии, возможности обучения по профессиональным специальным образовательным программам (бакалавра, специалиста, магистра, МБА, специальных обучающих курсов), специальности и специализации, дающее обучаемому выбор реализации образовательного маршрута обучения менеджменту и при успешном завершении подготовки подтверждающий доку-

Рис. 2. Модель ступенчатого и пошагового разворота образовательных результатов в содержание профессиональной подготовки и становления компетентностей менеджера

мент (диплом, сертификат) о профессиональном образовании, квалификации.

Программа учебной деятельности. Перечень и программы учебных дисциплин с дидактическими единицами, лекций и других учебных материалов с профессиональными и фундаментальными темами, определениями, понятиями, формулировками представленными через учебные задачи как единицы содержания.

Учебная дисциплина «Введение в специальность». Учебная задача – формулирование принимаемой цели и результата подготовки по учебной дисциплине. Сущность и сложность профессии менеджера, приобретения необходимой квалификации и специализации, сложность для обучаемых формулирования принимаемой цели и результата профессиональной подготовки. Дидактические единицы – получение знаний и понятий, формулировок приводящих к решению учебной задачи: профессия и квалификация менеджера, руководитель, рабочие должности и специализация менеджеров.

Учебная дисциплина «Организация профессиональной подготовки в вузе». Учебная задача – формулирование принимаемой цели и результата подготовки по учебной дисциплине. Сложность и специфика многоуровневой организации профессиональной подготовки менеджеров в вузе. Дидактические единицы – получение знаний и понятий, формулировок приводящих к решению учебной задачи: статус и организационная структура вуза, права и обязанности обучаемых, система льгот и поощрений, научная работа, самоуправление обучаемых, правила перевода обучаемых на другие образовательные программы и отчисление обучаемых.

Учебная дисциплина «Педагогика». Учебная задача – формулирование принимаемой цели и результата подготовки по учебной дисциплине. Сложность системы образования и многоуровневой системы профессиональной подготовки менеджеров, трудности в самообразовании, специфика образовательного процесса в вузе. Дидактические единицы – получение знаний и понятий, формулировок приводящих к решению учебной задачи: образование, система профессиональной подготовки менеджеров, образование и самообразование, общие формы организации учебной деятельности – лекции, семинары, и лабораторные занятия, факультативные занятия, диспут, доклады, проекты, конференция, деловые игры, самостоятельная учебная работа обучаемого, учебная сессия, экзамен, зачёт, консультация.

Учебная дисциплина «Иностранный язык». Учебная задача – формулирование принимаемой цели и результата подготовки учебной дисциплины. Основные особенности обиходно-литературного, официально-делового, научного, художественно-литературного стиля изучаемого языка, основные грамматические явления характерные для профессиональной речи, грамматические навыки обеспечивающие коммуникацию бес искажения смысла при письменном и устном общении общего характера. Дидактические единицы приводящие к решению учебной задачи: понятие дифференциации лексики по сферам, понятие об основных способах словообразования и устойчивых словосочетаниях, грамматические навыки обеспечивающие коммуникацию без искажения смысла при устном и письменном общении, основы публичной речи и профессиональных письменных текстов.

При необходимости учебный модуль может быть дополнен другими учебными дисциплинами способствующими более полному достижению образовательных целей учебного модуля.

В итоге, конструируя содержание обучения менеджеров используя в качестве обоснования компетентностный подход:

1. Сформирована педагогическая модель разворота образовательных целей становления профессиональных компетентностей менеджеров в содержание профессиональной подготовки менеджеров. Данная модель предусматривает разворот образовательных целей в содержание профессиональной подготовки на две ветви. Одна ветвь предусматривает разворот образовательных целей в содержание профессиональной подготовки с помощью компетентностного подхода и представляет содержание подготовки, которое должно быть освоено обучающимися для становления профессиональных компетентностей.

2. Подтверждена гипотеза построения педагогической модели разворота образовательного результата в содержание профессиональной подготовки посредством использования системного анализа, компетентностного подхода, контекстного обучения.

3. Сформирована педагогическая модель освоения содержания профессиональной подготовки менеджеров становления профессиональных компетентностей. В данной модели единицей содержания является учебная задача формируемая как освоение содержания профессиональной подготовки решение которой приводит к достижению образовательного результата – становлению профессиональной компетентности менеджера.

Конструирование содержание учебных модулей и проектирование достижения желаемого результата обучения осуществляется за счёт последовательного разворота (декомпозиции) глав-

ного образовательного результата в содержание учебных модулей освоения установленных компетентностей. Образовательные цели учебных модулей разворачиваются (декомпозиция) и наполняются содержанием учебных дисциплин обеспечивающими становлению профессиональных компетентностей. В свою очередь образовательные цели учебных дисциплин разворачиваются до содержания дидактических единиц учебной дисциплины. В итоге, конструирование содержания и проектирования обучения предполагает, что обучаемый достигает главного образовательного результата за счёт освоения компетентностей каждого и всех учебных модулей. Освоение компетентностей каждого учебного модуля осуществляется за счёт освоения содержания учебных дисциплин предусмотренных в данном учебном модуле. Освоение компетентности предусмотренной учебной дисциплиной осуществляется за счёт освоения содержания дидактических единиц данной учебной дисциплины.

4. При определении содержания учебной дисциплины, дидактических единиц необходимо изначально исходить из цели освоения содержания как достижение установленных профессиональных компетентностей.

Именно увязка приобретаемых компетентностей и дидактических единиц по учебным дисциплинам позволяет обеспечить интеграцию, координацию всех учебных дисциплин, избежать повторов и дублирования.

Примечания

[1] Компетентностный подход как способ достижения нового качества образования. – М.: ИНТ, 2003.

[2] *Бордовский Г.А., Нестеров А.А., Трапицын С.Ю.* Управление качеством образовательного процесса. – СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2001.

[3] *Вербицкий А.А.* Компетентностный подход и теория контекстного обучения. – М:. Исследовательский центр, 2004.

[4] *Дулин Ю.Н.* Профессиональная переподготовка менеджеров. Материалы 6 международной научно-практической конференции кафедры педагогики и андрагогики. Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования. Санкт-Петербург, 11–12 апреля 2006. – СПб., 2006.

[5] *Вербицкий А.А.* Указ. соч.

[6] Компетентностный подход в педагогическом образовании / Под ред. В.А. Козырева, Н.Ф. Радионовой, А.П. Тряпицыной. – СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2005.

[7] *Дулин Ю.Н.* Подготовка менеджера // Менеджмент 21 века: проблемы качества. Материалы 4 международной научно-практической, конференции, 15–16 апреля 2004 г. – СПб.: Книжный дом, 2004.

[8] *Вербицкий А.А.* Указ. соч.

[9] Там же.

[10] Компетентностный подход в педагогическом образовании…

[11] Там же.

[12] *Вербицкий А.А.* Указ. соч.

[13] Там же.

[14] Модернизация общего образования. – СПб.: РГПУ им. Герцена, 2002.

[15] *Зобов А.М., Филинов Н.Б., Наумов А.И.* Как работать с модульной программой. – М.: ИНФРА-М, 2000.

[16] Компетентностный подход в педагогическом образовании...

О.В. Суслова

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАТИВНО-ИНТЕРАКТИВНЫХ УМЕНИЙ У БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Интеграция России в мировое образовательное и информационное пространство сопряжена с поиском новых путей формирования личности современного специалиста, способного свободно ориентироваться в поликультурном мире, вступая в процесс взаимодействия с представителями других профессиональных сообществ, как в нашей стране, так и на международном уровне.

В связи с этим перед высшим образованием встает комплекс проблем и задач, которые включают: развитие ценностных установок личности посредством ее обогащения универсальными и национально-специфическими ценностями своей и иных культур; усиление общекультурного содержания образования, расширение коммуникативного диапазона специалиста за счет взаимодействия с представителями других культур и повышения качества подготовки; создание основы для профессиональной мобильности, подготовки к быстро меняющимся условиям жизни, увеличение возможности профессиональной самореализации.

Данные проблемы, в свете усиления процессов глобализации, межкультурного диалога, научно-технической революции в сфере информационных технологий и межкультурной коммуникации предполагают формирование у специалиста, тем более у будущего переводчика умений ориентироваться в мировом профессиональном пространстве. Одним из средств, обеспечивающих достижение этой цели, является формирование профессиональных коммуникативно-интерактивных умений, рассматриваемых нами как комплекс действий, основанных на высокой теоретической и практической подготовленности личности, и позволяющих использовать знания и навыки для организации взаимодействия между общающимися индивидами в сфере профессиональной коммуникации переводчика, т.е. овладение стратегиями и тактиками профессионального коммуникативного взаимодействия.

Перевод служит средством межкультурных контактов. Взаимодействие культур при переводе предполагает стремление предоставить в распоряжение воспринимающих перевод факты и идеи, свойственные чужой культуре, с целью расширить их кругозор, дать им возможность понять, что у других народов могут быть иные обычаи, что надо знать и уважать другие культуры [3, с. 130]. В работах многих авторов отмечается, что перевод занимает промежуточное положения между языком и культурой (В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, В.И. Хайруллин, и др.). Поскольку перевод предполагает преодоление языковых и культурных барьеров, его относят к межкультурной коммуникации. Наиболее ценным для нашего исследования является определение А.Д. Швейцера, который определяет перевод как однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации. А переводчик признаётся специалистом в области межкультурной коммуникации [6, с. 75].

Формирование профессиональных умений будущего переводчика требует усвоения фоновых историко-культурных знаний и активного пользования необходимым набором лексических единиц и грамматических структур. Но, помимо этого, непременным условием является достижение такого уровня владения языком, которое позволяет: быстро реагировать на всевозможные непредвиденные повороты в ходе беседы, быстро определять адекватную линию речевого поведения, безошибочно выбирать конкретные средства из обширного арсенала (который британцы обозначают специальным термином – social language), употреблять их сообразно предлагаемой ситуации.

Результатом сложившейся вузовской практики в области профессионально-направленного преподавания иностранных языков является тот факт, что в процессе профессиональной коммуникации специалисты, достаточно хорошо владеющие иностранным языком, испытывают большие затруднения в выборе стратегий и тактик профессионального взаимодействия в силу незнания норм и ценностей, свойственных культуре другой страны, несформированности поликультурного мировоззрения, личностных поведенческих качеств, необходимых для эффективного общения в межкультурной среде.

Таким образом, сложились противоречия между: потребностью в специалистах, способ-

© О.В. Суслова, 2006

ных осуществлять иноязычную профессиональную деятельность на международном уровне и отсутствием дидактической системы их подготовки; низким коммуникативным реестром специалиста и необходимостью широкого спектра профессиональных коммуникативных умений; быстрым устареванием вузовской подготовки и необходимостью формировать сегодня те потребности, знания, навыки, умения, типы поведения, которые будут особенно актуальны в будущем.

Следовательно, проблемы вербального обеспечения взаимодействия коммуникантов в процессе межкультурного профессионального сотрудничества могут быть решены благодаря формированию у них умений выбора адекватной стратегии ведения профессиональной коммуникации и структурирования наиболее типичных ситуаций с учетом социокультурной и поведенческой специфики партнера, отражаемой в адресатной (взаимопознание), информационной (взаимопонимание) и диалоговой (взаимодействие) моделях коммуникации.

В рамках глобальных стратегий профессиональной межкультурной коммуникации (сотрудничества и соперничества) мы, вслед за Т.И. Астафуровой выделяем три типа стратегий: компенсационные, направленные на коррекцию коммуникативных ошибок или неудач; организационные, направленные на структурирование, организацию текстовой деятельности между коммуникантами; риторические, направленные на оказание воздействия на партнера.

В задачи обучения профессиональным коммуникативно-интерактивным умениям могут быть включены: овладение речевыми клишированными формулами взаимодействия; получение представления об этапах и сценарной последовательности коммуникативных действий в выделяемых ситуациях межкультурной коммуникации; развитие умений адекватной идентификации ролевого и социально-профессионального статуса коммуникантов; формирование «эмпатических» умений (учет «фактора адресата») в межкультурной коммуникации, связанных с порождением эмпатического и позитивного сообщения при помощи соответствующих стратегий организации текста, компенсации коммуникативных неудач, воздействия на партнера, корректно используя языковые средства реализации коммуникативных стратегий; получение представлений социокультурного характера об особенностях делового социума партнера [1, с. 102].

В нашем исследовании предложенная система формирования профессиональных коммуникативно-интерактивных умений у будущих переводчиков может эффективно функционировать при совокупности педагогических условий, определяющих на основе принципа проблемности подбор и компоновку содержания, форм, методов и средств обучения, обеспечивающих формирование и развитие профессиональных умений, комфортные субъект-субъектные отношения педагога и студентов по достижению эффективного результата в формировании коммуникативно-интерактивных умений, лингвистических знаний и формировании профессиональных и личностных качеств будущих специалистов. Таким образом, мы предполагаем, что формирование профессиональных коммуникативно-интерактивных умений у студентов–переводчиков в рамках созданной системы будет проходить более успешно при условиях проектирования содержания профессиональной подготовки будущих переводчиков на основе принципов прагма-функциональной релевантности, социокультурной насыщенности, интеграции реальной коммуникации в учебный процесс; интерактивного включения студентов в иноязычную коммуникацию на основе использования метода проектов; формирование установки на работу в команде через организацию отношений «студент – студент», «преподаватель – студент» на принципах взаимопонимания и сотрудничества.

Остановимся подробнее на условии, предполагающем формирование у студентов установки на работу в команде на принципах взаимопонимания и сотрудничества.

Понятие «установка» следует рассматривать как готовность к определенному поведению в конкретной ситуации [2, с. 37]. В нашем случае имеется в виду готовность к работе в команде на условиях сотрудничества. Некоторые авторы (Г.М. Андреева, АЛ. Журавлев, М.С. Кветной и др.) рассматривают сотрудничество как тип взаимодействия и совместной деятельности, при котором «партнеры содействуют друг другу, активно способствуют достижению индивидуальных целей и общих целей совместной деятельности». Также сотрудничество понимается как тип отношений между участниками совместной деятельности, определяемый общественно-зна-

чимыми целями. Признаками отношений сотрудничества являются поддержание социально значимой активности партнера, обеспечение нужными средствами и знаниями, взаимная стимуляция и мотивация [5, с. 28].

Проблема учебного сотрудничества (cooperative learning) активно и всесторонне разрабатывается в последние десятилетия в нашей стране и за рубежом. Подавляющее большинство исследований сравнительной эффективности разных форм организации учебного процесса свидетельствует о положительном влиянии учебного сотрудничества на деятельность его участников. Это выражается, в частности, в том, что в условиях сотрудничества успешнее решаются сложные мыслительные задачи, лучше усваивается новый материал, повышается уровень коммуникативных умений.

В связи с этим обучение в сотрудничестве по схеме субъектно-субъектного взаимодействия приобретает большую значимость в системе формирования профессиональных коммуникативно-интерактивных умений будущих переводчиков. В этих условиях учащиеся оказываются полноправными участниками межкультурного профессионального общения; возникают доверительные, непринужденные отношения; осуществляется совместная деятельность учеников и учителей, рождается атмосфера творчества.

В рамках данного исследования взаимодействие участников межкультурной коммуникации по принципу сотрудничества рассматривается нами по трём линиям:

– равноправное сотрудничество педагога и студента в группе;

– равноправное сотрудничество студентов в малых группах (3–4 человека);

– общее межкультурное взаимодействие и сотрудничество участников межкультурной коммуникации.

Мы придерживаемся основной идеи практического применения обучения в сотрудничестве – равноправному общению учащихся друг с другом, студентов и учителя на иностранном языке, в результате которого возникает столь необходимый контакт. Наиболее ценным для нашего исследования является то, что на уровне группы – это социальное общение, поскольку в процессе него учащиеся поочередно выполняют разные социальные роли: лидера, исполнителя, организатора, докладчика, эксперта, исследователя и т.д. На межкультурном уровне, в процессе общения (чаты, форумы и конференции), к уже перечисленным социальным ролям необходимо добавить и роль посредника между культурами – языковой личности, познавшей посредством изучения языков как особенности разных культур, так и особенности их взаимодействия.

Следующие варианты обучения в сотрудничестве доказали свою эффективность и состоятельность. Student Team Learning (STL, обучение в команде). Этот метод уделяет особое внимание «групповым целям» (team goals) и успеху всей группы (team success), который может быть достигнут только в результате самостоятельной работы каждого члена группы (команды) в постоянном взаимодействии с другими членами этой же группы при работе над проблемой, подлежащими изучению.

Другой подход в организации обучения в сотрудничестве (cooperative learning) был разработан проф. Elliot Aronson в 1978 г. И назван Jigsaw. В педагогической практике такой подход именуется сокращенно «пила». Учащиеся организуются в группы по 4–6 человек для работы над учебным материалом, который разбит на фрагменты (логические или смысловые блоки). Такая работа на уроках иностранного языка организуется на этапе творческого применения языкового материала.

Ещё один вариант обучения в сотрудничестве – Learning Together (Учимся вместе) разработан в университете штата Миннесота в 1987 году (David Johnson, Roger Johnson). Большая группа разбивается на однородные (по уровню обученности) группы в 3–4 человека. Каждая группа получает одно задание, которое является подзаданием какой-либо большой темы, над которой работает вся большая группа [4, с. 4].

Таким образом, проблема обеспечения будущих переводчиков стратегиями и тактиками профессионального взаимодействия в процессе межкультурного профессионального сотрудничества может быть решена благодаря обучению в рамках системы формирования профессиональных коммуникативно-интерактивных умений, функционирующей при определённых условиях.

Библиографический список

1. *Астафурова Т.Н.* Интерактивная компетенция в профессионально-значимых ситуациях

межкультурного общения // Актуальные проблемы преподавания перевода и иностранных языков в лингвистическом вузе. – М.: МГЛУ, 1996. – Вып. 423. – С. 93–107.

2. *Иосебадзе Т.Т., Иосебадзе Т.Ш.* Проблема бессознательного и теория установки школы Узнадзе // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования / Под ред. А.С. Прангишвили, А.Е. Шерозия, Ф.В. Бассина. – Тбилиси: Мецниереба, 1985. – Т. 4. – С. 37.

3. *Комиссаров В.Н.* Культурно-этнографическая концепция перевода // Картина мира: Лексикон и текст // Сб. научн. тр. МГЛУ. – М., 1991. – Вып. 376. – С. 126–131.

4. *Полат Е.С.* Метод проектов на уроке иностранного языка // Иностранные языки в школе. – 2000. – №2–3. – С. 3–10.

5. Совместная деятельность: Методология, теория, практика / Отв. ред. А.А. Журавлев. – М.: Наука, 1988. – С. 28.

6. *Швейцер А.Д.* Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988.

В.С. Секованов

ФОРМИРОВАНИЕ АНАЛИТИКО-СИНТЕТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЭЛЕМЕНТАМ ФРАКТАЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ И ТЕОРИИ ХАОСА

Преамбула. *В данной статье рассмотрены решения задач фрактальной геометрии и теории хаоса, способствующие формированию аналитико-синтектической деятельности студентов. Указаны приемы использования методов «анализ через синтез», «синтез через анализ», «восходящий анализ» и другие.*

Проблема развития мышления в процессе обучения математике занимает особое место в разработках многих ученых. Специалист-исполнитель не может удовлетворять требованиям, предъявляемым информационным обществом.

В данной статье мы рассмотрим мыслительные операции: «анализ» и «синтез», на базе которых формируется аналитико-синтектическая деятельность студентов. Как указывают П.М. Эрдниев и Б.П. Эрдниев: «Проблема анализа и синтеза – одна из стержневых проблем теории познания, психологии, а потому и дидактики» [9].

С.Л. Рубинштейн отмечал, что процесс мышления – это прежде всего анализирование и синтезирование того, что выделяется анализом; это, затем, абстракция и обобщение, являются производными от них. Закономерности этих процессов и их взаимоотношение друг с другом – суть основные внутренние закономерности мышления (цит. по [2]).

От уровня сформированности мыслительных операций зависит развитие важных качеств мышления: беглость, гибкость, оригинальность, критичность. Указанные качества мышления являются основными компонентами дивергентного мышления, введенного американским психологом Дж. Гилфордом. В свою очередь степень сформированности дивергентного мышление указывает на уровень развития креативности индивида, то есть показателя его способности к творчеству.

Анализируя психолого-педагогическую литературу В.А. Гусев [2, с. 68] приходит к выводу, что при формировании приемов мышления в первую очередь нужно думать о формировании у обучаемых приемов мыслительной деятельности – анализа и синтеза.

По мнению Ю.М. Колягина и В.А. Оганесяна, Г.Л. Луканкина, В.Я. Саннинского, [4, с. 41] «в первоначальном понимании анализ рассматривался как путь (метод мышления) от целого к частям этого целого, а синтез – как путь (метод мышления) от частей к целому». По мнению данных авторов, «Анализ стали понимать как прием мышления, при котором от следствия переходят к причине, породившей это следствие, а синтез – как прием мышления при котором от причин переходят к следствию, порожденному этой причиной» Анализ (аналитический) понимают как метод исследования, основу которого составляет количественное изучение свойств объекта, опирающееся на понятие числа, меры, а синтез (синтетический) – как метод исследо-

© В.С. Секованов, 2006

вания, основу которого составляет изучение качественных свойств объекта [4, с. 42].

Как указывает С.Л. Рубинштейн «Анализ расчленяет проблему; синтез по-новому объединяет данные для ее разрешения. Анализируя и синтезируя, мысль идет от более или менее расплывчатого представления о предмете к понятию, в котором анализом выявлены основные элементы и синтезом раскрыты существенные связи целого» [7]. Как указывает Д. Дьюи [3, с. 93]: «Анализ приводит к синтезу, между тем как синтез совершенствует анализ». Причем иногда происходит доминирование анализа перед синтезом и наоборот.

По мнению М.Н. Шардакова «Доминирование то анализа, то синтеза, переходы от одного к другому представляют собой непрерывно совершенствующуюся мыслительную деятельность учащихся, которая ведет ко все более богатому и глубокому изучению учебного материала, правильному решению встающих перед ними задач» [8, с. 80].

В.А. Гусев отмечает: [2, с. 68] «Анализом и синтезом в методике преподавания математики традиционно называют два противоположных по ходу движения мысли вида рассуждений, которые применяются при решении задач и доказательстве теорем; анализ – это рассуждение идущее от того, что надо найти или доказать, к тому, что дано или уже установлено ранее; синтез – рассуждение, идущее в обратном направлении».

Как указывают С.А. Гастеева, Б.И. Крельштейн, С.Е. Ляпин, М.М. Шидловская: «Аналитический путь рассуждения – это рассуждение от искомого (подлежащего к отысканию) к данным. Ведущим вопросом при этом является такой: что надо знать, чтобы ответить на поставленный вопрос? Синтетический путь рассуждения – это путь от данных к искомому. В этом случае ведущим вопросом является такой: что мы можем узнать по данным условиям?» [1, с. 49]. Далее авторы отмечают: «При аналитическом методе рассуждений каждый шаг имеет свое основание и определенную ясную цель, каждый этап рассуждений связывается с известными нам ранее положениями. При синтетическом методе перехода от одного этапа рассуждений к другому совершается как бы вслепую. Необходимость этих переходов неясна учащимся» [1, с. 49].

Рассмотрим форму анализа – анализ через синтез. Как отмечает С.Л. Рубинштейн: «Говоря кратко потому общо, грубо, эта основная форма анализа, основной нерв процесса мышления заключается в следующем: объект в процессе мышления включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из объекта, таким образом, как бы вычерпывается все новое содержание; он как бы поворачивается каждый раз другой своей стороной, в нем выявляются все новые свойства» [6].

Как указывает В.А. Гусев: «Выявляется очень важный прием мышления, называемый анализ через синтез. Его роль в психологии связывают с выявлением новых качеств сторон и свойств объекта, а, значит, этот прием связан с творческим процессом [2, с. 133]».

По мнению Ю.М. Колягина, Г.Л. Луканкина, В.А. Оганесяна, В.Я. Саннинского [4, с. 45]: «Анализ через синтез – это познание новых сторон, качеств и свойств изучаемых объектов путем включения этих объектов в систему связей и отношений, в которых эти новые свойства могут быть обнаружены. Иногда включение объекта в новую систему связей кажется весьма удивительным и даже смешным. В жизненных ситуациях это явление часто выражается в форме острот, парадоксов, шуток».

Н.Н. Поспелов и И.Н Поспелов отмечают: «Анализ через синтез представляет собой непрерывный процесс добывания новых данных посредством непрерывного соотнесения условий с требованиями задачи; каждое звено этого процесса определено его предыдущим ходом» [5, с. 47].

Важную роль в решении математических задач оказывает метод восходящего анализа, суть которого видна из следующих рассуждений: «для того чтобы А было верно, достаточно, чтобы было верно В …» [4, с. 47].

Следуя В.А. Гусеву [2, с. 133], мы будем понимать такую аналитико-синтетическую деятельность, которая возникает в результате использования приемов мыслительной деятельности «синтез», «анализ», «синтез через анализ», «анализ через синтез».

Большую помощь при формировании аналитико-синтетической деятельности может оказать обучение студентов элементам фрактальной геометрии и теории хаоса, имеющим приложения в физике, химии, экономике, металловедении, лингвистике и т.д.

Мы постоянно подчеркиваем, что мыслительные операции «анализ» и «синтез» взаимосвязаны, но в учебных целях их полезно разделять

особенно на первых этапах обучения студентов фрактальной геометрии и теории хаоса.

Сначала определим множество Кантора K (пыль Кантора) по схеме: пусть K_0 – начальный отрезок единичной длины (K_0=[0;1]). Уберем из него средний интервал $\left(\frac{1}{3};\frac{2}{3}\right)$, который назовем смежным интервалом 1-го ранга. Оставшуюся часть обозначим через K_1 $\left(K_1=\left[0;\frac{1}{3}\right]\cup\left[\frac{2}{3};1\right]\right)$. Из оставшихся отрезков вновь удалим по среднему интервалу, каждый из которых назовем смежным интервалом 2-го ранга. Обозначим оставшуюся часть через множество K_2 $\left(K_2=\left[0;\frac{1}{9}\right]\cup\left[\frac{2}{9};\frac{1}{3}\right]\cup\left[\frac{2}{3};\frac{7}{9}\right]\cup\left[\frac{8}{9};1\right]\right)$. Повторим данную процедуру многократно, на каждом шаге выбрасывая средний интервал из оставшихся отрезков, который мы назовем смежным интервалом n-ранга. Обозначим через K пересечение множеств K_0, K_1, K_2,…, то есть $K=\bigcap_{n=0}^{\infty}K_n$. Точки $0,1,\frac{1}{3},\frac{2}{3},\frac{1}{9},\frac{2}{9},\frac{7}{9},\frac{8}{9},\ldots$ – концы выбрасываемых интервалов. Точки данного вида называются точками первого рода, остальные точки K называются точками второго рода.

Задача 1. Показать, что топологическая размерность p множества Кантора равна 0.

1. Пусть тоска $x\in K$ и $U(x)$ – произвольная ее окрестность в R. Надо попытаться найти такую замкнутую окрестность $V(x)$ точки x в R, что $V(x)\cap K\subset U(x)\cap K$, $U(x)$ и $\partial(V(x)\cap K)=\varnothing$.

2. Исходя из свойств множества Кантора существуют такие $n_0\in N$, $\alpha\in R$, $\beta\in R$, что $[\alpha;\beta]\in K_{n_0}$, $[\alpha;\beta]\in U(x)$, $x\in[\alpha;\beta]$.

3. Пусть точки a и b таковы, что $a\notin K$, $b\notin K$, $a\in U(x)$, $b\in U(x)$, $x\in(a;b)$ (точки a и b находятся в интервалах, которые выбрасываются при построении множества Кантора).

4. Положим $V(x)=[a;b]$. Тогда $V(x)\cap K\subset U(x)\cap K$ и $\partial(V(x)\cap K)=\varnothing$.

5. Множество кантора имеет размерность не более, чем 0. Поскольку K непусто его топологическая размерность не может быть равной –1. Следовательно, p=0.

В данной задаче мы использовали мыслительную операцию «анализ». Однако «синтез» здесь также присутствовал, поскольку нашлась окрестность $V(x)$ точки x, обладающая несколькими свойствами, соединение которых дает решение задачи.

Задача 2. Показать, что фрактальная размерность d множества Кантора равна $-\frac{\ln 2}{\ln\left(\frac{1}{3}\right)}$.

Идея решения такова: сначала покажем, что множество K самоподобно, а потом применим формулу нахождения фрактальной размерности.

1. При уменьшении множества Кантора в 3 раза мы получим его половину. Следовательно, перемещая копию (половину множества K), с помощью параллельного переноса покроем все множество Кантора. То есть составим множество Кантора из двух его копий, каждая из которых уменьшена втрое. Таким образом, множество Кантора самоподобно.

2. Теперь, используя формулу нахождения фрактальной размерности d самоподобных множеств, получим $d=\log_3 2=\frac{\ln 2}{\ln 3}=-\frac{\ln 2}{\ln\left(\frac{1}{3}\right)}$.

Мы считаем, что данное решение относится к приему «синтез через анализ». Здесь идея решения задачи связана с применением известного факта – формулы нахождения фрактальной размерности самоподобных множеств.

Задача 3. Показать, что в канторовом множестве существуют точки второго рода, находящиеся внутри отрезка $\left[\frac{1}{15};\frac{1}{11}\right]$.

Решение. Мы знаем, что:

1. Число c=0,002(002), представленное в троичной системе счисления является точкой второго рода, поскольку в его разложении встречается бесконечное число нулей и единиц.

2. Замечаем, что $c=\frac{2}{3^3}+\frac{2}{3^6}+\frac{2}{3^9}+\ldots+\frac{2}{3^{3n}}+\ldots$ есть сумма геометрической прогрессии, первый член которой равен $\frac{2}{27}$, а знаменатель – $\frac{1}{27}$. Следовательно, $c=\frac{\frac{2}{27}}{1-\frac{1}{27}}=\frac{\frac{2}{27}}{\frac{26}{27}}=\frac{1}{13}$. Так как $\frac{1}{15}<\frac{1}{13}<\frac{1}{11}$, то точка $c\in\left[\frac{1}{15};\frac{1}{11}\right]$.

Данное решение построено на «чистом» синтезе. Однако анализ здесь также присутствует, поскольку без него нельзя сделать вывод 2.

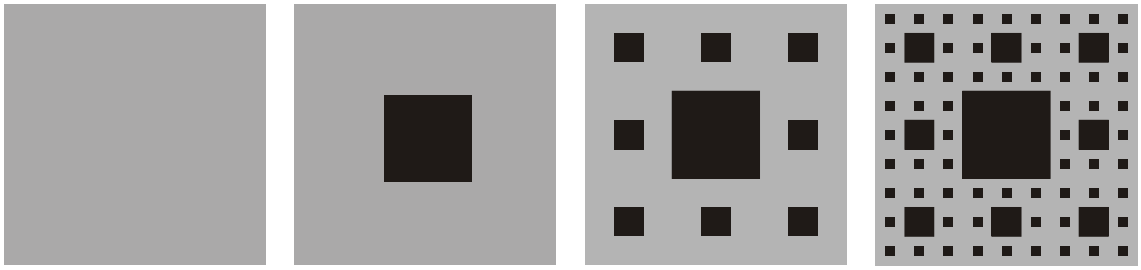

Рис. Ковер Серпинского

Построим на плоскости множество (ковер Серпинского) по следующей схеме: пусть S_0 – квадрат [0;1]×[0;1]. Разобьем S_0 на 9 равных частей прямыми $x=\frac{1}{3}, x=\frac{2}{3}, y=\frac{1}{3}, y=\frac{2}{3}$ и выкинем центральный открытый квадрат $\left]\frac{1}{3},\frac{2}{3}\right[\times\left]\frac{1}{3},\frac{2}{3}\right[$. Назовем замкнутыми квадратами первого ранга те восемь квадратов с длиной стороны $\frac{1}{3}$ (их объединение обозначим S_1), которые остаются на плоскости после выбрасывания центрального открытого квадрата с длиной стороны $\frac{1}{3}$. Выбрасываемый квадрат назовем открытым квадратом первого ранга. Аналогично определим замкнутые квадраты второго ранга (их объединение обозначим S_2, в которое войдут равно 8^2 квадрата, сторона каждого из которых равна $\frac{1}{3^2}$). Выбрасываемые открытые квадраты мы назовем квадратами второго ранга (их число будет равно 8, сторона каждого квадрата также равна $\frac{1}{3^2}$). Продолжая процесс дальше, определим открытые и замкнутые квадраты всех рангов. Мы получим также последовательность вложенных множеств $\{S_n\}_{n=1}^{\infty}$, пересечение которых и образует Ковер Серпинского S, то есть $S=\bigcap_{n=0}^{\infty} S_n$ (рис.).

Задача 4. Исследовать свойства, которыми обладает множество S:

4а. Является ли множество S замкнутым.

Решение.

1. Пересечение любого семейства замкнутых множеств в метрическом пространстве замкнуто.

2. При каждом натуральном n множеств S_n замкнуто.

3. S замкнуто, поскольку есть пересечение замкнутых множеств S_n.

Нетрудно видеть, что здесь проведено синтетическое решение. Но анализ также присутствует. Он определяет общую стратегию получения свойства 2. Причем анализ состоит в том, что мы помним, что необходимо доказать.

4б. Показать, что мера Лебега множества S равна нулю.

Решение. Заметим сначала, что

1. $mS+mCS=1$, где CS понимается как дополнение к множеству S до квадрата [0;1]×[0;1]. Поэтому для того, чтобы доказать, что $mS=0$ нам достаточно доказать, что $mCS=1$.

2. Для того, чтобы доказать $mCS=1$ достаточно доказать, общая площадь выброшенных открытых квадратов будет равна 1.

Запишем рассуждения, согласно плану, намеченному при анализе:

3. На первом шаге мы удалили один квадрат с длиной стороны, равной $\frac{1}{3}$, на втором шаге мы удалили 8 квадратов с длиной стороны каждого, равной $\frac{1}{9}$ и т. д. на n-ом шаге удаляются 8^{n-1} квадратов с длиной стороны $\frac{1}{3^n}$ и т. д.

4. Тогда мера Лебега mCS множества CS будет равна:

$$mCS=\frac{1}{9}+8\cdot\frac{1}{9^2}+\ldots+8^{n-1}\cdot\frac{1}{9^n}+\ldots=\frac{1}{9}\left(1+\frac{8}{9}+\frac{8^2}{9^2}+\right.$$
$$\left.+\ldots+\frac{8^{n-1}}{9^{n-1}}+\ldots\right)=\frac{1}{9}\cdot\frac{1}{1-\frac{8}{9}}=1.$$

5. Согласно 1–4 $mS=0$.

В данной задаче мы использовали метод «восходящий анализ» Однако «синтез» здесь также налицо. Он определяет общую стратегию получения свойства 5 на основе предыдущих рассуждений.

4в. Найдите размерность самоподобия множества S.

Решение.

1. Ковер Серпинского представляет собой объединение N=8 непересекающихся уменьшенных в три раза копий.

2. Масштабирующий множитель равен $\frac{1}{3}$. Отсюда следует, что S – самоподобный фрактал.

3. Размерность d множества S равна $d = \frac{\ln 8}{\ln 3} \approx 1{,}8928.$

Мы считаем, что данное решение относится к приему «синтез через анализ». Здесь, как и в задаче 2 идея решения связана с применением известного факта – формулы нахождения фрактальной размерности самоподобных множеств.

4г. Показать, что S – нигде не плотно.

Решение. Нам надо доказать, что каждый открытый шар P пространства $[0;1]\times[0;1]$ содержит открытый шар полностью свободный от точек множества S. Предположим противное. Из предположения имеем, что каждый круг содержит по крайней мере одну точку множества S. Попробуем придти к противоречию.

1. Пусть P – произвольный открытый шар в $[0;1]\times[0;1]$.

2. Тогда в этом шаре согласно предположению найдется по крайней мере одна точка A множества S.

3. Покажем, что существует шар $P_1 \subset P$, который не содержит ни одной точки множества S. Пусть Q_n – один из квадратов множества S_n, обладающий следующими свойствами:

а) $A \in Q_n$;

б) $Q_n \subset P$. Это легко достигнуть, поскольку длина диагонали d_n квадрата Q_n стремится к нулю при $n \to \infty$.

Как поступить дальше? Какие следствия из п. 3 можно получить. К сожалению, мы не можем получить никаких следствий, не выдвинув идею, приводящую к цели. В данном случае – это обращение к n+1 шагу построения множества S и рассмотрение выбрасываемого открытого квадрата ранга n+1.

Запишем наши рассуждения.

4. Существует квадрат Q_{n+1}, расположенный в середине квадрата Q_n, который подлежит выбрасыванию на n+1 шаге построения множества S. Вписанный в квадрат Q_{n+1} открытый шар (в данном случае круг) и будет искомым шаром, который не содержит ни одной точки множества S. Причем $P_1 \subset P$.

5. Так как мы построили открытый шар не содержащий точек множества S, то пришли к противоречию. Следовательно, множество S нигде не плотно на плоскости.

При решении данной задачи работает метод «доказательство от противного», применение которого связано с использованием анализа – разбиение квадрата Q_n ранга n на девять квадратов Q_{n+1} ранга n+1 и выделение центрального из девяти образовавшихся квадратов.

Задача 5. Показать, что функция непрерывная функция $f(x)$ на отрезке [a; b], удовлетворяющая условию $a \le f(x) \le b$ имеет на отрезке [a; b] неподвижную точку.

Используя метод восходящего анализа, проведем пошагово решение данной задачи. Мы будем исходить от следствия и восходим к основанию постепенно шаг за шагом.

1. Если $f(a)=a$ или $f(b)=b$, то задача решена.

2. Для того, чтобы доказать, что функция $f(x)$ имеет неподвижную точку достаточно доказать, что функция $\varphi(x)=f(x)-x$ принимает значение 0 при некотором вещественном значении χ.

3. Для того, чтобы доказать, что $\varphi(\chi)=0$ достаточно найти такие точки $x_0 \in (a;b)$ и $x_1 \in (a;b)$, что $f(x_0)=a$, $f(x_1)=b$.

4. Такие точки существуют, поскольку непрерывная функция, заданная на отрезке принимает все промежуточные значения. Тогда $\varphi(x_0)=f(x_0)-x_0=a-x_0<0$ и $\varphi(x_1)=f(x_1)-x_1=b-x_1>0$.

5. Согласно теореме Коши о промежуточном значении функции, существует такая точка $\chi \in (a;b)$, что $\varphi(\chi)=0$. То есть $f(\chi)=\chi$.

С дидактической точки зрения рассматриваемая форма доказательства имеет свои преимущества, поскольку отправное звено, с которого начинается рассуждение (сведение к эквивалентной задаче, использование известной теоремы Коши, мотивировано и не кажется для студента искусственным.

Заметим, что восходящий анализ тесно связан с синтезом ибо подбор достаточных оснований на каждом шаге рассуждения является как аналитическим, так и синтетическим процессами.

Ориентируясь на совершенствование мыслительных операций и развитие гибкости мышления студентам следует предложить провести более короткое доказательство, заметив, что точка χ является промежуточным значением функции $f(x)$.

Задача 6. Пусть K – множество Кантора. Для каждого числа x=0, x_1, x_2, x_3,… из множества K

определим функцию обратного сдвига $\varphi(x)=0,x_2,x_3,x_4,\ldots$ Доказать, что функция φ хаотична на множестве K.

Доказательство проведем в три этапа, на каждом из которых решается отдельная задача.

Первый этап. Докажем, что выполняется условие существенной зависимости. То есть докажем, что для каждой точки $x\in K$ и открытого множества U в R, содержащего x, найдутся такие $\delta\in R_+$, $n_0\in N$ и $y\in U\bigcap K$, что $\left|\varphi^{(n_0)}(x)-\varphi^{(n_0)}(y)\right|>\delta$.

1. Пусть $x=0, x_1, x_2, x_3,\ldots, x_n,\ldots\in K$. Известно, что x представлено в троичной системе счисления и $x_i\in\{0, 2\}$.

Проведем анализ решения задачи, с помощью которого наметим план решения. Нам нужно найти в канторовом множестве число $y=0, y_1, y_2, y_3,\ldots, y_n,\ldots$, где $y_i\in\{0, 2\}$, обладающее тем свойством, что $y\in U$. Кроме того, нам надо подобрать такие числа $\delta\in R_+$ и $n_0\in N$, что $\left|\varphi^{(n_0)}(x)-\varphi^{(n_0)}(y)\right|>\delta$. То есть расстояние между точками x и y должно быть достаточно малым, а расстояние между n_0-ми итерациями этих чисел при отображении φ должно быть разнесенным на величину δ. Решить поставленную задачу непросто. Заметим, что $x=\frac{x_1}{3}+\frac{x_2}{9}+\frac{x_3}{27}+\ldots,\quad y=\frac{y_1}{3}+\frac{y_2}{9}+\frac{y_3}{27}+\ldots$, а n_0-я итерация аннулирует первые n_0 троичных знаков после запятой. Получив число y из числа x путем изменения только одного троичного знака в числе x, мы сможем расстояние между числами x и y сделать сколь угодно малым, а расстояние между n_0-ми итерациями числа x и полученного числа y окажется при этом больше некоторого положительного числа δ. Возникает мысль – сконструировать число y, используя число x, так, чтобы: а) x и y отличались только одним, скажем, n_0+1 троичным знаком; б) $y\in K$. Число $\delta>0$ попробуем подобрать в зависимости от разности: $\left|\varphi^{(n_0)}(x)-\varphi^{(n_0)}(y)\right|$. Чтобы число y входило в множество K необходимо троичный знак x_{n_0+1} у числа x заменить на троичный знак $2-x_{n_0+1}$ у числа y.

Запишем наши рассуждения подробно.

2. Пусть ε такое положительное число, что шар $B(x, \varepsilon)$ с центром в точке x радиуса ε, содержится в множестве U.

3. Найдем такое натуральное число n_0, чтобы выполнялось неравенство: $\frac{\left|2-2x_{n_0+1}\right|}{3^{n_0+1}}<\varepsilon$. Такое n_0 существует, поскольку $x_{n_0+1}\in\{0, 2\}$.

4. Пусть теперь $y=0,x_1x_2\ldots x_{n_0}(2-x_{n_0+1})x_{n_0+2}x_{n_0+3}\ldots$ Нетрудно заметить, что $y\in K$. Кроме того, $|y-x|=\frac{\left|2-2x_{n_0+1}\right|}{3^{n_0+1}}<\varepsilon$. Следовательно, $y\in B(x, \varepsilon)$.

5. Заметим, что $\varphi^{(n_0)}(x)=0,x_{n_0+1}x_{n_0+2}x_{n_0+3}\ldots$, $\varphi^{(n_0)}(y)=0,(2-x_{n_0+1})x_{n_0+2}x_{n_0+3}\ldots$

6. Далее рассмотрим два случая:

а) $x_{n_0+1}=0$.

Тогда $\left|\varphi^{(n_0)}(x)-\varphi^{(n_0)}(y)\right|=\frac{|0-(2-0)|}{3}=\frac{2}{3}$;

б) $x_{n_0+1}=2$.

Тогда $\left|\varphi^{(n_0)}(x)-\varphi^{(n_0)}(y)\right|=\frac{|2-(2-2)|}{3}=\frac{2}{3}$.

Теперь ясно, что в качестве числа δ можно взять, например, $\frac{1}{2}$.

7. Таким образом, мы нашли такие $\delta\in R_+,\left(\delta=\frac{1}{2}\right), n_0\in N$ и $y\in U(y=0,x_1x_2\ldots x_{n_0}(2-x_{n_0+1})x_{n_0+2}x_{n_0+3}\ldots)$, что $\left|\varphi^{(n_0)}(x)-\varphi^{(n_0)}\right|>\delta$. Следовательно, условие существенной зависимости выполнено.

Решение задачи (первый этап) является ярким примером применения прием мышления «анализ через синтез». Анализ приводит здесь к необычной «конструкции» числа y из числа x. Без анализа мы не могли бы обойтись и в пункте 6.

Второй этап. Докажем теперь транзитивность. То есть докажем, что для любых открытых множеств U и V в K существует такое целое число $n\geq 0$, что $\varphi^{(n)}(U)\bigcap V\neq\varnothing$.

Неясно как найти число $n\geq 0$, обладающее указанным свойством. Начнем с анализа искомых величин, которые нужно найти. Заметим, что если $U\bigcap V\neq\varnothing$, то $\varphi^{(0)}(U)\bigcap V=U\bigcap V$ и задача решена. Возьмем точки $x=0, x_1, x_2, x_3,\ldots, x_n,\ldots$ и $y=0, y_1, y_2, y_3,\ldots, y_n,\ldots$ соответственно из множеств $U\bigcap K$ и $V\bigcap K$. Задача будет решена, если мы найдем такое число $z\in U\bigcap K$, чтобы выполнялось $\varphi^{(n)}(z)=y$. Мы не можем утверждать, что $\varphi^{(n)}(x)=y$ для некоторого натурального n. Поэтому попробуем с помощью элементов x и y построить элемент z, обладающий нужным свойством. Множества U и V слишком произвольны. Выберем такое $n_1\in N$, чтобы выполнялись вклю-

чения: $B\left(x,\frac{1}{3^{n_1}}\right)\subset U\bigcap K$ и $B\left(y,\frac{1}{3^{n_1}}\right)\subset V\bigcap K$. Положив $z=0,x_1x_2x_3...x_{n_1}y_1y_2y_3...y_{n_1}y_{n_1+1}...$, заметим, что $\varphi^{(n_1)}(z)=y$. Если мы покажем, что $z\in U$, то задача будет решена. Для того, чтобы доказать, что $z\in U$ достаточно проверить, что $|x-z|\le\frac{1}{3^{n_1}}$. Несложная оценка дает:

$$|x-z| \le \frac{2}{3^{n_1+1}}+\frac{2}{3^{n_1+2}}+...=$$
$$=\frac{2}{3^{n_1+1}}\left(1+\frac{1}{3}+\frac{1}{3^2}+...\right)=\frac{1}{3^{n_1}}.$$

Запишем, полученные в результате анализа рассуждения, подробно:

1. Пусть U и V – открытые множества в R, которые без потери общности можно считать не имеющими общих элементов. Пусть $x\in K\bigcap U$ и $y\in K\bigcap V$. Тогда в троичной системе счисления x и y можно записать в виде: $x=0,x_1,x_2,x_3,\ldots$ и $y=0,y_1,y_2,y_3,\ldots$ Выберем такое n_1, что для $B\left(x,\frac{1}{3^{n_1}}\right)\subset U\bigcap K$, $B\left(y,\frac{1}{3^{n_1}}\right)\subset V\bigcap K$. Далее положим: $z=0,x_1x_2x_3...x_{n_1}y_1y_2y_3...y_{n_1}y_{n_1+1}...$. Ясно, что $z\ne x$.

2. Найдем разность:

$$|x-z|\le\frac{|x_{n_1+1}-y_1|}{3^{n_2+1}}+\frac{|x_{n_1+2}-y_2|}{3^{n_2+2}}+... \le \frac{2}{3^{n_1+1}}+\frac{2}{3^{n_1+2}}+...=$$
$$=\frac{2}{3^{n_1+1}}\left(1+\frac{1}{3}+\frac{1}{3^2}+...\right)=\frac{1}{3^{n_1}}.$$

3. Далее замечаем, что $\varphi^{(n_1)}(z)=y\in V$, что указывает на транзитивность отображения φ.

Решение этой задачи (второй этап) является также примером применения приема «анализ через синтез». Анализ приводит здесь к нахождению числа z с помощью чисел x и y с последующей проверкой выполнения условий, которые налагаются на число z. Данная конструкция очень сложна для студентов. Без глубокого анализа провести ее трудно.

Третий этап. Докажем периодичность. То есть докажем, что множество периодических точек в K плотно. Возьмем произвольную точку $x=0,x_1,x_2,x_3,\ldots\in K$ и произвольный шар $B(x,\varepsilon)\subset K$ радиуса $\varepsilon>0$.

При решении и этой задачи также не обойтись без анализа. Чтобы придти к правильному решению нам следует построить последовательность периодических точек, сходящуюся к x. Заметим, что точка $x^{(1)}=0,x_1,x_1,x_1,\ldots\in K$ имеет период 1 для функции φ ($\varphi^{(1)}(x^{(1)})=x^{(1)}$), точка $x^{(2)}=0,x_1,x_2,x_1,x_2,x_1,x_2,\ldots\in K$ имеет период 2 для функции φ ($\varphi^{(2)}(x^{(2)})=x^{(2)}$). Продолжая рассуждения, придем к выводу, что точка $x^{(n)}=0,x_1,x_2,\ldots x_n(x_1,x_2,\ldots x_n)\in K$ будет иметь период n для функции φ ($\varphi^{(n)}(x^{(n)})=x^{(n)}$). Если мы докажем, что последовательность $\{x^{(n)}\}$ сходится к точке x, то задача будет решена. Для того чтобы доказать сходимость $\{x^{(n)}\}$ к x надо доказать, что $|x^{(n)}-x|<\varepsilon$ будет для всех $n>N(\varepsilon)$, где ε – произвольное положительное число. Для доказательства сходимости последовательности $\{x^{(n)}\}$ достаточно проверить, что, начиная с некоторого номера $|x^{(n)}-x|\le\frac{2}{3^{n+1}}+\frac{2}{3^{n+2}}+... =\frac{\frac{2}{3^{n+1}}}{1-\frac{1}{3}}=\frac{1}{3^n}<\varepsilon$. Таков план наших действий, полученный на основе анализа.

Запишем выше приведенные рассуждения:

1. Пусть $x=0,x_1,x_2,x_3,\ldots\in K$.

2. Рассмотрим последовательность точек: $x^{(1)}=0,x_1,(x_1),x^{(2)}=0,x_1,x_2,(x_1,x_2),x^{(3)}=0,x_1,x_2,x_3,(x_1,x_2,x_3),\ldots x^{(n)}=0,x_1,x_2,x_3,\ldots x_n(x_1,x_2,x_3\ldots x_n),\ldots$ имеющих соответственно период $1,2,\ldots,n,\ldots$ для функции φ.

3. Покажем теперь, что последовательность $\{x^{(n)}\}$ сходится к x. Рассмотрим произвольное $\varepsilon>0$ и решим неравенство $\frac{2}{3^{n+1}}+\frac{2}{3^{n+2}}+...<\varepsilon$ относительно n. Имеем: $\frac{2}{3^{n+1}}+\frac{2}{3^{n+2}}+... =\frac{\frac{2}{3^{n+1}}}{1-\frac{1}{3}}=\frac{1}{3^n}$. Из неравенства $\frac{1}{3^n}<\varepsilon$ находим, что при

$$n>N=\left[\log_3\frac{1}{\varepsilon}\right]+1$$

$$|x^{(n)}-x|\le\frac{|x_1-x_{n+1}|}{3^{n+1}}+\frac{|x_2-x_{n+2}|}{3^{n+2}}+...<\frac{2}{3^{n+1}}+\frac{2}{3^{n+2}}+...<\varepsilon.$$

При решении данной задачи мы вновь использовали прием «анализ через синтез», который привел к построению с помощью числа x последовательности $\{x^{(n)}\}$, обладающей двумя свойствами: а) каждый элемент последовательности имеет определенный период для функции φ; б) последовательность сходится к x.

Следует добавить еще, что при решении данной сложной задачи «анализ» применялся еще при разбиении ее решения на три этапа, а «син-

тез» заключался в соединении решений, полученных на данных этапах.

В заключении отметим, что формирование аналитико-синтетической деятельности студентов способствует развитию их креативности.

Библиографический список

1. *Гастеева С.А.* Методика преподавания математики / С.А. Гастеева, Б.И. Крельштейн, С.Е. Ляпин, М.М. Шидловская / Под ред. С.Е. Ляпина. 2 изд. – Л., 1955.

2. *Гусев В.А.* Психолого-педагогические основы обучения математике. – М.: ООО «Вербум–М», ООО «Издательский центр «Академия», 2003.

3. *Дьюи Д.* Психология и педагогика мышления. – М.: Лабиринт, 1999.

4. *Оганесян В.А.* Методика преподавания математики в средней школе: Общая методика. Учеб. пособие для студентов физ.-мат. фак. пед. ин-тов / В.А. Оганесян, Ю.М. Колягин, Г.Л. Луканкин, В.Я. Саннинский. 2 изд., перераб и доп. – М.: Просвещение, 1980.

5. *Поспелов Н.Н.* Формирование мыслительных операций у старшеклассников / Н.Н. Поспелов и И.Н Поспелов. – М.: Педагогика, 1989.

6. *Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования. – М.: 1958. – С. 98–99.

7. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1989.

8. *Шардаков М.Н.* Мышление школьника. – М.: Гос. учебн. пед. из-во МП РСФСР, 1963.

9. *Эрдниев П.М.* Укрупнение дидактических единиц в обучении математике / П.М. Эрдниев, Б.П. Эрдниев. – М.: Просвещение, 1986.

ЧТО. ГДЕ. КОГДА

Л.Н. Ваулина

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

За последние годы в КГУ сложились богатые традиции в области межкультурной коммуникации. Одна из них – международные научно-практические конференции, на которых обсуждаются актуальные вопросы взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур.

2006/2007 учебный год также начался с международной недели, в программе которой были олимпиады по иностранным языкам, пятая международная научно-практическая конференция «Межкультурное взаимодействие: проблемы и перспективы», круглые столы, встречи с зарубежными специалистами, лекции, дискуссии.

Целью конференции было проведение многоаспектного и многофакторного исследования вопросов межкультурного взаимодействия, а также предоставление трибуны специалистам разных направлений и разных стран для обмена мнениями и презентации результатов исследований и практических наработок по межкультурной тематике. На конференции выступили 103 человека из 19 регионов России. Участниками стали зарубежные делегации из Германии, Польши, Австрии, Чехии, Украины. В обсуждении широкого спектра теоретических и практикоориентированных вопросов приняли участие ученые, практические работники, докторанты, аспиранты и студенты, всего свыше 600 человек.

С приветствиями к участникам конференции обратился ректор Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, профессор Н.М. Рассадин, подчеркнувший важность исследований проблем и перспектив межкультурного взаимодействия как в межэтническом, так и в международном контексте, и пожелавший конференции плодотворной работы.

В приветствии губернатора Костромской области к участникам конференции внимание акцентировалось на актуальности международной деятельности в сфере образования, обусловленной процессом глобализации, подчеркивалась важность организации учебно-воспитательного процесса в международном контексте. Распространение передовых образовательных технологий, обмен опытом в экономической, социальной и других областях позволяет осуществлять подготовку конкурентоспособных высококвалифицированных кадров.

В приветствии руководителя отдела международных связей Государственной канцелярии земли Северный Рейн-Вестфалия г-на Томаса Гориса отмечалось, что осознание необходимости межкультурного диалога и межкультурных усилий произошло задолго до скандала с карикатурами. И не только в связи с растущей глобализацией мы начинаем в настоящее время понимать, что наша свобода и свобода других – это два притязания, которые не всегда совпадают. И если это происходит, то ни одна из стран не должна добиваться своей свободы в ущерб свободе другой страны; мы все должны проявлять терпимость. Но это могут делать лишь те, кто владеет необходимыми знаниями по межкультурной тематике. Г-н Горис считает своевременным и необходимым обмен мнениями по сложным теоретическим и практическим вопросам межкультурного взаимодействия.

С приветственным словом от Посольства Германии в Москве выступил г-н Томас Праль, руководитель представительства Германской Службы академических обменов, который подчеркнул важность межкультурных встреч в контексте глобальных вызовов XXI века, стоящих перед университетами всего мира и связанных со стремительной интернационализацией образования и развитием общества знаний.

С пожеланиями успехов в адрес участников конференции обратилась президент Евангелического института прикладных наук г. Дармштадт г-жа проф., д-р Алекса Келер-Оффирски, руководитель самой многочисленной зарубежной делегации, прибывшей на конференцию.

В первом пленарном докладе («Актуальные вопросы межкультурного взаимодействия»; докладчик – Л.Н. Ваулина) анализировалась актуальность стоящей перед образованием задачи по формированию демократической и толерантной

© Л.Н. Ваулина, 2006

личности, которая понимает и принимает различные культуры и сохраняет свою собственную, обладает достаточной компетенцией, чтобы адекватно действовать в ситуациях межкультурного общения как в многомерном российском обществе, так и за его пределами.

Вкладу коммуникативной психологии в понимание интерактивных процессов в мультикультурном взаимодействии на примере «Теорий о схемах» был посвящен пленарный доклад проф., д-ра Герта Штрассера. Докладчик проанализировал подходы к исследованию моделей-схем, возникающих в ходе обширной междисциплинарной работы. Такие схемы используются в учебных целях в области языкового и культурного посредничества; особую значимость они имеют для разрешения межкультурных конфликтов.

Вопросам единой системы ценностей европейского сообщества, положительным и отрицательным предпосылкам и аргументам ответа было посвящено выступление профессора Варшавского университета Тадеуша Пильха.

На пленарном заседании участники конференции имели возможность познакомиться с результатами практического воплощения идей межкультурного взаимодействия. Итоги работы представили руководители международной научно-исследовательской лаборатории межкультурных исследований проф. канд. филол. наук Л.Н. Ваулина и проф. д-р Герт Штрассер. Создание лаборатории явилось итогом многолетнего сотрудничества КГУ и Института прикладных наук г. Дармштадт в сфере межкультурной коммуникации. За период существования лаборатории проделана большая работа, нашедшая отражение в различных конкретных делах.

Руководителями лаборатории был представлен словарь терминов межкультурной коммуникации «Понятия и значения», авторами которого стали Л. Ваулина, Ф. Штоль, Г. Штрассер. Актуальность издания обусловлена необходимостью разработки систематизированного терминологического аппарата, который позволил бы специалистам, с одной стороны, отразить в них уровень развития межкультурной коммуникации как науки, с другой стороны, информировать всех заинтересованных о достижениях науки, направленной на обеспечение успешного понимания представителей разных лингвокультур. Разработка эталона позволит специалистам оперировать неизменными во всех контекстах терминами.

Участниками лаборатории в 2005/2006 учебном году велась подготовка преподавателей и студентов к академической мобильности. Так, проводились курсы немецкого языка для преподавателей и студентов, желающих сотрудничать с партнерами из Германии. Курсы немецкого языка для продолжающих обучение позволили провести апробацию учебного пособия канд. филол. наук, доц. кафедры немецкого языка О.Н. Новосельцевой. Пособие «Академические контакты на межкультурном уровне» направлено на повышение как лингвистической, так и социокультурной компетентности преподавателей вузов-участников международных проектов. Впервые предпринята попытка учета потребностей данной целевой аудитории при подборе содержания и методов обучения иностранному языку.

Практическое пособие «Счастливого пути! Gute Reise!», соавторами которого являются Л.Н. Ваулина, Т.М. Денисова, Т.А. Казначеева, О.Н. Новосельцева, И.Г. Самойлова, содержит подробную информацию и рекомендации для студентов, аспирантов и преподавателей, желающих отправиться в учебно-ознакомительную поездку или начать учебу в вузах Германии. Страноведческий компонент и тренинговые упражнения помогут быстрее адаптироваться и успешно организовать быт и учебу во время пребывания в стране.

В рамках лаборатории были разработаны также программы следующих спецкурсов:

– От первого контакта до интеграции: основы межкультурной коммуникации (Л.Н. Ваулина).

– Стратегия диалога (Т.М. Денисова).

– Участие в европейской образовательной программе AU-PAIR без посредников (О.Н. Новосельцева).

– Теория информационного метаболизма (И.Г. Самойлова).

– Основы профессиональной толерантной коммуникации специалиста по социальной работе (О.Б. Скрябина).

Завершила пленарное заседание церемония посвящения в почетные доктора КГУ им. Н.А. Некрасова проф., д-ра А. Келер-Оффирски, президента Евангелического института прикладных наук г. Дармштадт, и проф., д-ра Г. Штрассера, преподавателя этого же института, за весомый вклад в развитие двусторонних отношений между вузами-партнерами.

На конференции работали 8 секций и два круглых стола. Принцип межкультурного взаимодей-

ствия был выдержан и в руководстве секциями и круглыми столами; модераторами стали преимущественно представители разных стран.

Секция №1. «Межкультурная коммуникация и взаимопонимание культур». В работе секции приняли участие преподаватели вузов России, Германии, Польши, практические работники, аспиранты, студенты. Слушателям были предложены выступления, раскрывающие причины и следствия травматизации мигрантов, особенности социальной адаптации мигрантов в России, роль общественных объединений и организаций как форм поддержки межкультурного взаимодействия в регионе. Дискуссии вызвали вопросы стереотипов восприятия друг другом носителей разных лингвокультур. Участниками секции высказано пожелание продолжить исследования в указанной области в связи с ее чрезвычайной актуальностью и недостаточной разработанностью.

Секция №2. «Сфера образования в контексте глобализации». На секции было заслушано 6 докладов по проблемам развития международного сотрудничества в сфере образования, являющегося предпосылкой улучшения качества образования. Присутствующие смогли познакомиться с опытом работы зарубежных коллег, в частности особый интерес вызвала реализация проекта «Обучающиеся регионы» (Германия) по подготовке специалистов-посредников в сфере межкультурной коммуникации. Участники отметили также, что в настоящее время созданы все условия для интенсификации академической мобильности по всему миру. Однако процесс адаптации студентов и преподавателей в других странах идет болезненно. Поэтому перед международными службами вузов стоит задача подготовки участников международных проектов к пребыванию в иной культурной среде и, соответственно, создавать оптимальные условия по ускоренной адаптации студентов-иностранцев в новой учебной среде для повышения эффективности стажировок и практик.

Секция 3. «Межкультурный аспект в преподавании иностранных языков». На секции было заслушано 5 докладов. В обсуждении проблем межкультурной коммуникации, ее социокультурного компонента, являющегося стимулом повышения интереса к изучению иностранного языка, приняли участие преподаватели, аспиранты и студенты факультета иностранных языков. Присутствующие подчеркивали, что межкультурная коммуникация представляет собой творческий процесс открытия страны изучаемого языка, позволяет включить обучаемых непосредственно в диалог культур. Было предложено сохранить направления обсуждений вопросов межкультурного взаимодействия этого года на конференции 2007 г., а на данную секцию пригласить авторов учебных пособий, направленных на формирование межкультурной компетенции учащихся.

Секция 4. «Язык и культура». В восьми докладах, предложенных слушателям, речь шла об этноконнотации, культурно-исторической коннотации, интертекстуальности, концепте, концептосфере, фразеологической контаминации, языковой личности, терминологии и терминографии. Участниками высказаны пожелания в адрес оргкомитета по дальнейшему обсуждению проблем взаимодействия языков и культур как важнейшей базы межкультурной коммуникации. Было указано на целесообразность рассмотрения лингвокультурных параметров межкультурного взаимодействия (языковые маркеры национально-культурного сознания; отражение особенностей языковых систем в языковой картине мира).

Секция 5. «Лингвокультурологические аспекты изучения текста». На секции было заслушано 8 докладов, в которых обсуждались вопросы отражения национального менталитета, межкультурных ситуаций общения, имплицитной периферии смыслового ядра текста, интертектуальности, дискурсивных особенностей текста, отражения языковой ситуации билингвизма в художественном тексте. Участники секции выразили готовность продолжить обсуждение лингвокультурологических аспектов изучения текста на конференции 2007 г.

Секция 6. «Диалоги в искусстве и культур». Слушателям было предложено 9 докладов, позволивших убедиться в том, что диалогические отношения пронизывают многие сферы гуманитарной деятельности. Диалогическую природу имеют и литература (художественная, публицистика, литературная критика), и журналистика, и музыка. Диалог в искусстве и культуре реализуется в самых разных формах. По мнению участников дискуссий, исследование функций и форм воплощения диалога в искусстве и культуре является перспективной научной проблемой.

Секция 7. «Межкультурная коммуникация в международных экономических отношениях». На заседании было заслушано 5 докладов, по-

священных проблемам международной внешнеэкономической деятельности региона, актуальности развития экономических отношений между Россией и Германией. Особый интерес вызвали вопросы восприятия партнера как основы успешных межкультурных экономических отношений и роли межкультурной коммуникации при формировании профессиональных компетенций менеджера. В рамках конференции был проведен круглый стол «Становление специалиста в области экономики и управления в процессе общения с фирмами и вузами Германии» при участии немецких коллег профессора Р. Глэсса и Р. Гизе, преподавателей и студентов института экономики, изучающих немецкий язык, кандидатов на стажировку в Германию.

Секция 8. «Взаимопонимание в условиях религиозного многообразия». Здесь было заслушано 10 докладов, основная идея выступлений была направлена на выявление основ, которые позволяют обеспечить диалог культур. В качестве такой основы было предложено понятие духовности, а также теоретические концепции духовности, сравнение толерантности и духовности, психологической интеграции, различение понятий духовной идентичности и религиозной идентичности, которое важно как для решения социальных проблем современности, так и для процессов воспитания и образования в школе. В рамках секции был проведен круглый стол «Духовные практики и современное сектантство», работа которого вызвала интерес как практиков, так и теоретиков; на круглом столе выступило 12 человек. Участники секции выразили пожелание сделать подобную секцию в рамках конференции 2007 г. с приглашением представителей науки и разных конфессий, а также исследователей, педагогов, психологов – теоретиков и практиков, заинтересованных в данной тематике и ее практическом применении.

Кроме секционных заседаний программа конференции включала работу круглых столов по проблемам современного образования для учащихся школ и студентов вузов.

В работе круглого стола «Современный университет» участвовали студенты КГУ им. Н.А. Некрасова, КГТУ, лингвистической школы «Диалогика» г. Линц (Австрия), Евангелического института прикладных наук г. Дармштадт (Германия), университета им. Палацкого г. Оломоуц (Чехия). Основное обсуждение развернулось вокруг проблемы включения системы высшего образования в Болонский процесс.

Круглый стол учащихся школ с углубленным изучением немецкого языка «Современная школа» привлек 22 человека. Его участниками стали учащиеся школ №3 и №25 г. Костромы. Обсуждались вопросы, связанные с ролью иностранных языков в жизни современного специалиста, значимостью общения с зарубежными сверстниками как для совершенствования знаний иностранных языков, так и для получения навыков межкультурного общения. Учащиеся школы №3 делились впечатлениями от поездок в Германию. Речь шла об отличии школьной системы образования России и Германии, о трудностях, с которыми дети сталкивались, о семьях, в которых жили. Обмены учащимися между этой школой и гимназией Карла Великого г. Ахен (Германия) дали учащимся возможность получить опыт межкультурного общения на бытовом уровне и в учебном процессе. В этом году возможности зарубежных поездок были расширены за счет участия школы в программе в Германии, организованной и спонсируемой известным немецким энтузиастом развития российско-германских культурных связей доктором Гебелем. Несколько учащихся школы №3 г. Костромы получили бесплатные 3-месячные стажировки в Германии. Поэтому они могли рассказать о своей работе в школе, впечатлениях от общения с германскими сверстниками. В ходе дискуссий было высказано пожелание расширить круг участников в следующем году за счет учащихся других российских, а также зарубежных школ и студентов, имеющих опыт пребывания за рубежом.

Первый день конференции завершился концертом хора «Глория» музыкально-педагогического факультета КГУ. Вниманию участников конференции был предложен богатый репертуар, включивший произведения российских и зарубежных авторов.

Программа второго дня включила продолжение работы секций, итоговое заседание, переговоры с зарубежными партнерами и посещение студии «Молодежная мода». Студия была создана при поддержке партнеров из Германии и имеет опыт международного сотрудничества.

Итоговое заседание конференции вызвало большой интерес как со стороны участников конференции, так и широкой аудитории школ г. Костромы. Глава представительства ДААД в

Москве д-р Томас Праль в своем выступлении подчеркнул, что такого рода конференции еще не проводилось нигде в России. Наряду с выступлениями руководителей секций были объявлены результаты олимпиад по немецкому и польскому языкам и конкурса студенческих работ по тематике конференции.

Олимпиада по немецкому языку и страноведению проводилась в этом году в шестой раз и привлекла 137 человек. Среди участников были младшие школьники, которым традиционно предлагалось показать свою эрудицию и заполнить на русском языке анкету на тему «Германия сегодня», и старшие школьники, готовившие к олимпиаде тему «Друг, дружба, международные контакты». В этом году впервые проводились отдельно олимпиады для старшеклассников простых общеобразовательных школ и школ с углубленным изучением немецкого языка.

Победители стали среди:

– *младших школьников*:

1 место – Малова Полина (шк. №3);

2 место – Румянцева Ирина (шк. №3);

3 место – Игнатьева Виктория (шк. №3);

– *учащихся старших классов:*

А) *простых школ*:

1 место – Комозина Ольга (Христианская гимназия);

2 место – Ковалев Дмитрий (гимназия №1);

3 место – Петрова Мария (шк. №32);

3 место – Севастьянов Павел (шк. г. Чухломы);

Б) *школ с углубленным изучением немецкого языка*:

1 место – Корепова Дарья (шк. №3);

2 место – Москалева Кения (шк. №3);

3 место – Симанова Виктория (гимназия №15).

Эти учащиеся получили денежные призы Госканцелярии земли Северный Рейн-Вестфалия.

Студенческая олимпиада по немецкому языку проводилась на призы Госканцелярии земли Северный Рейн-Вестфалия и Германской службы академических обменов, второй год выделяющей победителю летнюю языковую стажировку в одном из университетов Германии. В этом году приз DAAD получила студентка 3 курса ИПП КГУ Дубова Оксана. Призы Госканцелярии были вручены:

за 1 место – Калагановой Анне (КГТУ);

за 2 место – Шитикову Сергею (КГТУ);

за 3 место – Дорофеевой Наталье (КГУ);

за 3 место – Насыровой Ильмире (КГТУ).

В олимпиаде по польскому языку приняли участие студенты филологического факультета КГУ. Руководитель делегации Варшавского университета проф., д-р Тадеуш Пильх вручил призы победителям:

1 место – Хвоенок Светлана;

2 место – Андреева Валерия;

3 место – Рыбакова Александра.

Лаборатория проводила также конкурс студенческих работ по заявленной тематике конференции. Победителями стали:

1 место – Булатова Наиля (КГУ, ИПП);

2 место – Брезгина Екатерина (КГУ, ИПП);

3 место – Соколова Вера (КГУ, ф-т ин. яз., нем. отд.).

Эти студенты были награждены грамотами КГУ.

Работа международной научно-практической конференции «Межкультурное взаимодействие: проблемы и перспективы» была высоко оценена участниками конференции. Так, руководитель Германской службы академических обменов господин Томас Праль обратил внимание присутствующих на уникальность опыта КГУ. Конференция была признана содержательной, плодотворной, успешной. Ее уникальность заключается как в широте спектра рассматриваемых вопросов, так и формах организации обсуждения и разнообразии мероприятий.

В заключение участниками конференции была принята следующая резолюция: «Итоги работы международной научно-практической конференции «Межкультурное взаимодействие: проблемы и перспективы», состоявшейся 5–6 сентября 2006 г., подтверждают, что тематика, предложенная на обсуждение, является актуальной как для межкультурного межэтнического, так и для межкультурного международного взаимодействия.

В связи с этим предлагается:

1) провести 5-6 сентября 2007 г. международную научно-практическую конференцию «Диалог культур – культура диалога»;

2) предусмотреть более широкое вовлечение студентов и учащихся школ».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДОКОВА Марина Борисовна, канд. филол. наук, доц., член Союза писателей России.

АКАЙЗИН Эдуард Семенович, д-р мед. наук, зав. лабораторией Научно-исследовательского центра Ивановской гос. мед. академии.

АЛЕНИН Владимир Викторович, канд. экон. наук, Заслуженный экономист РФ, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования.

АНСИМОВА Нина Петровна, канд. психол. наук, доц. каф. общей и социальной психологии Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

АСЦАТУРОВА Виктория Евгеньевна, старший преподаватель каф. гуманитарных дисциплин Владимирского юридического ин-та ФСИН России.

АФАНАСЬЕВ В.В., д-р пед. наук, проф. каф. педагогики Московского гос. областного ин-та.

БАБАЯН Владимир Николаевич, канд. филол. наук, доц. Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

БАЗАРОВА Ольга Леонидовна, канд. пед. наук, доц. каф. педагогики и методики начального образования КГУ им. Н.А. Некрасова.

БЕЛЯНКИНА Наталья Александровна, аспирант каф. истории архитектуры и основ архитектурного проектирования Нижегородского гос. архитектурно-строительного ун-та (ННГСАУ).

БЕРЕЗИКОВ Сергей Александрович, младший научный сотрудник отдела промышленной и инновационной политики Института экономических проблем Кольского научного центра РАН.

БОРОДАТАЯ М.Н., канд. пед. наук, доцент каф. социальной работы, сервиса и туризма Вятского гос. гуманитарного ун-та.

БРОЙДЕ Евгения Михайловна, доц. каф. английского языка Костромского гос. технолог. ун-та.

ВАКУРОВА Ольга Александровна, аспирант каф. всемирной истории и историографии КГУ им. Н.А. Некрасова.

ВАУЛИНА Лидия Николаевна, канд. филол. наук, проф., проректор по международным связям КГУ им. Н.А. Некрасова.

ВЕРБА Ирина Павловна, старший преподаватель каф. русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

ВЕСНИН Александр Анатольевич, канд. культурологи, ст. преподаватель каф. иностранных языков КГУ им. Н.А. Некрасова;

ВЛАСОВ Александр Станиславович, канд. филол. наук, КГУ им. Н.А. Некрасова.

ГАНЦОВСКАЯ Нина Семеновна, канд. филол. наук, проф. каф. русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

ГОРБУНОВ Юрий Сергеевич, канд. юрид. наук, доцент каф. истории отечества и органов безопасности Академии ФСБ России.

ГРУЗДЕВ Владислав Владимирович, канд. юрид. наук, зав. каф. гражданского права и государствоведения КГУ им. Н.А. Некрасова.

ГРУЗДЕВА Мария Львовна, канд. филос. наук, доцент Военной академии РХБЗ.

ДУЛИН Юрий Николаевич, канд. экон. наук, доц. РГПУ им. А.И. Герцена.

ДЯТЛОВ Владимир Валентинович, аспирант каф. ботаники КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЗЫКОВ Андрей Алексеевич, канд. экон. наук, доц. каф. финансов и экономика туризма Владимирского гос. ун-та.

ИСАЕВ Павел Павлович, д-р хим. наук, проф. КГУ им. Н.А. Некрасова.

КАЛГАНОВ Александр Михайлович, соискатель каф. истории отечества и органов безопасности Академии ФСБ России.

КАРАВАШКИН Валерий Анатольевич, доц. каф. истории архитектуры и основ архитектурного проектирования Нижегородского гос. архитектурно-строительного ун-та.

КАШИРИНА Варвара Викторовна, докторант ИМЛИ РАН.

КОВАЛЬСКИЙ Павел Григорьевич, канд. техн. наук, доц. каф. предпринимательства и малого бизнеса КГУ им. Н.А. Некрасова.

КОЛОДИЙ-ТЯЖОВ Леонид Анатольевич, аспирант Костромского гос. технолог. ун-та.

КОМАРОВ Сергей Владимирович, канд. филос. наук, доц. Пермского гос. ун-та.

КОСТЫЛЕВ Евгений Николаевич, аспирант каф. философии Курганского гос. ун-та.

КРУГЛОВА Елена Николаевна, аспирант каф. литературы КГУ им. Н.А. Некрасова.

КУВАЛДИНА М.М., аспирант каф. педагогики Вятского гос. гуманитарного ун-та.

ЛАВРОВА Наталия Владимировна, доц. каф. агрохимии, почвоведения и защиты растений КГСХА.

ЛЕБЕДЕВА Ирина Сергеевна, соискатель ЛГУ им. А.С. Пушкина.

ЛЕТУНОВ Андрей Сергеевич, адъюнкт военной академии РХБЗ.

МАЛЫШЕВА Ольга Витальевна, аспирант каф. предпринимательства и малого бизнеса КГУ им. Н.А. Некрасова.

МАРКОВ Владимир Николаевич, канд. пед. наук, доц. каф. электроники телекоммуникаций и компьютерных технологий Липецкого гос. пед. ун-та.

МАТВЕЕВА Галина Степановна, канд. сельскохозяйственных наук, доц. Санкт-Петербургского гос. аграрного ун-та.

МОЙСЕЕНКО Дмитрий Валерьевич, аспирант КГУ им. Н.А. Некрасова.

МУРАДОВА Людмила Владимировна, канд. сельскохозяйственных наук, доц. каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

НИКОЛАЕВА Дарья Сергеевна, аспирантка ЛГУ им. А.С. Пушкина.

НИКУЛИНА Тамара Егоровна, канд. филол. наук, доц. каф. русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

НУГАЕВА Галина Адельшаевна, преподаватель каф. культурологи Владимирского гос. пед. ун-та.

ОСИПОВА Ирина Ильинична, ведущий научный сотрудник института гуманитарных технологий МГППУ.

ПЕВЗНЕР Александр Абрамович, канд. техн. наук, нач. управления научной работы Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

ПЛАСТИНИНА Елена Александровна, соискатель Военно-финансового института им. Хрулева.

ПУХОВ Николай Михайлович, канд. физ.-мат. наук, доц. каф. теоретической и общей физики Липецкого гос. пед. ун-та.

РОДИОНОВА Елена Александровна, ассистент каф. предпринимательства и малого бизнеса КГУ им. Н.А. Некрасова.

САФОНОВА С.В., Современная гуманитарная академия (г. Москва), руководитель сектора.

СВИРИДОВ Николай Никитович, д-р экон. наук, проф. каф. управления социально-экономическими системами КГУ им. Н.А. Некрасова.

СЕКОВАНОВ Валерий Сергеевич, канд. физ.-мат. наук, проф. каф. информатики и вычислительной математики КГУ им. Н.А. Некрасова.

СИРОТИНА Марина Валерьевна, канд. биол. наук, доц. каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

СИТНИКОВА Елена Александровна, ассистент каф. финансов и кредита Костромской гос. сельскохозяйственной академии.

СМИРНОВА Елена Александровна, соискатель каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

СОКОЛОВА Татьяна Леонидовна, аспирант каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

СТЕРЛЕДЕВ Роман Константинович, канд. филос. наук, доц. каф. философии Пермской гос. мед. академии.

СУРАВЕНКОВА Елизавета Игоревна, Мордовский гос. ун-тет им. Н.П. Огарёва.

СУСЛОВА Оксана Валентиновна, старший преподаватель каф. англ. яз. Челябинского гос. ун-та.

ТРАВИН Георгий Михайлович, д-р техн. наук, проф. каф. предпринимательства и малого бизнеса КГУ им. Н.А. Некрасова.

ТРУТНЕВА Любовь Александровна, соискатель каф. детских болезней Ивановской гос. мед. академии.

ФАЛИН Владимир Викторович, старший преподаватель каф. связи с общественностью Ухтинского гос. технического ун-та.

ЦУКЕРМАН Вячеслав Александрович, зав. отделом промышленной и инновационной политики Института экономических проблем Кольского научного центра РАН.

ЦУРИКОВ Алексей Владимирович, аспирант каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЦУРИКОВ Владимир Иванович, канд. физ.-мат. наук, докторант каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЧЕКМАРЕВА Людмила Михайловна, канд. экон. наук, Тюменская гос. сельскохозяйственная академия.

ЧЕКМАРЕВА Наталья Вячеславовна, канд. экон. наук, Московская Ордена Ленина и Ордена трудового Красного знамени сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева.

ШАЙХУТДИНОВА Гульнара Раифовна, канд. юрид. наук, Магистр права Северо-западного университета (г. Чикаго, США), доцент Академии управления "ТИСБИ", г. Казань.

ШИПИЛОВ Александр Дмитриевич, канд. ист. наук, доц., зав. каф. истории России КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЩЕРБАКОВА Юлия Павловна, аспирант Нижегородского гос. лингвистического ун-та им. Н.А. Добролюбова.

ЯКОВЛЕВ Виталий Юрьевич, канд. филос. наук, доц. каф. философии Костромского гос. технолог. ун-та.

ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ

Журнал «Вестник КГУ» публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Размер статей не должен превышать 10 страниц текста, включая библиографию и подписи под рисунками. Количество рисунков не должно превышать 6, в кратких сообщениях – 2.

Статьи, заказываемые редколлегией для обзора работ в одной из научных областей, могут иметь объем до 1 п.л.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в 1 экземпляре с дискетой (формат MS Word 7.0, рисунки в формате (*.bmp), (*.tif), (*.jpg), (*.psd), (*.pcx)). Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующие требования: кегль 14 через 1,5 интервала; поля 25 мм со всех сторон.

Материал должен быть тщательно отредактирован.

2. Построение статьи:

2.1. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима). Сведения об авторе (фамилия, имя, отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, должность).

2.2. Преамбула, объясняющая цель работы, актуальность проблемы.

2.3. Выводы.

2.4. Литературные ссылки.

3. Все страницы рукописи должны иметь сплошную нумерацию.

В тексте статьи необходимо дать ссылки на все рисунки и таблицы, которые, в свою очередь, должны быть озаглавлены.

Единицы измерения даются в соответствии с международной системой единиц (СИ).

Библиографический список помещается в конце статьи, авторы указываются в алфавитном порядке.

Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками.

Порядок оформления ссылок:

– Статья в журнале: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. От–до.

– Статья в сборнике трудов: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Город, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.)

– Монография или книга: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (или число страниц в книге __с.).

– Авторские свидетельства и патенты: А. с. номер. Название.

– Автореферат: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

4. Работы, опубликованные в других изданиях, не принимаются.

Статьи следует направлять по адресу:

156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14, Костромской государственный университет, корпус «В», кабинет 1.

vestnik@ksu.kostroma.net

Не принятые к публикации статьи возвращаются.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных
А.В. Каштанов
Д.А. Кораблев

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 13.10.2006
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. л. 26,2
Тираж 1000 экз.
Изд. № 241

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(0942) 31-65-61**, факс: **(0942) 31-65-61,**
E-mail: **vestnik@ksu.kostroma.net**

Цена свободная